

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

512v 4263.1.3

**HARVARD COLLEGE
LIBRARY**

**BOUGHT FROM
A SPECIAL APPROPRIATION FOR
DUPLICATE BOOKS**

СОЧИНЕНИЯ
ДЕРЖАВИНА

СЪ ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫМИ ПРИМЪЧАНІЯМИ

Я. ГРОТА.

2^Е АКАДЕМИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

(БЕЗЪ РИСУНКОВЪ.)

ТОМЪ ВТОРОЙ.

СТИХОТВОРЕНІЯ. ЧАСТЬ II.

53
САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

(Вас. Остр., 9 лн., № 12.)

1869.

Slav 4263.1.3

✓

HARVARD COLLEGE LIBRARY
BOUGHT FROM
DUPLICATE MONEY
APR 29 1938

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ. Санкт-петербургъ, іюнь 1869 года.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій*.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ I-й томъ нашего изданія вошли стихотворенія Державина за все время царствованія Екатерины II. Въ настоящемъ томѣ мы сочли удобнымъ остановиться на 1808 годѣ, такъ какъ въ этомъ году издано, при жизни поэта, собраніе его сочиненій въ четырехъ частяхъ, доставившихъ главное содержаніе для первыхъ двухъ томовъ нашего изданія. Напечатанная имъ въ 1816 году пятая часть войдетъ, вмѣстѣ съ неизданными его стихами, въ составъ слѣдующаго тома; изъ нея мы сообщаемъ теперь только то небольшое, что относится еще къ 1807 и 1808 годамъ.

Все, написанное Державинимъ послѣ 1796 года, вообще гораздо менѣе извѣстно, нежели прежнія его произведенія, которыми онъ наиболѣе обязанъ своею славой. Между тѣмъ и изъ позднѣйшихъ его стихотвореній многія весьма замѣчательны: въ нихъ есть мѣста, которыя запечатлѣны такою силою таланта, что, не смотря на нѣсколько устарѣвшій языкъ и на шероховатости, неразлучныя почти съ каждою пьесой Державина,

они никогда не потеряютъ цѣны. Вотъ почему не бесполезно будетъ обозрѣть здѣсь хотя бѣгло содержаніе этого тома.

По количеству заключающихся въ немъ стихотвореній видно, что производительность поэта послѣ Екатерины нисколько не ослабѣла. Изъ двѣнадцати годовъ, обнимаемыхъ настоящимъ томомъ, скуденъ одинъ только 1803-й, въ которомъ Державинъ занималъ высокій постъ министра. Изъ духовныхъ стихотвореній этого тома особеннымъ богатствомъ содержанія отличается *Безсмертіе души*. Надежды, какія возбуждало начало царствованія Павла, отразились и на поэзіи Державина: оды *На Новый годъ*, *Къ Музу*, *На Мальтійскій орденъ* служатъ отголоскомъ общихъ отрадныхъ ожиданій. Другую сторону настроенія поэта показываютъ его извѣстныя два стихотворенія: *На возвращеніе гр. Зубова изъ Персіи* и *Развалины*.

Изъ остальныхъ одъ укажемъ на вызванныя смертію И. И. Шувалова (*Урна*), Л. А. Нарышкина и великой княгини Александры Павловны (*Эродій надъ гробомъ праведницы*); но особенно заслуживаютъ быть упомянутыми пьесы, которыя написаны по поводу вызова изъ деревни, побѣдъ и кончины Суворова (*Орелъ*, *На переходъ Альпійскихъ горъ* и *Снигирь*). По картинамъ природы достойно вниманія *Утро*. Наступленіе для Россіи новаго вѣка съ воцареніемъ Александра I и нѣкоторыя событія въ его борьбѣ съ Наполеономъ отозвались на лирѣ Державина стихотвореніями, изъ которыхъ часть можетъ быть причислена къ счастливымъ его произведеніямъ. Наконецъ не должны быть забыты посланія къ *Храповицкому*, *Капнисту*, *Тончию*, *Олеину*, *Евгенію*, *Атаману* (Платову) и др.; далѣе многія подражанія древнимъ (напр. *Похвала сельской жизни*, *Горючій ключъ*, *Геркулесъ*), обширный отдѣлъ переводовъ изъ

Анакреона, также оригинальныя эротическія и т. п. пьесы (между прочимъ *Арфа*, *Русскія дѣвушки*, *Цыганская пляска*, *Амбаумъ*).

Рукописи поэта, служившія намъ пособіемъ при редакціи настоящаго тома, принадлежать къ числу тѣхъ, которыя уже описаны въ Предисловіи къ I-му тому. Присовокупимъ только объ одной изъ нихъ небольшое замѣчаніе. Было сказано, что автографъ Казанскаго университета, описанный подъ цифрою 7, конченъ не позже 1802 года; впоследствии мы имѣли основаніе убѣдиться, что вся эта тетрадь составила въ 1797 и 1798 годахъ (о чемъ подробнѣе см. ниже на стр. 152).

Принятый нами въ основаніе хронологическій порядокъ сочиненій могъ быть соблюдаемъ здѣсь, вообще говоря, съ болѣею точностію нежели въ предыдущемъ томѣ, потому что къ позднѣйшимъ произведеніямъ своимъ самъ поэтъ присоединялъ въ рукописяхъ обстоятельныя указанія этого рода. Такимъ образомъ мы могли, болѣею частью, располагать стихотворенія не только по годамъ, но и по мѣсяцамъ, мѣстами даже по днямъ, къ которымъ они относятся. При тѣхъ источникахъ, какіе находятся въ нашихъ рукахъ, само собою разумѣется, что многія изъ хронологическихъ данныхъ, случайно являвшихся въ прежнихъ изданіяхъ Державина, оказались невѣрными и исправлены нами; съ другой стороны, время сочиненія значительнаго числа стихотвореній его оставалось до сихъ поръ вовсе неизвѣстнымъ и нынѣ въ первый разъ опредѣляется съ несомнѣнною точностію.

Помѣстивъ въ Предисловіи къ I-му тому эпитаграфъ, при которомъ Державинъ посвятилъ свои стихотворенія Екатеринѣ II, передаемъ теперь другой эпитаграфъ, приложенный имъ ко 2-й

части изданія 1808 года вслѣдъ за посвященіемъ императору Александру I: «Мы не намѣрены ласкать ему нигдѣ, яко существу высочайшему, или яко нѣкоему божеству: «ибо говоримъ не о тиранѣ, но о Гражданинѣ, не о Государѣ, но объ Отцѣ отечества, который почитаетъ себя намъ равнымъ, но тѣмъ паче насъ превышаетъ, чѣмъ болѣе равняетъ себя съ нами.» (Плиній въ словѣ императору Траяну)*.

* Первые строки взяты Державинимъ слово въ слово изъ перевода А. А. Нартова (вѣроятно, съ нѣмецкаго), издавнаго въ Петербургѣ 1777 года. Начиная отъ слова *который*, Державинъ выражается нѣсколько иначе. Именно у Нартова сказано: «Онъ почитаетъ себя равнымъ намъ; и тѣмъ паче превышаетъ, что равняетъ себя съ нами». Въ подлинникѣ соотвѣтствуетъ эпиграфу слѣдующее мѣсто: «Nusquam ut deo nunc, nusquam ut numini, blandiamur. Non enim de tyranno, sed de cive; non de domino, sed de parente loquimur. Unum ille se ex nobis, et hoc magis excellit atque eminent, quod unum ex nobis, putat» (С. Plinii secundi Panegyricus etc. Norimbergae, 1746). Похвальное слово Траяну впоследствии переведено съ латинскаго Я. Толмачевымъ; этотъ переводъ изданъ въ Спб. 1820 года.

Я. Гротъ.

ОГЛАВЛЕНИЕ ТОМА II.

	Стр.
Предисловіе	III
СТИХОТВОРЕНІЯ отъ 1797 до 1808 года:	
1797.	
1. Безсмертіе души	1
2. Молитва	8
3. На новѣй 1797 годъ	10
4. На возвращеніе графа Зубова изъ Персіи	19
5. Изъ Сафо	27
Приложеніе: Сафина ода. В. Жуковскаго	31
6. Храповицкому	32
Приложенія: Посланія А. В. Храповицкаго и Державина	34
7. Желаніе въ горня	36
8. Къ Музѣ	38
9. Пришествіе Феба	39
10. Возвращеніе весны	42
11. Купидонъ	44
Приложеніе	46
12. Праздникъ воспитанницъ дѣвичьяго монастыря	49
13. Даръ	59
14. Развалины	—
15. Желаніе	67
16. Бапвисту	—
17. Люси	74
18. Правосудіе	75
19. Рожденіе Красоты	77
20. Къ женщинамъ	79

	Стр.
21. Соловей во снѣ	80
22. Горючій ключъ	82
23. Венеринъ судъ	83
24. Къ лирѣ	85
25. Урна	87

1798.

26. На новыи 1798 годъ	91
27. На рожденіе великаго князя Миханла Павловича	94
28. О удовольствіи	98
29. На ворожбу	101
30. Похвала сельской жизни	102
31. Похвала за правосудіе	107
32. Къ самому себѣ	108
33. Геркулесъ	110
34. Богатство	112
35. Парашѣ	113
36. Портретъ Варюши	115
37. Арфа	116
38. Цѣпи	120
39. На бракъ графини Литты	121
40. На Мальтійскій орденъ	125
Приложенія: 1. Очеркъ исторіи сношеній Россіи съ Мальтій-	
скимъ орденомъ	136
2. Нѣсколько свѣдѣній о Лабзинѣ	143
3. Просьба Мальтійскаго ордена къ императору	
Павлу	146
4. Извѣстіе Львова о Мальтійскихъ кавалерахъ ..	147
5. Шуточные стихи Львова	148
41. Вѣнецъ безсмертія	149

1799.

42. Стрѣлокъ	153
43. Орель	154
44. Пѣночка	156
45. Русскія дѣвушки	157
46. Пѣснь Баярда	158
47. Варюша	159
48. Рожденіе Любви	160

ОГЛАВЛЕНІЕ ТОМА II.

IX

	Стр.
49. Горыя	161
50. Горы	—
51. Виша	162
52. Братское согласіе	163
53. Мельникъ	164
54. На кончину императрицы Екатерины II и на восшествіе на престолъ императора Павла I	—
55. Вверхъ	166
56. На побѣды въ Италіи	—
Приложеніе: Письмо Н. А. Львова	171
57. На переходъ Альпійскихъ горъ	173
58. На брачныя торжества	190
59. На смерть Нарышкина	193
60. Введеніе Соломона въ судилище	197

1800.

61. Утро	200
62. Гимнъ Богу	204
63. Первая пѣснь Пиндара пноическая	209
64. Гитара	219
65. Снигирь	220
66. Гимнъ Сафы Венерѣ	223
67. Птицеловъ	226

1801.

68. На восшествіе на престолъ императора Александра I.	227
Приложеніе: Изъ дневника И. А. Второва	233
69. Приношеніе красавицамъ	235
70. Тишина	236
71. Явленіе Аполлона и Дафны на невскомъ берегу	237
72. Хоръ I на коронацію императора Александра I	239
73. Хоръ II на тотъ же случай	—
74. Вѣнчаніе Лели	240
75. На коронацію императора Александра I.	243
76. Гимнъ Кротости	244
77. Графиня Орловой	247
78. Бесѣда съ Геніемъ	248
79. Голубка	249
80. На разлуку	251
81. Тонцію	252

	Стр.
1802.	
82. Крестьянинъ и дубъ.....	258
83. Къ царевичу Хлору.....	259
84. Гимнъ Солнцу.....	264
85. Лизѣ. Похвала розѣ.....	267
86. Кузнечикъ.....	271
87. Охотникъ.....	273
88. Пѣвникъ.....	274
89. Любушкѣ.....	275
90. Шуточное желаніе.....	276
91. Старикъ.....	277
92. Бабочка.....	278
93. Хмель.....	—
94. Анакреоново удовольствіе.....	280
95. Мореходецъ.....	281
96. Махиавелъ.....	—
97. Деревенская жизнь.....	282
1803.	
98. Къ Скопихину.....	283
99. Свобода.....	287
100. Память другу.....	288
1804.	
101. Фонарь.....	292
102. Мужество.....	297
103. Весна.....	301
104. Волковъ Кубрѣ.....	304
105. Маневры.....	308
106. Оленину.....	310
107. Лебедь.....	314
108. Вниманіе.....	317
109. Утѣшеніе добрымъ.....	318
110. На безбожниковъ.....	321
111. Фалконетовъ Купидонъ.....	322
112. Пиррѣ.....	324
113. На пастушій балетъ.....	325
1805.	
114. Монументъ милосердію.....	326

ОГЛАВЛЕНІЕ ТОМА II.

XI

	Стр.
115. Зима	331
116. Время	334
117. Цирцея	336
118. Дѣва за арфою	339
119. Лѣто	342
Приложеніе: Къ Г. Р. Державину, стих. И. Дмитріева	343
120. Цыганская пляска	344
121. Мщеніе	345
122. Чечотка	347
123. Осень	—
124. Четыре возраста	349
125. Пиндарова олимпическая первая пѣснь	350
126. Походъ Озиріда	358
127. Гласъ санктпетербургскаго общества	360

1806.

128. На Багратіона	364
129. Озерову, на приписаніе Эдипа	365
130. Эродій надъ гробомъ праведницы	368
131. Облако	374
132. Громъ	377
133. Радуга	380
134. Распускающаяся роза	381
135. Графу Стейнбоку	382
136. На рожденіе великой княжны Елисаветы Александровны	384
137. На отправленіе въ армію фельдмаршала графа Каменскаго ..	386

1807.

138. Дѣтямъ, на комедію ихъ и маскарадъ	388
139. Персей и Андромеда	389
140. Цѣпочка	394
141. Къ матери, которая сама воспитываетъ дѣтей своихъ	—
142. Къ добродѣтельной красавицѣ	395
143. Соломонъ и Суламита	396
144. На выступленіе корпуса гвардіи въ походъ	400
145. Молитва по отъѣздѣ въ армію Александра I.	401
146. Мои граціи	403
147. Блаженство супруги	—
148. Евгенію. Жизнь званская	404

	Стр.
149. Признаніе.....	414
150. Атаману и войску Донскому.....	416
151. Лучъ.....	422
152. На миръ 1807 года, Государынямъ Императрицамъ.....	428
153. Поминки.....	429
154. Надежда на Бога.....	430
155. Сѣтованіе.....	432
156. Проповѣдь.....	433
157. Благодарность.....	435
158. Умиленіе.....	436
1808.	
159. Издателью монахъ пѣсней.....	437
160. На балетъ Зефиръ и Флора.....	440
161. Альбаумъ.....	441
162. Посылка плодовъ.....	443
163. Прогулка.....	444
164. Задумчивость.....	—
165. Плачь Царицы.....	445
166. Обитель Добрады.....	447
167. Водометъ.....	457
Алфавитный списокъ сочиненій тома II.....	459

СТИХОТВОРЕНІЯ

ОТЪ 1797 ДО 1808 ГОДА.

1. БЕЗСМЕРТІЕ ДУШНІ¹.

1797.

Умолкни, чернь непросвѣщенна, 1
Слѣпыя свѣта мудрецы²! —
Небесна истина, священна!
Твою мнѣ тайну ты прорцы.
Вѣщай: я буду ли жить вѣчно?
Безсмертна ли душа моя?
Се слово мнѣ гремитъ предвѣчно:
Жизнь Богъ — жива душа твоя!
Жива душа моя! — и вѣчно 2
Она жить будетъ, безъ конца;
Сіянье длитъя безпресѣчно,
Текуще свѣта отъ Отца.
Отъ лучезарной Единицы,
Въ комъ всѣхъ существъ вратится кругъ,
Какія ни текутъ частицы,
Всѣ живы, вѣчны: — вѣчень духъ.
Духъ тонкій, мудрый, сильный, сущій³ 3 ✓
Въ единый мигъ и тамъ и здѣсь,
Быстрѣе молніи текущій
Всегда, вездѣ и вкупѣ весь, ✓
Неосязаемый, незримый, ✓
Въ желаньи, въ памяти, въ умѣ
Непостижимо содержимый,
Живущій внутри меня и внѣ;
Духъ, чувствовать, внимать способный, ✓ 4
Все знать, судить и заключать,
Какъ легкій прахъ, такъ міръ огромный
Вкругъ мѣрять, вѣсить, исчислять,
Ревущи отвращать перуны,
Черезъ бездны преплывать морей,

Сквозь своды воздуха лазурны
 Свѣтъ черпать солнечныхъ лучей;
 Могущій время скоротечность, 5
 Прошедше съ будущимъ вязать,
 Воображать блаженство, вѣчность
 И съ мертвыми совѣтъ держать,
 Плѣняться истинѣ красотою,
 Надѣяться безсмертнымъ быть, —
 Сей духъ возможетъ ли косою
 Пресѣчься смерти и не жить?
 Какъ можно, чтобы царь всемірный ⁴, 6
 Господь стихій и вещества ^a,
 Сей духъ, сей умъ, сей огонь эфирный,
 Сей истый образъ Божества,
 Являлся съ славою такою,
 Чтобъ только мигъ въ семь свѣтѣ жить,
 Потомъ покрылся бъ ^b вѣчной тмою?
 Нѣтъ, нѣтъ! сего не можетъ быть.
 Не можетъ быть, чтобъ съ плотью тлѣнной, 7
 Не чувствуя нетлѣнныхъ силъ,
 Противу смерти разъяренной
 Въ сраженіе воинъ выходилъ;
 Чтобъ властью царь не ослѣплялся,
 Судья противъ даровъ стоялъ,
 И человекъ съ страстями сражался,
 Когда бы духъ не укрѣплялъ.
 Сей духъ въ пророкахъ предвѣщаетъ ⁵, 8
 Парить въ пѣнахъ въ высоту,
 Въ витіяхъ ^v сонмы убѣждаетъ,
 Съ народовъ гонить слѣпоту;
 Сей духъ и въ устахъ не боится
 Тиранамъ правду говорить:
 Чего безсмертному страшиться?
 Онъ будетъ и за гробомъ жить.
 Премудрость вѣчная и сила, 9
 Во знаменье чудесъ своихъ,
 Въ персть земну ^r душу, духъ вложила
 И такъ во мнѣ связала ихъ,
 Что сдѣлались они причастны

Другъ друга свойствъ и естества:
Въ сей водворился міръ прекрасный
Безсмертный образъ Божества!

Безсмертенъ я! — и увѣряетъ 10
Меня въ томъ даже самый сонъ:
Мои онъ чувства усыпляетъ,
Но дѣйствуетъ душа и въ немъ;
Оставя неподвижно тѣло,
Лежащее въ моемъ одрѣ,
Она свой путь свершаетъ смѣло,
Въ стихійной пролетая прѣ.

Сравнимъ ли и прошедши годы 11
Съ исчезнувшимъ, минувшимъ сномъ:
Не всѣ ли виды намъ природы
Лишь бывшихъ мечтъ явятся сонмъ?
Когда жъ оспорить то не можно,
Чтобъ въ прошломъ времѣ не жилъ я:
По смертномъ снѣ такъ непреложно
Жить будетъ и душа моя⁶.

Какъ тма есть свѣта отлученье, 12
Такъ отлученье жизни — смерть;
Но коль лучей, во удаленѣ,
Умершими нельзя почестъ,
Такъ и души, отшедшей тѣла:
Она жива, какъ живъ и свѣтъ;
Превыше тлѣннаго предѣла
Въ своемъ источникѣ живетъ.

Я здѣсь живу, — но въ цѣломъ мірѣ 13
Крылата мысль моя парить;
Я здѣсь умру, — но и въ эфирѣ
Мой гласъ по смерти возгремитъ.
О! если бъ стихотворство знало
Брать краску солнечныхъ лучей, —
Какъ ночью бы луна¹, сіяло
Безсмертіе души моей.

Но если нѣтъ души безсмертной, 14
Почто жъ живу въ семъ свѣтѣ я?
Что въ добродѣтели мнѣ тщетной,
Когда умереть душа моя?

Мнѣ лучше, лучше быть злодѣемъ е,
 Попрать законъ, низвергнуть власть,
 Когда по смерти мы имѣемъ,
 И злой и добрый, равну часть.

Ахъ, нѣтъ! — коль плоть, разрушась, тлѣнна 15
 Мертвила бѣ нашъ и духъ съ собой,
 Давно бы потряслась вселенна,
 Земля покрылась кровью, мглой;
 Упали бѣ ^а троны, царства, грады,
 И все погибло бѣ золь въ борбѣ;
 Но духъ безсмертный ждетъ награды
 Отъ правосудія себѣ.

Дѣла и сами наши страсти — 16
 Безсмертѣя знаки нашихъ душъ:
 Богатствъ алкаемъ, славы, власти;
 Но, всѣ ихъ получа, мы въ ту жъ
 Минуту вновь — и близъ могилы —
 Не престаемъ еще желать;
 Такъ мыслей простираемъ крылы,
 Какъ будто бѣ ввѣкъ не умирать.

Нашъ прахъ слезами оросится, 17
 Гробъ скоро мохомъ зарастетъ;
 Но огонь отъ праха ^з въ томъ родится,
 Надгробну надписъ кто прочтетъ:
 Блеснетъ, — и вновь подъ небесами
 Начнетъ свой фениксъ новый кругъ ^г.
 Все движется, живетъ дѣлами,
 Душа безсмертна, мысль и духъ.

Какъ сѣрный паръ прикосновеньемъ 18
 Вмигъ возгарается огня,
 Подобно мысли сообщеньемъ
 Возможно вдругъ возжечь меня;
 Вослѣдъ же моему примѣру
 Пойдетъ отважно и другой:
 Такъ дѣлъ и мыслей атмосферу
 Мы простираемъ за собой!

И всяко сѣмя роду сродно 19
 Какъ своему приносить плодъ,
 Такъ всяка мысль себѣ подобно

Дѣянье за собой ведетъ.
 Благіе въ мірѣ духи, злые
 Суть вѣчны чада сихъ сѣмень;
 Отъ нихъ тѣ свѣтъ, а тму другіе
 Въ себя приѣмлютъ, жизнь иль тлѣнь.

Бываю весель и спокоень,
 Когда я сотворю добро;
 Бываю скучень и разстроень,
 Когда содѣлаю я зло:
 Отколь же разность чувствъ такая?
 Отколь борьба и перевѣсъ?
 Не то ль, что плоть есть персть земная,
 А духъ — вліяніе небесъ?

Отколѣ, чувствъ по насыщеньѣ,
 Объемлетъ душу пустота?
 Не оттого ль, что наслажденье
 Для ней благъ здѣшнихъ — суета,
 Что есть для насъ другой міръ краше,
 Есть вѣчныхъ радостей чертогъ?
 Безсмертіе — стихія наша,
 Покой и верхъ желаній — Богъ!

Болѣзнью изнуренна смертною⁸
 Зрю мужа праведна въ одрѣ,
 Покрытаго ужъ тѣнью мертвой;
 Но при возблещущей зарѣ
 Надъ нимъ прекрасной, вѣчной жизни
 Горѣ онъ взоръ возводитъ вдругъ;
 Спѣша въ объятіе отчизны,
 Съ улыбкой испускаетъ духъ.

Какъ червь, оставя паутину
 И въ бабочкѣ взявъ новыи видъ,
 Въ лазурну воздуха равнину
 На крыльяхъ блещущихъ летитъ,
 Въ прекрасномъ веселясь убранствѣ,
 Съ цвѣтовъ садится на цвѣты:
 Такъ, и душа, небесъ въ пространствѣ
 Не будешь ли безсмертна ты?

О нѣтъ! безсмертіе прямое —
 Въ единомъ Богѣ вѣчно жить,

Покой и счастье святое⁹
 Въ Его блаженномъ свѣтѣ чтить.
 О радость! о восторгъ любезный!
 Сіяй, надежда¹⁰, лучъ лія,
 Да на краю воскликну бездны:
Жизнь Богъ — жива душа моя!

⁹ Господь стихіевъ, вещества (Первонач. рукоп.).

⁶ Потомъ сокрыться ...

⁷ Витійствомъ ...

⁸ Въ плоть тлѣнну ...

⁴ Въ нощи будто луна ...

⁶ Мнѣ прибыльнѣе быть злодѣемъ.

^ж Поверглись троны ...

⁸ ... отъ пепла ...

^н Утѣшь, надежда ...

¹ Начальныя двѣ строфы написаны еще въ 1785 г., въ Петрозаводскѣ (см. томъ I нашего изданія, стр. 149, примѣч. 1 къ *Уповающему на свою силу*); но все остальное — только въ исходѣ 1796*. Стихотвореніе было напечатано, какъ говоритъ Державинъ (*Об.*), отдѣльно въ 1797 году. Потомъ оно помѣщено въ изданіи 1808, ч. II, 1.

² Слѣпыя свѣта мудрецы.

Въ изданіи 1808 г. *мира мудрецы*; но въ экземплярѣ, принадлежащемъ Державину, поправлено его рукою, согласно съ рукописями: «свѣта мудрецы».

³ Духъ тонкій, мудрый, сильный, сущій и проч.

Мицкевичъ въ своихъ лекціяхъ о русской литературѣ, читанныхъ имъ въ Парижѣ, выставляя самостоятельный ходъ мыслей оды, не замѣшаванный у философовъ восемнадцатаго вѣка, восхищается особенно этою строфой и входитъ по поводу ея въ подробное объясненіе слова *духъ*, которому онъ не находитъ соответствующаго во французскомъ языкѣ**:

* Мы позволили себѣ отнести къ 1797 году то, что написано Державинымъ въ исходѣ предыдущаго, послѣ кончины Екатерины II.

** Нелишнимъ считаемъ помѣстить здѣсь въ переводѣ всѣ три слѣдующіе за симъ отрывка изъ лекціи Мицкевича: «Чрезвычайно важно въ точности опредѣлять значеніе слова *духъ*, потому что отъ него происходитъ, можно сказать, цѣлая треть словъ обширнаго семейства славянскихъ языковъ (?) ... Итакъ *духъ* не соответствуетъ французскому *esprit*, какъ его разумѣетъ большая часть философовъ или какъ обыкновенно принимаютъ его, но означаетъ духовнаго, внутренняго челоуѣка, одушевляющаго тѣло, — *spiritus* въ смыслѣ библейскомъ. Нашъ поэтъ разумѣетъ здѣсь духъ по идеямъ и чувствамъ дѣйствительно славянскимъ; онъ не принимаетъ теоріи тѣхъ философовъ, которые смотрятъ на умъ какъ на высшую часть челоуѣческаго духа; онъ не признаетъ также души и тѣла отдѣльными частями; онъ говоритъ, что *Духъ* существуетъ самъ по себѣ и отдѣльно, что онъ воплощается

«Il est essentiellement important», говоритъ онъ между прочимъ, «de préciser la signification de ce mot *Duch*, parcequ'on peut dire qu'un tiers des mots de la vaste langue slave dérive de ce seul mot (?)... *Duch* signifie donc, non pas *l'esprit* (*mens*) tel qu'il est compris par la plupart des philosophes, non pas *l'esprit* suivant l'acception vulgaire du mot, mais l'homme spirituel, l'homme intime qui anime le corps, le *spiritus* dans le sens biblique. Notre poète conçoit ici l'Esprit d'après l'idée et les sentiments réellement slaves; il n'accepte pas la théorie des philosophes qui regardent l'intelligence comme la partie sublime de l'esprit humain; il ne regarde pas non plus l'âme et le corps comme parties séparées; il dit que *Duch* existe en lui-même et séparément, qu'il s'incarne tantôt dans les désirs, tantôt dans l'intelligence, tantôt dans le coeur, mais sans être absorbé par aucun de ces organes. Ainsi, l'intelligence, le corps, le coeur sont des organes, et non pas des parties de l'Esprit. Nulle part on ne trouve cette idée profondément slave aussi bien exprimée que dans ces strophes de Dierzavin.» Переходя потомъ къ одѣ *Христосъ* и ставя нѣкоторые стихи ея выше всего, что писалъ Державинъ, Мицкевичъ замѣчаетъ: «Il est malheureux que les historiographes russes, au lieu de marquer l'année où le poète recevait des décorations et des grades, n'aient pas fixé la date de ses diverses compositions.» Изъ этихъ словъ видно, что Мицкевичу не были извѣстны ни *Ключъ къ сочиненіямъ* Державина, ни *Обясненія* его*, хотя впрочемъ ни тотъ, ни другой комментарий дѣйствительно не опредѣляютъ времени сочиненія оды *Христосъ* (1814); время, когда написано *Безсмертіе души*, напротивъ, указано обоими комментаріями. Тѣмъ не менѣе Мицкевичъ прибавляетъ: «Je suis porté à croire que cette ode (*Христосъ*) et celle sur l'immortalité de l'âme datent de sa première jeunesse» (!). См. Pisma Adama Mickiewicza, Paryż, 1860, tom IX, стр. 56.

* Какъ можно, чтобы царь всемірный и проч.

Въ бумагахъ Державина мы нашли особый листъ съ замѣчаніями духовнаго цензора, писанными вѣроятно въ 1797 году, на оду *Безсмертіе души***.

Первое изъ нихъ относится къ этой строфѣ и изложено въ слѣдующемъ: «Я полагаю, что оды *Христосъ* и *Безсмертіе души* написаны имъ въ первой молодости. (На дѣлѣ выходитъ, что первую онъ написалъ на 72-мъ году, а вторую началъ 42-хъ, кончилъ 53-хъ лѣтъ отъ роду).

* *Ключъ* изданъ въ 1822, *Обясненія* въ 1834 г.; а Мицкевичъ читалъ свои лекціи въ 1841.

** Общая цензура была учреждена въ 1796 г.; духовная — въ 1797. Въ Петербургѣ духовнымъ цензоромъ назначенъ былъ архимандритъ Антоній Знаменскій и отправлялъ эту должность до 1799 г. Преемникомъ его по цензурству былъ протоіерей Стахій Колосовъ. Въ Москвѣ, въ ту же пору, была

дующихъ словахъ: «Духъ человѣка именуется *царь всемірный, юсподь стѣшесть, ошчества*. Хотя г. авторъ показываетъ основанія, на коихъ утверждается право души человѣческой на онны высокія титулы; но многимъ изъ читателей могутъ онны подать поводъ къ сомнѣнію о правильности ихъ.»

⁵ Сей духъ въ пророкахъ предвѣщаетъ.

Второе замѣчаніе духовнаго цензора: «Ежели это говорится, въ собственномъ смыслѣ слова, о пророкахъ политическихъ системъ съ счастливыми догадками: то имѣть свою справедливость. Въ собственномъ христіанскомъ разумѣ предвѣщаніе сіе принадлежитъ токмо Духу Бога и присвоительно Св. Духу.»

⁶ Жить будетъ и душа моя.

Вмѣсто этого было сперва: «Воскреснетъ и душа моя,» противъ чего духовный цензоръ въ третьемъ и послѣднемъ замѣчаніи своемъ возразилъ: «Сего душѣ, точно говоря, приписать не можно. Правда, здѣсь предварено: *по смертномъ си*; однако и сіе можетъ дать случай кривому толку, какъ нѣкоторые думали уже, что души до воскресенія находятся въ состояніи сна и мертвости.» Эти весьма умѣренные замѣчанія вадѣли самолюбіе Державина, и онъ набросалъ на списокъ ихъ колкій отвѣтъ. Но объ этомъ въ другомъ мѣстѣ.

⁷ Начнетъ свой фениксъ новый кругъ.

Первоначально было: «Младый орелъ начнетъ свой кругъ.» Ср. «Въ ихъ урнахъ фениксы взродятся» (томъ I, стр. 427) и «Одна лишь персть твоя осталась» и проч. (тамъ же, стр. 231 и сл.).

⁸ Богѣзнью изнуренна смертною.

Въ первоначальной редакціи не было всей этой строфы, прибавленной передъ напечатаніемъ оды въ изданіи 1808 г. Слѣдующую, предположенную строфу, сказано въ *Ключъ къ соч. Д.*, авторъ предпочиталъ всѣмъ прочимъ.

⁹ Покой и счастье святое.

Въ изд. 1808 г. «счастье прямое» — опечатка.

2. МОЛИТВА ¹.

О Боже, душъ Творецъ безсмертныхъ 1
И всѣхъ, гдѣ существуетъ кто!
О Единица числъ несмѣтныхъ,
Безъ коей всѣ они — ничто!
О Средоточіе! Согласье!
Все содержащая Любовь!

учреждена духовная цензура въ Донскомъ монастырѣ. Тамъ съ 1800 г. предсѣдателемъ духовно-цензурнаго комитета былъ Богоявленскій архимандритъ Викторъ Прокоповичъ-Антонскій (И. Чистовичъ). — Цензоромъ *Безсмертія души* былъ, какъ оказывается по всѣмъ соображеніямъ, Антоній Знаменскій.

Источникъ жизни, блага, счастья,
И малыхъ и большихъ мировъ!

Коль Ты лишь духомъ наполняешь
Своимъ цѣвницы твари всей²,
Органомъ симъ увеселяешь
Себя средь вѣчности Твоей,
И вокругъ отъ мириадовъ звѣздныхъ,
Піющихъ свѣтъ съ Твоихъ очесъ,
Самъ черпалъ блескъ лучей любезныхъ
И льешь ихъ въ океанъ небесъ;

И мнѣ, по плоти праху тлѣнну,
Когда на тотъ одинъ конецъ
Ты вдунулъ душу толь священну,
Чтобы въ гармонию, Творецъ,
И я вошелъ Твою святую:
О! ниспосли жъ мнѣ столько силъ,
Чтобъ развращенну волю злую
Твоей я волѣ покорилъ,

И такъ бы сдѣлалъ душу чисту,
Какъ водный ключъ, сквозь блатъ гнилыхъ,
Какъ запахъ розъ, сквозь дѣбрь дымисту,
Какъ лучъ небесъ, сквозь безднъ ночныхъ
Протекши, тѣми же бываютъ,
Что были въ существѣ своемъ,
Или свѣтлѣй еще сіяютъ,
Чѣмъ злато, жженое огнемъ.

Подаждь, чтобъ все мое желанье,
Вся мысль моя единъ былъ Ты,
И истинъ бы Твоихъ алканье
Пожрало міра суеты;
Чтобъ правды, совѣсти, закона,
Которы мнѣ Ты въ грудь вліялъ,
Изъ подлести, хотя бъ у трона,
Я ни на что не промѣнялъ;

Чтобъ, зная мое происхожденье³,
Моихъ достоинствъ я не тмилъ;
Твоей лишь волѣ въ угожденье
Въ лицѣ царя Твой образъ чтилъ;
Чтобы, трудясь я безвозмездно,

Творилъ самимъ врагамъ добро,
И какъ Тебѣ добро любезно,
Такъ ненавидѣль бы я зло;
Несчастливыхъ, утѣсенныхъ слезу
Чтобы спѣшилъ я отирать;
Сердца, подобныя желѣзу,
Моей горячностью смягчать;
Чтобъ не былъ я ни гордъ, ни злобенъ;
На лонѣ нѣгъ не воздремалъ;
Но былъ душой Тебѣ подобенъ
И всю ее съ Тобой сливалъ.

7

О, сладка мысль и дерзновенна —
Желать съ Творцомъ сляянну быть!
Когда придетъ неизреченна
Мнѣ радость та, чтобъ въ Богѣ жить?
Когда съ Тобой соединюся,
Любви моей, желаній край!
Гдѣ предъ лицомъ Твоимъ явлюся,
Тамъ мрачный адъ мнѣ будетъ рай!

3

¹ Написана въ одно время съ *Безсмертіемъ души* и вмѣстѣ съ этой одой напечатана отдѣльно въ 1797 г. (*Об. Д.*); во второй разъ — въ изданіи 1808, ч. II, х.

² Своимъ цѣвницамъ твари всей.

По *Об. Д.*, здѣсь подъ *цѣвницами* разумѣются жизненные сосуды. 7-й стихъ 1-й строфы ср. съ стихомъ оды *Богъ*: «Источникъ жизни, благъ податель.»

³ Чтобъ знавъ мое происхожденіе — т. е. созданіе по образу и подобию Божію.

3. НА НОВЫЙ 1797 ГОДЪ ¹.

Занесъ послѣдній шагъ — и, въ вѣчность
Ступя, сокрылся прошлый Годъ;
Пожрала мрачна неизвѣстность
Его стремленье, быстрый ходъ.
Гдѣ ризы свѣтлы, златозарны,
Гдѣ взоры голубыхъ очесъ ²?
Гдѣ вѣкъ Екатерины славный?
Ужъ нѣтъ ихъ! — Въ высотѣ небесъ

1

Явился Новый Годъ намъ въ мірѣ
И Павелъ въ блещущей порфирѣ.

Онъ поднялъ скиптръ — и пробѣжала

2

Струя съ небесъ^а во мракъ темницъ^б;
Цѣпь звучно съ узниковъ упала
И процвѣла ихъ блѣдность лицъ;
Въ объятяхъ семьи восхищенныхъ
Облобызали возвращенныхъ
Сыновъ и братьевъ и мужей;
Плоды трудовъ, свой хлѣбъ насущный,
Узрѣлъ всякъ въ житницѣ своей.
Подобно, утра царь воздушный^б,
Выходитъ солнце въ подвигъ свой:
Блеснетъ лишь посреди ээира,
Бываетъ благодѣтель міра
Отрадой, свѣтомъ, теплотой.

Онъ принялъ мечъ — и лучъ горящій

3

Въ рукѣ его увидѣлъ врагъ;
Пронесся духъ животворящій
Въ градахъ, въ домахъ, въ полкахъ, въ судахъ.
Всѣхъ ранній пѣтель возбуждаетъ,
Отъ сна всякъ къ дѣлу поспѣшаетъ
И долгъ свой тщательно творитъ;
Всякъ движется, стремится^в, внемлетъ:
На стогнѣ крѣпко стражъ стоитъ,
Передъ зеркаломъ судъ не дремлетъ,
Скрываетъ Злость главу свою
Подъ царскимъ^г бдительнымъ призоромъ;
Орель съ высотъ такъ быстрымъ взоромъ
Шипящу въ мракѣ зреть змію.

Возсѣлъ на тронъ — и освѣтилась

4

Душа его огнемъ щедротъ:
Сѣдина почестями покрылась;
Сбираютъ^а бѣдныхъ, вдовъ, сиротъ;
Увѣчныхъ воевъ^б награждаютъ;
Прощенье недруги внимаютъ,
Заслуги получаютъ мзду.
Такъ Богъ въ величіи, во славѣ,
Во благовременну чреду,

Льетъ благодать своей державѣ
 Въ заряхъ, въ росахъ, въ дождяхъ, въ лучахъ;
 Всѣ руки къ небу воздѣвають
 И отъ него всѣ ожидаютъ
 Себѣ возможныхъ твари благъ.

Россія, лавромъ отягченну
 Отъ браней вознеся главу,
 Внимаетъ черезъ всю вселенну
 Гремящую о немъ молву:
 Кто сей, щедрѣй Екатерины
 И ревностнѣй еще Петра ⁴?
 Садитъ въ сердца ² блаженства крины,
 Потоки злата и сребра ³
 Воздержностью пролить желаетъ,
 Собою роскошь истребляетъ?

5

Кто сей, по образу Атланта
 На рамена поднявшій свѣтъ,
 Шагами твердыми гиганта
 Неробко чести въ храмъ идетъ?
 Грозитъ противнымъ не войною,
 Но мирной маслячной лозою,
 Нося при ней готовый громъ?
 Онъ дерзкихъ взглядомъ усмиряетъ;
 Христова Церковь Павла въ немъ ⁵
 Избранный тотъ сосудъ встрѣчаетъ,
 Который миръ, любовь и свѣтъ,
 Всѣ добродѣтели во нравы
 И жажду неземныя славы
 Въ благочестивы души льетъ;

6

Кто мудръ ума по просвѣщенью,
 А сердцемъ больше щедръ и благъ ²;
 Аттилѣ вслѣдъ къ распространенью
 Границъ не ступить ни на шагъ;
 Въ той истинѣ увѣренъ твердо,
 Что царство не войной цвѣтетъ,
 Онъ кровь народовъ милосердо
 Своихъ и вражнихъ блюдетъ.
 Водимый истиной святою,
 Законовъ подъ одной чертою.

7

Полсвѣту скорый¹ судъ дарить⁶,
 Обогащать торговлей грады,
 Плодомъ, стадами вертограды,
 Людьями пустыни заселить;

По долгу строгъ и правосудень,
 Но нѣженъ, милостивъ душой;
 На казнь жестоку медленъ, трудень⁷,
 Ждетъ исправленія людей;
 Виновныхъ милуетъ, прощаетъ,
 Несчастныхъ⁸ слезы отираетъ,
 Покоемъ жертвуетъ драгимъ,
 Участвовать въ трудахъ супругѣ⁸
 И сыновьямъ велить своимъ;
 Чистосердечья ищетъ въ другѣ⁹,
 Блаженствомъ общимъ дорожить,
 Народной споспѣшая льготѣ.
 По доблести и по щедротѣ
 Аврелій зрится въ немъ и Титъ.

Лети, о Новый Годъ! ты смѣло
 Съ сей вѣстью росскихъ въ слухъ сыновъ;
 Свершай предположенно дѣло
 Судьбами искони вѣковъ;
 Спѣши во древнюю столицу,
 Обрадуй тысячи сердець,
 Надѣнь на Павла багряницу
 И на главу его вѣнецъ
 Взложи отъ камня честнаго¹⁰,
 Въ залогъ намъ вѣка золотого.

Спѣши, укрась его супругу
 Подобной¹¹ почестью царя,
 Веселье лей земному кругу,
 Какъ восходящая заря;
 Намъ будущихъ вѣковъ блаженныхъ,
 Обильныхъ, мирныхъ, несравненныхъ,
 Начальникъ красный будь и вождь!
 Да съ твоего отнынѣ полета
 Во благовременьи¹² намъ дождь
 Весной прольется и средь лѣта
 И, нѣдра напоивъ¹³ земли,

Произраститъ златыя нивы;
 А вѣтры, парусъ вздувъ игривый,
 Поставятъ въ пристань корабли;
 Да мы подъ Павловымъ владѣнемъ
 Еще свѣтлѣе процвѣтемъ,
 И вѣкъ его безсмертнымъ^о пѣнемъ
 На лирахъ сердца воспоемъ;
 Побѣды громки^п позабудемъ
 И всѣхъ земныхъ народовъ будемъ
 Счастливей вънутрь, а вѣгъ сильней;
 О бывшемъ не вздохнемъ блаженствѣ,
 Коль будетъ духъ нашъ благъ полней,
 Коль предупѣемъ въ совершенствѣ,
 Въ дѣлахъ и мира и войны;
 Да здравье намъ^р цвѣтетъ царево
 И домъ его, какъ райско древо,
 Супруга, дщери и сыны!

11

А ты, о вождь полковъ нетлѣнныхъ¹¹,
 Летѣлъ что средь небесныхъ силъ
 Ко дню твоихъ торжествъ священныхъ,
 Какъ Павелъ на престолъ всходилъ!
 Храня его твоей рукою^с,
 Время впредь цѣпью золотою
 Крыматы годы сопряги;
 Веди ихъ всѣхъ цвѣтовъ стезями
 И счастье Россовъ береги,
 Да съ вѣрными себѣ сынами^г
 Отецъ нашъ вѣкъ не узритъ зла;
 Но брань ли возникнетъ, плъ коварство,
 Вкругъ облесни мечемъ ты царство, —
 И ихъ слѣды покроетъ^ж мгла!

12

^а Струя небесъ (1797).

^б Подобно такъ, намъ царь воздушный (Рукоп.).

^в ... трудится ...

Стражь крѣпко, бодрственно стоить.

^г Предъ царскимъ ... (1797).

^д Питаютъ ... (Рукоп.).

^е ... войновъ награждаютъ (1797).

^ж Садить въ сердцахъ (1797).

^з Въ домахъ потоки серебра (Рукоп.).

- А сердцемъ еще больше благъ (1797).
— И столько же по сердцу благъ (Рукоп.).
- і ... краткій судъ ...
- Съ гонимыхъ ...
— Съ невинныхъ ...
- і Взаимной ...
(Въ изд. 1808 подобно, но рукой Державина поправлено подобной).
- Во благовремени ...
(Ср. томъ I, стр. 167, строфа 17: *во благовремя*, о чемъ Капнисть замѣтилъ: «не хорошо»).
- ... напой ... (1797).
- о ... нетлѣннымъ ... (Рукоп.).
- п Побѣды, брани ...
- р ... Да здравіе ... (1797).
- с Возьми бразды своей рукою
Сего ты дня коней, и съ тмою
Время крылатыхъ сопряги (Рукоп.).
— Храня сей день твоей рукою,
Впредь съ цѣпью дней его златоу (1797).
- т Да царь, владѣющій днесъ нами,
Во весь свой вѣкъ не зрѣлъ бы зла, (Рукоп.)
Но брань коль возникнетъ иль коварство (1797).
- у ... покрыть ... (Рукоп.).

¹ По востшествіи на престолъ императора Павла, Державинъ, назначенный въ правители канцеляріи верховнаго совѣта, нѣсколько разъ просилъ у Государя инструкціи, и наконецъ своею настойчивостію навлекъ на себя гнѣвъ царскій: онъ былъ лишенъ новаго своего званія и вмѣстѣ права являться ко двору. Чтобы «возвратить къ себѣ благоволеніе монарха», онъ написалъ оду на востшествіе его на престолъ (подъ заглавіемъ: *На новый 1797 юдъ*) и поднесъ ее Императору чрезъ одного изъ приближенныхъ его, Сергія Ивановича Плещеева*. «Она полюбилась и

* Плещеевъ (ум. въ 1802 г.) былъ морякомъ и съ 1797 г. вице-адмираломъ. Бывъ принятъ 1759 г. въ «лейбъ-гвардіи кадеты», онъ 1764 поступилъ во флотъ мичманомъ и, съ тѣхъ поръ повышаясь постепенно въ чинахъ, имѣлъ случай совершить морскія плаванія въ разныя отдаленныя страны не только въ Европѣ, но и въ другихъ частяхъ свѣта: между прочимъ онъ посѣтилъ Америку и Палестину. Приобрѣтя особенное благоволеніе великаго князя Павла Петровича, онъ съ 1781 года, въ продолженіе 18-и лѣтъ, находился при особѣ его, содѣлываясь ему въ путешествіи за границу; при коронаціи его былъ назначенъ къ принятію прошеній, долѣе другихъ пользовался милостію Государя и въ послѣднее время былъ генералъ-адъютантомъ. Наконецъ и онъ однакожъ не избѣгъ общей судьбы приближенныхъ императора Павла и 28 іюля 1798 былъ уволенъ отъ службы (Выписка изъ служебныхъ бумагъ Плещеева, доставленныхъ барономъ М. А. Корфомъ). Плещеевъ, какъ мы слышали отъ современника его, былъ масонъ. «Христіанскія добродѣтели, примѣрное благородство души и рѣдкія дарованія ума Плещеева извѣстны всѣмъ, знавшимъ его безпристрастно» (*Зап. И. В. Лопухина*, ч. I, стр. 58, въ *Ут. Общ. ист. и др.*). Въ преемное время онъ сочинялъ и переводилъ (см. Смирд.

имѣла свой успѣхъ. Императоръ позволилъ ему, чрезъ адъютанта своего, князя Шаховскаго, пріѣхать во дворецъ и представиться, и тогда же данъ приказъ кавалергардскому начальнику впускать его въ кавалерскую залю по прежнему» (*Зап. Державина*, Р. Б., стр. 394). Въ *Объясненіяхъ* своихъ Державинъ также замѣчаетъ, что эта ода возвратила ему во дворцѣ входъ *за кавалергардовъ* (см. томъ I, стр. 416), право, которое принадлежало ему по званію сенатора. Похвалы, воздаваемыя въ этой замѣчательной одѣ Павлу I, совершенно оправдываются отзывами другихъ тогдашнихъ писателей, которые, согласно съ *Объясненіями* Державина, свидѣтельствуя, что въ началѣ своего царствованія этотъ государь опровергъ своими дѣйствіями всѣ мрачныя ожиданія и многими чертами великодушія, милосердія и справедливости обратилъ общія опасенія въ радостныя надежды (см. особенно *Зап. Болотова*, *Рус. Архивъ* 1864, № 1).

Ода на Новый 1797 годъ была въ первый разъ напечатана въ *Аонидахъ* того же года (кн. II, стр. 15) съ подписью Д—нъ, потомъ въ изданіи 1808 г., ч. II, xl. Объ исключеніи ея изъ изданія 1798 см. наше предисловіе къ тому I.

² Гдѣ взоры голубыхъ очесъ?

Ср. въ *Изобр. Фелицы* (томъ I, стр. 190): «Небесно-голубые взоры.»

³ Струя съ небесъ во мракъ темницъ и проч.

Въ первые дни своего царствованія императоръ Павелъ оказалъ великія милости: множество людей, а особливо содержащихся за оскорбленіе величества, освободилъ изъ тюремъ; набранныхъ по указу Екатерины рекрутъ возвратилъ въ дома; хлѣбъ, забранный изъ сельскихъ магазиновъ для провіантскаго департамента въ казну, приказалъ отдать обратно. Тогда же онъ, кромѣ драгоценныхъ вещей и нѣсколькихъ милліоновъ денегъ, роздалъ до трехъ сотъ тысячъ душъ крестьянъ. Онъ тотчасъ принялся за устройство арміи, ввелъ въ войска строгую дисциплину, укомплектовалъ полки, и самъ подавалъ примѣръ такой дѣятельности, что всѣ служащіе, какъ военные, такъ и гражданскіе чины, стали очень рано являться къ должности (*Об. Д.*). Рекрутскій наборъ, начатый Екатериною (по 10 чел. съ 1000), былъ великою тягостью для всей Россіи; отміна его Павломъ I произвела общій восторгъ и привязала къ нему весь народъ любовью: «повсюду слышны были единныя только пожеланія всѣхъ благъ новому государю» (*Рус. Архивъ* 1864, стр. 70).

⁴ Кто сей, щедрѣй Екатерины и проч.

«Удивительная щедрота, неутомимая заботливость въ отправленіи дѣлъ, въ первые дни оказанныя, ежелибы соображены были съ благоразуміемъ, то бы государь сей по справедливости былъ наивеличайшій; но послѣдующее время доказало, что это было движеніе какого-нибудь перваго внушенія или осмыслить благодѣянiями, или повергнуть въ несчастіе. Онъ имѣлъ весьма острый и просвѣщенный умъ и сердце чувстви-

Ростисъ, гдѣ впрочемъ не все имъ изданное показано). Жена его, Наталья Федотовна, рожденная Веригина, ум. въ январѣ 1855.

тельное и склонное къ добру (ср. строфу 7-ю); но недостатокъ благо-разумія или чрезвычайно вспыльчивый нравъ все то въ ничто обратили» (Об. Д.). — Не налагая новыхъ податей, онъ увеличилъ содержаніе войскъ, уменьшилъ количество бумажныхъ денегъ и заплатилъ часть вѣшняго государственнаго долга (*Исторія войны въ 1799 г.*, Спб. 1852, т. I, стр. 30 *). Прежняя пышность придворнаго штата исчезла; камергерамъ, вмѣсто штыхъ мундировъ, даны были мундиры военного покроя; камеръ-юнкеровъ же вовсе не назначалось болѣе (Реймерсъ, т. II, стр. 9). Стихи: «Грозить противнымъ не войною» и проч. относятся къ тому, что Императоръ въ началѣ своего царствованія не разъ изъявлялъ намѣреніе отступить отъ завоевательной политики Екатерины (см. слѣдующую оду, примѣч. 1). Онъ рѣшился не принимать прямого участія въ войнѣ съ Франціею и не посылать противъ нея обѣщанныхъ Императрицею 60 т. войскъ; а между тѣмъ дѣлательно принималъ мѣры къ улучшенію арміи (*Исторія войны въ 1799 г.*, т. I, стр. 23; *Рус. Архивъ* 1864, стр. 67).

⁵ Христова Церковь Павла въ немъ и проч.

Подъ *избраннымъ сосудомъ*, т. е. апостоломъ Павломъ, Державинъ тутъ разумѣлъ императора Павла, показавшаго при вступленіи на престолъ большое благочестіе. Онъ сталъ-было приближать къ себѣ мистиковъ. Новиковъ возвращенъ былъ изъ ссылки и вмѣстѣ съ Лопухинимъ, Баженовымъ и др. пользовался особеннымъ благоволеніемъ государя; но противная партія, какъ то: князь Безбородко, Куракины и особенно Екатерина Ивановна Нелидова, угождая склонностямъ Императора, скоро успѣли удалить мартинистовъ (Об. Д.). О вызовѣ и удаленіи И. В. Лопухина см. *Записки его*, ч. I, стр. 56—70. Подъ Баженовымъ должно разумѣть знаменитаго архитектора, Василія Ивановича (род. 1737, ум. 1799), котораго Павелъ Петровичъ, будучи еще великимъ княземъ, въ 1792 г. вызвалъ изъ Москвы и опредѣлилъ по своему вѣдомству. Вступивъ на престолъ, онъ осыпалъ Баженова милостями, произвелъ его черезъ чинъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники и назначилъ вице-президентомъ Академіи Художествъ (Митроп. Евгенія *Словарь свѣт. писат.*, М. 1845). Желаніе масоновъ привлечь великаго князя къ участію въ своихъ ложахъ (см. томъ I, стр. 39), подтверждается слѣдующею пѣснью масоновъ:

«Не чудно возложить оковы
На слабы смертныхъ тѣлеса,
Но взять подъ власть сердца свободны —
Прямые зрятся чудеса.
А если обладать душею
Того, кто участію своею
На свѣтъ превосходитъ всѣхъ,

* Ссылаясь весьма часто на Исторію войны 1799 года, начатую покойнымъ Михайловскимъ-Данилевскимъ, оконченную же и потомъ переработанную Д. А. Милютинимъ, мы должны замѣтить, что пользовались обоими изданіями этого классическаго сочиненія (1852 и 1857), хотя и означаемъ ссылки наши по первому.

Съ какимъ примѣромъ — не умѣю
Сравнить великій сей успѣхъ.

«О старецъ, братьямъ всѣмъ почтенный,
Коль славно, Панинъ *, ты успѣлъ!
Своимъ премудрымъ ты совѣтомъ
Въ храмъ дружбы сердце царско ввелъ.

Вѣнчанна мира красотою
Плѣнилъ невинной простотою
И, что есть смертный, вразумилъ;
Власть пылну съ службою святою
И съ человѣчествомъ смирилъ.

«Не мни, что рабствомъ утѣсенный
Тебѣ ласкаетъ слабый льстецъ;
Масоновъ ревность то вѣщаетъ
И оныхъ искренность сердець.

Въ порфирь дружбы удаленный,
Союзовъ братскихъ отчужденный,
Послѣдуя стезѣ твоей
И въ нашъ вступивши храмъ священный,
Колѣно приобрѣлъ друзей!

«Погибъ, отвергнувши совѣты,
Что въ жизнь его давалъ Солонъ,
Грядущій за твоимъ примѣромъ
Блаженъ стократно: онъ масонъ.

Твоя доброта успѣваетъ,
Къ отрадѣ бѣдныхъ честь сіяетъ
И съ той восходитъ вверхъ звѣздой,
Что въ утренней странѣ блистаетъ,
Предвозвѣщая вѣкъ золотой.»

(Хоры и пѣсни масоновъ, стр. 51, пѣснь xxxviii).

⁶ Подсвѣту скорый судъ дарить.

«Государь сей желалъ чрезвычайно скоро доставлять правосудіе, обогатить торговлею грады, распространить хлѣбопашество, скотоводство и населить степи пустыя, о чемъ о всемъ указы были даны. Но какъ не держался правила императора Августа, который говорилъ: *торопись не скоро*; то новыя учрежденія сдѣлали болѣе вреда, чѣмъ пользы» (Об. Д.).

⁷ На казнь жестоку медленъ, труденъ.

Въ короткое время многіе были сосланы, другіе лишены имѣній; но отъ смертной казни Императоръ воздерживался (Об. Д.).

* Участвовать въ трудахъ супругъ и проч.

Онъ далъ должности какъ своей супругѣ, такъ и дѣтямъ; первой — управленіе Воспитательнымъ домою и Ссудною казною; а вторымъ поручилъ быть при полкахъ шефами; старшаго своего сына Александра

* Графъ Никита Ивановичъ Панинъ, воспитатель императора Павла.

сдѣлалъ с-петерб. военнымъ губернаторомъ (Об. Д.). Это было, по словамъ Болотова, «въ противность всѣхъ прежнихъ обыкновеній» (Русск. Арх., стр. 61).

⁹ Чистосердечья ищетъ въ другѣ.

Государь желалъ имѣть вокругъ себя чистосердечныхъ людей, а особливо искалъ друга, который говорилъ бы ему правду; но на дѣлѣ вскорѣ удалилъ всѣхъ ихъ. Такъ напр. Гудовичъ, бывшій любимецъ покойнаго отца его, нарочно былъ призванъ изъ деревни для совѣта. Императоръ спросилъ его, по какой причинѣ Петръ III сдѣлался нелюбимъ. Гудовичъ указалъ ему на обычныя занятія покойнаго государя и тотчасъ же былъ прогнанъ (Об. Д.). Андрей Васильевичъ Гудовичъ (род. 1731, ум. 1808), флигель-адъютантъ, а впоследствии генераль-адъютантъ Петра Ѳеодоровича, прожилъ все царствованіе Екатерины II въ черниговской своей деревнѣ (Бант. Каменскаго *Словарь дост. людей*). Павелъ I пожаловалъ его въ генераль-аншефы и въ кавалеры Александра Невскаго. О братѣ его, Иванѣ Вас., непріятелѣ Державина, см. томъ I, стр. 182 и 183.

¹⁰ ... Взложи отъ камня честнаго.

Выраженіе изъ 20 псалма, ст. 4: «положилъ еси на главѣ его вѣнецъ отъ камня честна» (поется во время обряда вѣнчанія и хиротонія). Въ первоначальной рукописи Державина было *камень драгою*. «Изъ дорогихъ камней», сказано въ русскомъ переводѣ псалтыри, Сиб. 1822. Въ предыдущихъ стихахъ рѣчь идетъ о предстоявшемъ путешествіи Государя въ Москву для коронаціи. См. ниже, подъ этимъ же годомъ, пьесу *Къ Музѣ*.

¹¹ А ты, о вождь полковъ нетлѣнныхъ и проч.

Здѣсь разумѣется архангелъ Михаилъ, день котораго празднуется 8-го ноября; императрица Екатерина скончалась 6-го числа. Именемъ арх. Михаила названъ заложенный въ февралѣ 1797 г. замокъ, и оно же дано родившемуся черезъ годъ великому князю (см. ниже оду на этотъ случай).

4. НА ВОЗВРАЩЕНІЕ ГРАФА ЗУБОВА ИЗЪ ПЕРСИИ¹.

Цѣль нашей жизни — цѣль къ покою; 1
 Проходимъ для того сей путь,
 Чтобы отъ мразу иль отъ зною
 Подъ кровомъ нощи отдохнуть.
 Здѣсь намъ встрѣчаются стремнины,
 Тамъ терны, тамъ ручьи въ тѣни,
 Тамъ мягкіе луга, равнины,
 Тамъ пасмурны, тамъ ясны дни;
 Сей съ холма въ пропасть упадаетъ,
 А тотъ взойти спѣшитъ на холмъ.

2*

Кого же разумъ почитаетъ
 Изъ всѣхъ, идущихъ сямъ путемъ,
 По самой истинѣ счастливымъ?
 Не тѣхъ ли, что, челомъ къ звѣздамъ
 Превознеся горделивымъ,
 Мечтають быть равны богамъ;
 Что въ пурпурѣ и на престолахъ
 Превыше смертныхъ возсѣдять?
 Иль тѣхъ, что въ хижинѣ, въ юдоли
 Смиренно на соломѣ спятъ²?

2

Ахъ, нѣтъ! Не тѣ и не другіе
 Любимцы прямо суть небесъ,
 Которыхъ мучать страхи злые,
 Прельщаютъ сны прятныхъ грезъ;
 Но тотъ блаженъ, кто не боится
 Фортуны потерять своей,
 За ней на высоту не мчится,
 Идетъ середнею^a стезей³
 И слѣдъ во всякомъ состояннѣ
 Цвѣтами усыпаетъ свой;

3

Кто при концѣ своихъ ристаній
 Вдали зрѣть можетъ за собой
 Аллею подвиговъ прекрасныхъ;
 Давъ совѣсти своей отчетъ
 Въ минутахъ свѣтлыхъ и ненастныхъ,
 Съ улыбкою часы тѣ чететь,
 Какъ самъ благими наслаждался,
 Какъ спасъ другихъ отъ бѣдъ, отъ нуждъ,
 Какъ быть всѣмъ добрымъ торопился,
 Раскаянья и вздохомъ чуждъ.

4

Г О юный вождь! сверша походы,
 Прошелъ ты съ воинствомъ Кавказъ⁴,
 Зрѣлъ ужасы, красы природы:
 Какъ, съ ребръ тамъ страшныхъ горъ лѣясь,
 Ревутъ въ мракъ безднъ сердиты рѣки;
 Какъ съ чель ихъ съ грохотомъ снѣга
 Падутъ, лежавши цѣлы вѣки;
 Какъ серны, внизъ склонивъ рога,
 Зрятъ въ мглѣ спокойно подъ собою

5

Рожденье молній и громовъ.

Ты зрѣлъ, какъ ясно порою 6
 Тамъ солнечны лучи, средь льдовъ,
 Средь водъ играя, отражаясь,
 Великолѣпный кажутъ видъ;
 Какъ, въ разноцвѣтныхъ разсѣваясь
 Тамъ брызгахъ, тонкій дождь горитъ;
 Какъ глыба тамъ сизоянтарна ⁶,
 Навѣсясь, смотритъ въ темный боръ,
 А тамъ зоря златобагряна
 Сквозь лѣсъ увеселяетъ взоръ.

Ты видѣлъ, — Каспій, протягаясь, 7
 Какъ въ камышахъ, въ пескахъ лежитъ,
 Лицомъ веселымъ осклабясь,
 Пловцовъ ко плаванью манитъ;
 И вдругъ, какъ бурей разсердясь,
 Встаетъ въ упоръ ея крыламъ,
 То скачетъ въ твердь, то, въ адъ стремясь,
 Трезубцемъ бьетъ по кораблямъ:
 Столбомъ власы сѣдые вьются
 И гласъ его гремитъ въ горахъ ⁵.

Ты видѣлъ, какъ во тмѣ сѣкутся 8
 Съ громами громы въ облакахъ,
 Какъ бездны пламень извергають,
 Какъ въ тучахъ роетъ огонь бразды,
 Какъ въ воздухѣ пары сгарають,
 Какъ свѣтятъ свѣчъ въ лѣсахъ ряды.
 Ты видѣлъ, какъ въ степи средь зною
 Огромныхъ змѣй стога кишать ⁶,
 Какъ блещутъ пестрой чешуею
 И льютъ, шипя, другъ въ друга ядъ.

Ты дома зрѣлъ царей, вселенну, 9
 Внизу, вверху ты видѣлъ все ⁷;
 Упадшу спицу, вознесенну,
 Вертяще міра колесо.
 Ты зрѣлъ, — и какъ въ Вратахъ Желѣзныхъ ⁸
 (О, вспомни ты о семъ часѣ!)
 По духу войскъ, тобой веденныхъ,
 По младости твоей, красѣ,

По быстромъ Персовъ покореньи
Въ тебѣ я Александра чтить ⁹!

О! вспомни, какъ въ томъ восхищеньи ⁷,
Пророча, я тебя хвалилъ:
Смотри, — я рекъ: — триумфъ минуту,
А добродѣтель вѣкъ живетъ ¹⁰.
Сбылось! — Игру днесъ Счастья люту
И какъ оно къ тебѣ хребеть
Свой съ грознымъ смѣхомъ повернуло,
Ты видишь; видишь, какъ мечты
Сіянье вокругъ тебя заснуло,
Прошло, — остался только ты.

10

Остался ты! — и та прекрасна
Душа почтенна будетъ ввѣкъ,
Съ которой ты внималъ несчастна
И былъ въ вельможѣ чловѣкъ ⁸,
Который съ сердцемъ откровеннымъ
Своихъ и чуждыхъ принималъ,
Старѣйшихъ вокругъ себя надменнымъ ⁹
Возрѣніемъ не огорчалъ.
Ты былъ, что есть, — и не страшися
Объятія друзей своихъ ¹¹.

11

Приди ты къ нимъ! иль уклонися ¹²
Познать премудрость царствъ иныхъ.
Учиться никогда не поздно ¹²:
Исправь поступки юныхъ лѣтъ;
То сердце прямо благородно,
Что ищетъ надъ собой побѣдъ.
Смотри, какъ въ ясный день, какъ въ бурѣ
Суворовъ твердь, великъ всегда!
Ступай за нимъ! — Небесъ въ лазурѣ
Еще горитъ его звѣзда ¹³.

12

Кто былъ на тысящѣ сраженьяхъ
Непобѣдимъ, а побѣдилъ;
Нѣтъ нужды въ блескахъ, въ украшеньяхъ ³
Тому, кто царство покорилъ!
Умѣй лишь сдѣлаться извѣстнымъ
По добродѣтелямъ своимъ
И не тужи по снамъ прелестнымъ,

13

Мечтавшимся очамъ твоимъ:

Они прошли и возвратятся,
Пройти вновь могутъ и придти ^а.

Какъ страннику въ пути встрѣчаться

14

Со многимъ должно и идти
И на горахъ и подъ горами,
Роскошничать и гладъ терпѣть, —
Бываетъ такъ со всѣми нами:
Премѣны рока долгъ нашъ зрѣть.
Но кто былъ мужественъ душою,
Шелъ равнодушнѣй симъ путемъ,
Тотъ ближе былъ къ тому покою,
Къ которому мы всѣ идемъ ¹⁴.

^а Среднею идетъ ... (1804).

^б Какъ глыба тамъ, скала янтарна,
Навѣсая, смотритъ въ темный боръ;
А тамъ межъ дровъ заря румяна
Усмѣшкой утѣшаетъ взоръ (Рукоп.).

^в Какъ вдругъ, бураномъ разсердяся,
Встаетъ противъ его крыламъ.

^г ... въ томъ какъ восхищеньи.

(Такъ и въ изд. 1808, но потомъ поправлено рукою Державина).

^д Нехитрымъ сердцемъ, откровеннымъ.

^е Старѣйшинъ вокругъ тебя надменнымъ (Рукоп. и 1804).

^ж Приди на перси ихъ иль устремися (Рукоп.).

— Приди — иль хочешь, устремися.

^з Нѣтъ нужды въ царскихъ украшеньяхъ.

^и Исчезнуть могутъ и придти.

¹ Въ дни счастья Валеріана Зубова (род. 1771, ум. 1804) Державинъ привѣтствовалъ его стихами *Къ Красавцу* (томъ I, стр. 419) и *На покореніе Дербента* (тамъ же, стр. 507). Съ кончиною Еватерини II положеніе этого баловня судьбы измѣнилось. «Счастье съ грознымъ смѣхомъ повернуло къ нему свой хребетъ»: императоръ Павелъ, *совершенно отказавшись отъ всякаго желанія завоеванія**, послалъ ему нѣсколько орденовъ для раздачи его подчиненнымъ и отдѣльнымъ приказанія полевымъ командирамъ возвратиться съ своими полками въ передѣлы Россіи. Зубову приходилось оставаться въ лагерь одному: онъ отправился вслѣдъ за своею арміею и по прибытіи въ Петербургъ подавъ въ отставку; получивъ приказаніе жить подъ присмотромъ въ своихъ деревняхъ, онъ поселился въ Курляндіи, гдѣ ему принадлежали почти всѣ имѣнія през-

* Подлинныя слова изъ одного рескрипта (*Ист. войны съ 1799 г.*, Спб. 1852, т. I, стр. 29).

нихъ герцоговъ *. Поводомъ въ сочиненію этой оды былъ разговоръ Державина при дворѣ съ княземъ С. Ѳ. Голицынымъ (см. томъ I, стр. 159 и слѣд.), который, упрекнувъ Державина одой на взятіе Дербента, замѣтилъ, что ужъ теперь герой его не Александръ и что льстить не было бы никакой выгоды. Державинъ отвѣчалъ, что въ разсужденіи достоинства онъ никогда не перемѣняетъ мыслей и никому не льстить, а пишетъ по внушенію своего сердца. — «Это неправда», возразилъ Голицынъ: «нынче ему не напишешь.» — «Вы увидите», сказалъ Державинъ — и, приѣхавъ домой, сочинилъ эту оду. Хотя стихи его и не были тогда напечатаны, но они въ спискахъ находились у многихъ, не смотря на то, что Зубовъ былъ въ совершенной опалѣ (Об. Д.).

Въ печати появились они не прежде 1804 г.: ими открывается сентябрьская книжка *Друга прощенья* за этотъ годъ (ч. III, стр. 187), гдѣ они помѣщены съ подписью *Державинъ*, подъ заглавіемъ: *На возвращеніе изъ Персіи чрезъ Кавказскія горы графа В. А. Зубова, 1797 года*. Въ изданіи 1808, см. ч. II, ххп.

² Смирненно на соломѣ спать.

Первая строфа составляетъ отчасти подражаніе 16-й одѣ II-й книги Горация; ту же оду перелагалъ и Дмитріевъ (см. его *Соч.*, М. 1818, ч. I, стр. 40, гдѣ однакожь ссылка на Горация сдѣлана совершенно невѣрно). У Дмитріева такъ начинается 2-я строфа:

«При старости и жизни въ цвѣтѣ
Всегда въ отраду намъ покой.»

Начало оды въ подлинникѣ:

«Otium Divos rogat in patenti
Prensus Aegaeo, simul atra nubes
Condidit lunam» и проч.

Въ переводѣ же г. Фета:

«Просить покоя съ небесъ, кто трепещетъ
Моря Эгейскаго камней подводныхъ и т. д.
Просить покоя средь битвы Фракія,
Просать Мидійцы, волчанъ за спиною»...

Въ 2-й и 3-й строфѣ у Державина развита мысль, встрѣчающаяся также у Горация въ извѣстной одѣ Лицінію (ср. томъ I, стр. 352):

«Златую избралъ кто посредственность на долю,
Тотъ будетъ презирать, покоенъ до конца,
Лачугу грязную и пышную неволю
Завиднаго дворца» (кн. II, ода 10 въ перев. г. Фета).

³ Идетъ среднею стезей.

Ср. въ предыдущемъ прим. выраженіе Горация «Златую посредственность» и стихъ Державина въ одѣ *На умѣренность* (томъ I, стр. 351):

Держися лучше середины,

съ соответствующимъ примѣчаніемъ (ср. тамъ же, стр. 356).

* Главное имѣніе было Вюрцау съ замкомъ и садомъ, разведеннымъ Анной Іоанновной, когда она была герцогиней курляндской (Гельбигъ).

⁴ Прошелъ ты съ воинствомъ Кавказъ.

Уже и Ломоносовъ въ своихъ картинахъ Россіи иногда упоминаетъ Кавказъ; но Державинъ первый изъ русскихъ писателей обрисовалъ нѣсколькими крупными чертами тамошнюю природу, которая послѣ такъ часто вдохновляла нашихъ поэтовъ и повѣствователей. Образы, здѣсь начертанные, можетъ статься, были переданы ему въ разказахъ самого Зубова. Ср. стихотв. Пушкина *Кавказъ* (1829).

⁵ И глазъ его гремить въ горахъ.

Гоголь, въ своей блестящей характеристикѣ Державина, выписываетъ послѣдніе пять стиховъ этой строфы и говорить: «Тутъ, казалось, хотѣлъ создаться *зримо* образъ старца Каспія, но потерялся въ какомъ-то духовномъ *незримо*мъ очертаніи: ухо слышитъ одинъ гулъ гремящаго моря, и виѣсть съ сѣдыми власами старца подѣмлетъ волосъ на головѣ самого читателя, пораженного суровымъ величіемъ картины» (*Сочиненія и письма Н. В. Гоголя*, т. III, стр. 442).

⁶ Огромныхъ змѣй стога кишать.

Между Каспійскимъ моремъ и Испаганью есть мѣсто, почти непроходимое отъ множества змѣй, и потому называемое *Змѣинымъ полемъ* (*Об. Д.*).

⁷ Внизу, вверху ты видѣлъ все.

Зубовъ возвысился изъ незнатнаго дворянскаго рода и потому зналъ не только дворъ, но и низшіе слои общества (*Об. Д.*).

⁸ Ты зрѣлъ, — и какъ въ Вратахъ Желѣзныхъ ...

Дербентъ называется по-турецки Темиръ-Капу, что значитъ желѣзныя врата; персидское же слово Дербентъ означаетъ загороженный входъ (входъ въ гавань изъ моря былъ прежде загражденъ желѣзною цѣпью): дер — ср. дверь; бентъ — ср. binden (Н. Ханьковъ)*.

⁹ Въ тебѣ я Александра чтить —

т. е. Александра Македонскаго, какъ завоевателя Персіи. Здѣсь Державинъ вспоминаетъ свою оду *На покореніе Дербента* (см. выше примѣч. 1), въ которой было между прочимъ сказано (строфа 3):

* По поводу этого примѣчанія В. В. Вельяминовъ-Зерновъ сообщилъ намъ слѣдующее: «Такое толкованіе слову Дербентъ дѣйствительно возможно; *деръ* در по-персидски значитъ дверь, а *бентъ* بند отъ глагола *бендетъ* بندن то же, что binden. Такъ толкуетъ слово Дербентъ и Клапротъ. Но Каземъ-бекъ въ своемъ Дербентъ-намѣ, стр. 474, 475, пр. 10, пишетъ: The common name of the fortress is Derbend, which in the Persian language signifies the *shutter of the gates*, i. e. the defender of the pass, and not porte fermée, as translates it Клапротъ (т. е. общеупотребительное названіе крѣпости — *Дербентъ*, что по-персидски значитъ *запираетель воротъ*, или защитникъ прохода, а не запертыя ворота, какъ переводитъ Клапротъ). — Толкованіе Каземъ-бека кажется вѣрнѣе. То же самое объясненіе слова *Дербентъ* находится и въ извѣстномъ персидско-англійскомъ лексиконѣ Джонсона, который подъ словомъ *Дербентъ* пишетъ: در بند *dar-band*. The bar of a door. A barrier. A narrow and difficult pass through mountains. Name of a fortress on the Caspian See (Даръ-бандъ. Затворъ у двери. Препрада. Тѣсный и трудный проходъ черезъ горы. Названіе крѣпости на Каспійскомъ морѣ).»

Въ столѣтнемъ старцѣ Даріи зрится,
А юный Александръ — въ тебѣ.

Гельбигъ въ Russ. Günstlinge считаетъ рассказъ о столѣтнемъ старцѣ недостовѣрнымъ: но этотъ рассказъ, повторенный и Бантышъ-Каменскимъ въ его *Словарѣ*, основывается на подлинномъ донесеніи Зубова, которое мы нашли въ копіи между бумагами Державина и откуда выписываемъ относящееся сюда мѣсто: «Но единъ оставилъ наше стремленіе, и былъ то 120-и лѣтній старецъ, поднесшій въ началѣ столѣтія ключи Дербентской крѣпости Петру Великому Первому. Оруженосецъ Екатерины Второй тѣ же ключи отъ того же старца принялъ 10-го мая 1796 года».

¹⁰ А добродѣтель вѣкъ живетъ.

Въ этомъ и предыдущемъ стихѣ передано содержаніе всей 5-й строфы оды *На покореніе Дербента*:

Но знай: какъ свѣтлый метеоръ,
Такъ блескъ триумфовъ пролетаетъ;
Почти тогда жъ и исчезаетъ,
Коль скоро удивляетъ взоръ;
А добродѣтели святые,
Какъ въ небѣ звѣзды, вѣкъ горятъ.

¹¹ Объятія друзей своихъ.

«Сей графъ Зубовъ былъ человѣкъ снисходительный: говорилъ и выслушивалъ всякаго съ откровеннымъ сердцемъ, не такъ, какъ братъ его, любимецъ Императрицы, несравненно старшихъ, почтеннѣйшихъ себя людей принималъ весьма гордо, не удостоивая иногда и преклоненіемъ головы» (*Об. Д.*; ср. томъ I, стр. 417). О В. А. Зубовѣ Жихаревъ въ «Дневникѣ студента» (*Записки Соверж.*, стр. 302) говоритъ: «Зубовъ зналъ во всемъ мѣру, былъ человѣкъ отличныхъ свойствъ, необыкновенно уменъ и такой сердечной доброты, что невольно привлекалъ къ себѣ любовь всѣхъ, его знавшихъ. И не даромъ Державинъ въ то время, когда Зубовъ впалъ въ опалу и возвращень изъ Персіи, написалъ къ нему одну изъ прелестнѣйшихъ своихъ одъ, въ которой встрѣчаются такіе глубокомысленные и доказывающіе необыкновенное знаніе человѣческаго сердца стихи, какъ напримѣръ» и проч. (Здѣсь выписаны строфы 10 и 11 этой оды).

¹² Учиться никогда не поздно.

Будучи при императорѣ Павлѣ въ изгнаніи, Валеріанъ Зубовъ просился въ чужіе края, чтобы въ путешествіи чему-нибудь научиться (*Об. Д.*). Въ *Воспоминаніяхъ Буларина* рассказанъ случай, въ которомъ Державинъ выразился довольно сходно объ ученіи. По словамъ Буларина, графъ Вас. Вас. Орловъ-Денисовъ, вступивъ въ службу на 12-мъ году отъ рожденія, не зналъ ничего, кромѣ русской грамоты. «Державинъ любилъ графа... и, узнавъ, что онъ не въ состояніи платить учителямъ на дому, присовѣтовалъ ему вступить въ пансіонъ, сказавъ, что *учиться никогда и нидѣ не стыдно*.» Графъ, будучи уже войсковымъ стар-

шиною, дѣйствительно сталъ ходить въ частный пансіонъ и узналъ между прочимъ языки французскій и нѣмецкій (*Восп. Б.*, ч. III, стр. 296).

¹³ Еще горить его звѣзда.

Хотя Суворовъ въ первое время царствованія Павла былъ также въ опалѣ и жилъ въ своемъ имѣніи (селѣ Кончанскомъ) близъ Боровичей, однакожъ Державинъ предугадывалъ, что полководца ожидаютъ новые подвиги (*Об. Д.*). О причинѣ опалы Суворова см. ниже, подъ этимъ же годомъ, пьесу *Къ Лирѣ*.

¹⁴ Къ которому мы всѣ идемъ.

Въ *Другъ Простецъ*, гдѣ настоящая ода въ первый разъ была напечатана (см. выше примѣч. 1), къ концу ея прибавлено четырехстишіе по поводу случившейся незадолго передъ тѣмъ кончины В. Зубова:

Пришелъ теперь къ сему покою
И ты, прекрасный человѣкъ;
Когда бъ толь славною стезею
И мой пресѣлся вѣкъ!

Передъ подписью имени поэта означенъ день смерти Зубова: 21 іюня 1804 г. (онъ умеръ въ Курляндіи).

Въ той же книжкѣ журнала вслѣдъ за этой одой помѣщено стихотвореніе Державина *Волховъ Кубръ* (см. подъ 1804 г.), въ которомъ 10-й куплетъ также посвященъ памяти Зубова и состоитъ изъ слѣдующихъ стиховъ:

Уже и вождь, ногой желѣзной
Ступавшій Александра въ слѣдъ,
Прекрасный человѣкъ, любезный,
Лучъ бѣдныхъ, — блещетъ между звѣздъ.

5. ИЗЪ СЛѢО.

ПЕРВЫЙ ПЕРЕВОДЪ ¹.

Счастливъ, подобится въ блаженствѣ тотъ богамъ ^а, 1
Кто близъ тебя сидитъ и по тебѣ вздыхаетъ,
Съ тобой бесѣдуетъ, тебѣ внимаютъ самъ
И сладкою твоей улыбкой тайно таетъ ^б.
Я чувствую въ тотъ мигъ, когда тебя узрю ², 2
Тончайшій огонь и мразъ, изъ жилъ текущій въ жилы;
Въ восторгахъ сладостныхъ вся млѣю, вся горю ^в,
Ни словъ не нахожу, ни голоса, ни силы.
Густая, темна ^г мгла мой взоръ объемлетъ вкругъ; 3
Не слышу ничего, не вижу и не знаю:
Въ оцѣпенѣніи едва дышу — и вдругъ ^д,
Лишенная чувствъ, дрожу, блѣднѣю, умираю ^е.

^а Подобенъ кажется въ блаженствѣ тотъ богамъ (*Чернов. рукоп.*).

- ⁶ Улыбкою тебѣ взаимной отвѣчаетъ.
⁷ Въ восторгахъ сладостныхъ хладѣю и горю.
⁸ Густая, черна мгла . . .
⁹ Вся маѣю, чуть дышу, — и въ изступленіи вдругъ,
 Лишаясь . . .

¹ Отъ знаменитой лесбійской пѣвицы сохранились, какъ извѣстно, только двѣ полныя (или почти полныя) оды, изъ которыхъ одна, именно подлинникъ помѣщаемыхъ здѣсь переводовъ, выражаетъ ея пламенную идеальную страсть къ молодой подругѣ. Было время, когда у насъ, по примѣру другихъ литературъ, многіе наперерывъ переводили эту оду; впрочемъ она еще недавно была опять перелагаема по-русски. Державинъ перевелъ ее два раза. Старѣйшій переводъ свой онъ относитъ (Об. Д.) къ 1780, позднѣйшій — къ 1797 году. Между тѣмъ въ бумагахъ его списокъ перваго встрѣчается не ранѣе 1790-хъ годовъ, извѣстный же печатный текстъ еще нѣсколько новѣе, и вотъ почему мы рѣшились соединить въ одномъ мѣстѣ оба перевода.

Первый переводъ сдѣланъ, какъ говоритъ Державинъ, по Буало. Нужно замѣтить, что Буало перевелъ сочиненіе Лонгина *О высокои*, въ которомъ (гл. VIII) сохранена и эта ода Сафо. Переводъ Державина напечатанъ въ изданіи 1808 г., III, св, при чемъ онъ названъ *Сафы* второй переводъ*; невѣрное это заглавіе основывается на томъ, что онъ напечатанъ послѣ другаго перевода — для сравненія обонхъ и въ доказательство, что французскій языкъ неспособенъ къ той силѣ и сжатости, какими обладаетъ русскій языкъ при передачѣ выражений греческаго. Приводимъ подлинникъ:

Φαίνεται μοι κῆνος ἴσος θεοῖσιν
 ἔμμεν ὄνηρ, ὅστις ἐναντίος τοι
 ἰζάνει, καὶ πλασίον ἄδῳ φωνή-
 σας ὑπακούει
 καὶ γελαίσας ἡμερόεν, τό μοι μᾶν
 καρδίαν ἐν στήθεσιν ἐπτόασεν.
 ὡς γὰρ εὔειδον βροχέως σε, φώνας
 οὐδὲν εἶπ' εἰκει.
 ἀλλὰ καμὲν γλώσσα ἔαγε, λέπτον δ'
 αὐτίκα χρω̄ πῦρ ὑπαδεδρομάκεν,
 ὀππάτεσαι δ' οὐδὲν ὄρημ', ἐπιρρόμ-
 βεισι δ' ἄκουαι.
 ἃ δέ μ' ἴδρωσ κακχέεται, τρόμος δὲ
 πᾶσαν ἄγρει, χλωροτέρα δὲ πείσας

* Въ прежнее время у насъ обращались съ именемъ *Сафо* такъ, какъ будто-бы оно оканчивалось на *a* (Ср. въ томѣ I, стр. 405, пьесу *Сафы*). Это было довольно рационально, хотя и неправильно, потому что у насъ нѣтъ женскихъ именъ, оканчивающихся на *o*, а между тѣмъ эта буква слышится здѣсь какъ *a*. Мы и теперь то же дѣлаемъ, когда мужескія имена, *Михайло, Гаврило* и др., также *Безбородко, Основьяненко* и проч., склоняемъ на подобіе женскихъ. Такъ поступаютъ и Чехи съ своими именами: *Vrt'átko, Novádko* и т. п.

ἔμμι, τεθνάσκην δ' ὀλίγω ᾗιδεύη
φαίνομαι ἄλλα.
ἀλλὰ πᾶν τόλματον —.

(Poetae Iyrici graeci, recens. Th. Bergk. Лейпцигъ, 1863).

Переводы этой пѣсни не прекращаются у насъ отъ 1759 до 1862 года. Въ первый разъ обѣ оды Сафо переведены были на русскій языкъ Григоріемъ Козицкимъ*, прозою, въ *Трудолюбивой Пчелѣ* Сумарокова (ч. II, стр. 676), при чемъ та, о которой здѣсь рѣчь идетъ, озаглавлена *На дѣтицу*; въ послѣдній разъ г. В. Крестовскимъ — стихами, въ журналѣ *Время* за сентябрь 1862 г. См. также отдѣльно изданные 1862 *Стихи* его. Интересно сравнить эти два характерическіе образчика языка и литературы двухъ эпохъ, отдаленныхъ одна отъ другой на цѣлое столѣтіе.

А вотъ и буквальный переводъ въ прозѣ, сдѣланный г. Водовозовымъ и помѣщенный имъ вмѣстѣ съ позднѣйшимъ переводомъ Державина (см. ниже) въ статьѣ *Анакреонъ*, въ *Современникъ* за августъ 1857 года (стр. 154):

«Кажется мнѣ подобенъ богамъ тотъ мужчина, который сидитъ противъ тебя и вблизи внимаешь сладкому твоему голосу и любовному смѣху. Они заставляютъ трепетать сердце въ груди, и вдругъ исчезаетъ мой голосъ. Языкъ связанъ, и тонкій огонь тотчасъ пробѣгаетъ по моему тѣлу; я ничего не вижу очами, звенить у меня въ ушахъ, льется съ меня холодный потъ, всю обнимаетъ меня трепеть, и блѣднѣе вянущей травы; бездыханная, я готова думать, что умру черезъ минуту**.»

² Я чувствую въ тотъ мигъ, когда тебя узрю.

Печатаемъ этотъ стихъ по рукописи 1790-хъ годовъ, а не по изданію 1808 г., гдѣ вмѣсто *узрю* поставлено съ нимъ *зрю*, что не согласно съ подлинникомъ. Въ одной черновой рукописи: *ни зрю*.

³ Лишенная чувствъ, дрожу, блѣднѣю, умираю.

Ср. томъ I, стр. 37, въ примѣч. къ стихамъ *Нестыть*, подражаніе заключенію греческой оды. Такъ какъ эти стихи Державина писаны еще въ 1778 г., то нѣтъ сомнѣнія, что ода Сафо дѣйствительно была извѣстна ему очень давно; тѣмъ не менѣе редакція, въ которой переводъ его дошелъ до насъ, относится, какъ показано, къ позднѣйшему времени.

* Григ. Вас. Козицкій, питомецъ Кіевской академіи, адъютантъ Академіи Наукъ, а съ 1769 до 1775 г. служившій при собственныхъ дѣлахъ Императрицы. Въ 1775 г. (21 дек.) онъ самъ положилъ конецъ своей жизни (См. Russ. Bibl. Бакмейстера и *Отеч. Зап.* 1856, т. CV, «Любитель литературы» П. П. Пекарскаго, стр. 506). Грибовскій въ своихъ *Запискахъ* говоритъ подъ 1792 г., что онъ у П. А. Зубова видѣлъ *родственника ея* Козицкаго, слѣдов. *друга* Козицкаго.

** Съ этимъ любопытно сличить старыи буквальный переводъ И. Мартынова въ примѣчаніяхъ къ сочиненію Лонгина *О високомъ* (*Греч. классики*, ч. XX, Спб. 1826, стр. 49 и 240). *Стихотворенія Сафы*, перев. Павломъ Голеникутозовымъ, М. 1805, содержатъ собраніе ложно приписанныхъ ей позднѣйшихъ поддѣлокъ. — Въ *Соч.* Сумарокова (ч. II, стр. 146) есть также *Переводъ Сафиной оды*.

ВТОРОЙ ПЕРЕВОДЪ 1.

Блаженъ, подобится богамъ 1
 Съ тобой сидящій въ разговорахъ,
 Сладчайшимъ внемлющій устамъ,
 Улыбкѣ нѣжной въ страстныхъ взорахъ!
 Увижу ль я сіе, — и вмигъ 2
 Трепещеть сердце, грудь тѣснится,
 Нѣмбеть рѣчь въ устахъ моихъ
 И молнія по мнѣ стремится.
 По слуху шумъ, по взорамъ мракъ, 3
 По жиламъ хладъ я ощущаю;
 Дрожу, блѣднѣю — и, какъ злакъ
 Упадшій, вяну, умираю.

1. Этотъ переводъ, отнесенный самимъ Державиннымъ къ 1797 г., сдѣланъ имъ вѣроятно по буквальному переводу съ греческаго, въ намѣреніи болѣе приблизиться къ подлиннику. По несходству первоначальныхъ редакцій съ окончательною, присовокупляемъ здѣсь два старѣйшіе текста, изъ которыхъ одинъ найденъ нами въ черновой рукописи, а другой въ *Аонидахъ*. Въ рукописи Казанскаго университета отчасти видны вчеряѣ тѣ передѣлки, съ которыми эти стихи вошли въ позднѣйшія изданія.

Они были напечатаны: въ *Аонидахъ* 1797 г. (кн. II, стр. 244), съ подписью Д—мъ, въ *Анакреонтическихъ тысяцъ* 1804 г., стр. 104, и въ изданіи 1808, ч. III, лхлх, всѣ три раза подъ заглавіемъ *Сафо*.

1) Текстъ черновой рукописи:

Блаженъ, богамъ подобенъ тотъ,
 Кто, сидя напротивъ, внимасть
 Гласъ сладкій устъ твоихъ — и ахъ,
 Улыбку милую любви!
 Я вижу то, — и сердце бьетъ
 Мнѣ въ грудь сильнѣй, гласъ исчезаетъ,
 Языкъ не движется въ устахъ
 И быстрый огонь бѣжитъ въ крови.
 Темнѣютъ взоры, шумъ въ ушахъ,
 По тѣлу мразъ я ощущаю,
 Дрожу, блѣднѣю и, какъ злакъ,
 Паду безъ чувства, умираю.

2) Текстъ *Аонидъ*:

Блаженъ подобно тотъ богамъ,
 Кто близъ тебя, и страстно въ разговорахъ
 Внимаетъ сладостнымъ твоимъ устамъ
 И улыбанію во взорахъ!
 Увижу я сіе, — и вмигъ

Волнуеть кровь, дыханіе тѣснится,
 Языкъ не движется въ устахъ моихъ
 И быстрый огонь по мнѣ стремится.
 Во слухъ шумъ, во взорахъ мракъ,
 По тѣлу хладъ текущій ощущаю,
 Дрожу, блѣднѣю, вяну, будто злакъ,
 И бездыханна умираю.

Приложеніе.

Въ *Вѣстникъ Европы* за мартъ 1807 г. (ч. XXI, № 5, стр. 44) помещенъ переводъ этой оды, сдѣланный Жуковскимъ *. Для сравненія считаемъ лишнимъ приложить его здѣсь, тѣмъ болѣе, что онъ не включенъ въ собраніе сочиненій этого писателя. Замѣтимъ, что Жуковский, конечно въ намѣреніи устроить отношеніе, чуждое правамъ новаго міра, заставляетъ Сафо обращаться къ мужчинѣ, а не къ подругѣ.

САФИНА ОДА.

Блаженъ, кто близъ тебя однимъ тобой пылаеть,
 Кто прелестью твоихъ рѣчей обворожень,
 Кого твой ищетъ взоръ, улыбка восхищаетъ:
 Съ богами онъ сравнень!
 Когда ты предо мной, — въ душѣ моей волненье,
 Въ крови палащій огонь, въ очахъ померкнулъ свѣтъ;
 Въ трепещущей груди и скорбь и наслажденье;
 Ни словъ, ни чувства нѣтъ!
 Лежу у милыхъ ногъ, — горю огнемъ желанья,
 Блаженствомъ страстныхъ тоски утомлена!
 Въ слезахъ, вся трепещу, безъ силы, безъ дыханья,
 И жизни лишена!

В. Ж—ій.

Пользуемся случаемъ для помѣщенія здѣсь дополнительнаго примѣчанія къ стихамъ *Сафъ* (томъ I, стр. 405), къ началу 3-й строфы:

О, если бы я былъ Фаономъ.

По мнѣнію нѣкоторыхъ, Фаонъ былъ предметомъ страсти не лесбійской пѣвицы, а другой, позднѣйшей Сафо (см. Велькера *Sappho von einem herrschenden Vorurtheil befreit*, Геттингенъ, 1816). У насъ преданіе объ этой несчастной любви, кончившейся будто-бы тѣмъ, что Сафо бросилась въ море съ Левкадской скалы, прославлено тремя счастливыми стихами Батюшкова:

«Ты Сафо, я Фаонъ: объ этомъ я не спорю;
 Но, къ моему ты горю,
 Пути не знаешь къ морю».

Немногимъ, можетъ быть, извѣстно, что эти стихи написаны на Анну Петровну Бунину, влюбленную въ И. И. Дмитріева.

* Онъ перепечатанъ потомъ и въ изданномъ подъ его именемъ «Собраніи русскихъ стихотвореній», ч. V.

6. ХРАПОВИЦКОМУ¹.

Храповицкій! дружбы знаки 1
 Вижу я къ себѣ твои:
 Ты ошибки, лесть и враки
 Кажешь праведно мои;
 Но съ тобой не соглашуся
 Я лишь въ томъ, что я орель².
 А по твоему коль станеть, 2
 Ты мнѣ путы развяжи;
 Гдѣ свободно громъ мой грянетъ³,
 Ты мнѣ небо покажи;
 Гдѣ я въ поприще пушуся
 И препонъ бы не имѣлъ?
 Гдѣ чертогъ найду я правды? 3
 Гдѣ увижу солнце въ тмѣ?
 Покажи мнѣ тѣ ограды
 Хоть близъ трона въ вышинѣ,
 Чтобъ гдѣ правду допускали⁴
 И любили бы ее.
 Страхъ связаннымъ цѣпями 4
 И рожденнымъ подъ жезломъ,
 Можно ль орлими крылами
 Къ солнцу намъ парить умомъ?
 А хотя бъ и возлетали. —
 Чувствуемъ ярмо свое⁵.
 Должны мы всегда стараться⁶, 5
 Чтобы сильнымъ угождать,
 Ихъ любимцамъ поклоняться,
 Словомъ, взглядомъ ихъ ласкать⁶.
 Рабъ и похвалить не можетъ,
 Онъ лишь можетъ только льстить.
 Извини жъ, мой другъ, коль лестно 6
 Я кого гдѣ воспѣвалъ:
 Днесъ скрывать мнѣ тѣхъ безчестно,
 Разъ кого я похвалялъ⁶.
 За слова — меня пусть гложеть,
 За дѣла — сатирикъ чтить⁴.

¹ Въ коихъ правду допускали (Рукоп.).

⁶ И рожденнымъ быть нулемъ.

^в Иго чувствуемъ свое.

^г Должны, должны мы стараться,
Чтобъ царямъ лишь угождать.

^а Словомъ, дѣломъ ихъ ласкать.

^е ... я прославлялъ (Въ изд. 1808 опять: *воспѣвалъ* — опечатка).

¹ Отношенія Храповицкаго къ Державину уже объяснены при такомъ же посланіи поды 1793 г. (томъ I, стр. 383); тамъ сообщили мы и нѣсколько біографическихъ о немъ свѣдѣній. Настоящая пьеса была отвѣтомъ на стихи X. (помѣщаемые нами здѣсь въ приложеніи), въ которыхъ авторъ, прочитавъ сочиненія Д., упрекалъ его за то, что онъ иногда хвалилъ Потемкина и Зубовыхъ. — По свидѣтельству П. Н. Бартенева, строфы 4-я и 5-я, особливо послѣдняя, принадлежали къ числу любимыхъ стиховъ покойнаго К. С. Аксакова.

Напечатано въ изданіи 1808 г., ч. II, xxxi.

² Я лишь въ томъ, что я орелъ.

Въ посланіи Храповицкаго къ Державину есть между прочимъ стихъ (10-й отъ начала, см. ниже): «Орелъ державный ты, — я пташка».

³ Гдѣ свободно громъ мой грянетъ и проч.

Кажется, этотъ и слѣдующій стихъ должно разумѣть такъ: «покажи мнѣ такое небо, гдѣ бы громъ мой могъ свободно грянуть».

⁴ За дѣла — сатирикъ чтить.

Послѣдніе два стиха обратили на себя особенное вниманіе Пушкина, Гоголя и Жуковскаго. Гоголь въ началѣ статьи своей «О томъ, что такое слово» приводитъ слѣдующее замѣчаніе, сдѣланное Пушкинымъ по прочтеніи этихъ двухъ стиховъ: *Державинъ не совсѣмъ правъ: слова поэта суть уже его дѣла*. «Пушкинъ правъ», продолжаетъ Гоголь: «поэтъ на поприщѣ слова долженъ быть такъ же безукоризненъ, какъ и всякій другой на своемъ поприщѣ» и проч. (*Соч. и письма Н. В. Гоголя*, т. III, стр. 341). Жуковскій въ одномъ письмѣ къ Гоголю говоритъ: «Стихи Державина, служащіе, такъ сказать, темою твоей статьи, не имѣютъ, по моему мнѣнію, никакого яснаго смысла: ошибки писателя не извиняются его человѣческими добродѣтелями; и самолюбіе поэта, оскорбленное критикою, не утѣшится, когда онъ самъ себѣ или аристархъ ему скажетъ: *ты негодный поэтъ, но человекъ почтенный*. Но то, что сказалъ Пушкинъ о стихахъ Державина, весьма значительно: оно будетъ теперь главнымъ предметомъ моей съ тобою бесѣды» и проч. (*Соч. В. Жуковскаго*, т. XI. Спб. 1857, стр. 147). Здѣсь кстати привести мнѣніе одного нѣмецкаго писателя о словахъ и дѣлахъ поэта: «Поэтъ рѣдко можетъ быть полезенъ человечеству *дѣлами*; но онъ можетъ оказывать тѣмъ болѣе пользы *словами*, хвала похвальное, порицаніе достойное хулы, отстаивая заслугу противъ зависти, карая недоброжелательство и клевету, подготавливая судъ потомства и увѣковѣчивая добродѣтель, какъ образецъ для будущаго. Потому-то дары Музъ ничѣмъ не ниже посланныхъ другими богами, и пѣвецъ смѣло можетъ ставить себя на ряду съ героями и сильными міра: ему свойственно все обозрѣвать и наблюдать спокойно; онъ можетъ давать

спасительныя наставленія людямъ, ослабленнымъ духомъ партій, и даже правителямъ (Гартунгъ во вступл. къ соч. Пиндара, Лейпцигъ, 1855, стр. XXV).

Приложенія къ посланію къ Храповицкому.

1.

Помѣщаемыя здѣсь стихи А. В. Храповицкаго, послужившіе поводомъ къ посланію Державина, были напечатаны, однакожь съ пропусками, въ III-й книжкѣ *Раута*, М. 1854 (стр. 150). Мы прилагаемъ ихъ въ полномъ видѣ по рукописи, доставленной намъ почтеннымъ издателемъ этого сборника, Н. В. Сущковымъ.

ЛЮБЕЗНОМУ АВТОРУ Г. Р. Д.

Пишу къ тебѣ, писалъ какъ прежде,
По старой дружбѣ и надеждѣ,
Что ты, изъ милости своей,
Не всяко лыко въ строкуставишь;
Но только самъ себя забавишь,
Смѣясь простотѣ моей.

Я предъ тобою откровенно
Прямую правду дерзновенно,
Необинуясь говорю:
Орель державный ты, — я пташка;
Хоть въ крыльяхъ не сильна замашка,
Но мнится, въ облакахъ парю.

Мнѣ мнится вознестись съ тобою,
Свирѣлку согласить съ трубою
И за орломъ вдали порхать;
Въ восторгѣ пылаго паренья,
Не тѣ услыша ударенья,
Могу свирѣлкой досказать.

Могу негладкій стихъ погладить,
Замѣтить, гдѣ стопу приладить
И какъ бы рнемѣ мягче лечь;
Но ежели моп замѣтки
Съ твоею Музой... не сосѣдки,
Прошу покорно бросить въ печь.

Люблю твои я стихотворства:
Въ нихъ мало лести и притворства,
Но иногда — *полы лоцишь**....
Я твой же стихъ напоминаю
И самъ поистинѣ не знаю,
Зачѣмъ ты такъ, мой другъ, грѣшишь.

Достойны громкой славы звуковъ
Пожарскій, Мининъ, Долгоруковъ

* См. строфу 2-ую оды *На умѣренность* (томъ I, стр. 349).

И за Дунаемъ храбрый Петръ;
 Но Зубовыхъ дѣла не громки,
 И спрячь Потемкиныхъ въ потемки:
 Какъ пузырей, ихъ свѣтъ вѣтръ.

Великъ былъ Петръ, великъ неложно;
 Но какъ повѣрить намъ возможно,
 Что онъ полцарства отдавалъ
 За то, чтобъ Ришельё воскреснулъ? ** ...
 У насъ бы онъ съ коварства треснулъ,
 Или Россію продавалъ.

У насъ цари не Лудовики
 И не министрами велики,
 Собой велики паче всѣхъ:
 Былъ Меншиковъ и Биронъ смиренъ,
 И Зубовъ, ставши размундиренъ,
 Для всѣхъ Россіянъ только смѣхъ.

29-го марта 1797.

Твоею творческой рукою
 И пылкою стиховъ красою
 Достойныхъ должно прославлять,
 Великихъ, мудрыхъ, справедливыхъ;
 Но случаемъ слѣпымъ счастливыхъ
 Въ забвеньи вѣчномъ оставлять.

Прибавлено 5-го апрѣля 1799.

2.

Стихи Державина вызвали слѣдующее новое привѣтствіе со стороны Храповицкаго, также напечатанное въ III-й книжкѣ *Раута*:

Вижу, вижу безпристрастно,
 Что Державинъ правдѣ другъ:
 Сердце честно, чисто, ясно,
 Все умомъ постигнуть вдругъ.
 Грянетъ громомъ — всѣ трясутся!
 Дастъ хвалу — и вознесутся!
 Не орелъ — ты самъ Зевесъ.
 Въ пылкомъ, въ громкомъ твоемъ слогѣ
 Пиндаръ и Орфей воскресъ. —
 Хоть на грязной я дорогѣ
 Средь Коломны нанялъ домъ,
 Стары счеты разбираю,
 Цифры съ цифрами сличаю
 И журналъ верчу вверхъ дномъ:
 Но тебя я почитаю,
 Восхищенъ твоимъ умомъ.

1-го апрѣля 1797.

** Это сказано по поводу стиховъ Державина въ одѣ *Мой истуканъ* (томъ I, стр. 427):

Отдастъ Арману Петръ полтрона,
 Чтобъ править научилъ другой.

3*

3.

Изъ чиселъ, которыми помѣчены тѣ и другіе стихи Храповицкаго, видно, что Державинъ своимъ посланіемъ отвѣчалъ на первые изъ нихъ немедленно. Получивъ послѣдніе, онъ написаѣ опять слѣдующій отвѣтъ:

А. В. ХРАПОВИЦКОМУ.

Какъ назвалъ ты меня Зевесомъ,
Отъ имя Божья грянулъ громъ;
Я съ страху скрылся подъ навѣсомъ
И бью тебѣ, мой другъ, челомъ:
Избавь отъ пышныхъ титла: я пѣшка.
Чрезмѣрна похвала — насмѣшка.

Эти стихи были напечатаны въ *Маякѣ* 1842 г. (т. I, кн. 2, *Замѣтки*, стр. 90) съ слѣдующимъ пояснительнымъ разсказомъ.

«Въ одинъ изъ знойныхъ лѣтнихъ дней 1797 года Державинъ прохаживался въ саду съ А. В. Храповицкимъ. Сбирался тучи, но два «пріятеля не замѣчали ихъ. Разговоръ коснулся поэзіи. Храповицкій распространялся въ похвалахъ великому поэту и въ восторгѣ не щадилъ «никакихъ сравненій. *Вы не поэтъ*, сказалъ онъ: *вы Зевесъ-громовержецъ*. «Въ эту минуту блеснула ослѣпительная молнія и раздался такой ударъ «грома, что Державинъ, при всей своей смѣлости и привычкѣ къ военной жизни, бросился подъ навѣсъ бесѣдки; — туда же побѣжалъ и «Храповицкій. Оба, оглушенные ужаснымъ раскатомъ грома, нѣсколько «времени стояли безмолвно. Наконецъ Державинъ прервалъ молчаніе. «*Вотъ видишь ли, какой я громовержецъ!*» сказалъ онъ Храповицкому, — и «въ тотъ же день записалъ въ своей бѣлой книгѣ предыдущіе шесть «стиховъ.»

На выраженное нами сомнѣніе въ дѣйствительности переданнаго тутъ случая Б. М. Федоровъ замѣчаетъ, что разсказъ въ главныхъ чертахъ справедливъ и что дѣло происходило такъ: Храповицкій, жившій недалеко отъ дома Держ., по ту сторону Измайловскаго моста, самъ привезъ ему стихи, въ которыхъ назвалъ его Зевесомъ, и читалъ ихъ ему въ саду. Въ то самое время раздался такой страшный ударъ грома, что оба поспѣшили удалиться: Храповицкій тотчасъ же уѣхалъ домой, а Державинъ спрятался подъ бывшимъ въ саду навѣсомъ. Послѣдній самъ разсказывалъ это г. Федорову въ 1815 г., когда тотъ слишкомъ восторженно похвалилъ его. Державинъ при этомъ вспомнилъ свой отвѣтъ Храповицкому и прибавилъ, что только умѣренная похвала пріятна, какъ благоуханіе розы и резеды, которое иногда вдругъ захвѣтъ со стороны на гуляющаго въ саду; густой же дымъ ѳніама ошеломляетъ.

7. ЖЕЛАНІЕ ВЪ ГОРНЯЯ¹.

О, коль возлюбленно селенье
Твое мнѣ, Боже, Боже силъ!
Душа въ восторгѣ, въ умиленѣ;

На пламенномъ пареньи крыль
 Къ Тебѣ моя летитъ, стремится,
 И жаждетъ Твой узрѣть чертогъ;
 А плоть и сердце веселится,
 Что царствуетъ мой въ небѣ Богъ^а!
 Какъ голубь храмину находить
 И ласточка^б гнѣздо себѣ,
 И въ немъ дѣтей своихъ выводить,
 Такъ я найду покой въ Тебѣ.

Блаженъ въ дому Твоемъ живущій
 И восхваляющій Тебя,
 Защитникомъ Тебя имущій
 Въ невинномъ сердцѣ у себя!
 Долину можетъ онъ унылу^в
 Въ луга и воды превратить,
 Ненастье въ ведро, — духомъ въ силу
 Пришедъ, въ Сіонѣ опочить.

2

Услышь, услышь мое моленье,
 О Боже силъ! міровъ Господь!
 Внуши сердечное прошенье,
 И призри на меня съ высотъ.

Въ Твоемъ мнѣ домѣ день милѣе,
 Чѣмъ тысячи въ дому другихъ^г;
 У прага храма веселѣе,
 Чѣмъ у вельможъ на пирѣ злыхъ.
 Единъ даешь всѣ благи смертнымъ,
 Великолѣпье, славу Ты!
 Не оставляешь непримѣтнымъ
 Ты и меня въ моемъ пути.

3

Такъ, Ты, Который управляетъ
 Подсолнечной изъ вѣка въ вѣкъ!
 Блаженъ, блаженъ, коль уповаетъ
 На Бога токмо^д человекъ!

^а Что ты вѣкъ живъ въ немъ, царь и Богъ (Рукоп.).

^б И горлица ...

^в Юдоль бесплодна и унылу
 Въ потоки можетъ превратить.

^г ... въ дворахъ другихъ.

^д ... только.

¹ Это подражаніе 83-у псалму написано, по словамъ Державина (Об.), въ 1796 или 1797 году; не имѣя причины вѣрить одному показанію бо-лѣе другаго, мы нашли удобнѣе принять второе. Въ первоначальныхъ рукописяхъ читается заглавіе: Упованіе на Бога. Напечат. въ изд. 1808, ч. II, ш..

8. КЪ МУЗЪ¹.

Строй, Муза^а, арфу золотую 1
 И юную весну воспой:
 Какъ нѣжною она рукой
 На небо, море голубую,
 На доли и вершины горъ
 Зелену ризу надѣваетъ,
 Вкругъ ароматы разливаетъ,
 Всѣмъ ослабляетъ взоръ.
 Смотри, какъ цѣпью птицъ станицы 2
 Летятъ подъ небомъ и трубятъ;
 Какъ жаворонки^б вверхъ парятъ.
 Какъ гусли тихи, иль цѣвницы,
 Звенятъ ихъ гласы съ облаковъ;
 Какъ ключъ шумитъ, свирѣль^в зываетъ,
 И между всѣхъ ихъ пробѣгаетъ
 Свистъ громкій соловьевъ.
 Смотри: въ проталинахъ желтѣютъ, 3
 Какъ звѣзды, межъ снѣговъ цвѣты;
 Какъ распутившись^в розъ кусты
 Смѣются въ люлькахъ^з и алѣютъ;
 Сквозь мглу восходитъ^г злакъ челомъ,
 Лѣса вѣтвями помагаютъ,
 По рдню водъ стеклу мелькаютъ
 Вверхъ рыбы серебромъ.
 Смотри, какъ солнце^а золотое 4
 Днесъ лучезарнѣе горитъ;
 Небесное лицо глядитъ
 На всѣхъ, веселое, младое,
 И будто^е вся играетъ тварь;
 Природа блещетъ, восклицаетъ:
 Или какой себя вѣнчаетъ^ж
 Короной міра царь?

- Строй, Даша. ... (1797).
- А жаворонки ... (1804).
- А распустившись ... (1797 и 1804).
- ... выходить ... (1797).
- Смотри, и солнце ...
- Какъ будто ...
- Какъ бы младый себя вѣнчаетъ.
— Не сей ли день себя вѣнчаетъ (Рукоп.).

¹ Первоначальное заглавіе этой пьесы было: Дашѣ въ Свѣтлое Христова воскресенье. Апрѣля 5, 1797. Это былъ день коронаціи императора Павла: онъ отправился въ Москву около середины марта, прибылъ 15-го числа въ Петровскій дворецъ, а въ Вербное воскресенье имѣлъ торжественный вѣздъ въ древнюю столицу: народъ встрѣтилъ Государя съ неописаннымъ восторгомъ. На коронаціи присутствовалъ польскій король Станиславъ Августъ, жившій въ Петербургѣ и поѣхавшій вмѣстѣ съ дворомъ въ Москву. Послѣ обряда вѣнчанія императоръ Павелъ посѣтилъ южныя губерніи и, пробывъ мѣсяца два въ отсутствіи, возвратился въ Петербургъ (*Зап. И. В. Лопухина и Реймерса*). Подъ Дашею поэтъ разумѣлъ вторую жену свою (см. о ней томъ I, стр. 408). Съ приведеннымъ заглавіемъ стихотвореніе напечатано въ *Аонидахъ* 1797 г. (кн. II, стр. 281). Въ *Анакреонтич. пѣсняхъ*, 1804, стр. 15, оно уже названо *Къ Музѣ*; въ изд. 1808 см. ч. III, VII.

² Смѣются въ люлькахъ ...

Здѣсь *люлька* употреблено въ томъ смыслѣ, какой у Нѣмцевъ имѣетъ слово *Beet* (Bett) — клумба.

9. ПРИШЕСТВІЕ ФЕБА ¹.

Тише, тише, вѣтры, вѣйте, 1
 Благовоніемъ дыша;
 Пурпуровымъ златомъ рдѣйте,
 Воды, долы! — и душа,
 Спящая въ лѣсахъ зеленыхъ,
 Гласовъ, эховъ сокровенныхъ,
 Пробудися свѣтлымъ днемъ:
 Встань ты выше, выше холмъ!
 Въ лучезарной колесницѣ 2
 Отъ востока Фебъ идетъ ^а;
 Внизъ съ рамень по багрянницѣ
 Въ кудряхъ золото течеть;
 А отъ лиры сладкострунной
 Божій тихій гласъ перунной
 Такъ рѣками въ долъ падеть,
 Какъ съ небесъ лазурныхъ свѣтъ.

Утренней зари прекрасной,
 Дней веселыхъ свѣтлый царь!
 Ты, который дланью властной
 Сыплешь свѣтъ и жизнь на тварь,
 Правя легкими возжами,
 Искрометными конями
 Обтекаешь мѣръ кругомъ,
 Стань предъ насъ своимъ лицомъ!

3

Возсіяй въ твоей коронѣ,
 Давъ лунѣ и лику звѣздъ,
 На твоёмъ отдѣльномъ тронѣ,
 Твой лучистый, милый свѣтъ!
 Стань скорѣй предъ жадны взоры,
 Да поють и наши хоры
 Радостныхъ отца сыновъ
 Славу, счастье и любовь!

4

^a ... гридетъ (1804).

¹ Это собственно не что иное, какъ вольный переводъ гимна Аполлону, который пѣкоторые приписываютъ Діонисию, жившему, вѣроятно, лѣтъ за 200 до Р. Х. Но Державинъ примѣнилъ древнее произведение къ случаю и отмѣтилъ, что его подражаніе было написано въ маѣ мѣсяцѣ на возвращеніе императора Павла изъ Москвы послѣ коронаціи. Въ оглавленіи *Амакреонт. пьесей* 1804 г., гдѣ эта пьеса въ первый разъ была напечатана (стр. 17), прибавлено: «подраженіе Діонисию Сиракузскому»(?). То же сказано и въ *Объясненіяхъ*. Въ изд. 1808, см. ч. III, VIII.

Приводимъ греческій гимнъ какъ въ подлинникѣ, такъ и въ подстрочномъ переводѣ:

ΥΜΝΟΣ ΕΙΣ ΑΠΟΛΛΩΝΑ.

Εὐφημείτω πᾶς αἰθέρ·
 οὐρα, τέμπεα σιγάτω,
 γῆ καὶ πόντος καὶ πνοιαί,
 ἤχοι φθόγγι τ' ὀρνίθων·
 μέλλει δὲ πρὸς ἡμᾶς βραίνειν
 Φοῖβος ἀκροσεκόμας, ἀχέτας.
 Χιονοβλεφάρου πάτερ Ἄουε,
 ῥοδέεσσαν ὅς ἀντυγα, πάλων
 πτανοῖς ὑπ' ἵχνεσι, διώκεις,
 χρυσέαισιν ἀγαλλόμενος κόμαις,
 περὶ νῶτον ἀηείριτον οὐρανοῦ
 ἀκτῖνα πολὺστρεφον ἀμπλέκων,
 αἴγλας πολυκερδέα παγάν

περὶ γαῖαν ἄπασαν ἐλίσσω.
 ποταμοὶ δὲ σέθεν πυρὸς ἀμβρότου
 τίχτουσιν ἐπήρατον ἀμέραν.
 σοὶ μὲν χορὸς εὐδῖος ἀστέρων
 κατ' Ὀλυμπον ἀνακτα χορεύει,
 ἄνετον μέλος αἰὲν αἰείδων,
 Φοιβῆϊδι τερπόμενος λύρα.
 γλαυκὰ δὲ παροῖτε Σελάνα
 χορὸν Ὠρίων ἀγεμονεύει
 λευκῶν ὑπὸ σύρμασι μόσχων.
 γάνυται δὲ τέ οἱ νόος εὐμενῆς
 πολυείμονα κόσμον ἐλίσσω.

(Якобса Anthologia graeca, т. II, стр. 230 *).

«Да будетъ безмолвенъ весь эонръ; да молчать горы и долины, земля и море и дуновения, отголоски и пѣсни птицъ: къ намъ приближается Фебъ свѣтловласый, звонкій. Отецъ Зари, у которой снѣжнобѣлыя вѣжды, стремящій розовую колесницу по слѣдамъ крылатыхъ ковей, сіяя золотыми кудрями, простирая по безпредѣльному хребту неба многовращательный лучъ, ты носишь по всей землѣ благодатный источникъ свѣта! Рѣки твоего безсмертнаго огня раждаютъ возлюбленный день. Для тебя свѣтлый хоръ звѣздъ водить хороводы по царственному Олимпу, вѣчно возгласяя свободную пѣснь, услаждаясь Фебовою лирой. Впереди же сіяющая Луна выводитъ обычный хоръ, влекомая бѣлыми тельцами. Веселится духъ ея благосклонный, вращая пестрый міръ звѣздъ».

Въ стихахъ Державина императоръ Павелъ уже не въ первый разъ былъ привѣтствованъ названіемъ Феба. Когда при вѣздѣ въ Москву (см. выше стр. 39) онъ остановился у Иверской часовни, два очень молодые воспитанника Тронцко-сергіевской семинаріи произнесли приготовленный къ этому случаю стихотворный разговоръ. При появленіи Императора раздалось передъ собравшеюся толпою:

«Бросай же поскорѣй цѣпть!» —

Да онъ ли это, знаешь ты? —

«Да какъ же не узнать намъ Феба,

Когда для насъ онъ сходитъ съ неба!»

Государь, сперва неприятно пораженный такою по видимому неумѣстною бесѣдой двухъ юношей, принялъ однакожъ этотъ знакъ усердія очень милостиво, обласкалъ обоихъ семинаристовъ и пожаловалъ каждому изъ нихъ шпагу, ботфорты со шпорами и треугольную шляпу, съ правомъ снимать ее только передъ государемъ и главнымъ начальникомъ ихъ, митрополитомъ Платономъ. Въ этомъ нарядѣ оба ученика присутствовали при коронаціи. Одинъ изъ нихъ (именно тотъ, который произнесъ стихи,

* Беллерманъ издалъ Die Hymnen des Dionysius und Mesomedes (Берлинъ, 1840); здѣсь этотъ гимнъ разсмотрѣнъ критически и предложены измѣненія въ текстѣ. Мы однакожъ не рѣшились отступить отъ прежнихъ изданій. Гимнъ Аполлону переводили многіе, въ томъ числѣ Гердеръ и гр. Штольбергъ.

напечатанные здѣсь курсивомъ), впоследствии новгородскій и с-петербургскій митрополитъ Григорій (род. 1784, ум. 1860), а въ то время рослый и красивый отрокъ съ звоннымъ голосомъ, рассказывалъ этотъ случай покойному I. И. Ростовцеву незадолго до смерти послѣдняго (слышано отъ присутствовавшего при разсказѣ П. П. Семенова и отъ А. К. Гирса).

Сверхъ того, во время шествія Императора въ соборы, «20 большихъ студентовъ и 20 малыхъ», по распоряженію св. Синода, пѣли сочиненные предварительно три канта, въ одномъ изъ которыхъ встрѣчались стихи:

«Се Фебъ россійскія державы,
Блаженства нашего творецъ» и проч.

(Смирнова *Исторія Московской Академіи*, стр. 347).

10. ВОЗВРАЩЕНІЕ ВЕСНЫ¹.

Возвращается весна,
И Хариты вокругъ блистають,
Взоры смертныхъ привлекають.
Гдѣ стоять, грядетъ она, —
Воздухъ дышитъ ароматомъ,
Усмѣхается заря,
Чешутся рѣки златомъ²;
Рощи, въ зеркалы смотря,
На вѣтвяхъ своихъ качають
Теплы, легки вѣтерки;
Сильфы рѣзвятся, порхають,
Зелень всюду и цвѣтки
Стелють по землѣ коврами;
Рыбы мечутся изъ водъ;
Журавли, віясь кругами³
Сквозь небесный синій сводъ,
Какъ валторны возглашають;
Соловей гремитъ въ кустахъ;
Звѣри прыгають, брыкають,
Гласъ ихъ вторится въ лѣсахъ.
Горстью пахарь дождь на нивы⁴
Сѣетъ вокругъ себя златой;
Бѣлы парусы игривы
Вдулись на морѣ горой;
Вся природа торжествуетъ,
Празднуетъ весны приходъ,

10

20

Все играетъ, все ликуеть.
 Нимфы! станьте въ хороводъ
 И, въ бѣлѣйши снѣга ткани
 Облеченны, изо льну,
 Простирайте нѣжны длани,
 Принимайте вы весну,
 А въ цвѣтахъ ея щедроты,
 А въ зефирахъ огонь сердцамъ.
 Съ нею къ вамъ летять Эроты:
 Безъ любви нельзя жить вамъ.

30

¹ Написано на прїѣздъ императрицы Маріи Ѳеодоровны, въ маѣ мѣсяцѣ, изъ Москвы въ дѣвичій (*Смоленскій*) монастырь * (*Об. Д.*). Въ рукописи Казанскаго университета какъ это, такъ и предыдущее стихотвореніе набросаны еще только начерно, со множествомъ поमारокъ. Кажется, пьеса эта въ нѣкоторой, впрочемъ отдаленной связи съ XXXVII-ю (44) Анакреоновскою одою (*Весна*), такъ начинающеюся въ переводѣ Львова:

«Посмотри при возвращеньи
 Къ намъ прїятны весны,
 Какъ Хариты усыпають
 Розами повсюду лугъ!»

Напечат. въ *Анакр. пѣсняхъ*, стр. 19, и въ изд. 1808, ч. III, гл.

² Чешутся рѣки золотомъ.

«Державинъ о мелкомъ при солнечныхъ лучахъ волненіи рѣкъ сказалъ: *Чешутся рѣки золотомъ*. Онъ первый примыслилъ и употребилъ глаголь сей, толь прилично изображающій взволнованную вѣтеркомъ поверхность. Подобная новость въ языкѣ или, правильнѣе, въ словесности, есть конечно счастливое вдохновеніе таланта» ... (*Шишковъ Разсужд. о старомъ и новомъ словѣ*, въ Собр. его сочин., т. II. Спб. 1824, стр. 27).

³ Журавли, вѣясь кругами и проч.

Ср. у Львова: «Утка плещется водою,
 И летять къ намъ журавли».

Ср. также въ *Благодарности Фелицъ* (томъ I, стр. 104) стихи:

Тамъ тучи журавлей стадаются,
 Валторнъ съ высотъ пуская громъ.

⁴ Горстью пахарь дождь на нивы и проч.

У Львова: «Продвѣтають злачны нивы
 Земледѣльческимъ трудомъ.»

* См. ниже, подъ этимъ же годомъ, стихотвореніе *Праздникъ воспитанницъ дѣвичьяго монастыря*.

11. КУПИДОНЪ¹.

Подъ Медвѣдицей небесной^а,
 Средь ночныя темноты,
 Какъ на мѣръ сей сонъ всемѣстной
 Съпалъ маковы цвѣты;
 Какъ спокойно всѣ ужъ спали,
 Отягченные трудомъ, —
 Слышу: въ двери застучали
 Кто-то громко вдругъ кольцомъ. 8
 Кто, спросилъ я, въ дверь стучится
 И тревожитъ сладкій сонъ?
 «Отвори: чего страшиться?»
 Отвѣчалъ мнѣ Купидонъ:
 «Я ребенокъ, какъ-то сбился
 Въ ночь безлунную съ пути²;
 Весь дождемъ я замочился,
 Не найду, куда идти^б.» 16
 Жаль его мнѣ очень стало,
 Всталъ и высѣкъ я огня;
 Отворилъ лишь двери мало,
 Прыгъ дитя передъ меня.
 Въ тулѣ лукъ на немъ и стрѣлы.
 Я къ огню съ нимъ поспѣшилъ,
 Теръ руками руки мерзлы,
 Кудри влажные сушилъ. 24
 Онъ успѣлъ лишь обогрѣться³,
 «Ну, посмотримъ-ка», сказалъ:
 «Хорошо ли лукъ мой гнется?
 Не испорченъ ли чѣмъ сталъ?»
 Молвилъ, и стрѣлу мгновенно
 Острую въ меня пустилъ,
 Ранилъ сердце мнѣ смертельно
 И, смѣясь, говорилъ: 32
 «Не тужи: мой лукъ годится⁴,
 Тетива еще цѣла.»
 Съ тѣхъ поръ началъ я крушиться,
 Какъ любви во мнѣ стрѣла.

^а Звѣздъ подъ сѣнію небесной

Средь полночной темноты,
 Какъ на мѣръ весь сонъ прелестной (1804).
⁶ И не знай, куда идти.

¹ Пьеса *Купидонъ* — та же Анакреоновская ода (III, *Любовь*; 31, *Ейсъ Ерота*), которая переведена Ломоносовымъ въ его *Риторикъ* (§ 309) и начинается у него стихами:

«Ночвою темнотою
 Покрылись небеса;
 Всѣ люди для покою
 Сомкнули ужъ глаза»...

Сумароковъ также подражалъ этой Анакреоновской одѣ, но произвольно измѣнилъ ея содержаніе (*Соч. его*, ч. II, стр. 192).

Купидонъ напечатанъ въ *Анакреонтическихъ пѣсняхъ* 1804 г., стр. 68, и въ изданіи 1808, ч. III, xxxiii.

² ... Въ ночь безлунную съ пути.

У Львова ода начинается такъ:

«Въ часъ полуночный недавно,
 Какъ Воота подъ рукой
 Знакъ Арктоса обращался;
 Какъ всѣ званія людей
 Сна спокойствіе вѣшали,
 Отличенные трудомъ, —
 У дверей моихъ внезапно
 Постучалъ Эроть кольцомъ.
 Кто, спросилъ я, въ дверь стучится
 И тревожитъ сладкій сонъ? ...
 Отвори, Любовь сказала:
 Я ребенокъ, не страшись;
 Въ ночь безмѣсячную сбился
 Я съ пути и весь обморь. ...»

³ Онъ успѣлъ лишь обогрѣться и проч.

У Львова: «Онъ лишь только обогрѣлся:
 Ну, посмотримъ-ка, сказалъ».

⁴ Не тужи: мой лукъ годится.

У Ломоносова: «Мой лукъ еще годится,
 И цѣль и съ тетивой;
 Ты будешь вѣкъ крушиться
 Отпущень, хозяинъ мой.»

Въ послѣднихъ двухъ стихахъ оды Державинъ отступилъ отъ близкаго перевода Львова, гдѣ, какъ въ подлинникѣ, она кончается словами Эрота:

«Лукъ еще мой не испорченъ,
 Сердце онъ пронзилъ твое».

Приложеніе.

(Общее примѣчаніе къ анакреонтическимъ одамъ).

Съ 1797 года дѣятельность Державина по анакреонтической поэзии особенно усиливается. Вотъ почему мы здѣсь, при первомъ стихотвореніи этого рода, помѣщаемъ примѣчаніе, общее для всѣхъ произведеній Державина, заимствованныхъ изъ Анакреона или, вѣрнѣе, изъ сборника пѣсень, которыя долго приписывались Анакреону. Такъ какъ въ нашу литературу до сихъ поръ еще мало проникли результаты германской филологической критики въ отношеніи къ этому писателю, то мы и считаемъ полезнымъ коснуться здѣсь новѣйшихъ о немъ изслѣдованій. Анакреонъ, изъ іоническаго города Теоса (559 — 474 до Р. Х.), былъ поэтъ которому древніе справедливо удивлялись и о жизни котораго дошли до насъ довольно подробныя свѣдѣнія. Его талантъ былъ очень разнообразенъ: онъ писалъ элегіи, ямбы, гимны и особенно *пемии* (веселыя пѣсни). Но изъ всего этого сохранились одни только небольшіе отрывки; тѣ же пѣсни, которыя такъ давно издаются подъ именемъ Анакреоновыхъ и составляютъ болѣе 60-и, признаны нѣмецкими эллинистами за гораздо позднѣйшія произведенія, принадлежащія вѣроятно уже ко времени христіанства; большая часть ихъ возникли, какъ думаютъ, незадолго до Юстиніана и своимъ происхожденіемъ обязаны многочисленнымъ подражателямъ Анакреона*. Онъ ни по духу своему, ни по метру, ни по языку, въ которомъ мало признаковъ іоническаго нарѣчія, не носятъ на себѣ печати древности; по содержанію своему онъ не связаны ни съ какими обстоятельствами мѣста и времени и выражаютъ только отвлеченный пафосъ**. По всему этому, не считая авторомъ ихъ самого Анакреона, нѣмецкіе критики послѣднихъ десятилѣтій усвоили имъ названіе Анакреонтеа. Подъ этимъ заглавіемъ онъ изданы были въ 1825 г. критически Мельгорномъ (Mehlhorn, въ Глогау), и это изданіе до сихъ поръ высоко цѣнится.

Уваженіе, съ какимъ древніе отзываются о произведеніяхъ Анакреона, было перенесено новѣйшими на эти *Анакреоновскія оды*, за которыми можно признать развѣ только достоинство легкости, наивной веселости, затѣливой шутки и часто замысловатаго содержанія. Эти свойства, вмѣстѣ съ славою имени, сопровождавшаго пѣсни, доставили имъ такой успѣхъ въ новомъ мірѣ, что многіе изъ лучшихъ писателей во всѣхъ европейскихъ литературахъ считали за честь быть переводчиками или подражателями Анакреона, такъ же какъ и Горация.

Не менѣе посчастливилось Анакреоновскимъ одамъ и въ Россіи: лав-

* Ихъ въ первый разъ собралъ Константинъ Кефаласъ; рукопись его относятся къ десятому столѣтію. Первое изданіе ихъ сдѣлалъ 1564 г. въ Парижѣ Гейрихъ Стефанусъ. Главное обстоятельство, не позволяющее признать Анакреона дѣйствительнымъ авторомъ приписываемыхъ ему пѣсень, — то, что онъ не заключаютъ въ себѣ ничего изъ тѣхъ отрывковъ, которые приводятся у древнихъ писателей, какъ достовѣрно принадлежащіе Анакреону.

** G. Bernhardt, Grundriss der Griechischen Litteratur, ч. II, Галле, 1856.

рами вѣчно-юнаго старца украшались Ломоносовъ, Сумароковъ, Херасковъ и многіе другіе. Еще и у Пушкина можно найти нѣсколько подражаній Анакреону. Въ разборѣ стихотворенія Державина *Мечта* П. А. Плетневъ (*Сочинен.* 1824, ч. XXV) подробно изложилъ воззрѣніе на Анакреона, какъ на поэта и философа.

Въ I томѣ настоящаго изданія помѣщены уже и начатки Державина въ анакреонтической поэзіи*. Тамъ же было показано, что онъ сталъ чаще писать въ згомъ родѣ особенно съ тѣхъ поръ, какъ другъ его Н. А. Львовъ въ 1794 году напечаталъ, вмѣстѣ съ подлинникомъ, стихотворный переводъ Анакреона. Самъ Львовъ не зналъ греческаго языка, но онъ переводилъ этого поэта такъ же, какъ въ наше время Жуковский Гомера, — по чужому подстрочному переводу. Львову оказалъ такую услугу извѣстный Грекъ, переселившійся въ Россію, архіепископъ Евгений Булгарь (род. 1715, ум. 1806), который составилъ и примѣчанія къ этому изданію (о переводѣ Львова см. томъ I, стр. 367 и 411). Излагая въ предисловіи біографію и достоинства Анакреона, Львовъ между прочимъ говоритъ: «Искателямъ славы, какъ любезенъ долженъ показаться старикъ сей любимый** и веселый, пролагающій толь легкой путь подражателямъ своимъ! Но по сю пору не было еще Анакреона ни въ какомъ народѣ». Въ вѣкъ, когда поэты стремились быть Пиндарами и Гораціями своей страны, эти слова могли подстрекнуть Державина къ *исканію новой славы*. Мѣсто Фелицы опустѣло въ храмѣ его поэзіи, ему нужны были теперь другіе предметы вдохновенія, и однимъ изъ любимцевъ его музы становится теперь Анакреонъ.

Назовемъ здѣсь и другихъ русскихъ переводчиковъ Анакреона.

Первымъ изъ нихъ былъ Кантемиръ, но его «Анакреоновы оды, преложенныя въ стихи безъ рѣмъ» остались неизданными (*Словарь* митр. Евг.).

Въ 1801 И. И. Мартыновъ издалъ *Анакреоновы стихотворенія*, переводъ съ греческаго въ стихахъ (въ 16-ю д. л.). Этотъ переводъ, со многими измѣненіями и съ примѣчаніями, напечатанъ вторично въ ч. XXIII *Греческихъ классиковъ*, изданной въ 1829 г. вмѣстѣ съ подлинникомъ. Здѣсь въ примѣчаніяхъ помѣщены между прочимъ всѣ переводы и подражанія изъ Анакреона, сдѣланные Ломоносовымъ и Державиннымъ.

Болѣе 20-и одъ Анакреона перевела съ греческаго Елисавета Куль-

* Между прежними его стихами встрѣчаются слѣдующія эротическія и т. п. пьесы: *Объявленіе любви*, *Пламя въ Всемилѣ*, *Нить* (1770); *Разлука*, *Пикники* (1776); *Кружка* (1777); *Невѣсть* (1779); *На рожденіе въ Свѣтъ порфиророднаго отрока* (1779); *Разныя вина* (1782); *Философы пьяный и трезвый*, *Къ Востернѣ* (1789); *Анакреонъ въ собраніи*, *Прогулка въ Сарскомъ Селѣ*, *Скромность* (1791); *Къ Граціямъ* (1792); *Амуръ и Психея* (1793); *Сафъ*, *Призваніе и явленіе Пляшны*, *Мечта* (1794); *Къ Анжеликѣ Кауфманъ*, *Гостю*, *Другу*, *Спящій Эротъ*, *Анакреонъ у пещки*, *Хариты* (1795); *Потопленіе*, *Побѣда Красоты*, *Крезовъ Эротъ*, *Пчелка*, *Бой* (1796). Но изъ всѣхъ этихъ пьесъ только *Спящій Эротъ* и *Бой* содержать въ себѣ заимствованія изъ Анакреоновскихъ одъ.

** Вотъ гдѣ уже встрѣчается это слово, употребленное И. И. Дмитриевымъ въ его *Запискахъ* при воспоминаніи о первой женѣ Державина (см. томъ I, стр. 87).

мавъ (см. ея *Поэтическіе опыты*, изд. Россійской Академіею, Спб. 1833; 2-е изд. 1839).

Между *Стихотвореніями* Л. Мея, Спб. 1857, двѣнадцать, составляющія особую группу, заимствованы изъ того же источника.

Наконецъ 1861 г. въ Москвѣ напечатаны (16 д. л.) *Письма Анакреона въ переводѣ и съ примѣчаніями* А. Баженова.

Любопытно, что новѣйшіе русскіе переводчики Анакреона безъ оговорокъ принимаютъ его за автора переведенныхъ ими пѣсень. Г. Баженовъ ограниченъ, правда, 50-ю пѣсами, но затѣмъ онъ не входитъ (если исключить два-три частныхъ случая въ примѣчаніяхъ) въ разсмотрѣніе мнѣній о недостоверности ихъ происхожденія.

Изъ отдѣльныхъ статей объ Анакреонѣ, напечатанныхъ на русскомъ языкѣ, одна только и заслуживаетъ быть упомянутою. Это статья г. Водозова *Анакреонъ*, помѣщенная въ *Современникъ* 1857 г., № VIII. Жаль, что при искусномъ изложеніи и хорошемъ прозаическомъ переводѣ многихъ пѣсь авторъ совершенно оставляетъ въ сторонѣ взглядъ германскихъ критиковъ на Анакреона, утверждая, что изъ его застольныхъ и эротическихъ пѣсень сохранилось около 50 пѣсь, которыя *могутъ съ достовѣрностію быть приписаны теосскому пѣвцу*. Нѣсколько далѣе онъ прибавляетъ только, что и онѣ *отчасти заподозрѣны* (стр. 133).

Къ переводамъ и подражаніямъ изъ Анакреона Державинъ присоединилъ много оригинальныхъ пѣсь въ томъ же родѣ. Тѣ и другія составили изданныя имъ въ 1804 году *Анакреонтическія пѣсни*, которыя, потомъ, съ прибавленіемъ многихъ новыхъ, вошли въ III-ю часть изданія его сочиненій въ 1808 г.

Помѣщая здѣсь эти стихотворенія, какъ и всѣ другія, подъ годами, къ которымъ они относятся, мы будемъ часто приводить при нихъ параллельныя мѣста изъ перевода Львова, служившаго Державину главнымъ руководствомъ при его заимствованіяхъ и источникомъ, откуда онъ иногда бралъ безъ измѣненія цѣлыя обороты, желая какъ можно точнѣе переложить бѣлыя стихи въ римованные. При ссылкахъ на подлинныя оды *, мы будемъ всякій разъ означать ихъ двумя цифрами, изъ которыхъ одна, римская, будетъ указывать расположеніе ихъ въ Львовскомъ сборникѣ, сходное съ большею частію прежнихъ изданій (editiones vulgares), а другая, арабская цифра, будетъ соответствовать новому порядку, принятому въ критическомъ изданіи Мельгорна и согласному съ первоначальнымъ сборникомъ.

* Допуская это названіе для означенія приписываемыхъ Анакреону стихотвореній, нужнымъ считаемъ объяснить, что здѣсь греческое слово *ода* принимается въ его простомъ, первоначальномъ значеніи *пѣсни*. Употребляя выраженіе *Анакреоновскія оды*, мы тѣмъ избѣгаемъ смѣшенія съ *Анакреонтическими пѣснями* Державина и въ то же время сохраняемъ связь съ главнымъ пособіемъ нашего поэта, изданіемъ Львова, гдѣ также принято называть стихотворенія Анакреона *одами*, хотя еще Сумароковъ сказалъ объ Анакреонѣ: «писалъ оды или, лучше сказать, пѣсни любовныя и пьянственныя, которыя высоко поставляются» (Соч. Сум., ч. I, стр. 349).

12. ПРАЗДНИКЪ ВОСПИТАНИЦЪ ДѢВЧЬЯГО МОНАСТЫРЯ 1.

Еслибъ умъ какой чудесный
 Столь возвыситься возмогъ,
 Чтобъ, проникнувъ сводъ небесный,
 Въ горній возлетѣлъ чертогъ,
 И средь тучъ тамъ бирюзовыхъ,
 Будто множество зарницъ,
 Бѣлокурыхъ, чернобровыхъ,
 Мириады свѣтлыхъ лицъ,
 Въ ризахъ блестящихъ, эфирныхъ,
 Видѣлъ Ангеловъ небесъ; 10
 Съ ихъ агатныхъ иль сафирныхъ
 Черпаль бы восторгъ очесъ;
 Красоты ихъ лучъ небесной
 Изумлялъ бы слабый взоръ;
 Ихъ гармоніи прелестной
 Тихій, умиленный хоръ,
 Громкихъ арфъ и лиръ бряцанье
 Нѣжно трогали бы слухъ;
 Райскихъ дровъ благоуханье
 Сладко упоило духъ; 20
 Видѣлъ бы, что очи тлѣнны
 Не возмогутъ созерцать,
 И внималъ ^а, что уши брѣнны
 Неудобны въ слухъ внимать;
 Слышалъ, Серафимовъ хоры
 Какъ Царя царей поютъ,
 Какъ вперенные ихъ взоры
 Свѣтъ съ Него и радость пьютъ:
 Тотъ возмогъ бы, по сравненью
 Сихъ божественныхъ чудесъ, 30
 Живо описать къ видѣнью
 Росскихъ мысленныхъ очесъ,
 Какъ полсвѣта повелитель
 И его любезный домъ,
 Павелъ посѣщаль обитель,
 Юныхъ дѣвъ священный сонмъ;
 Какъ онѣ его встрѣчали,

Будто бога иль отца;
 Пѣньемъ души восхищали,
 А красую всѣхъ сердца.

40

Или, еслибы рожденье
 На водахъ кто зрѣлъ весны
 И ея въ лучахъ явленье
 Изъ кристальныя волны;
 Съ холма кинувъ быстро око
 На прекрасный Волги берегъ,
 Гдѣ, разлившися широко
 И склоняя свѣтлый бѣгъ
 На Каспійско море^б сткляно,
 Злачныхъ горъ она въ тѣни,
 Море гладко, златордяно
 Представляетъ въ ясны дни;
 Тамъ бы на песчаныхъ стогнахъ
 Зрѣлъ пернатыхъ онъ стада²,
 Что, собравшись въ миллионнахъ,
 Какъ снѣговъ лежитъ гряда;
 Кроткія межъ нихъ колпицы
 Въ стаѣ гордыхъ лебедей,
 Сребророзовыя птицы,
 Лоснятся поверхъ зыбей,
 И шурмуютъ и играютъ,
 И трепещутъ средь волнъ,
 Съ перьевъ бисеръ отряхаютъ,
 Разноцвѣтный влажный огонь;
 Зрѣлъ бы, какъ, сплетясь крылами,
 Ходятъ по мелямъ стѣной,
 Вдаль расплывшися кругами,
 Кличутся промежъ собой;
 Громкій голосъ ихъ несется
 По водамъ и по полямъ;
 Гулъ отъ холмовъ раздается,
 Изъ-за рощей тихій гамъ:
 Тотъ возмогъ бы драгоцѣнну
 Ту картину начертать,
 Какъ Марію несравненну²,
 Нѣжную Россію мать,

50

60

70

Юны дѣвы принимали
Во святилищѣ своемъ,
Благовѣино предстояли
Предъ величества лицомъ; 80
Въ темной зеленью аллеѣ,
Древъ подровненныхъ въ тѣни,
Снѣга самаго бѣлѣе,
Легче воздуха въ ткани,
Передъ ней онѣ играли
На помостѣ золотомъ,
Пѣли, прыгали ^в, плясали
И рядами и кругомъ;
Въ даръ священный приносили
Рукъ издѣлія своихъ ⁴; 90
Не сокровища дарили,
Но сердцецъ преданность ихъ;
Лишь того искали взоромъ
И желали всей душой,
Чтобъ почтила разговоромъ
Иль улыбкой ихъ своей ^г;
А въ сей стаѣ бѣлоснѣжной,
Будто среди птицъ весна,
Къ дѣтямъ взоръ ^а бросая нѣжной,
Зрѣлась божествомъ она; — 100
Иль, когдабы къ баснословнымъ
Кто восхитяся временамъ,
Къ славнымъ, свѣтлымъ, благовоннымъ
На Олимпъ восшелъ пирамъ
И увидѣлъ бы на ономъ,
Подъ паденьемъ шумныхъ водъ,
Подъ янтарнымъ небосклономъ
Въ хладную пещеру входъ
И младыхъ въ ней нимфъ прекрасныхъ,
Славнымъ пиромъ, на столахъ, 110
На узорчатыхъ, атласныхъ,
Бѣлыхъ, тонкихъ скатертяхъ,
Угощающихъ пріятно
Посѣтителей боговъ,
Какъ хитоны ихъ опрятно,

Въ узлы легкихъ облаковъ
 Подбравъ онѣ пристойно
 Лентами зарей цвѣтныхъ,
 Сановито и спокойно
 Ходягъ вкругъ гостей своихъ; 120
 Какъ съ улыбкой благородной,
 Съ наклоненіемъ чела,
 Милой поступью, свободной
 Къ гостю каждая пришла;
 Принесли имъ: тѣ въ корзинахъ,
 Тѣ въ фарфорахъ прорѣзныхъ,
 Въ разноцвѣтныхъ тѣ кувшинахъ,
 Въ блюдахъ серебряныхъ, златыхъ
 Сочножелтыя, багряны, 130
 Вкусноснѣмые плоды,
 Въ хрустальныхъ ° напитки хладны,
 Сладки, искрометны льды;
 Какъ тамъ боги и богини,
 Ослабляясь, глядятъ,
 Со герои, съ героини ⁵
 Ясты сахарны ѣдятъ;
 Какъ амброзія небесна
 Въ алыхъ таетъ ихъ устахъ;
 Разсыпается чудесна
 Пища райская въ рукахъ; 140
 Льется въ медѣ благовонномъ
 Вспламеняющій * нектаръ.
 Въ сокѣ розовомъ, перловомъ ⁶
 Мразь, гасящій зноя жаръ:
 Тотъ бы внятно могъ и живо
 Описать сей праздникъ намъ,
 Торжество то справедливо
 И пріятное очамъ,
 Какъ подъ свѣсомъ, наклоненнымъ
 На столповъ бѣлѣйшихъ рядъ, 150
 Плющемъ обвитыхъ зеленымъ
 Рукъ художествомъ, журчатъ,
 Къ большей прелести природы,
 На прекрасный Невскій брегъ

Льющіяся съ зѣира воды,
 Для прохладъ и для утѣхъ;
 Гдѣ усердіе являли
 И въ привѣтствіе гостямъ
 Дѣвы славный полдникъ дали
 И царицамъ и царямъ; 160
 Гдѣ ихъ нѣжны сонмы, хоры,
 Какъ небесный нѣкій садъ,
 Зрителей водили взоры
 Межъ утѣхъ и межъ прохладъ; —
 Иль, — когда уже зѣфиры
 Начинаютъ влажно дуть,
 Боги въ мягкіе сафиры
 Идутъ съ пиршествъ отдохнуть,
 Какъ златыя Феба стрѣлы,
 Прядавъ по волнамъ, скользятъ, 170
 Вечеръ потемняетъ селы,
 Окна пламенемъ горятъ.
 Еслибъ смертный дерзновенный
 Кто отважится столь³ смѣль,
 Чтобъ таинственны, священны
 Игры древнія хотѣлъ
 Зрѣть украдкой среди нощи
 И, по спутаннымъ тропамъ
 Проходя кедровой рощи,
 Вдругъ увидѣлъ Весты храмъ; 180
 Зрѣлъ вокругъ его, Весталей⁷
 Какъ прохаживаетъ строй;
 Огнь виситъ внутри кристалей,
 Во треножникѣ струей
 Послѣ жертвы дымъ курится;
 Предъ священнымъ алтаремъ
 Каждая дѣвица зрится
 Съ преклонившимся челомъ,
 Скромной блещущи красою,
 Важности святой полна, 190
 Подъ прозрачною фатою,
 Будто сквозь туманъ луна;
 Купно всё съ благоговѣньемъ

Жертвенникъ обходятъ вокругъ
 И съ тимпановъ удареньемъ,
 На колѣни падши вдругъ
 Передъ образомъ богини,
 Славословіе поютъ;
 За дары, за благостыни
 Въ жертву ей цвѣты кладутъ 200
 И гласятъ: «О земнороднымъ
 Божествамъ прекрасна мать⁸!
 Если взоромъ благосклоннымъ
 Соизволишь приизрять
 Дѣвъ, тобою вскормленныхъ,
 И прошенью внемлешь ихъ:
 То внуши молитвъ усердныхъ
 Гласъ воспитанницъ твоихъ,
 И даруй, да подъ покровомъ
 Матерней руки твоей, 210
 Благодравья въ блескъ новомъ,
 Непорочности стезей
 Вслѣдъ мы ходимъ за тобою
 И достойными тебя
 Будемъ жизнью святою,
 Добродѣтель ввѣкъ любя».

Зрѣлъ потомъ бы ихъ въ гуляньи
 Средь цвѣтущихъ красныхъ мѣсть,
 Въ разноцвѣтномъ гдѣ сіяны
 Лѣсъ блисталъ лучами звѣздъ; 220
 Какъ, съ невинностью питая
 Хладъ безстрастія въ крови,
 Забавлялися, не зная
 Сладостныхъ заразы любви;
 Какъ, сокрывшись въ листья, въ гроты
 И облекшись въ темну ночь,
 Мѣтятъ тщетно въ нихъ Эроты
 И летятъ съ досадою прочь;
 Видѣлъ бы, и тайный зритель
 Древнихъ праздниковъ святыхъ, 230
 Игръ сихъ вѣрный былъ⁹ сравнитель
 Русской Весты дѣвъ младыхъ,

Какъ въ вечерній блескъ зарницы,
 Подъ прохладнымъ вѣтеркомъ,
 День рожденья ихъ царицы⁹
 Проводили торжествомъ.
 Вся Россія возставала
 Съ умиленьемъ зрѣть на нихъ;
 Слезы радости роняла,
 Такъ привѣтствовала ихъ:
 «Я покоюсь послѣ боевъ¹⁰, —
 Процвѣтайте¹ въ тишинѣ;
 Будьте матери героевъ
 И опорой твердой мнѣ!»

240

⁹ Тѣ внималъ ...

Неудобно постигать (1804).

⁶ На Каспійско лоно ...

⁷ Пѣли, рѣзвились ... (1804).

⁷ Иль улыбкою своей.

⁴ Къ сирымъ взоръ ... (Рукоп.).

⁶ Въ хрусталѣ ...

⁷ Пламенѣющей (1804).

² Столь отважиться кто ...

⁷ Былъ бы вѣрный игръ сравнитель.

¹ Вы цвѣтите ... (Рукоп.).

¹ Въ день ангела императрицы Маріи Ѳеодоровны, 22 іюля.

Подъ дѣвичьимъ монастыремъ разумѣется учрежденное Екатериною II женское воспитательное заведеніе, которое до сихъ поръ извѣстно подъ именемъ *Смолянаго монастыря** (ср. томъ I, стр. 485). Императоръ Павелъ, вступивъ на престолъ, ввѣрилъ супругѣ своей управление какъ этимъ, такъ и многими другими учрежденіями. Она немедленно занялась улучшеніемъ Смолянаго монастыря во всѣхъ отношеніяхъ: изъ назначеннаго ей ежегоднаго дохода въ 1 миліонъ руб. опредѣлила 10 т. на перестройку зданія, увеличила число воспитанницъ, расширила кругъ ихъ занятій и отмѣнила заведенныя въ монастырѣ театральныя пред-

* Въ названіи *Смолянаго монастыря* слились два историческія воспомина- нія. На томъ углу, гдѣ Нева южное свое теченіе перемѣняетъ на западное, былъ еще до основанія Петербурга, въ шведское время, дегтярный заводъ, отчего и стоявшая тутъ деревня называлась *Смольною*. Петръ В., упразднивъ заводъ, построилъ на этомъ мѣстѣ, для царевны Елисаветы Петровны, лѣт- ній домъ подъ именемъ *Смолянаго дворца*, который, по восшествіи ея на пре- столъ, обращенъ былъ въ *Новодѣвичій Воскресенскій монастырь* для 20 мона- хинь (1744). Черезъ двадцать лѣтъ Екатерина II учредила здѣсь *Общество для воспитанія благородныхъ дѣвицъ*, къ которому вскорѣ (1765) было присоеди- нено еще отдѣленіе для *мѣщанскихъ дѣвушекъ*.

ставленія. Въ 1797 г. воспитывалось въ Смольномъ монастырѣ 300 благородныхъ дѣвицъ, поступавшихъ туда на 8-мъ или 9-мъ году, 200 мѣщанокъ, которыя принимались 10-и и 11-и лѣтъ отъ роду, и еще нѣсколько пенсіонерокъ. Благородное отдѣленіе раздѣлялось на три класса, а мѣщанское на два, и въ каждомъ классѣ воспитанницы оставались по три года; черезъ столько же времени происходилъ періодическій выпускъ ста дѣвицъ (Георги-Безакъ ч. I, стр. 117, и ч. II, стр. 390; Реймерсъ, ч. II, стр. 197).

Еще Екатерина II, посѣщая Смольный монастырь, обходилась съ воспитанницами его болѣе какъ мать, нежели какъ Императрица; Марія Θεодоровна, для которой благотворительность составляла истинную потребность сердца, простирала еще далѣе простоту своего обращенія съ монастырками. Въ праздникъ, бывшій поводомъ къ настоящему стихотворенію, государь посѣтилъ ихъ вмѣстѣ съ своею супругой.

Напечатано въ первый разъ отдѣльно, потомъ въ *Анакреонт. письма* 1804, стр. 21, и въ изд. 1808 г., ч. III, х.

² Зрѣлъ пернатыхъ онъ стада.

На нижней Волгѣ водяныя птицы яркѣлаго цвѣта цѣлыми стаями садятся на песчаные берега и отмели.

Колпица, или *колпикъ*, см. томъ I, стр. 161. Картина, изображаемая здѣсь Державиннымъ, была знакома ему съ дѣтства, которое онъ провелъ на Волгѣ и отчасти на Уралѣ, воспитываясь въ Оренбургѣ. На Уралѣ, около Каспійскаго моря, по выраженію Палласа, «птицъ находится несказанное множество, а наибаче весною и осенью» (*Путешествіе*, ч. I, стр. 624). Покойный С. Т. Аксаковъ, оставившій намъ столько картинъ того края, рассказываетъ по этому предмету, описывая рѣку Бугурусланъ въ половодье: «Въ самомъ дѣлѣ, то происходило въ воздухѣ, на землѣ и на водѣ, чего представить себѣ нельзя, не видавши, и чего увидѣть теперь уже невозможно въ тѣхъ мѣстахъ, о которыхъ я говорю, потому что нѣтъ такого множества прилетной дичи. . . . Всѣ берега половецъ были усыпаны всякаго рода дичью; множество утокъ плавало по водѣ между верхушками затопленныхъ кустовъ, а между тѣмъ безпрестанно проносились большія и малыя стаи разной прилетной птицы: однѣ летѣли высоко, не останавливаясь; а другія — низко, часто опускаясь на землю; однѣ стаи садились, другія поднимались, третьи перелетывали съ мѣста на мѣсто: крикъ, пискъ, свистъ наполнялъ воздухъ. Не зная, какая это летитъ или ходитъ птица, какое ея достоинство, какая изъ нихъ питается или свиститъ, — я былъ пораженъ, обезумленъ такимъ зрѣлищемъ» (*Дятские юды Байрова-внука*, М. 1858, стр. 338 и сл.).

³ . . . Какъ Марію — юны дѣвы принимали и проч.

Пріемъ, сдѣланный ими однажды Екатериной II, описанъ въ *Собраніи новостей* за январь 1776. Императрица, проведя около года въ Москвѣ, возвратилась въ концѣ декабря 1775 въ Петербургъ, и первый ея выѣздъ, 30 числа, былъ въ Смольный монастырь. Тамъ, по случаю возвращенія Государыни въ столицу, было театральное представленіе: дѣвицы сыграли французскую комедію *L'ambitieux* и комическую оперу *Le jar-*

diuier supposé. По окончаніи зрѣлища онѣ «бросились» къ высокой по-сѣтительницѣ «съ такою горячностью, что чувства ихъ къ ней яко къ матери превозмогали почтеніе къ своей Государынѣ».

Пріемъ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, описанный Державинымъ, не могъ не быть искреннимъ. Выраженіе: Нѣжную Россіи мать было заслужено ею. Общій голосъ современниковъ свидѣтельствуетъ, что она посвящала всю свою дѣятельность заботамъ о благѣ человѣчества. Въ рѣчи, произнесенной 12 декабря 1828 года въ память ея, профессоръ дерптскаго университета Моргенштернъ, подробно излагая ея дѣятельность, замѣтилъ между прочимъ: «О ней можно по всей справедливости повторить то, что примѣняли къ филантропу Говарду: ему казалось, что ничего не сдѣлано, пока оставалось сдѣлать еще что-нибудь—

«Nil actum credens, dum quid superesset agendum».

(Zum Gedächtniss der Kaiserin Mutter, и проч., Рига и Лейпцигъ, 1829.)

Извѣстно, что Марія Ѳеодоровна, внимательно слѣдя за воспитаніемъ дѣвицъ, посѣщала ихъ еженедѣльно и часто присутствовала на ихъ урокахъ.

Такъ и Жуковскій воспѣваетъ Марію Ѳеодоровну,

... въ красѣ благотворенья
Сѣдящую безъ царскаго вѣнца
Въ кругу сихъ дѣвъ, питомицъ Провидѣнья.
Прелестный видъ! ихъ чистыя сердца
Безъ робости открыты предъ тобою;
Тебя хотятъ младенческой игрою
И рѣзвостью невинной утѣшать;
Царьцы нѣтъ — онѣ ласкаютъ мать и проч.

(Къ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, 1813 г.)

⁴ Рукъ издѣлія своихъ.

Она заботилась не объ одномъ умственномъ образованіи воспитанницъ: на мѣщанской половинѣ многіе предметы обученія (какъ-то: логика, геометрія, физика, музыка и проч.) были совсѣмъ отмѣнены, а на мѣсто ихъ введены рукодѣлія, особливо такія, которыя нужны для домашняго быта, и этой половинѣ дѣвицъ поручено шить бѣлье для всего заведенія.

⁵ Со герои, съ героини.

Ср. въ томѣ I, стр. 392, стихъ: «Простреть со многоцѣнны дани», при которомъ уже было замѣчено, что такое окончаніе творительнаго падежа въ жен. р. несогласно съ формами церковно-славянскаго языка.

⁶ Въ сокѣ розовомъ, перловомъ.

Перловомъ, т. е. жемчужномъ (перль — жемчугъ). Ср. томъ I, стр. 467, стихъ: «Въ семь тонкомъ пологу, перловомъ».

⁷ Зрѣлъ вокругъ его Весталей.

Форма *Вестали* не есть поэтическая вольность, но употреблялась и въ прозѣ: см. *Краткій мифологическій словарь* Чулкова.

⁸ ... земнороднымъ божествамъ — мать — т. е. мать будущимъ царямъ. Ср. «земныхъ боговъ» въ одѣ *Властиителямъ и судіямъ* (томъ I, стр. 71).

⁹ День рожденія ихъ царицы.

Не рожденія, а именинъ. Эта ошибка повторена и въ *Объясненіяхъ* Державина. Императрица Марія Ѳеодоровна родилась 14 октября 1759, вступила въ бракъ 26 сентября 1776, скончалась 24 октября 1828.

¹⁰ Я покоюсь послѣ боевъ.

Въ этомъ стихѣ выражена надежда прочнаго мира, которую внушала политика, принятая императоромъ Павломъ въ началѣ его царствованія (см. выше стр. 17 и 23), но скорѣй имъ покинута. Въ первое время по вступленіи своемъ на престолъ Государь при всякомъ случаѣ выражалъ самыя миролюбивыя намѣренія. Такъ Нарышкину, отправленному въ Берлинъ съ извѣстіемъ о воцареніи Павла I, поручено было объявить при этомъ желаніе его жить со всѣми державами въ дружбѣ и согласіи. Черезъ нѣсколько времени Императоръ писалъ прусскому королю Фридриху Вильгельму II: «Мнѣ всегда будетъ приятно совѣщаться съ вами о положеніи дѣлъ. Скажу болѣе: врагъ нынѣшнихъ модныхъ философическихъ преобразованій, я намѣренъ условиться съ вами о способахъ положить предѣлъ всяческимъ потрясеніямъ государствъ, но уже избирая для того инныя средства, нежели тѣ, какими можно было остановить переворотъ въ его началѣ; а именно средства, сообразныя нынѣшнему состоянію Европы, стараясь возстановить миръ». Наконецъ къ стиху: «Я покоюсь послѣ боевъ» всего болѣе идутъ слѣдующія слова изъ депеши канцлера иностранныхъ дѣлъ, графа Остермана, къ дворамъ вѣнскому, лондонскому и берлинскому: «Россія, будучи въ непрерывной войнѣ съ 1756 года, есть потому единственная держава въ свѣтѣ, которая находилась сорокъ лѣтъ въ несчастномъ положеніи истощать свое народонаселеніе. Человѣколюбивое сердце императора Павла не могло отказать любезнымъ его подданнымъ въ пренужномъ и желаемомъ ими отдохновеніи послѣ столь долго продолжавшихся извуреній» и проч. (*Исторія войны съ 1799 году*, т. I, стр. 23, 26 и 368). Болотовъ пишетъ: «Носилась повсемѣстная молва, что Государь въ самые первѣйшіе дни своего царствованія отзывался первѣйшему своему министру Безбородкѣ, а потомъ и публично многимъ другимъ, а особливо своимъ военноподданнымъ, что теперь нѣтъ ни малѣйшей нужды Россіи помышлять о распространеніи своихъ границъ, поелику она и безъ того довольно и предовольно обширна; а потому и онъ никакъ не намѣренъ распространять свои границы, а удержать ихъ вѣрно постарается и обидѣтъ себя никому не дастъ; и въ сходствіе того хочеть онъ все содержать на военной ногѣ, но при всемъ томъ жить въ мирѣ и спокойствіи. Черта характера миролюбиваго и намѣреніе наиблаженнѣйшее изъ всѣхъ для Россіи!... Всѣ порадовались, сіе услышавъ, и молили Бога, чтобъ оное совершилось въ самомъ дѣлѣ; ибо намъ и дѣйствительно ничто такъ не нужно было, какъ миръ, спокойствіе и тишина» (*Рус. Архивъ* 1864, стр. 67).

13. ДАРЬ¹.

«Вотъ,» сказалъ мнѣ Аполлонъ:	1
«Я даю тебѣ ту лиру, Коей нѣжный, звучный тонъ Можетъ быть приятенъ міру.	
«Пой вельможей и царей, Коль захочешь быть имъ нравенъ; Лирою чрезъ нихъ ты сей Можешь быть богатъ и славенъ.	2
«Если жъ пышность, санъ, богатство — Не по склонностямъ твоимъ, Пой любовь, покой, пріятство: Будешь красотой любимъ».	3
Взялъ я лиру и запѣлъ, Струны правду зазвучили: Кто внимать мнѣ захотѣлъ? ¹ Лишь красавицы внимали.	4
Я доволенъ, свѣта богъ, Даромъ симъ твоимъ небеснымъ. Я богатымъ быть не могъ; Но я милъ женамъ прелестнымъ.	5

¹ Напечат. въ *Амакр. пѣсняхъ* 1804 г., стр. 78, и въ изд. 1808, ч. III, XL.

14. РАЗВАЛИНЫ¹.

Вотъ здѣсь, на островѣ Киприды, Великолѣпный храмъ стоялъ: Столпы, подзоры, пирамиды ² И куполь золотомъ сіялъ. Вотъ здѣсь, дубами осыенна, Рѣзная дверь въ него была; Зеленымъ свѣсомъ покровенна, Вовнутрь святилища вела. Вотъ здѣсь хранилися кумиры, Дымились жертвой алтари, Сбирались на молитву міры И били ей челомъ цари ³ .	10
---	----

Вотъ тутъ была уединенной
 Поутру каждый день съ зарей,
 Писала, какъ владѣть вселенной
 И какъ сердца плѣнять людей.
 Тутъ поставлялася трапеза,
 Кругъ юныхъ дѣвъ и сонмъ жрецовъ;
 Богатство разливалось Креза,
 Сребро и золото средь столовъ; 20
 Тутъ арфы звучныя гремѣли
 И повторялъ ихъ хоръ пѣвцовъ;
 Особо тутъ Сирены пѣли
 И гласовъ сладостью, стиховъ,
 Сердца и умъ обворожали;
 Тутъ нектаръ изъ сосудовъ билъ;
 Курильницы благоухали,
 Зной лѣтній провѣвала зефиръ;
 А тутъ крылатые служили
 Полки прекрасныхъ мѣткихъ слугъ⁴ 30
 И отъ богининой носили
 Руки амброзію вокругъ.
 Она, тутъ сидя, обращалась
 И всѣхъ къ себѣ влекла сердца;
 Возставши, тихо поклонялась,
 Блестая щедростью лица.
 Здѣсь, въ полдень, уходила въ гроты⁵,
 Покоилась прохлада въ тѣни;
 А тутъ Амуры и Эроты
 Уединялись съ ней одни. 40
 Тутъ былъ эдемъ ея прелестный⁶
 Наполненъ межъ купинъ цвѣтовъ;
 Здѣсь текъ подъ синій сводъ небесный
 Въ купальню скрытый шумъ ручьевъ;
 Здѣсь былъ театръ, а тутъ качели,
 Тутъ азіатскихъ домикъ нѣгъ;
 Тутъ на Парнассѣ Музы пѣли;
 Тутъ звѣри жили для утѣхъ;
 Здѣсь въ разны игры забавлялась,
 А тутъ прекрасныхъ Нимфъ съ полкомъ 50
 Подъ вечеръ красный собиралась

Въ прогулку съ легкимъ посошкомъ;
 Ходила по лугамъ, долинамъ,
 По мягкой муравѣ, близъ водъ,
 По желтымъ среди розъ тропинамъ ⁷;
 А тутъ, затѣя хороводъ,
 Велѣла Нимфамъ, Купидонамъ
 Играть, плясать между собой
 По слышимымъ пріятнымъ тонамъ
 Вдали музыки роговой ⁸.

60

Они, кружась, рѣзвась, летали,
 Шумѣли, говорили вздоръ;
 Въ зеркалѣ водъ себя казали,
 Всѣмъ тѣшили богининъ взоръ;
 А тутъ, оставя хороводы,
 Верхомъ скакали на конькахъ ⁹,
 Иль, въ лодкахъ разсѣкая воды,
 Въ жемчужныхъ плавали струяхъ.
 Киприда тутъ средь миртъ сидѣла,

70

Смѣялась, глядя на дѣтей;
 На восклицающихъ смотрѣла
 Поднявшихъ крылья лебедей ¹⁰,
 Иль на станицу сребробокихъ
 Ей милыхъ, сизыхъ голубковъ,
 Или на пестрыхъ, красноокихъ
 Ходящихъ рыбъ среди прудовъ,
 Иль на собачекъ, ей любимыхъ,
 Хвосты несущихъ вверхъ кольцомъ,
 Другъ другомъ съ лаяньемъ гонимыхъ,
 Мелькающихъ между лѣскомъ.

80

А здѣсь, исполнясь важна вида,
 На памятникъ своихъ побѣдъ
 Она смотрѣла — на Алкида ¹¹,
 Какъ гидру палицей онъ бьетъ;
 Какъ прочіе ея герои,
 По манію ея очесь,
 Въ ужасные вступали бои
 И тмы подѣлали чудесь:
 Приступомъ грады тверды брали,
 Сжигали флоты средь морей,

90

Престолы, царства покоряли
 И въ плѣнъ водили къ ней царей.
 Здѣсь въ внутренни она чертоги
 По лѣстницѣ отлогой шла¹²,
 Куда гостить ходили боги
 И гдѣ она всегда стрегла
 Тотъ поясъ, въ небѣ ей истканый,
 На коемъ межъ Харитъ съ ней жилъ
 Тотъ хитрый Геній, изваянный,
 Который счастье ей дарилъ,
 Во всѣхъ ея дѣлахъ успѣхи,
 Трофеи мира и войны,
 Здравье, радости и смѣхи
 И легкіе, пріятны сны.

100

Въ семь теремъ, Олимпу равномъ,
 Изъ яшмъ прозрачныхъ, перловъ гнѣздъ¹³,
 Художествомъ различнымъ славномъ,
 Горѣли ночью тучи звѣздъ,
 Красу богини умножали
 И такъ средь сихъ блаженныхъ мѣстъ
 Ее, какъ солнце, представляли . . .

110

Но здѣсь ея ужъ нынѣ нѣтъ:
 Померкъ красотъ волшебныхъ свѣтъ;
 Все тмой покрылось, заустѣло;
 Все въ прахъ упало, помертвѣло.
 Отъ ужаса вся стынеть кровь,
 Лишь плачетъ сирая Любовь.

¹ Ломоносовъ, Державинъ, Жуковскій и особенно Пушкинъ воспѣвали Царское Село. Въ 10-й одѣ своей Ломоносовъ, по поводу оказанной ему тамъ милости, говоритъ между прочимъ отъ имени рѣчи Славянки:

«Какъ если зданіемъ прекраснымъ
 Умножить должно звѣздъ число,
 Созвѣздіемъ являться яснымъ
 Достойно *Царское Село*».

Державинъ посвятилъ ему два стихотворенія. Первое (*Прочуха въ Царскомъ селѣ*, см. томъ I, стр. 301) представляетъ это мѣсто въ эпоху славы его, второе — при императорѣ Павлѣ, когда опустѣвшее и забытое Царское Село стало приходить въ упадокъ. Въ четырехлѣтнее свое царствованіе Павелъ I прожилъ здѣсь только двѣ недѣли, гдѣто въ 1800 года, и въ это время ежедневно производилъ смотръ гвардіи на большомъ дворѣ

повомъ дворѣ, который прежде устланъ былъ прекраснымъ дерномъ, а теперь былъ усыпанъ густымъ слоемъ песку и превращенъ въ плацъ-парадъ*. Впрочемъ императоръ Павелъ, отчисливъ отъ Царскаго Села къ Павловску нѣкоторыя большія села, не уменьшилъ суммы въ 30,000 руб., которая при Екатеринѣ II ежегодно отпускалась на царскосельскіе сады и зданія (Реймерса St. Petersburg и проч., ч. II, стр. 384). Поэтъ изображаетъ Царское Село аллегорически въ видѣ острова Киприды, разумѣя подъ этимъ именемъ Екатерину II. Такимъ образомъ онъ еще и по смерти ея возвращается къ идеалу, возбуждавшему его вдохновеніе въ лучшую пору жизни. «Державинъ», замѣтилъ одинъ критикъ, «въ прелестномъ стихотвореніи своемъ *Развалины* воспѣлъ не Царское Село, не китайскіе домики, не качели, а Екатерину, воспомянувъ о которой одушевленъ каждый камень въ семь жилищъ мудрости и величія» (Разборъ *Садовъ Делиля* въ переводѣ Воейкова, *Сынъ Отеч.* 1817 г., ч. 35, № III, стр. 117).

Есть на французскомъ языкѣ вольный переводъ *Развалины* или, вѣрнѣе, подражаніе, сдѣланное г-жею Свиньиной и изданное въ Москвѣ 1818 г.

Эти стихи Державина были въ 1-й разъ напечат. отдѣльно въ Саксоніи гр. Алексѣемъ Григ. Орловымъ, который былъ высланъ изъ Россіи императоромъ Павломъ (Об. Д); потомъ въ изд.: *Амакреон. писемъ* 1804 г., стр. 30, и 1808 г., ч. III, xl.

² Столпы, подзоры, пирамиды И куполь золотомъ сіялъ.

«Великолѣпнымъ храмомъ» названъ дворецъ, котораго крыша и нѣкоторыя наружныя украшенія дѣйствительно были визолочены. Впрочемъ крыша едва ли не была покрашена еще при самой Екатеринѣ. По крайней мѣрѣ, въ Царскосельскомъ лицѣе уже съ 1811 года ходилъ анекдотъ, что когда позолота начала сходить, то жида предложили 40 т. руб. за право соскрести ее; но Императрица отвѣчала «qu'elle ne vendait pas ses vieilles hardes» и велѣла закрасить крышу въ зеленый цвѣтъ (Баронъ М. Корфь)**.

* Императоръ Павелъ сначала совершенно забросилъ Царское Село и на поддержаніе его никакихъ суммъ не велѣлъ отпускать; все начало глукнуть, порастать крапивой, покрываться тиной, портиться, валиться, и сіе грозившее разрушеніе пѣвецъ Екатерины, Державинъ, грустно изобразилъ въ стихахъ своихъ подъ названіемъ *Развалины*. Окружающимъ Павла I жалко стало русскаго Версаля, и они склонили въ іюль 1800 года въ него переѣхать. Онъ прожилъ тутъ до сентября, нашелъ мѣсто сіе очаровательнымъ, гораздо лучше Павловска, и объявилъ намѣреніе свое каждое лѣто проводить въ немъ по два мѣсяца. Онъ не могъ это исполнить: въ мартъ его не стало» (*Воспоминанія Вигеля, Русск. Вѣстн.*, 1864, № 8, стр. 515).

** Яковкинъ отвергаетъ слухъ, «будто кровля дворцоваго зданія была позолочена». Впрочемъ Державинъ этого и не говоритъ; церковный же куполь надъ дворцомъ или, вѣрнѣе, пять его главъ сіяли золотомъ до пожара 1863 г., и вскорѣ опять явились въ томъ же видѣ. На счетъ наружныхъ украшеній на стѣнахъ Яковкинъ замѣчаетъ: «Прежде, при яркомъ солнечномъ сіяніи, на дворецъ открытыми глазами никакъ и смотрѣть было не возможно» (*Описание Села Царскаго*, Спб. 1830, стр. 77. Ср. у Лом.: (Славянка) *Златые кровы окомъ мѣритъ* (Соч. его, т. I, стр. 110).

сохранялись еще много лѣтъ, и только по вступленіи на престолъ императора Николая она оковчательно замѣнена желтой краской. *Подзоръ* — доска, или навѣсець надъ окнами (Акад. *Словарь*, Спб. 1847).

³ И били ей челомъ цари.

Ср. томъ I нашего изданія, стр. 210 и 380. Въ предыдущихъ и послѣдующихъ стихахъ описываются разныя комнаты и отдѣлы большаго дворца, между прочимъ колоннада, на которой стоятъ статуи знаменитыхъ мужей, и кабинетъ Императрицы. «Въ первыхъ числахъ мая она выѣзжала всегда инкогнито въ Царское Село, откуда въ сентябрѣ также инкогнито въ Зимній дворець возвращалась. Въ Царскомъ Селѣ пребываніе имѣла въ покояхъ довольно пространныхъ и со вкусомъ убранныхъ. Всѣмъ извѣстна великолѣпная галерея, въ которой Государыня иногда прохаживалась, особливо въ воскресные дни, когда садъ наполненъ былъ множествомъ пріѣзжаго изъ С-Петербурга народа; дѣла же слушала или въ кабинетѣ, или въ спальнѣ» (*Зап. Грибовскаго*, стр. 24). Она видѣла «у ногъ своихъ господарей, кавказскихъ владѣтелей, гонимыхъ фамлій государей, пріѣзжавшихъ просить у нея помощи или убѣжища» (тамъ же, стр. 37).

⁴ Полки прекрасныхъ мѣткихъ слугъ.

Мѣткизъ, потому что Кипридѣ прислуживали Эроты, вооруженные стрѣлами. Въ *Анакр. пѣсняхъ* — «мѣткихъ», въ изд. 1808 «меткихъ», по эта орографія, предпочитаемая въкоторыми и теперь, ошибочна: мѣтокъ не тотъ, кто ловко *метаетъ*, а кто вѣрно *мѣтитъ* и попадаетъ въ *мѣту*.

⁵ Здѣсь въ полдень уходила въ гроты.

Одна изъ каменныхъ бесѣдокъ на берегу большаго пруда съ старомъ царскосельскомъ саду, построенная еще при Елисаветѣ Петровнѣ, въ 1750 г., называется *гротомъ*. Она вмѣщала въ себѣ разныя скульптурныя произведенія и издѣлія. Но въ началѣ царствованія императора Павла, въ 1797 г., большая часть этихъ драгоценныхъ украшеній была взята оттуда, по его повелѣнію, въ разныя мѣста. При Екатеринѣ II эта бесѣдка стала называться *Утреннею залою*, потому что Императрица иногда занималась здѣсь въ утренніе часы для прохлады (И. Яковкинъ, *Описаніе Села Царскаго*, Спб. 1830, стр. 84).

⁶ Тутъ былъ эдемъ ея прелестный и проч.

Подъ этими словами должно разумѣть цвѣтной садикъ возлѣ колоннады, огороженный желѣзною рѣшеткой. Купальня до сихъ поръ составляетъ четверугольное продолговатое строеніе безъ крыши; туда въ деревянный бассейнъ свѣтлая ключевая вода течетъ подземными трубами. Далѣе рѣчь идетъ о разныхъ постройкахъ и другихъ принадлежностяхъ Александровскаго сада, такъ названнаго по имени дворца, начатаго въ немъ 1792 г. для вел. князя Александра Павловича. На мѣстѣ этого парка былъ прежде, еще съ 1721 г., звѣринець, который впоследствии, при Елисаветѣ Петровнѣ, былъ обнесенъ каменною стѣною и гдѣ дѣйствительно жили *зепри*: въ началѣ тутъ были насажены олени и лоси, пойманные въ окрестностяхъ мызы *Сари* * (откуда возникло *Сарское Село*).

* Финское слово *saari*, встрѣчающееся во многихъ названіяхъ чудскихъ

Стѣна отдѣляла садъ отъ звѣринца и шла за канавой, черезъ которую ведетъ мостъ съ драконами. При Александрѣ I, въ 1818 г., каменную стѣну ведѣно было разобрать, и звѣринецъ обращенъ въ паркъ. Здѣсь въ 1778 былъ построенъ театръ, или *оперный домъ*; какъ онъ, такъ и многія другія постройки около него — въ китайскомъ вкусѣ. *Качели* разнаго рода, вмѣстѣ съ другими увеселеніями, находились при такъ называвшемся *карусель*, устроенномъ на уступахъ близъ нынѣшней гранитной террасы и существовавшемъ до 1809 г. (около *катальной горы*, см. томъ I, стр. 526). На мѣстѣ теперешней террасы Екатерина II въ 1795 году повелѣла устроить *огромную светлую галлерей*, и уже стѣны были выведены до верху; но по кончинѣ Государыни строеніе до основанія разобрано и матеріалы развезены къ началу тогда въ Петербургѣ Михайловскому замку, въ Павловскъ и въ другія мѣста. Взамѣнъ неконченной галлерей сдѣлана въ 1807 году гранитная терраса (И. Яковинъ, *Описание Села Царскаго*, стр. 119). *Азіатскихъ домикъ* имъ означаетъ *Китайскую бесѣдку* или *Турецкую кіоску*. *Парнасомъ* называется земляная гора противъ театра, на вершину которой ведетъ извивающійся вокругъ нея довольно широкій всходъ.

⁷ По желтымъ среди розъ тропинкамъ.

Около круглой непокрытой бесѣдки, или ротонды, между нынѣшней террасой и Орловскими воротами, совершенно насупротивъ (только черезъ воду) дубовой роши находилось такъ называвшееся *розовое поле*, усаженное вдоль дорожекъ грунтовыми розовыми кустами. Послѣ Екатерины II тамъ перестали сажать розы, но названіе мѣста оставалось еще долго въ употребленіи: его помнятъ первые воспитанники лицея, которыхъ въ свободные часы водили туда за неизмѣнимъ въ то время особеннаго сада при заведеніи. «На розовомъ полѣ, помнится, и мы еще застали розы, да и теперь еще растутъ шиповникъ. Запрещеніе ходить по травѣ существовало въ Царскомъ Селѣ и при насъ, и потому Александръ Павловичъ велѣлъ отвести намъ, въ видѣ исключенія, не только собственно *розовое поле*, но и весь обширный дугъ, стелющійся оттуда до Большаго Каприза» (Баронъ М. Корфъ).

⁸ Вдали музыки роговой.

Роговая музыка (томъ I, стр. 97), изобрѣтена С. К. Нарышкинымъ съ помощію придворнаго музыканта Мареша въ 1751 г. Это — родъ живаго органа. Длина каждаго рога не одинакова (отъ 5 до 10-ти футовъ), Оркестръ въ послѣднее время состоялъ изъ 60 человекъ: каждый имѣлъ только одну ноту, а остальное на его листѣ были паузы, которыхъ тактъ онъ считалъ, пока придетъ его нота. Точность, съ какою этимъ способомъ выполнялись труднѣйшія музыкальнныя сочиненія, изумительна. Капеллы роговой музыки были у знатныхъ людей и въ нѣкоторыхъ полкахъ (Георги-Безава, ч. III, стр. 649). Ср. у Ломоносова 48-ую надпись.

поселеній, значить мѣсто, возвышенное надъ окрестною равниной, собственно же островъ. О названіи *Сарское Село* см. томъ I, стр. 303.

⁹ Верхомъ скакали на конькахъ.

Здѣсь говорится объ одной изъ забавъ, входившихъ въ составъ каруселя. Подобное можно еще и теперь видѣть въ Павловскѣ около *розоваго павильона*. Дѣти, которыхъ собирали для игры въ присутствіи Государыни, принадлежали къ семействамъ ея приближенныхъ. Все это Державинъ видѣлъ вблизи, когда служилъ при Екатеринѣ II.

¹⁰ Поднявшихъ крылья лебедей и проч.

Лебеди царскосельскихъ прудовъ — одно изъ украшеній великолѣпнаго сада. Не даромъ ихъ прославили въ своихъ пѣсняхъ Державинъ, Пушкинъ и Жуковский. Присутствіе *юлужковъ* объясняется двумя *птичьими домами*, построенными въ 1774 г. на берегу большого пруда по обѣ стороны адмиралтейства. Память *любимыхъ собачекъ* Екатерины сохраняютъ французскія надписи на трехъ мраморныхъ доскахъ надъ мѣстомъ ихъ погребенія за гранитною пирамидою близъ мраморнаго моста. Одна изъ этихъ эпитафій написана Сегюромъ (см. его *Mémoires* и проч., т. II, стр. 33, и Пекарскій, *Зап. Ак. Н.*, т. III, Прилож. 6, стр. 70).

¹¹ Она смотрѣла на Алкида.

Передъ каменнымъ крыльцомъ, ведущимъ на колоннаду, по обѣ стороны его, стоятъ двѣ колоссальныя бронзовыя статуи Геркулеса и Флоры, отлитыя въ 1785 и 1786 г. съ антиковъ при Академіи Художествъ. Однакожъ здѣсь разумѣется вовсе не эта статуя Геркулеса Фарнезскаго, а монументъ Орлова Чесменскаго — *памятникъ побѣдъ Екатерины*, воздвигнутый въ видѣ ростральный колонны на царскосельскомъ озерѣ. Алкиду, поражающему палицею гидру, уподобленъ побѣдитель конечно по идеѣ медали, изображающей этотъ предметъ и срисованной Оленинымъ для стихотворенія *Флотъ* (томъ I, стр. 478). Затѣмъ выраженіе: «Какъ прочіе ея герои ... сжигали флоты средь морей», безъ сомнѣнія не точно; но о точности поэтъ и не могъ слишкомъ заботиться въ картинныхъ воспоминаніяхъ о славной Императрицѣ. Памятники, поставленные Екатериною въ царскосельскомъ саду, прославляютъ собственно только два имени — Румянцова и Орловыхъ, троихъ братьевъ. Памятникъ Ланскому, не имѣющій никакой надписи (въ рошѣ, отшедшей теперь къ собственному саду Государя Императора), сюда не относится. «Графу Орлову», говорила Екатерина, «одолжена я частію блеска моего царствованія, ибо онъ присовѣтовалъ послать флотъ въ Архипелагъ. ... Фельдмаршалу Румянцову должна я побѣдами; вотъ что только я ему сказала: г. Фельдмаршалъ! дѣло доходить до драки; лучше побить, чѣмъ самому быть побитымъ» (*Зап. Грибовскаго*, стр. 40 и слѣд.). Въ послѣднее время жизни Потемкина было предположеніе воздвигнуть и ему памятникъ въ царскосельскомъ саду; но смерть его предупредила исполненіе этой мысли, которая послѣ не возобновлялась.

¹² По лѣстницѣ отлогой шла.

Императрица, чувствуя съ приближеніемъ старости слабость въ ногахъ, велѣла устроить (1793) изъ втораго этажа дворца *половій спускъ*, утвержденный на семи понижающихся аркахъ (Яковлевъ).

¹³ Изъ яшмъ прозрачныхъ, перловъ гнѣздъ.

Гнѣздами перловъ Державинъ назвалъ *перломутръ*, переведа такимъ образомъ нѣмецкое составное слово *Perlemutter*, изъ котораго образовано наше. Дѣйствительно, слово *мъздо* совершенно соотвѣтствуетъ нѣмецкому *Mutter*, въ значеніи углубленія или впадины, куда что вкладывается. Ср. съ этимъ мѣстомъ стихи 45 и 46 *Видѣнія Мурзы* (томъ I, стр. 107).

Въ царскосельскомъ дворцѣ есть комнаты, въ которыхъ стѣны покрыты дощечками изъ драгоценныхъ каменныхъ породъ, между прочимъ яшмовыми; въ одной полъ выложенъ перломутромъ и рѣдкими родами деревъ. Другая большая комната обита янтарными дощечками, которыя прусскій король Фридрихъ Вильгельмъ I (царств. 1713 — 1740) подарилъ императрицѣ Аннѣ Иоанновнѣ; взамятъ ихъ онъ получилъ отъ нея 80 рослыхъ рекрутъ (Георги-Безакъ *Опис. Сиб.*, ч. III, стр. 689). Стѣны янтарной комнаты убраны и многими выпуклыми орнаментами изъ янтара. Пожаръ 1820 года дошелъ (отъ церкви) до этой комнаты, но остановился передъ нею, благодаря кирпичной закладкѣ дверей, тутъ же наскоро сдѣланной (Баронъ М. Корфъ). Съ Олимпомъ еще и Ломоносовъ въ названной выше одѣ 10-й сравнилъ царскосельскій дворецъ, сказавъ въ началѣ ея про себя: «На верхъ Олимпа вознесенъ!»

Двѣ надписи Ломоносова (44 и 47) также восхваляютъ красоты Царскаго Села.

15. ЖЕЛАНІЕ¹.

Къ богамъ земнымъ сближаться	1
Ничуть я не ищю	
И больше возвышаться	
Никакъ я не хочу.	
Душѣ моей покою	2
Желаю только я:	
Лишь будь всегда со мною	
Ты, Дашенька моя!	

¹ Относится къ второй супругѣ поэта, Дарьѣ Алексѣевнѣ (томъ I, стр. 408). Объ отсутствіи буквы *p* въ этой пьесѣ см. ниже стр.

Напечат. въ *Анакр. пѣсняхъ* 1804 г. стр. 75, и въ изд. 1808, ч. III, хл.

16. КАПНИСТУ¹.

Спокойства просить отъ Небесъ	1
Застыженный въ Каспійскомъ ^a морѣ,	
Коль скоро ни луны, ни звѣздъ	
За тучами не зрять, и вскорѣ	

Ждетъ корабельщикъ бѣды отъ бурь;
 Спокойства просить Персъ пужливый,
 Туркъ гордый, Россъ властолюбивый
 И въ ризѣ шелковой Манжуръ².

Покою, мой Капнисть! покою,

2

Котораго нельзя купить
 Казной серебряной, златою,
 И багрянницей замѣнить.

Сокровищами всея вселенной³
 Не можетъ отъ души смятенной
 И самый царь отгнать заботъ³,
 Толпящихся вокругъ воротъ.

Счастливъ тотъ, у кого на столъ,

3

Хоть не роскошный, но опрятный,
 Родительскіе хлѣбъ и соль
 Поставлены, и сонъ пріятный
 Когда не отнять у кого

Ни страхомъ, ни стяжаньемъ подлымъ:
 Кто малымъ можетъ быть довольнымъ,
 Богаче Креза самого.

Такъ для чего жъ въ толь краткой жизни

4

Метаться намъ туды, сюды,
 Въ другія земли изъ отчизны
 Скакать отъ скукъ или бѣды⁷
 И чуждымъ солнцемъ согрѣваться⁴?
 Отъ пепелища удаляться,
 Отъ родины своей кто мнить,
 Тотъ самого себя бѣжить⁵.

Заботы наши и бѣды

5

Вездѣ послѣдуютъ за нами,
 На корабляхъ чрезъ волны, льды
 И конницы за тороками⁴;
 Быстрѣй оленей и погодъ,
 Стадами облаки женущихъ,
 Летятъ онѣ и всюду сущихъ
 Терзаютъ челоуѣковъ родъ.

О! будь судьбѣ твоей послушнымъ,
 Престань о будущемъ вздыхать;
 Веселымъ нравомъ, равнодушнымъ

6

Умѣй и горесть улаждать.
 Довольнымъ быть, неприхотливымъ,
 Сіе то есть, что быть счастливымъ;
 А совершенныхъ благъ въ сей вѣкъ
 Вкушать не можетъ человѣкъ.

Вѣкъ Задунайскаго увяль⁶, 7
 Достойный въ памяти остаться;
 Рымникскаго печалень сталь!
 Сей мужъ, рожденный прославляться,
 Проводить нынѣ мрачны дни:
 Чего жъ не приключится съ нами⁶?
 Что мнѣ предписано судьбами,
 Тебѣ откажутъ въ томъ они.

Когда въ Обуховкѣ⁷ стремятся^ж 8
 Твоей стада, блея, на лугъ,
 Съ зеленаго холма глядятся
 Въ текущій стекляный Псельъ вокругъ;
 Когда волы и кобылицы,
 Четверомѣстной колесницы
 Твоей краса и честь плуговъ,
 Блестятъ, и садъ твой — тьмой плодовъ;

Когда тебя въ темнозелену⁸, 9
 Подругу въ пурпурову шаль
 Твою я вижу облеченну,
 И прочь бѣжить отъ васъ печаль;
 Какъ вкругъ васъ радости и смѣхи⁸,
 Невинны сельскія утѣхи,
 И хоры дѣвъ поютъ весну;
 То скука васъ не шлетъ ко сну.

А мнѣ Петрополь населять 10
 Когда велитъ судьба съ Миленой⁹,
 Къ отрадѣ домъ дала и садъ
 Сей жизни скучной, развлеченной^ж,
 И нѣкую поэта тѣнь,
 Да правду возглаголю святую:
 Умѣй презрѣть и ты златую,
 Злословну, площадную чернь¹⁰.

⁶ ... въ Балтійскомъ ... (Рукоп.).

⁶ ... судовщикъ бѣды ...

- Сокровища всяя вселенной,
Власть царска отъ души смятенной
Не могутъ отогнать заботъ.
- Скакатьъ отъ скуки и бѣды.
- За конными сидять полками;
Быстрѣй еленей и погодъ,
По небу облака женущихъ,
Повсюду человѣковъ сущихъ
Онѣ терзають въ родъ и родъ.
- ° Чего жъ не можетъ статься съ нами?
- Въ Обуховкѣ твоей стрѣются
Стада съ блеяніемъ на дугъ,
Съ зеленого холма глядятся
Въ стекляный Пселъ, текущій вокругъ.
Волы британски *, кобылицы —
Четверомѣстной колесницы
Краса и честь твоихъ плуговъ;
О, сколько у тебя плодовъ!
Тебя въ волну темнозелену,
Похругу въ золотую шаль . . .
- Невинныя вокругъ вась угѣхи,
Забавы, пляски, игры, смѣхи,
Хоръ дѣвъ поеть теперь весну
И скука не зоветъ ко сну.
А мнѣ судьба столичный градъ
Велѣла населять съ Миленой.
- Сей жизни суетной, стѣсненной,
Поэзіи ** нѣкотору тѣнь,
Чтобъ правду воспѣвать святую,
Духъ твердый презирать златую . . .

¹ Василій-Васильевичъ Капнистъ (род. 1757, ум. 28 октября 1824) былъ одинъ изъ самыхъ старинныхъ друзей Державина, хотя и моложе его четырнадцатью годами. Они сошлись какъ товарищи по Преображенскому полку, въ который Капнистъ перешелъ изъ Измайловскаго въ

* У Капниста былъ старшій братъ, Петръ, англоманъ. Онъ былъ красавецъ собой и служилъ въ гвардіи. Узнавъ, что его замѣтила императрица Екатерина, онъ ни за что не захотѣлъ продолжать службу и уѣхалъ въ Англию, гдѣ оставался до воцаренія Павла. Оттуда онъ привезъ съ собой молодую жену, прелестную англичанку, съ которою и поселился въ Малороссіи. Она никогда не могла выучиться по-русски и, будучи отличной хозяйкой, очень затруднилась тѣмъ, что ея не понимали. «Жизнь Петра Васильевича протекала въ удивленіи, посвященная единственно благу семьи и ближнихъ. Управляя общицею имѣніемъ, онъ только и думалъ о томъ, какъ бы улучшить и облегчить участь крестьянъ своихъ, надѣляя ихъ землею, сколько желали, назначалъ за нее цѣну самую ничтожную, по 1 руб. асс. за десятину, и такимъ образомъ сдѣлалъ ихъ всѣхъ оброчными, не терпя никогда барщинной работы» (Изъ неизданныхъ *Записокъ* сестры его, Софьи Вас. Скалонъ). У него было еще имѣніе близъ Судака, на южномъ берегу Крыма, гдѣ онъ и умеръ.

** Объ окончаніи слова *поэзіи* см. томъ I, стр. 35.

1772 году. Слѣды ихъ литературныхъ сношеній обнаруживаются очень рано въ рукописяхъ нашего поэта: съ 1778 г. они оба сдѣлались сотрудниками *С-петерб. Вѣстника* и въ это время иногда работали вмѣстѣ (см. нашъ томъ I, стр. 493). Въ *Объясненіяхъ* своихъ Державинъ упоминаетъ, что Капнисть участвовалъ въ отдѣлкѣ оды *Успокоенное море*, писанной въ 1779 году (тамъ же. стр. 46) и уже съ тѣхъ поръ, слѣдовательно гораздо ранѣе чѣмъ Дмитріевъ, будущій авторъ *Ябеды* сдѣлался строгимъ критикомъ и совѣтникомъ пѣвца *Фелицы*. Не обладавъ такимъ самобытнымъ талантомъ, какъ Державинъ, Капнисть далеко превосходилъ его въ школьномъ образованіи, въ знаніи теоріи искусства, въ версификаціи, въ знакомствѣ съ иностранными языками и даже въ правильномъ употребленіи русскаго, хотя онъ и не могъ, до самой старости, вполне освободиться отъ слѣдовъ своего малоросійскаго происхожденія не только въ выговорѣ, но и на письмѣ (наприм. онъ часто писалъ *и* вмѣсто *и*). Въ I-мъ томѣ настоящаго изданія мы въ разныхъ мѣстахъ * уже представили доказательства того, какъ дорожилъ Державинъ замѣчаніями Капниста. Между прочимъ мы привели цѣлое стихотвореніе (*Ласточка*) въ передѣланной послѣднимъ редакціи и выписали изъ одного письма Державина нѣсколько строкъ, въ которыхъ онъ выражаетъ намѣреніе поручить Капнисту надзоръ за будущимъ изданіемъ своихъ сочиненій. Такою близостію между обоими поэтами достаточно объясняется сходство направленія въ поэзиі того и другаго. Подобно Державину, Капнисть былъ друженъ съ Н. А. Львовымъ, съ которымъ онъ сошелся вѣроятно еще прежде чѣмъ съ Державиннымъ, именно въ Измайловскомъ полку; Капнисть такъ же какъ и Львовъ учился въ школѣ этого полка, а въ послѣдствіи они породнились, женившись на двухъ сестрахъ, Дьяковыхъ. Жена Капниста, Александра Алексѣевна (см. томъ I, стр. 367 и слѣд.), была образованнѣе своихъ сестеръ, получивъ воспитаніе въ Смольномъ монастырѣ. Съ 1795 года Державинъ сталъ своякомъ обоихъ друзей (тамъ же, стр. 408) и слѣдовательно въ настоящемъ стихотвореніи обращается къ Капнисту уже какъ къ родственнику. Къ сожалѣнію, обстоятельства жизни Капниста до сихъ поръ очень мало извѣстны: самая подробная, но все еще крайне неполная біографическія свѣдѣнія о немъ изложены въ *Словарь* Бантышъ-Каменскаго (Спб., 1847, ч. II) **. Какъ одинъ изъ главныхъ дѣятелей литературы Екатерининскаго и послѣдующаго времени, онъ бы заслуживалъ болѣе удовлетворительной біографіи. Изъ пятерыхъ дѣтей его еще живы Софья Васильевна, въ замужствѣ Скалонъ, и Алексѣй Васильевичъ Капнисть; оба живутъ въ Малороссіи, послѣдній въ родовомъ имѣніи Обуховкѣ, извѣстномъ по стихамъ покойнаго поэта. Изъ двухъ умершихъ сыновей Василія Василье-

* См. Предисловіе, стр. XII, XVI и слѣд., также примѣчанія къ одамъ *Величество Божіе*, *На коварство*, *На взятіе Измаила*, *Любителю художествъ* и приложеніе 1 къ *Ласточкѣ*.

** Ср. *Воспоминаніе о Капнистѣ* Н. Горчакова въ *Москвитяинѣ* 1846, № 7, *Смѣсь*, также *Похвальное слово* Капнисту въ *Трудахъ Общ. люб. рос. слов.* т. XXVII, и въ *Атенѣ* 1828, № 5.

вича старшій, Семень, прїѣхавъ въ Петербургъ на службу года за три до смерти Державина, жилъ съ тѣхъ поръ въ домѣ его, какъ любимый его племянникъ; онъ умеръ въ 1845 г. директоромъ училищъ Полтавской губерніи. Другой, Иванъ Васильевичъ, былъ московскимъ гражданскимъ губернаторомъ, а напослѣдокъ сенаторомъ и умеръ въ 1860 году. Отъ всѣхъ троицъ есть сыновья. Въ то время, когда написано посланіе Державина, Капнистъ былъ въ Петербургѣ, куда прїѣзжалъ по тѣжбѣ съ своимъ сосѣдомъ, помѣщикомъ Тарновскимъ*. Этотъ-то процессъ и послужилъ ему поводомъ къ сочиненію *Ябеды*, которая явилась въ слѣдующемъ году. Около того же времени императоръ Павелъ повелѣлъ выслать изъ столицы всѣхъ неслужащихъ дворянъ. Тогда Капнистъ, имѣя по дѣламъ надобность остаться въ Петербургѣ, просилъ Л. А. Нарышкина доставить ему службу и былъ опредѣленъ при дирекціи театровъ; однакожъ онъ только года два занималъ это мѣсто (слышано 1859 г. отъ Ивана Вас. в 1863 отъ Алексѣя Вас. Капниста).

Въ началѣ пьесы и далѣе въ разныхъ мѣстахъ ея видно подражаніе Горацию, — 16-ой одѣ кн. II (см. выше стр. 24). Дмитріевъ также подражалъ этой одѣ. Но здѣсь-то и видна особенность Державина: онъ почти никогда не ставилъ себѣ дѣлю подражаніе или переводъ, а когда заимствовалъ у другихъ поэтовъ, то обыкновенно съ примѣненіемъ къ избранному имъ самому сюжету, взятому изъ дѣйствительной жизни, и съ подчиненіемъ чужаго своему.

Стихи *Капнисту* были напечатаны въ изданіи 1808 г., ч. II, xxiv.

² И въ ризѣ шелковой Манжуръ.

У И. И. Дмитріева началу оды Горациа соответствуетъ слѣдующая строфа:

«Пловецъ подъ тучею нависшей,
Игралище морскихъ валовъ,
Не зря звѣзды, ему свѣтлившей,
Покою просятъ у боговъ.
Къ покою простираетъ длани
И Мидіи роскошный сынъ
И мужественный витязъ въ брани
Пространныхъ Эракии долинъ».

³ ... И самый царь отгнать заботъ.

У Дмитріева: «И ревность ликторовъ ме можетъ

Отгнать отъ нихъ (*отъ сильныхъ*) заботы, страхъ».

⁴ И чуждымъ солнцемъ согрѣваться?

Капнистъ собрался, по окончаніи своихъ дѣлъ въ Петербургѣ, ѣхать въ чужіе края (*Об. Д.*).

⁵ Тотъ самого себя бѣжить.

У Дмитріева: «Мать-родину свою оставишь,
Но отъ себя не убѣжишь».

* Оставляемъ это свѣдѣніе на ответственности тѣхъ, отъ кого получили его: изъ переписки Капниста съ Державинымъ (п. 22 марта 1786 г.) видно, что дѣло съ Тарновскимъ производилось еще въ 1780-хъ годахъ (См. томъ V).

Г. Фегъ такъ перевелъ соотвѣтствующее этому мѣсто Горация:

«Что намъ бросаться-то въ жизни юдольной?
 Что жъ на чужбину такъ рвешься ты, странникъ?
 Гдѣ-то себя самого добровольный
 Кланешь изгнанникъ?
 Горе въ корабль за тобою, порочный!
 Въ конномъ строю злое горе съ тобою,
 Лани быстрѣй и быстрѣе восточной
 Тучи съ грозкою».

Въ подлинникѣ: *Quid brevi fortes jaculamur aevo*
Multa? quid terras alio calentes
Sole mutamus? patriae quis exsul
Se quoque fugit?» и проч.

Ср. ниже, подъ 1798 г., примѣчанія къ одѣ *О удовольствіи*.

⁶ Вѣкъ Задунайскаго увялъ и проч.

Румянцовъ-Задунайскій (род. 1725) умеръ черезъ мѣсяць послѣ Екатерины II, 8 декабря 1797 г. О Суворовѣ см. выше, стр. 27, примѣч. 13.

⁷ Когда въ Обуховкѣ стремятся и проч.

Обуховка, деревня Полтавской губерніи Миргородскаго уѣзда на рѣкѣ Пселѣ, впадающей въ Днѣпръ, по положенію своему одно изъ самыхъ красивыхъ мѣстъ въ Малороссіи. Обуховка была пожалована Елисаветою Петровною отцу Капниста Василю Петровичу, который въ чинѣ бригадира убитъ въ годъ рожденія сына, при Гросъ-Егерсдорфѣ (о В. П. Капнистѣ статья Тархова въ *Съв. Лч.* 1846, № 136). Одно изъ самыхъ удачныхъ стихотвореній Капниста, *Обуховка*, написано имъ въ старости: оно въ первый разъ появилось въ *Сынѣ Отечества* 1818 г. (ч. 48, № XXXIII). Въ общей идеѣ Капнистъ сошелся тутъ съ Державиннымъ, который въ 1807 г. написалъ большую пьесу *Жизнь Званская*. Здѣсь умѣстны будутъ слѣдующіе стихи изъ *Обуховки*:

«Пріютный домъ мой подъ соломою,
 По мѣ, ни низокъ, ни высокъ;
 Для дружбы есть въ немъ уголокъ;
 А къ двери, знатнымъ незнакомой,
 Забыла лѣвъ прибить замокъ.
 Горой отъ сѣвера закрытый,
 На значномъ холмѣ онъ стоитъ
 И въ рощи, въ дальній дугъ глядитъ;
 А Пселъ, предъ нимъ змѣей извитый,
 Стремясь на мельницы, шумить»

Для будущихъ издателей Капниста присоединяемъ и варианты къ этимъ стихамъ. Въ *пріютный* было сперва *уютный*, 4-й жъ стихъ имѣлъ въ *С. От.* такую редакцію: «А къ двери, нищему знакомой». Слово *нищему* было потомъ замѣнено словомъ *страннику*, а впоследствии и это переделано. Первые четыре стиха вмѣстѣ съ видомъ Обуховки помѣщены на тарелкахъ тамошняго столоваго сервиза.

Одинъ изъ сыновей поэта Капниста, Семень Васильевичъ, также занимавшійся стихотворствомъ, написалъ, въ подражаніе отцу и дядѣ, стихи «Наяда Псла къ Наядѣ Волхова», въ основной идеѣ которыхъ онъ взялъ за образецъ пьесу Державина: *Волховъ Кубръ*. Они были напечатаны въ *Чтеніяхъ въ Бесѣдѣ люб. русс. са.* 1815 г., чт. XVII, стр. 105.

⁸ Когда тебя въ темнозелену и проч.

«Темнозеленые тогда нашивали мундиры, а дамы — пурпуровыя шали» (Об. Д). Ср. у Дмитриева:

«Тебя богатство, знатность рода
Въ червлену ризу облекли».

⁹ Когда велитъ судьба съ Миленой и проч.

Миленя — вторая жена Державина, томъ I, стр. 408 — 411. О домѣ и садѣ см. тамъ же стр. 311. «Сей жизни скучной, развлеченной» неловко отдалено отъ слова: «Къ отрадѣ».

¹⁰ ... Злословну, площадную чернь.

У Горация: ... «*malignum spernere vulgus*».

У Дмитриева: «И равнодушіе къ сужденю
Толпы зоиловъ и глупцовъ».

У Мерзлякова: «Силу дала мнѣ — черни своенравной
Судъ презирать».

У г. Фета: ... «и къ преступной черни презрѣнье».

Ср. у Пушкина «чернь тупая», «безсмысленный народъ» и проч. въ стихотвореніи 1828 г. *Чернь* и у самого Державина начало *Безсмертія души* (выше стр. 1) «Умолкни, чернь непросвѣщенная», также начало оды *О удовольствіи*: «Прочь буйна чернь, непросвѣщенная и презираемая мной» (см. ниже подъ 1798 г.).

17. ЛЮСИ¹.

О ты, Люсенька любезна¹!
Не бѣги меня, мой свѣтъ,
Что млада ты и прелестна,
А я дурень, старъ и сѣдъ².
Взглянь на розы и липы:
Лель изъ нихъ вѣлки плететь³.
Вкругъ твоей пріятень шеи
Розовый и бѣлый цвѣтъ.

¹ О Чухоночка любезна (Рукоп.).

¹ У графини Екатерины Алексѣевны Стейнбокъ, урожденной Дьяковой, невѣстки Державина, была воспитанница, жившая въ домѣ ея, —

Елисавета Федоровна Штернбергъ. Она была усыновлена графинею, вышла впоследствии за мужъ за графа Магнуса Делагарди († 1856) и жила въ глубокой старости еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Графъ Делагарди былъ вначатный племянникъ графа Стенбока. Ее-то поэтъ и разумѣетъ въ этихъ стихахъ, написанныхъ ей въ альбомъ. Онъ упоминаетъ о ней еще въ стихотвореніи *Графу Стейнбоку*, подъ 1806 годомъ.

Это — подражаніе Анакреонской оды (XXXIV, 49, *Εἰς κόρην*), переведенной въ изданіи Львова такимъ образомъ:

«Красавица! не бѣгай
Сѣдыхъ моихъ волосъ
И, юностью блистая,
Не презри страсть мою.
Пріятно розы вьются
Съ лилеями въ вѣнкѣ».

Напечат. въ *Анакр. пѣсняхъ* 1804 г., стр. 65, и въ изд. 1808, ч. III, xxxi.

² А я дурень, старъ и сѣдъ.

Ср. въ *Примѣненіи красавицамъ*, подъ 1801 г., стихъ 7: «Дурень, старъ и не умилень» и въ пьесѣ *Старикъ*, подъ 1802 г., стих. 2: «Ты старъ и сѣдъ и лысъ»; также у Пушкина въ стихотвореніи *Гробъ Анакреона* (1815):

«Здѣсь онъ въ зеркало глядится,
Говоря: я сѣдъ и старъ».

³ Лель изъ нихъ вѣнки плететь.

«Даже въ Анакреонтическія пѣсни Державинъ вводилъ славянскія божества вмѣсто греческихъ и римскихъ, для показанія, что можемъ и своею мнѳологіею украшать нашу поэзію» (Галаховъ, *Исторія русс. словесн.*, т. I, стр. 523).

18. ПРАВОСУДИЕ ¹.

Итакъ стоишь ты твердо въ томъ: 1
Умершіе, что съ нами жили
И въ жизни сей несытымъ ртомъ
Благъ чашу незаконно пили,
По смерти могутъ избѣжать ^а,
Чтобы предъ Божіей судъ не стать?
Нѣтъ! знай, что Правосудья око, 2
Хоть бодрствуетъ межъ звѣздъ высоко,
Но отъ небесъ и въ бездны зреть:
Тѣхъ милуетъ, а тѣхъ казнить
И здѣсь, въ сей жизни скоротечной,
И тамъ, и тамъ, по смерти, въ вѣчной ^б.
Двоякъ за мрачнымъ громомъ путь, 3

19. РОЖДЕНИЕ КРАСОТЫ ¹.

Сотворя Зевесъ вселенну,
 Звалъ боговъ всѣхъ на обѣдъ;
 Вкругъ нектара чашу пѣнну
 Разносилъ имъ Ганимедъ.
 Медъ, амброзія блистала
 Въ ихъ устахъ, по лицамъ огонь,
 Благовоній мгла летала
 И Олимпъ былъ свѣта полнъ;
 Раздавались пѣсенъ хоры
 И звучалъ весельемъ пиръ;
 Но незнаю какъ-то взоры
 Опустилъ Зевесъ на міръ
 И, увидя царства, грады,⁴
 Что погибли отъ боевъ²,
 Что богини мещутъ взгляды
 На бѣднѣйшихъ⁶ пастуховъ,
 Распалился столько гнѣвомъ,
 Что, курчавой³ головой
 Покачавъ, шатнулъ всѣмъ небомъ,
 Адомъ, моремъ и землей².
 Вмигъ сокрылся¹ блескъ лазуры:
 Тма съ бровей, огонь съ очесъ,
 Вихоръ съ ризъ его и буря
 Восшумѣла отъ небесъ;
 Разразились всюду громы⁴,
 Мракъ во пламени⁶ горѣлъ,
 Яры волны, будто холмы,
 Понтъ стремился и ревѣлъ;
 Въ растворенны безднѣ утробы²
 Тартаръ искры извергалъ;
 Въ тучи Фебъ, какъ въ черны гробы,
 Погруженный трепеталъ;
 И средь страшной сей тревоги
 Коль еще бы грянулъ громъ,
 Міръ, Олимпъ, боговъ чертоги
 Повернулись бы вверхъ дномъ³.
 Но Зевесъ вдругъ умилился;

10

20

30

Стало, знать, красавицъ жаль^а;
 А какъ съ ними не смирился,
 Новую тотчасъ создалъ: 40
 Ввилъ въ власы пески златые,
 Пламя въ щеки и уста,
 Небо въ очи голубыя,
 Пѣну въ грудь, — и Красота
 Вмигъ изъ волнъ морскихъ родилась;
 А взглянула лишь она,
 Тотчасъ буря укротилась
 И настала тишина.
 Сизы, юные дельфины,
 Облелѣя табуномъ, 50
 На свои ее взявъ спины^в,
 Мчали по пучи^г волнъ.
 Бѣлы голуби станицей^и,
 Гдѣ откуда ни взялись,
 Подъ жемчужной колесницей
 Съ ней на воздухъ поднялись^к;
 И, летя подъ облаками,
 Вознесли на звѣздный холмъ:
 Зевсъ обьялъ ее лучами
 Съ улыбнувшимся^л лицомъ^м. 60
 Боги, молча, удивлялись,
 На Красу^н разинувъ ротъ,
 И согласно въ томъ признались:
 Миръ и брани — отъ красотъ.

^а Разрушенны отъ боевъ (Рукоп.).

^б И на бѣдныхъ ...

^в Что, кудрявой ...

^г Тутъ сокрылся ...

^д ... грозны громы.

^е Мракъ перунами ...

^ж Свѣтъ въ пловущи черны гробы.

^з ... богиней жаль;

Чтобъ стихіевъ бунтъ сломился,

Изъ нихъ вновь одну создалъ,

Ввилъ песокъ въ власы златые.

^и На свои поднявши спины.

^и Бѣлыхъ голубей станица (1804).

^к ... поднялась.

- ¹ Съ улыбающимъ лицомъ.
— Наклонился къ ней челомъ (Рукоп.).
² Красотѣ ...

¹ О поводѣ къ сочиненію этихъ стиховъ Державинъ ничего не говоритъ. Они были напечатаны въ *Анакр. пѣсняхъ* 1804, стр. 74, и въ изданіи 1808 г., ч. III, xxxviii. Въ одномъ изъ своихъ разборовъ Бѣлинскій (см. *Сочиненія* его, ч. IV, стр. 469) выписываетъ всю эту пьесу, «поэтическую по мысли и отличающуюся необыкновенными красотами», въ доказательство того, что Державинъ — поэтъ съ громаднымъ талантомъ, но не художникъ.

² Распалился — — и землей.

«По нашему мнѣнію, эти четыре стиха — торжество Державинской поэзіи, и не смотря на ихъ какъ бы шуточный тонъ, они исполнены антологической граціи и вмѣстѣ классическаго величія» (Бѣлинскій). Въ этихъ стихахъ совершенно гомерическое представленіе. Для сравненія можно указать въ *Иліадѣ*, перев. Гнѣдича, пѣснь I, стихи 528 — 530:

«Рекъ, и во знаменье черными Зевсъ помаваетъ бровями:
Быстро власы благовонные вверхъ поднялись у Кронюда
Окрестъ безсмертной главы, и потрясся Олимпъ многохолмный».

³ Разразились — — вверхъ двомъ.

«Какая трескотня надутыхъ риторическихъ фразъ! какое безвкусіе въ образѣ выраженія!» (Бѣлинскій). Приведа выше сужденія того же рецензента въ пользу Державина, мы сочли долгомъ выписать и эту, хотя на нашъ взглядъ преувеличенную хулу. О критикѣ Бѣлинскаго въ отношеніи къ Державину надѣемся высказать наше мнѣніе обстоятельно въ концѣ настоящаго изданія.

⁴ Зевсъ обьялъ ее лучами
Съ улыбнувшимся лицомъ.

«Какіе превосходные два стиха, полные гомерическаго величія и граціи!» (Бѣлинскій).

20. КЪ ЖЕНЩИНАМЪ¹.

Зевесъ быкамъ далъ роги,
Копыта лошадямъ,
Проворны зайцамъ ноги,
Зубасты зѣвы лвамъ,
Способность плавать рыбамъ,
Пареніе орламъ,
Безстрашный духъ мужчинамъ;
Но что жъ онъ далъ женамъ?
Чѣмъ все то замѣнить?

Красой ихъ надѣляетъ:
Огонь и мечъ и щитъ
Красавица сражаетъ.

¹ Подражаніе Анакреоновской одѣ (II, Εἰς γυναικας, — 24, Ἐρωτικόν). Редакція Державина весьма близка къ Львовскому переводу, который поэтому и выписываемъ, означая курсивомъ стихи, принятые нашимъ поэтомъ безъ измѣненія:

*«Зевесъ быкамъ далъ роги,
Копыта лошадамъ;
Онъ скорый бѣгъ далъ зайцу,
Льву полный зѣвъ зубовъ,
Способность плавать рыбамъ;
Онъ птицамъ далъ полеть,
А мужество мужчинамъ.
Не много что для женъ
Осталось въ награжденье.
Что жъ далъ имъ? — Красоту
Въ замѣну копій, шлемовъ:
И щитъ и огонь и мечъ
Красавица сражаетъ.»*

Это одна изъ тѣхъ Анакреоновскихъ одъ, которыя наиболѣе полюбилась позднѣйшимъ поэтамъ. Она переведена чуть ли не на всѣ европейскіе языки и была перелажана на музыку. Въ *Аммиѣ* Тасса (дѣйств. II, явл. 1) есть слѣдующіе стихи, очевидно заимствованные отсюда же:

*«Il cervo adopra il corso,
Il leone gli artigli, ed il bavoso
Cinghiale il dente: e son potenza ed armi
Della donna bellezz' e leggiadria».*

Въ переводѣ это значить: «Олень употребляетъ бѣгъ, левъ — когти, слюнявый вепрь — клыки; а сила и оружіе женщины — красота и прелесть».

Общее наше примѣчаніе ко всѣмъ заимствованиямъ Державина изъ Анакреона, слѣдовательно и къ этому небольшому стихотворенію, см. выше стр. 46—48.

Напечат. въ *Анакр. пѣсняхъ* 1804 г., стр. 71, и въ изд. 1808, ч. III, xxxv.

21. СОЛОВЕЙ ВО СНѢ¹.

Я на холмѣ спалъ высококомъ,
Слышалъ гласъ твой, Соловей;
Даже въ самомъ снѣ глубокомъ
Внятенъ былъ душѣ моей!

1

То звучалъ, то отдавался,
 То стеналъ, то усмѣхался
 Въ слухъ издалиече онъ, —
 И въ объятіяхъ Калисты^а
 Пѣсни, вздохи, клики, свисты
 Услаждали сладкій сонъ.

Если по моей кончинѣ,
 Въ скучномъ безконечномъ снѣ,
 Ахъ! не будутъ такъ, какъ нынѣ,
 Эти пѣсни слышны мнѣ,
 И веселья и забавы^б
 Плясокъ, ликовъ, звуковъ славы
 Не услышу больше я:
 Стану жъ жизнью наслаждаться,
 Чаше съ милой цѣловаться,
 Слушать пѣсни соловья.

^а ... Милены

Клики, свисты, вздохи, пени (Первон. рукоп.).

^б Ни похвалъ, ни звуковъ славы,
 Ни лобзанья, ни забавы
 Чувствовать не буду я.

¹ Это одна изъ тѣхъ пьесъ, по поводу которыхъ Державинъ въ началѣ *Анакреонтическихъ пѣсней* говорить въ обращеніи *Къ читателямъ*: «По любви къ отечественному слову желалъ я показать его изобиліе, гибкость, легкость и вообще способность къ выраженію самыхъ нѣжнѣйшихъ чувствованій, каковыя въ другихъ языкахъ едва ли находятя. Между прочимъ, для любопытныхъ, въ доказательство его изобилія и мягкости послужать пѣсни * —, въ которыхъ буквы *p* совсѣмъ не употреблено.» Выраженное здѣсь понятіе о буквѣ *p* перешло къ намъ съ Запада: такъ наприм. нѣмецкій поэтъ Брокесъ (см. томъ I, стр. 146) избѣгалъ этой буквы, когда хотѣлъ изобразить тишину послѣ грозы (Gervinus, *Gesch. der d. Dichtung.* т. III, стр. 518), а французу Ронсару наоборотъ казалось, что слова, въ которыхъ она встрѣчается, придаютъ стихамъ звучность и громкость («font une grande sonnerie et batterie aux vers». Arnd, *Gesch. der franz. Nationalliteratur* т. I, стр. 125).

* Здѣсь означены у Державина нумера десяти пьесъ, которыхъ заглавія мы выписываемъ съ указаніемъ времени ихъ сочиненія: *Анакреонъ въ собраніи*, 1791 (см. томъ I, стр. 299); — *Соловей во снѣ*; — *Желаніе*, 1797; — *Письмо Баярда*; — *Виша*, 1799; — *Тишина*, 1801; — *Шуточное желаніе*; — *Кувачикъ*; — *Бабочка*, 1802; — *Свобода*, 1803.

См. сказанное по поводу описанія соловьиного пѣнья въ томѣ I, стр. 478. Напечат. въ *Анакр. пѣсняхъ* 1804 г., стр. 72, и въ изд. 1808 г. ч. III, xxxvi.

22. ГОРЮЧИЙ КЛЮЧЬ¹.

Подъ свѣсомъ шумныхъ тополовыхъ
 Кустовъ, въ тѣни, Кипридинъ сынъ
 Покоился у водъ перловыхъ,
 Біюшихъ съ горь, и факель съ нимъ
 Лежалъ въ травѣ, чуть-чуть куряся. 5
 Пришли тутъ Нимфы и, дивяся,
 «Что намъ?» сказали, «какъ съ нимъ быть?
 Дай въ воду, въ воду потопить,
 А съ нимъ и огонь, чѣмъ всѣ сгораютъ!»
 И вотъ! — кипить ключъ пѣной весь, 10
 Съ купающихся Нимфъ стекаютъ
 Горящія струи поднесъ.

¹ Въ *Объясненіяхъ* Державина сказано только, что это переводъ изъ древняго греческаго поэта. Настоящій источникъ этого стихотворенія указанъ г. Печериннымъ въ статьѣ *О греческой эпиграммѣ* (*Современникъ* за декабрь 1838 г., ч. XII). Приводимъ отсюда все мѣсто, относящееся какъ сюда, такъ и къ пьесѣ *Спящій Эротъ* (см. томъ I, стр. 469): «Изрѣдка только мелькаютъ у нашихъ поэтовъ переводы греческихъ эпиграммъ, и то не съ подлинника. У Державина, который такъ удачно умѣлъ передать намъ на отечественномъ языкѣ всю прелесть одъ Анакреона, находимъ только двѣ пьесы, заимствованныя изъ Антологіи. Первая, *Горючій ключъ*, есть переводъ эпиграммы Маріана схоластика, находящейся въ IX отдѣленіи Палатинской Антологіи. Вторая, составляющая первую половину стихотворенія *Спящій Эротъ*, заимствована изъ отрывка, приписываемаго Платону философу (210 эпигр. 4 книги Anthol. Planud.), такъ что всѣ главныя черты прекрасной картины, изображающей спящаго Эрота, принадлежатъ древнему поэту; послѣдняя половина этого стихотворенія есть 30-я ода Анакреона съ нѣкоторыми только измѣненіями. Соединеніе двухъ греческихъ стихотвореній въ одно прекрасное цѣлое заставляеть удивляться искусству нашего поэта.»

О Маріанѣ неизвѣстно никакихъ подробностей; ему приписываютъ пять эпиграммъ. Приводимъ подлинникъ *Горючаю ключа* вмѣстѣ съ подстрочнымъ его переводомъ:

Τῆδ' ὑπὸ τὰς πλατάνους ἀπαλῶ τετριμένος ὕπνῳ
 εἶδεν Ἔρωσ, Νύμφαις λαμπάδα παρδόμενος.
 Νύμφαι δ' ἀλλήλησι, τί μέλλομεν; αἶθε δὲ τοῦτω
 σβέσσαμεν, εἶπον, ὁμοῦ πῦρ κραδίης μερόπων.

λαμπάς δ' ὡς ἐφλέξε καὶ ὕδατα, θερμὸν ἐκείθεν
 Νύμφαι Ἐρωτιάδες λουτροχεῦσιν ὕδαρ.

(Якобса Anthologia graeca, т. III, стр. 213.)

«Здѣсь подъ яворами уснулъ сладкимъ сномъ изнуренный Эротъ, положилъ возлѣ Нимфъ факель. Нимфы же другъ другу сказали: Что медлимъ? потушить бы намъ вмѣстѣ съ этимъ огонь человеческого сердца. Но когда отъ факела зажглась и вода, то Эротовы Нимфы стали черпать оттуда для купанья горячую воду».

Горючий ключъ напечатанъ въ *Анакр. пѣсняхъ* 1804 г., стр. 70, и въ изд. 1808 г., ч. III, хххiv.

23. ВЕНЕРИНЪ СУДЪ¹.

На розѣ опочила,
 Въ листахъ пчела сидя;
 Вдругъ въ пальчикъ уязвила
 Венераино дитя:
 Вскричалъ, вспорхнулъ крылами 5
 И къ матери бѣжить;
 Облившись слезами,
 «Пропалъ, умру!» кричить:
 «Ужаленъ небольшою
 Крылатой я змѣей, 10
 Которая пчелою
 Зовется у людей.»
 Богиня отвѣчала:
 «Суди жъ: коль такъ пчелы
 Тебя терзаетъ жало, 15
 Что жъ твой ударъ стрѣлы?»

¹ Эта Анакреоновская ода (Εἰς Ἐρωτα, XL и 33*) есть одна изъ тѣхъ, которыя чаще всего были переводимы на разные языки, въ томъ числѣ и на русскій. Евгений Булгаръ въ прим. къ ней говоритъ: «Ода сія столько почтена не токмо учеными вниѣшняго вѣка, но и древними, что и самый замислами обильный Теокритъ изъ нѣкоторыхъ частныхъ ея красотъ составилъ идиллію» (*Анакреонъ*, Спб. 1794, стр. 186). И другой переводчикъ Анакреона, Мартыновъ (*Греч. классики*, ч. XXIII, кн. 26, Спб. 1829, стр. 295), замѣчаетъ: «Эта пѣснь трогательнѣе всѣхъ Анакреоновыхъ пѣсней». Впрочемъ тутъ Мартыновъ только повторяетъ, безъ

* См. выше, стр. 46, общее наше примѣч. къ *Анакреонтич. одамъ*, въ концѣ котораго объяснено, почему мы означаемъ двумя цифрами, римскою и арабскою, подлинныя оды, приписываемыя Анакреону.

указанія источника, сужденіе стариннаго французскаго переводчика Анакреона (Longepierre, Парижъ, 1692, стр. 204): «De toutes les odes d'Anacréon voicy celle qui m'a toujours le plus touché. — La fiction en est toute ingénieuse et toute charmante, l'expression délicate et fine, enfin ce n'est que graces et que beautez.» Много спорили о томъ, чье стихотвореніе — Анакреона или Теоокрита — заслуживаетъ предпочтенія. Одинъ изъ новѣйшихъ нѣмецкихъ критиковъ, Штаркъ, находитъ у Теоокрита болѣе простоты и сжатости, и потому считаетъ его первоначальнымъ авторомъ, въ Анакреоновской же одѣ видитъ только подражаніе (Stark, Quaest. Anacreontic., Лейпц. 1846, стр. 82).

Державинъ сперва перевелъ ее четырехстопными ямбами. Вотъ его первоначальная черновая редакція:

На розовомъ кусту почил
Пчела, подъ листьями сидя;
Въ прекрасный пальчикъ уязвила
Венерино дитя.
Вскричалъ, вспорхалъ крылами,
Къ прекрасной матери бѣжить:
«Пропаль!» облившися слезами,
«Уму я, матушка!» кричить:
«На крыліяхъ я небольшою
Змѣей ужалецъ въ палець тутъ, —
Ахъ! той, которую пчелою
Всѣ землепахари зовуть.»
Ему богиня отвѣчала:
«Суди, Эроть! кожь сей челы
Тебя терзаетъ столько жало,
Каковъ ударъ твоей стрѣлы?»

Эту редакцію Державинъ набросалъ-было начерно въ рукописи Казанскаго университета (1797 и 1798 г.), но потомъ предпочелъ трехстопный ямбъ (которымъ Ломоносовъ переводилъ Анакреона) и, зачеркнувъ прежнюю редакцію, написалъ на поляхъ другую, явнившуюся послѣ и въ печати.

Прилагаемъ и переводъ Львова, печатаая для сбереженія мѣста по два стиха въ одной строкѣ:

«Купидонъ, не видя спящей въ розовомъ кустѣ пчелы,
Въ палець ея былъ ужалецъ; *вскрикнулъ, вспорхнулъ, приближалъ*
Онъ къ прекрасной Цитереѣ, плача и крича: *Пропаль,*
Матушка! пропаль: до смерти, ахъ! ужалила меня
Съ крылышками *небольшая* и летучая змѣя,
Та, которую пчелою землепахари зовуть. —
Тутъ богиня отвѣчала: Если маленькой челы
Больно *такъ терзаетъ* жало, то *суди* ты самъ теперь,
Сколько тѣ должны терзаться, воихъ ты разишь, Эроть!»

Вотъ эта ода и въ переложеніи Н. Эммина, сдѣланномъ въ 1795 г., (см. ниже, подъ 1798 г., примѣч. 1 къ стихотворенію *Вынцъ безсмертія*):

Амуръ уязвленный пчелою.

Однажды рѣзвый Купидонъ,
Въ кусточкахъ розовыхъ играя,
Прервалъ безъ мысли и не зная
Трудолюбивой пчелки сонъ.
Хоть пчелка, — сердце есть у ней!
Амуру пчелка заплатила,
Амура въ палець уязвила,
Жужжить — и скрылась межъ лилей!

Страдаетъ богъ и слезы льетъ,
Не можетъ боли снести ужасной;
Летить къ Венерѣ онъ прекрасной,
Кричитъ: «Нѣтъ силъ ... Ой! руку рветъ!

«Крылата маленька змѣя,
Что пахарь пчелкой называетъ,
Меня несносно уязвляетъ:
Погибъ — и умираю я!» —

Коль вредно жало намъ пчелы,
Венера сыну отвѣчаетъ,
Судижъ богиня продолжаетъ,
Какогъ ударъ твоей стрѣлы.

Пьеса *Венеринъ судъ* была напечатана въ *Анакр. пьесы* 1804 г., стр. 73, и въ изд. 1808 г., ч. III, xxxvii.

24. КЪ ЛИРЪ¹.

Пѣть Румянцова собирався,
Пѣть Суворова хотѣлъ;
Громъ отъ лиры раздавался
И со струнъ огонь летѣлъ. . . .
Но завистливой судьбою^а 5
Задунайскій кончилъ вѣкъ²,
А Римникскій скрылся тмою^б,
Какъ неславный человѣкъ.
Что жъ? Приятна ли имъ будетъ,
Лира, днесъ твоя хвала? 10
Миръ безъ насъ не позабудетъ
Ихъ безсмертныя дѣла.
Такъ не надо звучныхъ строевъ:
Переладимъ струны вновь;
Пѣть откажемся героевъ^в, 15
А начнемъ мы пѣть любовь.

^a Но завистойной, слышу, Паркой (Первоп. рукоп.).

^b А Рымникскій ходитъ съ палкой.

¹ Это—подраженіе Анакреоновской одѣ (I, Εἰς λύραν; 23, Εἰς χιθάρην), изъ которой заимствовались не только новыя, но и древніе поэты, именно Гораций и Овидій. У насъ еще прежде Державинъ ею воспользовался Ломоносовъ, переведа ее и приложивъ отвѣтъ Анакреону. Но Державинъ не перевелъ, а передѣлалъ подлинникъ, взявъ изъ него только основную мысль. То же сдѣлалъ уже и Сумароковъ, но онъ удалился гораздо болѣе отъ подлинника (Соч. его II, стр. 189).

Напечат. въ *Анакр. пѣсняхъ* 1804 г., стр. 51, съ такимъ объясненіемъ въ оглавленіи: Похвала графу Румянцову и Суворову, когда первый скончался, а второй находился подъ гнѣвомъ Императора въ его деревнѣ; 1797 года ноября дня; потомъ въ изд. 1808, ч. III, ххл.

² Задунайскій кончилъ вѣкъ и проч.

Румянцовъ умеръ 8 декабря; Суворовъ впалъ въ немилость за нѣкоторые неосторожные отзывы о нововведеніяхъ императора Павла. «Сказывали, что онъ передъ разводомъ показывалъ свою блажность, говоря: *пушки не пушки, коса не тесакъ, а я не прусакъ, я фельдмаршалъ въ полкъ, а не при паролѣ*. Удивительно, что сей тонкій человѣкъ говорилъ такія рѣчи, которыя не сходствовали съ его умомъ. Государю о томъ донесли, и онъ послалъ за нимъ фельдъегеря, съ которымъ онъ пріѣхалъ и явился на другой день на вахтпарадѣ. Вскорѣ онъ сосланъ былъ въ свои деревни, въ Новгородской губерніи находящіяся, гдѣ и проживалъ подъ присмотромъ земской полиціи до назначенія его командовать руссійско-австрійскою арміею въ Италіи противъ французовъ» (*Зап. Л. Энгельгардта*, стр. 198. Ср. выше стр. 27, примѣч. 13 къ одѣ *На возвращеніе гр. Зубова изъ Персіи*). При воцареніи императора Павла Суворовъ былъ начальникомъ Екатеринославской дивизіи и издавна пользовался особеннымъ благоволеніемъ его. Но уже въ началѣ 1797 г. Суворовъ навлекъ на себя гнѣвъ Государя за разныя отступленія отъ вновь вводимыхъ тогда военныхъ постановленій. Въ приложеніяхъ къ *Исторіи войны въ 1799 г.* (ч. I, стр. 489 и слѣд.) помѣщенъ цѣлый рядъ рескриптовъ, въ которыхъ Павелъ I выражалъ ему свое неудовольствіе за употребленіе офицеровъ въ курьерскія должности, за увольненіе ихъ своею властью въ отпускъ и т. п. Суворовъ подалъ въ отставку, но еще прежде нежели прошеніе его пришло въ Петербургъ, былъ уволенъ 6 февраля 1797 года: отношеніемъ отъ 14-го числа гр. Ростопчинъ писалъ ему: «Государь Императоръ, получа донесеніе в. с., сонзволилъ указать мнѣ доставить къ свѣдѣнію вашему, что желаніе ваше предупреждено было и что вы отставлены еще 6 числа сего мѣсяца».

³ Пѣть откажемся героевъ и проч.

Ср. въ пѣснь Пушкина *Анакреонъ* (1815):

«Хочетъ пѣть онъ бога бранн,
Но поетъ одну любовь».

25. УРНА ¹,

Сраженнаго косою Сатурна, 1
 Кого средь воюющихъ здѣсь роцъ
 Печальная сокрыла урна
 Во мрачну, непробудну ночь?
 Кому на ней чудесь картина
 Во мраморѣ изражена?
 Крылатый жезлъ ², котурнь, личина,
 Рѣзецъ и съ лирой кисть видна!
 Надъ кѣмъ сей мавзолей священный 2
 Вкругъ отѣняетъ кипарисъ,
 И лира гласы шлетъ плачевны?
 Кто, Меченатъ иль Медицисъ,
 Тутъ орошается слезами?
 Чьи блѣдныя лица черты
 Луной блистаютъ межъ вѣтвями?
 Кто зрится мнѣ? — Шуваловъ, ты!
 Ахъ . . . ты! — Могу ль тебя оставить 3
 Безъ благодарной гѣсни я?
 Тебя ли мнѣ, тебя ль не славить?
 Я твой питомецъ и — судья ³.
 О, нѣтъ! Ужъ Муза возмечаетъ
 Моя ко облакамъ златымъ,
 Вслѣдъ выпрениихъ пѣвцовъ ⁴ дерзаетъ
 Воспѣть тебѣ надгробный гимнь.
 Смерть мужа праведна — прекрасна! 4
 Какъ умолкающій органъ,
 Какъ лучъ послѣдній солнца ясна
 Блистаетъ, тонетъ въ океанъ:
 Подобно въ неизмѣрны бездны,
 Отъ міра тлѣннаго спѣша,
 Летитъ сквозь мириады звѣздны
 Блаженная твоя душа;
 Или, какъ странникъ, путь опасный 5
 Прошедшій межъ стремнинъ и горъ,
 Змѣй слыша свистъ, львовъ ревъ ужасный
 Позадь себя во тмѣ и, взоръ
 Отъ зубъ ихъ отвратя, взбѣгаетъ

Съ весельемъ на высокій холмъ:
Отъ міра духъ твой возлетаетъ
Такъ вѣчности въ прекрасный домъ.

Коль тѣнь и прообразование ^a
Небеснаго сей дольний міръ,
Съ высотъ лазурныхъ восклицанье
И сладкое согласье лиръ
Я слышу; вижу: душъ блаженныхъ
Полки встрѣчать тебя идутъ!
Въ эфирныхъ ризахъ, позлащенныхъ,
Торжественную пѣснь поютъ:

«Гряди къ намъ, новый неба житель!
И, отряся прахъ земной,
Войди въ нетлѣнную обитель
И съ высоты ея святой
Возри на доль твой смертный, слезный,
На жизнь твою, и наконецъ
За подвиги твои полезны
Прями возмездія вѣнецъ!

«Ты бѣдныхъ былъ благотворитель,
И вѣчныхъ наслаждался благъ;
Ты просвѣщенья былъ любитель,
И Божества сіяй въ лучахъ;
Ты поощрялъ пѣть славу Россовъ,
Ты чтилъ Петра, Елисаветъ:
Внимай, какъ звучно Ломоносовъ
Здѣсь славу вѣчную поетъ!»

Поэзія безсмертно пѣнье
На небесахъ и на земли;
Тотъ будетъ гробъ у всѣхъ въ почтенѣ,
Надъ коимъ лавры расцвѣли.
Науки сѣялъ благотворной ^b
Рукой и возвращалъ, любя:
Свѣтъ отъ лампады благовонной
Возблещеть вѣчно чрезъ тебя.

Планета ты, чтó съ солнца міра
Лучи бросала на другихъ;
Ты въ славѣ не являлъ кумпра,
Ты видѣлъ смертныхъ, слышалъ ихъ ⁵.

Картина ты, которой тѣни,
 Не рама въ золотѣ — хвала;
 Великолѣпіе — для черни;
 Для благородныхъ душъ — дѣла.

Но мраченъ, темень сердца свитокъ: 11

Въ немъ скрыты нашихъ чувствъ черты;
 Оселокъ честности — прибытокъ:
 На немъ блисталь, какъ злато, ты.
 Какъ полное мастикъ кадило,
 Горя, другимъ ты запахъ далъ;
 Какъ полное лучей свѣтило,
 Ты дарованья озарялъ.

О, сколько юношей тобою⁶ 12

Познанія пріяли свѣтъ!
 Какою пламенной струею
 Сей свѣтъ въ потомство протечеть!
 Надъ царедворцовой могилой,
 Надъ вождемъ мольбеносныхъ грозъ
 Когда раздастся вздохъ унылой, —
 Сверкнетъ здѣсь искра нѣжныхъ слезъ.

Стой, урна, вѣчно невредима 13

Шувалова являя видъ!
 Будь лирами пѣтовъ чтима:
 Въ тебѣ предстатель ихъ сокрытъ.
 Внуши, тверди его доброты
 Сей надписью вельможамъ въ слухъ:
 «Онъ жилъ для всенародной льготы⁷
 И покровительства наукъ».

⁵ Лишь тѣнь и предобразование (Рукоп.).

⁶ Рукой науки благотворной
 Ты сѣялъ, возвращалъ, любя.

¹ Написана по случаю смерти И. И. Шувалова, о которой г. Бар-тенева говоритъ: «Осенью, возвратившись изъ Павловскаго, куда приглашала его на обѣдъ къ себѣ императрица Марія Ѳеодоровна, онъ вдругъ ослабѣлъ, занемогъ и послѣ кратковременной болѣзни скончался, 14 ноября 1797 года. Его похоронили съ великими почестями, въ Невской лаврѣ, въ малой Благовѣщенской церкви. . . . Отпѣвалъ тѣло петербургскій митрополитъ Гавріилъ, а надгробное слово говорилъ славный въ то время проповѣдникъ, бѣлорусскій епископъ Анастасій Братановскій. На другой день его кончины Государь, идучи верхомъ по Невскому проспекту,

остановился противъ его дома, снялъ шляпу и, поглядѣвъ на окна, низко поклонился» (*Биографія И. И. Шувалова*, М. 1857, стр. 78).

Съ самаго времени своего воспитанія въ Казанской гимназій Державинъ считалъ этого просвѣщеннаго вельможу своимъ благодѣтелемъ и дѣйствительно еще тогда обращалъ на себя его заботливое вниманіе. Шуваловъ былъ главнымъ начальникомъ учрежденной въ 1758 году Казанской гимназій, какъ кураторъ Московскаго университета, которому она была подчинена. При жизни его Державинъ посвятилъ ему три стихотворенія: *Местопу на прибытіе его изъ чужихъ краевъ* въ 1777 г., оду *На выздоровленіе Мецената* въ 1781 и, впрочемъ только отчасти, *Приглашеніе къ обѣду* въ 1795 (см. томъ I настоящаго изданія). Незадолго передъ смертію Шуваловъ еще разъ доказалъ свое расположеніе къ Державину, принявъ мѣры къ изданію его сочиненій въ Москвѣ: они печатались тамъ въ то время, когда смерть постигла мецената (см. Предисловіе къ I-му тому). *Урна* напечатана въ изд. 1808, т. II, xv.

² Крылатый жезлъ ...

т. е. Меркуріевъ кадуцей — символъ краспорѣчія. Всѣ исчисленные тутъ предметы означаютъ покровителя искусства (*Об. Д.*). Шуваловъ былъ основателемъ Академіи Художествъ и способствовалъ къ учреженію русскаго театра. Онъ самъ рѣзалъ на мѣди портретъ Ломоносова и, по мнѣнію нѣкоторыхъ, писалъ стихи.

³ Я твой питомецъ и — судья.

См. примѣч. 1. *Судья* — потому что въ тяжбѣ И. И. Шувалова съ графомъ А. И. Мусинымъ-Пушкинымъ Державинъ, въ то время уже сенаторъ, былъ избранъ ими въ посредники. Онъ кончилъ дѣло къ удовольствію обѣихъ сторонъ, впрочемъ уже по смерти Шувалова (*Об. Д.*). Въ *Затискахъ* своихъ онъ упоминаетъ объ этомъ только мимоходомъ (*Р. Бес.*, стр. 395). Въ одной рукописи къ этому стиху сдѣлано рукой Державина примѣчаніе: «Онъ поручилъ себя третьейскому суду автора, по нѣкоторому дѣлу предъ самою своей кончиною». Въ *Ключъ къ соч. Д.* (стр. 78) сказано: «Авторъ, пріѣхавъ къ Шувалову для увѣдомленія о рѣшителномъ своемъ постановленіи, нашелъ уже его скончавшагося».

⁴ Вслѣдъ выспренныхъ пѣвцовъ ...

«т. е. вслѣдъ высоко-летающихъ лебедей, которые, по баснословію, воспѣваютъ прекрасно предсмертныя себѣ пѣсни» (*Об. Д.*).

⁵ Ты видѣлъ смертныхъ, слышалъ ихъ.

Онъ выслушивалъ всякаго и даже самыхъ бѣднѣйшихъ людей, къ нему приходившихъ, не уподобляясь истукану или нѣкоторымъ вельможамъ, похожимъ на истуканы (*Об. Д.*).

⁶ О, сколько юношей тобою и проч.

Относится къ тому, что Шуваловъ былъ кураторомъ университета, отъ котораго зависѣли также гимназій Московская и Казанская. Сверхъ того онъ посылалъ молодыхъ людей учиться въ Парижъ, также къ Вольтеру и къ Линнею (П. Бартенева).

⁷ Онъ жилъ для всенародной льготы ...

По свидѣтельству Державина въ его *Объясненіяхъ*, П. И. Шуваловъ

способствовалъ между прочимъ, при императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, къ отмѣнѣ смертной казни и къ смягченію чрезмѣрной строгости наказанія за корчемство (тайную продажу вина). Въ послѣднемъ отношеніи онъ шелъ противъ своего двоюроднаго брата, графа Петра Ивановича Шувалова (ум. 4 января 1762 г.), который возвысился вліяніемъ жены своей, Мавры Егоровны (рожденной Шепелевой), любимицы Елисаветы Петровны. По словамъ Екатерины II (*Mémoires*, стр. 307), гр. Петръ Шуваловъ былъ въ то время оракуломъ двора и пользовался въ значительной степени довѣріемъ Государыни. Державинъ въ своихъ *Объявленіяхъ* называетъ его человѣкомъ «весьма замысловатымъ, но жаднымъ къ интересу» и прибавляетъ, что онъ захватилъ въ свои руки содержаніе разныхъ откуповъ, какъ-то: внутреннихъ таможенныхъ пошлинъ, лѣснаго торга, тюленьяго жира и особенно вина.

Выраженіе *народная льгота* употреблялъ уже и Ломоносовъ, который въ одѣ 18, строфа 17, сказалъ:

«Вѣстите съ правдою щедроту,
Народну наблюдайте льготу».

Ср. въ одѣ *На взятіе Измаила* стихъ: «Умѣйте дать ему (*народу*) вы льготу» (томъ I, стр. 245). О заключеніи *Урны* замѣчено въ первоначальной рукописи: «Послѣднія двѣ строки, когда угодно, могутъ служить въ самомъ дѣлѣ надписью».

26. НА НОВЫЙ 1798 ГОДЪ¹.

1798.

Младый сынъ солнца на подлунный 1
 Сей шаръ сошелъ небесъ тропой.
 Кто вѣсть², какіе жребьи чудны,
 Изъ урны вынувъ роковой,
 Онъ бросить по лицу земному?
 Гдѣ повелить ударить грому?
 Гдѣ радугѣ изъ тучъ блистать?
 Кто вѣсть, что тайно злоба люта 2
 Предпринимаетъ средь коварствъ!
 И близъ грядущая минута
 Премѣной не чревата ль царствъ³?
 Быть можетъ, горы провалятся,
 На пошвѣ ихъ моря явятся,
 Для созерцанья новыхъ звѣздъ.
 Кто вѣсть, что гальскій витязь, Риму 3
 Словами только вольность давъ⁴,
 Надѣтъ боялся діадиму;

Но что, гордыней обуявъ,
 Еще на шагъ рѣшится смѣлый
 И, какъ Сампсонъ, столпы дебелы
 Сломивъ, падеть подъ ними самъ?

Мы видимъ троны сокрушенны 4
 И падшихъ съ нихъ земныхъ боговъ:
 На ихъ развалинахъ рожденны,
 Не расцвѣтутъ ли царства вновь?
 Мы ведро зримъ по непогодѣ;
 Блеставшій на своемъ восходѣ,
 Не тмился ль часто въ полдень Фебъ⁵?

Мы зрѣли подлость, ко престолу 5
 Ползущую въ подобьи змѣй,
 Главу склоняющую долу,
 Но жалящу въ сердца людей;
 Баконовъ и Мазепъ видали,
 Которые хулу сплетали
 На благодѣтелей своихъ.

Но что! — Не такъ ли вѣкъ вратится 6
 Въ добръ и злѣ тревожный свѣтъ?
 Здѣсь свѣтель океанъ сей зрится,
 Тамъ мраченъ, яръ, исполненъ бѣдъ;
 Струя, въ пучинѣ погруженна,
 Взбѣжавъ сверхъ волнъ, и освѣщенна,
 Блеститъ зарницей вдругъ, какъ лучъ⁶!

Но тотъ блаженнѣе, кто, въ тихомъ 7
 Заливѣ совѣсти почивъ,
 Не загруженъ добромъ, ни лихомъ,
 Страстей вѣтрила опустивъ,
 Ума на якорѣ глубокомъ
 Сталь въ челнѣ и спокойнымъ окомъ
 На суету мірскую зрить;

Предавшися всевышней волѣ, 8
 Свой вѣрно исполняя долгъ,
 Славнѣйшей не завидитъ долѣ;
 Онъ знаетъ, что даетъ то Богъ,
 Что Богъ лишь свѣтомъ управляетъ:
 Тѣхъ взводитъ, сихъ уничижаетъ,
 Тѣхъ милуетъ, а сихъ казнить.

¹ Намѣсто узъ свободу давъ (Рукоп.).

¹ Написано по случаю открывшихся въ Польшѣ смуть и завоеванія Бонапартомъ Италіи (Об. Д. и другая рукоп.). Подъ польскими смутами или, по выраженію Державина, *возмущеніями* должно здѣсь, вѣроятно, разумѣть образованіе въ предыдущемъ году польскаго легіона, который сражался въ Италіи подъ французскими знаменами. Наполеонъ, учредивъ сперва лигурійскую, потомъ цизальпинскую республику, заставилъ Австрію, миромъ въ Кампоформіо (17 окт. 1797), уступить Франціи свои италіянскія владѣнія.

Напечатано въ изданіи 1808 г., ч. II, хvi.

² Кто вѣсть и проч.

Ср. въ 4-й строфѣ оды *Ко второму сосѣду* (томъ I, стр. 310):

Кто вѣсть что Рокъ готовитъ намъ...

³ ... Премѣной не чревата ль царствъ?

Здѣсь вѣрно предугадано то, что ожидало Европу въ слѣдующіе годы. — Ниже въ этой же строфѣ замѣчательна форма слова *пошва* (вм. *подошва*), которое уже было употреблено такъ въ одѣ *Ко второму сосѣду* (строфа 3). Въ смирдинскихъ изданіяхъ, въ одѣ *На Новый 1798 годъ* напечатано на *почвъ*.

⁴ Кто вѣсть, что гальскій витязь, Риму и проч.

Французскій генераль Бертъе, вступивъ въ Римъ, провозгласилъ тамъ 15 февраля 1798 года республику. Само собою разумѣется, что въ стихахъ говорится о самомъ Наполеонѣ, который, по словамъ Державина (Об.), «поворя тогда Италію, учинилъ тамъ республику; но послѣ, унося самовластіемъ, сдѣлался императоромъ и, нѣкоторыхъ королей лишивъ престола, возвелъ на оный своихъ братьевъ». Въ 3-мъ стихѣ этой строфы замѣчательно употребленіе глагола *обуять* въ среднемъ залогѣ съ творительнымъ падежемъ. Такъ слово это постоянно употребляется Державиннымъ. Ср. для примѣра въ 5-й строфѣ *Колесницы* (томъ I, стр. 373) стихъ 4: «Какъ бы волшебствомъ обуявъ». Послѣднія слова 3-й строфы настоящей оды сблизилъ позднѣе на самомъ дѣлѣ.

⁵ Не тмился ль часто въ полдень Фебъ?

По вступленіи на престолъ императоръ Павелъ ознаменовалъ себя многими милостями и благотворными распоряженіями: но «въ полудни своего царствованія, поступая неблагоразумно, заставлялъ всякаго думать, что оно скоро затмится» (Об. Д.). Ср. выше, стр. 10, оду *На Новый 1797 годъ*.

⁶ Блеститъ зарницей вдругъ, какъ лучъ.

«То есть, самый малый человекъ изъ самаго ничтожнаго состоянія возвышается иногда на верхъ высочайшей славы, каковъ Наполеонъ» (Об. Д.).

27. НА РОЖДЕНІЕ ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ МИХАИЛА ПАВЛОВИЧА ¹.

Куда, силъ грозныхъ воевода,
 Надѣвъ огнепернатый шлемъ,
 На бедро лучъ, съ небесна свода
 Ты радужнымъ течешь путемъ?
 Спустился, зрю, на полвселенну,
 На Павловъ и Марининъ домъ,
 И къ отроку новорождену
 Осклабленнымъ приникъ лицомъ.

1

«Азъ есмь», вѣщаль ², «кто равенъ Богу ³!»

2

Дитя! симъ именовъ зовись;
 Стань браней, мира на дорогу ⁶;
 Въ dospѣхи правды облекись;
 Прими духъ мужества, духъ силы,
 Лучъ свѣта, званье, образъ мой
 И горняго паренья крылы:
 Архангелъ я и гбѣстунъ твой.

«Избраньемъ древле я корону

3

На предка твоего надѣлъ;
 Недавно вслѣдъ отцу ко трону
 Незримымъ спутникомъ летѣлъ ³;
 Небесъ имъ поборала сила:
 Прими!» — И лишь ³ свершилъ онъ рѣчь,
 Порфира отрока покрыла,
 И препоясалъ молній мечъ ⁴.

Едва почули громовержца

4

Перуны росски въ пеленахъ,
 На вѣжнй гласъ ссго младенца
 Въ трехсотныхъ ⁷ отдались громахъ ⁵;
 Россія блескомъ озарилась,
 Усердія къ царямъ полна:
 Такъ свѣтлымъ токомъ слезъ покрылась,
 Какъ серебрянымъ дождемъ луна.

«Погаждь, вселенной Вседержитель!»

5

Взываетъ къ звѣздной вышинѣ,

«Да юный молній носитель ⁶

Михаилъ древній будетъ мнѣ!

Пресѣкъ нестройство тотъ, крамолу,

Началомъ славы былъ мой,
А сей, подпорой ставъ престолу,
Да царствуетъ въ сердцахъ людей!»

Уже хранителя небесна

6

Мой духъ вездѣ съ младенцемъ зрить:
При люлькѣ, среди сна прелестна,
Надъ нимъ, простря крылѣ, стоять;
Эфирную приносить манну;
Играетъ солнечнымъ лучомъ,
И въ грудь, на подвиги избранну,
Вливаетъ Божій страхъ съ млекоу.

То взводитъ онъ его на гору,

7

То ходитъ съ нимъ среди долинъ;
Его младому кажетъ взору
На высотѣ полетъ орлинь:
Смотри, надъ доломъ какъ летая¹,
Онъ зрить вокругъ змѣй и вержетъ громъ,
А тамъ, любовью нѣжной тая,
Птенцовъ жметъ кокошь подъ крыломъ⁷.

Иль учить: «Ты порфиородень,

8

Прямой твой долгъ есть долгъ небесъ:
И міра царь есть рабъ Господень,
Взыщи премудрости словесъ:
Священна доблесть — право къ власти;
Лишь правда — надъ вселенней царь;
Благоволеньемъ къ смертныхъ части
Всевышній зиждетъ свой алтарь⁸». —

Отца и матери въ подобьи,

9

Бесѣдуетъ онъ часто съ нимъ;
«Ищи», твердитъ ему, «въ незлобьи
Ты образца дѣламъ своимъ:
Престола хищнику, тирану
Прилично устрашать рабовъ;
Но Богомъ на престолъ воззванну
Любить ихъ должно, какъ сыновъ⁹». —

Подъ кровомъ ангельскимъ, небеснымъ,

10

Отца и матери рукой
Расти, дитя, расти прелестнымъ,
А возмужавъ, явись герой!

Страна твоя сильна, преславна,
Обширно поле, гдѣ парить;
Нѣтъ въ мірѣ царства такъ пространна^е,
Гдѣ бѣ можно столь добра творить¹⁰!

^а Вѣщаетъ: «есть кто равенъ Богу» (1798—1799).

^б Стань браней міра ...

^в «Прими!» — Едва ...

^г Въ трисотныхъ ...

^а Какъ зрить онъ въ долъ, кругомъ летая,
Завидитъ змѣй и ...

^е ... царствія пространна.

¹ Род. 28 января 1798 года въ С-Петербургѣ, ум. 28 августа 1849 въ Варшавѣ. — Когда, по случаю рожденія великаго князя, былъ выходъ во дворцѣ, то графъ П. В. Заводовскій (томъ I, стр. 183), въ то время сенаторъ, и О. П. Козодавлевъ, бывший тогда оберъ-прокуроромъ въ Сенатѣ, вызывали Державина написать стихи на приращеніе царскаго семейства. Въ первый затѣмъ съѣздъ при дворѣ онъ привезъ эту оду и передалъ тому и другому по списку ея. Ода сдѣлалась известна всему городу, и нѣкоторые стихи ея, особливо вторая половина 9-й строфы, возбудили большіе толки: по многимъ примѣрамъ строгихъ наказаній за незначительныя вины, распространился слухъ, что и Державинъ пострадаетъ. Тогда онъ увидѣлъ малодушіе нѣкоторыхъ изъ своихъ пріятелей, особливо Козодавлева, который, бывъ отчасти причиною сочиненія оды, боялся прослыть соумышленникомъ поэта. Въ слѣдующее воскресенье, пріѣхавъ въ придворный театръ, Державинъ встрѣтился въ дверяхъ съ Козодавлевымъ: этотъ, поблѣднѣвъ, бросился опрометью прочь, какъ отъ язвы, и во время представленія, увидѣвъ его на скамьѣ передъ собою, пересѣлъ подалеже, чтобъ не разговаривать съ нимъ. На первой недѣлѣ великаго поста Державинъ съ женою былъ въ церкви: вдругъ, среди обѣдни, входитъ фельдъегерь и подаетъ ему толстый пакетъ. Жена обмерла отъ испуга, но Державинъ, распечатавъ пакетъ, нашелъ въ немъ золотую табакерку съ брильянтами при письмѣ Нелединскаго-Мелецкаго, объяснявшаго, что этотъ подарокъ Государь жалуетъ ему въ награду за его оду. На другой день онъ видѣлся съ Козодавлевымъ въ Сенатѣ; тотъ, узнавъ объ оказанной Державину милости, первый бросился къ нему на шею съ лобызаніями и поздравленіемъ. Державинъ, отступя отъ него, сказалъ: «Поди прочь отъ меня, трусь! Затѣмъ ты намедня отъ меня бѣгалъ, а теперь ищешь?» (*Зап. Держ., Р. В.*, стр. 429, и *Об.*). Изъ примѣч. 1 въ *Олицѣ* (томъ I, стр. 83) видно, въ какихъ близкихъ отношеніяхъ другъ къ другу давно находились Державинъ и Козодавлевъ: это подтверждаетъ и переписка между ними. Подробнѣе о послѣднемъ въ биографіи поэта. Здѣсь же не считаемъ уместнымъ входить въ какія-либо разсужденія для повторки разсказа поэта о своемъ пріятелѣ. Ода эта была напечатана сперва отдѣльно

въ Спб. въ императорской типографіи (мал. 4 д. л., 8 стр.), потомъ въ *Домодагъ* 1798—1799 г. (кн. III, стр. 8), оба раза съ подписью *Державинъ*; въ изд. 1808 г. см. ч. II, XIII.

² «Азь есмь», вѣщалъ, «кто равенъ Богу!»

т. е. «азъ есмь Михаилъ»: это еврейское имя значить: *кто подобенъ Богу* (mi, кто; ka, намъ; él, Богъ).

³ Незримымъ спутникомъ летѣлъ.

«Императоръ Павелъ за два дня до празднованія Архангела Михаила взомелъ на престолъ» (Об. Д.), именно 6 ноября, а 8 — Михайловъ день (см. выше стр. 19).

⁴ И препоясалъ молній мечъ.

«Въ самый день рождения Михаила Павловича пожаловали его въ фельдцейхмейстеры, т. е. въ начальники *молній* российской, или артиллеріи» (Об. Д.).

⁵ Въ трехсотныхъ отдались громахъ.

«Рожденіе императорскаго сына возвѣщается обыкновенно тремястами выстрѣлами изъ пушекъ» (Об. Д.).

⁶ «Да юный молній носитель и проч.

т. е. да юный предводитель российскихъ силъ будетъ подобенъ царю Михаилу Теодоровичу, пресѣвшему неурядиство и бывшему началомъ славы российской» (Об. Д.). Выраженіе *молній носитель* ср. съ стихомъ 9-го куплета оды *На освященіе каменноостровскаго Инвалиднаго дома* (томъ I, стр. 38): «Еще носителя дастъ шлема».

⁷ Птенцовъ жметъ кокошь подъ крыломъ.

«Таеъ челоуѣколюбивъ, какъ пеликанъ или насѣдка, которая цыплятъ своихъ охраняетъ подъ распущенными своими крыльями» (Об. Д.).

⁸ Всевышній зиждетъ свой алтарь.

«Авторъ думаетъ, что за благодѣянія только Божескія воскурились алтари» (Об. Д.).

⁹ Любить ихъ должно, какъ сыновъ.

«Сей стихъ великій сдѣлалъ шумъ въ городѣ, ибо императоръ Павелъ весьма поступалъ строго или, лучше сказать, тиранически, что за всякія бездѣлки посылали въ ссылку; то и заключили публично, что на счетъ его сіе связано» (Об. Д.). За этимъ въ рукописи изложены нѣкоторыя подробности, уже вошедшія въ 1-ое наше примѣч. къ этой одѣ.

¹⁰ Нѣтъ въ мірѣ царства такъ пространна,
Гдѣ бъ можно столь добра творить!

Эти два стиха приведены Батюшковымъ въ концѣ его статьи: *Ничто о морали* (Соч. его, Спб. 1834, ч. I, стр. 22). Они же вмѣстѣ съ двумя предыдущими приложены въ снимкѣ съ автографа къ *Памятнику отечеству* на 1827 г.

28. О УДОВОЛЬСТВИИ ¹.

Прочь, буйна чернь, непросвѣщенна ² 1
 И презираемая мной!
 Прострись вокругъ тишина священна!
 Плѣнилъ меня восторгъ святой!
 Высоку пѣснь и дерзновенну,
 Неслыханну и невнушенну,
 Я слабымъ смертнымъ днесъ пою:
 Всякъ преклони главу свою!
 Сидятъ на тронахъ возвышенны 2
 Надъ всей вселенною цари;
 Ужасной стражей окруженны,
 Подъемля скиптры, судятъ при;
 Но Богъ есть вышній и надъ ними:
 Блестая молньями своими,
 Онъ свергъ гигантовъ ³ съ горнихъ мѣстъ ³,
 И перстомъ водить хоры звѣздъ.
 Пусть занялъ юными древами 3
 Тотъ область цѣлую подъ садъ;
 Тотъ гордь породю, чинами;
 Предъ тѣмъ полки рабовъ стоятъ,
 А сей звучить трубой военной;
 Но въ урнѣ рока неизмѣрной ⁴,
 Кто малъ и кто великъ, забвень;
 Своимъ всякъ жребьемъ надѣленъ.
 Когда мечъ острый, обнаженный, 4
 Злодѣя надъ головой висить,
 Обиліемъ отягощенный
 Его столъ вкусный не прельститъ ⁶:
 Ни нѣжной цитры гласъ звенящій,
 Ни птицъ весеннихъ хоръ гремящій
 Ужъ чувствъ его не усладятъ,
 И крѣпка сна не возвратятъ:
 Сонъ сладостный не презираеть 5
 Ни хижинъ бѣдныхъ поселянъ,
 Ниже дубравъ не убѣгаетъ,
 Ни шизменныхъ, ни тихихъ странъ,
 На коихъ по колосьямъ нивы

Подъ тѣнью облаковъ игривый
 Перебирается зефиръ ³,
 Гдѣ царствуетъ покой и миръ.

Кто хочетъ только, что лишь нужно ⁵,
 Тотъ не заботится никакъ,
 Что море взволновалось бурно;
 Что, огненный вращая зракъ,
 Медвѣдица нисходитъ въ бездны ⁶;
 Что Левъ, на сводъ несяся звѣздный,
 Отъ гривы сыплеть вокругъ лучи;
 Что блещетъ молнія въ ночи;

Не беспокоится, что градомъ 7
 На холмахъ виноградъ побить;
 Что проливныхъ дождей упадомъ
 Надежда ⁷ цвѣтъ полей не льститъ;
 Что жреть и мразъ и зной жестокий ⁸
 Поля, лѣса, а тамъ въ глубоки
 Моря отломки горъ валять
 И рыбъ въ жилищахъ ихъ тѣснять.

Здѣсь тонуть зиждущихъ плотину 8
 Работниковъ и зодчихъ тѣма,
 Затѣмъ, что стали властелину
 На сушѣ скучны терема;
 Но и средь волнъ въ чертоги входитъ
 Страхъ; грусть и тамъ вельможъ находить;
 Рой сукъ за кораблемъ жужжить
 И вслѣдъ за всадникомъ летить ⁷.

Когда ни мраморы прекрасны 9
 Не утоляютъ скорби мнѣ,
 Ни пурпуръ, что, какъ облакъ ясный,
 На свѣтлой блещетъ вышинѣ ⁹,
 Ни грозды, сокомъ наполненны,
 Ни вина, вкусомъ драгоцѣнны,
 Ни благовонья ароматъ ⁸
 Минуты жизни не продлятъ:

Почто жъ великолѣпемъ пышнымъ, 10
 Удобнымъ зависть возрождать,
 По новымъ чертежамъ отличнымъ ³
 Огромны зданья созидать?

Почто спокойну жизнь, свободну,
 Мнѣ всѣмъ пріятну, всѣмъ довольну,^а
 И сельскій домикъ мой — желать
 На свѣтлый блескъ двора мѣнять?

- ^а Онъ свергъ Денницу съ горнихъ мѣсть,
 И перстомъ движеть круги звѣздъ (Рукоп.).
- ^б Ему столъ вкусный не польститъ.
- ^в Переливается зефиръ.
- ^г Надеждой
- ^д Что сѣтуютъ на зной жестокой,
 На яразъ лѣса.
- ^е Горить на синей вышинѣ.
- ^ж Ни благовоньемъ масть своимъ,
 Ни сладкій ароматный дымъ.
- ^з По новымъ образцамъ отличнымъ
 Надменны зданья созидать?
- ^и Всегда пріятну, всѣмъ довольну,
 И малый домикъ мой — желать
 На блескъ богатства промѣнять?
 — На горы злата промѣнять?

¹ Довольно близкое подражаніе Горацию или даже переложеніе (paraphrasis) 1-й оды книги III-й его одъ. По нынѣшнему употребленію языка заглавіе не выражаетъ содержанія, и вмѣсто *Объ удовольствіи* слѣдовало бы сказать *О довольствіи малымъ* (Genüßsamkeit). Капнистъ также перевелъ эту оду, но въ другой формѣ и подъ заглавіемъ: «Ничтожество богатствъ».

Напечат. въ изданіи 1808 г., ч. II, XVII.

² Прочъ, буина чернь, непросвѣщенна и проч.

У Горация: «Odi profanum vulgus et arceo».

У Капниста: «Непросвѣщенну чернь съ презрѣньемъ отвергаю».

У г. Фета: «Темную чернь отвергаю съ презрѣньемъ» и къ этому примѣчаніе переводчика: «Передъ совершеніемъ религіозныхъ обрядовъ жрецъ удаляетъ темную непосвященную толпу».

Ср. выше, стр. 69, конецъ посланія *Капнисту*.

³ . . . Онъ свергъ гигантовъ съ горнихъ мѣсть.

У Горация: «Reges in ipsos imperium est Jovis,
 Clari giganteo triumpho,
 Cuncta supercilio moventis».

Въ переводѣ г. Фета:

«Воля Юпитера править царями,
 Славный триумфомъ въ бою съ исполинами,
 Грозными свѣтъ потрясаетъ бровями».

⁴ Но въ урнѣ рока неизмѣрной и проч.

Въ подлинной одѣ:

«Omne saraх movet urna pomen».

У г. Фета: «Емкій сосудъ имена всѣхъ вращаетъ».

⁵ Кто хочет только, что лишь нужно.

У Горация: «Desiderantem quod satis est» ...

У г. Фета: «Малымъ довольный ничѣмъ не смущается».

Въ этомъ стихѣ — главная идея оды, вся сущность ея. Къ послѣдующимъ стихамъ своего перевода г. Фетъ счелъ нужнымъ приложить поясненіе, которое и здѣсь будетъ излишнимъ: «Кто довольствуется крайне необходимымъ, тотъ не боится, вслѣдствіе неблагоприятныхъ явленій природы, потерять состояніе».

⁶ Медвѣдица нисходитъ въ бездны и проч.

Медведица и *Левъ* — названія созвѣздія. У Горация названы здѣсь *Арктуръ* и *Козлята*, созвѣздія, находящіяся по сосѣдству съ Медвѣдицей. Капнистъ всѣхъ ближе перевелъ это мѣсто:

«Ни западъ лютаго Арктура не смущаетъ,
Ни звѣднаго Козла восходъ»

съ объясненіемъ, что древніе полагали захожденіе (*западъ*) Арктура въ октябрѣ, созвѣздіе же Козлятъ восходитъ въ концѣ сентября и предвѣщаетъ бурную погоду. Забѣнивъ названія Горациемъ созвѣздія *Медведицей* и *Львомъ* (Левъ находится также по близости Медвѣдицы), Державинъ, кажется, упустилъ изъ виду значеніе, приданное римскимъ поэтомъ восходу и захожденію свѣтилъ: закатъ Медвѣдицы и появленіе Льва у насъ не составляютъ никакихъ примѣтъ.

⁷ ... И вслѣдъ за всадникомъ летить.

У Горация: ... «neque
Decedit aerata triremi, et
Post equitem sedet atra Cura».

Въ переводѣ г. Фета:

«Онъ на корабль — и забота на палубѣ;
Онъ на коня — и печаль за плечами».

Ср. выше, стр. 66, 5-ю строфу посланія *Капнисту*.

29. НА ВОРОЖБУ¹.

Не любопытствууй запрещеннымъ 1
Халдейскимъ мудрованьемъ знать,
Какая есть судьба рожденнымъ
И сколь намъ долго проживать?
Полезнѣе о томъ не вѣдать
И не гадать, что будетъ впредь;
Ни лиха, ни добра не бѣгать,
А принимать, что ни придетъ.

Пусть боги свѣше посылаютъ 2
Жестокій зной или лютой мразь,

Пусть бури, грозы повторяютъ,
 Иль грянетъ громъ въ послѣдній разъ:
 Что нужды? — Будь мудрѣй, чѣмъ прежде;
 Въ прокъ винъ не запасай драгихъ;
 Обрѣзывай крылѣ надеждѣ
 По краткости ты дней своихъ.

Такъ! время злое быстротечно 3
 Летитъ межъ тѣмъ, какъ говоримъ;
 Щипли жъ веселіе сердечно
 Съ тѣхъ розъ, на кои мы глядимъ:
 Красуйся дня сего благими,
 Пей чашу радости теперъ,
 Не льстись горами золотыми
 И будущему дню не вѣрь ².

¹ Въ одной рукописи поставлено въ заглавіи: *На Колдовство*. Подражаніе одѣ Горация (кн. I, ода 11) *Къ Левконой*, но въ подлинникѣ всего только восемь стиховъ, которые и помѣщаемъ здѣсь въ переводѣ г. Фета:

«Не спрашивай; грѣшно, о Левконой, знать,
 Какой тебѣ и мнѣ судили боги дать
 Конецъ. Терпи и жди! не знай халдейскихъ бредней.
 Дано ли много зимъ, иль съ этою послѣдней,
 Шумящей по волнамъ Тиррены, смолкнешь ты,
 Пей, очищай вино и умѣрай мечты...
 Пока мы говоримъ, уходитъ время злое:
 Лови текущій день, не вѣря въ остальное».

Налечат. въ изданіи 1808, ч. II, xviii.

² И будущему дню не вѣрь.

Ср. томъ I, стр. 356, примѣч. 15 къ одѣ *На умѣренность*.

30. ПОХВАЛА СЕЛЬСКОЙ ЖИЗНИ ¹.

Блаженъ, кто, удалясь отъ дѣлъ, 1
 Подобно смертнымъ первороднымъ,
 Орегъ отеческій удѣлъ
 Не откупнымъ трудомъ, — свободнымъ ²;
 На собственныхъ своихъ волахъ;
 Кого ужасный гласъ, отъ сна ³ 2
 На брань, трубы не возбуждаетъ ³,
 Морская не страшитъ волна,

- Въ судъ ябеда не призываетъ ;
 И господамъ ^б не бьетъ челомъ ⁴,
 Но садитъ онъ въ саду своемъ 3
 Кусты и овощи цвѣтущи,
 Иль, дикихъ древъ кривымъ ножемъ
 Обрѣзавъ пни, и плодъ даючи
 Череня прививаетъ къ нимъ ;
 Иль зреть вдали ходящій скотъ, 4
 Рычащій въ вьющихся долинахъ ;
 Иль перечищенную леть
 И прячетъ патоку въ кувшинахъ,
 Или стрижетъ своихъ овецъ ^в ;
 Но Осень какъ главу въ поляхъ, 5
 Гордясь, съ плодами возвышаетъ,
 Какъ радъ, что рветъ ихъ на вѣтвяхъ,
 Привитыхъ имъ, — и посвящаетъ
 Даръ Богу, пурпура краснѣй.
 На брегѣ ли въ травѣ густой, 6
 Подъ дубъ ли древній онъ ложится :
 Въ лѣсу гамъ птицъ, съ скалы крутой
 Журча къ нему ручей стремится,
 И все наводитъ сладкій сонъ ^г.
 Когда жъ гремящій въ тучахъ Богъ 7
 Покроетъ землю всю снѣгами,
 Звѣрей онъ ищетъ слѣдъ и логъ ;
 Тамъ зайца гонить, травить псами ^д,
 Здѣсь ловить волка въ тенета ;
 Иль тонкіе въ гумнахъ силки 8
 На куропатокъ разставляетъ,
 На рябчиковъ въ кустахъ пружки ^е :
 О, коль пріятну получаетъ
 Награду за свои труды !
 Но будетъ ли любовь притомъ 9
 Со прелестьми ея забыта,
 Когда прекрасная лицомъ
 Хозяйка мила, домовита ⁵
 Печется о его дѣтяхъ ?
 Какъ ею, русскихъ честныхъ женъ ^ж 10
 По древнему обыкновенью,

Весь бытъ хозяйскій снаряженъ ³,
 Домъ теплъ, чистъ, свѣтлъ, и къ возвращенью
 Съ охоты мужа столъ накрытъ:

 Бутылка добраго вина ⁴, 11
 Въ прокъ пива русскаго варена,
 Съ гренками коновка полна ⁵,
 Изъ коей клубомъ лѣзетъ пѣна,
 И столъ обѣденный готовъ.

 Горшокъ горячихъ, добрыхъ щей, 12
 Копченый окорокъ подъ дымомъ:
 Обсаженный семьей моею,
 Средь коей самъ я господиномъ ¹,
 И тутъ-то вкусенъ мнѣ обѣдъ!

 А какъ жаркой еще баранъ, 13
 Младой, къ Петрову дню блюденый ⁷,
 Капусты сочныя кочанъ,
 Пирогъ, груздями начиненый,
 И нѣсколько молочныхъ блюдь:

 Тогда-то устрицы го-гу ⁸, 14
 Всѣхъ мушелей заморскихъ грузы,
 Лягушки, фрикасе, рагу,
 Чѣмъ окормляютъ насъ Французы ⁵,
 И ужъ ничто не вкусно мнѣ.

 Межъ тѣмъ пріятно изъ окна 15
 Зрѣть карду съ тучными волами ⁹:
 Кобылъ, коровъ, овецъ полна;
 Дворъ рѣзвыми кишить рабами:
 Какъ весель таковой обѣдъ! —

 Такъ откупщикъ вчерась судилъ, 16
 Сбираясь бытъ поселяниномъ;
 Но правежемъ долги лишь сбрилъ,
 Остался паки мѣщаниномъ,
 А нынѣ деньги отдалъ въ ростъ ¹⁰.

¹ Кого гласъ громкій трубъ отъ сна
 Въ полночь на брань не возбуждаетъ (Рукоп.)
² И баранъ онъ не бьетъ челомъ.
³ Иль шерсть стрижетъ съ своихъ овецъ.
⁴ И все зоветъ пріятный сонъ.
⁵ И тутъ и тамъ ихъ травить псами
 И гонить волка въ тенета.

- ° На зайцевъ по кустамъ пружки.
- Когда, благочестивыхъ женъ.
- Весь въ домъ быть ей уряженъ,
Изда чиста (тепла), и къ возвращенью.
- Двоенаго бутылъ вина
И пива въ мартѣ въ ледъ варена
Большая ендова полна,
Изъ коей поднялася пѣна;
Готовы рѣдка, хлѣбъ и соль.
Горшокъ говяжихъ добрыхъ щей,
Горячихъ изъ печи подъ дымоу.
- 1 За коммъ самъ я господиномъ,
И тутъ-то за ушми трещить!
А жареный притомъ баранъ и проч.
- Чѣмъ лакомя, насъ тлятъ Французы,
И все уже не вкусно мнѣ.

¹ По *Объясненіямъ* Державина, написана въ Петербургѣ; по *Ключу* же къ сочиненіямъ его, (стр. 79) — въ сельцѣ Званкѣ. Первая половина этой пьесы составляетъ близкій и даже довольно точный переводъ изъ Горация (книга эподовъ, ода 2); во второй поэтъ замѣняетъ римскіе образы подлинника чертами изъ русскаго быта и свободно предается игрѣ своего воображенія. Потому-то въ рукописяхъ его это стихотвореніе и носить такое заглавіе: «Горация похвала сельской жизни, соображенная съ російскими нравами». Въ *Объясненіямъ* также сказано: «Соображена съ русскими обычаями и нравами».

Этой одѣ Горация подражали многіе поэты на разныхъ языкахъ, напр. Поупъ и Клейстъ: у послѣдняго см. пьесу *Das Landleben*, an Herrn Kappeler. Державинъ 1789 г. пародировалъ начало Горациевыхъ стиховъ въ одѣ *На Счастіе* (томъ I, стр. 171). Русскій переводъ ихъ въ стихахъ, безъ подписи, напечатанъ въ *Дружъ Просвѣщенія* за ноябрь 1804 г., ч. IV., стр. 126. Въ бумагахъ Державина нашли мы писанное имъ очень давно, именно еще въ 1780-хъ годахъ, начало какого-то стихотворенія подъ заглавіемъ *Стансъ*, составляющее по видимому эскизъ этой пьесы. Вотъ первые стихи:

Блаженъ тотъ, кто, отдаленъ отъ свѣта,
Отдаленъ отъ шуму придворнаго,
Препроводить въ глубокой тишинѣ
Минуты дней своихъ.
Громкой гласъ трубы
Не поощряетъ его къ сраженіямъ,
Ни буря, ни гроза
Его не устрашаетъ и проч.

Напечатано въ изданіи 1808 г., ч. II, хіх.

² Не откупнымъ трудомъ, — свободнымъ ...

У Горация другое: «*Solutus omni foenore*», т. е. не заботясь о ростѣ о барышѣ.

³ На брань, трубы не возбуждаетъ.

• Слова *мась трубы* весьма неловкимъ образомъ отдѣлены одно отъ другаго.

⁴ И господамъ не бьетъ челомъ.

Это предложеніе осталось бы безъ подлежащаго, еслибъ оно, какъ въ изданіи 1808 г., заканчивалось точкой.

⁵ Хозяйка мила, домовита.

Ср. 9-й стихъ строфы 1-й оды *Приглашеніе къ обѣду* (томъ I, стр. 463).

⁶ Съ гренками коновка полна.

Коновъ или *конобъ* — котелъ, горшокъ (*Словарь церк. сл. и русс. языка*, Сиб. 1847). Черезъ стихъ выраженіе: «И столь обѣденный готовъ» въ изд. 1808 г. поправлено рукой Державина: «И ужъ обѣдъ готовъ». Но такъ какъ тутъ недостаетъ одной стопы, то въ послѣднихъ смиридинскихъ изданіяхъ вставлено *се*, и стиху произвольно дана такая редакція: «И се уже обѣдъ готовъ».

⁷ Младой, къ Петрову дню блюденый.

Внутри Россіи въ деревняхъ обыкновенно лучшихъ барашковъ вскармливаютъ къ Петрову дню, къ розговѣнью (*Об. Д.*).

⁸ Тогда-то устрицы го-гу.

Охотники до устрицъ и дичи любятъ кушать ихъ съ запахомъ, что по-французски называется *haut-goût*, т. е. высокаго вкуса (*Об. Д.*).

⁹ Зрѣть карду съ тучными волами.

Кардою называется въ понизовыхъ губерніяхъ зимняя загорода для скота, который выгоняютъ туда въ ясные дни (*Об. Д.*). По *Словарю ч. сл. и русс. яз.* это — «строеніе для домашняго рогатаго скота»; по *Опыту Обл. великор. сл.* — «ограда изъ жердей или тычинъ около огорода».

¹⁰ А нынѣ деньги отдавъ въ ростъ.

Послѣдняя строфа — опять близкое подражаніе Горацию:

«*Naec ubi locutus foenerator Alphius,
Jamjam futurus rusticus,
Omnem redegit Idibus pecuniam,
Quaerit Calendis ponere.*»

Т. е. сказавъ это ростовщикъ Альфій, уже готовый сдѣлаться поселенномъ, собралъ въ Иды всѣ свои деньги, а въ Календы старается опять пустить ихъ въ оборотъ.

Извѣстно начало этой оды въ подлинникѣ:

«*Beatus ille qui procul negotiis
Ut prisca gens mortalium,
Paterna rura bobus exercet suis,
Solutus omni foenore.*»

31. ПОХВАЛА ЗА ПРАВОСУДИЕ ¹.

Кто сей изъ смертныхъ дерзновенной,
 За правый судъ что возжелалъ
 Вѣнца отъ истины священной
 И лиры моя похвалъ?
 Кто сей, стяжалъ который право ^а
 Людей сердечны сгибы знать:
 Чтò свято въ нихъ, и чтò лукаво,
 Во внутренности душъ ² читать ^б?
 Кто думаетъ на лица сильныхъ
 Не зрѣть, и на мольбы друзей? 10
 Отъ красоты очесъ умильныхъ ^в
 Щититься должности броней?
 Кто блескомъ не прельстился злата
 Въ груди, сияющей звѣздой?
 Кому взглядъ царскій, ихъ палата ³
 Магнитной не были стрѣлой?
 Кто забывалъ враговъ обиды,
 Отъ мести отвращалъ свой взоръ,
 Противны, благосклонны виды
 Кому не вкралась въ приговоръ? 20
 Кто хладно зрѣлъ на ширь, забаву,
 Подъ сѣнью роскоши не млѣлъ ^г,
 Заслуживать мірскую славу
 И презирать ее умѣлъ;
 Здоровья не щадя, сквозь ночи
 Просиживалъ за грудой книгъ;
 Отеръ невинныхъ слезны очп
 И путь пресѣкъ ко злобѣ злыхъ?
 Кто, слабость смертныхъ ощущая,
 Соблюлъ законовъ строгій долгъ, 30
 Себя во ближнемъ осуждая,
 Былъ вкупѣ человекъ и Богъ?
 Не онъ ли есть зеркало чести ⁴?
 Не онъ ли образецъ судей?
 Премудръ и глухъ ко гласу лести,
 Не просить похвалы ни чьей. —
 Такъ, князь! держись и ты сихъ правилъ,

И вѣрь, что похвала — мечта:
Счастливъ, коль отличаетъ Павелъ,
И совѣсть у тебя чиста!

40

- Не тотъ ли, кто присвоилъ право
Сердечны сгибы знать людей (Рукоп.).
- И быть всевидящимъ судьей.
- Отъ красоты очей умильныхъ
Закрывается должности броней?
- † Подъ дланью нѣги не тучнѣлъ.
- Не ты ль то, князь? — Ахъ, нѣтъ! — я чести
Отдать тебѣ страшуся сей;
Хула для мудрыхъ — голосъ лести.
Доволенъ правдой будь моей.
Благоволишь тебѣ коль Павелъ
И совѣсть у тебя чиста,
Держися ихъ всегда ты правиль.
Вотъ честь; моя жъ хвала — мечта.

¹ Генераль-аудиторъ князь Иванъ Андреевичъ Шаховской не разъ просилъ Державина написать ему стихи въ похвалу за правосудіе. Но такъ какъ въ царствованіе императора Павла приговоры составлялись чрезвычайно поспѣшно, и особенно военный судъ долженъ былъ кончать каждое дѣло не далѣе какъ черезъ три дня, «такъ что часто безъ справокъ посылали въ ссылку», то хвалить за правосудіе нельзя было безусловно. Этимъ-то и объясняются послѣдніе два стиха пьесы. Въ черновыхъ рукописяхъ она носитъ заглавіе *Генераль-аудитору князю Шаховскому*. Потому эта фамилія была замѣнена буквами NN, и наконецъ придумано совсѣмъ другое заглавіе. Передъ напечатаніемъ пьесы послѣдніе девять стиховъ передѣлывались нѣсколько разъ, такъ что въ одной рукописи ими исписана, съ поправками и помарками, цѣлая страница.

Напечат. въ изданіи 1808 г., ч. II, хх.

² Во внутренности душъ читать.

Въ экземплярѣ изданія 1808 г., принадлежавшемъ Державину, поставлено его рукою *душъ* вмѣсто напечатаннаго тамъ слова *мгъ*.

³ Кому взглядъ царскій, ихъ палата и проч.

Подъ *палатой* здѣсь разумѣется Сенатъ; «кто взгляду царскому или наклонности Сената не послѣдовалъ такъ, какъ стрѣла магнитная всегда обращается къ Норду» (Об. Д.).

32. КЪ САМОМУ СЕБѢ ¹.

Что мнѣ, что мнѣ суетиться,
Вьючить бремя должностей,
Если міръ ^a за то бранится,

Что иду прямой стезей?
 Пусть другіе работаютъ, — 5
 Много мудрыхъ есть господъ:
 И себя не забываютъ,
 И царямъ сулятъ доходъ ².
 Но я тѣмъ коль бесполезенъ ⁶,
 Что горячъ и въ правдѣ чортъ, — 10
 Музамъ, женщинамъ любезенъ
 Можетъ пылкій быть Эроть.
 Стану нынѣ съ нимъ водиться ³,
 Сладко ѣсть и пить и спать:
 Лучше, лучше мнѣ лѣниться, 15
 Чѣмъ злодѣевъ наживать.
 Полно быть въ дѣлахъ горячимъ,
 Буду лишь у правды гость;
 Тонкимъ сдѣлаюсь подъячимъ,
 Растворю пошире горсть. 20
 Утромъ раза три въ недѣлю
 Съ милой Музой порѣзвлюсь;
 Тамъ опять пойду въ постелю
 И съ женою обоймусь.

² ... свѣтъ ... (Рукоп.).

⁶ Если жъ тѣмъ я бесполезенъ,
 Что горячъ, на правду чортъ.

³ Стану, стану съ нимъ водиться.

¹ Писать *къ самому себѣ* было одною изъ любимыхъ темъ поэтовъ прошлаго вѣка. Примѣръ подобныхъ стихотвореній подали еще древніе; между Анакреоновскими одами есть нѣсколько съ такимъ заглавіемъ (*Εἰς ἑαυτόν*); изъ нихъ особенно XV (7) и XXIV (38) нашли себѣ нѣкоторый отголосокъ въ этихъ стихахъ Державина. Въ переводѣ Львова первая изъ нихъ начинается стихами:

«Что нужды мнѣ до Гига,
 Сардійскаго царя»;

а послѣдняя, въ которой всего десять стиховъ, кончается такъ:

«Попеченье, суеты,
 Васъ прошу я удалиться;
 Что за нужда мнѣ до васъ?
 Смерть покуда не подергалась,
 Пошучу я, посмѣюсь,
 Попляшу съ прекраснымъ Вакхомъ».

Ср. *Деревенскую жизнь* Державина, подь 1802 г.

Стихи *Къ самому себѣ*, безъ подписи, есть уже и въ *Собесѣдникѣ* (ч. VII); Карамзинъ также написалъ стихотвореніе подь этимъ заглавіемъ (*Дониды*, кн. I, стр. 52, и *Соч. Карамз.*, Спб. 1834, ч. I, стр. 89).

Поводъ къ происхожденію пьесы Державина такъ объясненъ въ *Запискахъ* его (*Р. Б.*, стр. 427): Когда люди сильные при императорѣ Павлѣ пользовались возможностью обогащаться казенными землями и потомъ, для вознагражденія обдѣлѣвшихъ крестьявъ, притѣсняли помѣщиковъ, то Державинъ, присутствуя въ межевомъ департаментѣ, возставалъ противъ генераль-прокуроровъ, князей Куракина и Лопухина, также и противъ государственнаго казначея Васильева за злоупотребленіе государевой милости. Видя, что они на эти упреки не обращаютъ никакого вниманія, онъ написалъ пѣсню *Къ самому себѣ* и распустилъ ее по городу, желая, чтобъ она дошла до Государя и чтобъ его спросили, кого онъ въ ней разумѣлъ. Боясь этого, они старались скрыть ее и втайнѣ раздражали императора Павла противъ Державина.

Напечат. въ *Анакр. пѣсняхъ* 1804 г., стр. 52, и въ изд. 1808, ч. III, ххп.

² И царямъ сулять доходъ.

Министры составляли проекты къ умноженію доходовъ, напр. князь Куракинъ предлагалъ учредить «25-и лѣтній банкъ купонами», а между тѣмъ они получали отъ Государя подарки и разбирали въ свою собственность казенныя земли (*Об. Д.*).

33. ГЕРКУЛЕСЬ ¹.

Геркулесь пришелъ Данаю
 Мимоходомъ навѣститъ:
 Я, сказалъ, тобой пылаю
 (Онъ хотѣлъ съ ней пошутить).
 Съ важнымъ взоромъ и умильнымъ, 5
 Пламени въ лицѣ полна,
 Вздумала съ героемъ сильнымъ
 Также пошутить она.
 Начала съ нимъ разговоры,
 Рѣчь за рѣчь и онъ повелъ; 10
 Какъ-то встрѣтились ихъ взоры,
 Нечувствительно онъ сѣлъ,
 И межъ тѣмъ какъ занялися
 Такъ они шутя собой,
 Гдѣ, откуда ни взялися ² 15
 Мальчиковъ крылатыхъ строй:
 Вкругъ летали, шурмовали,

Надъ главами ихъ паря,
 И, подкравшись тихо, крали
 Все вокругъ богатыря: 20
 Тотъ унесъ, кряхтя, дубину,
 Тотъ сайдакъ, тотъ страшный мечъ;
 Стербели кожу львину
 Тѣ съ его могущихъ плечь.
 Не могла не улыбнуться 25
 Красота ^a, какъ шлемъ сняла:
 Не успѣлъ онъ оглянуться, —
 Въ шлемѣ страсть гнѣздо свила.

^a Тутъ краса . . . (1804).

¹ Въ *Объясненіяхъ* Державина ничего не сказано объ источникѣ этой пьесы; но очевидно, что первоначальной мыслью ея онъ обязанъ переводу или подражанію изъ Греческой Антологіи. Вѣроятно, въ рукахъ его была изданная Гердеромъ (во второй разъ 1791 г.) книжка такихъ подражаній подъ заглавіемъ «*Blumen aus der Griechischen Anthologie*»: въ ней встрѣчаются многія изъ тѣхъ стихотвореній Антологіи, которыя перелагалъ Державинъ, хотя въ частностяхъ и не замѣтно, чтобъ онъ слѣдовалъ именно Гердеру. Въ изданныхъ Гердеромъ сборникахъ греческихъ стихотвореній (кромѣ *Blumen*, онъ издалъ еще *Hyle*) мы находимъ между прочимъ: гимнъ Арнфрона *Божинъ Здравія* (*An die Gesundheit*, см. нашъ томъ I, стр. 468), гимнъ Діонисія *Аполлону* (*An die Sonne*, см. выше стр. 40), стихотвореніе *Горячій ключъ* (*Der warme Quell*, стр. 82), гимнъ Клеанта *Богу* (*Dem höchsten Gott*, см. ниже подъ 1800 г.) и наконецъ пьесу *Побѣжденный Геркулесъ* (*Der besiegte Herkules*), напоминающую настоящее стихотвореніе Державина.

Въ Планудовой Антологіи подлинникъ помѣщенъ (103) подъ заглавіемъ *Εἰς ἄγαλμα Ἡρακλέους* (На статую Геркулеса), какъ произведеніе Туллія Гемина, которому принадлежитъ еще семь эпиграммъ въ этомъ сборникѣ. Предлагаемъ подстрочный переводъ пьесы:

«Геркулесъ, гдѣ твоя великая вѣтвь, гдѣ немейскій плащъ и колчанъ со стрѣлами? гдѣ гордая сила? отчего изобразилъ тебя Лизиппъ въ скорби, смѣшавъ металлъ съ печалью? Горемъ лишенъ ты оружія. Кто тебя такъ обобралъ? Крылатый богъ, единственный тяжелый бичъ всѣхъ живущихъ, Эротъ».

Къ этому надобно присоединить еще другую пьесу изъ того же сборника, очевидно составившую также матеріалъ для стихотворенія Державина. Она въ нѣмецкомъ переводѣ названа: *Die bewaffneten Amor'n* (Вооруженные Эроты). Передаемъ ее въ прозѣ: «Посмотри, какъ дѣти Амазунъ ограбили весь Олимпъ; украшенные добычей, они идутъ съ радостными кликами: одни съ оружіемъ Феба, другіе съ перунами Юпитера;

эти насутъ шлемъ, тѣ — щитъ Марса, тѣ — суковатую палицу Геркулеса, иные — трезубецъ, у нѣкоторыхъ окрыленные башмаки Гермеса, у другихъ — зеленѣющее копье Бромія. Не старайтесь, смертные, избѣгнуть стрѣль Эротовъ, когда сами Олимпійскіе уступили имъ оружіе» (Темре Якобса, Лейпцигъ, 1803, т. II, стр. 128).

Подъ *Данасй* въ первомъ стихѣ у Державина разумѣется просто гречанка (Об. Д.). *Геркулесъ* напечатанъ въ *Анакр. пѣсняхъ* 1804, стр. 63, и въ изд. 1808, ч. III, xxx.

² Гдѣ, откуда ни взялся.

Державинъ употребилъ *ни взялся* по привычкѣ своей ставить множественное число при собирательномъ имени (здѣсь — *строй*). См. въ томѣ I, стр. 82, примѣч. къ выраженію: «Хоръ Музъ ... вѣнчаютъ лаврами тебя». Ср. тамъ же стр. 461 примѣч. 4.

34. БОГАТСТВО ¹.

Когдабы было намъ богатствомъ
Возможно кратку жизнь продлить, —
Не ставя ничего препятствомъ,
Я сталъ бы золото копить.
Копилъ бы для того я злато,
Чтобы, какъ придетъ смерть сражать,
Тряхнуть карманомъ торовато
И жизнь у ней на откупъ взять.
Но ежели нельзя казною
Купить минуты ни одной,
Почто же злата намъ алчбою
Такъ много нашъ смущать покой?
Не лучше ль въ пиршествахъ пріятныхъ
Съ друзьями время проводить;
На ложахъ мягкихъ, ароматныхъ
Младымъ красавицамъ служить?

¹ Переводъ Анакреоновской оды (XXIII, Εἰς χρυσόν; — 34, Εἰς φιλάφρονον), которую переложилъ и Ломоносовъ, по обыкновенію своему, съ присоединеніемъ отвѣта. Въ изданіи Львова, которымъ пользовался Державинъ, она переведена слѣдующимъ образомъ:

На богатство.

«Когда бы Плутусъ златомъ
Могъ смертныхъ жизнь продлить:
Рачительно бѣ старался
Я золото копить»

На то, чтобъ откупиться
 Тогда, какъ смерть явится;
 Но жизни *искупить*
 Не можемъ мы *казною*:
 На что вздыхать, тужить,
 Сбирать добро, хранить,
 Коль данну смерть судьбою
 Цѣной не отвратить?
 Мнѣ жребій вышелъ пить
 И въ питіи *пріятномъ*
Въ пирахъ съ друзьями жить;
 На *ложь ароматномъ*
 Венерѣ *послужить*».

Напечат. въ *Анакр. пѣсняхъ* 1804 г., стр. 83, и въ изд. 1808, ч. III, LXVI.

35. ПАРАШЪ¹.

Бѣлокурая Параша,	1
Сребророзова лицомъ,	
Коей мало въ свѣтѣ краше	
Взоромъ, сердцемъ и умомъ!	
Ты, которой повторяеть	2
Звучну арфу нѣжный гласъ,	
Какъ Палаша ударяеть ²	
Въ струны, утѣшая насъ!	
Встань, пойдемъ на лугъ широкой,	3
Мягкій, скатистый къ прудамъ;	
Тамъ подъ сѣнью дровъ далекой ³	
Сядемъ, взглянемъ по струямъ:	
Какъ, скользя по нимъ, сверкаетъ	4
Лучъ отъ царскихъ теремовъ ³ ,	
Звѣзды, солнцы разсыпаетъ	
По тѣнямъ между кустовъ.	
Какъ за серебряной плотицей	5
Линь золотой по дну бѣжитъ:	
За прекрасною дѣвицей,	
За тобой Амуръ летить.	

³ ... высокой (Рукоп.).

¹ Прасковья Михайловна Бакуниной «на любовное исканіе Петра Андреевича Нилова» (Об. Д.). Бакунины были въ родствѣ съ Держави-

нимъ по второй женѣ его. Отецъ Параши, Михаилъ Васильевичъ Бакунинъ, былъ женатъ на княжнѣ Любови Петровнѣ Мишецкой, сестра которой, Авдотья Петровна Дьякова, была мать Дарьи Алексѣевны Державиной (см. томъ I, стр. 408). Виѣстѣ съ Парашею жили у Державинныхъ еще двѣ изъ сестеръ ея, Пелагея и Варвара, которыя также упоминаются не разъ въ стихахъ нашего поэта (*Палаша и Вара*)*.

«Любовное исканіе» П. А. Нилова увѣнчалось успѣхомъ. Въ *Запискахъ* своихъ (Р. Б., стр. 434) Державинъ подъ 1801 годомъ рассказываетъ, что онъ узналъ о смерти императора Павла отъ свояченицы своей, жены Нилова, жившей съ мужемъ своимъ у него въ домѣ, которая «часу поутру въ осмомъ ... вбѣгаетъ къ нему ... и сказываетъ, запыхавшись, что Императоръ скончался».

Петръ Андреевичъ былъ сынъ стариннаго пріятеля Державину, тамбовскаго помѣщика, Андрея Петровича Нилова, котораго жена, Елисавета Корнильевна Нилова, въ свое время была извѣстна въ литературѣ, какъ перо юдчица. Она была урожденная Бороздина, сестра Матвѣя Корнильевича, отца покойному сенатору Константину Матвѣевичу (см. въ томъ I, наше Предисловіе, стр. X). Сынъ ея, Петръ Андреевичъ Нилъ, гвардейскій офицеръ, женился на Бакуниной въ январѣ 1799 года; потомъ онъ служилъ нѣкоторое время подъ начальствомъ Державина, позднѣе у кн. П. В. Лопухина, впоследствии же былъ тамбовскимъ губернаторомъ и наконецъ казанскимъ. Онъ умеръ 1839 г. въ Кіевѣ, гдѣ и похороненъ подъ церковью *Аскольдова Могила*. Ниловы въ первое время послѣ женитьбы жили въ одномъ изъ двухъ небольшихъ деревянныхъ домовъ, построенныхъ Державинимъ по обѣ стороны его каменнаго дома близъ Измайловскаго моста (томъ I, стр. 310). Прасковья Михайловна Нилова, женщина высокаго ума и необыкновенной доброты, всѣми любимая и уважаемая, занимала 16 лѣтъ мѣсто начальницы кіевскаго дѣвичьяго института, который былъ ею и основанъ; умерла въ Москвѣ 6 апрѣля 1853 г. и похоронена въ Новодѣвичьемъ монастырѣ (слышано въ 1864 г. отъ А. П. Кожевниковой, умерш. 8 сент. 1868 г.).

Сестры Бакунины часто вдохновляли нашего поэта: см. слѣдующія здѣсь стихотворенія, также пьесы *Варюша* (1799) и *На разлуку* (1801).

Стихи *Парашъ* написаны въ Гатчинѣ, куда Державинъ, въ царствованіе императора Павла, ѣзжалъ по службѣ, а можетъ быть иногда и въ гости къ Н. А. Львову, который жилъ тамъ, пользуясь благоволе-

* Другія двѣ сестры были: Татьяна, въ замужствѣ Полторацкая, и Анна, оставшаяся въ дѣвицахъ, такъ же какъ и Пелагея. И онѣ гостили долго въ домѣ Державинныхъ. Отецъ ихъ, М. В. Бакунинъ, проведъ большую часть жизни и умеръ, кажется 1795 г., въ своемъ селѣ Примухинѣ (Тверской губ. близъ Торжка). У М. В. Бакунина было два брата, которые оба носили имя Петра, для отличія же другъ отъ друга назывались *старшій* и *меньшой* Петръ Васильевичъ; при Екатеринѣ II оба они служили въ иностранной коллегіи. Одинъ изъ нихъ, тайный совѣтникъ, пользовался большимъ вѣсомъ, былъ начальникомъ и покровителемъ Н. А. Львовъ (Объ этомъ Бакунинъ см. переписку 1786 г. въ V томѣ нашего изданія; ср. *Москвит.* 1855, № 6).

иѣмъ Государя (см. ниже подъ 1804 г. *Память другу*). Первоначальный автографъ этой пьесы съ поправками доставленъ намъ М. П. Погодинымъ. Здѣсь къ 3-му стиху сдѣлано поэтомъ слѣдующее подстрочное примѣчаніе: «Риема совѣтовала написать:

Подрумяненная каша
Какъ со сладкимъ молокомъ.

Но какъ Параша до сладкого не очень охотница и чтобъ мухи на нее не налетали, то сія богатая риема и отставлена, а другой на русскомъ языкѣ вѣтъ». При перебѣленныхъ на томъ же листкѣ стихахъ это примѣч. измѣнено такъ: «Въ угожденіе тѣхъ моихъ пріятелей, кои недовольны бывають небогатыми риемами, должно бы написать:

Какъ румяна, бѣла каша
Съ майскимъ, сладкимъ молокомъ.

Но какъ я боялся, чтобъ на очень сладкую мою Парашу мухи не сядились, то и не употребилъ сей богатой риемы».

Напечат. въ *Анакр. письмахъ* 1804 г., стр. 82, и въ изд. 1808, ч. III, хлгв.

² Какъ Палаша ударяеть.

Пелагея Михайловна Бакунина, сестра Парашы. См. примѣч. 1.

³ Лучъ отъ царскихъ теремовъ —

Гатчинскихъ (Об. Д.).

36. ПОРТРЕТЪ ВАРЮШИ¹.

Милая заря весеня,
Алымъ блескомъ покровенна,
Какъ встаетъ съ кристальныхъ водъ
И въ небесный идетъ сводъ^а,
Мещетъ яхонтные взоры;
Тихій свѣтъ и огонь живой
Проникаетъ тверды горы^б:
Такъ, Варюша, образъ твой.

5

^а Идетъ на небесный сводъ (Рукоп.).

^б Проникая ...
Вотъ, Варюша ...

¹ Варвары Михайловны Бакуниной, которая жила въ домѣ Державина. См. выше стр. 114. Къ той же дѣвицѣ относится стихотвореніе *Варюша*, помѣщенное ниже подъ 1799 г.

Напечат. въ *Анакр. письмахъ* 1804 г., стр. 84, и въ изд. 1808, ч. III, хлгв.

37 АРФА¹.

Не въ лѣтній ль знойный день^а прохладный вѣтерокъ 1
 Въ легчайшемъ снѣ на грудь мою пріятно дуетъ?
 Не въ знакѣ ли журчитъ хрустальный ручеекъ^б?
 Иль милая въ тѣни^в древесъ меня цѣлуетъ?
 Нѣтъ! арфу слышу я: ея волшебный звукъ^г, 2
 На розахъ дремлющей, согласемъ тихоструннымъ
 Какъ эхо мнѣ вдали щекочетъ^а нѣжно слухъ,
 Иль шумомъ будить вдругъ вблизи меня перуннымъ^з.
 Такъ ты, подруга музъ, лѣшь мнѣ твой восторгъ 3
 Подъ быстрою^е рукой играющей хариты,
 Когда ея чело вѣнчаетъ вкуса богъ
 И улѣбаются любовію ланиты.
 Какъ весело внимать, когда съ тобой она^а 4
 Поетъ про родину, отечество драгое,
 И возвѣщаетъ мнѣ, какъ тамъ цвѣтетъ весна,
 Какъ время катится въ Казани золотое!
 О колыбель моихъ первоначальныхъ дней^з, 5
 Невинности моей и юности обитель!
 Когда я освѣщусь опять твоей зарей
 И твой по прежнему всегдашній буду житель?
 Когда наслѣдственны стада я буду зрѣть^з, 6
 Васъ, дубы камскіе^д, отъ времени почтенны,
 По Волгѣ между селъ на парусахъ летѣтъ
 И гробы обнимать родителей^а священны^е?
 Звучи, о арфа, ты все о Казани мнѣ^и! 7
 Звучи, какъ Павелъ въ ней явился благодатенъ^о!
 Мила намъ добра вѣсть о нашей сторонѣ^л:
 Отечества и дымъ^а намъ сладокъ и пріятенъ^з.

^а Не въ лѣтній ль жаркій день ... (Рукоп.).

— Не лѣта ль въ знойный день ... (1799, *Дом.*).

^б Иль межъ цвѣтовъ журчитъ кристальный ручеекъ (Рукоп.).

(Въ *Домидатъ* редакция этого стиха уже измѣнена, но съ сохраненіемъ слова *кристальный*).

^в Не милая ль въ тѣни ... (1799).

^г Нѣтъ, нѣтъ; — се, арфа, ты! се твой волшебный звукъ (Рукоп.).
На розахъ дремлющу ... (1799).

(Здѣсь *дремлющу* соотвѣтствуетъ мѣстоименію *мнѣ*; изъ рукописи видно, что и выраженіе *дремлющій* должно было сперва отослаться къ *служу*, а не къ *звуку*).

- ^а ... щекотить ...
 Иль будить вдругъ меня стремленіемъ перуннымъ (Рук. и 1799).
^б Подъ рѣзвою ... (1799).
^в Такъ ты; — а паче какъ поеть съ тобой она
 Про родину мою, про отчество драгое, (Рукоп.)
 Напоминаетъ мнѣ ... (1799).
^г Когда наслѣдственны стада и нивы буду зрѣть (Рукоп.).
^д ... родительски ... (1799).
^и Звучи жъ, о арфа, ты ...
 Звучи какъ Павелъ къ ней ...
 — И днесъ какъ былъ монархъ ей щедръ и благодатенъ (Рук.).
^ж И дымъ отечества ...

¹ Соч. на Званкѣ для Пелаген Михайловны Бакуниной, которая играла на арфѣ (см. выше, стр. 114 и слѣд.). Въ рукописи къ заглавію прибавлено: Къ NN, съ означеніемъ года и мая мѣсяца, а въ другомъ мѣстѣ, іюня. Намечат. въ *Аонидахъ* 1798 — 1799 г. (кн. III, стр. 14) подъ заглавіемъ Къ арфѣ NN, и съ подписью *Державинъ*; въ *Анакр. пѣсняхъ* 1804, стр. 98, и въ изд. 1808, ч. III, LVIII.

Здѣсь можно найти легкій отголосокъ нѣкоторыхъ стиховъ пьесы Галлера *Sehnsucht nach dem Vaterlande* (1726), написанной пятистопнымъ ямбомъ и начинающейся такъ:

Beliebter Wald, beliebter Kranz von Büschen! ...

Впрочемъ, кромѣ общаго меланхолическаго настроенія, соединеннаго съ воспоминаніемъ о родинѣ, между обоими произведеніями нѣтъ ничего общаго. *Арфа* Державина отличается особеннымъ оттѣнкомъ унылаго чувства, вообще рѣдко встрѣчающагося въ его поэзіи. «Сентиментализмъ, усвоенный нашею литературою въ концѣ прошедшаго и началѣ нынѣшняго вѣка, не имѣлъ никакого вліянія на Державина. Его элегіи вовсе не похожи на элегіи романтиковъ; въ ясномъ видѣ выражаютъ онѣ положительное чувство горести, происшедшей отъ опредѣленныхъ причинъ, а не возникшей изъ какого-то непонятнаго, невыразимаго настроенія души или созданной по волѣ и прихоти самого субъекта. Примѣромъ можетъ служить *Арфа*, пьеса собственно элегическая» (А. Галаховъ, *Ист. русск. лит.* т. I, стр. 524).

² Иль шумомъ будить вдругъ вблизи меня перуннымъ.

Ср. въ стихотвореніи *Сафъ* (томъ I, стр. 406) въ описаніи игры на арфѣ стихи:

Громчайши гласы побѣжали
 И приближался бурный шумъ.

³ О колыбель моихъ первоначальныхъ дней!

Державинъ родился въ Казани (собственно въ казанской деревнѣ, верстахъ въ 40 отъ города) 3 іюля 1743 года.

⁴ Васъ, дубы камскіе ... и проч.

«На Волгѣ и на Камѣ находятся огромныя заповѣдныя дубовыя рощи для построенія кораблей» (Об. Д.).

⁵ И гробы обнимать родителей священны.

Родители Державина, армейскій подполковникъ Романъ Николаевичъ (ум. 1754) и Оекла Андреевна (рожденная Козлова, ум. 1784), похоронены въ казенномъ селѣ лаишевскаго уѣзда Егорьевѣ, возлѣ церкви. Мы видѣли ихъ могилы въ августѣ 1862 года: какъ самныя гробницы, такъ и надписи на нихъ еще хорошо сохранились. Державины погребены здѣсь потому, что находящіяся по сосѣдству деревни ихъ, Сокуры, Кармачи и Державино, принадлежатъ къ егорьевскому приходу. См. нашу статью *О дополнительныхъ материалахъ для биографіи Державина, собранныхъ въ путешествіи* (Зап. Ак. Наукъ. т. II, кн. 2).

⁶ Звучи, какъ Павелъ въ ней явился благодатенъ.

Императоръ Павелъ находился въ то время въ Казани. Онъ посѣтилъ ее въ маѣ мѣсяцѣ и пробылъ тамъ недѣлю. Въ его присутствіи заложенъ обширный и великолѣпный соборъ Казанскій; тогда же онъ подписалъ уставъ возобновленной въ Казани гимназіи и разрѣшилъ учрежденіе тамъ публичнаго театра (М. Рыбушкина *Краткая исторія Казани*, ч. I, стр. 130, и ч. II, стр. 36, 76). Еще прежде, въ концѣ 1797 г., казанская семинарія была переименована въ академію. По словамъ Державина въ *Областныя*, послѣдній стихъ 4-й строфы содержитъ также намекъ на пребываніе Государя въ Казани.

⁷ Мила намъ добра вѣсть о нашей сторонѣ.

Жуковскій употребилъ это выраженіе, съ прибавленіемъ словъ: «и объ нашихъ», въ одномъ письмѣ къ роднымъ (*Русск. Архивъ* 1864 г., стр. 452).

⁸ Отечества и дымъ намъ сладокъ и пріятенъ.

Этотъ стихъ, подобно многимъ стихамъ Крылова и Грибоѣдова, обратился въ поговорку. Его часто повторяютъ, вовсе не зная, что онъ принадлежитъ Державину. Къ распространенію его извѣстности много способствовалъ Грибоѣдовъ, употребивъ его въ *Горь отъ ума*. Тамъ, въ 7-мъ явл. дѣйствія 1-го, Чацкій говоритъ:

«Когда жъ постранствуешь, воротисься домой, —
И дымъ отечества намъ сладокъ и пріятенъ».

Встрѣчая этотъ стихъ въ *Горь отъ ума*, многіе считаютъ самого Грибоѣдова авторомъ его. Такъ въ фельетонѣ *Спб. Вѣдомостей* 22 октября 1860 г. (№ 20) оба приведенные стиха безъ всякой оговорки приписаны Грибоѣдову; то же повторено въ *Петерб. листкѣ* 8 сент. 1868 г., № 126.

Еще и до Грибоѣдова стихомъ этимъ пользовались въ разныхъ случаяхъ. Въ 1803 г. (см. *Вѣст. Евр.*, ч. X, августъ, № 16) Вас. Наз. Каразинъ употребилъ его въ началѣ рѣчи на основаніе въ Харьковѣ университета.

Батюшковъ въ посланіи къ И. М. Муравьеву-Апостолу (*Вѣстникъ Европы* ч. LXXXVIII, 1816, № 13, и *Сочиненія* Бат., Спб. 1834, ч. II, стр. 156) сказалъ:

«Въ Пальмирѣ Сѣвера, въ жилищѣ шумной славы,
Державинъ камскія воспоминалъ дубравы,
Отчизны сладкій дымъ и древній градъ отцовъ».

Наконецъ, гораздо позднѣе кн. Вяземскій въ стихотвореніи *Самоваръ*, взявъ разсматриваемый стихъ за эпиграфъ, заключилъ такъ:

«Отечества и дымъ намъ сладокъ и пріятель!
 Не самоваромъ ли — сомнѣнья въ этомъ нѣтъ —
 Былъ вдохновенъ тогда великій нашъ поэтъ?
 И тѣнь Державина, здѣсь сѣтуя со мною,
 Къ вамъ обращается съ упрекомъ и мольбою
 И просить, въ честь ему и православию въ честь:
 Канфорку бросить прочь и — самоваръ завести».

(*Утр. Заря* 1840, стр. 425, и *Въ дорожъ и дома*, М. 1862, стр. 133).

Но за всѣми повтореніями счастливаго выраженія Державина еще остается вопросъ, ему ли первоначально принадлежитъ самая мысль разсматриваемаго стиха. Перебирая выходившіе въ его время журналы, мы находимъ на заглавномъ листѣ *Россійскаго Музеума*, который издавался Ѡ. Туманскимъ отъ 1792 до 1794 года, латинскій эпиграфъ: «Et fumus patriae dulcis», безъ всякаго указанія, откуда онъ взятъ. Есть у Гомера одно мѣсто, послужившее по видимому источникомъ подобныхъ, хотя и не совсѣмъ тождественныхъ выраженій, встрѣчающихся у римскихъ писателей. Эпиграфъ же, который, какъ кажется, внушилъ Державину знаменитый стихъ, заимствованъ вѣроятно не изъ классической литературы, а изъ писателя позднѣйшей эпохи Латыни.

По этому поводу К. А. Коссовичъ въ 1863 г. писалъ намъ:

«Первый поэтъ, почувствовавшій сладость въ отечественномъ дымѣ, былъ Гомеръ. Въ первой книгѣ Одиссеи Паллада, хлопоча у Зевеса о возвращеніи на родину Одиссея, задерживаемаго Калипсою, выражается слѣдующимъ образомъ; Калипсо старается очаровать Одиссея и привлечь его къ себѣ своими вкрадчивыми и нѣжными словами; ей хочется, чтобы онъ забылъ Итаку и остался у нея навсегда; но настроеніе души Одиссеевой таково, что для нея сладостна самая смерть, лишь бы только съ виду дыма, убитающаго съ кровель ея родины (αὐτὰρ Ὀδυσσεὺς ἱέμενος καὶ κατὸν ἀποδρόσχοστα νοῆσαι ἢς γαίης θανάτων ἱμέρεται, Od. I, 57 — 58, т. е. если не суждено ему воротиться, то, по крайней мѣрѣ, било бы ему сладостно увидѣть съ своего корабля коть дымъ отъ кровель прибрежныхъ домовъ его родины)*.

«Послѣ Гомера, помнится, чувство привязанности къ отечеству любилъ выражать подобною же метафорою и Римляне. Братъ мой, И. А., нашелъ стихъ съ *дымомъ* только у Овидія (Ov. Ep. ex ponto, I, 3, 33): Овидій говоритъ, что тоска по отечествѣ, какъ ни убѣдительно доводы его друга, доказывающіе ея бесполезность, поминутно возвращается къ нему въ его изгнаніи... Назови это излишнею чувствительностью, назови это слабодушіемъ: я сознаю, что сердце у меня мягко

* Жуковскій такъ перевелъ это мѣсто (ст. 56 — 58 перевода):

... «Но напрасно желая
 Видѣть хоть дымъ, отъ родныхъ береговъ вдалекѣ восходящій,
 Смерти единой онъ молить».

какъ воскъ. Впрочемъ не мнѣ былъ и Одиссей, а все-таки онъ жаждетъ имѣть возможность видѣть хоть дымъ съ отечественныхъ очаговъ. Родная земля влечетъ къ себѣ человека, плънитъ его какою-то невыразимою сладостью, и не допускаетъ его забыть о себѣ.

Non dubia est Ithaci prudentia; sed tamen optat
 Futurum de patriis posse videre focus.
 Nessio qua natale solum dulcedine captos
 Ducit et immemores non sinit esse sui.

Слово *dulcedo* въ связи съ понятіемъ предыдущаго стиха, по мнѣнію моего брата, родило, по всей вѣроятности, уже послѣ римскаго времени, пословицу *dulcis fumus patriae*, изъ которой потомъ вылился у насъ стихъ: *Отечества и дымъ намъ сладокъ и пріятенъ*.

Къ тому же самому приводять справки, обязательно доставленные намъ г. академикомъ Наукомъ и г. профессоромъ Благовѣщенскимъ.

38. ЦѢПИ¹.

Не сѣтуй, милая, со груди что твоей 1
 Сронила невзначай ты цѣпи дорогія:
 Милѣ вольности нѣтъ въ свѣтѣ для людей;
 Оковы тягостны, хотя они златыя².
 Такъ наслаждайся жъ здѣсь ты вольностью святою, 2
 Свободною живя, какъ вѣтерокъ въ полянкѣ;
 По роцамъ пролетай, кропись водъ струей,
 И чѣмъ въ Петрополѣ, будь счастливѣй на Званкѣ³.
 А если и тебѣ подъ бремя чьихъ оковъ 3
 Подвергнуться велитъ когда-либо Природа:
 Смотри, чтобъ ихъ плела любовь лишь изъ цвѣтовъ;
 Пріятнѣй этотъ плѣнъ^а, чѣмъ самая свобода.

^а И плѣнъ пріятнѣй сей (Рукоп.).

¹ Написано въ іюлѣ мѣсяцѣ на Званкѣ по случаю потери Анной Михайловной Бакувиной (см. выше, стр. 113, прим. 1 къ стихотв. *Парашъ*) золотой цѣпочки. Напечат. въ *Анакр. тысящъ* 1804 г., стр. 100, и въ изд. 1808, ч. III, LXI.

² Оковы тягостны, хотя они златыя.

По общепринятому въ нашемъ письменномъ языкѣ, предложенному еще Ломоносовымъ правилу, вмѣсто *они* должно бы здѣсь стоять *онъ*, такъ какъ *оковы* — женскаго рода (ср. подкова); но Державинъ не всегда держался этого правила (см. въ Граммат. Ломон. позднѣйшихъ изд. § 436).

³ И чѣмъ въ Петрополѣ, будь счастливей на Званкѣ.

Новгородскаго уѣзда, грузинскаго повѣта (по прежней номенклатурѣ) сельцо *Званка* находится на лѣвомъ берегу Волхова въ 5-и верстахъ отъ Волховской станціи Николаевской желѣзной дороги, въ 120-и верстахъ отъ Петербурга и въ 70-и отъ Новгорода. Оно было куплено второй женой Державина, вскорѣ послѣ замужства, у матери ея, Дьяковой. Такимъ образомъ Державинъ сталъ проводить здѣсь каждое лѣто послѣ втораго своего брака въ 1795 году (см. томъ I, стр. 408). Въ этой пьесѣ онъ въ первый разъ употребляетъ въ стихахъ имя *Званки*, которое впоследствии часто встрѣчается у него.

Не имѣя дѣтей, Державина, по добротѣ своей и какъ значительнѣйшіе по своему положенію члены обширнаго родства, радушно открывали свой домъ всѣмъ близкимъ и даже давали многимъ изъ нихъ убѣжище подѣ гостепріимнымъ кровомъ своимъ. Въ послѣдніе годы жизни Державина домъ его былъ пріютомъ многихъ родныхъ младшаго поколѣнія, которые любили его какъ отца и чтили въ немъ патріарха многочисленной родни. Подробнѣе о Званкѣ въ его біографіи и въ стихотв. *Жизнь званская* подѣ 1807 годомъ.

39. НА БРАКЪ ГРАФИНИ ЛИТТЫ¹.

Діана съ голубаго трона,
 Въ полукрасѣ своихъ лучей,
 Въ объятія Эндиміона
 Какъ сходитъ скромною стезей,
 Въ хитонъ воздушный облеченна,
 Чело вокругъ въ звѣздахъ горитъ, —
 Въ безмолвной тишинѣ вселенна
 На лунный блескъ ея глядитъ;
 Иль виноградна вѣтвь младая,
 Когда опоры лишена², 10
 Поблекнетъ, долу упадая,
 Но, вѣтеркомъ оживлена,
 Вкругъ стебля новаго средь лѣта
 Обвившись листьями, встаетъ,
 Цвѣтетъ и, солнцемъ обогрѣта,
 Румянцемъ взоры всѣхъ влечетъ:
 Такъ ты, въ женахъ о милый ангель,
 Магнитъ очей, заря безъ тучъ, —
 Какъ бракъ твой вновь позволилъ Павелъ
 И кинулъ на тебя свой лучъ, — 20
 Подобно розѣ развернувшись,

Любви душою распвѣла.
Ты Красота, что улыбнувшись,
Свой поясъ Марсу отдала³.

¹ Графъ Юлій Помпеевичъ Литта, главный дѣятель въ доставленіи мальтійскому ордену покровительства императора Павла (см. ниже примѣч. 1 къ одѣ *На мальтійскій орденъ*), принадлежалъ къ миланскому роду, который вмѣстѣ съ домомъ Висконти занималъ по знатности первое мѣсто въ тамошней аристократіи. Въ семействѣ его были учреждены два фамильные командорства мальтійскаго ордена, и потому Литта очень молодымъ человѣкомъ поступилъ на одну изъ галеръ этого ордена, главною задачею котораго была борьба съ мусульманами. Такимъ образомъ онъ посвятилъ себя морской службѣ, которую, по усилившимся скорѣй сношеніямъ ордена съ петербургскимъ дворомъ, продолжалъ потомъ, именно съ 1789 г., въ Россіи, и отличился въ войнѣ съ Швеціею, подъ начальствомъ принца нассаускаго. Въ русской службѣ и оставался онъ до конца жизни: онъ умеръ членомъ государственнаго совѣта, въ Петербургѣ, 24 января 1839. Барону М. А. Корфу, бывшему въ то время государственнымъ секретаремъ, поручено было императоромъ Николаемъ опечатать и разобрать бумаги покойнаго, между которыми, какъ предполагалось, могли находиться любопытные документы относительно мальтійскаго ордена. Ничего подобнаго, какъ и вообще важнаго, между ними однакожь не отыскалось. Всего болѣе любопытства возбуждалъ очеркъ жизни покойнаго, написанный имъ самимъ въ 1828 году, но содержавшій, какъ оказалось, болѣе подробностей о войнахъ, въ которыхъ онъ участвовалъ, нежели о немъ самомъ. «Замѣчательно тутъ», говоритъ баронъ М. А. Корфъ, «только одно обстоятельство: это проектъ сочиненной имъ себѣ самому эпитафіи слѣдующаго содержанія: *Julius Renatus Mediolanensis, natus die 12 aprilis 1763; obiit in Domino ... Augusti 1836.* — На чемъ было основано это предсказаніе (впрочемъ не сбывшееся) *юда* и даже *мыслица* его смерти, мнѣ неизвѣстно». Въ отрывкѣ изъ рукописнаго дневника барона, благосклонно намъ сообщенномъ, отмѣчены далѣе слѣдующія данныя для біографіи Литты: «1782. Кавалеръ Правосудія, италіянскаго языка (въ мальтійскомъ орденѣ). — 1782. Караванистъ* въ Мальтѣ. — 1785. Капитанъ галеры. — 1786. Приоральный визитаторъ въ Ломбардіи. — 1789. Въ русской службѣ капитанъ корабля 1-го ранга, контръ-адмиралъ, кавалеръ ордена св. Георгія 3-й ст. и золотая шпага съ надписью *за храбрость*. — 1795. Уполномоченный министръ мальтійскаго ордена при нашемъ дворѣ. — 1796. Балъи и командоръ ордена. — 1797. Вице-адмиралъ, кавалеръ ордена св. Александра Невскаго и графъ Россійской Имперіи. — 1798. Чрезвычайный посолъ ордена при нашемъ дворѣ. — 1799. Намѣстникъ великаго магистра ордена — 1810. Оберъ-шенкъ; потомъ оберъ-гофмейстеръ и

* *Караванами* назывались на орденскомъ языкѣ галеры, на которыхъ предпринимались морскія экспедиціи.

членъ государственнаго совѣта. — 1826. Оберъ-камергеръ и кавалеръ ордена св. Андрея. Впослѣдствіи онъ былъ еще предсѣдателемъ департамента экономіи въ гос. совѣтѣ, комиссіи о построеніи Исакіевскаго собора и попечительнаго совѣта о богоугодныхъ заведеніяхъ.

Какъ видно изъ завѣщанія гр. Литты, онъ оставилъ огромное состояніе, которымъ былъ обязанъ не только своей жинитьбѣ (см. ниже), но и собственному своему состоянію*, а также своей расчетливости. Такъ онъ отказалъ внуку покойной жены своей, извѣстной графинѣ Самойловой, жившей давно за границей, 100 т. руб. пожизненной пенсіи; затѣмъ опредѣлены единовременные капиталы: въ пользу тюремнаго общества 100 т. р. для ежегоднаго выкупа изъ процентовъ содержащихся за долги; въ инвалидный капиталъ 100 т. р. для содержанія 10-и инвалидовъ, преимущественно морской службы, въ которой самъ онъ долго служилъ; 10 т. для раздачи бѣднымъ въ день его погребенія; единовременныя выдачи всѣмъ состоявшимъ съ нимъ въ близкихъ служебныхъ отношеніяхъ; единовременныя же выдачи и пенсіи всѣмъ находившимся при немъ людямъ (наприм. камердинеру 15 т. р. и 1000 р. пенсіи) и проч. Наконецъ домъ со всею драгоценною движимостію, деревни и огромные капиталы завѣщаны двумъ роднымъ племянникамъ его, Литтамъ**, австрійскимъ подданнымъ, жившимъ въ Миланѣ. При кончинѣ гр. Литты всѣ сожалѣли о немъ, какъ о любезномъ и пріятномъ вельможѣ, составлявшемъ необходимую принадлежность всѣхъ салоновъ большого свѣта. Отсутствіе его на одномъ такомъ вечерѣ (послѣднемъ въ его жизни, когда уже начались предсмертныя муки) дало поводъ бывшему тутъ барону М. А. Корфу записать въ своемъ дневникѣ: «Мы такъ привыкли видѣть гр. Литту въ каждомъ салонѣ, любоваться его вѣжливымъ и вѣстѣ барскимъ обхожденіемъ, слышать его громовой голосъ, смотрѣть на шахматную его игру, за которую онъ проводилъ цѣлыя вечера, любоваться его бодрюю и свѣжею старостію, что невозможно было не вспоминать о немъ каждую минуту, особенно воображая его мученія». Къ наружной характеристикѣ графа Литты слѣдуетъ прибавить его колоссальную фигуру и величественную осанку.

Обстоятельства, сопровождавшія перенесеніе столицы мальтійскаго ордена въ Петербургъ (см. прим. 1 къ слѣдующему стихотв.), были особенно благоприятны для графа Литты, который и воспользовался ими очень ловко. Получивъ важное мѣсто при Императорѣ-гросмейстерѣ, онъ исходатайствовалъ себѣ командорство въ 10 т. руб., доставилъ брату своему должность папскаго нунція при дворѣ Павла I и наконецъ испросилъ у папы разрѣшеніе жениться вопреки орденскимъ правиламъ. Невѣста его была знатная и богатая вдова, извѣстная графиня Екатерина

* Два командорства его приносили дохода болѣе 300 т. франковъ; во время войнъ Итали съ Франціею онъ ихъ лишился, но у него остались значительныя капиталы.

** Старшій изъ нихъ — герцогъ; этотъ титулъ данъ роду Литта во время италійскаго королевства при Наполеонѣ I. Великогѣпъ дворецъ рода Л. въ Миланѣ.

Васильевна Славронская, рожденная Энгельгардтъ, одна изъ племянницъ Потемкина (томъ I, стр. 161). Свадьба графа Литты была въ октябрѣ 1798 г., слѣдовательно около мѣсяца до принятія Государемъ титула великаго магистра. По этому же случаю, вызвавшему стихи Державина, была сочинена итальянская драматическая кантата, тогда же напечатанная подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «Il ritorno felice a le sponde del Baltico. Cantata a eseguirsi all' occasione delle faustissime nozze di sua eccellenza la signora contessa Caterina Skavronsky nata d'Engelhard con sua eccellenza il signor conte Balio Giulio Litta in Sant Pietroburgo l'anno 1798. Da rappresentarsi nel palazzo degli eccellentissimi sposi».

Подъ конецъ царствованія императора Павла графъ Литта утратилъ однакожъ свое значеніе. Бывшій въ Петербургѣ въ 1799 году аббатъ Жоржель рассказываетъ, что такое непожѣрное возвышеніе иностранца возбудило неудовольствіе въ русскихъ вельможахъ. Особенно графъ Ростопчинъ, сдѣлавшійся, тридцати четырехъ лѣтъ отъ роду, изъ камергеровъ министромъ иностранныхъ дѣлъ и великимъ канцлеромъ мальтійскаго ордена, видѣлъ въ графѣ Литтѣ опаснаго соперника и рѣшился свергнуть его. Внушенія враговъ Литты произвели желанное дѣйствіе: онъ впалъ въ немилость и долженъ былъ удалиться въ имѣнія своей жены. Намѣстникомъ гротмейстера назначенъ фельдмаршалъ гр. Н. И. Салтыковъ; но такъ какъ онъ не привыкъ заниматься дѣлами и дорожилъ только возможностью личныхъ сношеній съ Императоромъ, то дѣйствительное управленіе по ордену перешло въ руки Ростопчина (Georgel, Voyage à St.-Pétersbourg, Парижъ, 1818, стр. 188 и слѣд.).

Напечат. въ *Анарх. письмахъ* 1804 г., стр. 54, и въ изд. 1808, ч. III, xxiv.

² Когда подпоры лишена и проч.

Невѣста была вдовою лѣтъ 30-и («въ полуврастѣ своихъ лучей», т. е. въ срединѣ своего вѣка (Об. Д.). Она род. 1761, ум. 7 февраля 1829. Первый супругъ ея, тайн. сов. гр. Павелъ Мартыновичъ Славронскій, послѣдній изъ этого рода, былъ внучатный братъ Петра III (Карабанова *Списки* въ *Чтеніяхъ* 1860, кн. I). Онъ занималъ мѣсто русскаго посланника въ Неаполѣ и умеръ молодъ. Отъ него остались двѣ дочери, изъ которыхъ старшая, Екатерина, вышла замужъ за славнаго своими военными подвигами князя П. И. Багратіона, а другая, Марія, за графа Павла Петровича Палена (сына извѣстнаго Петра Алексѣевича, бывшаго въ царствованіе Павла I с-петербургскимъ военнымъ губернаторомъ). Вдовѣ Славронскаго принадлежалъ между прочимъ домъ въ большой миліонной, впоследствии составлявшій много лѣтъ собственность министерства финансовъ (слышано, какъ и многія изъ вышензложенныхъ подробностей, отъ покойнаго оберъ-камергера графа А. И. Рибоьера). Отъ послѣдняго брака родилась графиня Самойлова.

³ Свой поясъ Марсу отдала.

Марсу, т. е. члену рыцарскаго ордена.

40. НА МАЛЬТІЙСКІЙ ОРДЕНЬ ¹.

Звучить труба, окрестны горы 1
 Передаютъ другъ другу громъ;
 Какъ рѣки, рыцарей соборы
 Ліются въ знаменитый сонмъ ^а.

Шумить по шлемамъ лѣсъ пернатый,
 Сребромъ и златомъ свѣтятъ латы,
 Цвѣтъ радугъ въ мантияхъ горить:
 Хоръ свыше зреть, какъ съ Геликона
 Сянклитъ, царица, царь, средь трона
 Въ порфирѣ, въ славѣ ^б предстоить ².

Клейноды вокругъ; въ нихъ власть и сила ¹; 2
 Вдали Европы блещетъ строй,
 Стрѣлъ тучи Азія пустила,
 Идутъ Американцы въ бой ^г,
 Темнятъ крылами понтъ грифоны,
 Льютъ огонь изъ мѣдныхъ жерлъ драконы,
 Полканы вихремъ пыль крутятъ;
 Безжѣрныя поля, долины
 Обсѣли вокругъ стада орлины,
 И всѣ на царскій смотрятъ взглядъ.

Міровъ владыкѣ лучезарныхъ ^а 3
 Такъ внемлютъ всѣ стихіи, тварь:
 Въ могуществомъ ему нѣтъ равныхъ.
 Властитель душъ, любимый царь
 Речеть — и флотъ сквозь волнь несется!
 Велить — и громомъ твердь трясется!
 Тьма всадниковъ чрезъ степь летить!
 И гнѣвъ его есть гнѣвъ вселенной.
 Но лишь съ улыбкою священной
 Простретъ онъ длань, — и все молчить.

Кто сей, предъ важнымъ ^е симъ соборомъ ³, 4
 Въ благоговѣйной тишинѣ,
 Предсталъ съ унылымъ, кроткимъ взоромъ?
 Сонмъ нѣкихъ воевъ зрится мнѣ:
 На нихъ кресты, а не эгиды ⁴!
 Ужъ не Гаральды ль то, Готфриды?
 Не тѣни ль витязей святыхъ?

Ихъ знамя! — Ихъ остатокъ славный
 Пришелъ къ тебѣ, о царь державный!
 И такъ вѣщаль напасти ихъ:

«Безвѣрья гидра проявилась⁵:

6

Родилъ ее, взлелѣялъ Галль;
 Въ груди его, въ душѣ вселилась,
 И весь чудовищемъ онъ сталъ!
 Растеть — и тысячью главами
 Съ несчастныхъ жалъ струить рѣками
 Обманчивый по свѣту ядъ:
 Народы, царства заразились,
 Развратомъ, буйствомъ помрачились⁶
 И Бога быть уже не мнать.

«Нѣтъ добродѣтели священной,

6

Нѣтъ твердыхъ ей броней, щитовъ;
 Не стало рыцарствъ во вселенной:
 Присяжныхъ злобѣ нѣтъ враговъ,
 Законы царствъ, обряды вѣры,
 Святыня — почтены въ химеры;
 Попранъ Христовъ и скиптръ царей;
 Европа вся полна разбоевъ,
 Цареубійцъ святятъ въ героев:
 Ты, Павелъ, будь спаситель ей!

«Мы гробъ святой освободили⁷,

7

Гостепріимствъ отверзли дверь⁸;
 Но насъ наслѣдія лишили,
 И мы изгнанники теперь!
 Прими ты насъ въ твое хранище!»
 Рекли, — печать и жезлъ правленья
 Царю, преклоншись, поднесли⁹.
 Какъ лучъ сквозь мрака пробѣгаетъ,
 Такъ рѣчь ихъ царску грудь пронзаетъ:
 Сердечны слезы¹ потекли⁷.

«Живъ Богъ!» царь рекъ — и мечъ полсвѣта,

8

Какъ быстры молнии, обнажилъ⁸;
 Крестообразно, въ знакъ обѣта,
 Къ челу вознесъ и преклонилъ;
 Мечи несчетны обнажились⁹,
 Къ престолу правды преклонились;

Разверзлось небо, и средь тучъ
 Петра онъ, Павла, Иоанна⁹
 Узрѣлъ звѣздами увѣнчанна,
 Дающихъ знамя, щитъ и ключъ¹!
 Орель, судьбой рожденный къ славѣ, 9
 Въ гнѣздѣ съ улыбкой молны зряй²,
 Въ поляхъ какъ левъ, какъ агнецъ въ нравѣ,
 Спокоенъ внутри, виѣ все боряй,
 Морей и бурей слышитъ свисты;
 Онъ сноситъ зной и воздухъ льдистый,
 Онъ выше всѣхъ себя вознесъ:
 Такъ чьи жъ поддержать небо плечи?
 Кто станетъ противъ адской сѣчи?
 Одинъ безсмертный, твердый Россъ³!
 Одинъ⁴! — Твоя лишь доблесть строга, 10
 Твой сильный царь, твой духъ, твой Богъ
 Отдать безвѣрнымъ могутъ Бога,
 Христу алтарь, царямъ чертогъ¹⁰:
 Во громы облеченный ангель⁵,
 Во броню правды вѣрный Павелъ
 И съ нимъ Господня благодать¹¹
 Удобны злобы стерть коварства,
 Смятенны успокоить царства,
 И славный подвигъ твой вѣнчать.
 Дерзай! — Ужъ, свѣше вдохновенный, 11
 Благословляетъ Сергій путь;
 Стихи сплутствуютъ смиренны,
 Планеты счастливо текутъ,
 Сквозь говоръ птицъ, сквозь звѣрска рева,
 На бракъ готовясь, плачетъ дѣва¹²;
 Сілетъ крестъ средь облаковъ¹,
 Конь бѣлый всадникомъ блистаетъ¹³,
 На небѣ бардъ въ звѣздахъ читаетъ:
 «Симъ побѣдишь твоихъ враговъ!»
 Не змѣй ли страшный⁶, протяженный 12
 Какъ съ горъ на доль, съ долинъ на холмъ
 Сомкнуты изгибая члены,
 Чешуйчатымъ блеститъ хребтомъ?
 Нѣтъ! полкъ твой такъ, сряженный къ бою⁷,

Сверкающей вдали грядою
 Пойдетъ чрезъ горы и лѣса;
 Столпъ огненный предъ нимъ предыдетъ ¹⁴,
 Пучина ⁊ глубины раздвинетъ,
 И обновятся чудеса.

Въ броню незриму облеченна, 13
 Юдию Олферна жнетъ главу,
 Самсона мышца напряженна
 Деретъ зубасту челюсть льву;
 Бѣгъ солнца Навинъ воспрещаетъ,
 Трубу гласомъ грады сокрушаетъ;
 Багрить станъ ночью Гедеонъ;
 Давидъ изъ пращи мечетъ камень:
 Трясяся, Голиаѳъ туманенъ
 Падетъ предъ нимъ, какъ страшный холмъ ¹⁵.

Иль Пересвѣтъ съ гигантомъ къ бою ¹⁶, 14
 Какъ вихоръ, на конѣ летитъ,
 Крестъ въ лѣвой жметъ, копье десною,
 И раздробляетъ вражій щитъ.
 Вѣнцы нетлѣнные ¹⁷ плетутся ♦,
 На челы вѣрныхъ воевъ вьются,
 И райска ихъ кропитъ роса;
 Отступники, скрыпя зубами,
 Кровь блѣдными изъ ранъ руками,
 Отчаясь, мещуть въ небеса ¹⁸.

И се, Маріи подъ покровомъ, 15
 Архангельскихъ подъ блескомъ крылъ ¹⁹,
 Нашъ флотъ въ стремленьи быстромъ, новомъ,
 На гордый наступаетъ Нилъ.
 Со именемъ Цирцей волшебнымъ ²⁰
 И съ скопищемъ, Христу враждебнымъ,
 Противу насъ не устоятъ.
 Луна съ крестомъ соединилась ²¹!
 Вселенна чуду удивилась:
 Знать, всѣхъ нечестій свѣше Галлъ ²¹!

Денницу зрѣли: мудръ и славенъ, 16
 Въ сіяньи возносился онъ,
 Рекъ: «Вышнему я буду равенъ,
 На западѣ воздвигну тронъ». —

Но гибельны пути лукавы^д
 Кто свѣта царь? кто есть царь славы?
 Кто велій Богъ? — «Единъ трисвятъ»!
 Воспѣла Херувимовъ сила,
 И грозны громаы Михаила²²
 Стремглавъ коварство свергли въ адъ.

Народы міра! вразумитесь, 17
 Зря гордыхъ сокрушаемъ рогъ^ч,
 И властолюбія страшитесь;
 Власть свѣше посылаетъ Богъ.
 Нѣтъ счастья въ семъ мірѣ чудномъ,
 Прибыткомъ, любочестьемъ бурномъ,
 Гдѣ вервь отъ якоря сята²³;
 Въ одной лишь вѣрѣ есть блаженство,
 Въ законахъ — вольность и равенство,
 А братство — во любви Христа.

Я рѣки обрацу къ вершинамъ, 18
 На крыльяхъ вѣтра вознесусь,
 Велю молчать громамъ, пучинамъ,
 Лучами съ солнцемъ подѣлюсь;
 Но гдѣ предѣль ума паренью,
 Пристанище къ отдохновенью^ш?
 Кто вшелъ небесъ на вышину?
 Никто, — лишь только Богомъ званный:
 И я, чрезъ происки коварны^щ,
 Ни шага къ трону не шагну.

Довѣренность! ты, столпъ правленья, 19
 Ограда непорочныхъ душъ!
 Съ тобой средь змѣй, стихіевъ пренья^ъ
 Покойно спитъ великій мужъ!
 Снесись, о духъ, духъ благотворный!
 Въ сердца людей, на царски троны,
 И воспрети лить смертныхъ кровь^ы.
 Скажи: «Народъ — безглавно тѣло;
 Пещись о немъ царей есть дѣло^ь:
 Живить взаимна ихъ любовь».

Но кто же сей любви нелестной, 20
 Чтобъ всякъ другъ друга бремя несъ,
 Научить насъ? Отецъ небесной,

Нашъ Богочеловѣкъ Христосъ.
 Въ трудахъ Онъ сущихъ успокоить,
 Заблудшихся въ пути устроить [†],
 Въ болѣзняхъ призреть, исцѣлить,
 Скорбящихъ [‡] посѣтитъ въ темницѣ,
 Послѣдній лептъ отдастъ вдовицѣ:
 Сіе сынъ вѣры совершитъ [‡].

Кто жъ горня Іерусалима
 Наслѣдникъ сей и другъ Христовъ?
 Въ комъ доблесть благодати [‡] зрима
 И соподвижникъ кто Петровъ?
 Не тотъ ли, сердца нѣжна свойства
 И чувства жалости, геройства
 Въ святой душѣ чтò совмѣстилъ [‡],
 Отверзъ отеческія дани,
 Приемлетъ странниковъ безъ дани [‡]
 И душу рыцарствъ воскресилъ?

Да препояшетъ радость холмы,
 Да процвѣтетъ лице морей,
 Да водворится счастье въ дома [‡]
 Тобой, избранный изъ царей!
 Да отгадутъ скалы кремнисты
 Обратно пѣсни голосисты,
 И лучъ, преломшись отъ стекла,
 Какъ въ воздухѣ ярчѣй несется, —
 Такъ отъ избытка сердца льется [‡]
 И благодарность и хвала!

21

22

[†] За рядомъ рядъ текутъ во сонмѣ (Первонач. рукоп.).

[‡] Въ порфирѣ и въ лучахъ стоитъ.

[‡] Клейноды съ нимъ, власть, росска сила (1798—99).

[‡] Готовы Алеуты въ бой.

— Американецъ съ булавой (Первонач. рукоп.).

Тамъ грифы вздулися крылами,
 Тамъ огнь драконы дышать ртами.

[‡] Міровъ властитель лучезарныхъ,
 Стихи такъ всю правятъ тварь . . .
 Сердцеъ владыка, росскій царь.

[‡] Но кто предъ страшнымъ симъ соборомъ,
 Въ безмолвной свѣтлой тишинѣ,
 Предсталъ печальнымъ, важнымъ взоромъ?

[‡] Такъ оюродили, смутились.

[‡] Мы изгнаны. Обитель блага,

Щедрота Карла отнята.

Кто призреть сира, бѣдна, нага?

Ужъ Мальта славная пуста.

■ Царю на дланяхъ поднесли.

† Изъ сердца перлы потекли.

(*Сердечны слезы* написано рукою Н. А. Львова).

■ Мечей полки съ нимъ обнажились

И всѣ ко трону преклонились.

† Прими, рекли, нашъ щитъ, мечъ, ключъ.

■ Съ улыбкой грома въ люлькѣ зряй.

■ Никто какъ ты, о храбрый Россѣ!

○ Такъ, ты! — Твоя ...

■ Одѣтый въ тучи грома ангелъ,

Въ щитъ вѣры православной, Павелъ.

† Блистаеть крестъ средь облаковъ,

Конь бѣлый всадникомъ мелькаетъ (1798—1799).

На небѣ надпись бардъ читаетъ (Первоп. рукоп.).

○ И змѣй ужъ страшный ...

† Такъ полкъ твой, наряженный къ бою.

† И море ...

○ ... вязутся (1798—1799).

† Знать, Турка нечестивѣй Галлъ (Первоп. рукоп.).

† Но кто зналъ путь его лукавый.

† Смотря на гордыхъ казнь страстей,

Порока властвовать страшитесь,

Довольтесь долею своей.

■ Гдѣ пристань, крыль къ отдохновенью?

■ Чрезъ происки, стези коварны

Шага я къ славѣ не шагну.

Довѣренность! душа правлений.

† ... средь смертной сѣни.

† Уйми въ Европѣ льющу кровь.

† Царей о немъ пещися дѣло.

Живить другъ друга ихъ любовь.

† Заблудшихся на умъ настроить.

† Сѣдящихъ ...

† Сие все духъ Христовъ творить.

† ... благовѣстья ...

○ Въ себѣ который совѣстилъ.

† Да видеть всѣмъ веселье въ домы.

(Варианты отъ 1 до конца исправлены рукою Н. А.

Львова, которому и принадлежитъ окончательная редак-

ція соотвѣствующихъ стиховъ, принятая Державиннымъ

уже при помѣщеніи оды въ *Аонидазъ*.)

† Да отъ избытка ...

Такъ благодарность ...

(Поправка руки Державина въ изд. 1808 г.)

¹ Эта ода подъ заглавіемъ: На поднесеніе его императорскому величеству великаго магистерства ордена святаго Іоанна Іерусалимскаго и на побѣду, надъ Французами російскимъ

флотомъ одержанную 1798 года, въ первый разъ была напечатана отдѣльно и въ III-й книжкѣ *Аонидъ* (1798—1799) съ подписью *Державинъ*; потомъ, съ сокращеніемъ заглавія, въ изданіи 1808, ч. II, xiv. За эту оду Державинъ получилъ табакерку съ брильянтами. Потомъ ему пожалованъ былъ брильянтовый мальтійскій крестъ.

Подъ побѣдою надъ французскимъ флотомъ, означенною въ первоначальномъ заглавіи, должно разумѣть слѣдующее. Русскій флотъ, подъ начальствомъ адмирала Ушакова, пропущенный Портою чрезъ Дарданеллы, соединясь съ турецкой эскадрой, явился передъ Чериго и, поддерживаемый возстаніемъ жителей, занялъ безъ труда не только этотъ островъ, но также Кефалонію, Занте, о. св. Мавры и пр. вмѣстѣ съ большою частию Корфу. Вездѣ Франгузы сдавались или бѣжали. Это происходило въ октябрѣ и ноябрѣ 1798, а въ слѣдующемъ году завоеваніе Ионическихъ острововъ было окончено. (Allgem. Geschichte der neuesten Zeit, von Fr. Saalfeld, т. II, отд. 2, стр. 124; также *Исторія войны съ 1799 г.*, т. I, стр. 93 и слѣд.).

Замѣтимъ здѣсь кстати, что въ Романовской галлерей, въ Зимнемъ дворцѣ, находится писанный Боровиковскимъ во весь ростъ портретъ императора Павла въ гротескостерскомъ одѣяніи.

² Въ порфирѣ, въ славѣ предстоитъ.

Первыя двѣ строфы содержатъ картину великолѣпнаго торжества, бывшаго въ Зимнемъ дворцѣ по случаю принятія Государемъ титула великаго магистра ордена (см. ниже, прилож. 1). Всѣ наличные мальтійскіе кавалеры, предводимые графомъ Ю. П. Литтою, были въ мантияхъ и въ шляпахъ съ перьями. Императоръ, въ черной бархатной мантии, подбитой горностаемъ, въ коронѣ гротескостера, сидѣлъ рядомъ съ Императрицею на тронѣ, близъ котораго лежали на столѣ царскія регалии. Члены св. Синода и пр. Сената стояли на ступеняхъ трона; толпы зрителей тѣснились на хорахъ. По улицамъ тянулись ряды войска, въ которомъ поэтъ воображаетъ не только Европейцевъ, Русскихъ, но и представителей азіатскихъ и американскихъ областей, принадлежащихъ Россіи. Подъ *грифонами* (грифъ, баснословная четвероногая птица) разумѣются открыленные парусами корабли; подъ *драконами* — пушки; подъ *Полканами* * — конница; подъ *орлиными стадами* — русскій народъ.

³ Кто сей, предъ важнымъ симъ соборомъ и проч.

Графъ Литта. См. о немъ предыдущее стихотвореніе.

* Державинъ конечно еще съ дѣтства былъ знакомъ съ русскимъ сказочнымъ міромъ. Впослѣдствіи главнымъ печатнымъ источникомъ его свѣдѣній въ этой области народной литературы сдѣлались изданія Чулковымъ въ 4-хъ частяхъ *Русскія сказки*, М. 1780, гдѣ можно найти многія имена, встрѣчающіяся у Державина, какъ-то: *Добрыня*, *Торопъ*, *Добрада*, *Полканъ* (ч. I). Здѣсь же (ч. III) упоминается уже и *Всемила*, дочь скискаго царя (Ср. томъ I, стр. 3). Въ другомъ сочиненіи Чулкова (*Абевга русскіихъ суевѣрій*, М. 1786, стр. 271) говорится про Полкана: «Славяне почитали его полубогомъ и приписывали ему чрезъестественную силу и невоображаемую приткость въ бѣганіи: онъ имѣлъ съ верху до половины тѣло и сложеніе человеческое, а отъ пояса коневье.» Ср. томъ I нашего изданія, стр. 97, прим. 20 къ *Фелицъ*.

⁴ На нихъ кресты, а не эгиды.

Мальтійскіе кавалеры на броняхъ своихъ и на щитахъ имѣли нашитыя бѣлыя кресты, а не эгиды (Об. Д.). О мальтійскомъ крестѣ см. ниже 4-е приложение.

⁵ Безвѣрѣя гидра проявилась.

Все сказанное въ этой и слѣдующей строфѣ относится къ разнымъ извѣстнымъ явленіямъ французской революціи. Выраженіе «присяжные враги злобѣ» означаетъ рыцарскіе ордена, считавшіе главнымъ своимъ призваніемъ вражду съ магометанами (Об. Д.). Произносимый здѣсь Державнымъ приговоръ французской революціи совершенно согласенъ съ тѣмъ, что тогда вообще говорилось о французской націи и въ официальныхъ документахъ. Такъ напр. въ рескриптѣ императора Павла адмиралу Ушакову (см. выше примѣч. 1-ое) сказано: «Дѣйствуйте вмѣстѣ съ Турками и Англичанами противъ Французовъ, яко буйнаго народа, истребившаго въ предѣлахъ своихъ вѣру и Богомъ установленные законы» и проч. (*Исторія войны въ 1799 г.*, т. I, стр. 90).

⁶ Гостепримствъ отверзли дверь и проч.

Черты изъ исторіи ордена: съ основаніемъ его (1048 г.) сопряжено учрежденіе въ Иерусалимѣ *юспиталя* (въ первоначальномъ смыслѣ страннопріимнаго дома) для приѣма пилигримовъ, почему орденъ въ первое время и назывался *Chevaliers Hospitaliers de St.-Jean de Jérusalem*, названіе, которое Н. А. Львовъ въ своей краткой исторической запискѣ объ орденѣ (см. приложение 4 къ настоящей одѣ) переводитъ: «кавалеры Гостепримственныя».

⁷ Сердечны слезы потекли.

«Императору сіе» (т. е. поднесеніе короны, печати и жезла Мальтійцевъ) «чрезвычайно пріятно было, такъ что онъ отъ удовольствія заплакалъ» (Об. Д.).

⁸ ... и мечъ полусвѣта,

Какъ быстры молнии, обнажилъ и проч.

«Мечъ полусвѣта» — русскій мечъ (см. томъ I, стр. 210, примѣч. 39). «Императоръ, обнажа свой мечъ и ознаменовавъ себя онымъ крестообразно, присягнувъ, такъ сказать, въ вѣрности ордену, по каковому знаку и всѣ мальтійскіе кавалеры, вынувъ свои мечи, въ ознаменованіе своей вѣрности преклонили къ подножію престола его» (Об. Д.).

⁹ Петра онъ, Павла, Иоанна и проч.

«Авторъ, въ восторгѣ своемъ, смотря на сіе великолѣпное зрѣлище, мечталъ быть свидѣтелями онаго: Петра апостола, держащаго ключъ, Павла апостола, держащаго щитъ, и Иоанна Крестителя, держащаго знамя, — яко ихъ принадлежности». Провидѣніе устроило, что эти же имена означаютъ трехъ императоровъ, царствовавшихъ лишь короткое время (Об. Д.). Видѣніе апостоловъ: Петра — какъ протектора католиковъ, Павла — какъ сомненника Императору, и Иоанна крестителя — какъ покровителя мальтійскаго ордена (*Ключъ къ соч. Д.*, стр. 76).

¹⁰ Христу алтарь, царямъ чертогъ.

«Авторъ думалъ, что некому другому привесть Французовъ на истинный разумъ, какъ однимъ Русскимъ, ... что бы въ самомъ дѣлѣ исполнилось, ежелибы продолжился вѣкъ Екатерины, или императоръ Павелъ не отозвалъ бы обратно своихъ войскъ, разсердяся на Австрийцевъ, посланныхъ съ Суворовымъ» (Об. Д.)

¹¹ И съ нимъ Господня благодать.

Авторъ разумѣлъ обыкновенную благодать Божію, споспѣшествующую справедливымъ и благороднымъ подвигамъ; но когда Императоръ приказалъ на знаменахъ и на каскахъ написать это слово, то стали говорить, что подъ нимъ должно разумѣть еврейское название благодати (Об. Д.).

¹² ... На бракъ готоваясь, плачеть дѣва.

«Наканувъ сраженія съ Мамаемъ нѣкто Волянецъ, бывшій въ войскѣ князя Дмитрія Іоанновича, съ позволенія его дѣлалъ примѣчанія (*наблюдалъ примѣты*), отходя въ уединенное мѣсто, гдѣ слышалъ говоръ птицъ или кликъ вороновъ и вой волковъ, обыкновенно собирающихся на свѣдѣ труповъ, а сквозь ихъ, въ татарской сторонѣ — плачь женщины, подобной лишившейся мужа, а на российской — тихое рыданіе, подобное дѣвicy, идущей на бракъ, изъ каковыхъ примѣчаній и предвѣстилъ великому князю побѣду» (Об. Д.). Здѣсь Державинъ не совсемъ точно припоминаетъ мѣсто изъ *Сказанія о Мамаевомъ побоищѣ*, въ которомъ, описавъ явленія грозы на сторонѣ татарской, — тишину и свѣтъ на сторонѣ русскихъ полковъ, воевода Дмитрій Волянецъ объявляетъ, что у него есть еще примѣта. Затѣмъ, сойдя съ коня и приложивъ ухо къ землѣ, онъ говоритъ: «Едино есть на пользу, а другое скорбно: слышахъ бо, господине княже, землю на двое плачущую, едина страна поганымъ языкомъ плакася горько чадъ своихъ, аки вдова нѣбая; другая же страна аки нѣбая дѣвица, жалостно плачевный гласъ аки отъ свирѣли испущаше» и проч. ... (СинOPSIS, Спб. 1785, глава *О примѣтахъ Дмитрія Волянскаго*, стр. 154).

¹³ Сіяетъ крестъ средь облаковъ,

Конь бѣлый всадникомъ блистаетъ.

Крестъ средь облаковъ съ надписью: «Спмъ побѣдишь твоихъ враговъ» — извѣстное видѣніе Константина Великаго. — Ко второму стиху въ *Объясненіяхъ* примѣчаніе: «Георгій побѣдоносецъ пишется на бѣломъ конѣ: то въ старинные годы, когда въ вѣрѣ Русскіе болѣе тверды были и оною воспламенялись, рассказывали послѣ сраженія, что будто выдали на бѣломъ конѣ скачущаго воина, который имъ помогалъ одержать побѣду». По поводу побѣды Дмитрія Донскаго въ лѣтописи сказано: «Видѣша бо вѣрнии, яко въ сій часъ Ангели помогаху христіаномъ, и свв. Мученикъ полки, Георгія побѣдоносца и Дмитрія мироточиваго» и проч. Легенда о каппадокійскомъ князѣ Георгіи, который при Діоклеціанѣ спасъ царевну убіеніемъ змѣя, чрезвычайно распространилась по всей Европѣ, особенно послѣ крестовыхъ походовъ, и онъ былъ признанъ покровителемъ цѣлыхъ корпорацій и государствъ, наприм. Англіи и Генуи. До сихъ поръ, даже въ протестантскихъ странахъ, можно еще встрѣ-

титъ во многихъ церквахъ, въ ратушахъ, въ музеяхъ и т. п. скульптурное изображение того же всадника, попирающаго дракона, который приять и въ нашъ государственный гербъ (у Шведовъ St. Göran).

¹⁴ Столпъ огненный предъ нимъ предъедеть и проч.

Подобно тому, что совершилось съ Израильянами при исходѣ ихъ изъ Египта (Об. Д.).

¹⁵ Падеть предъ нимъ, какъ страшнй холмъ.

«Всѣ сіи библейскія чудеса авторъ ввелъ, предсказывая, что когда помощь Божія будетъ вспомошествовать оружію Россіянь, то они вѣрно побѣдятъ, что и исполнилось тогда подъ предводительствомъ Суворова» (Об. Д.).

¹⁶ Иль Пересвѣтъ съ гигантомъ къ бою.

«Се лежаше храбрый витязь Пересвѣтъ чернецъ и близъ его татарскій Голаеъ, отъ Пересвѣта побѣжденный» (*Синописъ*, гл. *О походѣ в. кн. Дмитрія между трутами*, стр. 169; ср. *Ист. Госуд. росс.*, т. V, гл. 1).

¹⁷ Вѣнцы неглѣнные плетутся и проч.

Опять воспоминаніе изъ *Сказанія о Мамаевомъ побоищѣ*. Преподобный Сергій, въ бесѣдѣ съ великимъ княземъ Дмитріемъ Ивановичемъ, между прочимъ сказалъ ему: «... вѣнецъ же тебѣ еще не готовъ, но инимъ многимъ вѣнцы плетутся (*Синописъ*, гл. *О походѣ в. кн. Дмитрія съ монастырь св. Троицы*, стр. 135). Державинъ въ своихъ *Объясненіяхъ* ошибочно припоминаетъ и при этихъ стихахъ предсказаніе Волынца. (Ср. выше примѣч. 12).

¹⁸ ... Отчаясь, мещутъ въ небеса.

«Юліанъ, императоръ римскій, въ сраженіи съ христіанами раненъ былъ стрѣлою и, увидѣвъ Христа (какъ повѣствуется въ Четвѣй-миней) на облакахъ, меча кровь на небо изъ раны, въ ярости кричалъ: «Напейся, Галилеянинъ, крови моея! Эта картина относится къ отчаянію богоотступниковъ другаго времени, Французовъ» (Об. Д.).

¹⁹ И се, Маріи подъ покровомъ и проч.

Вслѣдствіе извѣстій о большихъ морскихъ снаряженіяхъ Французовъ въ Тулонѣ, императоръ Павелъ въ апрѣлѣ 1798 г. приказалъ между прочимъ привести черноморскій флотъ въ военное положеніе и вице-адмиралу Ушакову съ 12-ю кораблями крейсировать между Севастополемъ и Одессою. Тогда же было предложено султану усилить турецкій флотъ эскадрою Ушакова, если Порты будетъ имѣть въ ней надобность. Между судами этой эскадры были: корабль Марія Магдалина, кап. Сарадинаке, 68 пуш., и фрегатъ Св. Михаилъ, кап. Сорокинъ, 48 пуш. (*Ист. войны съ 1799 г.*, т. I, стр. 83 и 420). См. выше стр. 132.

²⁰ Со именемъ Цирцей волшебнымъ.

«Нѣкто генералъ, называемый Цирцей, предводительствовалъ французскимъ воинствомъ, и какъ по баснословію Цирцей была волшебница, то и придано ему волшебство или искусство въ ремеслѣ его, не смотря на которое Россіяне одержали побѣды» (Об. Д.). Настоящее имя этого

генерала нашлось бы, может быть, въ сочиненіи Француза Bellaige о военныхъ дѣйствіяхъ въ Ионическомъ морѣ, но этой книги мы достать не могли.

²¹ Дуна съ крестомъ соединилась.

Турки были тогда въ союзѣ съ Римомъ (Об. Д.).

²² И грозны громы Михаила.

«Симъ стихомъ предвѣщаетъ стихотворецъ совершенную побѣду надъ Франціей Михайлѣ Павловичу. Богъ только одинъ вѣдаетъ, сбудется ли это» (Об. Д.). Вся эта строфа основывается на одномъ мѣстѣ пророка Исаи (гл. 14, ст. 12 и т. д.) о Денницѣ, съ которою сравнивается царь вавилонскій, говорящій: «... Взыду выше облакъ, буду подобенъ Вышнему» и проч., и на повѣтствованіи Четихъ-миней объ архангелѣ Михаилѣ (см. подъ 8 ноября Слово на Соборъ св. Архистратила Михаила).

²³ Гдѣ вервь отъ якоря снята.

«Коль скоро не утверждено сердце человѣческое на христіанскихъ добродѣтеляхъ, то никакими приобрѣтеніями не обрѣтетъ себѣ покою» (Об. Д.). Это напоминаетъ евангельское изреченіе: «Кая бо польза челоувѣку, аще міръ весь приобращаетъ, душу же свою отщетитъ?» и проч. (Мат. хvi, 26).

²⁴ Приемлетъ странникомъ безъ дани и проч.

«Павель императоръ весьма милостиво принималъ эмигрантовъ и давалъ имъ помощь безъ всякой отъ нихъ заслуги, и хотѣлъ возстановить рыцарскіе и кавалерскіе ордена» (Об. Д.).

Приложенія.

1. Очеркъ исторіи сношеній Россіи съ мальтійскимъ орденомъ.

Считаемъ нужнымъ предложить здѣсь нѣсколько историческихъ данныхъ, относящихся къ предмету настоящей оды, о которомъ у насъ до сихъ поръ почти ничего не напечатано, кромѣ извѣстій, собранныхъ исторіографомъ ордена Лабзинимъ *. Его-то обширное, но малозвѣстное и уже довольно рѣдкое сочиненіе и послужитъ для насъ въ этомъ случаѣ главнымъ источникомъ **. Мы исполняемъ тѣмъ мысль самого поэта, въ рукописяхъ котораго сохранилась при этомъ стихотвореніи слѣдующая неоконченная замѣтка: «Къ читателю. Для объясненія въ сочиненіи семъ нѣкоторыхъ темныхъ мѣстъ прилагается историческое извѣстіе о мальтійскихъ кавалерахъ». Впрочемъ мы не станемъ углубляться въ подробности исторіи ордена и коснемся только его отношеній къ Россіи.

Орденъ св. *Іоанна Іерусалимскаго*, основанный въ одиннадцатомъ столѣтіи при гробѣ Господнемъ для защиты палестинцевъ, долженъ былъ по

* См. приложеніе II къ настоящей одѣ.

** Экземпляръ его *Исторіи ордена*, принадлежащій петербургской публичной библіотекѣ, не полонъ, благодаря одному посѣтителю ея, который не постыдился похитить изъ читальвой залы 1-ую часть этой книги.

утрагѣ крестоносцами Палестины переселиться на островъ Кипръ, а потомъ на островъ Родосъ. Оттуда былъ онъ скоро изгнанъ Турками и въ 1530 году получилъ отъ Карла V во владѣніе островъ Мальту, почему и сталъ называться *Мальтійскимъ*.

Сношенія съ нимъ Русскихъ начались при Петрѣ Великомъ, по повелѣнію котораго бояринъ Борися Петровичъ Шереметевъ въ 1698 году посѣтилъ Мальту для изученія военнаго искусства у рыцарей, прославившихся еѣ борьбѣ съ Турками. Шереметевъ, имѣвшій съ собою царскую грамоту, былъ принятъ тамъ съ необыкновеннымъ почетомъ и, получивъ отъ гросмейстера большой крестъ съ брильянтами, сдѣлался, первый изъ Русскихъ, мальтійскимъ кавалеромъ. Это было ровно за сто лѣтъ до важной для ордена эпохи, вызвавшей оду Державина.

Со временъ Петра I между русскимъ правительствомъ и орденомъ установились дипломатическія сношенія; но они болѣе 50-лѣтъ ограничивались одними извѣщеніями и привѣтствіями при переходѣ верховной власти въ другія руки. По вступленіи на престолъ Екатерины II эти сношенія приняли новый характеръ: посылая офицеровъ на службу въ Англію, Францію и Голландію, Императрица приказала командировать 6-хъ молодыхъ людей на островъ Мальту для пріобрѣтенія навыка въ морскомъ дѣлѣ; они оставались тамъ около четырехъ лѣтъ (1765—1769), до первой турецкой войны, по случаю которой были отозваны въ отечество. При этомъ назначенъ былъ въ Мальту повѣренный нашего двора (маркизь Кавалькабо) для постоянного пребыванія при великомъ магистрѣ и для содѣйствія русской эскадрѣ, отправлявшейся въ Архипелагъ.

Здѣсь мы должны заранѣе ознакомить читателей съ нѣкоторыми чертами внутренняго устройства ордена. Онъ раздѣлялся на восемь *языковъ*, или націй; кавалеры большаго креста, командоры и простые кавалеры одного государства составляли отдѣльный языкъ ордена. Собраніе одного языка образовало *великое пріорство* того же государства и получало отъ него содержаніе; представители ихъ, по одному отъ cadaго, составляли *капитулъ*, который вмѣстѣ съ *великимъ маистромъ* (гросмейстеромъ) участвовалъ въ управленіи орденомъ.

Каждое великое пріорство распадалось на нѣсколько *пріорствъ*, или пріоратовъ, *пріорства* на *балляжства* (baillages), а эти послѣднія на *командорства*; имъ принадлежали три разряда недвижимыхъ, частью обшпрныхъ и богатыхъ владѣній, которыя находились въ разныхъ странахъ и которыми завѣдывали *пріоры*, *баллы* и *командоры*.

Въ 1770-хъ годахъ обстоятельство особенно сблизило Россію съ орденомъ. Дѣло состояло въ притязаніи его на одно польское имѣніе и въ помощи, оказанной ему Еватериною II.

Въ началѣ семнадцатаго столѣтія князь Янушъ Острожскій, послѣдній изъ этого рода въ мужескомъ колѣнѣ, оставилъ завѣщаніе, въ силу котораго, по престѣченіи потомства и по женской линіи, имѣніе его должно было перейти въ собственность мальтійскихъ кавалеровъ. Лѣтъ черезъ шестьдесятъ послѣ этого распоряженія родъ завѣщателя дѣйствительно пресѣкъся смертію послѣдняго князя Заславскаго. Тѣмъ не менѣе воля

распорядителя была обойдена, и Мальтійцы должны были вести продолжительную тяжбу съ другими его наслѣдниками.

Наконецъ въ царствованіе Екатерины II, когда связь ордена съ Россією усилилась, великій магистръ Пинто рѣшился искать въ этомъ дѣлѣ покровительства Императрицы и отправилъ въ Петербургъ полномочнымъ орденскимъ министромъ графа Саграмосо, утвержденного и преемникомъ вскорѣ умершаго престарѣлаго Пинто, Хименесомъ. Екатерина обѣщала свое содѣйствіе, повелѣла русскому послу въ Варшавѣ, графу Штакельбергу, согласясь съ министрами вѣнскаго и берлинскаго дворовъ, поддержать право ордена, и при отъѣздѣ самого Саграмосо въ Варшаву дала ему письмо къ королю Станиславу Понятовскому. Вслѣдствіе того была учреждена особая коммиссія для разсмотрѣнія спора, и по настоянію министровъ трехъ союзныхъ дворовъ дѣло было кончено, какъ того желала Императрица, къ удовольствію обѣихъ сторонъ (1774 г.): въ Польшѣ образовалось новое великое пріорство и шесть командорствъ съ тѣмъ, чтобы и пріоры и командоры были всегда изъ Поляковъ; средоточіемъ управленія этими мѣстностями сдѣлалось острожское имѣніе.

Дѣло это кончилось уже при новомъ магистрѣ, дѣятельномъ и благоумномъ Роганѣ, питавшемъ необыкновенное, восторженное уваженіе къ Екатеринѣ II. Императрица, оцѣнивъ способности и характеръ графа Саграмосо, изъявила желаніе, чтобы онъ остался при ея дворѣ постояннымъ министромъ отъ ордена. Но такъ какъ средства Мальтійцевъ были въ это время уже крайне истощены, а притомъ въ случаѣ исполненія этой мысли и другіе дворы могли бы потребовать того же, то орденъ долженъ былъ отказаться отъ предложенной ему чести. Между тѣмъ, по случаю замиренія съ Турціею, и маркизъ Кавалькабо былъ отозванъ изъ Мальты. Вскорѣ однакожь представился поводъ къ назначенію туда новаго повѣреннаго. Этимъ поводомъ было присоединеніе польскаго пріорства, по плану Рогана, къ англо-баварскому *языку*: въ Мальту посланъ былъ капитанъ 2-го ранга Псаро.

Пронсшедшій между тѣмъ второй раздѣлъ Польши, по которому Вольны, а съ нею и острожскія имѣнія достались Россіи, побудилъ великаго магистра вступить въ новыя сношенія съ С.-Петербургомъ. По желанію Императрицы, чтобы полномочный министръ, котораго Роганъ намѣревался отправить ко двору ея, былъ преимущественно избранъ изъ шемонтскихъ кавалеровъ, это почетное званіе получилъ балъи графъ *Литта*, уроженецъ миланскій, находившійся тогда въ русской службѣ контръ-адмираломъ (см. выше стр. 122). Онъ имѣлъ у Императрицы аудіенцію 7/18 октября 1795 г. и представилъ ноту о неуплаченныхъ ордену доходахъ изъ Польши. Постѣдовавшая вскорѣ кончина Екатерины доставила Мальтійцамъ еще болѣе щедрого покровителя въ ея преемникѣ.

Императоръ Павелъ, съ дѣтства прислушиваясь къ толкамъ объ этомъ орденѣ и вообще склонный по своему характеру сочувствовать всему романическому, рано уже показывалъ особенное расположеніе къ Мальтійцамъ. Порошинъ въ своихъ *Запискахъ* рассказываетъ подь 28 февраля 1765 г. (когда великому князю шель одиннадцатый годъ): «Читалъ я его высочеству Вертотову исторію объ орденѣ мальтійскихъ кавалеровъ. Из-

воинъ оный потомъ забавлялся и, привязавъ къ кавалеріи своей флагъ адмиральскій, представлялъ себя кавалеромъ мальтійскимъ».

По воцареніи своемъ Императоръ принялъ живое участіе въ судьбѣ ордена, которому тогдашнія политическія обстоятельства уже грозили паденіемъ *, и въ декабрѣ того же года назначилъ двухъ полномочныхъ, именно князя Безбородко ** и князя Александра Борисовича Куракина, для заключенія конвенціи съ балы графомъ Литтою. Главнымъ содержаніемъ состоявшейся такимъ образомъ $\frac{4}{15}$ января 1797 г. конвенціи было то, что вмѣсто польскаго вел. пріорства и 6 командорствъ возникло вел. пріорство русское (россійско-католическое) съ 10 командорствами и что ежегодный доходъ во 120,000 золотыхъ, ассигнованный ордену изъ члѣскихъ имѣній, былъ возвышенъ теперь до 300,000 золотыхъ (считая золотый въ 25 коп.), съ тѣмъ чтобъ уплата производилась рублями, которые впредь должны были выдаваться изъ государственнаго казначейства. Не довольный еще этимъ пожалованіемъ, Государь изъявилъ желаніе облечься, вмѣстѣ со всею императорскою фамиліею, въ знаки-ордена. Но еще до исполненія этого достойный старецъ Роганъ умеръ, и въ гротмейстеры избранъ былъ прежній посолъ нѣмецкаго императора въ Мальтѣ, баронъ Гомпешъ, въ которомъ орденъ надѣялся найти сильную опору противъ враждебной Франціи. Извѣстіе о милостяхъ русскаго государя возбудило между кавалерами общій энтузіазмъ. Отправленный въ Петербургъ кавалеръ Рачинскій привезъ новое полномочіе ловкому балы, усѣвшему въ короткое время сдѣлать такъ много для ордена; графъ Литта, теперь уже въ званіи чрезвычайнаго посла, имѣлъ 27 ноября торжественный въѣздъ въ столицу, а 29-го публичную аудіенцію, на которой поднесъ Государю титулъ *протектора* и знаки мальтійскаго ордена для него и всѣхъ особъ царскаго семейства, также для государственнаго канцлера князя Безбородки, для вице-канцлера князя Куракина и еще для нѣкоторыхъ другихъ лицъ. Для самого Императора присланъ былъ старинный крестъ славнаго гротмейстера Лавалетта. Изъ главной аудіенцъ-залы

* Во время французской революціи этотъ орденъ, вмѣщавшій въ себѣ древнѣйшіе дворянскіе роды почти всей Европы, оставался какъ-бы представителемъ старинныхъ привилегій дворянства: съ 1791 по 1795 г. мальтійское правительство явно ободряло и поддерживало рыпарей, желавшихъ присоединиться къ арміи эмигрантовъ (*Путеш. маршала Мармона*, М. 1840, т. IV, стр. 252). Вотъ главная причина ненависти къ нему со стороны французской республики, которая, гдѣ только могла, захватывала орденскія владѣнія. Изъ такого положенія ордена происходило и особенное покровительство, оказанное ему императоромъ Павломъ, который сверхъ того руководился мыслью о приобрѣтеніи острова Мальты. — «Мальтійскій орденъ былъ не что иное какъ искусная каверза католичества въ Россіи» (*Р. арх.* 1865 г., стр. 1400). См. тамъ же описаніе орденскаго праздника въ письмѣ П. М. Долгорукова къ сестрѣ, изъ Петергофа отъ 29 мая 1799.

** Александръ Андреевичъ Безбородко, род. 6 апрѣля 1747 г., ум. 16 апр. 1799. Онь пожалованъ въ графы Римской Имперіи 1784; императоръ Павелъ возвелъ его въ день коронаціи, 5 апрѣля 1797, въ княжеское Росс. Имперіи достоинство съ титуломъ Свѣтлости, а черезъ двѣ недѣли пожаловалъ его государственнымъ канцлеромъ и президентомъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ.

посолъ отправился къ другимъ высочайшимъ особамъ; по возвращеніи его въ тронную прибыла туда Императрица и, принявъ изъ рукъ Государя орденскіе знаки, заняла мѣсто на тронѣ. Затѣмъ къ престолу подошелъ Александръ Павловичъ безъ шпаги и преклонилъ колѣно. Императоръ, надѣвъ шляпу и обнаживъ мечъ, сдѣлалъ имъ три рыцарскіе удара по плечамъ великаго князя, вручилъ ему шпагу, поцѣловалъ его, какъ брата, и возложилъ на него знаки большаго креста. Та же церемонія повторилась съ Константиномъ Павловичемъ. Такимъ же образомъ послѣ того французскій принцъ Конде * былъ пожалованъ въ кавалеры большаго креста и нареченъ великимъ пріоромъ русскимъ. Въ тотъ же день послѣ обѣда Государь принялъ кавалерами большаго креста князей Безбородку и Куракина, роздалъ другіе кресты и назначилъ всѣхъ командоровъ и кавалеровъ русскаго великаго пріорства.

Но въ то самое время, какъ орденъ готовился праздновать такой неожиданный успѣхъ, случилось вдругъ роковое событіе, которое должно было положить конецъ его существованію: вслѣдствіе безчестности и малодушія Гомпеша Мальта была взята Наполеономъ на пути его въ Египеть. Тогда капитулъ русскаго пріорства, собравшись въ орденскомъ домѣ въ Петербургѣ, издалъ два акта: 1) протестъ «противъ предосудительнаго поступка великаго магистра и другихъ кавалеровъ, нарушившихъ святость своихъ обѣтовъ сдачею безъ всякой обороны орденскихъ владѣній и заключившихъ безчестную капитуляцію, основанную исключительно на личныхъ выгодахъ великаго магистра и его сообщниковъ **», и 2) манифестъ русскаго пріорства, возлагавшій всѣ надежды ордена на протектора. Императоръ отвѣчалъ на эти акты деклараціей, подписанною въ Гатчинѣ 10 сентября, торжественно обѣщая «не только сохранять орденъ во всѣхъ его установленіяхъ, привилегіяхъ и почестяхъ, но и употребить всѣ старанія къ возстановленію его». Въ заключеніе протекторъ приглашалъ находившихся въ Петербургѣ кавалеровъ «сдѣлать всѣ нужныя распоряженія къ пристойнѣйшему и полезнѣйшему отправленію дѣлъ ордена».

Въ этихъ словахъ уже обозначалось намѣреніе Императора принять на себя званіе великаго магистра, намѣреніе, какъ полагають, внушенное ему Литтою, который надѣялся занять въ такомъ случаѣ первое при Императорѣ мѣсто по управленію орденомъ. Онъ становился необходимымъ для учрежденія совѣта и канцелярїи новаго гротмейстера, и такимъ образомъ ему легко было сдѣлаться намѣстникомъ Павла по дѣламъ ордена. Къ удивленію всей Европы, русскій царь принималъ верховное начальство надъ религіознымъ и военнымъ орденомъ, признававшимъ папу своимъ духовнымъ главою. Впрочемъ Императоромъ руководила конечно и политика: въ случаѣ возвращенія Мальты ордну, этотъ островъ, по своему положенію въ Средиземномъ морѣ, обѣщалъ Рус-

* Принятый въ русскую службу вмѣстѣ съ своимъ корпусомъ, состоявшимъ изъ пяти полковъ, и назначенный шефомъ одного изъ нихъ (*Спб. Вѣдом.* 1797, № 96).

** Подлинныя слова изъ упоминаемаго вслѣдъ за симъ манифеста.

скимъ важную точку опоры въ сношеніяхъ съ Оттоманскою Портою. При томъ Государь, въ качествѣ гротмейстера, становился во главѣ всего европейскаго дворянства.

Провозглашенный въ прокламаціи русскаго пріорства великимъ магистромъ, императоръ Павелъ принялъ этотъ титулъ, и 29 ноября 1798 г., въ день бывшей за годъ передъ тѣмъ церемоніи, весь корпусъ кавалеровъ торжественно поднесъ ему корону и регалии новаго сана. Императоръ отвѣчалъ чрезъ вице-канцлера своего объявленіемъ, въ которомъ между прочимъ было сказано: «При семъ вновь повторяемъ торжественно учиненныя прежде, въ качествѣ Покровителя того ордена, обнадешиванія, что Мы не токмо оставимъ навсегда въ цѣлости всѣ установленія и преимущества, присвоенныя сему знаменитому ордену, какъ въ разсужденіи свободнаго исповѣданія вѣры и слѣдующихъ по тому отношеній кавалеровъ римскаго закона, такъ и касательно управленія орденскаго, опредѣляя главное мѣсто пребыванія онаго въ императорской нашей столицѣ; но что и далѣе не престанемъ пещися о возстановленіи его въ то почтительное состояніе, которое соотвѣтствовало бы благой цѣли основанія сего ордена, его прочности и пользы. Возобновляемъ и пакы увѣренія Наши, что, имѣя верховное начальство надъ орденомъ св. Іоанна Іерусалимскаго и почитая обязанностію нашею стараться о возвращеніи несправедливо у него отнятой собственности, не предполагаемъ Мы отнюдь, въ качествѣ Нашемъ Императора Всероссійскаго, никакихъ притязаній, которыя могли бы обращаться во вредъ или ущербъ правамъ прочихъ Намъ дружественныхъ державъ».

По прочтеніи этого акта княземъ Безбородкой, всѣ мальтійскіе кавалеры, приступивъ къ престолу съ колѣнопреклоненіемъ, принесли гротмейстеру присягу въ повинненіи и вѣрности и допущены были къ рукѣ. Желая сдѣлать этотъ день еще болѣе памятнымъ, Императоръ учредилъ, какъ новый знакъ отличія для поощренія службы русскихъ дворянъ, орденъ св. Іоанна Іерусалимскаго, котораго уставъ теперь же былъ прочитанъ съ престола. Новый орденъ былъ возложенъ на великихъ княгинь и князей, а также на нѣкоторыхъ придворныхъ дамъ. Сенату предписано объявить о совершившемся по всему государству, со внесеніемъ новаго достоинства въ титулъ императорскій. Деклараціею, обнародованной въ Европѣ, дворяне всѣхъ христіанскихъ странъ приглашались къ вступленію въ орденъ. Въ Мальту же, которая должна была опять сдѣлаться достояніемъ ордена, Императоръ уже предварительно назначилъ коменданта и русскій гарнизонъ изъ 3000 человекъ.

Въ слѣдующемъ году пріѣзжали въ Петербургъ депутаціи разныхъ западно-европейскихъ пріорствъ для признанія Государя въ званіи великаго магистра *. Кромѣ возстановленнаго имъ русско-католическаго пріор-

* Одинъ изъ участвовавшихъ въ депутаціи германскаго пріорства, 70-лѣтній аббатъ Жоржелъ, описалъ свое путешествіе и пребываніе въ Петербургѣ въ зиму съ 1799 на 1800 годъ (см. въ нашемъ текстѣ нѣсколько ниже). Онъ былъ французскій эмигрантъ, жилъ въ Брейгау и сопровождалъ депутацію въ качествѣ секретаря. Названное Путешествіе напечатано и въ со-

ства, онъ учредилъ греко-россійское великое пріорство, назначивъ великимъ его пріоромъ наслѣдника цесаревича Александра Павловича. Составленъ былъ верховный священный совѣтъ, въ которомъ засѣдали: поручикомъ (наѣстникомъ) великаго магистра фельдмаршалъ гр. Н. И. Салтыковъ, генераль-фельдмаршаломъ ордена великій князь Александръ, великимъ командоромъ князь Лопухинъ, великимъ канцлеромъ гр. Ростопчинъ и проч. Образованъ былъ дворъ по штату прежняго двора великаго магистра съ великимъ сенескаломъ (Нарышкинъ), призрителемъ бѣдныхъ (архіепископъ Амвросій) и т. д. Для гвардіи великаго магистра учрежденъ кавалергардскій корпусъ изъ 189 человекъ*). Многимъ полкамъ пожалованъ знавъ ордена на знамена, шапки, кирасы и т. п. Мальтійскій крестъ былъ включенъ въ государственный гербъ, съ которымъ и явился на всѣхъ казенныхъ зданіяхъ въ Петербургѣ. Сверхъ того была устроена католическая церковь во имя св. Іоанна Крестителя (Іерусалимскаго) въ зданіи, которое служило замкомъ мальтійскихъ рыцарей. Этотъ домъ (нынѣшній пажескій корпусъ), построенный архитекторомъ Растрелли, принадлежалъ сначала государственному канцлеру графу Воронцову; потомъ онъ поступилъ въ казну, и въ немъ жилъ графъ Остерманъ. Императоръ Павелъ подарилъ его ордену, и надъ главнымъ въѣздомъ прибавилъ былъ мальтійскій гербъ — бѣлый крестъ на красномъ полѣ. Церковь была построена архитекторомъ Гваренги и освящена 17 іюня 1800 митрополитомъ Сестренцевичемъ. Императоръ Николай возобновилъ ее въ 1833 году. Она состояла въ завѣдваніи графа Литты до самой смерти его (см. выше стихотв. *На бракъ графини Литты*).

Вниманіе императора Павла къ мальтійскому ордену подало ему между прочимъ поводъ къ учрежденію еще 20-и командорствъ въ награду отличившимся военными подвигами офицерамъ. Почти ежедневно жаловались новые кавалеры и командоры. Знатные дворяне учреждали и съ своей стороны фамильные командорства. Высочайшіе указы и манифесты кончались словами: «Данъ царствованія нашего въ третье, магистерства же во второе лѣто», и т. п. Въ 1800 г. напечатано «Уложеніе» ордена.

Между тѣмъ взятіе Мальты Англичанами повлекло за собою разрывъ Россіи съ Великобританіею; вспыхнула война, но прежде окончанія ея императора Павла не стало. Дальнѣйшая судьба ордена извѣстна (*Исторія ордена св. Іоанна Іерусалимскаго*, соч. А. Лабзина, ч. V, Спб. 1801); *Kurzgefasste Nachricht von S. K. K. Majestät Paul I Gelangung zur Würde eines Grossmeisters* и т. д. Nov. 1799, и къ этому еще особо *Anhang*. 1802, — оба напеч. въ Спб.; *Voyage à St.-Petersbourg de l'abbé Georget*,

ставъ Записокъ его (*Mémoires pour servir à l'histoire des événements de la fin du XVIII siècle, par un contemporain impartial*), изданныхъ также 1818 въ Парижѣ; оно занимаетъ томъ VI этихъ Записокъ.

* Коцебу въ любопытномъ своемъ сочиненіи: *Das merkwürdigste Jahr meines Lebens* (Berlin 1803, стр. 394) рассказываетъ по поводу одного театральнаго представленія: «Государь сидѣлъ за самымъ оркестромъ, и меня поразило, что въ продолженіе всего спектакля позади креселъ его стоялъ гвардеецъ мальтійской гвардіи».

Paris, 1818; Реймерса St. Petersburg и проч.; Мих. Данилевскаго и Д. А. Милюткина (*Исторія войны Россіи съ Франціею въ 1799*, т. I, Спб. 1852).

2. Нѣсколько свѣдѣній о Лавзинѣ.

Александръ Федоровичъ Лабзинъ, пріятель Державина (см. томъ I, стр. XX Предисловія), — извѣстный масонъ и издатель разныхъ мистическихъ книгъ, въ которыхъ онъ означалъ свое имя буквами У. М. (ученикъ мудрости). См. о немъ *Словарь* митр. Евгенія и въ 1-й книжкѣ *Русской Бесѣды* 1859 г. статью С. Т. Аксакова *Встрѣча съ Мартинистами*, которая однакожь должна быть читана съ критикою. Къ сообщеннымъ тамъ свѣдѣніямъ прибавимъ, что Лабзинъ въ 1799 году былъ опредѣленъ конференцъ-секретаремъ, а въ 1818 вице-президентомъ Академіи Художествъ. Въ 1804 г. онъ былъ произведенъ въ дѣйств. ст. совѣтники и въ томъ же году получилъ еще мѣсто директора департамента министра морскихъ силъ. Въ 1822 онъ былъ уволенъ отъ службы и умеръ въ ссылкѣ въ началѣ 1825 года (выписки изъ архива Академіи Худож., доставленная О. О. Львовымъ). Императоръ Павелъ назначилъ Лабзина исторіографомъ ордена съ жалованьемъ по 600 руб. въ годъ. Сотрудникомъ Лабзина въ этомъ дѣлѣ былъ Вахрушевъ. Первая часть книги ихъ не что иное, какъ переводъ *Geschichte des Maltheserordens nach Vertot* (сочиненіе Vertot идетъ только до 1725 года), Jena 1793. Другимъ исторіографомъ ордена Императоръ назначилъ, съ пожизненною пенсіею въ 600 р., прибывшаго въ Петербургъ командора Мезоннева (*Maisonneuve*), который и издалъ здѣсь *Annales historiques de l'Ordre* и проч., начинающіяся съ 1725 (Реймерсъ, т. II, стр. 74)*.

Несчастье Лабзина было слѣдствіемъ неосторожнаго слова, произнесеннаго имъ на частномъ совѣщаніи, по поводу предложенія въ почетные члены Академіи Художествъ Румянцова, Аракчеева и Гурьева. Лабзинъ находилъ, что первый достоинъ избранія, второй по крайней мѣрѣ заказывалъ академіи или ея воспитанникамъ нѣкоторыя работы, но послѣдній не имѣлъ никакого права. Доказывая это, Лабзинъ разгорячился и вышелъ изъ предѣловъ благоразумія. Покойный М. А. Дмитріевъ, познакомившійся съ нимъ въ Симбирскѣ, доставилъ намъ, по нашей просьбѣ, въ рукописи слѣдующій любопытный рассказъ объ обстоятельствахъ ссылки его:

«На другой день онъ былъ позванъ къ генералъ-губернатору, графу Милорадовичу, который сказалъ ему, чтобъ онъ ѣхалъ къ Гурьеву и извинился. Лабзинъ не поѣхалъ. — Дѣло это оставалось безъ послѣдствій три дня, пока Государь былъ въ Петербургѣ; но по отъѣздѣ его въ чужіе края, вслѣдъ за нимъ послано было донесеніе о Лабзинѣ: какъ было это

* Въ концѣ книги Мезоннева можно найти полный списокъ лицъ, принадлежавшихъ къ мальтійскому ордену въ Россіи. Это приложение было издано и отдѣльно. Такой же списокъ, подъ заглавіемъ *Державный орденъ св. І. І.* (въ миниат. форматѣ), изд. въ 1800 г. на русск. языкѣ. Къ списку соч. объ орденѣ можно еще прибавить: *Историч. сокращеніе о державномъ орденѣ* и пр., съ итальян. князь Ник. Долгоруковъ, Спб. 1800.

представлено, неизвѣстно; но его велѣно было сослать Симбирской губерніи въ городъ Сентилей.

«Заслуженный больноі старикъ, съ больноі женой, которая была и его старѣе, отправился осенью 1822-го го года, по дурной дорогѣ, въ простой кибиткѣ, къ дальнему и неизвѣстному мѣсту своего назначенія. Въ добавокъ къ этому, подъ Москвою вывалили ихъ изъ кибитки, и старухѣ Лабзиной повредило это ногу. Но въ Москвѣ жилъ въ это время славный медикъ, извѣстный своимъ благочестіемъ, Матвѣй Яковлевичъ Мудровъ, который, принявъ при посредствѣ Лабзина ученіе истиннаго благочестія, почиталъ его своимъ благодѣтелемъ. Онъ приготовилъ для принятія его комнаты въ своемъ домѣ, на Прѣснѣ, и — мало этого — испросилъ дозволеніе иллюминировать домъ для пріѣзда своего благодѣтеля. Онъ встрѣтилъ пріѣзжихъ на крыльцѣ низкимъ поклономъ, поклонъ ихъ, и отпустилъ, оказавъ имъ и медицинскую и дружескую помощь.

«Плохо было изгнанникамъ въ Сентилей: въ этомъ городишкѣ не находили они самонужнѣйшихъ потребностей жизни; но одинъ симбирскій помѣщикъ, Петръ Петровичъ Тургеневъ, братъ Ивана Петровича, по старинной масонской связи, прислалъ имъ возъ домашнихъ припасовъ и другой съ лѣкарственными травами, безъ чего они были бы въ большомъ затрудненіи, и по недостатку денегъ и по неимѣнію никакихъ средствъ въ небольшомъ и бѣдномъ городѣ.

«Вскорѣ Лабзинъ переведенъ былъ въ Симбирскъ. Здѣсь передъ этимъ была масонская ложа, Ключъ къ Добродѣтели, великимъ мастеромъ которой былъ князь Михайло Петровичъ Баратаевъ. Ложи въ 1822-мъ году были закрыты; но имя Лабзина было въ такомъ уваженіи, что братья ложи поставили себѣ за долгъ съ нимъ познакомиться. Александръ Ѳеодоровичъ, вслѣдствіе строгости, съ которою было съ нимъ поступлено, былъ сначала въ нѣсколько раздраженномъ состояніи. Князь Баратаевъ былъ ему какъ-то родня; но посѣщенія всѣхъ другихъ казались ему просто любопытствомъ и даже были ему подозрительны: и потому онъ принималъ посѣтителей не совсѣмъ ласково. Но вообще надобно отдать справедливость тогдашнимъ жителямъ Симбирска: они терпѣливо переносили первоначальную раздражительность изгнанника и добились его искренней признательности и искренняго чувства дружества. Они берегли его, какъ больнаго ребенка, какъ бѣдную душу, оскорбленную судьбою. — Симбирскою жизнію своею онъ былъ наконецъ очень доволенъ, такъ что однажды онъ говорилъ мнѣ съ чувствомъ: «Я думалъ, что, уѣзжая изъ Петербурга, я оставляю тамъ друзей, какихъ ужъ не найти; но вмѣсто того я нашелъ здѣсь такихъ искреннихъ и добрыхъ друзей, какихъ у меня и тамъ не было!» — Вообще онъ былъ въ спокойномъ и по бѣльшей части въ веселомъ расположеніи духа; но нельзя сказать, чтобъ его совсѣмъ не тревожило его фальшивое положеніе. Такъ, по отъѣздѣ моемъ въ Москву, онъ писалъ ко мнѣ отъ 8-го ноября 1823 г.: «Позвольте самолюбію человѣческому полюбопытствовать у васъ: какимъ кажусь я въ глазахъ вашего дядюшки: почитаетъ ли онъ меня за преступника наказаннаго, или за страдальца, невинно впадшаго въ сіе несчастіе?» — Кажется, его занимало

миѣніе и другихъ значительныхъ лицъ. Въ началѣ 1824 года, онъ между прочимъ писалъ ко мнѣ: «Вѣроятно, вы видаетесь иногда съ графомъ Ѡ. В. Ростовчинимъ. Нѣкогда онъ былъ моимъ начальникомъ по службѣ, и одинъ изъ всѣхъ начальниковъ, который, кажется, зналъ мнѣ цѣну. Итакъ прошу васъ, при случаѣ, возобновить меня въ его памяти и донести ему, что я самъ писать къ нему не смѣю, не потому, чтобъ въ немъ сомнѣвался: надѣюсь также, что и онъ во мнѣ не усумнится; а по обстоятельствамъ, ему небезызвѣстнымъ, опасаясь, чтобъ не нанести тѣмъ какого вреда ему или себѣ, когда донесено будетъ, что у меня переписка съ графомъ.»

«*Сіонскій Вѣстникъ* началъ издавать Лабзинъ, какъ извѣстно, въ 1806-мъ году, съ января, но прекратилъ его сентябремъ мѣсяцемъ, неизвѣстно почему; однако въ концѣ послѣдней книжки сказано, что издатель «рѣшается на прекращеніе своего журнала, по обстоятельствамъ не маловажнымъ, и не отъ его воли зависящимъ.» — Но 1817-мъ году, когда были въ такомъ ходу библейскія общества, а масонскія ложи пользовались особеннымъ покровительствомъ, опять возобновилось съ апрѣля мѣсяца изданіе *Сіонскаго Вѣстника*. Однако, въ половинѣ слѣдующаго же 1818-го года журналъ прекратился. Всего, въ оба періода, было издано 24 книжки, составляющія 8 томовъ. Впослѣдствіи, въ концѣ царствованія Александра, особенно въ министерство Шишкова, этотъ журналъ, вмѣстѣ съ другими книгами въ томъ же духѣ, былъ строжайше запрещенъ въ продажѣ и составляетъ донинѣ библіографическую рѣдкость.

«Послѣ запрещенія этихъ книгъ, всѣ книги, изданныя Лабзинимъ, были запечатаны въ петербургскомъ подвалѣ Глазунова и Лабзинъ лишился не только всего дохода, но всего своего имущества, состоявшаго въ этихъ книгахъ. Онъ сдѣлался почти нищимъ и, когда его выслали изъ Петербурга, ему не съ чѣмъ было ѣхать; но князь Александръ Николаевичъ Голицынъ, имѣвшій всегда отъ Государя нѣкоторыя суммы денегъ на раздачу бѣднымъ, выдалъ ему изъ этихъ денегъ двѣ тысячи рублей ассигнаціями.

«Съ Лабзинимъ жили въ Симбирскѣ: жена его Анна Евдокимовна, которая была, какъ я сказалъ уже, старѣе его лѣтами, и воспитанница ихъ, Софья Алексѣевна Мудрова, племянница знаменитаго доктора Матвѣя Яковлевича Мудрова, который встрѣчалъ и успокоилъ ихъ въ Москвѣ.

«Александръ Федоровичъ скончался въ Симбирскѣ 26-го января 1825-го года, проживши два года въ своемъ изгнаніи. — Жилъ онъ въ Симбирскѣ на Московской улицѣ, въ наемномъ небольшомъ домѣ г-жи Назаревой. Погребенъ онъ въ Покровскомъ симбирскомъ монастырѣ. Надъ его могилой поставленъ изъ дикаго камня крестъ съ слѣдующею надписью:

«Всю жизнь онъ вѣренъ былъ ученію Христову.

Какъ вѣровалъ, такъ жилъ,

И, братьямъ путь отерывъ къ Спасителю слову,

Онъ западъ дней своихъ страданьемъ освятить.»

«Послѣ его кончины, Мудровъ пригласилъ Анну Евдокимовну съ племянницей переѣхать жить къ нему. Въ его домѣ, на среднемъ Прѣненскомъ прудѣ, она черезъ нѣсколько лѣтъ окончила жизнь свою.

«Лабзинъ, какъ извѣстно, занимался и литературой. Въ первой молодости онъ перевелъ *Фигарову женидбу*, комедію Бомаршэ. Въ царствованіе Павла издалъ *Исторію ордена св. Іоанна Іерусалимскаго*. Онъ писалъ и стихи. Извѣстны нѣкоторые его оды Екатеринѣ II и Александру I и переводъ въ стихахъ Деллиева дионрамба на *Безсмертіе души*. Въ Симбирскѣ написалъ онъ одну духовную оду и другую въ видѣ посланія къ женѣ своей.

«Эти послѣдніе его стихи, написанные послѣ моего отъѣзда изъ Симбирска, въ ноябрѣ 1823 года и присланные имъ ко мнѣ въ Москву, бодрѣ всего свидѣтельствуютъ мирное и христіанское расположеніе души его. Вотъ какъ, обращаясь съ молитвой къ Богу, говоритъ онъ въ нихъ о врагахъ своихъ:

«Прими во власть Твою святую
 Равно и всѣхъ враговъ моихъ:
 Подай имъ участь преблагую,
 Ущедри милостію ихъ
 И, превращая зло во благо,
 Не подавай Ты имъ инаго,
 Какъ милость щедрую Твою.
 Да за меня никто не страждетъ,
 Но паче всякъ еъ Тебѣ возжаждетъ!...
 Я судъ и милость воспою!»

(Подробная біографическая статья г. Безсонова о Лабзинѣ и *Воспоминаніе* покойнаго М. А. Дмитріева о его ссылкѣ напечатаны въ *Русскомъ Архивѣ* 1866 г. стр. 817—859).

3. Просьба мальтійскаго ордена къ императору Павлу.

Помѣщаемъ здѣсь найденную нами въ бумагахъ Державина подлинную просьбу отъ имени ордена, поданную императору Павлу графомъ Литтою, о принятіи Государемъ званія великаго магистра. Сколько намъ извѣстно, просьба эта нигдѣ еще не была напечатана.

«Sire,

«L'ordre souverain de St.-Jean de Jérusalem, fondé sur les principes de la bienfaisance et de l'honneur, a constamment rempli le but sacré de son institution. Sept siècles de prospérité et de gloire attestent la sagesse de ses loix et son dévouement à ses devoirs. Forcé jadis d'abandonner l'isle où il régnoit et qu'il rendit célèbre par tant de prodiges de valeur, il vit ses pertes réparées par la générosité d'un Souverain magnanime qui lui donna une nouvelle résidence et dont l'Europe entière admire le bienfait! Dépouillé une seconde fois de l'héritage de ses ancêtres et menacé d'une ruine totale par la dispersion de ses membres, l'Ordre de St.-Jean de Jérusalem vient se jeter dans les bras de l'Auguste Protecteur que la

Providence éternelle lui avoit déjà accordé, pour sauver dans le péril le plus éminent son existence et sa gloire. Il supplie Voste Majesté Impériale de lui accorder le plus signalé des bienfaits, celui d'être son Chef et de le soutenir par Sa puissance. Il confie à Voste Majesté Impériale ses destinées et le dépôt sacré de ses institutions et de ses droits. La proclamation solemnelle que je porte au trône de Voste Majesté Impériale exprime les voeux de tous les chevaliers fidèles à la religion et à l'honneur: Voste acceptation, Sire, sera pour notre ordre le plus sûr garant de son rétablissement, de sa prospérité et de sa splendeur».

4. Извѣстіе Львова о мальтійскихъ кавалерахъ.

Въ рукописной книгѣ сочиненій Н. А. Львова находится историческое извѣстіе о мальтійскомъ орденѣ. Львовъ былъ самъ кавалеромъ его: онъ пользовался милостью императора Павла и жилъ въ Гатчинѣ (см. подъ 1804 г. стихотвореніе *Память другу*). Печатаая для любопытныхъ это извѣстіе, въ которомъ мальтійскіе кавалеры названы *Ивановскими*, мы препосылаемъ ему и слѣдующую собственноручную замѣтку Львова, объясняющую цѣль составленія его: «Г. оберъ-полиціймейстеру Валуеву, требовавшему отъ меня, что такое Мальтійскій орденъ, ибо многіе кавалеры называли его *Ordre de Ste-Malte*».

«Мальтійскіе кавалеры имѣютъ разныя названія:

- «1) Кавалеры Гостепріимственныя.
- «2) Кавалеры Родосскіе.
- «3) Кавалеры Ивановскіе.
- «4) Кавалеры Креста.

«Неаполитанскіе купцы изъ Амальфіи въ 1048 году построили въ Іерусалимѣ церковь католическую во имя Богоматери латинскія; потомъ основали монастырь Св. Венедикта, въ больницахъ онаго давали убожище мужчинамъ и женщинамъ, ходящимъ на богомолье. Герардъ Тунгъ или Тумъ построилъ церковь св. Іоанна Крестителя и былъ первый настоятель. Въ 1099 году Годофредъ де Булльионъ, по взятіи Іерусалима, приписалъ къ сему монастырю земли, которыя онъ имѣлъ во Франціи, и опредѣлилъ доходъ; его примѣру подражали многіе, владѣнія умножились и Герардъ отдѣлилъ учрежденіе кавалеровъ Гостепріимственныхъ св. Іоанна отъ монастыря Богородична, учредя особливую обитель. По смерти Герарда директоры или начальники выбирались кавалерами; Раймондъ дю Пюи ему наследовалъ въ качествѣ магистра, далъ ордену нѣкоторыя правила, которыя утвердилъ папа Калистъ II въ 1120 году. Правила сіи состояли въ томъ, чтобы принимать бѣдныхъ въ больницы, давать убожище странникамъ и воевать противъ невѣрныхъ; Иннокентій II-й въ 1130 году утвердилъ сіи правила и далъ кавалерамъ Іерусалимскимъ штандартъ съ изображеніемъ бѣлаго осьмиконечнаго креста на красномъ полѣ; изъ сего потомъ составились и гербъ и печать сего ордена.

«По изгнаніи изъ Іерусалима Ивановскіе кавалеры поселились въ Моргатъ, потомъ въ Акръ, которые они храбро защищали и послѣ потери обѣтованной земли.

«Въ 1291 году Лузиньянъ далъ имъ убѣжище въ Лимисонѣ на островѣ Кипрѣ, гдѣ лѣтъ 18 имѣли они резиденцію: въ 1308 году завоевали они островъ Родосъ, съ того времени начали они именоваться кавалерами родосскими; Андроникъ, императоръ греческій, великому ихъ магистру Виларету далъ и право владѣнія на сей островъ.

«Въ 1480 году великій магистръ д'Обюссонъ съ большою храбростію защищалъ резиденцію свою противъ Магомета II и, не смотря на превосходныя силы непріятельскія, выдержалъ атаку цѣлѣе 3 мѣсяца: въ 1522 Солиманъ съ армією, въ 300 тысячахъ состоявшею, взялъ сію крѣпость, которая во владѣніи кавалеровъ была 213 лѣтъ.

«По изгнаніи изъ Родоса кавалеры переселились въ Кандію, потомъ папы Адрианъ VI и Климентъ VII дали имъ городъ Витербо, а наконецъ императоръ Карлъ V островъ Мальту, и съ того времени іерусалимскіе кавалеры назвались мальтійскими.

«Мальтійскій орденъ состоитъ изъ 8 націй, которыя извѣстны подъ именемъ 8 языковъ; каждый языкъ имѣетъ своего начальника, начальники имѣютъ право на избраніе великаго магистра.

«Въ мальтійскіе кавалеры принимаются люди доказаннаго благородства; принимаются въ ихъ общества также и женщины подъ именемъ монахинь, коихъ должность состояла въ первоначальномъ учрежденіи смотрѣть за гостинницами и больницами женскаго пола.

«Кавалеры мальтійскіе носятъ крестъ золотой съ бѣлою финифтью на черной лентѣ въ петлицѣ.

«Кавалеры большого креста носятъ бѣлый холстинный крестъ на черномъ полѣ на супервестѣ, а финифтевый осмиконечный на шеѣ и на такой же лентѣ.»

5. Шуточные стихи Львова.

Въ рукописи Львова передъ этимъ очеркомъ помѣщена еще небольшая пьеса въ стихахъ, которую тоже выписываемъ, такъ какъ и она въ нѣкоторой связи съ исторіей ордена мальтійскаго въ Россіи:

«Вздохъ намѣстническаго мундира Ф. М., единаго при дворѣ сухаго, къ ѣдущимъ кавалерамъ 1799 сент. 20-го* въ Гатчинѣ.

• «Блаженны людіе съ крючками,
 Что могутъ полы застегнуть
 И въ дождь негрязными стопами
 Свершить на коняхъ грязный путь,
 Въ одежду красну облеченны,
 Перомъ блестящимъ осѣненны;
 Знакъ рыцарскій ихъ краситъ грудь.
 А я въ намѣстнической рябѣ
 Межъ красноперыхъ птицъ одинъ
 Шатаюсь, какъ при смертномъ часѣ
 Отъ инфантерій павлинь.

* День рожденія императора Павла.

И хоть не брызгаю ногами, —
 Черезъ лужи дѣлая прыжки,
 Кафтанъ мараю сапогами,
 Кафтаномъ пачкаю чулки.
 О всадники! взгляните къ низу,
 Помилуйте хоть разъ меня:
 Иль красную мнѣ дайте ризу,
 Иль посадите на коня.»

41. ВЪНЕЦЪ БЕЗСМЕРТІА¹.

Бесѣдовалъ съ Анакреономъ 1
 Въ пріятномъ я недавно снѣ:
 Подъ жаркимъ, свѣтлымъ небосклономъ,
 Въ тѣни онъ пальмъ явился мнѣ.
 Хариты вокругъ его, Эроты, 2
 Съ братиною златою Вакхъ,
 Ваонилъ прекрасный³ въ рощи, гроты
 Ходили въ розовыхъ вѣнкахъ⁴.
 Онъ дѣвъ плясаньемъ забавлялся; 3
 Тряхнувъ подь-часъ самъ сѣдиной⁵,
 На бѣлы груди любовался,
 На взоръ металъ ихъ пламень свой;
 Или, возлегши раменами
 На мягки розы, отдыхалъ;
 Огнистыми склоняся устами,
 Изъ кубка медъ златой вкушалъ;
 Иль, сидя съ юнымъ другомъ нѣжнымъ, 5
 Потрепывалъ его рукой,
 А взоромъ вокругъ себя прилежнымъ
 Искалъ красавицы какой.
 Цари къ себѣ его просили 6
 Поѣсть, попить и погостить;
 Таланты злата подносили⁷, —
 Хотѣли съ нимъ друзьями быть.
 Но онъ покой, любовь, свободу⁸ 7
 Чинамъ, богатству предпочелъ;
 Средь игръ, веселій, хороводу
 Съ красавицами вѣкъ провелъ.
 Бесѣдовалъ, рѣзвился съ ними, 8

Шутиль, пѣлъ пѣсни и вздыхалъ,
И шутками себѣ такими
Вѣнецъ безсмертія снискалъ.

Посмѣйтесь, красоты російски,
Что я въ морозъ, у камелька,
Такъ вами, какъ пѣвецъ тискій⁴,
Дерзнулъ себѣ искать вѣнка.

9

⁴ Во розовыхъ съ нимъ шли вѣнкахъ (Рукоп.).

⁶ И, самъ трягнувши сѣдиной.

— ... трягнувъ такъ. ... (1804).

⁷ Таланты золота дарили.

¹ Въ этомъ стихотвореніи выразилось глубокое уваженіе къ Анакреону, завѣщанное древностью и перенесенное новымъ міромъ на мнимо автора пѣсень, которыя мы отмѣчаемъ названіемъ *Анакреоновскихъ одъ* (см. выше стр. 46—48).

При жизни Анакреона теосскаго слава его проникла въ Самось, и онъ былъ призванъ къ роскошному двору Поликрата, вступившаго на престолъ около 530 года до Р. Х. Есть поводъ думать, что Анакреонъ былъ наставникомъ самого царя или сына его. Соединяя въ себѣ всю живость и веселую общительность Іонійца, Анакреонъ сдѣлался украшеніемъ этого двора и воспѣвалъ между прочимъ вино и любовь; но, преданный весь чувственнымъ радостямъ жизни, онъ умѣлъ однакожь соблюсти умѣренность въ наслажденіяхъ и такимъ образомъ до глубокой старости сохранилъ юношескую бодрость. Та же сдержанность, то же отсутствіе необузданной страсти обнаруживается въ его произведеніяхъ, которыя, не смотря на роскошь его фантазіи, отличаются внутреннею прелестью, художническою трезвостью и легкой, плѣнительной формой (Бернгарди, Grundriss d. griech Lit., ч. I, отд. 1, стр. 606—618).

Анакреона воспѣвали многіе поэты. Такъ у Гёте и у Гердера находимъ *Анакреон's Grab*, подражаніе Греческой Автологіи, у Пушкина также *Гробъ Анакреона* (1815), у г. Майкова *Анакреонъ* (1852). До Державина Н. О. Эминъ въ своей книжкѣ *Подражанія древнимъ* помѣстилъ оду *Въ честь Анакреону*, которая начинается довольно сходно съ пьескою нашего поэта:

«Во смъ я зрѣлъ Анакреона;

Казалось, онъ къ себѣ манилъ»...

Форма обонхъ стихотвореній совершенно одинаковая, и въ концѣ у Эмина также встрѣчается *эмнокъ*, хотя и съ другимъ примѣненіемъ нежели у Державина:

«Старикъ любезный миѣ въ подарокъ

Вѣнокъ съ улыбкой милой далъ».

Малозвѣстная книжка Эмина (въ малую осьмушку, 98 стр.) заслуживаетъ вниманія въ разныхъ отношеніяхъ. Напечатанная въ Петербургѣ

1795 г. и посвященная графу В. А. Зубову, она содержитъ многія взятія изъ древней литературы эротическія стихотворенія въ переводахъ съ французскаго, которые по времени, когда жилъ Эминъ, могутъ быть названы удачными*. Поэты, изъ которыхъ онъ заимствовался, были: Анакреонъ, Сафо, Феокритъ, Бюонъ, Москъ, Катуллъ и Горацій. Передъ произведеніями каждаго поэта помѣщена краткая о немъ замѣтка. Любопытно, что почти всѣ оды Анакреона, которыя выбралъ для подражанія Эминъ, встрѣчаются и у Державина**. Зная тогдашнія отношенія между обоими писателями, близкими къ Зубовымъ, трудно удержаться отъ заключенія, что Державинъ съ намѣреніемъ остановился на тѣхъ же пьесахъ, чтобы доказать свое превосходство надъ противникомъ (см. томъ I, стр. 249). Книжка Эмина могла даже способствовать къ усиленію производительности Державина по эротической поэзии и къ отдѣльному изданію имъ въ 1804 году *Анакреонтическихъ пѣсней*. Эминъ съ своей стороны писалъ, можетъ быть, подъ вліяніемъ примѣра Львова, издавашаго въ 1794 году своего *Анакреона*, которымъ послѣ и Державинъ пользовался какъ пособіемъ для торжества надъ самонадѣяннымъ соперникомъ. Насколько особенныя черты эпохи могли благоприятствовать распространенію въ литературѣ анакреонтическаго направленія, предоставляемъ судить самому читателю.

Въ дополненіе къ нашему общему примѣчанію объ Анакреонѣ (см. выше стр. 46) приведемъ мнѣніе о немъ извѣстнаго французскаго писателя Вильмена. Не оспаривая выводовъ германской критики, онъ однакожь предостерегаетъ противъ преувеличеній и выражаетъ догадку, не дошли ли до насъ отъ Анакреона самыя *долговѣчныя* стихотворенія, т. е. тѣ, которыя были въ высшей степени массамъ (*les plus vulgaires*): «къ нимъ же, быть можетъ, въ послѣдующія времена примѣшались подражанія, стоявшія ниже образца. Но едва ли и самъ образецъ не былъ такимъ поэтомъ,

* Эминъ ум. 8 января 1814 г. Онъ прежде служилъ въ Петрозаводскѣ экзекуторомъ при Державинѣ, а впоследствии былъ въ непріязненныхъ съ нимъ отношеніяхъ и въ началѣ нынѣшняго столѣтія занималъ мѣсто выборгскаго губернатора. По смерти Эмина Державинъ забылъ прошлое и хлопоталъ о назначеніи вдовѣ его пенсіи (см. письмо А. С. Шишкова къ Держ. отъ 9 марта 1814 г.). Эминъ былъ женатъ на сестрѣ драматическаго писателя Хмѣльницкаго; отъ этого брака родилась Вѣра Николаевна, въ замужствѣ Ростовцева (супруга покойнаго графа Якова Ивановича). На книжку Эмина *Подражанія древнимъ* указано съ похвалою въ *Вѣстникѣ Европы* (ч. III) 1810 г., № 13, стр. 64. Какъ образчикъ приведена тамъ выписанная нами выше, стр. 85, пьеса *Амуръ уязвленный пчелою*.

** Исчислимъ Анакреоновскія оды, встрѣчающіяся у того и другаго, отличая курсивомъ заглавія ихъ у Державина: *Лира* — *Къ Лирѣ* (см. выше стр. 85); *Женщины* — *Къ женщинамъ* (стр. 79); *Ода III* — *Купидонъ* (стр. 44); *Амуръ побѣдитель* — *Бой* (томъ I, стр. 532); *На вкусы* — *Богатство* (см. выше стр. 112); *Портретъ любовницы* — *Ангеликъ Кауфманъ* (томъ I, стр. 461); *Желанія* — *Шуточное желаніе* (см. ниже подъ 1802 г.); *Амуръ въ оковахъ* — *Планикъ* (подъ 1802 г.); *Амуръ уязвленный пчелою* — *Вечеринъ судъ* (стр. 83); *Роза* — *Лирѣ, похвала розы* (подъ 1802 г.).

который пьянствовал и остался суетнымъ до старости». Во всякомъ случаѣ Вильменъ допускаетъ, что хоть нѣкоторыя изъ Анакреоновскихъ одъ принадлежать древнему Анакреону (*Essais sur le génie de Pindare*, Парижъ, 1859, стр. 171).

Въ Об. Д. пьеса *Вянецъ безсмертія* отнесена къ 1802 году. Между тѣмъ въ трехъ рукописяхъ она переписана въ ряду сочиненій 1798. При изданіи *Анакреонт. пьесей* 1804 вздумалось поэту помѣстить ее въ концѣ ихъ (стр. 155), какъ приличное заключеніе тома, означеннаго именемъ прославляемаго ею пѣвца. Когда, по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, Державинъ диктовалъ свои *Объясненія*, то онъ, по видимому, забылъ настоящее время сочиненія этихъ стиховъ и отмѣтилъ ихъ четырьмя годами позже чѣмъ слѣдовало*. Во второй разъ они были напечатаны въ изд. 1808 г., ч. III, сѣхш.

² Ваенлъ прекрасный.

Βαενλλος, юноша, котораго имя не разъ встрѣчается въ Анакреоновскихъ одахъ. Замѣчательно однакожъ, что его вовсе нѣтъ въ отрывкахъ, достовѣрно принадлежащихъ древнему Анакреону, хотя изъ нихъ и видно, что красавцы мальчики составляли одну изъ принадлежностей великолѣпнаго Поликратава двора: Смердѣй, Мегистъ, Клеубулъ, упоминаются какъ прелестные любимцы пѣвца нѣги и веселья. О Ваенлѣ Евгевій Бугларъ замѣчаетъ: «На счетъ его есть кое-какія повѣсти, которыхъ женщины его времени ни ему, ни Анакреону не прощали...» (*Анакреонтъ*, перев. Львова, стр. 82).

³ Но онъ покоя, любовь, свободу и проч.

Изъ этихъ словъ можно бы заключить, что Анакреонъ не принималъ царскихъ приглашеній; но извѣстно, что онъ послѣ смерти Поликрата занялъ такое же положеніе при дворѣ Гишпарха въ Аениахъ. При всемъ томъ справедливо, что въ такихъ, для таланта неблагопріятныхъ, а часто и гибельныхъ обстоятельствахъ, посреди придворной атмосферы и великосвѣтской жизни, Анакреонъ удивительнымъ образомъ сберегъ всю свободу своей здоровой и гибкой іонической натуры. «Чувственный міръ съ своими благами составляетъ душу его жизни, непоколебимую основу и вѣру его поэзіи; въ этомъ мірѣ вращается онъ съ величайшею легкостью и увѣренностью; наслажденія и тихія радости, предлагаемыя ему настоящимъ, прелесть юношей и красота дѣвъ, удовольствія общества, богатые пиры съ играми и музыкой и легкимъ похмѣльемъ, все это умѣетъ онъ цѣнить реалистическимъ умомъ и обращаетъ въ свое достояніе: никогда темныя стороны и утраты человѣческой жизни его не тревожатъ, даже не приходятъ ему на память» (Берпгарди, стр. 608 и слѣд.).

* Вслѣдствіе этого показанія трудно было опредѣлить время, когда составила рукопись Казанскаго университета. Одна изъ послѣднихъ въ ней пьесъ есть *Вянецъ безсмертія*, и мы, основываясь на словахъ Державина объ этомъ стихотвореніи, полагали сперва, что рукопись кончена въ 1802 г. (см. т. I, Предисловіе, стр. XIII). Такъ какъ однакоже всѣ другія содержащіяся въ ней пьесы писаны въ 1797 и 1798 г., то по соображеніи всѣхъ обстоятельствъ мы пришли къ убѣжденію, что она составила вся въ теченіе этихъ двухъ лѣтъ.

⁴ ... пѣвецъ тійскій.

Форма прилагательнаго тійскій не такъ произвольна, какъ можетъ показаться по ея отношенію къ имени *Теосъ*; она образована изъ весьма употребительнаго греческаго и латинскаго ὁ Τίτος Tetus) по другому произн. τίτις), которое перешло и въ нѣмецкій языкъ. Поэтому и Львовъ называетъ Анакреона тійскимъ. То же относится къ прилагательному *лесбійскій*. Впрочемъ первое нынче замѣнилось болѣе понятнымъ для насъ *теосскій*.

42. СТРЕЛОКЪ¹.

1799.

Я охотникъ былъ измлада 1
 За дичиною гулять:
 Меду сладкаго не нада,
 Лишь бы въ полѣ пострѣлять^а,
 На лету я птицъ пернатыхъ, 2
 Гдѣ завидѣлъ, тутъ стрѣлялъ;
 Въ нехохлатыхъ и хохлатыхъ^б,
 Лишь прицѣлилъ, попадалъ.
 Но вечеръ вдругъ повстрѣчалась 3
 Лебедь бѣлая со мной:
 Вмигъ крылами размахалась,
 И пошла ко мнѣ на бой^в.
 Хвать въ колчанъ ... анъ стрѣль ужъ нѣту: 4
 Лукъ опущенъ; сталъ я въ пень.
 Ахъ, беречь было монету
 Бѣлую на черный день!

^а Лишь бы въ поле — да стрѣлять (1804).

^б Не въ хохлатыхъ и въ хохлатыхъ.

^в И пошла со мной на бой.

¹ Написано на сенатора Алексѣя Логиновича Щербачева, любителя вѣги и роскоши (*Об. Д.*)*. Изъ одной записки жены Державина, отъ 18 января 1799 г., видно, что эта пьеса, только что написанная, была отправлена ею къ Н. А. Львову съ припискою самого поэта: «Вотъ, братецъ, какія сочиняетъ пѣсни лебедь бѣлая моя; какія твоя поеть?» На оборотѣ листа замѣтка Львова: «Отвѣтъ мой у Г. Р. (*Гаврила Романовича*) списать; у меня не осталось, послалъ чтѣ написалъ.» Однакожь этого отвѣта въ бумагахъ Державина не отыскалось.

Напечат. въ *Анакр. тѣмляхъ* 1804 г., стр. 91, и въ изд. 1808, ч. III, глп.

* О немъ говорится и въ *Записк. Держ.* (Р. В., стр. 354 и 355).

43. ОРЕЛЬ¹.

Носитель молніи и грома 1
 Всесильнаго Петрова дома!
 Куда несешься съ высоты?
 Принявъ^а перуны въ когти мочны,
 Куда паришь, Орель полночный,
 И на кого ихъ бросишь ты?
 Еще ль, по манію Беллоны, 2
 Стремись въ прахъ низвергнуть троны,
 Братъ царства, королей плѣнить? —
 Нѣтъ, нѣтъ! предъ Павла знаменами
 Ты съ росскими летишь полками
 Престола падши возносить.
 Гряди спасать царей, Суворовъ³, 3
 Избавить царства отъ раздоровъ
 И власть въ порфиру облещи;
 Соименитому герою
 Подобно, ты^б рожденъ судьбою
 Коварства узелъ разсѣщи⁴.
 Гряди, Алкидъ, на гидру дерзку⁵, 4
 Смири ея ты лютость звѣрску,
 Спаси отъ бѣды вселенну вновь.
 Ужасно жалъ ея сверканье,
 Тлетворно, пагубно дыханье,
 И смертно ядовита кровь.
 Но ты одѣтъ въ броню негнѣну, 5
 Въ надежду, вѣру несомнѣнну,
 Любовью высренней^в горишь⁶;
 Полкъ Ангелъ предъ тобой сомкнется —
 И зло тебѣ не прикоснется;
 Рога ты буйству сокрушишь.
 Съ тобою Богъ идетъ — и Россы, 6
 Во знаменье побѣды, колоссы
 Воздвигнуть по твоимъ слѣдамъ;
 Слухъ пройдетъ въ позднее^г потомство:
 «Тобой стеръ Павелъ вѣроломство
 И скиптры возвратилъ царямъ».

^а Пріавъ ... (1798—1799).

^б Подобень ты ...

^в ... искренней ...

^г ... позднее ...

(Такъ, впрочемъ, и въ изд. 1808 г.).

¹ Въ февралѣ 1798 года Суворовъ прїѣзжалъ изъ своей ссылки въ Петербургъ по вызову императора Павла; но, не смотря на милостивый прїемъ, недѣли черезъ три отправился назадъ въ свое новгородское имѣніе (см. выше стр. 27, примѣч. 13, и 86, примѣч. 2). Вскорѣ послѣ того нашъ чрезвычайный посолъ въ Вѣнѣ, графъ Андрей Кириловичъ Разумовскій, извѣстилъ Государя, что тамошній дворъ, назначивъ эрцгерцога Иосифа, палатина венгерскаго, предводителемъ союзной арміи для войны съ Французами въ Италіи и затрудняясь въ избраніи опытнаго ему помощника, остановилъ свое вниманіе на Суворовѣ, какъ на полководцѣ, который въ предыдущую турецкую войну успѣлъ пріобрѣсти уваженіе и довѣріе Австрійцевъ. Вслѣдствіе того, въ началѣ февраля 1799 г., флигель-адъютантъ Толбухинъ привезъ Суворову собственноручное письмо Государя, которое оканчивалось словами: «... при теперешнихъ европейскихъ обстоятельствахъ долгомъ почитаю не отъ своего только лица, но отъ лица и другихъ предложить вамъ взять дѣло и команду на себя и прибыть сюда для отъѣзда въ Вѣну». Суворовъ поспѣшилъ явиться къ Государю; въ самый день прибытія въ Петербургъ онъ былъ принятъ въ службу, но безъ отданія о томъ приказа*, и пожалованъ орденомъ св. Іоанна Іерусалимскаго (см. выше стр. 142). Черезъ двѣ недѣли онъ отправился въ Вѣну. По этому случаю и написано стихотвореніе *Орель*.

Напечат. въ *Аонидахъ* 1798—1799 года (кн. III, стр. 208), съ подписью *Державинъ*, подъ заглавіемъ: Стихи на случай отбытія графа Суворова Римникскаго въ Австрію, 1799 февраля дня*. Вслѣдъ за этою пьесою помѣщены въ *Аонидахъ* стихи Капниста на прибытіе Суворова въ Петербургъ. Она напечатана также въ *Новостяхъ* (Ш. Голубкова) за май 1799 г., стр. 11, почти подъ тѣмъ же заглавіемъ, но безъ подписи, слѣдовательно, по всей вѣроятности, прежде тѣмъ въ *Аонидахъ*; въ изд. 1808 г. см. ч. II, ххv.

² Носитель молніи и грома.

Ср. съ 3-мъ стихомъ 5-й строфы оды *На рожденіе в. кн. Михаила Павловича* (см. выше стр. 94).

³ Гряди спасать царей, Суворовъ.

При представленіи Императору Суворовъ, услышавъ его волю, палъ предъ нимъ на колѣни и сказалъ словами псалма: «Господи, спаси царя!»**. Государь отвѣчалъ ему: «Ты иди спасать царей!» (*Об. Д.*). Объ этомъ

* Рескриптъ объ отправленіи Суворова подписанъ 13 февраля. По словамъ Фукса, С. «не хотѣлъ, чтобы въ приказахъ объявили о вторичномъ принятіи его въ службу».

** Въ концѣ псалма 19: «Господи! спаси царя и услыши насъ, когда мы зываемъ къ Тебѣ» (Псалтирь, Спб. 1822).

разговорѣ такъ рассказываетъ Фуксъ: «Государь изволилъ возложить на него большой крестъ св. Иоанна Иерусалимскаго. Суворовъ палъ на колѣна и съ простертыми къ небу руками воскликнулъ: Да спасетъ Богъ Царя! — Да спасетъ Богъ тебя для спасенія царей! отвѣтствовалъ Императоръ» (*Исторія російско-австрійской кампаніи*, Спб. 1825, ч. I, стр. 4). Шишковъ, передавая также этотъ разговоръ, прибавляетъ, что Суворовъ, отправляясь вслѣдствіе того въ походъ, сказалъ: «Я пѣлъ басомъ (т. е. у себя въ деревнѣ на крылосѣ), а теперь буду пѣть барсомъ» (*Соч. А. Шишкова*, ч. XIV, стр. 161).

⁴ ... Коварства узель разсѣщи.

Намекъ на Гордіевъ узель, разрубленный соименнымъ Суворову Александромъ Великимъ (*Об. Д.*).

⁵ Гряди, Алкидъ, на гидру дерзку.

Сравненіе революціи съ гидрой не въ первый разъ встрѣчается здѣсь у Державина. См. выше стр. 126.

⁶ Любовью выпрненной горишь.

«Чувство благочестія, одушевлявшее Суворова во всю жизнь, породило въ немъ непримиримую ненависть къ французской революціи. Ея поборниковъ считалъ онъ людьми зачумленными и ими гнушался всѣми силами своей мощной души» (*Исторія войны съ 1799 году*, т. I, стр. 137).

44. ПѢНОЧКА¹.

Пѣночка! какъ ты проснешься,	1
Вспрянешь, взглянешь, встрепенешься,	
Носикъ, шейку оботрешь:	
Про кого ты запоешь?	
Запоешь про солнце красно,	2
Запоешь ты про зарю,	
И какъ вѣрно, нѣжно, страстно	
Мной ты ^a , я тобой горю.	
Пой, созданіе любезно,	3
Какъ взаимно страстью нѣжно	
Млѣть сердце, чувства, кровь,	
Какъ сладка, сладка любовь;	
Какъ отраднo утѣшенье	4
Съ тѣмъ, кто миль, всечасно быть;	
Какъ пріятно восхищенье	
Быть любиму и любить!	

^a Ты мной ... (1804).

¹ «Сочинена во снѣ и положена на бумагу въ тотъ часъ, какъ проснулся» (Об. Д.) При черновой редакціи означено 11 февр. 1799.

Напечат. въ *Анар. пѣсняхъ* 1804 г., стр. 92, и въ изд. 1808, ч. III, глв.

45. РУССКІЯ ДѢВУШКИ ¹.

Зрѣлъ ли ты, пѣвецъ тинскій ^а,
 Какъ въ лугу весной бычка
 Пляшутъ дѣвушки россійски
 Подъ свирѣлью ^б пастушка;
 Какъ, склоняся главами, ходятъ, 5
 Башмачками въ ладъ стучать ^в,
 Тихо руки, взоръ поводятъ
 И плечами говорятъ;
 Какъ ихъ лентами златыми
 Чела бѣлыя ^г блестятъ, 10
 Подъ жемчугами драгими
 Грудн нѣжныя дышатъ;
 Какъ сквозь жилки голубыя
 Лется розовая кровь ^д, 15
 На ланитахъ огневья
 Ямки врѣзала любовь;
 Какъ ихъ брови соболины,
 Полный искръ соколій взглядъ,
 Ихъ усмѣшка — души лвыны ^е
 И орловъ сердца разятъ? 20
 Колю бы видѣлъ дѣвъ сихъ красныхъ ^ж,
 Ты бѣ Гречанокъ позабылъ
 И на крыльяхъ сладострастныхъ
 Твой Эротъ прикованъ былъ.

^а Видѣлъ ли, пѣвецъ тинскій,
 Въ хороводахъ какъ бычка (Первонач. рукоп.).

^б По свирѣли .

^в Башмачками тихо въ ладъ,
 Бѣлы руки ..

^г Чела важныя ...

^д Розовый по лицамъ сокъ
 И изъ косточекъ въ другія
 Переходитъ огонекъ.

^е Виигъ стрѣлами души лвыны

^ж Еслибъ видѣлъ сихъ прекрасныхъ.

¹ Изъ черновыхъ рукописей видно, что отдѣлка этой пьесы, особенно во второй ея половинѣ, стоила поэту много труда. Она напечат. въ *Анакр. пьесахъ*, стр. 93, и въ изд. 1808, ч. III, LV.

О формѣ слова *тисскій* см. выше стр. 153; о самомъ же Анакреонѣ — стр. 46 и 150.

46. ПѢСНЬ БАЯРДА ¹.

Сладостное чувство томленье, 1

Огнь души, цѣпь изъ цвѣтовъ!

Какъ твое намъ вдохновенье

Восхитительно, Любовь!

Нѣтъ блаженнѣе той части,

Какъ быть въ плѣнѣ милой власти,

Какъ взаимну цѣпь носить,

Быть любиму и любить.

Умвожайся пламень нѣжный 2

Подъ желѣзной латой сей;

Печатлѣйся видъ любезный

Въ мысляхъ и душѣ моей!

Нѣтъ блаженнѣе той части,

Какъ быть въ плѣнѣ милой власти,

Какъ взаимну цѣпь носить,

Быть любиму и любить.

Въ бой иду, не ужасаюсь: 3

Честь любезной отомщу.

Сobleщите, — ополчаюсь! —

Молнии, моему мечу!²

Нѣтъ блаженнѣе той части,

Какъ быть въ плѣнѣ милой власти,

Какъ взаимну цѣпь носить,

Быть любиму и любить.

¹ «Сочинена по случаю оперы, игранный предъ императоромъ Павломъ» (Об. Д.). Не въ связи ли упомянутая здѣсь опера съ драмою Коцебу *Баярдъ*? Трагедія Дебеллуа * *Gaston et Bayard* была въ первый разъ играна въ Петербургѣ 6 января 1800 г. (см. *Collection des tragédies, comédies et opéras, représentés sur les théâtres impériaux* и проч. С.-Петербургъ, 1805 г., 42 тома безъ нумераціи и оглавленія).

* См. о немъ въ томѣ IV, въ примѣч. къ отрывкамъ изъ драматическихъ переводовъ Державина.

Это опять одно из стихотворений, написанных съ намѣреніемъ безъ буквы *p* (см. выше стр. 81).

Напечат. въ *Анакр. пѣснь* 1804 г., стр. 94, и въ изд. 1808, ч. III, LVII.

² ... Молны, моему мечу.

Подражаніе стиху Ломоносова, ода 15, строфа 8: «Соблещеть молнія мечу».

47. ВАРЮША ¹.

Какъ, Варюша, ты прекрасна! 1
 Если не изъ сердца страстна ^а,
 А изъ дружбы лишь одной
 Я, писавши образъ твой,
 Написалъ тебя зарею ²:
 То моложе ^б еслибъ былъ,
 Я бы съ пламенной душою
 Въ тебѣ солнце находилъ.
 Написалъ бы, какъ въ диванѣ ³ 2
 Въ голубомъ твоёмъ тюрбанѣ
 Ты сидишь и, для красы
 На чело спустя власы,
 Всѣхъ улыбкою любезной
 Вмигъ умѣешь полонить ^в:
 Должно быть душѣ желѣзной,
 Чтобъ, взглянувъ, не полюбить ^г.
 Гдѣ, сокровище такое, 3
 Толь прелестное, драгое,
 Толь блистающій алмазъ!
 Былъ ты скрытъ отъ жадныхъ глазъ
 Бриліантщика младаго,
 Что купить тебя не могъ?
 Онъ отъ глазъ бы свѣта злаго
 Спряталъ, залерь за замокъ ^л.
 Не продажный, но завѣтный 4
 Ты жемчугъ цѣны несмѣтной,
 И нельзя тебя купить,
 Кучей злата замѣнить ^е;
 А чтобъ правиться прекрасной
 И плѣнить тебя кто могъ,

Нуженъ мальчикъ нѣжный, страстный,
Взглядъ любви, — крылатый богъ.

^a Не изъ сердца если страстна (1804).

^b Но моложе . . .

^в . . . находить (Первонач. рукоп.).

^г Чтобъ взглянуть и не любить (1804).

^д Тебя спрятавъ на замокъ.

— Въ скрынку заперъ на замокъ (Первонач. рук.).

^e . . . оцѣнить . . .

— заплатитъ.

— получить.

¹ Какъ уже было сказано при стихотв. *Портретъ Варюши* (см выше стр. 115), это имя означаетъ дѣвицу Варвару Михайловну Бакунину, одну изъ сестеръ, жившихъ въ домѣ Державина. Оно напечат. въ *Анакр. пѣсняхъ* 1804, стр. 96, подъ заглавiемъ *Варюша*, и въ изд. 1808, ч. III, LVII.

² Написалъ тебя зарею —

т. е. въ пьесѣ *Портретъ Варюши*.

³ Написалъ бы, какъ въ диванѣ . . .

Диваномъ называлась въ домѣ Державина гостиная, гдѣ собирался семейный кружокъ. Спускать прядь волосъ на лицо было тогда модою.

48. РОЖДЕНИЕ ЛЮБВИ¹.

Опоясанна цвѣтами

Сходить къ намъ съ небесъ Весна,

И младыми красотами

Улыбаётся она.

Улыбнулась — и явились

Розы и лилеи въ свѣтъ,

Благовонья оживились,

Возблисталъ на листьяхъ медъ,

И по рошамъ разгласилось

Хохотаньемъ эхо вновь;

Радость, счастье водворилось:

Намъ родилася Любовь!

¹ Написано въ Павловскѣ на рожденiе великой княжны Марiи Александровны, старшей дочери императора Александра I. Она родилась 17 мая 1799, умерла 27 iюля 1800 года. Послѣ того у Александра Павловича въ концѣ 1806 г. родилась еще дочь, Елисавета, но и она жила менѣе двухъ лѣтъ (см. оду на ея рожденiе).

Напечат. въ *Анакр. тѣснѣхъ* 1804 г., стр. 35, и въ изд. 1808, ч. III, XII.
Сверхъ этой пѣснки Державинъ по тому же случаю написалъ *Прологъ аллегорическій на рожденіе въ Стверь Любви*: см. между драматическими его сочиненіями.

49. ГОРКИ¹.

Сегодня мы твое рожденье
Пируемъ въ Горкахъ и Горахъ;
За здравье пьемъ и въ восхищенъѣ
Тебѣ желаемъ всякихъ благъ,
А тожь и твоему супругу,
Чтобъ долго и пріятно жить,
И недругу давать и другу
Пиры, забавы, — ѣсть и пить².

¹ *Горки*, нынѣ уѣздный городъ, въ то время обширное мѣстечко Могилевской губерніи, въ 120 верстахъ къ сѣверовостоку отъ Могилева, на возвышенныхъ берегахъ рѣки Прони (Геогр.-статистич. Словарь П. Семенова, Спб. 1863).

Это мѣсто, такъ какъ и *Горы* (см. слѣдующее стихотв.), принадлежало гр. Соллогубу, женатому на дочери Льва Александровича Нарышкина. Державинъ ѣздилъ въ Бѣлоруссію, по повелѣнію императора Павла, для изысканія мѣръ къ отвращенію голода и для изслѣдованія причинъ бѣдственнаго положенія тамошнихъ поселянъ (*Записки его, Р. Б.*, стр. 407 и слѣд.).

Пьеса *Горки* была написана въ день рожденія, 12 іюля, матери хозяйевъ, Маринны Осиповны Нарышкиной, рожденной Закревской (томъ I, стр. 503).

Напечат. въ *Анакр. тѣснѣхъ* 1804 г., стр. 86, и въ изд. 1808, ч. III, XLIX.

² Пиры, забавы, — ѣсть и пить

«Извѣстно, что Л. А. Нарышкинъ охотникъ былъ угощать всякаго рода людей» (*Об. Д.*; ср. томъ I, стр. 503).

50. ГОРЫ¹.

Желалъ бы вѣкъ я быть съ жидовочкой прекрасной,
Чтобъ въ Горкахъ и Горахъ съ ней время проводить;
Но вмѣсто я того, по волѣ царской, властной,
Обязанъ истину въ толпѣ крестьянъ слѣдить.
Оставя арфы звукъ, гитары, фортепяна,
Волшебный гласъ ея и пляску казачка,

5

Я долженъ разыскать, какъ чернь была вся пьяна,
 Какъ земскому суду угладила бока;
 И словомъ, всякій день подобнымъ занимаясь,
 Лишь въ мысляхъ красоты жидовочкины зрѣть; 10
 Талантовъ тысячью и прелестями плѣвляясь,
 Бекасами ея лишь — сыту быть умѣть.

¹ *Горы* — казенное мѣстечко Могилевской губерніи чаусовскаго уѣзда при рѣкѣ Быстрой, недалеко отъ названнаго въ предыдущей пьесѣ селенія *Горки*.

Написано 22 іюля въ *Горкахъ*, гдѣ Державинъ находился по тому поводу, что ѣздилъ на слѣдствіе въ сосѣднюю деревню Березатню, принадлежавшую графу Полье*. Возвращаясь отсюда однажды ночью въ домъ графини Соллогубъ (см. примѣч. къ предыдущей пьесѣ), онъ былъ встрѣченъ ея дочкой (что вполнѣствіи была княгиня Голицына), которая «изъ шутки перерядясь въ жидовское платье, поднесла автору нѣсколько стрѣляныхъ бекасовъ» (*Об. Д.*).

Напеч. въ *Анар. тѣснѣхъ* 1804 г., стр. 85, и въ изд. 1808, ч. III, XLVIII.

² Лишь въ мысляхъ красоты жидовочкины зрѣть.

Жидовочкою названа здѣсь дочь красавицы графини Натальи Львовны Соллогубъ (рожденной Нарышкиной), именно Катерина Ивановна, которая, во время коронаціи Александра I вышла за князя Григорія Сергѣевича Голицына (сына Сергѣя Ѳедоровича, см. томъ I, стр. 159). «Она была изъ числа тѣхъ женщинъ, кои къ чести прежняго времени и къ стыду настоящаго, встрѣчались тогда чаще чѣмъ нынѣ: ихъ образцомъ была императрица Елисавета Алексѣевна. Приятности лица молодой княгини Голицыной были ничто въ сравненіи съ ея скромною любезностію: не повидавъ земли, она все казалась на дорогѣ къ небу, и еслибы могла быть убыль въ Ангелахъ, то я увѣренъ, что изъ такихъ существъ дѣлали бы ихъ новый выборъ» (*Воспом. Вицеля, Р. Вѣстн.* 1864, № 4, стр. 536).

51. ВИША¹.

Сей день усыпали цвѣтами
 Младья дѣвы ложе мнѣ
 И тихихъ пѣсенъ голосами
 Восхитили мой духъ во снѣ.
 Казалось, за ними слѣдомъ
 Я по лугамъ, лѣсамъ ходилъ

5

* Такъ напечатано это имя, въ изданныхъ Ѳ. Львовымъ *Обясненіяхъ*; въ подлинной же тетради Державина, писанной Е. Н. Львовой, *Поме*, — вѣроятно ошибка.

И, съ лигъ златымъ питаюсь медомъ,
 Благоуханный воздухъ пиль,
 Близъ водъ жилъ въ полѣ елисейскомъ,
 Веселостей вкушая тьму; 10
 Но, вставъ, увидѣлъ: въ миломъ сельскомъ
 Твоемъ, Жуковскій, я дому.

¹ Виша — маленькая деревня Жуковского* въ Могилевской губерніи, недалеко отъ Горь (см. предыдущее стихотв.). Державинъ гостилъ и тамъ во время своего путешествія въ Бѣлоруссію.

Стихи эти нѣсколько напоминаютъ VIII (35) Анакреоновскую оду: *“Ovar (Сонъ или Видѣніе)*. Замѣтимъ, что это опять одна изъ тѣхъ пѣстей, изъ которыхъ съ намѣреніемъ изгнана буква р (см. выше стр. 81).

Напечат. въ *Анакр. пѣсняхъ* 1804 г., стр. 87, и въ изд. 1808, ч. III, л.

52. БРАТСКОЕ СОГЛАСІЕ¹.

Коль красно зрѣлище, пріятно²,
 Гдѣ вкупѣ братія живетъ!
 Благоуханье ароматно
 Какъ на браду съ главы течеть,
 Браду почтенну Аарона, 5
 Струясь на ометы ризъ⁶;
 Или Синая и Эрмона
 Когда верхи, преклоншись внизъ,
 Багрянымъ серебромъ сверкаютъ,
 И каплетъ на цвѣты роса: 10
 Такъ ввѣкъ на домъ ихъ низливаютъ
 Благословенье Небеса.

² Коль зрѣлище красно, пріятно, (Рукоп. и 1811)

Гдѣ мирно общество живетъ (Рукоп.).

⁶ Струящуся на борты ризъ.

— Струящусь на ометы ризъ (1811).

¹ Изъ псалма 132. Написано въ Шеловѣ, напечат. въ изд. 1808 г., ч. II, vi. Перепеч. въ *Разсужденіи о лирич. поэзии*, какъ примѣръ кратко-

* Въ Бѣлоруссіи много Жуковскихъ, имѣющихъ тамъ помѣстья. Знаменитый поэтъ, родясь въ домѣ Бунина, получилъ фамилію по одному изъ нихъ, гостившему въ то время въ Мишенскомъ близъ Бѣлева (слыш. отъ П. И. Бартенева). — О владѣльцѣ Виши ничего ближайшаго не извѣстно.

сти (*Чтен. съ Бес. люб. р. сл.* 1811, кн. II, стр. 58). Въ первоначальной рукописи заглавіе пьесы было: *Мирное общество*.

53. МЕЛЬНИКЪ¹.

Вечоръ мнѣ красныя дѣвицы
 Мѣшокъ пшеницы принесли:
 «Вѣдь расклюютъ же даромъ птицы;
 Возьми, старинушка, смели».
 Бѣла пшеница и румяна, 5
 И такъ была полна зерномъ,
 Что вмигъ пришла охота рьяна:
 Я ну молоть всѣмъ животомъ.
 Мололъ я пристально, трудился,
 Ночь цѣлую провелъ безъ сна; 10
 Но что жъ? — какъ ни потѣлъ, ни бился,
 Не раскололъ я ни зерна.
 Смѣясь мнѣ дѣвушки въ назолу,
 Пеняли: «Что жъ не мелешь, дѣдъ?»
 — «А вы», сказала я, «для помолу 15
 Припли, какъ жерновъ не беретъ».

¹ Написано въ *Горахъ* для шутки на Федора Михайловича Колоколькова, съ которымъ Державинъ былъ давно въ пріятельскихъ отношеніяхъ и о которомъ часто упоминаетъ въ своихъ *Запискахъ* (Р. Б., стр. 300, 313, 315, 317, 489 и 490). Въ послѣдніе годы царствованія Екатерины II Колокольниковъ былъ старшимъ оберъ-прокуроромъ въ Сенатѣ и исправлялъ, во время болѣзни кн. Вяземскаго, должность генералъ-прокурора; впоследствии онъ былъ сенаторомъ и дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ. Императоръ Александръ I пожаловалъ его (15 сент. 1801 г.) въ бароны. Ум. 1818. Дочь его Екатерина, противъ желанія отца, вышла замужъ за извѣстнаго писателя Михаила Никитича Муравьева (род. 1757, ум. 1807).

Напечат. въ *Анакр. пѣсняхъ* 1804 г., стр. 88, и въ изд. 1808, ч. III, сл.

54. НА КОНЧИНУ ЕКАТЕРИНЫ II И НА ВОСНЕСТВІЕ НА ПРЕСТОЛЪ ПАВЛА I¹.

Простря крылѣ, Екатерина 1
 Лишь вознеслася къ Богу въ свѣтъ,
 Увы! упала съ насъ корона,
 И матери народовъ нѣтъ!

Защитницы нѣтъ, равной львицѣ,¹
 И въ скорби лишь отрада намъ,
 Что въ домъ она свой возвратилась, 2
 Въ домъ Ангеловъ, вкусить свой трудъ;
 Что по себѣ не только славу
 Оставила, но Божій даръ,
 Отца отечества намъ — Павла:
 Коль львица мать была, — сынъ левъ!
 Богъ силъ въ тебѣ! рожденъ ты мудрымъ; 8
 На правдѣ утвердилъ свой тронъ;
 Щедротъ и милостей льешь рѣки;
 Твой домъ — домъ мира; садъ — сыны;
 Златый вѣнецъ — супруга, дщери:
 Се друга Божья, смертныхъ — часть!
 На тронъ вступилъ ты и мгновенно 4
 Отеръ токъ слезъ со всѣхъ ланить;
 Твой мечъ въ полкахъ несчетныхъ блещеть
 Для мира больше и для благъ,
 Которы не изсякнутъ вѣчно.
 Ясна заря — и вечеръ свѣтлъ.
 Какъ новая звѣзда, возникнувъ, 5
 Лучи пріятны льетъ очамъ, —
 Живущи на нее всѣ смотрятъ;
 Такъ на тебя, всемогущій царь,
 Зритъ міръ, напастями угнетенный,
 И ждетъ, что усмиришь ты зло.
 Престолъ твой окруженъ морями; 6
 Межъ ихъ — языковъ тьмы: мольба
 Звучиѣй возносится, чѣмъ волны;
 Воззри! Израильтяновъ родъ
 Свои колѣна преклоняетъ:
 Ты жертву ихъ прими, какъ Богъ.

¹ Эта переводная ода сочинена въ подлинникѣ шкловскими Евреями и поднесена ими въ Москвѣ императору Павлу на еврейскомъ языкѣ и въ нѣмецкомъ переводѣ, сдѣланномъ въ Лейпцигѣ. Съ него переведена она Державиннымъ въ Шкловѣ при помощи русскаго подстрочнаго перевода и по объясненіямъ Евреевъ. Въ первоначальной рукописи это стихотвореніе названо *Похвальною пѣсню* и къ нему присоединено примѣчаніе: «Предлагаются здѣсь любопытнымъ охотникамъ російской сло-

вѣстности два сочиненія еврейскія *, русскими словами написанныя и по-русски переведенныя, для сравненія пропзношенія и звука словъ сихъ двухъ языковъ. Тонкое ухо можетъ почувствовать и примѣтить преимущество одного изъ нихъ передъ другимъ въ доброгласіи». Въ той же рукописи находится рядомъ съ русскимъ и еврейское заглавіе пѣсни.

Напечат. тогда же отдѣльно; потомъ въ изд. 1808 г., ч. II, хп.

55. ВВЕРЬ ¹.

Когда бъ владѣль я цѣлымъ міромъ,
Хотѣлъ бы вѣромъ симъ быть :
Всѣхъ прохладялъ бы я зефиромъ
И былъ бы всей вселенной щить;
А ты, махаясь, Хлоя, мною, 5
Отъ жара сильнаго дыша,
Какъ солнце бы цвѣла красою,
Моей бывъ тѣню хороша.

¹ Въ *Об. Д.* эта пьеска отнесена къ 1780 году; въ другой же рукописи послѣдняя редакція *Вьера* встрѣчается, посреди множества помарокъ, въ числѣ стиховъ 1799 г., подъ которымъ мы поэту и помѣстили ее. Между тѣмъ однакожь возникаетъ сомнѣніе, не есть ли цифра 1780, означенная при этомъ стихотв. въ *Обясненіяхъ*, описка вмѣсто 1807. Подъ 1799 годомъ въ упомянутой выше рукописи помѣщены все позднѣйшія редакціи стиховъ этого года. Къ заглавію *На озерѣ* прибавлено тутъ имя *Елисавета С.* . . . , но оно зачеркнуто и нельзя разобрать его вполне. Въ *Анакр. пѣсняхъ* этого стихотворенія нѣтъ, изъ чего можно заключить, что окончательно оно отдѣлано, во всякомъ случаѣ, только передъ изданіемъ 1808, гдѣ см. ч. III, сі.

56. НА ПОБѢДЫ ВЪ ИТАЛІИ ¹.

Ударъ во серебряный, священный, 1
Далеко-звонкій, Валка! щить:
Да громъ твой, эхомъ ^а повторенный,
Въ жилищѣ бардовъ воспумить. —
Встаютъ. — Сто арфъ звучать струнами;
Предъ ними сто дубовъ горять ²;
Отъ чаши круговой зарями
Сѣдыя чела въ тмѣ блистять.

* По рукописямъ не видно, какое тутъ разумѣется другое сочиненіе.

Но кто тамъ, бѣлыхъ волнъ туманомъ 2
 Покрытъ по персямъ, по плечамъ,
 Въ стальномъ доспѣхѣ свѣтитъ рдяномъ,
 Подобно ^б синя моря льдамъ?
 Кто, на копье склоняся главою,
 Событѣ слушаетъ время? —
 Не тотъ ли, древле что войною
 Потрясъ парижскихъ твердость стѣнъ ^в?
 Такъ; онъ плѣняется гѣвцами, 3
 Поющими его дѣла,
 Смотря, какъ блестятъ битвъ лучами
 Сквозь тму время его хвала.
 Такъ, онъ! — Се Рюрикъ торжествуетъ
 Въ Валкалѣ звукъ своихъ побѣдъ ^д
 И перстомъ долу показываетъ
 На Росса, что по немъ идетъ. 4
 «Се мой», гласитъ онъ, «воевода,
 Воспитанный въ огняхъ, во льдахъ ^е,
 Вождь бурь полночнаго народа,
 Девятый валъ въ морскихъ волнахъ ^ж,
 Звѣзда, прешедша міра тропы ^з, —
 Которой слѣдъ огня черты, —
 Мечъ Павловъ, щитъ царей Европы,
 Князь славы ^и!» — Се, Суворовъ, ты!
 Се ты, вѣковъ явленье чуда ^к! 5
 Сбылось пророчество ^л, сбылось!
 Лучъ, возсіявшій изъ-подъ спуда,
 Герой мой вновь свой лавръ вознесъ!
 Уже вступилъ ^м онъ въ славны слѣды,
 Что древній витязь проложилъ;
 Ужъ водить за собой побѣды
 И лики сладкогласныхъ лиръ.

^а ... гуломъ ... (1799).

^б Подобномъ ...

^в ... явленье чудо!

^г ... ступилъ ...

¹ Написано по полученіи первыхъ извѣстій объ успѣхахъ Суворова въ Итали: послѣ перехода черезъ Адду онъ 18/29 апрѣля торжественно

вступилъ въ Миланъ, а ода эта была готова уже 12 мая, какъ видно изъ рукописи съ слѣдующею отмѣткой: «Сія ода для напечатанія отъ спб. цензуры одобрена. 1799 года мая 12 дня. Михаилъ Туманскій». Сохранился и оттискъ тогдашняго отдѣльнаго изданія оды съ надписью поэта: «Другу моему Н. А. Львову». Вслѣдъ за тѣмъ ода эта была перепечатана въ июньской книжкѣ *Новостей* Голубкова (стр. 24), которыя начали появляться въ маѣ мѣсяцѣ того же года. Въ отдѣльномъ изданіи подъ стихами выставлено: *Державинъ*, но въ журналѣ никакой подписи нѣтъ. Заглавіе въ *Новостяхъ* такое: Ода на побѣды надъ Французами въ Италиі, одержанныя фельдмаршаломъ графомъ Суворовымъ Рымникскимъ 1799 года*. Въ изд. 1808 г. см. ч. II. xxvi. Сверхъ того эта ода почти вся перепечатана въ статьѣ П. А. Плетнева: *Финляндія въ русской поэзіи* въ нашемъ *Альманахѣ въ память двухсотлѣтняго юбилея Александровскаго университета*, Гельсингфорсъ, 1842 (стр. 174).

Какъ въ первомъ отдѣльномъ изд. оды, такъ и въ *Новостяхъ* помѣщено при ней слѣдующее примѣчаніе: «Ода сія основана на древнемъ сѣверныхъ народовъ баснословіи. Валка — небесная дѣва. Барды — пѣвцы боговъ и героевъ. Валкаль — рай храбрыхъ. По исторіи извѣстно, что Рюрикъ завоевалъ Нантъ, Бурдо, Туръ, Лимузенъ, Орлеанъ и по Севѣ былъ подъ Парижемъ». Для повѣрки этого см. частныя примѣч. къ одѣ.

Въ I томѣ было уже показано, что Державинъ въ 1790-хъ годахъ познакомился съ Оссианомъ и съ скандинавской поэзіей: влияние ихъ обозначилось въ одахъ *На взятіе Измаила и Варшавы*, *На кончину Ольги Павловны* и особенно въ *Водопадѣ* (см. тамъ стр. 251, 338, 453 и 460). Въ настоящемъ стихотв. мы опять встрѣчаемся съ образами и именами, заимствованными изъ этихъ двухъ источниковъ. Исполинскіе подвиги Суворова, такъ же какъ и величавая тѣнь Потемкина, сами по себѣ вызвали такое обращеніе къ міру древней сѣверной поэзи: къ тому присоединилось, можетъ быть, еще и то выставляемое г. Галаховымъ (*Ист. р. лит.*, т. I, стр. 520) обстоятельство, что Суворовъ любилъ читать Оссиана въ посвященномъ ему переводѣ Кострова (Спб. 1792). Такъ какъ впрочемъ ни та, ни другая область сѣверной поэзи не была для Державина предметомъ спеціальнаго изученія, то нельзя удивляться, если въ его заимствованіяхъ отсюда оказывается нѣкоторая неточность или смѣшеніе образовъ и сказаній. Между тѣмъ мы можемъ отчасти прослѣдить самыя источники, изъ которыхъ онъ почерпалъ свои свѣдѣнія по этой части. Съ одной стороны, его наставникомъ въ германской мнѣологіи издавна былъ Клопштокъ, у котораго встрѣчаюся и священные дубы и барды и Валгалла (оды: *Wingolf*; *Herrmann und Thusnelde*; *die Barden*); съ другой стороны, у него были въ рукахъ *Введеніе въ исторію датскую*, Маллета (Спб. 1785, см. нашъ томъ I, стр. 460) и Оссианъ въ переводѣ Кострова. Въ первой изъ этихъ книгъ (ч. I, стр. 74) онъ могъ наприм. прочесть слѣдующее: «Кромѣ сихъ двѣнадцати богинь находятся еще

* При отдѣльномъ же изданіи: «Ода на побѣды Французовъ въ Италиі фельдмаршаломъ» и проч.

«другія дѣвицы въ *Валлахъ*, или раю героевъ: они должны имъ служить «и называются *Валкириями*, и *Одинъ* (богъ войны) ихъ также употребляетъ и къ тому, чтобы избирать въ сраженіяхъ тѣхъ, которые должны «быть убиты, и дабы обратитъ побѣду на ту сторону, на которую ему «за благо покажется. Дворъ боговъ обыкновенно бываетъ подъ великимъ «дубомъ, и тамъ-то они чинятъ правосудіе». Далѣе: «Тѣ токмо, коихъ «кровь пролита была въ сраженіяхъ, могли надѣяться получить тѣ удо- «вольствія, какія имъ *Одинъ* приготовлялъ въ его дворцѣ *Валлахъ*» (стр. 87). — Щиты «у отличенныхъ воиновъ были... иногда... обложенные листоватымъ золотомъ или *серебромъ*»... Они иногда употреблялись «для устрашенія неприятеля, ударяя по нимъ»... (стр. 179).

Въ «Предисловіи» къ переводу Оссіана сказано между прочимъ: «Ко- «гда государь приуготовлялся къ войнѣ, то бардъ приходилъ въ полночь «въ пиршественную залу; онъ возглашалъ пѣсню военную и трикратно «призывалъ тѣни древнихъ своихъ героевъ, чтобы они взирали на под- «виги своихъ потомковъ; наконецъ, повѣсивъ царскій щитъ на дерево, «ударялъ въ него повременно остриемъ копія, продолжая пѣсню воен- «ную... Возвыситъ или повѣситъ на древо щитъ значило обыкновенно «то же, что начать войну» (стр. XXIX). У древнихъ Шотландцевъ при «всякихъ торжествахъ горѣлъ превеликій дубовый столпъ, называемый «отъ нихъ столпомъ пиршества» (XXXVII). Ниже увидимъ, что и сочи- «ненія Екатерины II служили Державину источникомъ понятій о норман- «скомъ мірѣ.

² Ударъ — — сто дубовъ горять.

«Древніе сѣверные народы или Варяго-Руссы возвѣщали войну и сби- «рались на оную по ударенію въ щитъ. А Валками назывались у нихъ «военныя дѣвы или музы» (Об. Д.). Изъ 1-го примѣчанія уже видно, что «имя *Валки* есть сокращеніе названія *Валкирій* (послѣднія были дѣйстви- «тельно воинскія дѣвы, но значенія музы не имѣли). Имя *Валки* Державинъ заимствовалъ у Екатерины II, которая гораздо прежде его, именно въ *Историческомъ представленіи изъ жизни Рюрика*, пьесѣ, изданной въ 1786 году, заставляетъ говорить Гостомысла (дѣйств. I, явл. 1): «Вы, «Валки! дѣвы, окружающія престолъ Перуна и помощницы Одина, при- «зываю васъ помянно» и проч. — «Барды сѣверныхъ народовъ — поэ- «ты, которые пѣснями своими возбуждали ихъ на брань» (Об. Д.). У древ- «нихъ сѣверныхъ народовъ были *скалды*, а не *барды*, которые принадле- «жали кельтійскому племени. «У сѣверныхъ народовъ было обыкновеніе «торжествовать ихъ побѣды подъ звукомъ арфъ при зажженныхъ дубахъ, «гдѣ и пили они круговую чашу» (Об. Д.) Ср. примѣч. 1.

³ Потрясъ парижскихъ твердость стѣнъ?

Мнимое историческое основаніе этого стиха указано самимъ Державинымъ (см. примѣчаніе 1). Въ упомянутомъ уже нами драматическомъ сочиненіи императрицы Екатерины находится слѣдующее мѣсто (дѣйств. II, явл. vi). Отецъ Рюрика, Людбратъ, встрѣчаетъ на морскомъ берегу Швеціи сыновей своихъ, «возвращающихся со славою изъ походовъ въ полуденныхъ краяхъ Европы», и говоритъ имъ: «Разскажите мнѣ хотя

короткими словами походъ вашъ во Францію». — Рюрикъ: «Сперва завоевали мы города Нантъ и Бурдо, потомъ на рѣкѣ Севванѣ пришли въ Парижу; наѣзды посылали на Лимузенъ; отряды наши овладѣли городами Туръ и Орлеаномъ, и въ полонъ взяли Людвига, аббата монастыря св. Діонисія, родственника королевскаго, который противу насъ выѣзжалъ вооруженною рукою». Въ западныхъ лѣтописныхъ извѣстіяхъ о походахъ Норманновъ во Францію дѣйствительно встрѣчается имя Рюрика («Rorih, natione Nordmannus». Chronicon Nortmannorum etc. Dr Fr. C. H. Kruse, Dograt 1851), но нѣтъ никакого основанія думать, чтобъ это былъ нашъ варяго-русскій князь.

⁴ Въ Валгалѣ звукъ своихъ побѣдъ.

«По древнему варяго-русскому баснословію, герои ихъ по смерти своей торжествовали побѣды свои въ Валгаллѣ, то есть въ раю» (Об. Д.). Мы удержали въ стихѣ форму, какую поэтъ давалъ этому названію.

⁵ Воспитанный въ огняхъ, во льдахъ.

Суворовъ приучалъ себя измлада къ холоду и жару, ходя въ самыя знойныя дни съ открытою головою и оказываясь всякое утро и вечеръ холодной водою со льдомъ, спалъ же онъ на снѣгѣ (Об. Д.).

⁶ Девятый валъ въ морскихъ волнахъ.

«Извѣстно мореходцамъ, что девятый валъ — самый крѣпчайшій, котораго не могутъ выдержать худые корабли». Любопытно это, впрочемъ не оправдывающееся на дѣлѣ, повѣрье народное о силѣ девятаго вала: «Девятый валъ роковой» (В. Дала *Пословицы русск. народа*, М. 1862, стр. 607). Тутъ выражается мнѣніе о важности числа *девять*, весьма распространенное между самыми разноплеменными народами. Болтинъ, замѣчая, что у Русскихъ пѣбогда былъ употребителенъ счетъ *два девять, три девять*, говоритъ, что и Китайцы придаютъ особенное значеніе числу девять (*Примѣчанія на Исторію Леклерка*, ч. II, стр. 395).

Остолоповъ (*Ключъ къ соч. Д.*, стр. 85) въ примѣчаніяхъ къ настоящей одѣ говоритъ: «Въ семь-то сочиненіи находится извѣстный стихъ: *Девятый валъ въ морскихъ волнахъ*, которымъ и самъ Державинъ всегда восхищался, какъ совершенно оригинальнымъ». Ср. *Мореходецъ*, подъ 1802 г.

⁷ Звѣзда, прешедша міра тропы —

«Комета, прошедшая тропики или пути солнечныя, т. е. Суворовъ съ оружіемъ многія прошелъ страны» (Об. Д.).

⁸ Князь славы ...

«До сей оды графъ Суворовъ еще княземъ не былъ, но послѣ перелома Альпійскихъ горъ пожалованъ въ сіе достоинство (Об. Д.). Последнее свѣдѣніе не совсѣмъ точно: княжество съ титуломъ *Италійскаго* было дано Суворову императоромъ Павломъ 9 августа 1799 г. по случаю взятія Мантуи (Милютинъ, т. II, стр. 405). См. также примѣчаніе въ слѣдующей за сими одѣ.

⁹ Сбылось пророчество —

высказанное въ одѣ *На возвращеніе графа Зубова изъ Персіи* словами: «Еще

горитъ его звѣзда» см. выше стр. 22). Стихъ: «Лучъ, возсіявшій изъ-подъ слуда», относится къ возвращенію Суворова изъ ссылки.

Приложеніе.

Получивъ отъ Державина отгискъ настоящей оды, Н. А. Львовъ отвѣчалъ ему и прозой и стихами, — смѣсю, которая тогда, и еще долго послѣ того, была въ модѣ. Этотъ отвѣтъ, такъ же какъ и самый отгискъ, вызвавшій его, отыскался въ бумагахъ Львова и приводится нами здѣсь. Подшучивая надъ Державиннымъ за его «норвежское богословіе», онъ поражаетъ и самого себя: за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ (1793) была напечатана заимствованная имъ изъ Маллета «*Письмъ Гаральда Храбраго*»*.

ПИСЬМО Н. А. ЛЬВОВА КЪ Г. Р. ДЕРЖАВИНУ.

Никольское, 24 мая 1799.

Во первыхъ благодарю тебя, мой добрый другъ за пѣсенку, которую ты спѣлъ русскому Полкану**; въ ней полибилась мнѣ твоя мистина:

И девятый валъ въ морскихъ волнахъ
И вождь воспитанный во льдахъ,

* Переводъ Львова, *Письма Гаральда Храбраго*, заслуживаетъ вниманія какъ попытка передать произведеніе иностранной литературы другаго вѣка языкомъ и разиѣромъ русской народной пѣсни. Мысль о подобныхъ переделкахъ господствовала у насъ долго: Капнистъ совѣтовалъ переводить такимъ образомъ *Илиаду*; почти то же предлагалъ и Сенковский. По этому предмету см. въ *Протиселатъ* 1864 г. (кн. IV) статью М. Н. Каткова: «Нѣсколько словъ о попыткахъ переводить Гомера на простонародный русский языкъ»:

Переводъ Львова былъ напечатанъ отдѣльно въ 1798 году подъ заглавіемъ, выписаннымъ подробно въ *Словарь свѣтскихъ писателей*; при переводѣ прибавлено: «переложена на російскій языкъ образомъ древняго стихотворенія съ примѣру *Не змѣда блеститъ во чистомъ полѣ*». Рядомъ съ русскими стихами напечатанъ и французскій текстъ Маллета, служившій Львову вмѣсто подлинника. Митрополитъ Евгенийъ отзывается о русскомъ переводѣ съ большою похвалою. Предлагаемъ на выдержку 4-ую строфу изъ экземпляра, сохранившагося между бумагами Державина:

«Не досужъ ли, не гораздъ ли я на восемь рукъ?
Я ушю храбро драться и копьемъ бросать.
Я весломъ владѣю и добрымъ конемъ;
По водамъ глубокимъ плавать я навукъ давно;
По снѣгамъ на лыжахъ бѣгать аль не мастеръ я?
А меня ни во что ставить дѣвка русская!»

Прежде извѣстнаго перевода Батюшкова было у насъ много попытокъ перевести эту пѣсню. Она явилась: въ *С-петербургскомъ Вѣстникѣ* (апрѣль 1778 г., ч. I), во *Введеніи въ Датскую исторію* Моисѣенкова (Спб. 1785, ч. II) и въ *Инокренѣ* (ч. VIII, 1800). Сверхъ того ее перевелъ Богдановичъ (см. его *Соч.*, т. III).

** О названіи *Полканъ* см. томъ I, стр. 97.

Затѣмъ, что наше дивно чудо,
 Какъ выйдетъ изъ-подъ спуда,
 Ушатами и шайкой леть
 На свой огонь въ Крещенье ледъ.

Вотъ бѣда только для меня твое норвежское богословіе: не вижу я никакой причины къ воскресенію замерзшихъ и нелѣпныхъ боговъ Сѣвернаго Океана.

Нелѣпны ихъ рожи
 На чучелу похожи;
 Чухонскій звукъ имянь
 Въ стихахъ такъ отвѣчаетъ,
 Какъ пьяный плоской ударяетъ
 Въ ливной пустой дощанъ.

Я право боюсь, другъ мой, чтобы не сказали въ парнасскомъ сословіи, куда ты украдкою изъ Сената частенько ѣздилъ, что

Въ Петрополѣ явился
 Парнасскій еретикъ,
 Который подрядился
 Боговъ нелѣпныхъ ликъ
 Стихами воскресить своими
 И тѣ мѣста наполнить ими,
 Гдѣ были Аполлонъ, Орфей,
 Фемида, Марсъ, Гермесъ, Морфей.
 Какъ онъ бывало пѣлъ,
 Такъ Граціи плясали —
 И Граціи теперь въ печали.
 Онъ шайку Майминистовъ привелъ:
 Подъ пѣсни ихъ хрипучи, жалки,
 Подъ заунывный жалкій вой
 Не Музъ сопляшетъ строй, —
 Кувиркаются Валки.

Бывало храбрыхъ рай онъ расмъ называлъ,
 Теперь опъ въ рай нейдетъ, пусти его въ Валкаль.

Сохрани Господи, какъ первую букву новаго твоего рая нечисто выпишетъ переписчикъ: то типографчикъ съ печатнымъ пашпортомъ тотчасъ отправить перваго нашего героя, вмѣсто награжденія за храбрый дѣла, въ ссылку за Байкаль. Побереги, братецъ, Христа ради,

И храбрія души
 И шѣжныя уши;
 Я слова бъ не сказалъ,
 Когда, сошедши съ трона,
 Эротъ бы Лелю мѣсто далъ
 Изъ Ладѣ строгаю Юнона
 Затѣмъ, что били имъ челомъ
 И доблестъ пѣли наши дѣды,

А что намъ нужды, чѣмъ умою
Юродствовали Ланги*, Шведы.

Глаза у меня такъ болятъ, что я не только самъ писать, но и править писаннаго не могу: съ утра до вечера учу мужиковъ изъ пыли строить палаты**; а пыль и солнце весьма дурные окулисты. Что продиктовалъ, того у меня не осталось, а потому для справки прошу прислать мнѣ копію, которую ямщикъ списать не позволяетъ.

P. S. Я не токмо не получалъ отъ тебя 500 экземпляровъ Росы***; но ниже 5-и не отдавалъ Глазунову, съ которымъ я не имѣлъ никакого дѣла; для удостовѣренія сего пошли ты самъ спросить сихъ экземпляровъ отъ имени моего и сообщи, пожалуйста, отвѣтъ его. Глазунову давалъ книги Петръ Луквичъ****, такъ не ему ли ты отдалъ? сему вѣрь.

Н. Львовъ.

57. НА ПЕРЕХОДЪ АЛЬПІЙСКИХЪ ГОРЪ¹.

Сквозь тучи, вокругъ лежащи, черны, 1
Твой горній кроючи полеть,
Носящи страхъ намъ, скорби зѣльны,
Ты грянулъ наконецъ! — И свѣтъ,
Отъ молніи твоей горящій,
Сердца Альпійскихъ горъ потрясшій,
Струей вселенну пролетѣлъ;
Черезъ неприступны переправы,
На высотѣ ты новой славы
Явился, сѣверный Орелъ!

О радость! — Муза, дай мнѣ лиру, 2
Да вновь Суворова пою!
Какъ слышенъ громъ за громомъ міру,
Да слышитъ всякъ такъ пѣснь мою!
Побѣдъ его плѣненный слухомъ,
Лечу моимъ за нимъ я духомъ
Черезъ доли, холмы и лѣса;

* Трудно объяснить, что должно значить это названіе, совершенно ясно написанное въ двухъ спискахъ письма. По-литовски *Lankas, Lenkas* = Полякъ.

** Землебитное строеніе — изобрѣтеніе Львова. См. примѣчанія къ пьесѣ *Память другу*, подъ 1804 г.

*** Еще непонятное слово, такъ же четко написанное. Можно припомнить при этомъ оду Державина *Россѣ по взятіи Измаила* (впоследствии названную *На взятіи Измаила*); но эта ода была напечатана за девять лѣтъ до настоящаго письма. Развѣ не была ли она вновь издана?

**** Вельяминовъ. См. томъ I, стр. 466.

Зрю — близъ меня зіяютъ ады,
Надъ мной шумящи водопады,
Какъ бы склонились небеса².

Идетъ въ веселіи геройскомъ 3
И тихимъ маніемъ руки,
Повелѣвая сильнымъ войскомъ,
Сзываетъ вокругъ себя полки.
«Друзья!» онъ говоритъ: «извѣстно,
Что Россамъ мужество совмѣстно;
Но нѣтъ теперь надежды вамъ.
Кто вѣрѣ, чести другъ неложно,
Умреть иль побѣдить здѣсь должно³». —
«Умремъ!» кликъ вторить по горамъ.

Идетъ, — о зрѣлице прекрасно, 4
Гдѣ, прямо вѣрностью горя,
Готово войско въ брань безстрашно⁴!
Встаетъ межъ ихъ любезна^а пря:
Всѣ движутся на смерть послушно,
Но не хотятъ великодушно
Идти за вождемъ назади;
Сверкаютъ копьями, мечами:
Какъ холмъ объемлется волнами,
Идетъ онъ съ шумомъ — впереди.

Ведетъ въ пути непроходимомъ 5
По темнымъ дебрямъ, по тропамъ,
Подъ заревомъ, отъ молнии зримомъ,
И по бѣгущимъ облакамъ;
День — ночь ему среди тумановъ,
Ночь — день отъ громовыхъ пожаровъ;
Несется въ бездну по вервямъ,
По камнямъ лѣзетъ вверхъ изъ бездны;
Мосты ему — дубы зажжены^б;
Плыветъ по скачущимъ волнамъ.

Ведетъ подъ снѣгомъ, вихремъ, градомъ, 6
Подъ ужасомъ природы всей;
Встрѣчается спреди и рядомъ
На каждомъ шагѣ съ тьмой смертей;
Отвсюду окруженъ врагами,
Водой, горами, небесами

И воинствомъ противныхъ силъ.
 Вблизи падуть со трескомъ холмы,
 Вдали тамъ гулы ропчуть, громы,
 Скрежещеть блѣдны голодъ въ тылъ ⁵.

Ведеть — и нѣкая громада, 7
 Гигантъ предъ нимъ возсталъ въ пути;
 Главой небесъ, ногами ада
 Касаяся, претить идти;
 Со ребрь его шумять внизъ рѣки,
 Предъ нимъ мелькають дни и вѣки,
 Какъ вкругъ волнующійся парь:
 Ничто его не потрясаетъ ³,
 Онъ громъ и бури презираетъ;
 Нахмурясь, смотритъ Сень-Готаръ ⁶.

А тамъ — волшебница сѣдая ⁷ 8
 Лежить на высотѣ холмовъ;
 Дыханьемъ солнце отражая,
 Блестить вдали огнями льдовъ,
 Которыми одѣта зрится;
 Она на всю природу злится,
 И въ страшныхъ инистыхъ скалахъ ¹,
 Нависнутыхъ снѣговъ слоями,
 Готова задавить горами
 Иль въ хладныхъ задушить когтяхъ.

А тамъ — невидимой рукою ¹ 9
 Простертое съ холма на холмъ
 Чудовище, какъ мостъ длиною ⁸,
 Рыгая дымъ и пламень ртомъ,
 Бездонну челюсть разверзаетъ,
 Въ единый мигъ полки глотаеть.
 А тамъ — пещера черна спитъ
 И смертнымъ мракомъ взоры кроеть;
 Какъ бурею, гортанью воетъ:
 Предъ ней Отчаянье сидитъ.

Пришедши къ чудамъ симъ природы, 10
 Чтò бь славный учинилъ Язонъ?
 Составила бь Медея воды,
 А онъ на нихъ навелъ бы сонъ.
 Но въ Россѣ нѣтъ коварствъ примѣра;

Крыль его суть должность, вѣра
И исполинской славы трудъ.
Корабль на парусахъ какъ въ бурю
По черному средь волнъ лазурю,
Такъ онъ летитъ въ опасный путь.

Ужъ тучи супостатъ засѣли 11
По высотамъ, въ ущельяхъ горъ °,
Ужъ глыбы, громы полетѣли,
И освѣтили молнии взоръ *;
Власы у храбрыхъ встали дыбомъ,
И къ сей отвѣгѣ, страшной дивомъ,
Склонился въ помощь сводъ небесъ.
Съ него зря бѣдствія толики,
Трепещетъ въ скорби Петръ Великій:
Гдѣ Россѣ мой? — Слѣдъ и слухъ исчезъ.

Но что? не духъ ли Оссіана °, 12
Пѣвца тумановъ и морей,
Мнѣ кажетъ подъ луной Морана 10,
Какъ шелъ онъ на царя царей?
Нѣтъ, зрю — Массена подъ землю 11
Съ Римникскимъ въ тмѣ сошлись къ бою:
Чело съ челою, глаза горять;
Не громы ль съ громами дерутся?
Мечами о мечи сѣкутся,
Вкругъ сыплютъ огонь, — хохочетъ адъ 12!

Ведетъ туда, гдѣ вѣтръ не дышитъ 13
И въ высотахъ и въ глубинахъ,
Гдѣ ухо льдовъ лишь гулы слышитъ °,
Катящихся на крутизнахъ.
Ведетъ — и скрытъ ужъ въ мракѣ гроба 13,
Ужъ съ хладнымъ смѣхомъ шепчетъ злоба:
Погибъ средь дерзкихъ онъ путей!
Но Россу гдѣ и что преграда?
Съ тобою Богъ — и горь громада
Раздвиглась силою твоей.

Какъ Левъ могущій, отлученный 14
Ловцовъ коварствомъ отъ дѣтей,
Забралъ препятствомъ раздраженный,
Бросая пламя изъ очей,

Вздымая страшну гриву гнѣвомъ,
 Крутя хвостомъ, рыкая зѣвомъ
 И прескоча преграды, вдругъ
 Ломаеть копыя, луки, стрѣлы:
 Черезъ непроходны такъ предѣлы
 Тебя, герой, проведь твой духъ.

Или, Везувія въ утробѣ

15

Какъ спора, океанъ съ огнемъ
 Спирають въ непрерывной злобѣ
 Горящу лаву съ вѣчнымъ льдомъ,
 Клокочуть глухо въ мракѣ бездны¹²;
 Но хладъ прорветъ какъ сводъ желѣзный,
 На воздухъ льется пламень, дымъ, —
 Таковъ и Россъ: средь горныхъ споровъ
 На Гала сталъ ногой Суворовъ,
 И горы треснули подъ нимъ.

Дадите ль вѣру вы, потомки,

16

Толь страшныхъ одолѣнью силъ?
 Дѣла героевъ древнихъ громки,
 До волнъ Средземныхъ доходилъ
 Алкидъ, и знакъ свой тамъ поставилъ
 На то, чтобъ смертный трудъ оставилъ
 И далѣ не дерзалъ бы взоръ;
 Но, сильный Геркулесъ российский!
 Тебѣ столпы его знать низки:
 Шагаешь ты черезъ цѣпи горъ.

Идетъ, одѣтъ сѣдымъ туманомъ,

17

По безднамъ¹ страшный исполинъ¹⁴;
 За нимъ летитъ въ доспѣхѣ рдяномъ
 Вослѣдъ младый птенецъ орлинъ.
 Кто витязь сей багрянородный¹³,
 Соименитый и подобный
 Владыкѣ византійскихъ странъ?
 Еще Россъ выше вознесется,
 Когда и впредь не отречется
 Нестъ Константинъ воинскій санъ¹⁵.

Ужъ сыплются со скалъ безмѣрныхъ

18

Полки сквозь облаковъ, какъ дождь!
 Ужъ мечутся въ враговъ надменныхъ:

Въ душахъ ихъ слава, Богъ и вождь;
 Къ отечеству, къ царю любовью,
 Или врожденной бранной кровью,
 Иль къ вѣрѣ вѣрой всякъ крылатъ.
 Не могутъ счесть мои ихъ взоры,
 Ни всѣхъ наречь: — какъ молнии, скоры!
 Вокругъ я блескомъ ихъ объять.

Не Гозоно ль тамъ, Богомъ данный ¹⁶, 19
 Еще съ чудовищемъ въ рѣкѣ
 На смертный бой, самоизбранный,
 Плыветъ со знаменемъ въ рукѣ?
 Коише и мечъ изъ твердой стали,
 О чешую преломшись, пали:
 Сталь безоруженъ и одинъ ¹.
 Но, не уважа лютымъ жаломъ,
 Разить онъ звѣря въ грудь кинжаломъ.
 Нѣтъ, нѣтъ, се ты, Россіянинъ ²!

О, сколько храбрости российской 20
 Примѣровъ видѣлъ уже свѣтъ!
 Европа и предѣлъ Азійской
 Тому свидѣтельства даетъ.
 Кто хочетъ, стань на холмъ высоко
 И кинь со мной въ долину око
 На птицъ, на ихъ парящій станъ ³.
 Зри: въ воздухѣ склубясь волнистомъ,
 Какъ грудью бьетъ соколъ ихъ съ свистомъ:
 Стремглавъ падеть сраженный вранъ.

Такъ козни зла всѣ упадаютъ, 21
 О Павелъ, подь твоей рукой!
 Народы днани простираютъ,
 Отъ бѣдъ спасенные тобой.
 Но были бь счастливей стократно,
 Коль знали бы цѣнить обратно ¹⁷
 Твою къ нимъ милость, святость крылъ;
 Во храмѣ жь славы письменами
 Златыми, чтпмыми вѣками,
 Всѣмъ правда скажетъ: «царь ты смь!»

Изъ мраковъ возстаютъ стигійскихъ 22
 Евгенийъ, Цесарь, Ганнибалъ;

Проходъ чрезъ Альпы войскъ російскихъ
 Ихъ души славой обуялъ.
 «Кто, кто», — вѣщаютъ съ удивленьемъ, —
 «Съ такою смѣлостью, стремленьемъ
 Прешель ° противъ природы силъ¹⁸
 И вражыхъ тьмы попралъ затворовъ?
 Кто больше насъ?» — Твой блескъ, Суворовъ,
 Главы ихъ долу преклонилъ.

Возьми кто лѣтопись вселенной, 23
 Геройскія дѣла читай;
 Цѣня ихъ истиной священной,
 Съ Суворовымъ соображай,
 Ты зришь °: тѣхъ слабость, сихъ пороки
 Поколебали духъ высокій;
 Но онъ изъ младости спѣшилъ
 Ко доблести простертъ лишь длани;
 Куда ни посланъ былъ на брани,
 Пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ °.

О ты, страна, гдѣ были нравы, 24
 Въ рукахъ оружье, въ сердцѣ Богъ¹⁹!
 На поприщѣ которой славы
 Могущій Леопольдъ не могъ²⁰
 Силъ капли поглотить силъ моремъ;
 Гдѣ жизнь онъ кончилъ бѣдствомъ, горемъ!
 Скажи, скажи вселенной ты,
 Гельвеція, бывъ нашъ свидѣтель:
 Чья Россовъ тверже добродѣтель?
 Гдѣ больше духа высоты?

Промчи жъ, о Русса! ты Секванъ²¹ 25
 Скорѣй духъ русскій, Павла мочь,
 Цареубійцъ въ вертепѣ, въ станѣ
 Ближайшу возвѣщая ночь.
 Скажи: въ рукахъ съ перуномъ Павелъ,
 Или хранитель міра, ангель,
 Гремить, являя власть свою;
 Престаньте нарушать законы °
 И не трясите больше троны,
 Внемлите истину сію:

«Днесъ звѣрство ваше стало наго. 26

Вы рветесь за прибытокъ свой, —
 Воюеть Россъ за обще благо,
 За свой, за вашъ, за всѣхъ покой;
 Вы жертва лжи и своевольства, —
 Онъ жертва долга и геройства;
 Въ васъ равенства мечта, — въ немъ чинъ;
 Суля вы вольность, взяли дани, —
 Въ защиту царствъ простеръ онъ длани;
 Вы чада тмы, — онъ свѣта сынъ».

Вамъ видимъ бѣгъ свѣтилъ небесныхъ: 27
 Не править ли имъ умъ единъ?
 Въ словесныхъ тваряхъ, безсловесныхъ,
 У всѣхъ есть вождь, иль господинъ:
 Стихивъ разность — разнострастье,
 Верховный умъ — ихъ всѣхъ согласье,
 Монарша цѣль есть цѣль сердець.
 Царь — мнѣннй связь, всѣхъ дѣйствъ причина,
 И кротка власть отца едина —
 Живаго Бога образецъ.

Гдѣ жъ скрыта къ правдѣ сей дорога, 28
 Гдѣ въ вольнодумномъ сердцѣ мнать:
 «Нѣтъ царской степени, нѣтъ Бога,» —
 Быть тщетно счастливы хотятъ.
 Ищай себѣ въ народѣ власти,
 Попри свои всѣхъ прежде страсти,
 А бывъ глава, будь всѣмъ слугой.
 Но гдѣ жъ, гдѣ ваши Цинциннаты²²?
 Вы мните только быть богаты:
 Корысти чуждъ прямой герой.

О доблесть воиновъ избранныхъ, 29
 Сбравшихъ лавры съ тьмы побѣдъ,
 Безсмертной славой осіянныхъ,
 Какой не видывалъ сей свѣтъ!
 Вамъ предоставлено судьбами
 Рѣшить споръ ада съ небесами:
 Собщать ли солнцу блескъ звѣздамъ,
 Законамъ естества ль встать новымъ,
 Стоять ли алтарямъ Христовымъ,
 И быть или не быть царямъ?

По доблести — царямъ сокровный²³, 30
 По вѣрности — престоловъ щить,
 По вѣрѣ — камень царствъ угольный^г,
 Вождь — знаньемъ браннымъ знаменить,
 Въ которомъ мудрость съ добротою,
 Терпѣнье, храбрость съ быстротою
 Вмѣстились всѣхъ изящныхъ душъ!
 Сражаясь вѣры со врагами
 И небо поддерживавъ плечами,
 Дерзай, великій Богомъ мужъ!

Держайте! вижу — съ вами ходить 31
 Тотъ объ руку во всѣхъ путяхъ,
 Чтò^у перстомъ круги звѣзды водить
 И молнію на небесахъ.

Онъ рекъ — и тучи удалились,
 Велѣлъ — и холмы уклонились, —
 Блеснулъ на вашихъ лучъ челахъ.
 Приятна смерть Христа въ любви,
 И капли вашей святы крови:
 Еще ударъ — и гдѣ нашъ врагъ?

Услышите! вамъ соплещутъ други²⁴, 32
 Поеть Христова церковь гимнъ;
 За ваши для царей заслуги,
 Цари вамъ данники отнынѣ.
 Доколь течетъ прозрачна Рона,
 Потомство поздно безъ урона
 Узритъ въ ней вашихъ битвъ зари;
 Отнынѣ горы вѣкъ Альпійски
 Пребудутъ Россовъobeliski²⁵,
 Дымящи холмы — алтари.

^a Встаетъ межъ ихъ приятна прѣ (Первонач. рукоп.).

^b Мосты ему — горящи бревны;

Пловеть ...

^в ... не колебаетъ.

^г И въ страшныхъ ледникахъ своихъ,
 Покрытыхъ вѣкъ снѣговъ слоями,
 Морозовъ, стужъ грозитъ цѣнями
 Всѣхъ умертвить, кто ступитъ въ нихъ.

^д А тамъ — волшебною рукою.

— ... бѣсовскою ...

^е ... въ пещерахъ горъ.

- И ослѣпили молнии взоръ (1800).
- Гдѣ ухо только гулы слышитъ
Катящихъ льдовъ на крутизнахъ.
- Клокочуть глухо, ржутъ въ тмѣ бездны (Рукоп.).
- 1 По холмамъ ... (1800).
- Быть полководцемъ Константинъ.
- 1 И беззащитенъ уже онъ (Рукоп.).
- ... се ты, Багратіонъ.
- На птицъ, летящихъ тамъ на станъ (1800).
(Въ изд. 1808 г.: На сей парящихъ станъ, но измѣнено рукой Державина).
- ° Прошелъ ...
... тьмы попралъ отпоровъ.
- Узришь ...
- Р Пришелъ, узрѣлъ и побѣдилъ.
- с Отъ золь престаньте, беззаконны (Рукоп.).
- † ... подпорный.
- 1 Кто (1800).

¹ По предписанію австрійскаго императора, Суворовъ, послѣ блистательныхъ побѣдъ своихъ въ сѣверной Италіи, послѣ занятія большей части крѣпостей ея, исторгнутыхъ имъ изъ рукъ Французовъ, долженъ былъ идти въ Швейцарію. Это было противно его собственному убѣжденію: онъ считалъ нужнымъ остаться еще мѣсяца два въ Италіи, чтобы упрочить свои завоеванія, и предвидѣлъ, что въ противномъ случаѣ Австрійцы не будутъ въ состояніи удержать ихъ. Тѣмъ не менѣе извѣстіе, что эрцгерцогъ Карлъ выступилъ изъ Швейцаріи и оставилъ тамъ Римскаго-Корсакова съ одними русскими войсками, заставило Суворова готовиться къ немедленному выступленію изъ Италіи. Между тѣмъ просьбы его, чтобы австрійское правительство для этого похода снабдило нашу армію необходимыми запасами, орудіями, лошадьми и проч., были оставлены безъ вниманія, и потому донесенія Суворова Императору и письмо къ Ростопчину, писанныя въ это время — въ концѣ августа и въ началѣ сентября — наполнены жалобами и опасеніями. 1-го сентября русскія войска, соединившись въ одну колонну, уже слѣдовали чрезъ Мортару, Новару, Турбиго и Варезе по прямой дорогѣ къ Сенъ-Готарду (Д. А. Милютинъ *Исторія войны съ 1799 г.*, т. III. гл. LIV). Державинъ въ *Объясненіяхъ* своихъ рассказываетъ: «Когда вошелъ графъ Суворовъ съ войсками во внутрь Альпійскихъ горъ, Цесарцы обѣщали для провозу тягостей и провіанта прислать муловъ и самага провіанта, но не прислали *. Всѣ политики, знающіе сіи обстоятельства, заключали навѣрное, что

* Слова Державина явно основываются на донесеніи фельдмаршала отъ 9 сентября, въ которомъ онъ между прочимъ жалуется, что австрійскій генералъ Меласъ далъ ему муловъ только подъ горную артиллерію, а въ прочихъ отказалъ, увѣривъ, что Русскіе найдутъ ихъ въ Беллинсонѣ. Какъ это донесеніе, такъ и позднѣйшее, отъ 3 октября, составившее главный источникъ настоящей оды, напечатаны въ *Прибавленіи къ Спб. Выдѣлюшкамъ* 1 ноября 1799 г., № 87.

вождь сей и полки, предводимые имъ, пропадутъ въ горахъ неизбежно; отъ чего и были въ Петербургѣ всѣ въ крайней печали. Но вдругъ, когда были въ Гатчинѣ для торжества браковъ великихъ князей Александры и Елены Павловны (въ октябрѣ, см. ниже подъ этимъ же годомъ, стр. 190, стихотв. *На брачныя торжества*), получаетъ императоръ Павелъ донесеніе о преславномъ семъ переходѣ и побѣдѣ надъ неприятелями; то авторъ, будучи тогда сенаторомъ, находясь съ прочими въ Гатчинѣ, написалъ сію оду». Первые стихи ея относятся къ мрачнымъ ожиданіямъ, возбужденнымъ при дворѣ донесеніями Суворова передъ выступленіемъ его изъ Италіи. Все высказываемое далѣе въ честь полководца и войска вполне подтверждается историческими свидѣтельствами, которыя мы и приводимъ въ примѣчаніяхъ.

Рукопись этой оды, подаренная Державиннымъ В. Н. Каразину, передана 1867 г. въ бібліотеку Академіи Наукъ г. Балаянскимъ. На ней надпись Каразина: «Оригиналъ, который былъ назначенъ для поднесенія императору Павлу I или и поднесенъ уже былъ, но возвращенъ автору якобы для напечатанія, точно не помню. Покойный Г. Р., даря мнѣ его, сказывалъ смѣшанно и въ полголоса что-то подобное: я ужъ и не смѣлъ болѣе распришивать.»

Ода была напечатана отдѣльно въ началѣ 1800 г., въ Петербургѣ, въ «Императорской типографіи» (въ четвертку, 20 страницъ), подъ заглавіемъ: Переходъ въ Швейцарію чрезъ Альпійскія горы російскихъ императорскихъ войскъ подъ предводительствомъ Генералиссима*; 1799 года. Между этимъ заглавіемъ и отѣткою: *Съ дозволенія санктпетербургской цензуры* помѣщены въ видѣ эпиграфа два стиха изъ оды Ломоносова на взятіе Хотина (строфа 6):

«Гдѣ только вѣтры могутъ дуть,
Проступятъ тамъ полки орлины.»

На оборотѣ заглавнаго листа напечатанъ курсивомъ еще другой эпиграфъ: «Великій духъ чтитъ похвалы достоинствамъ, ревнуя къ подобнымъ; малая душа, не видя ихъ въ себѣ, помрачается завистию. Ты, Павелъ! равняешься солнцу въ Суворовѣ; удѣляя ему свой блескъ, великодушнѣе сияешь». Этотъ эпиграфъ, по замѣчанію Державина (*Об.*), написанъ «съ намѣреніемъ, дабы Павелъ позналъ, что примѣчено публикою его недоброжелательство къ Суворову изъ зависти, для чего сія ода холодно и была принята»**. Къ началу и къ концу отдѣльнаго изданія оды приложены, безъ означенія именъ художниковъ, два гравированные рисунка, совершенно сходные съ найденными въ рукописи и помѣщенными въ нашемъ 1-мъ изданіи. Оттискомъ этого изданія оды мы обязаны

* Когда графъ Ростопчинъ прочелъ императору Павлу реляцію о переходѣ Альпійскихъ горъ, Государь тутъ же пожаловалъ Суворову званіе *генералиссимуса* и сказалъ: «Это много для другаго, а ему мало: ему быть ангеломъ» (*Милютинъ*, т. IV, стр. 167). Раскрытъ о томъ подписанъ 29 окт. 1799 (*Сяб. Вѣд., Прибавл.* къ № 87).

** О первоначальной формѣ этого эпиграфа см. ниже послѣднее примѣчаніе къ одѣ.

С. Д. Полторацкому. Во второй раз ода *На переходъ Альпійскихъ горъ* была напечатана въ изданіи 1808 г., ч. II, ххvii.

² ... Какъ бы склонились небеса.

Адамы поэтъ называетъ неизмѣримыя пропасти въ Альпахъ, а наклонившимся небесамъ уподобляетъ тѣ страшныя водопады, подѣ которыми можно проходить, какъ подѣ сводами (*Об. Д.*). Ср. строфу 7 оды Карамзина на восшествіе на престолъ императора Александра I.

³ Умереть или побѣдить здѣсь должно.

Въ донесеніи отъ 27 августа изъ Асти, наканунѣ своего выступленія въ горы, Суворовъ между прочимъ писалъ Императору: «поведу я теперь храброе в. и. в. воинство въ Швейцарію, куда высочайшая ваша воля путь мнѣ увазуетъ, и тамо, на новомъ полѣ сраженія, поражу врага или умру со славою за отечество и Государя».

⁴ Готово войско въ брань безстрашно.

«При самомъ бѣдственномъ положеніи русскихъ войскъ, никогда не слышалось ни ропота, ни жалобъ... Напротивъ того, Русскіе только и желали скорѣе сразиться съ противникомъ, чтобъ выдти наконецъ изъ тяжкаго положенія» (*Милютинъ*, т. IV, стр. 164).

⁵ ... Скрежещеть блѣдный голодь въ тылъ.

«Густыя облака одѣвали всю поверхность горы, такъ что Русскіе карабкались наобумъ, ничего не видя передъ собою. Проводники разбѣжались, и войска должны были сами искать дорогу, погружаясь въ снѣжныя сугробы. Вьюга немедленно же сметала всѣ слѣды, и каждый солдатъ долженъ былъ пробивать себѣ новый путь. Съ высоты горы слышались на днѣ долины густыя раскаты грома; по временамъ свозъ густой, непроницаемый туманъ сверкала молнія. Огромныя каменья, срываемыя бурей, съ грохотомъ катились въ бездны. Никакими словами нельзя передать всего, что вытерпѣли русскія войска на этомъ ужасномъ переходѣ: всѣ, безъ различія, солдаты, офицеры, генералы, были босы, голодны, изнурены, промочены до костей. Каждый невѣрный шагъ стоилъ жизни: если кому случалось оступиться или поскользнуться, то не было уже спасенія» (тамъ же, стр. 159).

⁶ Нахмурясь смотритъ Сень-Готаръ.

Слова изъ донесенія Суворова отъ 3 октября: «На каждомъ шагѣ въ семь царствъ ужаса зіяющія пропасти представляли отверзтыя и поглотить готовыя гробы смерти; дремучія, мрачныя ночи, непрерывно ударяющіе громаы, люющіеся дожди и густой туманъ облаковъ при шумныхъ водопадахъ, съ каменьями съ вершинъ низвергавшихся, увеличивали сей трепеть. Тамъ является зрѣвию нашему гора Сень-Готардъ, сей величайшій колоссъ горъ, ниже хребтовъ котораго громоносныя тучи и облака плаваютъ» и т. д. (*Сиб. Вѣдом.* 1799, *Прибавл.* къ № 87).

«Со стороны Италіи позиція на С.-Готардѣ была почти недоступна: только узкая тропинка, едва проходима для вьюковъ, извилисто поднималась отъ Айроно къ крутому свѣсу горы; нѣсколько разъ пересѣкая горныя потоки Соречія и Тремоло, она спускалась въ глубокія и тѣсныя

ихъ ложбины и снова взбиралась въ гору. Трудный этотъ путь становился даже весьма опаснымъ во время грозы и бури или въ зимнія вьюги; нерѣдко одиночные путники погибали отъ стужи и утомленія прежде чѣмъ достигали вершины горы» (Милютинъ, т. IV, стр. 35). Сенъ-Готардъ — высочайшій кряжъ въ Лепонтинскихъ Альпахъ; общая высота его 8000 футовъ, но есть отдѣльныя вершины, достигающія даже 10 т. ф. Горный проходъ находится на высотѣ 6443 футовъ надъ уровнемъ моря. «Войска были утомлены до крайности; гора казалась имъ безконечною; вершина ея какъ будто безпрестанно все росла передъ ихъ глазами. По временамъ облака, обхвативъ всю колонну густымъ туманомъ, совсѣмъ скрывали ее изъ виду» (тамъ же, стр. 40). «Вѣроятно, русскому полководцу и на мысль не приходили всѣ страшныя преграды, ожидавшія его на пути чрезъ С.-Готардъ. Суворовъ, конечно, не могъ изучить во всей подробности топографію этого края; но по тому самому и назначены были къ нему офицеры австрійскаго генеральнаго штаба, знакомые съ мѣстностію Швейцаріи. Одинъ изъ нихъ, полковникъ Вейротеръ, получившій впоследствии такую извѣстность своими неудачными стратегическими плапами*, пользовался довѣренностью фельдмаршала; онъ составлялъ въ продолженіе швейцарскаго похода всѣ диспозиціи и проекты; онъ велъ всю военную диспозицію; онъ же, сколько извѣстно, совѣтовалъ и выборъ пути чрезъ С.-Готардъ» (тамъ же стр. 18).

⁷ А тамъ — волшебница сѣдая.

Ср. въ одѣ *Осень во время осады Очакова* (томъ I, стр. 157): «Идетъ сѣдая чародѣйка» и въ *Евгеніи Оньина* Пушкина (гл. VII, строфы 29 и 30):

... «и вотъ сама
Идетъ волшебница зима...
Легла волнистыми коврами
Среди полей, вокругъ голыозъ».

Въ первоначальной редакціи не было этой строфы (8-й); она приписана послѣ на поляхъ съ большими помарками. Въ отдѣльномъ изданіи 1800 г. она уже напечатана.

⁸ Чудовище, какъ мостъ длиною — —
А тамъ — пещера черна спитъ.

«Въ тотъ день (14 сентября) предстояло всей колоннѣ пройти чрезъ такую тѣснину, гдѣ казалось сама природа хотѣла испытать, дѣйствительно ли нѣтъ ничего невозможнаго для русскихъ войскъ. Въ разстояніи одной версты съ небольшимъ отъ деревни Урзернъ, дорога по правому берегу Рейссы преграждена громадными утесами, которые отвѣсно врѣзываются въ самое русло рѣки. Сквозь эту естественную стѣну пробито узкое и низкое отверстіе, называемое *Урнерскою дырой* (Urner-Loch): оно имѣло около 80-и шаговъ длины и едва достаточно было для свободнаго прохода челоуѣка съ вьюкомъ. Дорога, выходя на свѣтъ изъ темнаго подземелья, обгибаетъ гору въ видѣ карниза и круто спускается къ знаменитому *Чертову мосту*. Отъ входа въ Урнерскую пещеру до моста

* Особенно при Аустерлицѣ.

расстояніе не болѣе 400 шаговъ; на этомъ пространствѣ рѣка Рейсса прорывається какъ бы чрезъ трещину, между высокими, нависшими горами; низвергаясь нѣсколькими водопадами съ высоты 200 футовъ, неистовый потокъ, весь въ пѣнѣ, льется съ утеса на утесъ; гулъ его слышенъ на дальнее расстояние. Отвѣсныя утесы, спирающіе съ обѣихъ сторонъ величественный водопадъ, до того сближаются между собою, что одна смѣлая арка перекинута чрезъ потокъ, на высотѣ 75 футовъ надъ бездною» (Милютинъ, тамъ же, стр. 50 и слѣд.).

⁹ Но что? не духъ ли Оссіана?

О влияніи поэзіи Оссіана на Державина см. томъ I, особенно стр. 338 и 401, также въ настоящемъ томѣ стр. 168. Какъ Державинъ Оссіана, такъ Пушкинъ называлъ Байрона пѣвцомъ моря.

¹⁰ Мнѣ кажется подъ луной Морана.

«Моранъ, полководецъ каледонскій, а царями царей называли они римскихъ цесарей, которые съ ними вели войну» (Об. Д.). Имя *Моранъ* встрѣчается уже на самыхъ первыхъ страницахъ *Оссіана* въ переводѣ Кострова и принадлежитъ сыну ирландскаго вождя Фитгиля.

¹¹ Нѣтъ, зрю — Массена подъ землею и проч.

Генераль Массена, командовавшій французскими войсками въ Швейцаріи и нанесшій при Цюрихѣ 16 сентября 1799 года пораженіе Римскому-Корсакову и Меласу (Милютинъ, тамъ же, стр. 103 и слѣд.).

¹² ... хочочетъ адъ.

Въ этомъ выраженіи заключается двойкій смыслъ: 1) когда ударяются ружья о ружья по горамъ, то происходящій отъ того гулъ подобенъ хототу; 2) кровопролитію радуется адъ (Об. Д.).

¹³ Ведеть — и скрытъ ужъ въ мракъ гроба.

Ср. выше стр. 185 въ примѣчаніи.

¹⁴ ... По безднамъ страшный исполнѣ.

«Семидесятилѣтній старикъ, истерзанный огорченіями, утомленный тяжкою борьбою противъ козней и происковъ, выносить еще съ изумительною силой необычайныя труды телѣсныя, терпятъ всякаго рода лишения и въ обстоятельствахъ самыхъ затруднительныхъ сохраняетъ исполнинскую силу духа ... Переходъ Русскихъ чрезъ эти горы до сихъ поръ еще живеть въ памяти мѣстныхъ жителей, какъ преданіе полубаснословья ... Швейцарець говоритъ съ благоговѣйнымъ удивленіемъ: *Здѣсь проходилъ Суворовъ*» (Милютинъ, тамъ же, стр. 62 и 63). Ср. у Ломоносова (Соч. его, т. I, стр. 52): «По холмамъ грозный исполнѣ».

¹⁵ Кто витязь сей багрянородный и проч.

Еще въ началѣ италіанскаго похода, «26 апрѣля, часъ спустя по пріѣздѣ Суворова въ Вогеру, прибылъ туда же великій князь Константинъ Павловичъ. Россійскому Императору угодно было, чтобы юный, двадцатилѣтній царевичъ участвовалъ въ предстоявшихъ военныхъ дѣйствіяхъ въ Италіи, подъ руководствомъ Суворова ... В. в. ѣхалъ въ италіанскую армію подъ именемъ графа Романова» (Милютинъ, т. II, стр. 21

и слѣд.). На пути же къ С. Готарду онъ постоянно находился при авангардѣ кн. Багратіона и переносилъ терпѣливо всѣ трудности такого перехода въ осеннюю ненастную погоду, такъ что историкъ ставитъ его «въ числѣ самыхъ дѣятельныхъ и полезныхъ участниковъ швейцарскаго похода». Суворовъ писалъ о немъ Государю: «Всегдашнее присутствіе его высочества предъ войсками и на гибельныхъ стремниннахъ горъ оживляло ихъ духъ и бодрость. Исторія увѣковѣчитъ достохвальныя его подвиги, которыхъ я имѣлъ быть честь очевидцемъ». Въ награду за эти подвиги пожалованъ великому князю, 28 октября въ Гатчинѣ, титулъ цесаревича (тамъ же, стр. 31 и 168).

¹⁶ Не Гозоно ль тамъ, Богомъ данный . . .

«*Боданъ* Гозоно, кавалеръ св. Іоанна Іерусалимскаго, въ Родосѣ убилъ въ единоборствѣ страшнаго крокодила, опустошившаго сей островъ» (Прим. Державина въ отдѣльномъ изд. оды, см. выше стр. 183). Этотъ самый подвигъ составляетъ предметъ баллады Шиллера, переведенной Жуковскимъ подъ заглавіемъ: *Сраженіе съ змѣемъ*. Лѣтъ черезъ 30 послѣ занятія кавалерами Родоса (онъ завоеванъ ими въ 1310 г.) появился на этомъ островѣ огромный крокодилъ, поглощавшій даже людей. Великій магистръ Вильневъ, боясь подвергнуть кавалеровъ опасности, запретилъ имъ предпринимать что-либо для истребленія чудовища; но кавалеръ Деодатъ Гозонъ (Dieudonné de Gozon), не смотря на то, убилъ этого крокодила. Вильневъ за такое неуваженіе къ власти наказалъ-было Гозона лишеніемъ кавалерской одежды, но потомъ простилъ его и пожаловалъ главнымъ намѣстникомъ ордена. Въ 1346 Гозонъ былъ избранъ въ санъ великаго магистра и умеръ въ 1353 (И. Черенкова *Исторія державнаго ордена св. Іоанна Іер.*; Воронежъ, 1803, ч I, стр. 79). Ссылаемся здѣсь на сказанное нами прежде о чтеніяхъ Державина (томъ I, стр. 236, примѣч. 29 къ одѣ *На коварство*).

¹⁷ Коль знали бы цѣнить обратно —

«т. е. когда бы Цесарцы поступали съ тою же искренностію, съ какою русскія войска, на помощь имъ присланныя, поступали; но они изъ зависти, только словами въ нужныхъ случаяхъ довольствовались, а въ самомъ дѣлѣ возможные дѣлали пакости, о чемъ изъ реляцій Суворова видно» (Об. Д.). Жалобы Суворова на неприятели, какія онъ терпѣлъ отъ австрійскаго министра барона Тугута и отъ вѣнскаго гофкригсрата, подробно изложены въ *Исторіи войны въ 1799 г.* и въ письмахъ его, напечатанныхъ Фукомъ. Въ нашихъ рукахъ находится одно подлинное неизданное письмо знаменитаго полководца къ графу Анд. Кир. Разумовскому, которое наполнено обыкновенными его жалобами въ любимыхъ выраженіяхъ («проекторы, элоквенты, пустобаи», «bestimmt sagen») и кончается словами: «Полю писать, Бога ради, выводите меня изъ пургаторія. Ничто не мило». Потомъ въ особой припискѣ сказано: «Стыдно мнѣ бы было, чтобъ остатки Италіи въ сію кампанію не опорожнить отъ Французовъ. Потомъ и театръ во Франціи не былъ бы тяжелъ: мы бы тамъ нашли великую часть къ намъ благосклонныхъ»; къ чему наконецъ собственной рукой Суворова прибавлено:

- «1) Опорожнить Италію отъ Французовъ: дать мнѣ полную волю.
 2) Чтобъ мнѣ отнюдь не мѣшали гофкригерать и гадіе проекторы.
 3) Готовъ я къ Швейцаріи ли, Германіи ли, къ Франціи ли ...

Иначе: мнѣ здѣсь дѣла нѣтъ! домой, домой, домой.

Вотъ для Вѣны весь мой планъ. А. С.»

На письмѣ помѣта: іюня 21 дня 1799 года, г. Александрія *.

¹⁸ Кто, кто — — прешель противъ природы силъ и проч.

О послѣдней части похода историкъ говорить: «Можно смѣло сказать, что еслибъ на мѣстѣ Суворова былъ всякій другой генералъ, то въ подобныхъ обстоятельствахъ онъ счелъ бы долгомъ собрать военный совѣтъ и, обсудивъ разныя средства къ спасенію арміи, по всѣмъ вѣроятіямъ предпочелъ бы послѣднюю (*меньше трудную*) изъ указанныхъ дорогъ... Но едва ли кому-либо пришелъ бы на мысль тотъ путь, на который рѣшился Суворовъ... Подобную тропинку, безъ сомнѣнія, можно было почестъ непроходимую для войскъ, и конечно ни одной арміи не случилось еще проходить по такимъ страшнымъ стремнинамъ» (Милютинъ, т. IV, стр. 61). «Швейцарскій походъ по справедливости считается вѣнцомъ воинской славы Суворова, и безъ сомнѣнія первые полководцы въ свѣтѣ могли бы гордиться подобнымъ подвигомъ. Самъ императоръ Павелъ, въ рескриптѣ отъ 29 октября, писалъ фельдмаршалу: Побѣждая повсюду и во всю жизнь вашу враговъ отечества, не доставало вамъ одного рода славы — преодолѣть и самую природу» и проч. (тамъ же, стр. 166).

¹⁹ Въ рукахъ оружье, въ сердцѣ Богъ.

«Славный Галлеръ въ поэмѣ *Альпы* такъ описывалъ древнихъ Швейцарцевъ» (Примѣч. Державина въ отдѣльномъ изданіи оды). Это не есть переводъ какого-нибудь выраженія поэмы *Die Alpen*, а сказано только въ духѣ Галлера, который идилично изображаетъ чистые нравы и храбрость Швейцарцевъ. Русскій переводъ этого сочиненія см. въ *Спб. журналѣ* Пнина 1798 г., ч. I.

²⁰ Могущій Леопольдъ не могъ и проч.

Герцогъ Леопольдъ Австрійскій, сынъ императора Альбрехта I, былъ побѣжденъ 1800-ми Швейцарцами при Моргартенѣ въ 1315 году, не смотря на числительное превосходство его войска. — Сколько извѣстно, Леопольдъ «кончилъ жизнь» (1326) не въ Швейцаріи, а въ Эльзасѣ.

Въ примѣчаніи къ этому стиху въ отдѣльномъ изданіи оды перепутаны числа.

²¹ Промчи жъ, о Русса! ты Секванѣ и проч.

Русса или, правильнѣе, Рейсса (Reuss) — альпійскій притокъ Рейна, вытекающаго изъ С. Готарда. См. выше, стр. 184, примѣч. 6.

Секвана — латинское названіе Сены.

²² Но гдѣ жъ, гдѣ ваши Цинциннаты и проч.

«Руссіе не имѣли никакой причины собственной къ войнѣ съ Фран-

* Сообщеніемъ этого, впрочемъ не вполне сохранившагося письма мы обязаны А. С. Норову.

цугами, но вступились за угнетенную Европу (ср. 3 стихъ строфы 26); ... а напротивъ того послѣдствіе оказало, что и Французы начали революцію и сражались не за общее благо своего отечества, но для корыстныхъ видовъ, что всякій изъ генераловъ награбилъ милліоны» (Об. Д.). «Глубоко проникнутый безкорыстною цѣлью, съ которою Императоръ Россійскій поднялъ оружіе противъ республики французской, Суворовъ ставилъ пользу общаго дѣла выше частныхъ, своекорыстныхъ видовъ двора вѣнскаго» (Милютинъ, т. II, стр. 336).

²³ По доблести — царямъ сокровный.

Ср. слова Шишкова въ стихахъ для начертанія на гробницѣ Суворова:

«Цари къ нему въ родство, не онъ къ нимъ причитался».

(Соч. А. Шишкова, ч. XIV, стр. 160).

Въ знакъ благодарности за побѣды Суворова сардинскій король далъ ему такой орденъ, «который по статуту могъ быть только даванъ принцамъ крови, для чего и назвалъ его своимъ родственникомъ» (Об. Д.). По *Словарю* Бантышъ-Каменскаго, Карлъ Эммануилъ IV прислалъ Суворову три ордена, дипломъ на чинъ генералъ-фельдмаршала королевскихъ войскъ, также на достоинство князя съ титуломъ его двоюроднаго брата (cousin). Изъ рескрипта императора Павла къ Суворову отъ 25 августа 1799 г. видно, что послѣдняя награда была пожалована герою за побѣду при Нови: «Отличіе, сдѣланное вамъ е. в. королемъ Сардинскимъ», писалъ Государь, «Я отъ всего сердца позволяю вамъ принять. Черезъ сіе вы и Мнѣ войдете въ родство, бывъ единожды приняты въ одну царскую фамилію, потому что владѣтельныя особы между собою всѣ почитаются роднею» (Е. Фукса *Исторія рос.-австрійской кампаніи*, ч. III, стр. 268).

Этому обстоятельству Д. И. Хвостовъ обязанъ былъ графскимъ титуломъ. Женившись 17 января 1789 г. на племянницѣ Суворова княжнѣ Аграфенѣ Ивановнѣ Горчаковой, сестрѣ бывшаго впоследствии военнымъ министромъ А. И. Горчакова, Хвостовъ породнился съ славнымъ полководцемъ. Вотъ почему Суворовъ, получивъ сардинское княжество, выпросилъ у короля титулъ графа для Хвостова (*Время* 1862 г. № 6 и 11, Записки Тимковскаго въ *Москвитяинѣ* 1852, № 20, и *Рос. Родосл. книга* князя П. Долгорукова, ч. III).

Разъ сатирикъ Милоновъ*, проходя по толкучему рынку, увидѣлъ передъ одною лавкою портретъ графа Хвостова и сочинилъ двустишіе:

* Михаилъ Васильевичъ Милоновъ род. 1792 г. въ Воронежской губ. въ 5 верстахъ отъ Задонска, въ селѣ Панарыинѣ. Объ отцѣ его знаемъ только, что онъ былъ образованный человекъ, имѣлъ значительную библіотеку и принадлежалъ къ масонскимъ ломамъ; мать его была рожденная Семенова, Прасковья Петровна, невѣстка Анны Петровны Буниной. Сестра послѣдней, Марья Петровна, была за рязанскимъ дворяниномъ, Николаемъ Петровичемъ Семеновымъ, котораго сынъ Петръ Николаевичъ извѣстенъ какъ авторъ комедіи *Митоза Вадаискій* и пародіи на оду *Богъ* (см. томъ I, стр. 314). Двоюродные братья, М. Милоновъ и П. Семеновъ воспитывались вмѣстѣ въ московскомъ университетскомъ пансіонѣ. Милоновъ умеръ въ Петербургѣ 17 окт. 1821 г. Библиографическую статью о немъ помѣстилъ г. Лонгиновъ въ *Русск. Арх.* 1864, № 3.

«Прохожій! не дивись, на эту рожу глядя;
Но плачь, и горько плачь: ему Суворовъ — дядя!»

По ходатайству Суворова, Екатерина пожаловала Хвостова въ камеръ-юнкеры; когда же кто-то ей замѣтилъ, что Хвостову, по его наружности, не слѣдовало бы носить этого званія, то она отвѣчала: «Еслибъ Суворовъ попросилъ, то сдѣлала бы его и камеръ-фрейлиной» (Слышано въ 1859 г. отъ князя Н. А. Цертелева).

²⁴ Услышьте! вамъ соплещутъ други.

Ср. стихи: ... «Ему Россія
И всѣ соплещутъ племена».

(Соч. Кострова, Спб. 1849, стр. 14).

«Да русскихъ кораблей крылѣ ему соплещутъ».

(тамъ же, стр. 147).

²⁵ Пребудуть Россовъobeliski.

«Когда отправился Суворовъ въ Италію, то авторъ тогда сказалъ, что онъ поставитъ по пути своемъobeliski своихъ побѣдъ, что онъ и сдѣлалъ, оставя таковыми Альпы» (Об. Д.). Ср. выше, стр. 154, строфу 6 пьесы *Орелъ*.

Въ черновой рукописи оды *На переходъ Альпійскихъ юръ*, послѣ 32-й строфы была еще одна, которая потомъ зачеркнута и обращена въ эпиграфъ. Вотъ ея редакція:

Великая душа лишь знаетъ,
О Павелъ! дать хвалу другимъ;
Душъ малыхъ зависть помрачаетъ
И солнце не блистаетъ имъ.
Монарха блескъ, свѣтила міра,
Черезъ отліяніе порфира
Прекраснѣй намъ своимъ лучемъ.
Онъ отъ морей, отъ капель сверкаетъ,
Сіянемъ взоры восхищаетъ:
Такъ ты — въ Суворовѣ твоемъ.

58. НА БРАЧНЫЯ ТОРЖЕСТВА ¹.

На розовыхъ крылахъ Темпейску
Эротъ долину пролетаетъ, —
Незапно во страну Рифейску
Впорхнулъ, гдѣ Сѣверъ обиталъ:
Увидѣлъ иней, морозы,
Желѣзны шлемы и мечи,
Военныя вседневны грозы,
Съ оружья блещущи лучи;
Услышалъ отъ побѣдъ вкругъ звуки:

Тамъ грады, тамъ полки падутъ ^а, 10
 Тамъ злобѣ плѣнной вяжутъ руки,
 Тамъ на мятежь яремъ кладутъ;
 Узрѣль — и съ ужаса и хладу
 Крылами въ трепетѣ взмахнулъ ^а,
 Хотѣль летѣть назадъ въ Элладу;
 Но какъ-то факель свой стряхнулъ —
 И въ тмѣ вдругъ искры покотились:
 Расцвѣлъ весной полночный край;
 Орлы двухъ царствъ соединились;
 Средь Гатчины открылся рай! 20
 Плѣняется нѣжный громъ музыки,
 Пылаютъ тысячи лампадъ,
 Харитъ младыхъ прелестны лики
 Въ вѣнцахъ предъ трономъ предстоятъ:
 Тѣ пляшутъ, скачутъ; тѣ играютъ;
 Тѣ скромныхъ взглядами очей
 Сердца героевъ поражаютъ
 И въ плѣнь влекутъ богатырей.
 Эротъ, красами удивленный,
 «Не царство ль», рекъ: «я зрю мое ^б? 30
 Но кто на тронѣ (дерзновенный!),
 Отнявъ у Марса мечъ, копье,
 Да и мои всеильны стрѣлы ^в,
 Красу здѣсь съ храбростью вѣнчалъ»? —
 «Маріи, Павла здѣсь предѣлы ^г»,
 Ему весь Сѣверъ отвѣчалъ.

Хоръ.

Кто храбростью и красотою
 Умѣетъ купно обладать,
 Тотъ можетъ миромъ и войною
 И свѣтомъ всѣмъ повелѣвать ^д. 40

Вдохнулъ Эротъ: «Такъ пусть ужъ боги
 Не ждутъ меня въ Темпейскій долъ;
 Мнѣ святы Павловы чертоги:
 Я въ нихъ поставилъ мой престолъ

Хоръ.

Ликуйте, Павелъ и Марія,
 Любовь въ чертогахъ зря своихъ!

Хоть ваши дщери, днесь младыя ^е,
 Надѣли цѣнь царей чужихъ,
 Но зримъ мы, чувствуемъ неложно
 Вашъ разумъ, сердца доброту:
 Гдѣ храбростью плѣнять не должно,
 Туда вы шлете красоту.

50

Такъ, Александра, не войною,
 Но красотой плѣни ты свѣтъ;
 И ты, Елена, не виною
 Будь царскихъ распръ, народныхъ бѣдъ;
 Но днесь, любви сопрягшись богомъ ^ж,
 Иосифъ, Павелъ, Фридрихъ!
 Европѣ будьте вы залогомъ
 Покоя, счастья, дней златыхъ!

- ^а Блѣднѣя, крылья вострепунуль
 И вкругъ тутъ искры покатились (Первоп. рукоп.).
- ^б Сказалъ: Не царство ль здѣсь мое?
 Но кто жъ на семь престолѣ, смертный ...
- ^в И ужъ мои дерзнувъ взять стрѣлы,
 Красу и храбрость сочеталъ?
- ^г Здѣсь Павла и Маріи предѣлы (1804).
- ^д И всей вселенной управлять (Рукоп.).
- ^е Хоть ваши дщери дорогія
- ^ж Но, сопрягшись любви днесь богомъ.

¹ Въ первоначальной рукописи это стихотвореніе названо эпиталамой, съ объясненіемъ, что оно написано по случаю бракосочетанія великой княжны Александры Павловны съ эрцгерцогомъ Иосифомъ, палатиномъ венгерскимъ, и Елены Павловны съ наследнымъ герцогомъ мекленбургскимъ, Фридрихомъ. Брачныя торжества происходили въ Гатчинѣ 12-го и 19-го октября 1799 года: въ первый день была свадьба младшей сестры (Елены Павловны), во второй день — старшей.

Александра Павловна родилась 29 іюля 1783 года. О разстроившемся планѣ ея супружества съ шведскимъ королемъ Густавомъ IV Адольфомъ было разсказано въ примѣчаніи къ стихотворенію *Побѣда красоты* (томъ I, стр. 513). Воспѣтый Державинымъ здѣсь бракъ ея былъ въ соотнесеніи съ союзомъ между Россіей и Австріей противъ Франціи. Весною того же года великій князь Константинъ Павловичъ, отправляясь въ италіанскую армію къ Суворову, остановился въ Вѣнѣ, гдѣ былъ принятъ съ необыкновеннымъ восторгомъ: въ это самое время былъ утвержденъ актъ бракосочетанія Александры Павловны съ палатиномъ (Милютинъ, т. II, стр. 23). Когда чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ между союзниками возникли несогласія, то баронъ Тугутъ, боясь открытаго разрыва съ петербургскимъ дворомъ, старался усыпить его разными ухищреніями. «Пред-

стоявшее бракосочетаніе палатина съ великою княжною казалось барону Тутуту самымъ удобнымъ случаемъ для укрощенія гнѣва Императора руссійскаго. Рѣшено было отправить эрцгерцога Іосифа въ Петербургъ со всевозможною торжественностію; огромная свита назначена для сопровожденія принца, и въ главѣ ея графъ Дидрихштейнъ, одинъ изъ самыхъ усердныхъ кліентовъ барона Тутута» (тамъ же, т. III, стр. 255 и слѣд.). Эрцгерцогъ Іосифъ, сынъ императора Леопольда II и Маріи Луизы, родился 26 февраля 1776 г., сдѣлался 1796 палатиномъ венгерскимъ, потомъ былъ фельдмаршаломъ и умеръ 1 января 1847 г. Послѣ кончины Александры Павловны въ 1801 году (см. ниже подъ 1806 г. *Эродій надъ гробомъ праведницы*), онъ былъ женатъ еще два раза на нѣмецкихъ принцессахъ (ангальтской и виртембергской). О первой супругѣ его такъ отзывается г. Краевскій: «Ангельская кротость и доброта души ея, соединенныя съ необыкновенною красотою, живутъ еще до сихъ поръ въ памяти Русскихъ, видѣвшихъ ея дѣтство, и Венгерцевъ, уже начинавшихъ чувствовать на себѣ ея благотворительность» (*Энциклопед. лексиконъ*, т. I. Спб. 1835).

Елена Павловна родилась 13 декабря 1784 года, скончалась 12 сентября 1803. Супругъ ея, Фридрихъ Лудвигъ мекленбургскій, род. 2 іюня 1778, ум. наслѣднымъ великимъ герцогомъ 1819 г.

Портреты обѣихъ великихъ княженъ, въ разныхъ возрастахъ, можно видѣть въ Зимнемъ дворцѣ, въ Романовской галлерей; тамъ же и эрцгерцогъ Іосифъ представленъ на конѣ, на одной картинѣ съ великими князьями.

Напечат. въ *Анакр. пѣсняхъ* 1804 г., стр. 36, подъ заглавіемъ Эпиталама на брачныя торжества, и въ изд. 1808, ч. III, XIII.

² Тамъ грады, тамъ полки падутъ.

Этотъ стихъ, помѣщенный въ *Анакр. пѣсняхъ* и въ рукописяхъ, пропущенъ въ изданіи 1808 г.

59. НА СМЕРТЬ НАРЫШКИНА ¹.

Падающая съ небесъ рѣка! 1
 Токъ свѣтлыхъ, непрерывныхъ водъ!
 Чья всемогущая рука,
 О время! о минувшій годъ!
 Твое теченье прекратила?
 Какая мгла тебя сокрыла?
 Гдѣ дѣлись дни, часы твои?
 Гдѣ разнообразныхъ дѣлъ струи?
 Являло ль солнце красоту, 2
 Блистало ль лаврами чело,
 Когда побѣдъ на высоту
 Всклонялъ Алкидъ? — И все прошло ³!

Ужъ не на верхъ теперь Альпійскій
Орелъ склоняеть свой полеть,
Но въ долъ, подъ сосны Боровицки: —
Все вѣчности жерло пожреть.

Чтò было, то не придетъ вспять; 3
Проходить чтò, то вмигъ пройдетъ;
Что будетъ впредь, — не можно звать:

И вотъ Нарышкина ужъ нѣтъ, —
Нѣтъ въ домѣ семь храмоподобномъ ³,
Веселомъ, свѣтломъ, благовонномъ,
Гдѣ жизнь цвѣла, довольствъ полна;
Но плачь и тма и тишина!

Увы! — вотъ тотъ зеленый дубъ, 4
Вкругъ коего на дернѣ тѣнь,
Цвѣты и запахъ значныхъ купъ
Гражданъ отвсюду въ ясный день,
Какъ птицъ, сзывали для витанья;
Гдѣ игры, шутки, рѣзвость, смѣхъ
И дружества рукоплесканья
Звучали по слѣдамъ утѣхъ.

Увы! — вотъ тотъ чертогъ ⁴, 5
Гдѣ зодчества, убранства вкусъ
Вели всѣхъ зрителей въ восторгъ,
И гдѣ подъ сладкимъ пѣньемъ музъ
Козловскаго плѣняли звуки ⁵;
Гдѣ ты гостей, простерши руки,
Безъ всякихъ сборовъ и суетъ,
За дружескій сажалъ обѣдъ.

Увы! — вотъ тотъ изящный храмъ, 6
Гдѣ купольный, тьмозвѣздный сводъ
Осіявалъ изъ разныхъ странъ
Сбравшійся къ тебѣ народъ;
Гдѣ ты угощевалъ Фелицу,
И Лель своихъ во пляскахъ жертвъ
Въ цвѣточную вязалъ пленицу,
Гдѣ ты... Ахъ! ты лежишь тутъ мертвъ...

Ты мертвъ! — и все прошло? — Нѣтъ, живъ! 7
Ты живъ въ сердцахъ твоихъ друзей:
Хотя печальный гробъ, сокрывъ,

Тебя лишилъ ихъ въ жизни сей;
 Но ласкъ твоихъ и угощеній
 Живуть лучи въ воображеньи,
 Живепь въ слезахъ блестящихъ ихъ
 Ты ввѣкъ. — Се бисеръ чадъ твоихъ!

Придите, дѣвы юны, нѣжны, 8
 Три грация, отрасли его⁶!
 И, трупъ обლობызавъ священный,
 Оставленное отъ него

Въ приданство перло вы возьмите:
 Въ немъ кладъ блаженства вамъ сокрытъ;
 Глазь добродушія внемлите;
 Се дѣдъ изъ гроба говорить:

«Дѣла великія дивять, 9
 Но зависть ихъ вокругъ шипить,
 И добродѣтели темнятъ
 Прекрасный часто страсти видъ;
 Но кто ни родомъ, ни богатствомъ,
 Ни знатнымъ чиномъ, а пріятствомъ
 Себѣ почтенье заслужилъ,
 Тотъ въ жизни и по смерти милъ».

Такъ, смертный! зиждетъ лишь отцовъ 10
 Благословенье чадъ ихъ домъ:

А матернихъ проклятье словъ⁷
 Преображаетъ все вверхъ дномъ!
 Не ставь слезъ сырыхъ за иґруппку,
 Чужихъ стяжаній не желай;
 Брось бѣдному въ кошель полушку,
 И отвори себѣ тѣмъ рай.

Проходятъ наша жизнь, какъ мигъ; 11
 Но видны и по насъ слѣды
 Дѣлъ нашихъ добрыхъ или злыхъ,
 Какъ въ морѣ за кормой бразды.
 Поставимъ же себѣ предметомъ,
 Чтобъ съ симъ разлука наша свѣтомъ,
 Какъ прямовидность средь садовъ,
 Была наполнена цвѣтовъ.

¹ Л. А. Нарышкинъ, о которомъ сообщены свѣдѣнія при посвящен-

ной ему одѣ *На рожденіе царицы Грелиславы* (томъ I, стр. 498 и слѣд.), умеръ, 66-и лѣтъ отъ роду, 9-го ноября 1799 года.

Эти стихи, по словамъ Державина, были написаны вскорѣ послѣ того, въ декабрѣ; по *Ключу къ соч.* его (стр. 89), они кончены, за недосугомъ, не прежде 1804 года. Остался только одинъ списокъ ихъ, не представляющій, противъ печатнаго текста, никакихъ вариантовъ. Напечат. въ изд. 1808 г., ч. II, XXXVII.

² ... Вскондиль Алкидъ и проч.

Подъ этимъ именемъ здѣсь разумѣется Суворовъ, который тогда возвращался въ Петербургъ послѣ италіянскаго и швейцарскаго походовъ. Для выраженія: *сосны Боровицки* см. выше стр. 27, примѣч. 13. Державинъ предвидѣлъ (*Об.*), что Суворовъ будетъ худо принять и по чувствительности своей окончить скоро жизнь, что и случилось (о смерти Суворова см. ниже стихотвореніе *Смиръ*, подъ 1800 г.). Когда писалась ода *На смерть Нарышкина*, фельдмаршалъ пользовался еще въ полной мѣрѣ благоволеніемъ Государя, какъ доказываютъ рескрипты, часто посланные ему въ это время: первый, въ которомъ Павелъ Петровичъ выразилъ ему свое неудовольствіе (вслѣдствіе слуха, будто Суворовъ въ продолженіе кампаніи имѣлъ при себѣ *дежурнаго генерала*), былъ отъ 20 марта 1800 г. (Милютинъ, т. V, стр. 218).

Л. А. Нарышкинъ былъ хорошій пріятель Суворову, и внука перваго вышла послѣ замужъ за сына втораго (*Об. Д.*) см. ниже прим. 6.

³ Нѣтъ въ домѣ семь храмоподобномъ и проч.

У Льва Александровича былъ на Мойкѣ, за Подѣлуевымъ мостомъ, родъ загороднаго дома, гдѣ онъ въ лѣтнее время давалъ праздники. Въ саду, передъ самымъ крыльцомъ, стоялъ прекрасный, окруженный цвѣтущимъ дерномъ дубъ, подъ которымъ сиживали гости Нарышкина. Домъ этотъ, вполнѣ принадлежавшій барону Раллю и занятый нѣмецкимъ клубомъ, съ 1833 г. служилъ помѣщеніемъ Демидовскаго дома призрѣнія трудящихся. При посѣщеніи этого дома въ 1843 г. мы слышали отъ директора заведенія, А. П. Турчанинова, что этотъ дубъ былъ привезенъ изъ Крыма въ угожденіе императрицѣ Екатеринѣ II, которая будто бы сидѣла подъ тѣнію его во время своего таврическаго путешествія.

⁴ Увы! вотъ тотъ чертогъ ...

«Посреди дома была великолѣпная галлерей прекрасной архитектуры» (*Об. Д.*).

⁵ Козловскаго плѣняли звуки.

Извѣстный Осипъ Антоновичъ Козловскій, директоръ музыки императорскихъ театровъ, родился въ Варшавѣ 1757 г., умеръ въ Петербургѣ 27 февр. 1831. Онъ вышелъ въ люди чрезъ кн. Потемкина и сочинялъ между прочимъ музыку къ хорамъ Державина, лѣтнимъ на великолѣпномъ праздникѣ въ честь Екатерины по случаю взятія Измаила (томъ I, стр. 269). О Козловскомъ см. *Словарь дост. люд.* Бантышъ-Каменскаго.

⁶ Три Грацыи, отрасли его —

т. е. три внуки: первая, графиня Соллогубъ, въ супружествѣ княгиня

Голицына (см. выше стр. 162); вторая, графиня Головкина, за графомъ Салтыковымъ; третья, Нарышкина, за княземъ Аркадіемъ Александровичемъ Суворовымъ (Об. Д.).

⁷ А матернихъ проклятыя словъ.

«Послѣ смерти Л. А. Нарышкина супруга его Марина Осиповна (томъ I, стр. 503, примѣч. 5) была огорчена отъ дѣтей тѣмъ, что они нарушили дяди ихъ роднаго, Александра Александровича Нарышкина, завѣщаніе, которымъ онъ упрочилъ имѣніе свое, одну половину женѣ своей Аннѣ Никитичнѣ Нарышкиной, а другую брату своему Льву Александровичу, а послѣ него имъ» (Об. Д.). А. А. Нарышкинъ, оберъ-шенкъ, род. 1726, ум. 1795 г. Супруга его, Анна Никитична, урожденная Румянцова, была двоюродная сестра Задунайскаго (Mém. de Cath. II, стр. 118; ср. томъ I, стр. 416).

60. ВВЕДЕНІЕ СОЛОМОНА ВЪ СУДИЛИЩЕ¹.

Восшелъ Давидъ въ сѣнь правды, 1
А съ нимъ и Соломонъ, —

Гдѣ казнь на злыхъ, благимъ награды,
Законы, врѣзанны святимъ жезломъ

² Въ скрижали сапфиру, вокругъ золотую,
Хранимы въ родъ и родъ. — Восшелъ и сѣлъ на тронъ!
Велѣлъ съ собой возсѣсть³ и сыну одесную;
Старѣйшины предъ нимъ, склонившия челомъ,

По манію его возсѣли
Въ молчаньи на своихъ мѣстахъ.
Невидимо на высотахъ
Псалтыри струны загремѣли⁶:

«Боже! дай царю Твой судъ 2

И цареву сыну правду,

Да народу подадутъ³

И защиту и награду.

Да на горы миръ сойдесть, 3

Правосудіе въ долины;

Бѣдныхъ да спасеть отъ бѣдъ,

Плачущихъ отъ злой судьбины⁷.

Да смиритъ клеветниковъ 4

И, какъ солнце ввѣкъ сіяеть

И луна межъ облаковъ,

Такъ блистать на тронѣ станеть.

Такъ сойдесть онъ въ низкій домъ⁴ 5

Съ высочайшаго престола,
Какъ снисходитъ дождь на холмъ
И роса на сушу дола.

Истина во всѣхъ сердцахъ, 6
Правда въ людяхъ населится,
И въ его блаженныхъ дняхъ
Счастіе возобновится.

Падши, пыль полижутъ ногъ 7
Орды передъ нимъ азійски,
И безцѣнности въ залогъ
Принесутъ цари еарсійски.

Да помолятся уму 8
Въ немъ подсолнечной владыки;
Поработаютъ ему
Подчинившись языки,

И покажутъ, что онъ былъ 9
Щитъ отъ сильныхъ всѣмъ безсильнымъ,
Вдовъ и сирыхъ прокормилъ
Токомъ благиости обильнымъ^е;

Подданныхъ жалѣлъ лить кровь, 10
Ограждалъ отъ лихвъ, неправды^ж,
И къ себѣ ихъ чтилъ любовь
Выше всякія награды.

Долги будутъ дни ему, 11
Злато потечеть рѣкою;
Дань легко дадутъ тому,
Кто любимъ отъ всѣхъ душою.

Нивы на вершинахъ горъ, 12
Садъ Ливанскій расплодится;
Градъ, поля восхитятъ взоръ,
Въ нихъ блаженство водворится.

Пальма, лавръ увьютъ чело, 13
Славою украсятъ вѣчной,
Чтобы имя процвѣло
Похвалою чистосердечной».

Какъ лучъ, на верхъ Ерусалима^з 14
Снеслася благодать, — Израиль зрѣлъ:
«Да будетъ вѣкъ», въ восторгѣ пѣлъ,
«Еговы днѣ благовѣстима,

Пріосѣняющая насъ!» —
За симъ умолкъ псалтыри гласъ.

- ^а Велѣвъ съ собою сѣсть (Рукоп.).
- ^б ... возгремѣли.
- ^в Да людямъ своимъ дадутъ.
- ^г Утѣшенныхъ злой судьбины.
- ^д Какъ снисходитъ дождь на холмы,
Капли на увядшій доль,
Такъ сойдетъ онъ скудныхъ въ дома,
Оставляя свой престоль.

(Здѣсь куплетъ по ошибкѣ начать женскимъ стихомъ, а отъ того и всѣ остальные куплеты въ первоначальной рукописи сложились невѣрно. Впослѣдствіи ошибка исправлена перестановкою стиховъ и другими измѣненіями, которыхъ мы однакожъ, для сбереженія мѣста, не приводимъ).

- ^е Благъ потокомъ былъ обильнымъ.
- ^ж Спасъ отъ лихвы, отъ неправды,
Самъ ихъ чтилъ къ себѣ любовь.
- ^з Весь на царя, на царска сына
Народъ израильскій взираетъ:
«Да будетъ», онъ молясь вѣщаль,
«Во вѣкъ вѣковъ благословима
Рука Всевышняго на насъ!»
И вдругъ умолкъ псалтыри гласъ.

¹ Написано въ Гатчинѣ въ ноябрѣ 1799 г. «по случаю введенія въ Сенатъ къ присутствію въ первый разъ императоромъ Павломъ сына его Александра Павловича» (Об. Д.). Первоначальное заглавіе было: *Введеніе царемъ Давидомъ въ первый разъ Соломона въ храмъ правосудія*. — Въ октябрѣ вечеромъ генераль-прокуроръ Беклешовъ получилъ отъ Государя приказаніе, чтобы на другой день общее собраніе Сената было въ Гатчинѣ. Всѣ сенаторы, въ числѣ которыхъ былъ и Державинъ, отправились туда ночью, не зная, зачѣмъ велѣно имъ явиться. Комната, отведенная для присутствія, была длинная и узкая; огромный столъ оставлялъ мало мѣста для прохода. Въ половинѣ 10-го часа, когда собравшимся дано было знать, что Государь идетъ, сенаторы стали въ двѣ шеренги на одной сторонѣ комнаты. Императоръ вошелъ въ сопровожденіи великаго князя и, подойдя къ своимъ кресламъ, сказалъ: «Мн. гг., я хочу, чтобы наслѣдникъ мой занималъ первое по мнѣ мѣсто въ Сенатѣ.» Тогда великій князь сѣлъ по правую руку своего родителя. Объявивъ предметъ засѣданія — разсмотрѣніе проекта учрежденія запасныхъ магазиновъ въ Имперіи — и подписавъ нѣсколько указовъ, Государь пригласилъ сенаторовъ прогостить съ недѣлю въ Гатчинѣ и оставилъ собраніе. Съ тѣхъ поръ наслѣдникъ престола началъ присутствовать въ Сенатѣ, пlyingъ всѣхъ своимъ благодушіемъ и вниманіемъ, съ какимъ онъ участвовалъ

въ совѣщаніяхъ (*Словарь достоп. людей*, Спб. 1847, въ статьѣ: *Веклешовъ*).
О Веклешовѣ ср. *Жизнь Сперанскаго*, соч. барона Корфа, ч. I, стр. 49.

Почерпнуто изъ псалма 71, но вступленіе принадлежитъ самому
Державину. Напечат. въ изд. 1808 г., ч. II, в.

61. УТРО¹.

1800.

Огнистый Сиріусъ сверкающія стрѣлы
Металь еще съ небесъ въ подлунные предѣлы;
Лежала на холмахъ вокругъ ночь и тишина,
Вселенная была безмолвія полна;
А только вѣтровъ свистъ, лѣсовъ листы шептали^а;
Шумъ бьющихъ въ камни волнъ, со скалъ потоковъ ревъ

И изрѣдка вдали рычащій левъ
Молчанье прерывали.

Клеантъ, проснувшійся въ пещерѣ, всталъ
И свѣта дождался.

10

Но говоръ птицъ едва помалу слышенъ сталъ,
Вкругъ по брегамъ раздался
И вскрикнулъ соловей;

Тумана, свѣта сѣть^б по небу распростерлась,
Сокрылся Сиріусъ за ней,
И ночь бѣгущая чуть зрѣлась.
Мудрецъ восшелъ на вышній холмъ,
И тамъ, сѣдымъ склоняся челою,

Возсѣлъ на мшистый пенъ подъ дубомъ многолѣтнимъ
И внизъ изъ-подъ вѣтвей пустилъ свой взоръ

20

На море, на лѣса, на сини цѣли горъ
И зрѣлъ съ восторгомъ благолѣпнымъ
Отъ сна на возстающій міръ.

Какое зрѣлище! какой прекраснѣй пиръ
Открылся всей ему природы!

Онъ видѣлъ землю вдругъ и небеса и воды
И блескъ планетъ,

Тонушій тихо въ юный, рдяный свѣтъ.

Онъ зрѣлъ, какъ солнцу путь Заря уготовляла,
Лиловые ковры съ улыбкой разстилала,

30

Врата востока отперла,
Крылатыхъ коней запрягла,

И звѣздъ царя, сего вѣнчаннаго возницу,
 Румяною рукой взвела на колесницу;
 Какъ, хоромъ утреннихъ часовъ окружена,
 Подвигнулась въ свой путь она,
 И восшумѣла вслѣдъ съ колесъ ея волна;
 Багряны возжи напряглися
 По конскимъ блещущимъ хребтамъ^в:
 Летятъ, вверхъ пышутъ огонь, свѣтъ мещутъ по странамъ, 40
 И мглы подъ ними улеглись;
 Тумановъ рѣки разлились,
 Изъ коихъ зыблющихъ сѣдинъ,
 Челомъ сверкая золотымъ,
 Возстали горы изъ долинъ
 И воскурился сверхъ ихъ тонкій дымъ.
 Огъ зрѣлъ: какъ свѣта богъ съ морями лишь сравнялся,
 То алый лучъ по нихъ восколебался;
 Посъшались со скалъ
 Рубины, яхонты, кристалъ, 50
 И бисеры перловы^г
 Зажглися на вѣтвяхъ;
 Багряны тѣни, бирюзовы
 Слилися съ златомъ въ облакахъ, —
 И все сіяніе покрыло!
 Огъ видѣлъ, какъ сіе божественно свѣтило
 На высоту небесъ взнесло свое чело,
 И пропастей лицо лучами распѣло!
 Открылося морей огнисто протяженъе:
 Тамъ съ холма внизъ глядитъ, навѣсясь, темный кедръ, 60
 Тамъ съ шумомъ вержетъ кить на воздухъ рѣкъ стремленъе,
 Тамъ челнъ на парусахъ бѣжитъ средь водныхъ вѣдръ;
 Тамъ, вышлывъ изъ пучины,
 Играютъ, рѣзвятся дельфины
 И рыбъ стада сверкаютъ чешуей,
 И блещутъ чуды чрева бѣлизной;
 А тамъ среди лѣсовъ гора переступаетъ, —
 Подъемлетъ хоботъ слонъ и съ дровъ плоды снимаетъ;
 Здѣсь вмѣстѣ два холма срослись
 И на верблюдѣ поднялись; 70
 Тамъ конь, пустя по вѣтру гриву,

Бѣжить и мнеть волнисту ниву;
Здѣсь кроликъ подъ кустомъ лежитъ,
Глазами красными блеститъ;

Тамъ серны, прядая съ холма на холмъ стрѣлами,
Стоять на крутизнахъ, висятъ подъ облаками;
Тутъ, взоры пламенны вверхъ устремля къ нимъ,
На лапахъ жилистыхъ¹ сидятъ зубастый скимнъ²;
Здѣсь пестрый, алчный тигръ въ лѣсъ крадется дебрый³
И ищетъ, гдѣ залегъ олень роговѣтвистый; 80
Тамъ къ плещущимъ ключамъ въ зеленый, мягкій логъ

Стремится въ жаждѣ пить единорогъ;

А здѣсь по воздуху витаетъ

Пернатыхъ, насѣкомыхъ рой,

Лѣса, поля, моря и холмы населяетъ

Чудесной пестротой:

Тѣ въ златѣ, тѣ въ сребрѣ, тѣ въ розахъ, тѣ въ багрянцахъ,
Тѣ въ свѣтлыхъ заревахъ, тѣ въ желтыхъ, сизыхъ глянцахъ
Гуляютъ по цвѣтамъ вдоль рѣкъ и вокругъ озеръ;
Надъ ними въ высотѣ ширяется орелъ! 90

А тамъ съ пологихъ горъ селя кровы, башень спицы,

Лучами отразаясь, мелькаютъ на водахъ;

Тутъ слышенъ рога зовъ, тамъ эхо отъ цѣвницы,

Блеянье, ржанье, ревъ и топотъ на лугахъ;

А здѣсь сквозь птичій хоръ и шумъ отъ водопада

Несутся громы въ слухъ съ великолѣнна града

И изъявляютъ зодчихъ трудъ;

Тамъ поселяне плугъ влекутъ,

Здѣсь сѣти рыболовъ кидаетъ,

На удѣ блещетъ серебро; 100

Тамъ огонь съ оружья войскъ сверкаетъ. —

И все то благо, все добро!

Клеантъ, на все сіе взирая^e,

Былъ внѣ себя природы отъ чудесъ;

Верховный умъ Творца воображая,

Излилъ потоки сладкихъ слезъ:

«Все дѣло рукъ Твоихъ!» вскричалъ во умиленьи,

И, арфу въ восхищеньи^ж

Пріявъ, благоговѣнья полнъ,

Въ фригическій настрой тонъ^з, 110

Умолкъ. — Но лишь съ небесъ, сквозь дуба сводъ листвяный
 Проникнувъ, на него палъ свѣтъ багряный, —
 Брада сребристая, чело,
 Зардѣвшись, какъ солнце, расцвѣло:
 • Ударилъ по струнамъ — и отъ холма съ вершинъ
 Какъ искръ струи въ доль быстро покатались;
 Далеко звуки разгласились;
 Воспѣлъ онъ Богу гимнь.

^a Свисталъ лишь вѣтръ, лишь древъ листы шептали,
 О камни пѣны шумъ, со скалъ потоковъ ревъ
 И вдалекѣ рычащій левъ (Первон. рукоп.).

^b Туманна свѣта тѣнь.

^v ... спиnamъ (1802).

^r Жемчуги, бисеры перловы

Лѣсовъ зажглися на вѣтвяхъ (Рукоп.).

^a ... нервистыхъ ... (1802).

^o Клеантъ, все видя то и все внимая,

Былъ внѣ себя отъ сихъ естественныхъ чудесъ.

^ж И арфу взялъ и въ восхищеньи,

На іоническій настроя тонъ,

Умолкъ и духа сталъ весь полкъ.

Когда съ небесъ ...

¹ Утро составляетъ, собственно, введеніе въ *Гимнь Богу*. Поэтъ изображеніемъ великолѣпнаго утра хочетъ показать намъ, какъ созерцаніе природы пробудило вдохновеніе Клеанта и внушило ему знаменитый его гимнь Зевсу. Разборъ этого стихотв. см. въ статьѣ князя Н. А. Цертелева: «О поэзіи описательной» въ *Соревнователь* 1823 г., ч. XXI, стр. 263. Ученый Грекъ Клеантъ (Cleanthes), уроженецъ мизійскаго города Асса, жившій лѣтъ за 260 до Р. Х., былъ долго слушателемъ Зенона и потомъ преемникомъ его въ аѳинской школѣ. Скучность природныхъ дарованій вознаграждалъ онъ упорнымъ прилежаніемъ, такъ что «лампада Клеанта» вошла въ поговорку: онъ днемъ учился философіи, а ночью работалъ для своего пропитанія. Если вѣрить преданію, онъ 80-и или 90-та лѣтъ отъ роду уморилъ себя голодомъ.

«Утро и Гимнь Клеантовъ» изданы вмѣстѣ отдѣльной брошюрой въ Петербургѣ въ 1802 году*. Первое вскорѣ появилось еще въ *Вѣстникѣ Европы* за августъ того же года (ч. IV, № 16, стр. 514) съ подписью *Державинъ* и съ слѣдующимъ примѣчаніемъ къ заглавію *Утро*: «Оно напечатано въ Петербургѣ вмѣстѣ съ Гимномъ Клеанта. Для удо-

* Надъ первымъ стихотвореніемъ выставлено приведенное нами двойное заглавіе; надъ вторымъ же *Гимнь Богу*, а въ концѣ имя автора. Въ экземплярѣ Имп. Публ. бібліотеки нѣтъ заглавнаго листа; но внизу послѣдней, 8-й страницы означено: «Съ дозволенія указнаго печатано въ типографіи Шнора 1802 года».

вольствія читателей Вѣстника, живущихъ въ Москвѣ и въ провинціяхъ, помѣщаю здѣсь эту въ самомъ дѣлѣ живописную картину* утра». Въ изд. 1808 г. см. ч. II, слѣ.

² На лапахъ жилистыхъ сидитъ зубастый скимнъ.

Скимнъ — дикій левъ; ср. томъ I, стр. 171.

³ Въ Фригическій настрой тонъ.

«Фригическій тонъ, которымъ Греки пѣли гимны богамъ» (Об. Д.). Фригійскимъ назывался одинъ изъ четырехъ главныхъ и древнѣйшихъ тоновъ греческой музыки, сильный и стремительный (см. *Новый Слово-толкователь*, Спб. 1806, ч. III).

62. ГИМНЪ БОГУ¹.

О Ты, всесый, многоимянный, 1
 Но тотъ же и вездѣ единъ!
 Премудрый, вѣчный, несозданный,
 Благій Творецъ и Властелинъ!
 Что солнце подъ Собою тронемъ,
 Въ подножье звѣзды положилъ,
 Единымъ правишь все закономъ
 Своихъ неизмѣримыхъ силъ!
 Коль не возбранно тварямъ смертнымъ 2
 Къ Тебѣ взывать: Тебя пою!
 Все, что ни вижу окомъ браннымъ,
 Все чтитъ Тебя въ вину свою.
 Я самъ, я самъ, Твое творенье,
 Подобье слабое, Твой сынъ²,
 Души моей вседневно пѣнье,
 Тебѣ сей посвящаю гимнъ.
 Сводъ неба, надъ моей главою 3
 Что съ сонмомъ многихъ звѣздъ виситъ,
 Вращаясь вокругъ земли, собою
 Твое велѣніе творить;
 Въ молчаньи движась, исполняетъ
 Земля вся маніе Твое,
 И вся природа совершаетъ
 Тобой теченіе свое.
 Перунъ, посоль Твоихъ законовъ, 4

* Курсивъ употребленъ Карамзинымъ.

Въ Твоей всеильной длани спитъ:
 Взгорясь безсмертной жизнью громовъ,
 Страшитъ всю тварь, трясеть, мертвитъ;
 Но Ты жъ духъ жизни посылаешь,
 И всё онъ существа живить;
 Все имъ содержишь, оживляешь;
 Твоя же власть — природы щить.

Что въ небѣ, морѣ, сушѣ зрится, — 5
 Твое; что бездна обняла,
 Все зиждется и все родится
 Лишь отъ Тебя, — окромѣ зла:
 Оно одно, изъ душъ порочныхъ
 Возникнувъ, возмущаетъ свѣтъ;
 Но мышцей силъ Твоихъ всемоцныхъ
 Въ порядокъ паки все идетъ.

Борьбу стихій и разногласье 6
 Въ согласіе приводишь Ты,
 Творишь изъ распръ покой и счастье³,
 Изъ зла и блага — красоты.
 Міры Тобою пребываютъ,
 Въ Тебѣ союзъ ихъ свѣта, тмы,
 Который лишь разстроиваютъ
 Одни порочные умы.

О бѣдные! найти мня счастье, 7
 Закона общаго не чтутъ,
 Кой, просвѣтивъ, пришелъ въ согласье
 И къ счастью всѣмъ отверзъ бы путь.
 Такъ, такъ, они его не знаютъ,
 Бѣгутъ отъ правды, красоты,
 Свое лишь благо почитаютъ,
 А благо обще за мечты.

Спѣшать, летять ко громкой славѣ, 8
 Къ богатствамъ, власти и чинамъ,
 Къ великолѣпію, забавѣ,
 Всѣхъ низкихъ слабостей къ сластямъ,
 Которы льстятъ ихъ, обаваютъ
 И въ сѣть обманами влекутъ;
 Но лишь уловятъ, — исчезаютъ,
 Оставя вслѣдъ имъ скорбь и студи.

- Но Ты, о Боже, благъ Содѣтель! 9
 Богъ молній, грома, свѣта, тмы!
 Вдохни въ ихъ душу добродѣтель,
 Блесни и разжени ихъ мглы;
 Возвысь ихъ умъ къ уму нетлѣнну,
 Къ тому ихъ разуму взнеси,
 Которымъ правишь Ты вселенну
 И на земли и въ небеси,
 Почтилъ Ты коимъ челоуѣка, 10
 Чтобъ разумѣлъ Твои дѣла,
 И чрезъ него отъ вѣкъ до вѣка
 Гремѣла бы Твоя хвала:
 Такъ должно праведно, прекрасно
 Творенію Творца хвалить,
 Въ восклицаніяхъ всечасно
 Его святое имя чтить.
 Никто, никто изъ всѣхъ живущихъ 11
 Среди земли, среди небесъ,
 Не обрѣтетъ изъ тварей сущихъ
 Столь удивительныхъ чудесъ,
 Великихъ, славныхъ, непостижныхъ,
 Каковъ великій Разумъ тотъ,
 Что въ маніяхъ своихъ обширныхъ
 Природѣ всей законъ даетъ. —
 Онъ пѣлъ — и къ гласу столь священну 12
 Главу, казалось, вознесенну
 Вкругъ холмы, горы и лѣса
 И сами вышніи небеса
 Съ благоговѣніемъ склонили;
 Всѣ тщилися ему внимать,
 Присутствіе Господне чтили:
 Его могъ праведникъ призвать.

¹ Греческій гимнъ (Κλέανθους ὕμνος εἰς Δία), переведенный Державинымъ съ нѣмецкаго, состоитъ въ подлинникѣ изъ 38 экзаметровъ стической формы и отличается прекраснымъ языкомъ и высокостью мыслей; нѣкоторые сомнѣваются въ древности его происхожденія и видятъ въ немъ сочиненіе христіанина. Онъ былъ въ первый разъ изданъ 1568 года Урсинусомъ въ Антверпенѣ; впоследствии, особенно въ прошломъ столѣтіи, его часто переводили по-французски и по-нѣмецки; въ числѣ пере-

водчиковъ его были у Нѣмцевъ Гердеръ и Геренъ, у Французовъ Луи Расинъ и Вильменъ. Послѣдній перевелъ его очень близко, прозой, и говоритъ о немъ: «Это была новая форма лирической поэзи, разумный порывъ души, нравственная сила безъ видимаго энтузіазма, но сдержанная и непоколебимая предъ заблужденіемъ и предъ угрозами свѣта. Написанный величественными экзаметрами, безъ стремительныхъ изгибовъ строфы и разнообразныхъ формъ ритма, въ простыхъ словахъ и могучихъ образахъ, этотъ гимнъ, конечно пѣтый на тонъ какой-нибудь древней суровой мелодіи, представляется намъ прекраснѣйшимъ отрицаніемъ тѣхъ униженій, въ которыя была увлекаема Греція, и тѣхъ блестящихъ заблужденій, которымъ она нѣкогда предавалась» (Essais sur le génie de Pindare и проч., Парижъ, 1859, стр. 252). Въ своемъ *Расужденіи о лирической поэзи* Державинъ говоритъ: «Довольно о гимнахъ и одахъ, которыхъ множество примѣровъ можно видѣть въ псалтири. Изъ языческихъ всѣхъ ближе подходитъ къ нимъ, по очищеннымъ мыслямъ отъ идолопоклонства и по высокому своему содержанію, гимнъ греческаго стоическаго философа Клеанта, напечатанный въ моихъ сочиненіяхъ». Изъ критическихъ изданій гимна мы пользовались напечатаннымъ 1835 г въ Лейпцигѣ Мерцдорфомъ съ примѣчаніями Штурпа (*Cleanthis hymnum in Jovem graece edidit* и проч.). Изъ Русскихъ, кромѣ Державина, переводили этотъ гимнъ И. Мартыновъ и Мерзляковъ. Переводъ Мартынова, въ прозѣ (подъ заглавіемъ *Гимнъ Клеанта*), былъ напечатанъ въ *С.-Петербургскомъ Меркуріи* Крылова за апрѣль 1793 года. Другой переводъ, въ прозѣ же, безъ подписи, помѣщенъ въ *Другъ Просвѣщенія* за іюль 1804 г., въ статьѣ Евгенія Болховитинова *О гимнахъ*. Переводъ Мерзлякова, сдѣланный шестистопными и отчасти четырехстопными ямбами (подъ заглавіемъ *Гимнъ Зевесу*), открываетъ 2-ую часть его *Подражаній и переводовъ*. О Клеантѣ, которому приписываютъ этотъ гимнъ, см. 1-е прим. къ предыдущему стихотв. Въ статьѣ г. Галахова: *Карамзинъ какъ оптимистъ* гимнъ Клеантовъ и переводъ его, сдѣланный Державиннымъ, упомянуты между произведеніями, въ которыхъ съ большею или меньшею ясностью обнаруживается система оптимизма; при чемъ изложено въ главныхъ чертахъ и содержаніе гимна. «Въ стихотвореніи этомъ», замѣчаетъ авторъ статьи, «ясно сказано, что все существующее происходитъ отъ Бога, кромѣ зла, которое творится порочными душами; что свѣтъ, возмущаемый зломъ, снова приводится въ порядокъ всемогущимъ Творцомъ». Выписавъ потомъ 6-ую строфу, г. Галаховъ продолжаетъ: «Источникъ бѣдствій, по словамъ гимна, заключается въ томъ, что мы, стремясь къ счастію, не почитаемъ *общаю* (т. е. всемірнаго) закона. Только познаніе истинныхъ законовъ природы и жизнь, по нимъ устроенная, могутъ отверзать путь къ блаженству, уничтожать противорѣчія. Такъ какъ люди *блгутъ отъ правды, красоты* (слѣдов. правда есть своего рода красота или, вѣрнѣе, правда и красота одно и то же), какъ какъ они имѣютъ въ виду только собственное благо, не думая о *блать общаю*, то они несчастны: счастье единственно возможно при согласіи отдѣльнаго съ общимъ» (*Отеч. Зап.*, т. СХVI, 1858, № 1, стр. 134).

Переводъ Державина напечатанъ отдѣльно въ 1802 г. вмѣстѣ съ стихотвореніемъ *Утро* (см. выше стр. 200); потомъ особо въ изданіи 1808 г., ч. II, лѣт.

Предлагаемъ сдѣланный нами съ подлинника буквальный переводъ Клеантова гимна:

«Славнѣйшій изъ безсмертныхъ, многоименный, вѣчно всемогущій Зевсъ, творецъ природы, всѣмъ правящій по закону, радуйся! Тебя должны призывать всѣ смертные: мы отъ тебя произошли, надѣлены даромъ рѣчи, одни изъ всего смертнаго, чтó живетъ и движется на землѣ. Потому стану тебя восхвалять, стану воевѣкъ прославлять твою державную мощь. Ибо тебѣ весь этотъ міръ, вращающійся вокругъ земли, повинуется, какъ бы ни правилъ ты, и охотно несетъ твою власть. Такъ ты держишь орудіе въ непобѣдимыхъ рукахъ, — обоюдоострую, пламенную, вѣчноживую молнію: подъ ударами ея вся природа цѣпенѣетъ, ея исполняешь ты общее слово, все проникающее, присущій и великимъ свѣтиламъ, и малымъ, такъ права вселенной воевѣки, какъ высшій властитель. Безъ тебя, боже, ничто не совершается на землѣ, ни на эфирномъ небѣ, ни въ морской пучинѣ, кромѣ того, что творять злые въ своемъ безуміи. Но ты и неравное умѣешь уравнивать, нестройное приводить въ порядокъ, немилое мило тебѣ. Ибо ты такъ согласишь добро со зломъ, что изъ всего родится одно вѣчносущее слово закона, отъ котораго уклоняются съ пренебреженіемъ только злые изъ смертныхъ, несчастные, которые, желая обладать благами, не замѣчаютъ и не слушаютъ божьяго закона; тогда какъ, слѣдуя ему разумно, вели бы жизнь счастливую. Они, напротивъ, чуждые прекрасному, стремятся одни за другими; одни, одержимые упорною жаждою славы, другіе, безъ всякой мѣры преслѣдуя прибыль; тѣ, въ роскоши предаваясь тѣлеснымъ наслажденіямъ, достигаютъ противнаго тому, чего ищутъ. Но, Зевсъ вседающій, собиратель тучъ, молніевержецъ! освободи насъ отъ бѣдственнаго заблужденія, сгони его съ души, дай ей обрѣсти разумъ, съ какими ты праведно всѣмъ управляешь, дабы, уважаемые тобой, и мы взаимно тебя чтили, прославляя непрестанно дѣла твои, какъ прилично смертному существу, ибо для людей и боговъ нѣтъ ничего выше, какъ вѣчно прославлять по достоинству общій законъ.»

² Подобье слабое, твой сынъ.

Слово *подобье* есть и въ подлинникѣ: это — то мѣсто, которое мы перевели словами: *надѣлены даромъ рѣчи*. Въ греческомъ текстѣ (4-й стихъ): ἵης μίμνηα λαχόντες. Первое слово значитъ слово, рѣчь, но оно читается, а потому и переводится различно: его не было въ томъ переводѣ, которымъ пользовался Державинъ. Подобно нѣкоторымъ другимъ переводчикамъ (напр. въ *Hellas und Rom*), мы позволили себѣ употребить *даръ* вмѣсто *подобья*. У Мерзлякова вовсе нѣтъ этой мысли; вообще его *Гимнъ Зевесу*, собственно, только подражаніе, а не переводъ. Онъ начинается такъ:

«О Ты, подъ разными всечтимый именами,
Единый, Той же, Сый!... верховный Богъ-Отецъ!

Слово *мноюимянный* въ 1-мъ стихѣ у Державина совершенно соотвѣтствуетъ греческому *πολυώνυμος*, и трудно согласиться съ Штурцомъ, полагающимъ, что здѣсь это слово должно значить вообще *претпрославленный* — *celebratissimus*. И Вильменъ переводитъ: «*nommé de plusieurs noms*».

³ Творишь изъ распрѣ покой и счастье.

Ср. въ *Фелиць*, томъ I, стр. 86, строфа 13:

Изъ разногласія согласье
И изъ страстей свирѣпныхъ счастье
Ты можешь только созидать.

63. ПЕРВАЯ ПѢСНЬ ПИНДАРА ПИОНЧЕСКАЯ ¹.

Златая арфа Аполлона, 1
Подруга чернокудрыхъ Музъ!
Твоимъ въ молчаньи звукамъ внемлетъ
Монархъ веселья, пляска, ликъ;
Когда же, хоромъ управляя,
Даешь къ совосклицанью знакъ, —
Огнь быстрый, вѣчный, вседробящій
Ты можешь молнии потушить ²!
Сидитъ на скипетрѣ Зевеса 2
Орель, пернатыхъ царь ⁴, и, внизъ
Спусти высокопарны крылья,
Во сладостномъ забвеньи спитъ.
Пріятна мгла, смежая вѣждѣ,
Главу его на перси гнетъ;
Бряцаньемъ тихимъ утомленный,
Чуть зыблется хребетъ его.
Свирѣпый Марсъ склоняетъ долу 3
Свое кроваво острее;
Утѣхой сердце упоенно,
Смягчася, плѣняется его.
И самые безсмертны боги
Забавъ сражаются отъ стрѣлъ,
Какія персты Феба мещуть
И нѣжны груди Піеридъ.
Но тотъ, кого Зевесъ не любитъ, 4
Дрожитъ отъ звонкихъ пѣсень Музъ;

Трепещеть на землѣ и морѣ
 Вся груба, суща тварь отъ нихъ;
 Трепещеть и Тифей стоглавый³,
 Войтель бывый на боговъ:
 Наверженъ страшною горою,
 Онъ въ мрачномъ Тартарѣ лежитъ.

Килькійской оглашенной бездной⁴
 Онъ нѣкогда воспитанъ былъ;
 Вокругъ его каменно-морскій
 Днесъ кумскій и сицильскій брегъ
 Космату грудь отягощаетъ;
 Столпомъ, досягшимъ до небесъ,
 Держащимъ на себѣ снѣгъ вѣчный,
 Прижать, придавленъ Этной онъ.

Изъ челюстей своихъ извержетъ
 Потоками всежрущій огонь,
 Который днемъ сквозь тучи дыма
 Сверкаетъ искрами въ азръ,
 А ночью, вихрями крутяся,
 Горящимъ каменнымъ дождемъ,
 Съ ужаснымъ грохотомъ и ревомъ
 Въ морскую глубину падеть.

Не только зрѣть его ужасно,
 Какъ жупель онъ Вулкановъ вверхъ
 Горящими струитъ рѣками, —
 О немъ ужасенъ даже слухъ:
 Какъ Этной къ листомрачну верху⁵
 И къ дну прикованъ цѣпью онъ,
 Изъязвленнымъ хребтомъ простершись,
 На терновыхъ лежитъ буграхъ.

О Зевсъ, горы сея властитель!

Помилуй и спаси чело
 Страны, богатая^а плодами,
 Близъ коей соименный градъ
 Воздвигъ народовъ поселитель
 И гдѣ въ ристалищѣ герольдъ
 Пноійскомъ славу колесницы
 Хироновой провозгласилъ!

Какъ въ погть пловцы пустаня, ликують,

5

6

7

8

9

Зря вздуты вѣтромъ паруса,
 Надеждою ихъ сердце льстится,
 Что счастливо свой путь свершатъ:
 Такъ сихъ торжествъ начало кажетъ,
 Что градъ украсяся сей, и впредь
 Въ вѣнцѣ побѣдъ, во блескѣ новомъ,
 Возляковствуетъ на пирахъ.

О Фебъ, Лицея повелитель ⁶,
 Делоса свѣтлый царь и другъ
 Любимаго тобой потока
 Кастальскихъ водъ, съ Парнасскихъ горъ
 Текущихъ! о, услышь желанье!
 Сей гласъ мой — и страну сію,
 Героями превознесенну,
 На сердцѣ напиши твоемъ!

Такъ милостью боговъ единыхъ
 И въ добродѣтеляхъ своихъ
 Всѣ процвѣтаютъ человѣки!
 Блаженства лишь они дождятъ ⁷:
 Черезъ нихъ премудрые — премудрость,
 Краснорѣчивы — сладость усть,
 Могушіе — ихъ силу стяжутъ,
 И всѣ дары текутъ отъ нихъ.

И я, исполнясь ихъ восторгомъ,
 Вожделѣвая мужа пѣть,
 Да брошу сильною рукою
 Мое выспръ мѣдное копье,
 Которое, прямымъ полетомъ
 Межъ соподвижниковъ моихъ
 Всѣхъ далѣй, всѣхъ быстрѣй промчяся,
 Со звукомъ въ мѣту попадетъ.

О, да всегда къ нему снисходить
 И впредь веселье такъ, какъ днесъ!
 Осыпанъ счастья дарами,
 Да забываетъ скорбь свою,
 А помнитъ брани и побѣды,
 Гдѣ жалъ онъ славу, цвѣтъ боговъ,
 Гдѣ съ нимъ никто, кромѣ Гелона ⁸,
 Благъ выше не снискалъ коронъ.

Но не тому ли ужъ подобень 14
 Онъ древню Филоктету днесъ,
 На брань готову, снаряженну
 По изволенію судьбы,
 Котораго изъ славныхъ воевъ
 Первѣйшій мужествомъ герой,
 Толь рѣдкимъ посѣтя привѣтствомъ,
 И дружбою почтилъ своей?

Тогда, вожди какъ приходили 15
 Съ собой его подь Трою звать,
 Лежалъ, страдая въ Лемнѣ язвой,
 Снабженный лукомъ, Фисовъ сынъ⁹;
 Хоть былъ безсильнымъ, слабымъ, тощимъ⁶,
 Но онъ низвергъ Пріамовъ градъ
 И подвигъ совершилъ Данаевъ:
 Угодно было такъ богамъ.

Возставъ, о Боже! и Хирона 16
 Ты такъ съ болѣзненна одра,
 И въ временахъ ему грядущихъ
 Во всѣхъ желаньяхъ даждь успѣхъ!
 А ты, о Муза! колесницы⁸
 Четвероконной торжествомъ
 Восхити духъ и Диноменовъ¹⁰:
 Не чужда сыну честь отца.

Ему ужъ скоро возгласится 17
 И самому мной также пѣснь,
 Какъ оному державцу Этны,
 Кому Хиронъ воздвигъ сей градъ¹¹
 Златой свободы на твердынѣ,
 По чертежу хилійскихъ правъ;
 И Гераклидовъ родъ, Памфила,
 Пребывъ Дорійцами доднесъ,

Хранить Эгимовы завѣты 18
 Съ тѣхъ самыхъ поръ, когда, съ холмовъ
 Тагета двигшись, взялъ приступомъ,
 Отторгнувъ отъ Амеклы, Пиндъ,
 Счастливо ею завладѣвши,
 И днесъ почтеннѣйшій сосѣдъ

Сталь бѣлоконнымъ Тиндаридамъ,
И копій звуками цвѣтеть.

Продли, продли, Зевесъ, то жъ счастье 19

И на Аменовыхъ водахъ¹²,

Да о князьяхъ и о народѣ

Молва правдивая гремитъ!

Отцомъ возвышена младаго

Ты самъ царя сего води,

И старца умудрай мастита¹

Въ согласи царства содержать.

Молю тебя, молю сынъ Хроновъ! 20

Да страшный ревъ военныхъ трубъ

Спокойства больше не смущаетъ,

Ни Тирянь, ни Финикьянь днесъ¹³.

Ты самъ, Зевесъ, при Кумѣ видѣлъ

Кораблегибельный позоръ

И оному ударъ подобный,

Имъ данный княземъ Сиракузъ.

Ты зрѣлъ, какъ сильной онъ рукою 21

Съ смятенныхъ бѣгствомъ кораблей

Свергалъ цвѣтущи войски въ море

И Грецію отъ рабства спасъ¹⁴!

Пѣснь благодарная Афинамъ

Принадлежитъ за Саламинъ:

И я хвалю, не умолкая,

Спартанъ за Китеронскій бой.

О, какъ въ сихъ страшныхъ двухъ сраженьяхъ 22

Стрѣлами ополченны тьмы

Надменныхъ Персовъ упали!

Какъ на смѣющихся берегахъ

Водами свѣтлыми Химеры

Звукъ Диноменовыхъ сыновъ¹⁵

Гласится мной, достойно стершихъ

Геройской мышцей полкъ враговъ!

Пѣснь краткую, но содержащу 23

Въ себѣ дѣлъ болѣе, чѣмъ словъ,

Не столь хулители терзаютъ;

Но нагруженна черезъ край

Воображенье утомляетъ;

И собственных хвала гражданъ
 Завистникамъ жметъ тайно сердце:
 Коль паче чужеземныхъ ⁶ честь ¹⁶!

Межъ тѣмъ рождать пріятнѣй зависть ⁷,
 Чѣмъ сожалѣнье намъ. — И ты
 Не преставай идти вслѣдъ славѣ;
 Рулемъ довѣрья правь народъ,
 Судъ искушай въ горнилѣ правды:
 Малѣйшу искру отъ царя
 Свѣтъ за большой пожаръ считаетъ ³;
 Тьмы вокругъ свидѣтелей тебя.

24

Ревнуешь ли потомства къ чести?
 Будь твердымъ въ подвигахъ благихъ
 И щедрымъ быть не отрекайся;
 Но паче, вѣтромъ парусъ твой
 Вдувай, подобно мореходцамъ;
 Лишь никогда, любезный мой,
 Не обольщайся царедворцевъ
 Лукавой сладостью словесъ.

25

Единъ гласъ памяти блаженной
 Звучить за гробомъ, — и дѣла
 Мужей великихъ воскрешаетъ ⁸
 Во лѣтописцахъ и пѣвцахъ.
 Не умретъ Креза добродѣтель;
 Но лютый, злобный Фаларисъ,
 Людей въ волѣ сжигавшій мѣдномъ,
 Не вспоминается добромъ.

26

Нигдѣ о немъ не звукнетъ арфа;
 Ея не вторитъ юныхъ шѣснь:
 О! такъ, Хиронъ, вкушенье жизни
 Благополучья первый даръ,
 Второй же даръ благая слава:
 А кто стяжалъ ихъ обоихъ,
 Тому судьбы опредѣлили
 Всѣхъ превосходнѣйшій вѣнецъ.

27

⁸ Богатыя страны ... (1803).

⁶ ... Фесовъ сынъ;

Хоть былъ безсиленъ, слабъ, шатался.

⁷ А ты восхитъ и Диноменовъ,

О Муза! сей побѣдой духъ
 Четвероконой колесницы.
 1 ... завладѣя —
 И днесъ почтенный сталъ сосѣдъ
 На бѣлыхъ коняхъ Тиндаридамъ.
 2 И старца провожай ...
 3 ... иностранныхъ ...
 4 Межь тѣмъ всегда пріятнѣй ...
 5 Свѣтъ за большую почитаетъ.
 6 ... пробуждаетъ.

¹ По свойству своего таланта и по содержанию многихъ изъ своихъ произведеній Державинъ долженъ былъ питать особенное сочувствіе къ Пиндару; сознавая это, уже его современники (напр. Батюшковъ) съ тогдашней точки зрѣнія говорили про него: *нашъ Пиндаръ*. Дѣйствительно, какъ евнскій лирикъ по справедливости считалъ себя преемникомъ и продолжателемъ Гомера, такъ и нашъ поэтъ создалъ въ нѣкоторомъ смыслѣ эпопею своей блистательной эпохи. Мы уже видѣли (томъ I, стр. 523), что онъ въ 1796 году написалъ въ честь А. Г. Орлова оду въ Пиндаровомъ духѣ подъ заглавіемъ *Аонійскому витязю* *. Настоящая ода есть первый его опытъ въ переводѣ изъ Пиндара, при чемъ онъ пользовался нѣмецкимъ переложениемъ въ прозѣ Гедике, которому близко слѣдовалъ (Pindar's Pythische Siegshymnen, mit erklärenden und kritischen Anmerkungen verdeutschet von Fr. Gedike, Berlin u. Leipzig, 1779) **. Въ 1805 году Державинъ перевелъ оттуда же и первую олимпийскую оду. Само собою разумѣется, что при недостаткѣ другихъ пособій, и особенно знакомства съ греческимъ языкомъ, переводы Державина изъ Пиндара не отличаются точностью. Послѣ Державина эту оду стихами же перевели, вмѣстѣ съ другими сочиненіями Пиндара, П. И. Голенищевъ-Кутузовъ (*Творенія Пиндара*, двѣ части, М. 1803 и 1804) и И. И. Мартыновъ (*Греч. классики*, ч. XXI и XXII, Спб. 1827).

Извѣстно, что Пиндаръ воспѣвалъ побѣдителей на греческихъ играхъ, по именамъ которыхъ оды его и раздѣляются на олимпийскія, пионческія, истмійскія и немейскія. Пьеронъ (*Хиронъ* у Державина), родомъ изъ Сиракузъ, возобновивъ городъ Катану, назвалъ его Этною по имени сосѣдней горы и потому на состязаніяхъ принялъ названіе *Этлѣкина*. Въ

* Еще гораздо прежде сочувствіе Державина къ Пиндару замѣчательнымъ образомъ выразилось въ стихахъ на празднество Потемкина (1791 г.), начинающихся словами:

Не такъ ли лира восхищенна,
 Въ Пиндаровы цвѣтущи дни ...

и содержащихъ поэтическую характеристику пѣсней греческаго лирика. Вторая строфа этихъ стиховъ представляетъ любопытное сходство въ образахъ съ 2-ю же строфою помѣщаемой здѣсь оды (см. томъ I, стр. 272).

** Державинъ въ своихъ *Объясненіяхъ* говоритъ, что онъ пользовался также переводомъ Рамлера; но Рамлеръ, сколько извѣстно, не перевелъ Пиндара; эту оду перевелъ, прежде Гедике, Фоссъ (въ *Deutsches Museum*, янв. 1777): не его ли переводъ былъ также въ рукахъ нашего поэта?

26-ую и 27-ую пнеіаду онъ побѣдилъ въ ристаніи, въ 29-ую — на колесницѣ, и на послѣднюю побѣду сочинена эта ода. 29 пнеіада соотвѣтствовала 474 году до Р. Х. Городъ Этна былъ основанъ за два года до того. Нѣсколько ранѣе, около времени вступленія Герона на престолъ, начались изверженія Этны; на нихъ есть намеки въ этой одѣ. Въ томъ же году, когда Геронъ одержалъ эту побѣду, къ нему приходили послы изъ города Кумъ въ Италиі просить помощи противъ морскихъ силъ Этрусковъ. Геронъ подкрѣпилъ Кумы своимъ флотомъ, Этруски были разбиты, и флотъ возвратился домой съ торжествомъ. На эту побѣду намекаетъ настоящая ода (Pindar's Werke, griechisch mit metrischer Uebersetzung etc. von J. A. Hartung. Leipzig, 1855, ч. II, стр. 194). Забѣтимъ впрочемъ, что воспѣваемая здѣсь побѣда на пнейскихъ играхъ была одержана не самимъ Герономъ, а только его колесницей и конями; онъ же оставался дома (см. строфу 16).

Эта ода была напечатана въ *Вѣстникъ Европы*, въ февралѣ 1803 г. (ч. VII, № 4, стр. 268), съ подписью *Державинъ*, подъ заглавіемъ: Первая Пиндарова пнеическая пѣснь Этнянину Хирону, королю сиракузскому, на побѣду его колесницы. Державинъ тогда только что вступилъ въ должность министра юстиціи, и по этому поводу Карамзинъ, не зная, что переводъ сдѣланъ уже три года передъ тѣмъ, замѣтилъ внизу страницы: «Любители русскаго стихотворства поражаются, что славный поэтъ нашъ и среди важнѣйшихъ государственныхъ дѣлъ еще занимается Музами. Онѣ не могутъ упрекать любимаца своего неблагодарностью. К.» О томъ, что Державинъ переводилъ изъ Пиндара, было заявлено въ *Вѣстникъ Европы* уже за нѣсколько мѣсяцевъ до того, именно въ сентябрѣ 1802 года (ч. V, № 17, стр. 28), *стихами Г. Р. Державину на переводъ Пиндара*, подъ которыми означено: *Прислахи изъ Петербурга*. Въ нихъ авторъ, подписавшійся Дмитрій Барановъ *, доказываетъ, что такой талантъ, какъ Державинъ, не долженъ переводить:

«Державину ль искать въ чужихъ странахъ примѣра?
Тому ли подражать, кто самъ примѣромъ сталъ?
Маронъ въ отечествѣ не перевелъ Гомера,
Съ Вандиковыхъ картинъ Корреджіи не писалъ.
Пусть славить Греція элидски колесницы!
Кто духъ Горація съ Пиндаромъ съединилъ,
Къ лирическимъ красамъ путь новый намъ открылъ,
Кто подвиги гремѣлъ безсмертныя Фелицы,
Кто гласомъ Аонидъ героевъ русскихъ пѣлъ, —
Того померкнутъ ли въ отечествѣ картины?
И еслибъ теперь родился другъ Коринны (т. е. Пиндаръ),
Не онъ ли бы тебя, Державинъ, перевелъ?»

* Хорошій стихотворецъ, помѣстившій между прочимъ въ *Асидатахъ* Карамзина (кн. II) переводъ волтеровою сатиры «Le mondain», подъ заглавіемъ: *Любитель ничтожнаго свѣта*. Приводимые здѣсь стихи его къ Державину перепечатаны Жуковскимъ въ *Собраніи Русскихъ стихотвореній* (Т. V), съ полною подписью автора.

Настоящій переводъ сдѣланъ едва ли безъ примѣненія къ современнымъ обстоятельствамъ, хотя въ *Объясненіяхъ* Державина о томъ и не сказано. Въ изданіи 1808 г. (ч. II, xxxiii) пѣснь Пиндара, кажется, не даромъ помѣщена между одой *На восшествіе на престолъ императора Александра* и *Гимномъ Кротости*: нѣтъ почти никакого сомнѣнія, что подѣ большимъ Хирономъ поэтъ разумѣлъ Суворова. Легко также отыскать въ одѣ намеки на императора Павла и на вел. кн. Александра Павловича.

² Ты можешь молнии потушить.

Чтобъ показать, какъ переводилъ Державинъ, выпишемъ здѣсь начало перевода Гедике, служившаго ему подлинникомъ:

«Goldene Harfe Apollons, du der violenlockigen Musen mitgebetende Lenkerin, deinen Ackorden horchet der Tanz, der Freudenfürst, horchen die Sänger, wenn du, beherrschend den Chor, seinem Gesang voranzuhallen beginnst.

«Selbst des ewigen Feuers spaltenden Blitz löschest du aus. Oben auf Jupiters Zepter schlummert der Adler, der Vögel König, die schnellen Schwingen auf beiden Seiten hinabgebreitet. Dunkle Nacht, der Angenlieder süsse Fessel, geusst du hin über sein gebognes Haupt. Schlummernd hebt er den wiegenden Rücken empor, von deiner Töne Geschossen besiegt».

³ Трепещеть и Тифей столбавый.

«По баснословію, Тифей — чудовищный исполинъ, со ста змѣнными главами, который воевалъ противъ боговъ, а особливо противъ Юпитера, повергнушаго его наконецъ подѣ тяжесть горы Этны, и онъ-то дѣлаетъ изъ оной толь ужасныя пламенныя изверженія» (*Об. Д. по Гедике*).

⁴ Килькійской оглашенной бездной.

Въ Киликіи, малоазійской области, земля родила Тифея; тамъ и жилъ онъ послѣ въ пещерѣ, получившей по этому извѣстность (Гедике). Въ нѣмецкомъ переводѣ: «Ihn nährte einst Kilikia's verrufene Kluff».

⁵ Какъ Этной къ листомрачну верху ...

У Гедике: «Fürchterlich auch nur vom Pilger zu hören, wie er an Aetna's schwarzbeschattenem Gipfel und am Grunde gekettet liegt». *Листомрачный* верхъ соотвѣтствуетъ выраженію подлинника *μελαμφύλλοις χροφαῖς*, что Гартунгъ переводитъ *dunkellaubiger Gipfel*. — Въ 8-й строфѣ стихи А и Б соотвѣтствуютъ нѣмецкому выраженію: «dessen nahegränzende Namenstadt ihr glorreicher Bevölker (*поселитель*) verherrlichte».

⁶ О Фебъ, Лицея повелитель.

«O Phöbus, Lykias und Delos Beherrscher»: Аполлонъ былъ особенно почитаемъ въ *Ликии* и на островѣ Делосѣ. Впрочемъ *Лицей* былъ названъ такъ по имени близлежащаго храма Аполлона Ликійскаго.

⁷ Блаженства лишь они дождятъ.

Ср. въ одѣ *На приобретение Крыма* (томъ I, стр. 126):

То воплощено божество,
Которое дождитъ блаженства,

и въ *Прогиднѣи* (тамъ же, стр. 396): Блаженствами дождятъ благихъ.

⁸ Гдѣ съ нимъ никто, кромѣ Гелона.

Гелонъ — братъ Герона; они вмѣстѣ одержали при Гимерѣ побѣду надъ Кареагенянами. Объ этомъ упоминаютъ у Гедике въ примѣчаніи, но въ текстѣ самой оды нѣтъ имени Гелона.

⁹ Снабженный лукомъ, Фисовъ сынъ.

Не Фисовъ, а Пеасовъ (Рбас). — Филоктетъ, который, бывъ раненъ въ ногу отравленной стрѣлой Геркулеса, страдалъ въ Лемносі, пока не явились за нимъ Улиссъ и Неоптолемъ и не исцѣлили его сынъ Эскулапа. Съ нимъ сравнивается Геронъ потому, что и онъ во время прославаемого торжества былъ боленъ. Оставшись при войсѣхъ, онъ ввѣрилъ управление города Этны своему сыну.

¹⁰ Восхити духъ и Диноменовъ.

Диноменъ — сынъ Герона.

¹¹ Кому Хиронъ воздвигъ сей градъ и проч.

Геронъ назначилъ сына своего намѣстникомъ возобновленнаго города Этны. *Хилійскіе права* (Hyllische Gesetze) значить пелопонезскіе законы, ибо Пелопонезъ былъ покоренъ Гераклидами, которыхъ первымъ предводителемъ былъ Гиллусъ, сынъ Геркулеса. Новое населеніе города Этны составляли выходцы изъ Пелопонеза, потомки Гераклидовъ, между которыми былъ и Памфилъ, сынъ Эгима. Пиндаръ говоритъ, что жители Этны остались вѣрны обычаямъ древнихъ Дорійцевъ, пришедшихъ съ Гераклидами въ Пелопонезъ. Потому онъ точнѣе обозначаетъ мѣсто, откуда пришли поселенцы города Этны, именно хребетъ Тайгетскій, при подшвѣ котораго лежалъ городъ Апуклія; этотъ городъ покорили Дорійцы, спустившись, подъ предводительствомъ Гераклидовъ, съ горы Пинда, т. е. съ прилежащей къ нему области Дориды. Амины находились близъ Спарты, родины Тиндаридовъ, Кастора и Поллукса; слѣдовательно новые поселенцы города Этны были, до прихода въ Сицилію, какъ бы сосѣдями Тиндаридовъ. Неточность выраженій Державина въ 18 строфѣ конечно не ускользнетъ отъ внимательнаго читателя.

¹² И на Аменовыхъ водахъ.

Анепас, рѣка протекавшая черезъ городъ Этну.

¹³ Ни Тирянь, ни Финикьянь днесъ.

Тирянь вм. Тирренянь, т. е. Этрусковъ. Подъ *Финикьянами* разумѣются здѣсь Кареагеняне; подъ княземъ Сиракузъ — братъ Герона, Гелонъ (см. выше примѣч. 8), царствовавшій тамъ врёжде Герона.

¹⁴ И Грецію отъ рабства спасъ.

Кареагеняне были въ союзѣ съ Персами.

¹⁵ Звукъ Диноменовыхъ сыновъ —

т. е. Герона и Гелона, которыхъ отца звали также Диноменомъ. О Гимерѣ см. выше примѣч. 8.

¹⁶ Коль паче чужеземныхъ честь.

Геронъ былъ собственно уроженецъ не Сиракузъ, а Гелы. Три послѣдніе стиха очень вѣрно передаютъ переводъ Гедике: «heimlich drückt

der Ruhm des Mitbürgers dem Neider das Herz, der Ruhm des Fremdlings am meisten». Но Гаргунтъ такъ переводитъ: «Von fremden Verdiensten zu hören, drückt den Muth insgeheim beneidender Bürger herab» —

ἀστῶν δ' ἀκοὰ κρύφιοι

ἤμιον βαρύνει μάλιστα ἐσλοῖσιν ἐπ' ἀλλοτρίοις.

Для объясненія смысла этихъ стиховъ въ устахъ Державина см. выше, стр. 183, замѣчаніе его объ отношеніи императора Павла къ Суворову.

64. ГИТАРА¹.

Шестиструнная гитара, 1
 У красавицы въ рукахъ,
 Громы звучнаго Пиндара
 Заглушая на устахъ,
 Мнѣ за гласомъ звонкимъ, нѣжнымъ^а
 Пѣть велить любовь.
 Я пою подъ миртой мирной, 2
 На красы ея смотря,
 Не завидую обширной
 Власти самага царя:
 Взглядъ одинъ ея мнѣ нѣжный
 Всѣхъ милѣй чиновъ.
 Пусть вожди въ бояхъ дерутся, 3
 Въ думахъ бара брань ведутъ;
 Алыхъ устъ ея коснуться,
 Вся моя побѣда тутъ:
 Поцѣлуй ея мнѣ нѣжный
 Выше всѣхъ даровъ.
 Пусть герой свой блескъ сугубить, 4
 Ждетъ безсмертія отликъ^а;
 Милая меня коль любить, —
 Мнѣ блаженнѣй вѣка мигъ,
 И ея объятія нѣжны
 Всѣхъ свѣтлѣй вѣнцовъ.

^а Мнѣ за гласомъ ея нѣжнымъ (1804).

¹ Написана для Авдотьи Семеновны Жегулиной (Об. Д.). Жегулина вышла за-мужъ за генералъ-маіора Ивана Захаровича Ершова. Подъ старость она жила въ Симферополѣ и, не смотря на преклонныя лѣта,

занималась еще музыкой, пѣла громкимъ и чистымъ голосомъ. Она умерла въ Москвѣ, въ сентябрѣ 1863 г., лѣтъ около 80-ти отъ роду, сохранивъ почти до конца всѣ умственныя способности (М. Лонгиновъ).

Напечат. въ *Амавр. тѣсм.* 1804 г., стр. 142, и въ изд. 1808, ч. III, LXXXVII.

² Ждетъ безсмертія отликъ.

Отлика, простонародное слово, значить по академическому Словарю отиѣна, различіе, но здѣсь употреблено вмѣсто: *отличіе*.

65. СНИГИРЬ ¹.

Что ты заводишь пѣсню военну, 1
 Флейтѣ подобно, милый Снигирь?
 Съ кѣмъ мы пойдемъ войной на гіену?
 Кто теперь вождь нашъ? кто богатырь?
 Сильный гдѣ, храбрый, быстрый Суворовъ?
 Сѣверны громы въ гробѣ лежать.
 Кто передъ ратью будетъ, пылая ^a, 2
 Ѣздитъ на клячѣ, ѣстъ сухари ²;
 Въ стужѣ и въ зноѣ мечъ закаляя ⁶,
 Спать на соломѣ, бдѣть до зари;
 Тысячи воинствъ, стѣнъ и затворовъ,
 Съ горстью Россіянъ все побѣждать ³?
 Быть вездѣ первымъ въ мужествѣ строгомъ ³; 3
 Шутками зависть, злобу штыкомъ ⁴,
 Рокъ низлагать ⁷ молитвой и Богомъ;
 Скиптры давая, зваться рабомъ;
 Доблестей бывъ страдалецъ единыхъ ⁴,
 Жить для царей, себя изнурять?
 Нѣтъ теперь мужа въ свѣтѣ столь славна: 4
 Полно пѣть пѣсню военну ^e, Снигирь!
 Бранна музыка днесъ не забавна:
 Слышьешь отвсюду томный ⁸ вой лирь;
 Львиного сердца, крыльевъ орлиныхъ
 Нѣтъ уже съ нами ⁹! Что воевать?

^a Кто будетъ пѣшій съ ратью ходить (1805).

⁶ Въ стужѣ и въ зноѣ душу калить.

³ Съ горстью Россіянъ вмѣгъ побѣждать?

Быть въ судѣ первымъ ...

⁷ Рокъ поражать ...

⁴ Доблестей только жертвой единыхъ.

- ° ... пѣсни военны ...
- ° ... томныхъ вой лирь.
- ° Нѣтъ у насъ вождя ...

¹ Эти элегическіе стансы написаны по случаю кончины Суворова, послѣдовавшей 6-го мая 1800 г., въ квартирѣ племянника его, графа Д. И. Хвостова (см. выше стр. 189), жившаго на Крюковомъ каналѣ за Торговымъ мостомъ противъ Никольскаго рынка, въ домѣ, который нынѣ принадлежитъ г-жѣ Лобановой*. У поэта былъ снигирь, умѣвшій пѣть одно колѣно военнаго марша; когда «по преставленіи сего героя» поэтъ возвратился домой и услышалъ, что птичка его поетъ военную пѣсню, то и написалъ эти стихи въ память славнаго полководца (Об. Д.). Въ *Ключъ къ соч. Держ.* (стр. 86) сказано: «Пѣснь сія написана тотчасъ по кончинѣ Суворова. Авторъ былъ при оной и, возвратясь домой, услышалъ, что ученый снигирь его напѣваетъ маршъ». Ф. П. Львовъ въ изданіи *Объясненій* употребляетъ только выраженіе *по кончинѣ Суворова*. Неизвѣстно, на какомъ основаніи въ смирдинскій комментарий (по большей части только повторяющей Львова) вошло свѣдѣніе, будто Державинъ написалъ эту пѣсню по возвращеніи съ похоронъ Суворова.

На другой день послѣ смерти генералиссимуса поэтъ писалъ Н. А. Львову въ Москву (см. въ нашемъ изданіи переписку Державина): «Герой нынѣшняго, а можетъ быть, и многихъ вѣковъ, князь Италійскій, съ такою же твердостью духа, какъ въ многихъ сраженіяхъ встрѣчалъ смерть, вчерась въ 3 часа по полудни скончался. Говорятъ, что хорошо это съ нимъ случилось. Подлинно, хорошо — въ такой славы вѣнѣ, и въ такомъ неуваженіи внутрь окончить вѣкъ! Это истинная картина древняго великаго мужа. Вотъ урокъ, вотъ что есть человекъ!» — Въ тотъ же день Державинъ писалъ оренбургскому губернатору, Ивану Онуфриевичу Курису: «Письмо ваше князю Италійскому доставилъ. Я думаю, уже вы получили отвѣтъ отъ г. Хвостова. Но къ крайнему оскорбленію всѣхъ, вчерась по полудни въ 3 часа героя нашего не стало. Онъ съ тою же твердостью встрѣтилъ смерть, какъ и много разъ встрѣчалъ въ сраженіяхъ. Кажется, подъ оружіемъ она его коснуться не смѣла. И ашла время, когда уже онъ столь изнемогъ, что потерялъ всѣ силы, не говорилъ и не глядѣлъ нѣсколько часовъ! Что дѣлать? хищницѣ сей никто противустоять не можетъ. Только безсильна истребить она славы дѣлъ великихъ, которая навѣки останутся въ сердцахъ истинныхъ Россіянъ. Я препровождаю вамъ экземпляръ Перехода его чрезъ Альпы (т. е. оды на этотъ предметъ, см. выше стр. 173). Можетъ быть, найдете хотя одну черту души его и качества, которыя вамъ столь много извѣстны».

Державинъ обратилъ на себя вниманіе героя еще въ пугачевщину (1774 г.): Суворовъ, преслѣдуя злодѣя, услышалъ общія похвалы молодому

* Такъ показываетъ авторъ *Исторіи войны съ 1799 г.* (т. V, стр. 220). Тимковскій же означаетъ слѣдующимъ образомъ домъ, гдѣ умеръ Суворовъ: «по улицѣ къ Новому рынку, лицомъ на Сѣвную площадь» (*Мое поступленіе въ службу, Москвитянинъ* 1852, № 20, стр. 57).

гвардейскому офицеру, который отличался распорядительностью и храбростью, и кажется, вскорѣ послѣ того эти два необыкновенные человека сблизились (см. нашу статью *Державинъ и графъ Петръ Панинъ*, въ *Спб. Вѣдомостяхъ* 1863 г. № 210). Дружескія между ними отношенія продолжались до самой кончины фельдмаршала. За нѣсколько дней до нея Державинъ былъ у Суворова, который въ разговорѣ между прочимъ спросилъ у него: «Какую же ты мнѣ напишешь эпитафію?» — По моему, много словъ не нужно, отвѣчалъ Державинъ: довольно сказать: *Здѣсь лежитъ Суворовъ**. — «Помилуй Богъ, какъ хорошо!» произнесъ герой съ живостью, хотя и слабымъ уже голосомъ, пожимая руку поэта. Извѣстно, что мысль Державина была принята и что на гробницѣ Суворова дѣйствительно находится эта простая надпись: вполнѣ распространенная, она въ 1852 г. восстановлена въ прежнемъ видѣ (*Ист. войны съ 1799 г.*). Суворовъ погребенъ въ Александро-Невской лаврѣ, въ церкви Благовѣщенія. Похороны происходили въ Николинъ день. Императоръ Павелъ ожидалъ погребальное шествіе на Невскомъ проспектѣ у Публичной библіотеки и, снявъ шляпу передъ гробомъ, проронилъ нѣсколько слезъ, которыя должны были искупить незаслуженный гнѣвъ, повергнувшій огорченнаго старца въ могилу. Державинъ вполнѣ понималъ Суворова, любилъ и уважалъ его за доброе сердце и искреннее благочестіе; въ пьесѣ *Снигирь* слышится непритворное чувство. Одному изъ извѣстныхъ нашихъ писателей приходило на мысль, не разумѣлъ ли Державинъ подъ Снигиремъ Карамзина, который писалъ стихи на войну съ Французами. Дѣйствительно, очень кстати было бы спросить по этому поводу у Карамзина:

Что ты заводишь пѣсню военну,
Флейтѣ подобно, милый Снигирь?

Но предположеніе это падаетъ при ближайшей справкѣ, показывающей, что *Письмо воинаго* сочинена Карамзиннымъ не прежде 1806 года. *Гіеной* поэтъ называетъ французскую революцію, которую онъ въ нѣкоторыхъ другихъ стихотвореніяхъ (напр. въ одѣ *Орель*, см. выше стр. 154) означаетъ именемъ *идры*: «гіена — злѣйшій африканскій звѣрь», говоритъ онъ въ *Объясненіяхъ*.

Г. Погодинъ доставилъ намъ любопытный списокъ пьесы *Снигирь*, писанный очевидно въ первое время послѣ смерти Суворова, — на листкѣ почтовой бумаги съ траурнымъ капстикомъ.

Напечат. въ *Другъ Просв.* за іюнь 1805 г. (ч. II, стр. 186), подъ заглавіемъ: Къ Снигирю. По кончинѣ князя Суворова, безъ подписи и съ примѣчаніемъ въ выноскѣ: «Сія пьеса прислана отъ неизвѣстнаго»; потомъ въ изд. 1808 г. ч. II, ххviii. Въ *Русскомъ Вѣстникѣ* за февраль 1808 г. (ч. I, стр. 202) помѣщены стихи, подписанные К. З., подъ заглавіемъ: «Къ Г. Р. Державину по случаю кончины Суворова» (три строфы въ пятистопныхъ, въ то время еще мало употребительныхъ ямбахъ). Статью о послѣднихъ дняхъ Суворова см. въ *Спб. Архивѣ* 1822 г. № 10.

* Въ *Стихотвореніяхъ* Гнѣдича (Спб. 1832, стр. 204) есть *Надпись къ гробу Суворова*: «Ты ищешь монумента? — Суворовъ здѣсь лежитъ».

² Ъздить на клячѣ, ѣсть сухари.

«Суворовъ, воюя въ Италіи, въ жаркіе дни ѣздилъ въ одной рубашкѣ предъ войскомъ на казачьей лошади, былъ по обыкновенію своему не прихотливъ въ кушаньи и часто ѣдалъ сухари; въ стужѣ и въ зноѣ, безъ всякаго покрыва, какъ бы закалялъ себя подобно стали; спалъ на соломѣ или на сѣнѣ, вставалъ на зарѣ, а когда нужно было еще ранѣе предпринять ночную экспедицію на непріятеля, то самъ кричалъ пѣтухомъ, дабы дать знать, что скоро заря и что пора выступать, какъ объявлено было въ приказѣ, по первому крику пѣтуховъ» (Об. Д.).

³ Быть вездѣ первымъ въ мужествѣ строгомъ.

Укажемъ въ этомъ стихѣ на любопытный случай неупотребительной формы будущаго, которая однакожъ не бросается въ глаза потому, что глаголъ *будетъ* не повторяется передъ неопредѣленнымъ наклоніемъ.

⁴ Шутками зависть, злобу штыкомъ и проч.

Державинъ совершенно понималъ притворную шутовскую оригинальность, которою Суворовъ съ намѣреніемъ прикрывалъ гениальный умъ и необыкновенное соображеніе. Суворовъ самъ ему сознался, что притворяется для того, чтобы смѣяться надъ нимъ и считая его дуракомъ, менѣе ему завидовали. Почти передъ самою смертью его случился при немъ разговоръ о Наполеонѣ; когда кто-то назвалъ послѣдняго великимъ, Суворовъ слабымъ голосомъ сказалъ: *Тотъ не великъ еще, кого таковымъ почитаютъ.*

Употребляя въ военныхъ дѣйствіяхъ чаще всего штыкъ, Суворовъ по видимому поступалъ жестоко, и многіе за это считали его варваромъ; но въ сущности онъ слѣдовалъ тутъ совсѣмъ другимъ побужденіямъ: онъ говорилъ, что въ непріятелѣ надобно поселить ужасъ, — тогда онъ скорѣй покорится и тѣмъ пресѣчется кровопролитіе; противоположный образъ дѣйствія можетъ только продлить войну на многіе годы, въ теченіе которыхъ прольется гораздо болѣе крови, нежели въ одномъ рѣшительномъ сраженіи. Суворовъ былъ набоженъ въ душѣ и твердо убѣжденъ, что счастье человека исходитъ только отъ воли Божіей (Об. Д.).

66. ГИМНЪ САФЫ ВЕНЕРЪ¹.

Безсмертная Венера!
 Всечтимая богиня,
 Юпитерова дщерь,
 Которая прельщаешь
 Сердца всѣхъ земнородныхъ!
 Не мучь души моей
 Скукъ бременемъ, печалей,
 Тебя въ томъ заклинаю;
 Но приди ко мнѣ,
 Какъ приходила прежде,

И именемъ Амура
 Услышь мольбу мою,
 И будь благопріятна,
 И будь мнѣ милосерда,
 Какъ нѣкогда была,
 Когда ты оставляла
 Домъ отчій позлащенный
 И на твоей ко мнѣ
 Роскошной колесницѣ
 Съ Олимпа низлетала. 20
 Легко съ высотъ ее
 По воздуху носили
 На рѣзвяхъ, быстрыхъ крыльяхъ,
 Порхая, воробы, —
 И, кончивъ быстротечно
 Свое они ристанье,
 Съ ней возвращались вспять.
 Тогда ты, всеблагая,
 Своимъ лицомъ небеснымъ
 Осклабясь на меня 30
 Умильно, вопрошала:
 О чемъ я такъ тоскую^а,
 Зачѣмъ звала тебя
 И коимъ средствомъ можно
 Тревожный, заблужденный
 Спокоить разумъ мой?
 Кого я, бывъ влюбленна,
 Желала бы увѣрить,
 Разжалобить, смягчить
 И удержать въ оковахъ? 40
 «Кто тотъ неблагодарный»,
 Ты такъ вѣщала мнѣ,
 «Любезнѣйшая Сафа,
 Тебя что презираеть?
 Тебѣ не внемлетъ кто?
 Онъ ежели безчувственъ,
 Не нѣженъ, не привѣтливъ
 И отъ тебя бѣжить, —
 Самъ бѣгать за тобою,

Искать тебя онъ станеть;
 Когда отвергъ твой даръ,
 Пришлетъ тебѣ самъ дары;
 Когда тебя не любить,
 Полюбитъ столько вмигъ,
 Сколь ты сама захочешь». —
 Итакъ приди, Венера!
 Приди ко мнѣ, спаси,
 Освободи жестокихъ
 Томленій, грусти, муки⁶!
 Сверши и увѣнчай
 Руки своей ты дѣло!
 И все, чего желаетъ,
 Дай сердцу моему.
 Приди! возмись, богиня,
 Ты заступитъ собою
 И защититъ меня.

50

60

^a О томъ, чѣмъ я страдаю (1804).

^b Томленіевъ и муки.

¹ Изъ двухъ дошедшихъ до насъ одъ Сафо одна переведена Державиннымъ довольно близко (см. выше стр. 27); настоящее стихотв. есть вольный переводъ другой, которую позднѣе Мерзляковъ перевелъ анапестомъ (*Подражанія и переводы*, Москва, 1826, ч. II, стр. 57). Тѣмъ же разбѣромъ сдѣланъ въ новѣйшее время переводъ г. Водовозова, напечатанный въ концѣ статьи его: *Анакреонъ (Современникъ 1857 г., № VIII)*. Тотъ и другой перевели обѣ оды Сафо, которыя при жизни Державина явились также въ упомянутыхъ нами выше, стр. 150, *Подражаніяхъ древнихъ, Николая Эмина*. Наконецъ въ 1808 г. напечат. въ Петербургѣ книжка подъ заглавіемъ: *Стихотворенія Сафы, объясненныя примѣчаніями, перевелъ В. Ан—чъ (Анастасевичъ)*; но объ этой книжкѣ слѣдуетъ повторить замѣченное нами (стр. 29, въ выноскѣ) о подобномъ изданіи П. И. Голенищева-Кутузова.

Для незнающихъ подлиннаго *Гимна Сафо* переводимъ его буквально: «Пышнотронная, безсмертная Афродита, дитя Зевса! молю тебя, владычица, не изнурай души моей муками и печальми. Но приди, такъ какъ ты и прежде выслушивала зовъ моей любви и, оставивъ золотой домъ отца, запрягала свою колесницу, и тебя везли быстрыя птицы, прилежно ударяя крыльями, съ неба на черную землю, черезъ все пространство зѣбра. Вотъ уже и спустились: ты же, блаженная, улыбаясь безсмертнымъ лицомъ, спрашивала, что со мною, зачѣмъ я тебя звала и чего желаю для своего безумнаго сердца, кого хочу убѣдить и завлечь въ

свои сѣти: «Кто же, Сафо, тебя оскорбилъ? если онъ тебя бѣжитъ, скоро «будетъ тебя преслѣдовать; если не принимаетъ даровъ, онъ тебѣ пред- «ложитъ свои; если не любить, скоро полюбитъ, хотя бы ты того не же- «лала». Приди же ко мнѣ теперь и освободи отъ тяжелой заботы, и къ чему стремится мое сердце, все то доставь ему, и сама будь моей со- ратницей».

Переводъ Державина напечат. въ *Анакр. письмахъ* 1804 г., стр. 135, и въ изд. 1808 г., ч. III, lxxxiv.

67. ПТИЦЕЛОВЪ¹.

Эротъ, чтобъ слабымъ старикомъ
 Казаться, гуню² вздѣлъ худую,
 Покрылся бѣлымъ парикомъ
 И, бороду себѣ сѣдую
 Привѣся, посохъ въ руки взялъ.
 Пошелъ въ лѣсу ловить дичину
 И тамъ по сучьямъ раскидалъ
 Такъ хитро сѣть, какъ паутину;
 А нужно гдѣ, то и златой
 Разсыпалъ по мѣстамъ пшеницы, 10
 Чтобы приманкою такой
 Скорѣ побуждались птицы⁶
 Слетаться въ потаенну сѣть.
 Лишь столъ увидѣли богатый,
 Не позамедлили летѣть³
 Къ нему различныя пернаты,
 И носиками ну клевать,
 Ну зоблить зерна золотыя, —
 А тутъ же въ сѣти попадать⁷
 И путаться, какъ бы слѣшныя. 20
 Эротъ, смекнувъ, что у одной
 Голубки хвостикъ увязился
 Во ячею и съ головой,
 Вспорхнулъ — и къ добычѣ пустился⁴,
 Сверкнулъ, какъ огненна стрѣла,
 И въ сердце вмигъ ея вонзился:
 Ручьемъ кровь ала потекла.
 Ахъ! не клевать было пшеницы
 Вамъ, бѣднымъ пташкамъ, золотой!

Не вѣрьте, красныя дѣвицы,
Впередъ и бородѣ сѣдой!³⁰

^a ... ризу ... (Первоп. рукоп.).

^b Скорѣй къ нему слетались птицы (1804).

(Слѣдующаго въ текстѣ стиха вовсе не было).

^v ... слетать.

^r ... увязать.

[^] Вскочилъ изъ-за куста, вспрямился,
Вспылялъ ...

^e И вы впредь бородѣ сѣдой.

¹ Въ первоначальной рукописи эта пьеса озаглавлена *Эротъ-птицеловъ*. Напечат. въ *Амакр. письмахъ* 1804 г., стр. 89, и въ изд. 1808 г., ч. III, гл. Встрѣчающееся во второмъ стихѣ слово *уныя*, по объясненію Державина, — «простонародное названіе худаго крестьянскаго платья».

68. НА ВОСШЕСТВІЕ НА ПРЕСТОЛЪ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I¹.

1801.

Вѣкъ новый! Царь младый, прекрасный 1
Пришелъ днесъ къ намъ весны стезей!
Мои предвѣстья велегласны
Уже сбывись, сбывись судьбой^a.
Умолкъ ревъ Норда сиповатый,
Закрылся грозный, страшный взглядъ;
Зефиры вспорхнули крылаты,
На воздухъ вѣютъ ароматъ;
На лицахъ Россовъ радость блещетъ,
Во всей Европѣ миръ цвѣтетъ.

Желанный всѣми неба житель, 2
Ты, Миръ, пришелъ къ намъ наконецъ;
Народовъ многихъ утѣшитель,
Отрада царствъ, покой сердець,
Пришелъ къ намъ ангелъ благодатный.
Коль шествіе твое красно²!
Коль намъ лучи твои пріятны!
Тобою все оживлено.
Се время намъ благопоспѣшно,
Се день спасенья и утѣхъ!

Уныла Муза, въ дни Борей 3
Державшая вслухъ пѣсни пѣть,
Блаженству общему радѣя,

Уроки для владыкъ гремѣть!
 Передъ царемъ, днесь благосклоннымъ,
 Взявъ лиру, прахъ съ нея стряси,
 И сердцемъ радостнымъ, свободнымъ
 Вѣщай, греми, звучи, гласи
 Того ты на престолю вступленье,
 Кого воспѣлъ я въ целенахъ.

Уже, какъ путникъ утомленный, 4
 Прешедшій дальный, тѣсный путь,
 На дугъ, древами осѣненный,
 Возлегъ отъ зноя отдохнуть
 И внемлетъ вѣтерковъ дыханье,
 Шумъ быстрыхъ водъ, цвѣты вокругъ
 И нимфъ и птицъ совосклицанье:
 Такъ мой весельемъ полный духъ,
 Подъ скипетромъ твоимъ покоясь,
 Прохладой дышитъ и поетъ.

На темный, вижу, шаръ подлунный 5
 Съ равнинъ небесныхъ, горнихъ мѣстъ
 Овенъ молодой, золоторунный³
 Незапно впелъ и сталъ средь звѣздъ.
 Не кротости ль символъ въ немъ зрится?
 Не возрожденъ ль прежнихъ благъ?
 Екатерина воскресится
 Знать Александра въ временахъ:
 Такъ, такъ! она во внукѣ будетъ
 Надъ нами царствовать вовеки.

Осанка, скромность и пріятность, 6
 Ея въ немъ виденъ духъ и умъ:
 Усердье, ревность къ нимъ и святость
 Въ полсвѣтѣ воздвигаютъ шумъ.
 «Смотри!» другъ другу всякъ вѣщаетъ:
 «Не образъ ли ея на немъ?
 Ужъ по законамъ общается
 Онъ быть, по сердцу ей, царемъ⁴».
 О радость! духъ восторгъ объемлетъ:
 Се вижу — въ облакахъ она

Стоять въ порфирѣ и вѣщаетъ, 7
 Сквозь дверь небесну долу зря:

«Се Небо нынѣ посылаетъ
 Вамъ внука моего въ царя. —
 Внимать вы прежде не хотѣли
 И презрѣли мою любовь;
 Вы сами отъ себя терпѣли,
 Я нынѣ васъ спасаю вновь ⁵».
 Рекла, — и тѣнь ея во блескѣ,
 Какъ радуга, сокрылась въ свѣтъ.

Но что? Во плескахъ, восклицаньяхъ ⁶ 8
 Ликующей толпы людей,

Духъ погружается въ стenanьяхъ,
 На тлѣнность зря мірскихъ вещей!
 Такъ: что престолю, вѣнецъ, держава,
 Власть, сила и сіянье благъ,
 Когда спокойнаго нѣтъ права
 И въ насъ свирѣпствуетъ нашъ врагъ?
 Увы! на что полки и стѣны,
 Коль насъ невинность не стрежетъ?

Народны вздохи, слезны токи, 9
 Молитвы огорченныхъ душъ,
 Какъ паръ возносятся высокій
 И зараждаютъ громъ средь тучъ:
 Онъ вержется, падеть незашно
 На горды зданіевъ главы.

Внемлите правдѣ сей стократно,
 О власти сильныя, и вы!
 Внемлите — и тѣснить блюдитесь
 Вамъ данный управлять народъ.

Нѣтъ, ангелъ кротости и мира, 10
 Любимый сынъ благихъ небесъ!

Ты не таковъ: твоя порфира,
 Отъ благодарныхъ напихъ слезъ,
 Какъ роза, окропясь росюю,
 Прекраснѣйшій раскинетъ цвѣтъ;
 Благоухающій тобою,
 Намъ въ чувства сладость принесетъ.
 Эдемъ въ твоей узримъ супругѣ ⁶
 И рай во дщеряхъ и сынахъ.

Не на словахъ ты милосердые 11

Покажешь, — на дѣлахъ твоихъ;
 Развратъ прогонишь, суевѣрье
 Ты правовъ чистотой святыхъ;
 Посадишь мудрость ты съ собою,
 Велишь ей научать себя;
 Пройдешь съ народною толпою,
 Проникнетъ правда до тебя;
 Ты въ мирѣ брань готовить станешь,
 Войну обнимешь тишиной.

Твой домъ пребудетъ безопасенъ 12
 И внѣ и внутрь отъ всякихъ золъ;
 Не златомъ, — доблестью прекрасенъ
 И твердь на вѣрности престоль.
 Въ чертогахъ ужасъ да не кажетъ
 Мечъ нагъ и лукъ съ стрѣлой въ рукахъ;
 Любовь народная возляжетъ
 На стражѣ при твоихъ вратахъ;
 Спокойный сонъ твой оградится
 Незыблемой стѣной сердець.

Не смѣютъ хитрость, лестъ касаться 13
 И разстилать тебѣ сѣтей;
 Ихъ жены, дѣти ополчатся
 Для безопасности твоей:
 Доброта платится добротой,
 А злоба злобѣ воздаетъ.
 Твоею милостью, щедротой
 Любимецъ твой весь будетъ свѣтъ.
 Какъ солнце, тронъ твой утвердится;
 Какъ небо, будутъ дни твои.

Какъ тихія рѣки токъ чистый, 14
 Они предъ нами потекутъ;
 Сверкающа струи сребристы
 Миръ въ удивленье приведутъ:
 Блаженствомъ напоятся селы,
 Богатствомъ — городовъ брега,
 Въ далекіе пойдутъ предѣлы
 Поля цвѣтущи и луга;
 Любезно эхо пронесется
 Въ неизмѣримости морей.

О Боже! Ты внушилъ рыданье⁷ 15
 И бѣдства наши прекратилъ:
 Днесь тѣхъ же слезъ Ты изліянье
 Прими, какъ запахъ отъ кадила.
 Отъ стоновъ — Ты велѣлъ быть грому,
 Отъ радостей — лучи спусти,
 И августѣйшему Ты дому
 Печаль въ утѣхи обрати.
 Какъ дождь сквозь солнце, да снисходитъ
 Благословенье къ намъ Твое!

⁷ ... тобой (Рукоп.).

⁶ Но что? среди плесковъ, въ восклицаньяхъ.

¹ Въ рукописи заглавіе такое: «Ода на всерадостное на престолъ восшествіе императора Александра Перваго, случившееся 12-го марта, когда солнце въ знакъ Овна, на путь весны вступило и началось новое столѣтіе*, 1801 года». Это событіе вызвало много другихъ одъ, между которыми вниманія заслуживаютъ особенно двѣ, написанныя: Харасковымъ (см. *Библиогр. Записки* 1858, № 9) и Карамзиннымъ (см. его *Сочиненія*). Всѣ эти оды исчислены въ *Русск. Архивъ* 1867, стр. 987.

О воодушевленіи Державина при воцареніи Александра I Вигель говоритъ: «Державинъ, гений и дитя, поэтъ и пророкъ, какъ Давидъ, видя на тронѣ воспѣтаго имъ при рожденіи порфиророднаго отрока, увлекался сладчайшими мечтами. Все, что происходило въ глазахъ его, слишкомъ отзвучалось поэзіей, чтобъ ему не нравиться, и онъ съ благодарностію принялъ званіе министра юстиціи и все, что уцѣлѣло отъ генераль-прокурорской должности» (*Русск. Вѣстн.* 1864, № 4, стр. 468).

Нѣкоторыя выраженія въ 1-й строфѣ этой оды имѣютъ отношеніе къ пьесѣ 1779 года (томъ I, стр. 50) *На рожденіе въ стверъ порфиророднаго отрока*, «гдѣ изображается Борей съ сѣдыми волосами, который прогоняется взглядомъ новорожденнаго». Но враги Державина видѣли въ стихахъ 5-мъ и 6-мъ изображение покойнаго Государя и довели это до императрицы Маріи Феодоровны. Авторъ отвѣчалъ, что могутъ думать какъ хотятъ, но что стихи эти въ связи съ названною пьесой. Тѣмъ же менѣе тогдашній генераль-прокуроръ Беклешовъ** запретилъ цензурѣ

* Конечно новое столѣтіе началось съ 1801-го, а не съ 1800-го года, какъ новый десятокъ начинается не съ 10-ти, а съ 11-ти. Поэтому Суворовъ 1-го января 1800 г. неправильно писалъ императору Павлу: «Все воинство в. и. в. въ сей первый день наступающаго года и *новаго вѣка* повергается со мною къ подножію милостями и щедротами озарившаго насъ престола» (Фуксъ, ч. III, стр. 632).

** Александръ Андреевичъ Беклешовъ, род. 1 марта 1743 г. (за четыре мѣсяца до Державина), ум. 24 іюля 1808, былъ уже при Павлѣ I короткое вре-

пропускать эту оду, и потому она напечатана тогда не была. Императоръ Александръ, съ своей стороны, прислалъ за нее поэту брильянтовый перстень въ 5000 рублей**, а впоследствии императрица Елисавета Алексѣевна, полюбившествовавъ прочитать рукописныя сочиненія Державина, не сдѣлала никакихъ замѣчаній на эту оду, которая притомъ тогда же была переведена на языкъ французскій (княземъ Бѣлосельскимъ), нѣмецкій и другіе. Потому и нельзя уже было не напечатать ее въ изд. 1808 г. (*Об. Д.*); см. ч. II, xxxii.

² Коль шествіе твое красно!

Ср. у Ломоносова такое же обращеніе къ Миру въ началѣ 8-й оды:

«Царей и царствъ земныхъ отрада,
Возлюбленная тишина» и проч.

Замѣтимъ относительно 5-го стиха 4-й строфы, что въ изд. 1808 г. и въ рукописяхъ стоитъ, вѣроятно по недосмотру, *внемлая* вм. *отемаясь*.

³ Овень младый, золотурунный.

Овень — символъ кротости и небесный знакъ марта мѣсяца, въ который случилось восшествіе на престолъ императора Александра Павловича (*Об. Д.*).

⁴ Ужь по законамъ общасть

Онъ быть, по сердцу ей, царемъ.

Въ день восшествія на престолъ императоръ Александръ объявилъ манифестомъ, что онъ будетъ «править Богомъ врученный ему народъ по законамъ и по сердцу премудрой бабки своей». Вигель говоритъ: «Послѣ четырехъ лѣтъ воскресаетъ Екатерина отъ гроба въ прекрасномъ юношѣ. Чадо ея сердца, милый внукъ ея возвѣщаетъ манифестомъ, что возвратитъ намъ ея времена. Но нѣтъ, даже и при ней не знали того чувства благосостоянія, коимъ объята была вся Россія въ первые шесть мѣсяцевъ владычества Александра. Любовь ея управляла, и свобода вмѣстѣ съ порядкомъ водворилась въ ней. Не знаю, какъ описать то, что происходило тогда: всѣ чувствовали какой-то нравственный просторъ, взгляды сдѣлались у всѣхъ благосклоннѣе, поступъ смѣлѣе, дыханіе свободнѣе» (*Русск. Вѣстн.* 1864, № 3, стр. 162).

⁵ Я нынѣ васъ спасаю вновь.

Сколько извѣстно, было завѣщаніе, сдѣланное императрицей Екатериной, чтобъ послѣ нея царствовать внуку ея, Александру Павловичу (*Об. Д.*).

мя генераль-прокуроромъ (1799—1800, см. выше стр. 199) и вновь назначенъ въ эту должность тотчасъ по вступленіи на престолъ Александра. «Нѣсколько такихъ людей какъ Беклешовъ были драгоцѣннѣйшее наследство, оставленное Екатериной, и нѣкоторое время ими только и жила Россія» (*Воспом. Вигеля, Русск. Вѣст.* 1864, № 2, стр. 595).

** Есть преданіе, будто Государь, получивъ отъ Державина эту оду, сказалъ: «Пусть онъ вспомнить, чтó писалъ при восшествіи на престолъ моего отца». Замѣтимъ однакожъ, что начало царствованія императора Павла, какъ у насъ въ своемъ мѣстѣ показано (см. выше стр. 16), возбуждало во всѣхъ самыя отрадныя надежды.

Какъ видно изъ рукописнаго текста въ тетрадахъ Державина, первоначальная редакція этой строфы была другая, но онъ передѣлалъ ее передъ напечатаніемъ оды въ 1808 году. Прилагаемъ здѣсь зачеркнутыя и измѣненныя строки:

Стоитъ въ порфирѣ — и вѣчала,
Съвозъ дверь небесну долу зря:
«Давно я зло предупреждала,
Назначивъ внука вамъ въ царя;
Но вы внимать мнѣ не хотѣли,
Забывъ мою къ себѣ любовь,
Напасти безъ меня терпѣли,
Я нынѣ васъ спасаю вновь».

Этотъ варіантъ былъ уже напечатанъ въ *Русск. Архивъ* 1863 г. (№ 2), по доставленному А. Н. Аванасьевымъ рукописному сборнику покойнаго Д. И. Языкова, почти совершенно согласно съ находящеюся въ бумагахъ поэта редакціею. Въ связи съ содержаніемъ этихъ стиховъ Державинъ въ *Запискахъ* своихъ (Р. Б., стр. 322) рассказываетъ изъ времени, когда онъ служилъ при Императрицѣ: «Графъ Безбородко, выпросясь въ отпускъ въ Москву и откланявшись съ Императрицею, вышелъ изъ кабинета ея, зазвавъ Державина въ темную перегородку, бывшую въ секретарской комнатѣ, и на ухо сказалъ ему, что Императрица приказала ему отдать нѣкоторыя секретныя бумаги, касательныя до великаго князя, то какъ пришетъ онъ къ нему послѣ обѣда, чтобъ пожаловалъ и принялъ у него; но неизвѣстно для чего, никого не приславъ, уѣхалъ въ Москву, и съ тѣхъ поръ Державинъ ни отъ кого ничего не слыхалъ о тѣхъ секретныхъ бумагахъ. Догадывались нѣкоторые тонкіе царедворцы, что онъ тѣ самыя былъ, за открытіе которыхъ, по вступленіи на престолъ императора Павла I, осыпанъ онъ отъ него благодѣянiami и пожалованъ княземъ».

⁶ Эдемъ въ твоей узримъ супругѣ.

Императрица Елисавета Алексѣевна (см. томъ I, стр. 362 и 381) отличалась необыкновенною кротостью (*Об. Д.*).

⁷ О Боже! Ты внушилъ рыданье.

Внушилъ, т. е. вялъ. Ср. томъ I, стр. 234, прим. 13.

Приложеніе.

ИЗЪ ДНЕВНИКА ИВАНА АЛЕКСѢЕВИЧА ВТОВОРА,
ВЕДЕННАГО 1801 года, во время превыванія его въ Москвѣ.

(Доставлено Н. И. Второвымъ *).

... «Надобно сказать о нашемъ любезномъ монархѣ, что милости его и кротость безпримѣрны. Здѣсь всѣ, какъ вновь одушевленные, чув-

* Ник. Ив. Второвъ ум. 1 дек. 1865 вице-директоромъ хозяйственнаго департамента министерства внутр. дѣлъ. Некрологъ его см. въ *Сиб. Вид.* 1865 дек. 17 (въ Отчетѣ Геогр. общества) и въ *Сиб. Почтѣ* около того же времени.

ствуютъ свободу человѣчества, всѣ восхищаются его щедротами и, наслаждаясь весною, забываютъ зимніе ужасы. Всѣ пишутъ въ похвалу его стихи и прозу, грамотные и безграмотные, кто какъ умѣетъ; и (чего никогда не бывало) пишутъ то, что прежде чувствовали и что имѣть чувствуютъ. Такъ много надѣются на снисхожденіе любезнаго царя, который, безъ сомнѣнія, мыслить по сердцу обожаемой всѣми бабки его, Великой Екатерины, говорящей въ стихахъ г. Державина:

Не запрещу я стихотворцамъ
Писать и чепуху и лести.

«Ода г. Державина на вступленіе Государя на престолъ не была еще напечатана, но съ нея у многихъ были списки и читались съ жадностію. Рассказывали тогда, что Государь, принявъ сію оду, сдѣлалъ автору подарокъ, стодящій шести тысячъ рублей, и не приказалъ ему печатать оной. Потомъ, будто въ Сенатѣ г. Троицкой, отозвавъ г. Державина, говорилъ ему, что Государь приказалъ ему сказать, чтобъ онъ не только не печаталъ свою оду, но и никому не давалъ съ нея списковъ. Г. Державинъ, будто, съ огорченіемъ возразилъ ему, что вѣрно Государь приказалъ сказать ему о томъ не въ Сенатѣ. — Да! отвѣчалъ г. Троицкой, ежелибы существовала *Тайная*, тогда бы вамъ сказали тамо; а имѣ ни время, ни мѣсто не назначено. — Кажется, сей анекдотъ подверженъ сумнѣнію, когда послѣ оказалась напечатанною сія ода въ сочиненіяхъ г. Державина*. Равнымъ образомъ и сіе невѣроятно, какъ рассказывали тогда за несумнѣнное, что сей же авторъ написалъ къ портрету Государя слѣдующую надпись:

Се образъ ангельскій любезныя души:
Ахъ, еслибъ вокругъ его всѣ были хороши!

«Надпись сія не понравилась окружающимъ его царедворцамъ и кто-то изъ нихъ подъ нею отвѣчалъ ему такъ, грубо и негѣпо:

Конечно! только бы Державина не надо:
Паршивая овца и все испортитъ стадо**.

«Г. Карамзинъ за свои стихи получилъ перстень въ 2000 рублей. Много было стихотвореній прекрасныхъ и самыхъ уродливыхъ, каковы, напримѣръ, князя Ал. Голицына***, а особливо площаднаго стихомара-

* Слѣдовательно, эти строки *Записокъ* И. А. Второва писаны уже послѣ изданія соч. Державина въ 1808 году.

** Эти стихи на Державина приведены и въ *Запискахъ* его (Р. Б., стр. 438), но нѣсколько иначе:

«Тебя въ совѣтѣ намъ не надо:
Паршивая овца
Все перепортитъ стадо».

По объясненію поэта, окружавшія новаго государя лица, Беклешовъ, Троицкій и графъ А. Р. Воронцовъ, удалили Державина изъ государственнаго совѣта, чтобы онъ имъ ни въ чемъ не препятствовалъ: «тогда нѣкоторый подлый стиходѣй, въ угодность ихъ, не оставилъ на счетъ его пустить по свѣту эпиграмму».

*** Это былъ князь Алексѣй Ивановичъ Г., переводчикъ разныхъ романовъ,

теля Тодорскаго и проч. и проч... Многіе писали въ подражаніе г. Державина весьма свободно...»

также Вольтерова Эдипа, Генриады, авторъ комедій и проч. Собраніе его сочиненій и переводовъ, безтолковѣйшимъ образомъ составленное, издано въ 1798—1800 годахъ. Князь А. И. Голицынъ остался въ 1767, послѣ отца, малолѣтнымъ сиротой и воспитывался въ домѣ роднаго своего дяди, князя Петра Алексѣевича, оберъ-егермейстера Екатерины II; онъ чтить этого благодѣтеля какъ отца и посвятилъ ему нѣкоторыя изъ своихъ сочиненій (М. Лонгиновъ).

69. ПРИНОШЕНІЕ КРАСАВИЦАМЪ ¹.

Вамъ, красавицы младыя,
И супругѣ въ даръ моей,
Пѣсни Леля золотыя
Поднопу я въ книжкѣ сей.
Нравиться ужъ я безсилень
И копьемъ и сайдакомъ,
Дурень, старъ и не умилень:
Бью стихами вамъ челомъ;
Бью челомъ, — и по морозамъ
Коль вы ѣздите въ саняхъ, 10
Лѣтомъ ходите по розамъ,
По лугамъ и муравамъ:
То и праха не лобзаю
Я прелестныхъ вашихъ ногъ;
Чувства тѣ лишь посвящаю,
Что любви всесильный богъ
Съ жизнью самой въ кровь мнѣ пламень,
Въ душу силу влилъ огня:
Сышлютъ искры — снѣгъ и камень
Подъ стопами у меня. 20

¹ Стихотвореніе это было задумано еще въ 1797 году: въ рукописи Казанскаго университета, начатой въ это время, стоитъ на первомъ мѣстѣ длинная пьеса: *Дать приношеніе*, которая открывается стихами:

«Ты со мной вечеръ сидѣла,
Милая, и пѣсни пѣла:
Садъ намъ надо, садъ, мой свѣтъ!
Я хотъ думалъ: денегъ нѣтъ;
Но, любя, какъ отказаться?»

Вся эта пьеса, напечатанная въ *Библиограф. Запискахъ* 1858 г., № 11,

будетъ нами помѣщена между неизданными сочиненіями Державина. Здѣсь мы привели начало ея, чтобъ показать ея связь съ слѣдующимъ примѣч. поэта въ *Приношенію красавицамъ*. Онъ говоритъ, что поводомъ къ сочиненію *Анакр. пѣсней* былъ недостатокъ денегъ на отдѣлку сада при петербургскомъ домѣ его, о чемъ тужила жена его. Онъ шутя отвѣчалъ ей, что Музы дадутъ ему деньги, и началъ эти пѣсни, а потомъ естественно посвящалъ ихъ женѣ и вообще красавицамъ.

Приношеніе это напечат. въ *Анакр. пѣсняхъ*, стр. 3, и въ изд. 1808 г., ч. III, г.

70. ТИШИНА¹.

Не колыхнетъ Волховъ темный,	1
Не шелохнетъ лѣсъ и холмъ;	
Мещетъ на поля чуть блѣдный	
Свѣтъ луна, и спитъ мой домъ.	
Какъ — я мнилъ въ уединеньи —	2
Въ хижинѣ быть славну мнѣ?	
Не живемъ, живя въ забвеньи:	
Что въ могилѣ, то во снѣ ^а .	
Нѣтъ! талантъ не увядаетъ	3
Вѣчнаго забвенья въ тмѣ;	
Изъ-подъ спуда онъ сіяетъ:	
Я блесну на вышинѣ.	
Такъ! пойду хотя въ забаву	4
За пѣвцомъ тиискимъ вслѣдъ	
И, снискать его чтобъ славу,	
Стану забавлять я свѣтъ.	
Стану шуткою влюбляться,	6
На бумагѣ пить и пѣть ^б ,	
Къ милымъ дѣвушкамъ ^б ласкаться	
И въ сѣдинахъ молодѣть.	
Я пою, — Ппидъ стала Званка ^в ;	5
Совосплещутъ Музы мнѣ;	
Возгремѣла ^в балалайка,	
И я славенъ въ тишинѣ!	

^а Что въ могилѣ, что во снѣ (1804).

(Поправлено рукой Державина: Какъ въ могилѣ, такъ во снѣ.)

^б Къ милымъ дѣвочкамъ ...

^в Восшумѣла ...

¹ Напечатана въ *Амакреонтич. пьсляхъ* 1804 г. стр. 138, и въ изданіи 1808, ч. III, лххху. Это одна изъ тѣхъ пьсень, которыя первоначально были написаны безъ буквы *р* (см. выше стр. 81).

² На бумагѣ пить и пѣть.

Въ изд. 1808 г. этотъ и 4-й стихъ куплета читаются такъ :

На бумагѣ пить и ѣсть...

И въ сѣдницахъ будто цѣсть.

Но въ поправкахъ, помѣщенныхъ Державиннымъ въ *Русскомъ Вѣстникѣ* 1809 г. (ч. VI, № 4, стр. 127), такая редакция отнесена къ опечаткамъ.

³ Я пою, — Пиндъ стала Званка.

Эти стихи писаны на Званкѣ, о которой см. выше стр. 121.

71. ЯВЛЕНІЕ АПОЛЛОНА И ДАФНЫ НА НЕВСКОМЪ БЕРЕГУ¹.

По гранитному я берегу
 Невскому гулять ходилъ,
 Сладкую весенню нѣгу,
 Благовонный воздухъ пилъ;
 Видѣлъ, какъ народъ тѣснился
 Вкругъ одной молодой четы:
 Лучъ съ нея, блистая, лился,
 Какъ отъ солнца красоты.
 Кто — я думалъ въ изумленьѣ —
 Чудна двоица сія?
 Не боговъ ли вновь схождение
 Вижу въ ней на землю я?
 Вижу точно Аполлона!
 Вижу Дафну предъ собой!
 Знать, сошедши съ Геликона,
 Тѣшатся они Невой.
 Такъ, они пришли конечно,
 Смертнымъ скрывъ себя лицомъ;
 Трепетаніе сердечно
 Увѣряю духъ мой въ томъ².
 Такъ, — и въ лицахъ лучезарныхъ,
 И въ сафирныхъ ихъ очахъ
 Душъ пріятность свѣтодарныхъ,
 Вижу я боговъ въ людяхъ!
 Зрѣлъ, съ собой они какъ водятъ
 Просвѣщенье, кротость, вкусъ;

10

20

Какъ Хариты вслѣдъ имъ ходять
 И соборы нѣжныхъ Музъ,
 Съ Нимфами поющи, пляшуть;
 Всплывъ, Наяды сверхъ Невы 30
 Плещуть воды; вѣтры машуть
 Аромать на ихъ главы.
 Видѣль, Петрополь дивился
 Какъ прекрасной сей четѣ:
 Сѣверъ свѣтомъ озарился,
 Всталъ — и въ мглстой темнотѣ,
 Обогрѣвъ браду замерзлу,
 Тихимъ ихъ сяньемъ кровь,
 Зничя чтилъ въ нихъ и Зимстерлу²,
 Возвращенныхъ вкупѣ вновь⁶ 40
 И, ликуя, увѣнчался
 Перевязкой изъ цвѣтовъ.
 Лель за дѣвою погнался,
 А за юношей — Любовь.
 Видѣль, видѣль Аполлона,
 Видѣль съ нимъ и Дафну я!
 Радостнаго звукомъ тона
 Лира отдалась моя.

³ Увѣряло меня въ томъ (1804).

⁶ Возвращенныхъ къ нему вновь.

¹ Написано въ маѣ мѣсяцѣ на прогулку по невской набережной Александра Павловича и Елисаветы Алексѣевны. «При Александрѣ вдругъ пѣшеходство вошло въ моду, самъ царь подавалъ тому примѣръ. Всѣ стали гоняться за какою-то простотою»... (*Воспом.* Вигеля, *Русск. Вѣстн.* 1864, № 4, стр. 486). Подъ 2-мъ декабря 1806 года Жихаревъ рассказываетъ: «Сегодня наконецъ Богъ привелъ увидѣть Государя... Какая величавая наружность, какой красавецъ, и во всему этому — какая душа! Я увидѣлъ его въ то время, когда онъ съ парада изволилъ идти гулять на дворцовую набережную, и слѣдовалъ за нимъ въ нѣкоторомъ разстояніи; когда же, дойдя до Троицкаго моста, онъ оборачивался назадъ, я отходилъ въ сторону и не спускалъ съ него глазъ; онъ два раза останавливался и благосклонно изволилъ разговаривать съ какимъ-то генералами... что за ангельское лицо и плѣнительная улыбка!» (*Отмеч. Зап.* 1855, т. ХСІХ, *Дневникъ чиновника*, стр. 393).

Напечат. въ *Анарх. письмахъ* 1804 г., стр. 39, и въ изд. 1808, ч. III, xiv.

² Зничя чтилъ въ нихъ и Зимстерлу.

«Зничя — священный неугасимый огонь: по многимъ славянскимъ

городамъ имѣлъ храмы» и проч. — «*Зимстерла* — богиня, владычествующая надъ началомъ дня, т. е. заря» (Чулкова *Авеена русскихъ суевѣрій*, М. 1786).

72. ХОРЪ I НА КОРОНАЦІЮ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I¹.

Что такъ орлы высокопарны 1
 Подъ небомъ вьются? — Плескъ и звонъ!
 Во храмъ Божьемъ лучезарный
 Блескъ видимъ царскихъ двухъ коронъ.
 Луна ли съ солнцемъ совмѣстились?
 Въ плоти ль два Ангела явились?
 Се Александръ, Елисавета, 2
 Красотъ возможныхъ образецъ
 Онъ — обладатель душъ полсвѣта,
 Она — владычица сердець.
 Съ восторгомъ зрять на нихъ Марія
 И восихщенная Россія.
 Се восторгомъ зримъ и мы; сердечны 3
 Молитвы льемъ предъ алтаремъ:
 Да будутъ дни ихъ свѣтлы, вѣчны,
 И юнымъ славны мы царемъ!
 Какъ солнце, міръ обнявъ лучами,
 Такъ онъ, какъ Богъ, да править нами!

¹ Въ рукописи: *Хоръ для концерта при коронаціи* и проч. Напечатанъ въ изд. 1808 г., ч. II, LXIV.

73. ХОРЪ II НА ТОТЪ ЖЕ СЛУЧАЙ¹.

Росскими летить странами 1
 На златыхъ крылахъ молва;
 Солнца новаго лучами
 Освѣщается Москва.
 Александръ, Елисавета!
 Восхищаете вы насъ.
 Облеченныхъ во порфиру 2
 Видя въ царскихъ васъ вѣнцахъ,
 Радость нашу кажутъ міру
 Наши души на очахъ.
 Александръ, Елисавета!
 Восхищаете вы насъ.

- Еслибъ можно было взоры
Кинуть въ наши вамъ сердца,
Вы бы зрѣли чадъ соборы,
Окружавшихъ мать, отца.
Александръ, Елисавета!
Восхищаете вы насъ. 3
- Коль Россіи вся дивится
Вашимъ нравамъ и красѣ:
Свѣтомъ всѣмъ благотвориться
Должно вамъ, коль любятъ всѣ.
Александръ, Елисавета!
Восхищаете вы насъ. 4
- Видимъ мы уже породу
Божеску изъ вашихъ дѣлъ:
Отдаете вы свободу,
Страхъ и ужасъ отлетѣлъ.
Александръ, Елисавета!
Восхищаете вы насъ. 5
- Будьте, ангелы, вѣкъ съ нами,
Знавъ сердцами обладать!
Ихъ обвивъ любви цвѣтами,
Вы могли насъ привязать.
Александръ, Елисавета!
Восхищаете вы насъ. 6

¹ Въ рукописи: *Хоръ для польскаго*; музыка Козловскаго. Напечатанъ въ изд. 1808 г., ч. II, LXV.

74. ВЪИЧАНІЕ ЛЕЛЯ¹.

- Колоколь ужаснымъ звономъ
Воздухъ, землю колебалъ,
И Иванъ Великій громомъ
Въ полношь, освѣщенъ, дрожалъ.
Я, пріятнымъ сномъ объятый
Макова въ тѣни вѣнца,
Видѣлъ: теремы, палаты,
Площадь Краснаго крыльца
Роемъ мальчиковъ летучимъ
Облелѣяны кругомъ! 10

Лѣсомъ шлемы ихъ дремучимъ,
 Латы златомъ и серебромъ,
 Копья сталию блистали
 И чуть видѣлись сквозь мглы;
 Стаями сверхъ ихъ летали
 Молноносные орлы.
 Но лишь солнце появилось
 И затеплились кресты,
 Море зыблюще открылось
 Разныхъ лицъ и пестроты! 20
 Шумъ, съ высотъ лясъ рѣкою,
 Всѣми чувства^а овладѣлъ:
 Своды храма предо мною
 Я отверзтыми узрѣлъ.
 Тамъ, въ волнахъ толпы стѣсненной,
 Въ думѣ весь синклитъ стоялъ;
 Я въ душѣ моей смятенной
 Нѣкій ужасъ ощущалъ.
 Но на тронѣ тамъ^б обширномъ,
 Во священной темнотѣ, 30
 Вдругъ^в въ сіяніи порфирномъ
 Усмотрѣлъ на высотѣ
 Двухъ я Геніевъ небесныхъ:
 Коль безчисленны красы!
 Сколько нѣжностей прелестныхъ!
 Златоструйчаты власы,
 Блескъ сафира, розы ранни
 Ихъ устенъ, ланить, очесь,
 Улыбаясь, брали дани
 Съ восхищенныхъ тьмы сердець. 40
 И одинъ изъ нихъ, вѣнчаясь
 Діадимою царей,
 Ей четѣ своей касаясь^г,
 Удвоился блескомъ въ ней.
 Тутъ изъ оконъ самыхъ верхнихъ^д,
 По сверкающимъ лучамъ,
 Тѣни самодержцевъ древнихъ,
 Ниспустившиися во храмъ,
 Прежни лица ихъ пріяли

И сквозь ликозъ торжества 50
 Въ изумленьи вопрошали:
 «Кто такія божества,
 Что, облекшись въ младость смертныхъ,
 Съ кротостію скиптръ берутъ,
 На обширность странъ несмѣтныхъ
 Цѣпь цвѣточную кладутъ
 И весь Сѣверъ вмигъ плѣнили
 Именемъ однимъ царя?»
 Громы духъ мой пробудили:
 Разглашалося ура! — 60
 Что такое сонъ сей значить?
 Я съ собою размышлялъ:
 Духъ ликуеть, сердце скачетъ;
 Отчего? я самъ не зналъ.
 Кто на царство такъ вѣнчался?
 Кто такъ души всѣ плѣнилъ?
 Кѣмъ я столько восхищался,
 Сладостныя слезы лилъ?
 Послѣ Музы мнѣ сказали,
 Кто такъ свѣтомъ овладѣлъ¹: 70
 «Царь сердець», онѣ вѣщали:
 «Богъ любви, всесильный Лель».

¹ Мои чувства овладѣлъ (1804).

² Но на тронѣ вдругъ обширномъ.

³ Вкругъ ...

¹ Аллегорическое описаніе коронаціи Александра I, написанное въ Москвѣ. Напечатано въ *Анарх. письмахъ* 1804 г., стр. 41, и въ изд. 1808, ч. III, xv.

² Ей четѣ своей касаюсь.

Этотъ стихъ должно понимать такъ: ея (діадимую) касаюсь четѣ своей, т. е. той, которая составляла съ нимъ чету.

³ Тутъ изъ оконъ самыхъ верхнихъ и проч.

«Величественные своды Успенскаго собора такъ и видятся при этихъ стихахъ. Четыре купола, въ солнечный день, дѣйствительно даютъ прервосходную игру лучей» (П. Бартенева).

⁴ Кто такъ свѣтомъ овладѣлъ.

Въ обонхъ изданіяхъ *завладѣлъ*, но поправлено рукой Державина.

75. НА КОРОНАЦІЮ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I¹.

- Предвѣчный! силою Твоею 1
 Да веселится царь!
 Да радостной своей душою
 Торжествомъ ликуетъ среди зарь!
 Желанія его сердечны
 Ты предварилъ и совершилъ;
 Чело елеемъ благостыннымъ,
 Главу сіянемъ златовиднымъ
 Монаршаго вѣнца покрылъ,
 И ниспослалъ ему дни здравы, долговѣчны.
- Да распрострется громка слава 2
 О немъ вездѣ Тобой:
 Порфира, скипетръ, мечъ, держава,
 Вся царска сила, власть, рукой
 Твоей на немъ вложена,
 Какъ на небѣ свѣтилъ, звѣздъ сонмъ
 Тобой свой блескъ да получаетъ:
 Твой взоръ его благословляетъ,
 И на Тебя надеждъ онъ полнъ,
 Да не позабылется и вся подъ нимъ вселенна!
- Да срѣтитъ длань вооруженна 3
 Мечемъ, кто на него! —
 Какъ сильнымъ пещь огнемъ разжженна,
 Такъ гнѣвъ отъ взора Твоего
 На нихъ дохнетъ — и, скрывъ ихъ тмою,
 Такъ въ молніяхъ пожнетъ своихъ,
 Что дымъ вослѣдъ лишь воскурится;
 Потомство, племя истребитъ,
 И память даже вся о нихъ
 Сотрется вмигъ съ лица земли Твоей рукою!
- Пусть затѣваетъ брань сосѣдство, 4
 А злоба — тайный ковь;
 Но не успѣетъ ихъ злодѣйство,
 Когда самъ Богъ тебѣ покровъ.
 Поставилъ Онъ тебя предметомъ
 И цѣлю своихъ очесъ;
 Не двинется твоя держава,

Но паче возсіяетъ слава
 Всѣхъ надъ тобой Его чудесь,
 И воспоемъ въ тебѣ царя надъ всѣмъ мы свѣтомъ.

¹ Въ первоначальной рукописи это стихотв. имѣетъ совершенно другую редакцію подъ заглавіемъ: *Письмъ на коронацію Императора*. Въ такомъ видѣ пьеса эта, основывающаяся на 20-мъ псалмѣ, была написана въ Москвѣ, ко дню коронаціи, бывшей 15-го сентября, но впоследствии передѣлана. Она не была поднесена Государю. Напечат. въ первый разъ въ изд. 1808 г., ч. II, IX, подъ заглавіемъ *На коронацію Императора*, подъ которымъ помѣщалась и въ другихъ изданіяхъ Державина.

76. ГИМНЪ КРОТОСТИ ¹.

Сіянье радужныхъ небесъ, 1
 Души чистѣйшее спокойство,
 Блескъ тихихъ водъ, эдемъ очесъ,
 О Кротость, ангельское свойство!
 Отливъ отъ Бога самого!
 Тебѣ, тобою восхищенный,
 Настраиваю, вдохновенный,
 Я струны сердца моего.

Когда среди усердна жара 2
 Другихъ пѣтговъ лирный звукъ
 Царя земнаго полушара
 Гремитъ — и онъ изъ щедрыхъ рукъ
 Имъ сыплетъ бисеръ многоцѣнный,
 Его наградъ я не прошу;
 Но, послѣ всѣхъ, лептъ чувствій бренный
 Тебѣ я, Кротость, приношу.

Тебѣ! и ты того достойна: 3
 Ты ожерелье красоты,
 Ты сану мудрости пристойна,
 Все лучшимъ сотворяешь ты:
 И добродѣтели святыя
 Усовершенствуются тобой;
 У зависти и стрѣлы злыя
 Отъемлетъ милый образъ твой.

Подруга ль гдѣ ты дѣвъ прекрасныхъ, — 4
 Ихъ скромный взглядъ — магнитъ сердцецъ;

Наперсница ль въ любви женъ страстныхъ, —
 Въ семействахъ счастья ты вѣнецъ²;
 Идутъ ли за твоей рукою
 Въ совѣтахъ мужи и въ бояхъ, —
 Плѣняють и враговъ тобою
 Въ ихъ самыхъ страшныхъ должностяхъ.

А если царская порфира 5
 И скиптръ украсятся тобой,
 Монархъ тотъ благодѣтель міра.
 Не солнцу ль равень онъ красой?
 На высотѣ блистая трона,
 Онъ освѣщаетъ и живить;
 Въ предѣлахъ своего закона
 Течеть — и всѣмъ благотворить.

Не совѣщаяся съ звѣздами, 6
 Онъ саномъ выше всѣхъ своимъ;
 Но равными для всѣхъ лучами
 Онъ свѣтитъ праведнымъ и злымъ;
 Проходитъ взоръ его сквозь бездны
 И чела узниковъ златить³;
 Чертоги наполняя звѣзды,
 Сіяньемъ въ хижины летить.

Куда свой путь ни обращаетъ, 7
 Въ село, обитель или градъ:
 Народъ его волной встрѣчаетъ,
 И дѣти на него такъ зрятъ,
 Какъ бы на Бога лучезарна.
 Преклоншись старцы на клюкахъ,
 Движеньемъ сердца благодарна,
 Сверкаютъ радостью въ очахъ.

Такъ, Кротость, такъ ты привлекаешь 8
 Народныя къ себѣ сердца;
 Всѣхъ паче качествъ составляешь
 Въ царѣ отечества отца.
 Ты милосерда и снисходишь
 Въ людскія страсти, суеты;
 Надломленные не преломишь
 Былины, по неправдѣ, ты.

Сквозь вратъ проходить⁴ сокровенныхъ 9

Всеобщая къ тебѣ любовь;
 Въ странахъ ты слышишь отдаленныхъ
 Пролитую слезу и кровь ⁴;
 И какъ елень въ жаръ къ току водну ⁶
 Стремится жажду утолять,
 Такъ челоуѣчества ты къ стону
 Спѣшишь, чтобъ ихъ скорѣй унять.

Ты не тщеславна, не спѣсива, 10
 Пріятельница тихихъ Музъ,
 Привѣтлива и молчалива;
 Во всемъ умѣренность — твой вкусъ;
 Языкъ и взглядъ твой не обидѣлъ
 Нигдѣ, никакъ и никого:
 О! еслибъ я ³ тебя не видѣлъ,
 Не написалъ бы я сего ⁵.

⁴ ... переходить ... (1801).

⁶ ... въ жары по холмамъ

Къ потокамъ жажду утолять,

Такъ челоуѣчества ты къ стонамъ.

³ Ахъ! еслибъ самъ тебя не видѣлъ.

¹ Написанъ въ Москвѣ, по случаю коронаціи (ср. прим. 1 къ предыдущей пьесѣ). Множество стихотворцевъ по поводу этого торжества писали императору Александру I похвальные стихи, за которые имъ были пожалованы брильянтовые перстни. Державинъ, не желая подать мысль, будто и онъ ищетъ награды, не писалъ въ одно время съ другими, а издавъ свою оду нѣсколько позже и съ намѣреніемъ оговорился во 2-й строфѣ. Поэтому онъ и въ самомъ дѣлѣ не получилъ за свои стихи ничего, а только приглашенъ былъ къ царскому столу (*Об. Д.*). Жихаревъ, рассказывая о вечерѣ, бывшемъ у Шишкова въ февралѣ 1807 г., говоритъ: «Г. Р... вынулъ изъ кармана свои стихи: *Гимнъ кротости* и заставилъ читать меня. Я прочиталъ этотъ гимнъ къ полному удовольствію автора... Разумѣется, всѣ присутствующіе были или казались въ восторгѣ и похваламъ Державину не было конца». (*Отч. Зап.* 1855, т. CI, «Дневникъ чиновника», стр. 126).

Напечат. въ первый разъ отдѣльно въ Москвѣ въ университетской типографіи (въ четверту, 8 стр.) съ двумя — въ началѣ и въ концѣ — плохими виньетками, представляющими двухъ Эротовъ, которые украшаютъ двѣтаи шить. Потомъ въ изд. 1808 г., ч. II, xxxiv.

² Въ семействахъ счастья ты вѣнецъ.

Въ одномъ письмѣ къ первой женѣ своей (въ іюлѣ 1793 г.) Державинъ выражалъ тѣ же мысли: «Знаешь ли, что тихость и смиреніе суть

первыя достоинства женщинъ, и они одни тѣ истинныя превосходства, которыя всѣ ихъ прелести и самое непорочнѣйшее поведеніе украшаютъ? Безъ нихъ страстнѣйшая любовь — вздоръ» (см. въ нашемъ изданіи переписку Державина).

³ И чела узниковъ златить.

Многіе узники были освобождены, и имя тайной канцеляріи уничтожено (Об. Д.).

⁴ Пролитую слезу и кровь.

Императоръ услышалъ, что въ Казани по неосновательнымъ подозрѣніямъ въ зажитательствѣ одинъ мѣщанинъ замученъ былъ пыткой: тотчасъ подъ рукою туда посланъ былъ флигель-адъютантъ, чтобы удостовѣриться въ справедливости слуха. Потомъ наряжено было слѣдствіе и виновные наказаны (Об. Д.). По этому-то поводу окончательно отмѣнена пытка; см. ниже, подъ 1805 г., стихотвореніе *Монументъ милосердію*. Самый случай, упоминаемый Державинимъ въ этомъ примѣчаніи, подробно изложенъ въ указѣ 27 сент. 1801; посланный въ Казань флигель-адъютантъ былъ подполковникъ Альбедиль (*Полн. Собр. Зак.*, т. XXVI, № 20.022).

⁵ Не написалъ бы я сего.

Въ этой строфѣ — портретъ императора Александра I.

77. ГРАФИНЯ ОРЛОВОЙ¹.

Ты взорами орлица,
 Достойная отца;
 Душою голубица,
 Достойная вѣнца.
 Приятности дивятся 5
 Уму и красотамъ,
 И въ пляскахъ всѣ стремятся
 Лишь по твоимъ слѣдамъ.
 Явишься ль въ Петрополѣ, —
 Побѣды поженешь: 10
 Какъ флотъ отецъ твой въ морѣ,
 Такъ ты сердца пожжешь.

¹ Графиня Анна Алексѣевна Орлова, дочь героя Чесменскаго, жила въ Москвѣ вмѣстѣ съ отцомъ своимъ (см. томъ I, стр. 524). Ей было 16 лѣтъ, когда Державинъ написалъ эти стихи вскорѣ послѣ коронаціи «по случаю ея пріятной пляски французскаго танца» (Об. Д.). Она родилась 2 мая 1785 г., ум. 4 октября 1848. См. *Жизнь графини* и проч., соч. Н. Елагина, Спб. 1853.

Уже въ ранней молодости она заставила говорить о себѣ. Такъ Гривовскій (*Записки*, стр. 50) воспоминаетъ: «... видѣлъ я, когда онъ (графъ

Алексій Григорьевич Орловъ, представлялъ Государыня въ Зимнемъ дворцѣ, въ уборной, дочь свою графиню Анну. Графъ былъ въ военномъ аншефскомъ мундирѣ съ шитьемъ, а дочь въ бѣломъ кисейномъ платьѣ и въ брильянтахъ. Государыня приласкала ее рукою за подбородокъ, похвалила и въ щечку поцѣловала. Когда они вышли, то Государыня сказала бывшимъ тутъ: Эта дѣвушка много добраго общаетъ». Описанное Грибовскимъ представленіе Императрицѣ относится вѣроятно къ 1796 году: изъ Записокъ Болотова видно, что графъ А. Г. Орловъ въ этомъ году осенью, собираясь ѣхать за границу, прибылъ въ Петербургъ и жилъ здѣсь еще при вступленіи на престолъ императора Павла (*Русск. Архивъ* 1864 г., стр. 616).

Англичанка Бредфордъ въ прибавленіи къ Запискамъ Дашковой (*Memoirs*, т. II, стр. 230 и слѣд.) рассказываетъ: «Графъ Алексій Орловъ жилъ въ Москвѣ и началъ именно тогда (1803) вывозить въ свѣтъ свою единственную дочь, замѣчательную своей красотой и талантами, но еще болѣе необыкновенною кротостью и нравственными достоинствами. Она сдѣлалась предметомъ общаго удивленія»; отецъ ея чрезвычайно желалъ представить ее княгинѣ Дашковой и для этого устроилъ балъ. «Графиня танцевала такъ чудно, съ такою врожденною граціей и съ такимъ благородствомъ, что движенія ея были какъ будто рѣчью, выражавшею всю простоту и прелесть ея души. По желанію графа, она протанцевала съ шалью, потомъ цыганскую пляску, казачка, тамбурина и другія танцы... Послѣ каждаго она подходила къ отцу, цѣловала руку у него и у княгини, и онъ съ нѣжною заботливостью набрасывалъ ей на плечи шаль».

Напечат. въ *Анар. тѣснѣхъ* 1804 г., стр. 125, подъ заглавіемъ *Графиня N*, и въ изд. 1808, ч. III, лххvi.

78. БЕСѢДА СЪ ГЕНІЕМЪ¹.

Восхищенный явнымъ сномъ

Въ небо я моей душою,
Видѣлъ: Генійъ подъ вѣнцомъ
Собесѣдовалъ со мною.

Бѣлокуръ, голубоокъ,

5

Молодъ и лицомъ прекрасенъ,

Ростомъ строенъ и высокъ,

Тихъ, привѣтливъ и приятенъ

Взору, сердцу и уму ...

И во снѣ, его былъ внятень

10

Голосъ сердцу моему:

«Слушай, старый пѣснопѣвецъ!

Послужи еще мнѣ», рекъ:

«Я не грозный громовержець, —

Кроткій царь и человекъ:
 Прозвучи мою ты славу!»
 Взялъ я лиру, строю вновь, —
 И пою его державу
 И къ отечеству любовь.

¹ По возвращеніи изъ Москвы послѣ коронаціи, именно 23 ноября ввечеру, Державинъ былъ позванъ къ Государю и получилъ приказаніе ѣхать въ Калугу для изслѣдованія беспорядковъ и злоупотребленій, въ которыхъ обвинялся тамошній губернаторъ Лопухинъ (*Записки Держ.*, Р. Б., 444).

Написанная по поводу этого порученія *Бесѣда съ Гениемъ* напечат. въ *Анарх. мысли* 1804 г., стр. 44, и въ изд. 1808, ч. III, хvi.

79. ГОЛУБКА¹.

Отколь, голубка мила,
 Летишь такъ рѣзво ты?
 Откуда, бѣлокрыла,
 На воздухъ льешь цвѣты
 И сладкій запахъ въ чувства?
 Кто, съ чѣмъ послалъ тебя²?

ГОЛУБКА.

Богъ свѣта и искусства
 Послалъ съ письмомъ меня
 Къ красавцу молодому,
 Къ владыкѣ всѣхъ сердець,
 Къ тому божку земному,
 Кто подданныхъ отецъ,
 Кому меня Фелица
 Въ наслѣдье отдала.
 «Будь Хлорова ты птица»,
 Съ усмѣшкою рекла:
 «Неси ему съ небесной
 Ты гѣсни вишнны;
 Какъ славой мнѣ, всемѣстной
 Наполни его страны».
 И я съ тѣхъ поръ, какъ должно,
 Ему, какъ ей, служу;
 Приятную, смоль можно,

Гармонію ношу;
 А онъ за то златую
 Мнѣ хочеть вольность дать;
 Но дастъ, иль нѣтъ, какую,
 Мнѣ нечего желать³.
 Какая это воля,
 Летала чтобъ одна;
 Была бѣ безвѣстна доля,
 Была бы голодна?
 Коль днесъ пшеницей Хлоромъ
 Изъ устъ его кормлюсь,
 Его питаюсь взоромъ,
 Счастливою зовусь;
 На лонѣ иль на шлемѣ
 Кружусь, воркую я
 И въ сладкомъ этомъ плѣнѣ
 Мила всѣмъ пѣснь моя.
 Прости жъ меня, прохожій!
 Не будь къ болтанью строгъ:
 Сей день была похожей
 Голубка на сорокъ⁴.

30

40

¹ Въ этомъ подражаніи Анакреоновской одѣ замѣчательно его отношеніе къ современному вопросу: оно написано по поводу намѣренія императора Александра I освободить крестьянъ. Извѣстно, что Державинъ, подобно большей части государственннхъ людей того времени, былъ противъ этой мѣры (*Записки его, Р. Б.*, стр. 486 и слѣд.). Въ пѣснѣ *Голубка* не трудно понять любимый доводъ тогдашнихъ, какъ и нынѣшнихъ защитниковъ крѣпостнаго права, именно ту мысль, что крестьянамъ гораздо лучше подъ властью помѣщиковъ, нежели можетъ быть на волѣ.

Подлинная ода (*Εἰς τὰς ἑσφύρας*, IX — 14) — одна изъ наиболѣе прославленныхъ похвалами поэтовъ, переводами и подражаніями. У насъ, еще прежде Н. А. Львова, передалъ ее въ вольномъ переводѣ И. И. Дмитриевъ (*Москов. журналъ* за декабрь 1792 г., ч. VIII, стр. 197). Дѣйствительно она стоить особеннаго вниманія и по вымыслу и по изложенію: поэтъ прекрасно придумалъ предоставить самой голубкѣ рассказъ, который иначе не могъ бы имѣть ни той сжатости, ни той простоты. Тѣмъ не менѣе, самого Анакреона никакъ нельзя признать авторомъ стихотворенія въ такомъ идиллическомъ родѣ, вовсе не свойственномъ пылкому его таланту и притомъ возникшемъ не прежде александрійскаго періода. Надобно прибавить, что примѣры обычая употреблять голубей для пересылки писемъ встрѣчаются у древнихъ гораздо позднѣе, и преимущественно у Римлянъ (*Stark, Quaest. anaeræonticæ*, стр. 86).

Подражаніе Державина напечат. въ *Амкр. пѣсняхъ* 1804 г., стр. 116, и въ изд. 1808 г., ч. III, LXX.

² Кто, съ чѣмъ послалъ тебя.

Въ переводѣ Львова: «Кто, съ чѣмъ тебя послалъ?»

³ Мнѣ нечего желать.

У Львова голубка говоритъ между прочимъ:

«И я служу ему
Усердно сколь возможно
И письма разношу
Его теперь, какъ видишь;
А онъ свободу дать
За то мнѣ обѣщаетъ.
Хоть пустить онъ меня,
Но все я съ нимъ останусь» и проч.

⁴ Голубка на сорокъ.

У Львова: «Сегодня я была
Волтливе вороны».

Въ примѣчаніяхъ же къ его *Амкресону* сказано: «Въ тѣ времена черныя птицы видно болтливе были перепелесыхъ, потому что мы говоримъ: *болтлива какъ сорока*».

80. НА РАЗЛУКУ¹.

Не раздаются больше звуки
Уже въ диванѣ мнѣ тобой;
Бѣгу всякъ часъ, бѣгу отъ скуки,
А скука слѣдуетъ за мной.
Когда жъ назадъ ты возвратишься, 5
Весельемъ мой наполнишь домъ?
Иль съ арфою навѣкъ простишься,
Съ мурзой, Милордомъ и котомъ²?
Пожалуй, возвратись скорѣе,
Пріятны возврати часы; 10
И Дашу сдѣлай веселѣе,
И почи мурзѣ усы.

¹ Написано въ шутку, 2 іюля 1801 года*, по случаю отъѣзда Пелаген Михайловны Бакуниной (см. выше стр. 114). Во 2-мъ стихѣ *диваномъ* названа гостинная, какъ замѣчено и на стр. 160. Напечат. въ изд. 1808 г., ч. III, LXX.

* Этотъ годъ выставленъ при черновой редакціи стихотворенія; въ *Общественныхъ* невѣрно показанъ 1802 годъ.

² Съ мурзой, Милордомъ и котомъ.

Подъ мурзой авторъ разумѣетъ самого себя. Милордомъ назывался прекрасный пудель его, а котъ Амюла былъ всегдашній собесѣдникъ Державинныхъ въ домашнемъ быту (Об. Д.). Даша — вторая жена поэта.

81. ТОНЧИУ¹.

Безсмертный Тончи! ты мое 1
 Лицо въ томъ, слышу, пишешь видѣ,
 Въ какомъ бы мастерство твое
 Въ Омирѣ древнемъ, Аристидѣ,
 Сократѣ и Катонѣ ввѣкъ
 Потомковъ позднихъ удивляло,
 Въ сѣдинахъ лысиной сіяло,
 И въ немъ бы зрѣлся человѣкъ!
 Но лысина или парикъ, 2
 Но тога иль мундиръ кургузый
 Содѣлали, что ты великъ?
 Нѣтъ! — философія и музы:
 Онѣ насъ славными творять.
 О, еслибъ осѣнялъ духъ правый
 И освѣщаль меня лучъ славы, —
 Присталъ бы всякій мнѣ нарядъ.
 Такъ, живописецъ-философъ! 3
 Пиши меня въ уборахъ чудныхъ,
 Какъ знаешь ты; но лишь любовь
 Увѣковчъ ко мнѣ премудрыхъ.
 А если слабости самимъ
 И величайшимъ людямъ сродны, —
 Не позабудь во мнѣ подобны,
 Чтобъ зависть улыбалась имъ.
 Иль нѣтъ: — ты лучше напиши 4
 Меня въ натурѣ самой грубой,
 Въ жестокий мразъ, съ огнемъ души,
 Въ косматой шапкѣ, скутавъ шубой,
 Чтобъ шель, природой лишь водимъ²,
 Противъ погодъ, волнъ, горъ кремнистыхъ,
 Въ званъ, что рожденъ въ странахъ я льдистыхъ,
 Что былъ прапрашуръ мой Багримъ³.

Не испугай жены, друзей;
 Придай мнѣ нѣжности немного,
 Чтобъ былъ я ласковъ для дѣтей,
 Лишь въ должности бѣ судилъ всёхъ строго;
 Чтобъ жаръ кипѣлъ въ моей крови,
 А очи мягкостью блистали;
 Красотки бы по мнѣ вздыхали,
 Хоть въ платонической любви.

¹ 10 марта 1806 года Жихаревъ, жившій тогда въ Москвѣ, записалъ въ своемъ дневникѣ: «У князя Ивана Сергѣевича Гагарина встрѣтилъ я знаменитаго живописца Тончи. Онъ женатъ на старшей дочери князя. Сѣдъ какъ лунь. Судя по виду, ему должно было лѣтъ около шестидесяти; но по живости разговора нельзя дать ему и сорока. Онъ занималъ всю бесѣду. Удивительный человѣкъ! кажется, живописецъ, а стоитъ любаго профессора: все знаетъ, все видѣлъ, всему учился. Толковалъ о политикѣ, наукахъ, современныхъ открытїяхъ, рассказывалъ разные анекдоты, одинъ другаго занимательнѣе... Что за любезный человѣкъ, и съ какимъ многосложнымъ образованїемъ этотъ Тончи! Послѣ всего, что я слышалъ о немъ и отъ него, не удивляюсь, что русская княжна вышла за италїанскаго живописца. Онъ страстно любитъ литературу и самъ пишетъ стихи... Тончи теперь мало занимается живописью и пишетъ иногда только портреты съ родныхъ жены своей. Портретъ, написанный имъ съ стараго князя, — произведеніе образцовое: кромѣ необычайнаго сходства, какая работа и какой колоритъ! Точно живой, такъ и выходитъ изъ полотна; но говорить, что этотъ портретъ, какъ онъ ни превосходитъ, ничто въ сравненїи съ портретомъ Державина, писаннымъ въ Петербургѣ. Тончи ни за что не хотѣлъ представить поэта въ парикѣ, а Державинъ не соглашался писать себя плѣшивымъ, и потому художникъ придумалъ надѣть на него русскую соболью шапку*. Сказываютъ, что это верхъ совершенства» (*Записки современника*, ч. I, стр. 336 и слѣд.).

Посланіе *Къ Тончию* написано какъ программа того самаго портрета, о которомъ здѣсь рѣчь идетъ и съ котораго сдѣлана профессоромъ Йорданомъ гравюра, приложенная къ I-му тому нашего изданїя. Въ подлинной картинѣ 4¹/₂ аршина длины и 1 саж. ширины. Около нижняго края латинское двустигіе, сочиненіе самого живописца:

«Justitia in scopulo, rutilo mens delphica in ortu
 Fingitur, in alba corque fidesque nive.»

(т. е. правосудіе изображается въ скалѣ, пророческій духъ въ румянѣ

* Державинъ самъ не хотѣлъ, чтобъ Тончи писалъ его въ парикѣ, который онъ надѣвалъ только по необходимости, когда выѣзжалъ или принималъ почетныхъ гостей. Дома онъ предпочиталъ ходить въ колпакѣ: такъ онъ представленъ на портретѣ, писанномъ въ послѣдній годъ жизни его Базилевскимъ.

восходѣ, а сердце и честность въ бѣлизнѣ снѣга). Припомнимъ, что Тончи представилъ поэта сидящимъ передъ скалой, на снѣжномъ полѣ. Въ подлинной картинѣ на снѣгу замѣтны слѣды, которымъ живописецъ придавалъ особенное значеніе. Вѣроятно они должны соответствовать стихамъ: «Чтобъ шелъ, природой лишь водимъ,» и проч. Въ оригиналѣ видѣется, сверхъ того, въ отдаленіи блескъ утренней зари. П. И. Бартеневъ слышалъ, что шуба, въ которой Державинъ изображенъ тутъ, была подарена ему иркутскимъ вупцомъ Сибиряковымъ, потомки котораго хранятъ копию съ этого портрета, присланную ему поэтомъ въ знакъ благодарности. Отъ бывшаго иркутскаго губернатора г. Штубендорфа слышали мы, будто въ Иркутскѣ находится подлинникъ картины Тончи. Но такъ какъ нѣтъ никакого сомнѣнія, что подлинникъ этого портрета Державина — въ Москвѣ, куда онъ перевезенъ изъ дома поэта послѣ смерти вдовы его, то выходитъ, что въ Иркутскѣ была доставлена только копія произведенія Тончи.

При жизни Державинныхъ этотъ портретъ стоялъ въ нижнемъ этажѣ петербургскаго ихъ дома, въ столовой; тамъ его видѣли Аксаковъ и Жихаревъ. Первый въ своихъ *Воспоминаніяхъ* (М. 1856, стр. 374) говоритъ: «Портретъ Тончи походилъ на оригиналъ, какъ двѣ капли воды». Жихаревъ рассказываетъ въ *Дневникъ чиновника*: «Покажѣте нашъ бардъ дремалъ въ своемъ креслѣ, я разсматривалъ извѣстный портретъ его, писанный Тончи. Какая идея, какъ написанъ, и какое до сихъ поръ еще (1806) сходство!» (*Отв. Зап.* 1855, т. ХСІХ, стр. 398). Жена Державина, умершая въ 1842 г., завѣщала эту картину своему племяннику, Александру Николаевичу Львову (ум. 1849), почему она до сихъ поръ стоитъ въ домѣ вдовы послѣдняго, Натальи Николаевны, рожденной Мордвиновой, въ Москвѣ (у Спаса на Пескахъ).

Съ картины Тончи снятъ былъ еще при жизни поэта поясной портретъ, который распространился во многихъ копіяхъ и былъ не разъ прилагаемъ въ гравюрахъ и литографіяхъ къ разнымъ изданіямъ. Цѣлая картина Тончи воспроизведена въ первый разъ при нашемъ изданіи.

Высокое мнѣніе, какое Державинъ выражаетъ о Тончи въ этой пьесѣ, и похвалы, вообще воздаваемыя ему современниками, побудили насъ собрать о немъ нѣсколько біографическихъ свѣдѣній, за доставленіе которыхъ и считаемъ долгомъ выразить здѣсь нашу признательность князю Г. Г. Гагарину, князю М. Д. Волконскому и П. Н. Петрову (послѣдній познакомилъ насъ съ главнымъ печатнымъ источникомъ біографіи Тончи, съ книгою г. Рубини: *Antologia italiana poetica del secolo decimo nono*, Москва 1844, томъ II, стр. 199). Особенную же благодарность приносимъ Маріи Николаевнѣ Тончи, которая доставила намъ рукописи, служебныя бумаги и живописный портфель своего покойнаго отца.

Сальваторъ Сигизмундовичъ или, какъ его по-русски называли, Николай Ивановичъ Тончій (Tonci), родился въ Римѣ въ январѣ 1756 г. и, получивъ отличное образованіе, служилъ нѣкоторое время въ королевской неаполитанской гвардіи. Поэзія была первымъ искусствомъ, къ которому онъ пристрастился и которое доставило ему успѣхъ въ отечествѣ, такъ

что онъ сдѣлался членомъ одной академіи (Arcadia) и президентомъ другой (de' Forti). Пѣніе дало новый оборотъ судьбѣ его, а живопись прославила его въ странѣ, куда воображеніе конечно никогда его не переносило. Случайное обстоятельство вдругъ перебросило его на сѣверъ Европы. Однажды онъ участвовалъ въ вечерней серенадѣ: «Dami-gella, razzarella»; племянникъ послѣдняго короля польскаго, Станиславъ Понятовскій, который, находясь въ Римѣ, увидѣлъ его во время этой серенады, такъ былъ пораженъ его голосомъ, что пожелалъ съ нимъ познакомиться, и пригласилъ его ѣхать въ Польшу. Но между тѣмъ Варшава пала, и Понятовскій представилъ Тончи своему развѣнчанному дядѣ уже въ Гроднѣ, гдѣ италіанскій художникъ и облегчалъ ихъ горе чтеніемъ Данта. вмѣстѣ съ ними онъ переѣхалъ въ Петербургъ и остался тамъ, когда Станиславъ Августъ умеръ (1798), а племянникъ его переселился въ Италію. Императоръ Александръ I предлагалъ Тончи мѣсто живописца при Эрмитажѣ съ обязанностію представлять ежегодно, за особенную плату, по одной картинѣ ко двору. Неизвѣстно, по какой причинѣ Тончи не воспользовался такимъ выгоднымъ предложеніемъ. Вскорѣ онъ переѣхалъ на жительство въ Москву, гдѣ и провелъ остальные годы жизни, женившись въ 1805 г. на княжнѣ Натальѣ Ивановнѣ Гагариной.

Во время нашествія Французовъ Тончи, пользуясь особеннымъ расположеніемъ графа Ростопчина, выѣхалъ изъ Москвы вмѣстѣ съ его канцеляріею; но на пути, отдѣлившись отъ прочихъ, наткнулся на партію казаковъ, и такъ какъ онъ не говорилъ по-русски, то былъ принятъ ими за шпіона и схваченъ. Къ счастью, черезъ деревушку, въ которой его посадили подъ караулъ, проѣзжалъ графъ Соллогубъ, хорошо знавшій его: Тончи былъ выпущенъ и отвезенъ во Владиміръ къ Ростопчину, который и далъ ему убѣжище въ своемъ домѣ. По другому разсказу, Тончи не хотѣлъ оставлять Москвы, надѣясь, что въ войскахъ Наполеона найдутъ соотечественниковъ и можетъ тамъ прожить спокойно; но когда начались пожары и грабежи, онъ выѣхалъ изъ Москвы и на дорогѣ былъ сперва ограбленъ, а послѣ задержанъ крестьянами, принявшими его за Француза. Тогда съ отчаянія Тончи перерѣзалъ себѣ горло; но его успѣли спасти и доставили его во Владиміръ, гдѣ нашлось у него много знакомыхъ, стараніями которыхъ онъ поправился. Впослѣдствіи Тончи самъ разсказывалъ, что онъ покушался на свою жизнь въ припадкѣ помѣшательства и съ той поры измѣнилъ свою прежде пантеистическую философію на болѣе христіанскую.

Въ память спасенія Россіи и своего собственнаго освобожденія Тончи написалъ для владимірскаго собора икону *Крещеніе Руси*. Его же кисти принадлежитъ позднѣйшее произведеніе — запрестольный образъ Вознесенскаго монастыря въ Кремлѣ. Кромѣ Державина, онъ написалъ еще превосходные портреты Безбородки, Суворова и Ростопчина, находившіеся вмѣстѣ съ другими портретами его работы въ кабинетѣ послѣдняго.

Живописью Тончи занимался, по большей части, какъ средствомъ для жизни, хотя и обладалъ въ ней замѣчательнымъ талантомъ: увѣряютъ, что онъ никогда ни у кого не бралъ уроковъ въ рисованіи, а изучилъ

искусство самъ, по картинамъ Рафаэля. Главнымъ призваніемъ своимъ онъ считалъ поэзію и въ ней думалъ обезсмертить себя.

Уже во время печатанія этого листа мы получили большой рукописный томъ итальянскихъ сочиненій Тончи, весь писанный его собственнымъ, красивымъ и четкимъ почеркомъ и имѣющій общее заглавіе: «Poesie Italiane d'un Russo, dedicate all' Italia, sua cara antica Patria. Volume I.» Рукопись совершенно приготовлена къ печати и даже снабжена, еще въ 1831 г., цензурною помѣтою И. М. Снегирева. Цѣлую половину тома составляетъ большая поэма въ 33-хъ пѣсняхъ: L'Edeneide ossia la Verità scoperta dalla Ragione (Эдемъ, или Истина, открытая Разумомъ), сочиненіе въ родѣ Божественной Комедіи Данта и также написанное терцинами*: Иоаннъ Богословъ ведетъ поэта въ рай и объясняетъ ему всѣ тайны творенія и искушенія. Въ послѣдніе годы жизни онъ почти уже не занимался живописью, но безпрестанно переправлялъ свою Эденеиду.

Тончи былъ въ большомъ безпокойствѣ, что не успѣетъ окончательное отдѣлать и напечатать эту поэму. Сколько можно было судить по его рассказамъ, это сочиненіе заключаетъ въ себѣ автобиографическій смыслъ и изображаетъ переходъ собственнаго его воображенія, хотя и поэтическаго, но все таки нѣсколько разстроеннаго, и философскихъ его взглядовъ отъ скептицизма къ идеологій и наконецъ къ христіанству.

За Эденеиду слѣдуютъ другія меньшія поэмы духовнаго и историческаго содержанія, потомъ басни и переводы изъ Горація и Виргилія. На особомъ листѣ нашли мы переводъ оды *Бою* Державина. У Тончи была своя особенная философія: онъ любилъ утверждать, что все нами видимое и ощущаемое не имѣетъ дѣйствительнаго бытія, а только *кажется* намъ существующимъ**. Императоръ Александръ Павловичъ, удостоивавшій Тончи необыкновенно милостиваго обращенія, не разъ шутилъ въ разговорахъ съ нимъ надъ этой идеей. Однажды, когда Гарнеренъ поднялся въ воздушномъ шарѣ, Государь, обращаясь къ стоявшему возлѣ него Тончи, спросилъ по-французски: «Ну что, Тончи, развѣ этотъ шаръ не въ самомъ дѣлѣ поднялся на воздухъ?» — «А какое доказательство тому, возразилъ Италіанецъ, имѣете ваше величество, кромѣ того, что это вамъ кажется?»

Въ 1815 году Тончи поступилъ на службу, съ чиномъ канцеляриста. въ экспедицію кремлевскаго строенія (что нынѣ московская дворцовая контора) и участвовалъ, подъ начальствомъ кн. Н. Б. Юсупова, въ учре-

* Вотъ заглавія остальныхъ сочиненій рукописи: Orazione all' orto, Cristo al Limbo, Egloga 6 di Virgilio, La morte di Federigo il Grande, Orfeide (15 пѣсней), 8 favole, Il ritiro, L'Arte poetica d'Orazio, Arte pittorica. Сверхъ того есть одно напечатанное его сочиненіе: аллегорическая поэма въ драматической формѣ (Il patto fra la Pietà e il Rigore, Москва 1826), написанная на восшествіе на престолъ императора Николая.

** Въ сочиненіяхъ графа Хвостова есть посланіе къ Тончи относительно его системы о *призракахъ*. Подробное описаніе владимірской иконы, писанной этимъ художникомъ, и обстоятельство ея происхожденія можно найти въ *Путевыхъ запискахъ* того же автора, изданныхъ М. Н. Макаровымъ, М. 1824 (стр. 20—24).

жденія архитектурной школы (нынѣ дворцовое архитектурное училище), въ которой и занималъ болѣе 25-ти лѣтъ должность инспектора рисовальныхъ классовъ. По этой службѣ Тончи жилъ въ Запасномъ дворцѣ близъ Красныхъ воротъ. Онъ вышелъ въ отставку 1842 г. въ чинѣ коллежскаго совѣтника.

Тончи достигъ глубокой старости: онъ умеръ въ декабрѣ 1844 г., почти девяноста лѣтъ, переживъ жену свою (ум. 1832 г.) и младшую дочь Софью. Старшая дочь его, Марія (род. 1814 г.), посвятила себя монашеству и живетъ въ Переяславскомъ монастырѣ.

Послѣ Тончи осталось у его родныхъ большое число писанныхъ имъ картинъ, но къ сожалѣнью, немногія изъ нихъ хорошо сбережены. Особенно любопытны между ними нѣсколько портретовъ его. Въ портфель его много интересныхъ историческихъ этюдовъ, изъ которыхъ нѣкоторые отзываются однакожъ какою-то болѣзненностью фантазій.

«Поэтъ, мыслитель, живописецъ и музыкантъ», говоритъ о Тончи г. Мельгуновъ, «онъ представлялся на дальнемъ сѣверѣ какииъ-то обломкомъ эпохи возрожденія» (*Совр. Литотисъ* 1861, № 17).

По *Объясненіямъ* Державина, настоящее стихотвореніе написано въ ноябрѣ 1801 года по поводу разныхъ мнѣній о томъ, въ какомъ видѣ долженъ быть сдѣланъ портретъ его. Одни совѣтовали живописцу снять его въ мундирѣ и орденахъ; а другіе — «по примѣру антиковъ, — безъ всякихъ украшеній, каковъ онъ въ самомъ дѣлѣ». Тогда Тончи потребовалъ разрѣшенія у самого поэта, который, желая удовлетворить и ту и другую сторону спорившихъ, просилъ написать себя такъ, какъ изложено въ послѣднихъ строфахъ посланія. Въ бумагахъ поэта остался особый листъ, на которомъ оно переписано на-чисто рукою В. В. Капниста, а рядомъ, тѣмъ же почеркомъ, и французскій переводъ въ прозѣ, сдѣланный вѣроятно самихъ переписывавшимъ для Тончи.

Эти стихи напечатаны въ *Анакр. письмахъ* 1804 г., стр. 105, и потомъ безъ всякихъ перемѣнъ въ изд. 1808, ч. III, лху.

² Чтобъ шелъ, природой лишь водимъ.

Ту же мысль, что онъ своимъ возвышеніемъ обязанъ преимущественно природному дарованію и характеру своему, Державинъ еще опредѣленнѣе выразилъ слѣдующимъ четырехстишіемъ:

Кто велъ его на Геликонъ
И управлялъ его шаги?
Не школъ витійственныхъ содомъ, —
Природа, нужда и враги!

Эти стихи въ первый разъ были напечат. въ *Дружн. Просвѣщеніи* 1806 г., № 3, стр. 280, въ примѣчаніи въ біографіи Державина въ *Новомъ опытѣ историч. словаря о рос. писателяхъ* преосвящ. Евгенія, при чемъ объяснено, что поэтъ сказалъ это «въ письмѣ къ одному любителю словесности, спрашивавшему его, гдѣ и отъ кого научился онъ своему искусству пѣснопѣнія». Потомъ въ *Памятникъ отеч. музъ* на 1827 г., подъ заглавіемъ: *Черта къ біографіи Державина* (стр. 103), съ такимъ примѣчаніемъ:

«Объясненіе четырехъ стихъ строкъ, писалъ Г. Р. Державинъ къ графу Д. И. Хвостову, составитъ исторію моего стихотворства, причины онаго и необходимость». Самое письмо это см. въ статьѣ моей: *Переписка Евгения съ Державиннымъ* (Сборникъ Отдѣл. р. яз. и сл., т. V, вып. 1, стр. 67 и 68).

³ ... прапрашуръ мой Багримъ.

См. томъ I, стр. 492, прим. 2 къ *Примощенію Монархини*.

82. КРЕСТЬЯНИНЪ И ДУБЪ¹.

1802.

Рубилъ крестьянинъ дубъ близъ корня топоромъ;
Звучало дерево, пускало шумъ и громъ^a,
И листья на вѣтвяхъ хотя и трепетали,
Близъ корня видючи топоръ,
Но, въ утѣшеніе себѣ, съ собой болтали,
По лѣсу распуская всякій вздоръ. —
А дубъ надѣялся на корень свой, гордился²
И презиралъ мужичій трудъ;
Мужикъ же все трудился
И думалъ между тѣмъ: пускай ихъ врутъ:
Какъ корень подсеку, и вѣтви упадутъ!

^a Звучало дерево какъ громъ,
На вѣтвяхъ листья трепетали,
Но въ утѣшеніе болтали
Между собою всякій вздоръ.
На корень свой надѣясь, дубъ гордился (1816).

¹ Въ I-мъ томѣ, при баснѣ *Левъ и Волкъ* (стр. 123) было уже упомянуто, что и эта область поэзіи была не чужда для Державина. Хотя настоящая басня и не была напечатана при его жизни, помѣщаемъ ее здѣсь потому, что она вошла уже въ нѣкоторыя изъ посмертныхъ изданій его сочиненій. Эта басня написана въ Калугѣ, куда Державинъ былъ посланъ императоромъ Александромъ I для изслѣдованія безпорядковъ, въ которыхъ обвинялся тамошній губернаторъ, Лопухинъ. Во время слѣдствія Державинъ подвергся разнымъ нареканіямъ; неблагоприятныя для него толки распространялись особенно людьми, участвовавшими въ злоупотребленіяхъ губернатора. Ихъ-то, кажется, поэтъ и разумѣетъ подъ листьями и вѣтвями дуба; подъ мужикомъ же самого себя (*Зан. Д., Р. Б.*, стр. 444 и слѣд.).

Басня *Крестьяникъ и дубъ* въ первый разъ была напечат. въ *Сынѣ отеч.* 1816 г., ч. 34, № XLIX, стр. 154; потомъ въ *Москвитининѣ* 1842, ч. II, № 4, стр. 293.

² И дубъ надѣяся на корень свой, гордился.

Лопухинъ, по словамъ Державина (*Зан.*), рассчитывалъ на сильныхъ родственниковъ своихъ и друзей въ Петербургѣ, — князя Лопухина, Беклешова, Трощинскаго, Торсукова и другихъ.

83. КЪ ЦАРЕВИЧУ ХЛОРУ¹.

Прекрасный Хлоръ! Фелицынъ внукъ, 1
 Сынъ матери премилосердной,
 Сестерь и братьевъ нѣжный другъ,
 Супругъ супругъ милый, вѣрный!
 О ты, чей ростъ и взоръ и станъ
 Есть витязя, породы царской,
 Который больше другъ, чѣмъ ханъ
 Орды, страны своей татарской!
 Послушай, неба серафимъ,
 Ниспосланный счастливить смертныхъ,
 Чтò пишетъ Солнцева сынъ, браминъ,
 Желая благъ тебѣ несмѣтныхъ:
 Достигъ незапно громкій слухъ 2
 До насъ, живущихъ въ Кашемирѣ,
 Что будто Зороастровъ духъ
 Воскресъ въ подлунномъ здѣшнемъ мѣрѣ
 И, воплотясь въ тебѣ, о Хлоръ!
 Возсѣлъ на нѣкоемъ престолѣ,
 Дабы расцвѣлъ добротъ соборъ
 На немъ, неслыханныхъ дотолѣ.
 Такъ точно: говорятъ, что ты 3
 Какой-то чудный есть владѣтель;
 Души и тѣла красоты
 Совокупя на добродѣтель,
 Быть хочешь всѣхъ земныхъ владыкъ
 Страшнѣй, не страхомъ, но любовью,
 Блаженствомъ подданныхъ великъ,
 Не покореньемъ царствъ и кровью.
 Такъ: шепчуть, будто саму власть, 4
 Въ твоихъ рукахъ самодержавну,
 Господства безпредѣльну страсть,

Ты чтишь ^а за власть самоуправну;
 Что будто мудрая та блажь
 Нерѣдко въ умъ тебѣ приходитъ,
 Что царь — законовъ только стражъ,
 Что онъ лишь въ дѣйство ихъ приводитъ
 И ставитъ въ томъ въ примѣръ себя;
 Что ты живешь лишь для народовъ,
 А не народы для тебя,
 И что не свыше ты законовъ;
 А тѣхъ пашей, эмировъ ^б, мурзъ
 Не любишь и не терпишь точно,
 Что, сами ползая средь узъ,
 Мухъ давятъ въ лапахъ полномочно
 И бить себѣ велятъ челомъ;
 Что ты не кажешься имъ богомъ,
 Не ѣздя на царяхъ верхомъ ^в;
 Сидишь и ходишь въ рядъ съ народомъ;
 Что, не стирая съ туфлей прахъ
 У муфтьевъ, дервишей, имановъ,
 Въ сѣдыхъ считаешь бородахъ
 Ихъ гласъ за гласъ ты алкорановъ;
 Что, чувствуя въ себѣ одномъ
 Ты власть Небесъ, а слабость смертныхъ,
 Имъ разбирать себя судомъ
 Велишь чрезъ гражданъ частныхъ, честныхъ;
 Раздоры миромъ прекращать,
 Закону съ совѣстью поладить,
 И больше, шерсть чтобъ не терять,
 Овцамъ въ репейники не лазить ^г.

Еще толкуютъ тожъ, что гласъ
 Къ тебѣ народа тайно входитъ;
 Что тысячью ты смотришь глазъ
 И въ шапкѣ-невидимкѣ бродитъ
 Вездѣ твой духъ, — и на коврахъ
 Летаетъ будто самолетахъ,
 Въ чалмахъ, жупанахъ, чеботахъ,
 А нужно гдѣ, то и въ жилетахъ,
 Чтобъ какъ-нибудь невинность спасти;
 И словомъ: многими путями

Ты кротку простирая власть,
Какъ солнце, грѣешь міръ лучами.

И даже будто бы съ собой ³
Дашь ты случай всѣмъ встрѣчаться,
Писать на голубяхъ, съ тобой ⁴
Такъ-сякъ и лично ⁷ объясняться;
И злость и глупость на позоръ
Печатавъ, выставляя листами ⁵;
Молоть языкомъ всякій вздоръ
И въ лавкахъ торговать умами;
И будто ты, увидя разъ
Лису или волка въ агнчей кожѣ ¹,
Вмигъ отъ своихъ сгоняешь глазъ,
Хотя бь ихъ зрѣлъ въ какомъ вельможѣ.

А наконецъ, хотя и ханъ,
Но такъ ты чудно, странно мыслишь,
Что будто на себѣ кафтанъ
Народу подлежащимъ числишь ⁶;
Пировъ богатыхъ не даешь,
Убранство, роскошь презираешь,
Въ чертогахъ низменныхъ живешь ⁷,
Царицу четверней катаешь
И, ходя иногда пѣшкомъ,
Ты по садамъ цвѣты срываешь,
Но злата не соришь мѣшкомъ;
Торопишься въ дѣлахъ не скоро ⁸;
Такъ шьешь, чтобъ послѣ не пороть;
Мнишь, не доходомъ въ домѣ споро,
А гдѣ умѣренный расходъ ⁸.

И подлинно ⁹, весьма чудесный
Бывалъ ли гдѣ такой султанъ?
Да Оромазъ блюдетъ небесный
Тебя, гаремъ, сѣдой диванъ
И всю твою орду татарску!
Да ангель самъ Инсфендармасть ⁹,
Покрывъ главу крылами ханску,
Съ своихъ тебя не спустить глазъ
И узелъ укрѣпить священный
На поясѣ твоємъ всегда ¹⁰!

Да ароматомъ растворенный
 Твой огонь не гаснетъ никогда,
 И я дивлюсь и восхищаюсь
 Лишь добродѣтелямъ твоимъ,
 Какъ той звѣздѣ, что поклоняюсь ¹¹
 И коей подношу здѣсь гимнъ!
 Въ хвалу тебѣ и въ присвоенье
 Ея красоть и всѣхъ потребъ,
 Да имя, Хлоръ, твое, правленье
 Напишется на дскѣ судьбъ!

Когда же подлая и даже подкупная ³, 9
 Прищуря мрачный взоръ, гдѣ зависть или злость
 На насъ пролететь свой ядъ, — простимъ имъ грѣхъ, вздыхая:
 Не прейдуть бѣдныя чрезъ Аримановъ мость ¹².

^a Ты чтешь ... (Первоп. рукоп.).

^b А тѣхъ пашей, визиревъ, муръзъ (1803).

^c И даже будто находить.

^d Писать на голубяхъ, просить,
Съ тобою лично ...

^e Лису, въ ягнячьей кожѣ, волка,
Вмигъ отъ своихъ гоняя глазъ,
Уже не терпишь ихъ вислошко.

^f Торопишься на казнь не скоро (Рукоп.).

^g Ну подлинно ... (1803).

^h Когда жъ на насъ гдѣ подкупная,
Глаза сощурия, зависть, злость
Свой пустить ядъ, — простимъ, вздыхая:
Не прейдуть Аримановъ мость.

¹ Написано на Званкѣ, въ томъ же родѣ какъ ода *Фелица*, при которой нами уже объясненъ поводъ къ названію *Хлоромъ* внука императрицы Екатерины II (томъ I, стр. 90 и 91). Напечатано отдѣльно, вмѣстѣ съ слѣдующимъ стихотвореніемъ, въ 1803 году въ «императорской типографіи», подъ заглавіемъ Посланіе индѣйскаго брамнина и Гимнъ Солнцу (въ листъ большого формата, 13 страницъ). Имя автора нигдѣ не выставлено; подъ общимъ заглавіемъ отмѣчено: «Съ дозволенія санктпетербургскаго гражданскаго губернатора». Послѣ заглавія на особомъ полулистѣ большая картина, въ концѣ же втораго стихотворенія — другая; обѣ совершенно соотвѣтствуютъ приложеннымъ къ нашему 1-му изданію соч. Державина. Въ изд. 1808 г., см. ч. II, xxxv.

² ... Не ѣздя на царяхъ верхомъ.

«Сезострисъ, египетскій царь, запрыгалъ побѣжденныхъ царей въ колесницу, а императоръ Александръ любилъ чрезвычайно просто со всѣми обращаться» (Об. Д.).

³ Овцамъ въ репейники не лазить.

Въ этомъ и въ четырехъ предыдущихъ стихахъ заключается намекъ на «правила третейскаго совѣстнаго суда, которыя Императоръ приказалъ тогда автору написать: написаны были и имъ словесно апробованы; но прочимъ гг. министрамъ какъ не понравились, то и не изданы, ибо при оныхъ нельзя уже бы было заводить ябедою въ суды и давить народъ неправосудіемъ въ судебныхъ мѣстахъ, изъ которыхъ, какъ овцы изъ репейниковъ, не выходятъ безъ того тяжущіся, чтобъ не потерять своей шерсти» (Об. Д.). Объ этомъ подробнѣе въ *Запискахъ* его (Р. Бес., стр. 471 и слѣд.) и въ биографіи. Ср. также одно изъ примѣчаній къ пьесѣ *Лебедь*, подъ 1804 г.

⁴ Писать на голубяхъ . . .

«Въ Египтѣ было обыкновеніе, что писали къ своимъ пріятелиамъ чрезъ голубей; то и относится сей стихъ къ тому, что къ Императору доходили нерѣдко письма, неизвѣстно чрезъ кого, такъ, какъ бы приносили были птицами» (Об. Д.). О голубиной почтѣ ср. выше стр. 250.

⁵ Печатавъ, выставляя листами и проч.

«Въ 1802 г. случилось въ Петербургѣ весьма мерзкое происшествіе, что женщина хорошаго состоянія тирански и постыднымъ образомъ была умерщвлена неизвѣстными людьми: то выставлены были публикаціи о смсѣ сихъ мерзавцевъ, и нѣкоторые по подозрѣнію только высланы изъ города. — При семъ Государѣ, а особливо въ первые годы царствованія, свободно можно было говорить о всемъ, какъ не затруднительно было и печатаніе книгъ, которыми книгопродавцы торговали» (Об. Д.).

⁶ Народу подлежащимъ числишь.

«Государь сей, будучи въ министерскомъ комитетѣ, въ которомъ и авторъ присутствовалъ, сказалъ при случаѣ требованія денегъ на нѣкоторые не столько нужные расходы, что онъ долженъ отчетомъ въ томъ народу, ибо деньги не его, но принадлежать государству» (Об. Д.).

⁷ Въ чертогахъ низменныхъ живешь и проч.

«Государь сей не любилъ великолѣпія и роскоши, жилъ лѣтомъ большею частію на Каменномъ острову въ небольшомъ домѣ; самъ и императрица ѣздили четверней съ однимъ лакеемъ, а въ подражаніе имъ и вся публика, такъ что пуговъ совѣмъ не употребляли, кромѣ императрицы Маріи Ѳеодоровны» (Об. Д.). Ср. начало 8-й строфы *Фелицы* и примѣч. 13 въ этой одѣ (томъ I, стр. 85 и 96).

⁸ . . . А гдѣ умѣренный расходъ.

«Императоръ сей по умѣренному расходу на свой дворъ накоплялъ суммы, на кои покупаны были отъ владѣльцевъ изъ удѣльнаго департамента крестьяне и причислены въ казну» (Об. Д.).

⁹ Да ангель самъ Инсфендармасъ.

Въ книгѣ *Зендъ-Авеста* ангель Инсфендармасъ упоминается какъ покровитель страны (Об. Д.). Въ извѣстномъ персидско-англійскомъ словарѣ Джонсона (1852) имя «Isfandârtmaz» (اسفندارمزن) объяснено между

прочимъ какъ названіе ангела, завѣдывающаго двѣнадцатымъ мѣсяцемъ солнечнаго года (выписка В. В. Вельямнова-Зернова).

¹⁰ На поясѣ твоемъ всегда.

На поясѣ брамины носили нѣсколько таинственныхъ узловъ; они же смотрѣли, чтобъ не угасалъ священный огонь (Об. Д.).

¹¹ Какъ той звѣздѣ, что поклоняюсь —

т. е. солнцу, которому въ Индіи поклонялись (Об. Д.).

¹² Не пройдутъ бѣдныя чрезъ Аримановъ мостъ.

Брамины вѣрятъ, что души по смерти переходятъ черезъ мостъ злаго духа Аримана и, ежели онѣ не очищены, то свергаются въ неизмѣримыя бездны. Послѣдніе четыре стиха были отвѣтомъ на пасквиль, написанный на Державина однимъ писателемъ, который имѣлъ худое зрѣніе и употреблялъ лорнетъ (Об. Д.). Можетъ быть, здѣсь разумѣется именно тотъ пасквиль, который приведенъ выше, стр. 234, въ извлеченіи изъ дневника Второва.

84. ГИМНЪ СОЛНЦУ¹.

Лиющее златыя рѣки 1
 Съ неизмѣримой высоты,
 Неизсякаемыя въ вѣки
 Непостижимы красоты,
 О солнце! о душа вселенной!
 О точный обликъ божества!
 Позволь, да мыслью восхищенной,
 О благодѣтель вещества!
 Дивящися лучамъ твоимъ,
 Пою тебѣ священный гимнъ.
 Услышь меня, свѣтило міру! 2
 И пламеннымъ съ высотъ лицомъ,
 Богъ свѣта, преклонись на лиру,
 И озари твоимъ лучемъ^а,
 Да гласы съ струнъ ея прольются;
 Какъ протяженны съ звѣздъ лучи,
 Мои вѣщанья раздадутся
 Глубокой вѣчности въ ночи,
 И повторять твои хвалы
 Земля и вѣтры и валы.
 Какъ въ первый разъ на тронъ вступило 3
 Ты, тихія зари въ вѣнцѣ,

Блистаньемъ холмы озлатило, —
 Земное расцвѣло лице:
 Ушли и бури и морозы,
 Снеслись зефиръ и тишина,
 Отверзлись благовонны розы,
 И, улыбнувшись, весна
 Дохнула радость, торжество.
 Всѣмъ благотворно божество!

Носяся въ воздухѣ высоко, 4
 Сквозь неизмѣрны бездны зришь;
 Небесъ всевидящее око,
 Собой все держишь и живишь;
 Дѣлишь вселенну въ небосклоны,
 Опредѣляешь времена;
 Ты пишешь ей твои законы,
 Кладешь предѣлы ноши, дня;
 Льешь блескъ звѣздамъ, свѣтъ твари всей,
 И учишь царствовать царей.

Порфирию великолѣпной 5
 Объявь твоею шаръ земной,
 Рукой даруешь непримѣтной
 Обиле, жизнь, тепло, покой.
 Орловъ лучами воскрыляешь,
 На насѣкомыхъ въ тмѣ блестяшь,
 Со влагой огонь свой возвращаешь⁶
 И несгараемо горишь.
 Предвѣчно бытіе твое,
 Съ тобой, царь міра, и мое.

Такъ, свѣта океанъ чудесный! 6
 Кто истины не видитъ сей,
 Того ума предѣлы тѣсны,
 Не знаетъ сущности твоей;
 Не зрить: чѣмъ больше раздѣляешь
 Себя ты на другихъ тѣлахъ, —
 Любезнѣе очамъ сіяешь
 На холмахъ, радугахъ, моряхъ.
 Ты образъ добраго царя:
 Край ризы твоея — заря.

Любезно, тихо, постоянно, 7

Не воспящаяся ничѣмъ,
 Блистательно и лучезарно
 Вѣкъ шествуешь своимъ путемъ.
 Надъ безднами и высотами
 Безъ ужаса взнося свой зракъ,
 Ты исполинскими шагами
 Отвсюду прогоняешь мракъ;
 Несовратимъ, непобѣдимъ
 Природы сильный властелинъ!

Я истины ищущей священной,
 Блаженства, сердца чистоты,
 Красы и доблести нетлѣнной:
 Мнѣ вкупѣ ихъ являешь ты ^в.
 Когда же ты благимъ и злобнымъ
 Не престаешь вовѣкъ сѣять,
 Восторгомъ нѣкакимъ ^г духовнымъ
 Тебя стремлюсь я обожать:
 Такъ, такъ: кто больше благъ быть могъ?
 Дивлюсь, едва ли ты не Богъ!

О мудрыхъ цѣль ума и зора ^а!
 Монаршей власти образецъ!
 Средь звѣздъ блистающаго хора,
 Какъ царь, или вождь, или отецъ,
 Сѣдящій на сапфирномъ тронѣ,
 Свое сіяніе дѣлишь
 И, самъ ходя въ твоёмъ законѣ,
 Кругъ мірозданія крѣпишь:
 Тамъ блещетъ каждый свѣтъ ^е другимъ,
 А всѣ присутствіемъ твоимъ.

Величество и добротъ зеркало!
 Безумію невѣждъ прости,
 Тебя они коль знаютъ мало:
 Твоимъ ихъ свѣтомъ просвѣти.
 Наставь, чтобъ всякъ былъ меньше злобнымъ;
 Въ твое подобье облачи;
 Быть кроткимъ, свѣтлымъ, а не гордымъ,
 Твоимъ примѣромъ научи:
 Какъ ты, чтобъ жили для другихъ,
 Не ради лишь себя однихъ ^ж.

- ^а ... огнемъ ... (Первоп. рукоп.).
^б Съ тѣхъ огнь свой влагой возвращаешь.
^в И все мнѣ представляешь ты.
^г ... нѣкіимъ ... (1803).
^д О любомудраго цѣль взора (Рукоп.).
^е ... мірь ...
^ж Не только для себя однихъ (1803).

¹ Написано на Званѣ и принадлежитъ къ предыдущему стихотв., съ которымъ въ первый разъ и напечатано вмѣстѣ въ 1803 г. (см. выше стр. 262); потомъ въ изд. 1808 г., ч. II, xxxvi.

85. ЛИЗѢ. ПОХВАЛА РОЗѢ ¹.

Я воспѣлъ весну прекрасну ^а,
 Нынѣ розу я пою;
 Всѣхъ цвѣтовъ пою изящну
 Я красавицу мою.
 Лиза! другъ мой милой, юной!
 Розѣ гласъ свой посвящай,
 На гитарѣ тихострунной
 Пѣснь мою сопровождай ^б.
 Роза зрѣнію любезна,
 Обоянію мила,

10

Здравью, разуму полезна
 И невинностью свѣтла.
 Роза пѣнія достойна,
 Даръ священный алтарей;
 Царствъ владычицамъ подобна,
 Въ одѣяніи царей.
 Роза, если устрашаетъ,
 Тернь свой ставя чести въ щитъ:
 Во цвѣтахъ благоухаетъ,
 Очи, души веселитъ;

20

Розовы уста прекрасны,
 На ланитахъ миль ихъ смѣхъ,
 На грудяхъ лилейныхъ ясны,
 Розу похвалить чѣмъ, мало:
 Будь мнѣ, Лиза, ею — ты!

Святъ вѣнецъ ихъ мудрецамъ;
 Розы дѣвамъ украшенье,
 Восхищенье молодцамъ.
 Розы лучшее убранство
 И пріятностей младыхъ; 30
 Розы красотѣ въ подданство
 Клонятъ и владыкъ земныхъ.
 Розы въ пиршествахъ утѣха³, —
 На гостяхъ, какъ огонь, цвѣтуть;
 Розы въ скукѣ не помѣха,
 Услаждаютъ скорбь и трудъ.
 Розовы листы, нагрѣты
 Вздохомъ устъ, ударомъ рукъ, —
 Счастливой любви обѣты, —
 Громкій производятъ звукъ⁴. 40
 Розы тожъ намъ помогаютъ,
 Какъ и стрѣлы, побѣждать;
 Коль красу гдѣ выхваляютъ⁶,
 Лъзя ли розой не назвать?
 Роза другъ зари румяной,
 Дщерь весны и кринъ небесъ;
 Миръ даетъ душѣ печальной⁸,
 Изсушаетъ токи слезъ.
 Розу въ лучшіе дни года
 Прославляетъ соловей; 50
 Зефиръ вѣетъ, и природа
 Улыбается вся ей.
 Розы въ жизни насъ прельщаютъ,
 Намъ по смерти розы честь;
 Стихотворцы воспѣваютъ
 Розовой Авроры персть⁵.
 Роза всѣмъ кустамъ царица,
 Ароматовъ сладкихъ мать;
 Бисеромъ своимъ зарница
 Розу любить окроплятъ⁷. 60
 Роза міру покрывало,
 Образъ солнца¹, красоты;
 Любы Лелю для утѣхъ.
 Розы старцамъ утѣшенье,

- ¹ Воспѣвать весну прекрасну,
Нѣжну розу днесъ пою (1804).
⁶ Сколь красу ни выхваляютъ.
² Душѣ грѣшной, океанной
Очищенье токомъ слезъ.
— Страсти грѣшной . . . (Рукоп.).
⁷ Розу любить усыпать (1804).
⁴ Солнца образъ, красоты.

¹ Написано на Званкѣ въ честь молоденькой племянницы Державныхъ, дочери Н. А. Львова, Елисаветы Николаевны (род. 2 сент 1788 г., ум. 28 дек. 1864), той самой, которая нѣсколько лѣтъ спустя, писала подъ диктовку поэта *Объясненія* на его сочиненія, а въ недавнее время обязательно передала намъ рукопись этого комментарія (см. томъ I, стр. XXVIII Предисловія). О покойномъ мужѣ ея, Ѳеодорѣ Петровичѣ Львовѣ, издавшемъ въ 1834 году передѣланныя имъ для печати *Объясненія* Державина, см. ниже, подл. 1805 г., примѣчанія къ пьесѣ *Весна*.

Въ *Русскомъ Вѣстникѣ* 1860 г. (№ 7) помѣщена учено-литературная статья *Роза*, написанная для этого журнала нѣмецкимъ ботаникомъ докторомъ Кономъ (стр. 337 — 361). Въ концѣ ея онъ говоритъ: «Почти всѣ древніе писатели, начиная съ Сафо и Анакреона, — Ѳеокритъ и Мось, Гораций и Овидій, Катулъ и Авзоній, — воспѣли розу въ элегіяхъ, одахъ и эпиграммахъ; и съ этихъ-то классическихъ временъ гремитъ непрерывная хвала розѣ; въ среднихъ вѣкахъ выражается она пѣснями романскихъ трубадуровъ и германскихъ миннезенгеровъ, потомъ переходитъ въ баллады Данта, въ сонеты Петрарки, въ канцоны и мадригалы Тасса; проходитъ всѣ стихотворныя формы, въ устахъ всевозможныхъ поэтовъ, и, дойдя до нашихъ дней, сливается въ полный хоръ. А кто не знаетъ, какъ прославляетъ розу восточная поэзія? Кому неизвѣстенъ прелестный персидскій мнѣ — любовь Розы и Соловья, которымъ такъ часто пользовался персидскій пѣвецъ Гафизъ?» — Подобное говорится о розѣ въ *Сверномъ Вѣстникѣ* 1804 г., № 6, гдѣ напечатано въ переводѣ извлеченіе изъ *Nouveau Dictionnaire d'histoire naturelle*, par Sonnini и проч.: «Кто не знаетъ сего цвѣта? кто не удивлялся ему? Всѣ красавицы любятъ его, всѣ любовники его ищутъ, всѣ стихотворцы воспѣваютъ его» и т. д. Отъ древнихъ почитаніе розы перешло и въ новѣйшія литературы. Гервинусъ говоритъ о нѣмецкихъ Анакреонтикахъ 18-го столѣтія: «Эти душистые пѣвцы цвѣтовъ и любви ищутъ въ розѣ эмблему всей жизни, образа человѣческой непорочности и добродѣтели, урока с мудрости Того, кто ее создалъ» и проч. (*Geschichte der d. Dichtung*, т. IV, стр. 236). Пьеска *Göthe Heidenröslein* есть только измѣненная редація народной пѣсни, записанной Гердеромъ (*Goethe's Werke*, въ 40 томахъ, т. I, стр. 12).

У Анакреона есть двѣ оды (*Εἰς ῥόδον*, V — 42 и LIII — 53, 54), въ которыхъ можно видѣть первообразъ стихотворенія Державина; по-

дражалъ онъ собственно послѣдней. Ср. стихи Н. Эмина *Роза* въ его *Подражаніяхъ древнимъ* (см. выше стр. 150).

Стихотв. Державина было положено на музыку Нейкомомъ, напечат. въ *Анакр. тысящ* 1804 г., стр. 118, и въ изд. 1808, ч. III, LXII.

² ... Пѣснь мою сопровождай.

Ср. у Львова первые четыре стиха оды *На Розу*:

«*Воспою весну цвѣтушу,
Нѣжду розу воспою!
Пѣснь мою, о другъ мой милый!
Гласомъ ты сопровождай.*»

³ Розы въ пиршествахъ утѣха.

П у Львова: «*Роза въ пиршествахъ утѣха.*»

⁴ Громкій производятъ звукъ.

Въ переводѣ Львова:

«Розовый румяный листъ,
На рукѣ согрѣтъ прекрасной,
Какъ пріятно намъ въ любви
Разрѣша сомнѣнье звукомъ
Счастье и успѣхъ сулить.»

Трудно было бы понять какъ эти стихи Львова, такъ и еще болѣе подражаніе имъ у Державина, еслибъ въ изданіи перваго не было примѣчанія, изъ котораго видно, что комментаторъ (Евг. Булгаръ) совершенно особеннымъ образомъ толковалъ соотвѣтствующее мѣсто Анакреона:

«Г. Мутонетъ де Клерфонъ», говоритъ ученый архипастыръ, «не хотѣлъ разумѣть сихъ стиховъ и перевелъ ихъ такъ: Qu'il est agréable «de tenir d'une main délicate cette fleur consacrée à l'Amour et d'en respirer la douce odeur! Но г. Дасье въ комментаріяхъ своихъ на Теокрита «толкуетъ смыслъ сихъ стиховъ слѣдующимъ образомъ: У Грековъ «былъ обычай загадывать, любить ли кто кого, положи на не-«совсѣмъ сжатый кулакъ розовый листочекъ, и, подувъ на «онный, ударить ладонью. Если листикъ шелкнетъ, то любить «и проч. Сей любовный оракулъ и по сую пору еще остался; и мнѣ очень «жаль, что мальчишки окаянные клееными листами, и безъ всякаго нѣж-«наго замысла, употребляютъ танчество, про которое и Теокритъ въ XI «пдилліи ст. 30 какъ про дѣло говорить. Я узналъ, говоритъ онъ, ужъ «на сихъ дняхъ, любишь ли ты меня или нѣтъ. Маковый листо-«чекъ совсѣмъ не шелкнулъ, но завялъ подъ рукой моей. Въ «Теокритѣ *подъ локтемъ моимъ* сказано; и это былъ такого же рода про-«вѣщатель, только инымъ образомъ: Розовый листикъ сгибали пу-«зырькомъ такъ, что края онаго собирались вмѣстѣ и, за «онны держа двумя пальцами, ударяли локтемъ. Собранный «и запертой въ листикъ воздухъ, при освобожденіи своемъ, «издавалъ тихимъ или громкимъ звукомъ прорицаніе счастли-«вой или несчастливой любви» (*Анакреонъ* Львова, стр. 269).

Аполлона пѣжный сынъ!
 Честный обитатель свѣта,
 Всѣми Музами любимъ!
 Вдохновенный, гласомъ звонкимъ
 На земли ты знаменитъ;
 Чтутъ живые и потомки:
 Ты философъ! ты пѣтъ!
 Чистъ въ душѣ своей, незлобенъ,
 Удивленіе ты намъ^б:
 О, едва ли не подобенъ,
 Мой кузнечикъ, ты богамъ^а!

20

^а На что взглянешь только въ погѣ (1804).

^б Удивленье ты людямъ.

¹ Подражаніе Анакреоновской одѣ (XLIII, 32 — Εἰς τέττιγα). Древніе весьма часто упоминають о цикадахъ (кузнечикахъ), прославляя ихъ пѣніе, возбуждаемое крыльями и ножками, ихъ пищу, состоящую изъ росы, ихъ старость и божественность. Греки, и особливо Аѳиняне, высоко цѣнили это насѣкомое. Анакреоновская ода превозноситъ счастье цикады потому, что она, освѣжившись росой, поетъ на высокихъ деревьяхъ, что ей оттуда все открыто, что ее любятъ земледѣльцы и вообще люди, что она, по любви къ ней Музъ и Аполлона, одарена пѣніемъ, не знаетъ старости и блаженствомъ почти равняется богамъ. Подобныя похвалы цикадѣ встрѣчаются и у другихъ поэтовъ отдаленной древности, почему и возможно, что эта пѣснь принадлежитъ самому Анакреону (Мельгорнъ и Штаркъ).

У Нѣмцевъ подражалъ ей Гёте (An die Cicade), который, тяготясь своею должностною и придворною жизнью, часто мечталъ о другой, хотя менѣе блестящей, но болѣе свободной, болѣе отрадной для поэта жизни, и воспользовался у Анакреона плѣнительною аллегоріей такого существованія*. То же сдѣлалъ у насъ еще Ломоносовъ въ пьесѣ, напечатанной въ первый разъ въ *Собесѣдникѣ* 1784 г. (ч. XI), подъ заглавіемъ: «Стихи, сочиненные на дорогѣ въ Петергофъ, когда сочинитель въ 1861 «году ѣхалъ просить о подписаніи привилегіи для академіи, бывъ много «разъ прежде за тѣмъ же». Кромѣ исчисленныхъ выше (стр. 47 и 48) русскихъ переводчиковъ Анакреона, эту пѣснь перевелъ также, въ 1823 г., Гявдицъ (см. его *Стихотворенія*, Спб. 1832, стр. 140)**.

Кузнечикъ Державина, написанный безъ буквы р (см. выше стр. 81), напечатанъ въ *Анакр. пѣсняхъ* 1804 г., стр. 146, и въ изд. 1808, ч. III, xc.

* Göthe's Gedichte, erläutert etc. von H. Viehhoff, Düsseldorf 1846, т. I, стр. 489.

** Насъ могутъ упрекнуть, что мы не упомянули здѣсь объ эпической шуткѣ г. Полонскаго *Кузнечикъ-музыкантъ* (Спб. 1859), въ которой такъ много яркихъ и граціозныхъ картинъ природы. Сознаемъ свою вину, хотя впрочемъ

² Пьешь съ нихъ медъ, какъ господинъ.

Въ переводѣ Н. А. Львова:

«Счастливъ, счастливъ ты, кузнечикъ,
Выпивъ капельку росы;
На высокихъ ты деревьяхъ
Такъ поешь, какъ *господинъ*.»

³ Не обидишь ты ничѣмъ.

У Львова: «Земледѣльцамъ ты пріятель,
Не обидишь ихъ ничѣмъ.»

⁴ О, едва ли не подобенъ,

Мой кузнечикъ, ты богамъ.

У Львова: «Старости не знаешь ты.
О премудрый пѣснолюбецъ!
О безкровный сынъ земли!
Ты болѣзнямъ не подверженъ,
Равенъ ты почти богамъ».

Буквальный переводъ съ греческаго: «Старость тебя не изуряетъ, мудрый, рожденный землею, любящій пѣсни, не страдающій, одаренный плотью безъ крови, почти подобный богамъ».

Эти послѣдніе стихи пѣсни — самые трудные въ ней для перевода. Евгений Булгаръ объясняетъ: «Теогони почитали не кровь въ жилахъ языческихъ ихъ боговъ лющуюся, но нѣкоторую прозрачную влажность, которую они *ἰχὼς* именовали, и Анакреонъ потому только кузнечика съ богами сравниваетъ, что выше назвалъ его безкровнымъ земли сыномъ».

герой г. Полонскаго, любовникъ бабочки Сильфиды и другъ сверчка Гуляки, вовсе не сродни классической дикадѣ древнихъ. Но почему же онъ — отъ начала до конца поэмы *кузнечикъ*, а не *кузнечикъ*?

87. ОХОТНИКЪ¹.

За охотой ты на Званку 1
Птиць поѣхалъ пострѣлять;
Но, бѣлянку и смуглянку
Вдругъ увидѣвъ, сталъ вздыхать.
Что такое это значить, 2
Миленькій охотникъ мой?
Ты молчишь, а сердце плачетъ:
Птицы ль не убилъ какой?
Дѣвъ ли остренькіе глазки 3
Понадѣлали хлопоть?
Съ ихъ ланить, изъ алой краски,
Зрѣлъ я, цѣлился Эроть.

Какъ же быть? и чѣмъ гвѣчиться? 4
 Птичекъ ты багриль въ крови:
 И тебѣ пришло томиться^а
 Отъ смертельныя любви.

^а И тебѣ знать вѣкъ томиться (1804).

¹ Написано на Званкѣ для Михайла Петровича Яхонтова. Это былъ одинъ изъ двоюродныхъ братьевъ Державиной, которыхъ мать, урожденная княжна Мышецкая (Прасковья Петровна), была родная сестра ея матери и имѣла помѣстья въ Псковской губерніи. Старшій его братъ, Николай Петровичъ, о которомъ Державинъ упоминаетъ въ своихъ *Запискахъ* (Р. Бес., стр. 340), служилъ въ иностранной коллегіи, былъ хорошій музыкантъ, сочинилъ между прочимъ оперу *Сильфа*, которой слова написаны Н. А. Львовымъ, и умеръ въ 1838 году. Михайлъ Петровичъ Яхонтовъ, герой пьесы *Охотникъ*, служилъ при императорѣ Павлѣ въ Преображенскомъ полку, потомъ вышелъ въ отставку капитаномъ, жилъ въ Псковской губерніи и умеръ въ 1830 году. Онъ не былъ женатъ и гостилъ по сосѣдству съ Державиними, у третьяго брата, Петра Петровича, служившаго также въ Преображенскомъ полку, участвовавшаго въ отечественной войнѣ, а потомъ въ заграничныхъ походахъ и умершаго въ 1852 г. Его имѣнье, село Антоньево, находилось въ 30-и верстахъ отъ Званки на другомъ берегу Волхова (Слыш. отъ А. П. Кожевниковой).

Эти стихи, какъ сказано въ *Объясненіяхъ* Державина, написаны по тому поводу, что Яхонтовъ, пріѣхавъ къ нему въ гости, увидѣлъ двухъ дѣвицъ (Бавунинныхъ?) и влюбился.

Напечат. въ *Анарк. пѣсняхъ* 1804 г., стр. 127 и въ изд. 1808, ч. III. LXXVIII.

88. ПЛѢННИКЪ¹.

Опугавъ Леля Музы 1
 Въ цвѣточномъ тенетѣ,
 Стеречь, повергши въ узы,
 Вручили Красотѣ.
 Ужь Лада ходитъ, проситъ, 2
 Чтобъ ей сыскать его,
 И выкупъ зватный носить^а
 Съ собою за него.
 Но плѣнника пусть долю 3
 Хоть выкупъ сей прерветъ^б:
 Онъ сладкую неволю
 Свободѣ предпочтетъ.

^a И выкупъ она носить (1804).

^b Но плѣнникову долю

Пусть выкупъ чей прерветъ.

¹ Подражаніе Анакреоновской одѣ (Εἰς Ἐρῶτα, — XXX, 19), которою Державинъ еще гораздо прежде воспользовался отчасти въ пьесѣ *Слѣдствіи Эроса* (томъ I, стр. 469). Напечат. въ *Анакр. письмахъ* 1804 г., стр. 149, и въ изд. 1808, ч. III, xciii. Потомъ перепечат. въ *Разсужденіи о лирической поэзи* (Чт. въ Бесѣдѣ люб. р. сл., кн. II), какъ примѣръ вкуса въ простомъ слоги.

Львовъ такъ перевелъ подлинную оду:

«Цвѣтною вязью *Музы*
Опутали Любовь,
 И связанну *оручили*
 Въ храненіе *Красотъ*.
 Теперь Венера, *искупъ*
 Носящая съ собой,
 Вездѣ прилежно ищетъ
 Эроса искупить;
 Но пусть ему свободу
 Кто хочетъ возвратитъ:
 Онъ *сладкую неволю*
 Свободѣ предпочтетъ».

89. ЛЮБУШКѢ¹.

Не хочу я быть Протеемъ,
 Чтобы оборотнемъ стать;
 Невидимкой или змѣемъ
 Въ теремъ къ дѣвушкамъ летать;
 Но желалъ бы я тихонько,
 Безъ огласки отъ людей,
 Зеркаломъ въ уборной только²
 Быть у Любушки моей:
 Чтобъ она съ умильнымъ взоромъ
 Обращалася ко мнѣ,
 Станомъ, поступью, уборомъ
 Любовалася во мнѣ.
 Иль бы, сдѣлавшись водою⁶,
 Я ей тѣло омывалъ;
 Вкругъ монистой³ золотою,
 Руки блескомъ украшалъ;
 Въ видѣ благовонной мази

10

Умощалъ бы ей власы,
 На грудяхъ въ цвѣточной вязи
 Отбнялъ ея красы;
 Иль, обнявши бѣлу шею¹,
 Былъ жемчугъ ея драгой;
 Ставъ хоть обувью твоею,
 Жала бъ ты меня ногой.

20

- ¹ Зеркаломъ бы мнѣ только
 Стать у Любушки моей,
 Чтобы часто она взоромъ (1804).
⁶ Иль я, сдѣлавшись водою,
 Ей бы тѣло умывалъ,
 Иль монистой золотою.
² Иль, обнявъ я бѣлу шею,
 Былъ жемчугъ твой дорогой.

¹ Подражаніе Анакреоновской одѣ *Къ Демюшкѣ своей* (Εἰς κόρην, — XX, 22). Напечат. въ *Анакр. письмахъ* 1804 г., стр. 147, и въ изд. 1808, кси.

² Вкругъ монистой золотою.

Монисто (сред. ред.) — ожерелье; ср. томъ I, стр. 395, строфу 6 *Провидѣнія*.

90. ШУТОЧНОЕ ЖЕЛАНІЕ¹,

Еслибъ милья дѣвицы
 Такъ могли летать, какъ птицы²,
 И садились на сучкахъ:
 Я желалъ бы быть сучочкомъ,
 Чтобы тысячамъ дѣвочкамъ³
 На моихъ сидѣть вѣтвяхъ.
 Пусть сидѣли бы и пѣли,
 Вили гнѣзда и свистѣли,
 Выводили и птенцовъ;
 Никогда бъ я не сгибался, —
 Вѣчно бъ ими любовался,
 Былъ счастливѣй всѣхъ сучковъ⁶.

8

² Такъ летали будто птицы (1804).

⁶ Былъ милье всѣхъ сучковъ.

¹ По мнѣнію Мартынова (*Греч. классики*, ч. XXIII, стр. 164), Державинъ въ этихъ стихахъ, написанныхъ безъ буквы р (ср. выше стр. 81), воспользовался тою же Анакреоновскою одою, которой онъ подражалъ въ

предыдущей пьесѣ. Напечат. въ *Анакр. пѣсняхъ* 1804 г., стр. 144, и въ изд. 1808, ч. III, LXXVIII. Это одна изъ тѣхъ пьесъ Державина, которыя бывало помѣщались въ пѣсенникахъ. Такъ она напеч. въ *Новѣйшемъ пѣсенникѣ* 1819 г. (Спб.), гдѣ находится и стихотвореніе *Хмель* (см. ниже стр. 278).

² Чтобы тысячамъ дѣвочкамъ.

Надъ этимъ стихомъ часто подшучивали, не зная, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, напр. даже кругомъ Москвы, простолюды почти безъ исключенія и теперь говорятъ *дядька*, а не *дѣвочка* (П. Вартеневъ). Объ этомъ произношеніи свидѣтельствуетъ и г. Даль, относя его къ числу явленій новгородскаго нарѣчія (*Полн. словарь* его, ч. I, стр. XXXIII, пунктъ 1).

91. СТАРИКЪ¹.

Мнѣ дѣвушки шептали:	1
«Ты старъ и сѣдъ и лысъ;	
Вотъ зеркало», сказали,	
«Возьми и посмотрись.» —	
«Что нужды мнѣ, не знаю ^а ,	2
Я старъ», сказалъ, «илъ нѣтъ;	
Я только увѣрю ^б ,	
Что я душой не сѣдъ.	
И старику нужнѣ ^в	3
Въ веселіи пожить,	
Приходить чѣмъ скорѣе	
Меня похоронить» ^г .	

^а Что нужды, я не знаю (1804).

^б Въ томъ только увѣрю.

^в Что старику нужнѣе.

^г Его похоронить.

¹ Подражаніе Анакреоновской одѣ *На себя самою* (Εἰς ἑαυτὸν, XI, 6), которая у Львова такъ переведена:

«Мнѣ дѣвушки сказали:
Ты старъ, Анакреонъ;
Вотъ зеркало, смотрися;
Ужъ нѣтъ ни волоска
На лбѣ твоемъ плѣшивомъ. —
Есть волосы, иль нѣтъ,
Я этого не знаю;
Но то мнѣ лишь извѣстно:
Веселость старику

Тѣмъ болѣе прилична,
Чѣмъ къ гробу ближе онъ».

Ср. Соч. Ломоносова, смирд. изд., т. I, стр. 209 («Анакреонты, ода VI»).
Напечатано въ *Анакр. пѣсняхъ* 1804 г., стр. 148, и въ изд. 1808,
ч. III, хсп.

92. БАБОЧКА¹.

На цвѣты съ цвѣтовъ летая,
Въ полѣ бабочка живетъ;
Не тоскуя, не вздыхая,
Сладкій медь одинъ съ нихъ пьетъ.
Что счастливѣе сей доли,
Какъ бы бабочкою быть,
На своей всегда жить волѣ
И любви лишь сладость пить?
Я бы пилъ — и, вновь влюбляясь,
Лишь въ веселы дни провелъ^а
И, съ духами сочетаясь,
Былъ нетлѣннй символъ.

8

^а Всѣ въ веселіи дни велъ (1804).

¹ Въ первоначальной редакціи и въ *Анакр. пѣсняхъ* 1804 г. (стр. 145)
эта пѣска была безъ буквы *р* (см. выше стр. 81); въ изд. 1808 г. ч. III,
LXXXIX.

93. ХМЕЛЬ¹.

Хмель какъ въ голову залѣзеть,
Всѣ бѣгутъ заботы прочь,
Крезъ съ богатствами исчезнетъ;
Пью! — и всѣмъ вамъ добра ночь.
Плющемъ лежа увѣнчанный,
Ни во что весь ставлю свѣтъ;
Въ бой идетъ пускай мужъ бранный, —
У меня охоты нѣтъ^а.
Мальчикъ! чашу сокомъ алымъ
Поспѣши мнѣ наливать;
Мнѣ гораздо лучше пьянымъ,
Чѣмъ покойникомъ, лежать.

8

¹ Къ дракѣ мнѣ охоты нѣтъ.
 Мальчикъ! скоро съ сокомъ алымъ
 Вели чашу подавать (1804).

¹ Подражаніе Анакреоновской одѣ (XXVI, Εἰς ἄκντον, — 46, Εἰς φιλοπόττην), весьма сходное съ переводомъ Львова; почему и неправдоподобна сдѣланная на автографѣ рукою Евгенія Волховитинова надпись: «Г. Р. Державинъ писалъ полухмельной: надъ этимъ и заснулъ. Кажется, въ февр. 1801 г.» Невѣроятно, чтобъ полухмельной работалъ съ книгою въ рукахъ или такъ хорошо помнилъ текстъ, принятый имъ въ основаніе. Притомъ извѣстно, что Державинъ никогда не предавался неумѣренному употребленію даровъ Вахха. Еще въ 1783 г., возражая критикѣ, осуждавшему въ Фелицѣ сравненіе поэзіи съ *искуснымъ лимонадомъ*, Державинъ между прочимъ замѣтилъ: «мурза, писавшій сію оду, не охотникъ до ерѣвскихъ напитоковъ, которые никогда у него въ умѣ никакого удовольствія не составляютъ». Это свидѣтельство самого поэта вполне подтверждается разсказами близкихъ къ нему лицъ о его образѣ жизни. Евгеній только въ 1804 г. былъ назначенъ викаріемъ новгородскимъ, и это сдѣлалось поводомъ къ знакомству его съ Державинымъ, по близости Званки къ Хутыню, гдѣ жилъ Евгеній. Такимъ образомъ замѣтка Евгенія на рукописи *Хмель* не могла быть сдѣлана ни по личному воспоминанію его, ни по разсказу свѣжаго свидѣтеля и, вѣроятно, основывается на догадкѣ лица, отъ котораго Евгеній получилъ рукопись, — догадкѣ, вызванной содержаніемъ стихотворенія. Въ достовѣрности показанія можно тѣмъ болѣе сомнѣваться, что по означенному въ надписи времени, выходило бы, что эти стихи написаны въ Петербургѣ, самъ же Державинъ говорить, что онъ написалъ ихъ на Званкѣ. За этотъ автографъ обязанъ мы М. И. Сухомянову, который получилъ его отъ покойнаго архіепископа Филарета черниговскаго.

Напечат. въ *Анакр. пѣсняхъ* 1804 г., стр. 122, согласно съ автографомъ, и въ изд. 1808, ч. III, лххш. съ нѣкоторыми измѣненіями.

Для сравненія прилагаемъ всю оду въ переводѣ Львова:

«Хмель какъ въ золоту ударить,
 То заботы всѣ заснуть;
 Я богатъ тогда какъ Крезусъ
 И хочу лишь сладко пѣть.
 Лежа, плочемъ утѣчанный,
 Ни во что я ставлю все.
 Пусть, кто хочетъ, тотъ сражайся,
 Я покуда буду пить, —
 Мальчикъ! поднужь мнѣ чашу
 Поскорѣй вели подать:
 Лучше мнѣ гораздо пьянымъ,
 Чѣмъ покойникомъ лежать.»

94. АНАКРЕОНОВО УДОВОЛЬСТВІЕ ¹.

Почто витієвъ правилъ
 Мнѣ выучить бремена ^а?
 Премудрость я оставилъ:
 Не надо мнѣ она ^б.
 Вы лучше поучите,
 Какъ сокъ мнѣ Вакховъ пить:
 Съ прекрасной помогите
 Венерой пошутить. 8
 Ужъ нѣтъ мнѣ больше силы
 Съ ней одному владѣть;
 Подай мнѣ, мальчикъ милый,
 Вина хоть поглядѣть;
 Авось еще немного
 Мой разумъ усыплю:
 Приходить время строго,
 Покину, что люблю. 16

^а Вы учите меня (1804).

^б Не надобна она.

¹ Написанное на Званкѣ подражаніе Анакреоновской одѣ (XXXVI, Εἰς τὸ ἀνεπίθετος ζῆν, — 50, Εἰς τὸ ἀνεπίθετος ζῆν). Напечат. въ *Анакр. пѣсняхъ* 1804, стр. 121, и въ изд. 1808, ч. III, лххп.

Той же Анакреоновской одѣ подражалъ Л. Мей въ пьесѣ *Беззаботность* (*Стихотворенія* его, Спб. 1857, стр. 53).

Вотъ переводъ Львова:

«На что *витієвъ правилъ*
 Вы учите меня?
 Къ чему мнѣ бесполезны
 Годятся рѣчи ихъ?
 Меня *учите лучше*
Пить Вакховъ сладкій сокъ;
 Учите съ *Афродитой*
Прекрасною играть,
 Когда мои сѣдины
 Увѣнчанны вѣнкомъ.
Подай воды мнѣ, мальчикъ!
 Налей ты мнѣ *вина*
 И *усыпи мой разумъ*.
 Ты скоро ужъ меня

Умершаго схоронишь. —
 А въ гробѣ уже нѣтъ,
 Ужь больше нѣтъ желаній.»

95. МОРЕХОДЕЦЪ¹.

Что вѣтры мнѣ и сине море?
 Что громъ и штормъ и океанъ?
 Гдѣ ужасы и гдѣ тутъ горе,
 Когда въ рукахъ съ виномъ стаканъ?
 Спасеть ли насъ компасъ, руль, снасти?
 Нѣтъ! сила въ томъ, чтобъ духъ пымалъ^а.
 Я пью и не боюсь напасти:
 Приди хотя девятый валъ²!
 Приди, и волнъ зіяй утроба!
 Мнѣ лучше пьянымъ утонуть,
 Чѣмъ трезвымъ доживать до гроба
 И съ плачемъ плыть въ толь дальній путь.

^а Нѣтъ! сила въ томъ, коль въ сердцахъ жаръ (1804).

¹ Эта пьеса очевидно въ родствѣ съ предыдущею, подлѣ которой она и помѣщена поэтомъ въ собраніяхъ его сочиненій: въ *Анакр. пьескахъ* 1804 г., стр. 123, и въ изд. 1808, ч. III, лххiv.

² Приди хотя девятый валъ.

См. выше, стр. 170, примѣчаніе 6 къ одѣ *На победы съ Италиі*, къ которому можно прибавить указаніе на стихи Пушкина въ *Евгеніи Онегинѣ*:

«На берегъ радостный выносить
 Мою ладью девятый валъ» (изд. Анненк., т. IV, стр. 203).

96. МАХИАВЕЛЬ¹.

Царей намѣстникъ иль учитель
 Великихъ иль постыдныхъ дѣлъ!
 Душъ слабыхъ, мелкихъ оболститель,
 Поди отъ насъ, Махиапель!
 Не надо намъ твоихъ замашекъ,
 Обмановъ тонкихъ, хитростей:
 Довольно полныхъ пуншемъ чашекъ
 Для счастья честныхъ людей;

Довольно видѣтъ сквозь покалы
 Всю напихъ внутренность сердець,
 На бой насъ посылатъ, на балы,
 Изъ лавровъ плестъ и розъ вѣнецъ.

¹ Написано на Званкѣ, «по случаю примѣченныхъ авторомъ принятыхъ сего писателя * правилъ» (Об.). Эти слова Державина обнаруживаютъ неудовольствіе, возбужденное въ немъ вѣроятно тѣмъ, что по возвращеніи его изъ Калуги, куда онъ ѣздилъ на слѣдствіе, назначенъ былъ, впрочемъ по собственному его желанію, комитетъ для повѣрки его дѣйствій во время этой командировки (*Записки Держ.*, Р. Бес., стр. 450 и слѣд.). Напечатано въ *Анар. письмахъ* 1804 г., стр. 124, и въ изд. 1808, ч. III, lxxv.

* Макиавеля.

97. ДЕРЕВЕНСКАЯ ЖИЗНЬ ¹.

Что нужды мнѣ до града?
 Въ деревнѣ я живу.
 Мнѣ лентъ и звѣздъ не нада:
 Вельможей не слышу;
 О томъ лишь я стараюсь ²,
 Чтобъ счастливо прожить;
 Со всѣми обнимаюсь
 • И всѣхъ хочу любить.
 Кто вѣдаетъ, что будетъ?
 Сегодня мой лишь день ³,
 А завтра всякъ забудетъ
 И все пройдетъ какъ тѣнь.
 Зачѣмъ же мнѣ способну
 Минуту потерять,
 Печаль и скуку злобну
 Пирушкой не прогнать?
 Сокровищъ мнѣ не нада:
 Богатъ, съ женой коль ладъ;
 Богатъ, коль Лель и Лада ⁴
 Мнѣ дружны и Уладъ;
 Богатъ, коль здравъ, обиленъ,
 Могу поѣсть, попить,
 Подъ-часъ я не безсиленъ
 Съ Милоной пошлать.

10

20

¹ Писанное на Званкѣ подражаніе той же Анакреоновской одѣ (XV—7), которая выше, стр. 108, уже указана какъ источникъ пьесы *Къ самому себѣ*. Напечат. въ *Анакр. пѣсняхъ* 1804 г., стр. 126, подъ загл. *Жизнь деревенская*, и въ изд. 1808, ч. III, lxxvii.

² О томъ лишь я стараюсь.

У Львова: «И только въ то стараюсь,
Чтобъ нѣжный аромать
Браду мою умаститъ».

³ Сегодня мой лишь день.

У Львова: «Сегодняшній день мой;
Чей завтрашній, кто знаетъ».

⁴ Богатъ, коль Лель и Лада и проч.

«Славянскія божества: *Лель* — Амуръ, *Лада* — Венера, *Усладъ* — Бахусъ» (Об.) Ср. Чулкова *Краткій мифологическій лексиконъ*, Спб. 1767. Объ употребленіи Державиннымъ славянскихъ мифическихъ названій см. выше стр. 75.

98. КЪ СКОПИХИНУ¹.

1803.

Не блещетъ серебро, въ скупой 1
Землѣ лежаще сокровеннымъ.
Скопихинъ! врагъ его ты злой,
Употребленіемъ полезнымъ
Пока твоимъ не оцѣнишь,
Сіяющимъ не учинишь².
Безсмертно Мининъ будетъ жить, 2
Рѣшившійся своимъ имѣньемъ
Москву отъ плѣна свободить,
И тотъ Демидовъ, что съ терпѣньемъ³
Свой вѣкъ казну копилъ, и вдругъ
Далъ миллионы для наукъ³.
О, если Шереметевъ къ днямъ⁴ 3
Своимъ еще прибавилъ вѣку⁶:
То не по тѣмъ своимъ пирамъ,
Что были дивомъ челоуѣку³,
Гдѣ тысячи расточены,
Народъ, цари угощены;
Гдѣ, какъ въ волшебныхъ нѣжкихъ снахъ⁷, 4
Зимой въ морозъ, противъ природы,
Цвѣтущую весну въ садахъ,

Шумящія съ утесовъ воды
И звѣздъ разсыпавъ миллионъ,
Свой домъ представилъ раемъ онъ ¹.

Нѣтъ, нѣтъ! не роскошью такой 5
Его днесъ въ свѣтѣ прославляютъ;
Столы прошли, какъ сонъ пустой:
Ихъ гости скоро забываютъ;
Но тѣмъ обрѣлъ онъ всѣхъ любовь,
Что бѣднымъ далъ, больнымъ ² покровъ ³.

Сія щедроты въ родъ и родъ, 6
Какъ солнечны лучи, не умрутъ,
Со дня ихъ на день блескъ течеть:
Отъ Бельта до Амура будутъ
Съ почтеніемъ всѣ зрѣть на нихъ,
По сущность учрежденій ихъ ⁴.

Престань и ты жить въ погребяхъ, 7
Какъ кротъ въ ущельяхъ подземельныхъ ⁵,
И на чугунныхъ тамъ цѣпяхъ
Стеречь, при блескѣ искръ елейныхъ,
Висящи бочки серебра
Иль лаять псомъ вокругъ двора.

Томимый скорбью водяной 8
Чѣмъ больше пьетъ, тѣмъ больше жаждетъ;
Вредомъ вредъ умножая свой,
Сугубой слабостію страждетъ,
Доколь причину онъ бѣды,
Не выгонитъ изъ жилъ воды ⁶.

Лишаясь нѣкихъ пользъ своихъ, 9
Держа Владиміровъ равенство ⁷
Въ торгу противу странъ чужихъ,
Стяжалъ и честь и благоденство.
Хоть часто чернь и злобный свѣтъ
И добродѣтель зломъ зоветъ ⁸;

Но нѣтъ: она въ себѣ одной 10
Всѣ блага смертныхъ заключаетъ;
Уча ихъ одѣнять собой,
Тѣмъ лавръ и пальму доставляетъ,
Кто могъ безъ зависти терпѣть,
На злаго равнодушно зрѣть.

- ^a Дать въ пользу миллионъ наукъ (1805).
^b Своимъ прибавилъ дни въ потомки.
^v Что были пышны, славны, громки
 И свѣту на диво даны.
^r Что шехераздъ въ волшебныхъ снахъ,
 Какъ въ мразъ зимой, противъ природы.
^l Онъ раемъ представляя свой домъ.
^o Что бѣднымъ далъ, больнымъ вѣкъ кровъ.
^x Твоихъ, сквозь ночи, подземельныхъ.
 (Между 7-й и 8-й строфами находилась слѣдующая ис-
 ключенная въ изданіи 1808 г.):
 Рѣшись и побѣди себя:
 Умножь съ сего щедротой часа
 Свой больше кладъ, чѣмъ у тебя
 Съ уральскимъ, Тавра и Кавказа,
 Съ ліонской ярославску тканъ:
 Сердца суть вѣщца дань.
^z Несчастной добродѣтель чтеть.

¹ Написано на Званкѣ въ подражаніе Горацию (книга II, ода 2). Въ *Облестель* Державина эта пьеса отнесена къ 1804 году, но на первоначальной ея рукописи ясно выставленъ 1803, что согласно и съ обстоятельствомъ, на которыя указываетъ текстъ. Это — единственное произведеніе Державина въ должности министра, которую онъ занималъ въ этомъ году. Подъ *Скопихинимъ* (ср. скопидомъ) онъ разумѣетъ миллионера Собакина, никогда не употреблявшаго своихъ богатствъ на общепользныя учрежденія (*Об. Д.*). Вѣроятно, стихотвореніе написано по поводу значительныхъ пожертвованій, сдѣланныхъ съ такою цѣлью Шереметевымъ и Демидовымъ, и поднесенія имъ за то золотыхъ медалей въ Сенатъ*. Оно напечат. въ *Дружъ Прощенія* за апрѣль 1805 года (ч. II, стр. 7) съ полнымъ прописаніемъ именъ какъ этихъ двухъ вельможъ, такъ и Владимірова, и съ подписью: *Отъ неизвѣстнаго*; потомъ въ изд. 1808 г., II, хлvi, съ означеніемъ приведенныхъ именъ только начальною буквою и нѣсколькими точками, послѣ чего эта пьеса такъ печаталась и въ другихъ изданіяхъ, кромѣ Штукинскаго (см. наше Предисловіе въ томѣ I, стр. XXIII).

² Сіяющимъ не учинишь.

Начало оды, послужившей поэту образцомъ, Ad Crispum Sallustium:

»Nullus argento color est avaris
 Abdito terris, inimice lamnae,
 Crispe Sallusti, nisi temperato
 Splendeat usu.»

Въ переводѣ г. Фета:

«Еъ блеску сребра, что скупой зарываеъ,
 Правъ ты, Саллюстій, питая презрѣнне;

* Объ этомъ см. В. Е. 1803, № 11, стр. 234 и слѣд.

Цѣну ему лишь одно удвоеть:
Употребленье.»

³ И тотъ Демидовъ, что съ терпѣньемъ и проч.

Павель Григорьевичъ Демидовъ, род. 1738 г., ум. 1821. Московскій университетъ получилъ въ даръ отъ Демидова кабинетъ естественной исторіи, бібліотеку, собраніе медалей и проч. «Пронсшествіе весьма важное для университета и служащее несравненно честию российскому патриотизму есть сіе самое дѣяніе просвѣщенной благотворительности, которую упоминаемый покровитель наукъ обязалъ современниковъ и потомство вѣчною благодарностью. Даліе безпримѣрное въ лѣтописяхъ наукъ: капиталъ 100,000 рубл., съ которыхъ внесены имъ въ университетъ ежегодные проценты 5000 р.; драгоценный кабинетъ естественныхъ произведеній, собранный имъ подъ глазами Добантона и Лесепеда; многочисленная бібліотека; другой капиталъ 100,000 рубл. и 3578 душъ для заведенія университетскаго училища въ Ярославѣ. Таковы сіяющія изъявленія любви къ отечеству и просвѣщенію, которыми ознаменовалъ себя почтенный благотворитель Московскаго императорскаго университета» и проч. (М. Н. Муравьевъ въ отчетѣ министру за 1803 г., *Исторія Моск. универс.*, стр. 330). Утвердивъ 6 іюня распоряженіе Демидова, Александръ I повелѣлъ вручить ему въ общемъ московскомъ собраніи Сената золотую медаль съ его изображеніемъ и приличною надписью (*Словарь достоп. людей*, М. 1836).

⁴ О, если Шереметевъ къ днямъ и проч.

Оберъ-камергеръ графъ Николай Петровичъ Шереметевъ, род. 1751, ум. 1809 г.

⁵ Что бѣднымъ далъ, больнымъ покровъ.

«Подобно отцу умѣлъ онъ угощать высочихъ посѣтителей, давать праздники, превышавшіе пышностію и блескомъ даже тѣ, которымъ удивлялись современники Екатерины; но воспоминаніе объ увеселеніяхъ уничтожается временемъ, а графъ Николай Петровичъ соорудилъ себѣ памятникъ гораздо прочнѣйшій: *Страннопріимный домъ*, служащій украшеніемъ Москвы, успокоеніемъ убогихъ» и проч. На это учрежденіе Шереметевъ назначилъ ежегодно по 75,000 руб.; здѣсь устроены богадѣльня на 100 человѣкъ и больница на 50 человѣкъ, и сверхъ того выдаются значительныя суммы на разныя челоѣколюбивыя и богоугодныя цѣли. Александръ I повелѣлъ 25 апрѣля 1803 года, чтобы въ общемъ собраніи Сената вручена была графу Шереметеву золотая медаль съ изображеніемъ на одной сторонѣ его портрета, а на другой — приличной надписи (*Словарь достоп. людей*, М. 1836).

⁶ По сущность учрежденій ихъ.

Сущность вм. *существованіе*, слѣдов. пока будутъ существовать учрежденія.

⁷ Не выгонитъ изъ жилъ воды.

У Горация: «Crescit indulgens sibi dirus hydrops,
Nec sitim pellit nisi causa morbi

Fugerit venis, et aquosus albo
Corpore languor.»

У г. Фета: «Множится въ нѣгѣ болѣзнь водяная,
Жажда нейметя, доколь не успѣла
Сущность недужная, влага больная
Выйти изъ тѣла.»

¹ Держа Владиміровъ равенство.

«Владиміровъ, купецъ петербургскій, торговавшій во время императрицы Елисаветы, который, бывъ великій капиталистъ, не давалъ утѣснять иностраннымъ купцамъ русскихъ: скупая у нихъ товары за хорошую цѣну, послѣ продавалъ своимъ за умѣренную и поддерживалъ тѣмъ торгъ и дешевизну въ товарахъ» (Об. Д.).

99. СВОБОДА ¹.

Теплой осени дыханье, 1
Помаваніе дубовъ,
Тихое листовъ шептанье,
Восклипанье голосовъ
Мнѣ лежащему въ долинѣ
Наводили сладкій сонъ.
Видѣлъ я себя стоящимъ 2
На высокомъ вдругъ холму ²,
На плоды вдали глядящимъ,
На шумящу близъ волну, —
И какъ будто въ важномъ чинѣ ⁶
Я носилъ на плечахъ холмъ.
Дальше: — власти мнѣ святія 3
Иго то велѣли несть,
Всѣ вѣнцы суля земные,
Титла, золото и честь.
«Нѣтъ!» возставъ отъ сна глубока,
Я сказалъ имъ: «не хочу,
Не хочу моей свободы, 4
Совѣсть на мечты мѣнять:
Гладки воды, коль погоды
Ихъ не могутъ колебать.
Власть тогда моя высока ³,
Коль я власти не ищу».

² На высокомъ мигъ холму (1804).

⁶ И какъ въ вѣкомъ будто чинѣ.

⁷ Власть моя тогда высока,
Когда власти не ищу.

¹ Написано по случаю увольненія Державина отъ должности министра юстиціи въ октябрѣ 1803 года. Подъ высокимъ холмомъ онъ разумѣеть свое общественное положеніе и соединенныя съ нимъ тяжкія обязанности. Императоръ Александръ I, увольняя его, предлагалъ ему остаться въ Государственномъ Совѣтѣ и въ Сенатѣ съ сохраненіемъ полнаго министерскаго жалованья (16,000 руб.); но Державинъ, чувствуя себя оскорбленнымъ, предпочелъ совершенно оставить службу съ пенсіею въ 10 т. руб. (*Об. и Зап. Д., Р. Бес.*, стр. 495). Объ отсутствіи въ первоначальной редакціи буквы *p* см. выше стр. 81.

Напечат. въ *Анакр. пѣсняхъ* 1804 г., стр. 152, и въ изд. 1808, ч. III, хсѹ.

100. ПАМЯТЬ ДРУГУ¹.

Плакуція березы воють, 1
 На черну наклоняя тѣнь;
 Унылы вѣтры воздухъ роютъ;
 Встаетъ туманъ по всякій день —
 Надъ кѣмъ? кого сія могила²,
 Обросши повиликой вкругъ,
 Подъ мѣдною доской сокрыла?
 Кто тутъ? Не Музь ли, вкуса другъ?
 Другъ мой³! Увы! озлобясь, Время 2
 Его спѣшило въ гробъ сокрыть,
 Что сѣя онъ познаній сѣмя,
 Мнилъ вѣки пользой пережить;
 Воздвигнувъ изъ земли громады³
 И зодчества блестя челомъ,
 Трудился, чтобъ полнощи чады
 Искусствъ покрылися вѣнцомъ.
 Встань, духъ поэзы русской древней, 3
 Съ кѣмъ, вторя, онъ Добрыню пѣлъ⁴,
 Межъ завтреной и межъ обѣдней,
 Взмахнувъ крыла, въ свирѣль гремѣлъ, —
 И лебедь, солнца какъ при всходѣ,
 Подъ красный вечеръ, на водахъ
 Раздавшись кликами въ природѣ,
 Вѣщай, тверди: тутъ Львова прахъ.

Довольны ль эхомъ симъ, Хариты, 4
 Чтобъ персть вамъ милую найти?
 Таланты рѣдки знамениты,
 Вокругъ пестрѣютъ ихъ цвѣты:
 Облагоньте жъ возліянемъ
 Сердцеъ вы друга своего;
 Изящнымъ, легкимъ дарованьемъ
 Теките, Музы, вслѣдъ его⁵.

Но кто жъ моей гитары струны⁶ 5
 На нѣжный будетъ тонъ спущать,
 Оивейски молны и перуны
 Росой тисской упоять⁶?
 Кто памятникъ надъ мной поставитъ⁷,
 Подъ дубомъ тотъ сумрачный сводъ,
 Въ которомъ могъ меня бы славить⁸,
 Играя съ громами, Эротъ?

Ужъ нѣтъ тебя! ужъ нѣтъ! — Придите 6
 Сюда вы, Дружба и Любовь!
 Печаль и вздохи съедините,
 Гдѣ скрытъ подъ пеленою Львовъ¹.
 Ахъ, плачьте, чада! плачьте, други²!
 Цѣлуй въ послѣдній разъ, краса!
 Ужъ слезы Лизы³ и супруги⁴,
 Какъ пламенна горитъ роса

⁵ Такъ, мой! . . . (Первоп. рукоп. и 1805).

⁶ Но кто же лиры моей струны (Рукоп.).

⁷ Въ которомъ могъ меня твой славить (Рукоп. и 1805).

⁸ Надъ пеленой, взоръ скрывшей львовъ (1805).

(Здѣсь *львовъ* было употреблено въ видѣ прилагательнаго, какъ въ стихѣ: *Ты ломоносовымъ перомъ*, см. томъ I, стр. 81. Удивительно, что Дмитріевъ пропустилъ оба стиха безъ замѣчанія. Нынѣ подобное употребленіе собственныхъ именъ осталось только въ немногихъ названіяхъ урочищъ: Аничковъ мостъ, Чернышевъ переулокъ).

² Плачьте, чада, плачьте, други (Рукоп.).

³ А слезы Лизы . . . (Рукоп. и 1805).

¹ Н. А. Львовъ, о которомъ часто упоминается въ примѣчаніяхъ I-го тома (см. особенно стр. 365, 468, и тамъ же Предисловіе), былъ очень болязненъ въ послѣдніе годы жизни, и вскорѣ послѣ побѣдки къ кавказскимъ минеральнымъ водамъ, которымъ составилъ описаніе, онъ умеръ,

52-хъ лѣтъ отъ роду, 27 декабря 1803 года. Въ *Мѣсяцесловѣ съ росписью государственныхъ чиновъ* за этотъ годъ онъ записанъ слѣдующимъ образомъ: «Членъ экспедиціи государственнаго хозяйства, опекунства иностранныхъ и сельскаго домоводства, тайный совѣтникъ, управляющій училищемъ землянаго битаго строенія и комисіи о разработкѣ и употребленіи каменнаго угля». Жена Львова пережила его только четырьмя годами (ум. 1807 г.), и послѣ ея смерти три дочери ихъ: Елисавета (въ замужствѣ Львова же), Вѣра (въ замужствѣ Воейкова) и Прасковья (— Бороздина, род. 1793, ум. 1839) жили въ домѣ Державинныхъ (см. выше стр. 121 и 269). Львовъ имѣлъ также двухъ сыновей, Александра и Леонида, давно уже умершихъ, но оставившихъ потомство.

Пѣса эта въ первый разъ была напечатана въ *Вѣстникѣ Европы*, ч. XIX, 1805, № 4 (стр. 299). Когда она уже набиралась, И. П. Дмитріевъ предложилъ нѣсколько измѣненій. «Благодарю тысячу разъ», отвѣчалъ Державинъ 23 января, «за примѣчанія и поправки. Видите, какъ худо безъ друзей писать. Не увидишь, какъ ошибешься; но ежели еще не напечатаны, то не лучше ли переправить такимъ образомъ *Ахъ! плачьте, чада! плачьте, дружи!* (строфа 6, стихъ 5, см. вариантъ д): ибо мнѣ кажется, тутъ нужно повтореніе: то и можно прибѣгнуть къ обыкновенной у нашей братьи затяжкѣ. У *цѣпицы*, или у дудки струнъ нѣтъ, хотя поэзія и имѣетъ вольность называть лады струнами, а струны ладами. То не лучше ли такъ: *Но ктожь моей гитары струны На тѣмный будетъ токъ спущать?* (строфа 5, см. вар. б). Впрочемъ, ежели уже подъ прессъ попало, то быть тому такъ. Пребываю съ почтеніемъ и преданностію» (Письмо 13 изъ напечатанныхъ М. А. Дмитріевымъ въ 10-й книжкѣ *Москвитянина* 1848 г.).

Съ этими поправками стихотвореніе и явилось въ журналѣ Каченовскаго; потомъ оно было напечат. въ изд. 1808 г., ч. II, лп., съ немногими новыми перемѣнами.

² Надъ кѣмъ? кого сія могила и проч.

Львовъ и жена его похоронены рядомъ въ ихъ новоторжскомъ имѣніи Черенчицахъ или, какъ оно иначе называется, селѣ Никольскомъ, почему и владѣлецъ его часто подписывался *Львовъ Никольскій* и въ шутку говаривалъ, что его со временемъ пожалуютъ графомъ Никольскимъ.

³ Воздвигнулъ изъ земли громады.

Львовъ придумалъ способъ строить дома изъ земли и тѣмъ обратилъ на себя вниманіе императора Павла, по повелѣнію котораго построилъ въ Гатчинѣ изъ этого новаго матеріала такъ называемый *приоратъ*, красиво расположенное зданіе, до сихъ поръ сохранившееся. Впослѣдствіи нѣсколько такихъ строеній возникло и въ Никольскомъ, куда приказано было отправить на выучку по два работника изъ каждой губерніи, такъ что ихъ собралось тамъ болѣе 100 человекъ. Это было въ связи съ указомъ, состоявшимся 21 августа 1797 года, объ учрежденіи училища *землянаго битаго строенія* (*Полн. Собр. Зак.*, т. XXIV, № 18,103); директоромъ этого училища назначенъ былъ Львовъ. Понятно, что сошпительное въ своихъ результатахъ изобрѣтеніе вызвало много разно-

родных толковъ, пересудовъ и насмѣшекъ. Кажется, опыты землѣбитаго строенія производились и въ окрестностяхъ Москвы. Карамзинъ разсказывалъ покойному графу Блудову, что однажды, гуляя тамъ, онъ увидѣлъ, какъ крестьяне толкутъ землю, и на вопросъ, что они дѣлаютъ, услышалъ отъ нихъ отвѣтъ: «Толчемъ, да безъ толку». За то другіе ожидали очень многого отъ изобрѣтенія Львова, и Державинъ написалъ къ портрету его двустипшіе:

«Хоть взять онъ отъ земли и въ землю онъ пойдетъ,
Но въ зданьяхъ земляныхъ онъ вѣчно проживетъ».

О зодческомъ искусствѣ Львова было уже говорено въ томѣ I: онъ издалъ томъ *Паладеевой архитектуры* и *Школу деревенской архитектуры*. Кстати прибавимъ, что Львовъ открылъ между прочимъ копи каменнаго угля и написалъ о томъ брошюру. Объ отправленіи его «для осмотра имѣющихся удобныхъ къ тому мѣстъ въ Валдайскихъ горахъ и учиненія въ томъ опыта» Екатерина II писала къ Н. П. Архарову изъ Царскаго Села 17 іюля 1786 года (*Русск. Архивъ* 1864 г., стр. 897)*.

⁴ . . . онъ Добрыню пѣлъ.

При стихотвореніи *Н. А. Львову* (т. I) было также упомянуто о началѣ богатырской поэмы *Добрыня*, написанномъ имъ въ духѣ русскихъ былинъ. «Онъ любилъ», говоритъ Державинъ въ своихъ *Объясненіяхъ*, «русское природное стихотворство, самъ писалъ стихи, а особенно въ простонародномъ вкусѣ былъ неподражаемъ». Словами «межъ завтреней и межъ обѣдней» поэтъ хочетъ означить такіе часы, которые болѣе другихъ благопріятны ясному выраженію мыслей; въ это же время дѣя древніе сказочные богатыри совершали свои подвиги: такъ Илья Муромецъ между завтреней и обѣдней впервые пріѣхалъ въ Кіевъ (*Об. Д.*).

⁵ Теките, Музы, вслѣдъ его.

Своимъ тонкимъ вкусомъ, разнообразными талантами, общительнымъ, веселымъ нравомъ и легкостью писать стихи, особливо шуточные, Львовъ приобрѣлъ большой вѣсъ въ литературномъ кругу, который собирался около него. Въ этомъ, болѣе нежели въ собственныхъ его трудахъ, заключается значеніе Львова для его эпохи,—значеніе, о которомъ согласны говорить многіе изъ его современниковъ, какъ-то Державинъ, И. И. Дмитріевъ, Ф. П. Львовъ, Жихаревъ и др. Памятниками любви его къ народной поэзіи и къ музыкѣ остаются: напечатанное Прачемъ изданіе русскихъ пѣсенъ съ предисловіемъ Львова, переводъ «объясненія музыки Сартія» при сочиненіи Екатерины II *Начальное управленіе Олеса*, также его драматическія шутки и проч. Если вспомнить, что онъ же издалъ *Русскаго ѣтописца*, *Разсужденіе о перспективѣ*, *Русскую пиростатику* и проч., то можно конечно пожалѣть, что онъ брался за слишкомъ многое и увлеклся проектами, но нельзя, съ другой стороны, не удивиться его многостороннимъ дарованіямъ, живости любознательнаго ума его и неутомимой дѣятельности.

* Ср. въ томѣ V нашего изд. письма Львова къ Держ. отъ 13 августа и 18 сентября 1786.

⁶ Росой тінской упоять —

«т. е. эввскаго пѣвца Пиндара пѣсни тінскимъ, или Анакреономъ умягчать, ибо онъ, съ авторомъ нерѣдко занимаясь поэзіей, давалъ ему совѣты, относящіяся къ пріятному вкусу» (Об. Д.). Это свидѣтельство самого Державина очень важно для оцѣнки вліянія, какое имѣлъ на его дѣятельность Львовъ. Не получивъ порядочнаго воспитанія, не зная древнихъ языковъ, Львовъ однакожъ въ значительной степени дополнилъ свое образованіе чтеніемъ, знакомствомъ съ языками французскимъ и итальянскимъ, заграничными путешествіями и обращеніемъ въ высшемъ петербургскомъ обществѣ. Такимъ образомъ Державинъ находилъ въ немъ многое, чего ему самому недоставало, и, судя по поправкамъ и замѣчаніямъ Львова, оставшимся въ рукописяхъ, можно сказать, что онъ многое въ искусствѣ понималъ вѣрно, хотя самъ и не обладалъ высшимъ творческимъ даромъ.

⁷ Кто памятникъ надъ мной поставитъ?

Въ одномъ письмѣ къ Державину Львовъ, будучи гораздо моложе его, обѣщалъ поставить ему монументъ (Об. Д.).

⁸ Ужъ слезы Лизы и супруги.

Лиза — Елисавета Николаевна, старшая дочь покойнаго (Об. Д.); см. выше стр. 118).

101. ФОНАРЬ¹.

1804.

Гремитъ органъ на стогнѣ трубный²,

1

Пронзаетъ ночь и тишину;

Очаровательный огонь, чудный,

Малюетъ на стѣнѣ луну.

Въ ней ходитъ тѣни разнородны:

Волшебникъ мудрый, чудотворный,

Жезла движеніемъ, усть, очесь,

То ихъ творить, то истребляетъ;

Народъ толпами поспѣшаетъ

Смотрѣть къ нему такихъ чудесь.

Явись!

2

И бысть.

Пещеры обитатель дикій,

Изъ тмы ужасной превеликій

Выходитъ левъ.

Стоитъ, по гривѣ лапой кудри

Златыя чешеть, вьетъ хвостомъ;

И ревъ

И взоръ его, какъ въ мракѣ бури,

Какъ яры молніи, какъ громъ,

Сверкая по лѣсамъ, грохочеть.
 Онъ рыщетъ, скачетъ, пища хочетъ
 И, межъ деревьевъ
 Озѣтя агницу смиренну²,
 Прыгнувъ, разверзъ ужъ челюсть гнѣвну...
 Исчезнь! исчезъ.

Явись!

3

И бысть.

Средь гладкихъ океана, стекляныхъ,
 Зарею утренней румяныхъ,
 Спокойныхъ нѣдръ,
 Голубосизый, солнцеокой,
 Усатый, тучный рыбій князь,
 Осетръ,
 Изъ влаги появлясь глубокой,
 Пернатой лыткою вокругъ струясь,
 Сквозь водну дверь глядитъ, гуляетъ...
 Но тутъ ужасный звѣрь всплываетъ

Къ нему изъ безднѣ:

Стремить въ свои водъ рѣки трубы³
 И какъ серпы занесъ ужъ зубы...

Исчезнь! исчезъ.

Явись!

4

И бысть.

Съ долины мирныя, зелены
 Въ полудни лебедь, вознесенный
 Подъ облака,
 Веселый гласъ свой испускаетъ.
 Его долина, роща, холмъ,

Рѣка

Стократно эхомъ повторяетъ...
 Но тутъ, какъ быстрый съ свистомъ громъ,
 На рамена его сребристы
 Орелъ прожорливый, когтистый

Упалъ съ небесъ:

Клюетъ, терзаетъ, бьетъ крылами,
 И пухъ летитъ какъ снѣгъ полями...

Исчезнь! исчезъ.

Явись!

5

И бысть.

Спустилось солнце; вечеръ темный
Открылъ на небѣ миллионы

Горящихъ звѣздъ.

Огнисты, легки метеоры
Слетаютъ блещущимъ клубкомъ

Отъ мѣстъ

Превыспреннихъ, — и въ мракѣ взоры,
Какъ искры, веселятъ огнемъ:

Одна на домъ тутъ упадаетъ,
Раздута вѣтромъ, зажигаетъ,

И въ пламѣ городъ весь!

Столбомъ дымъ, жупель въ воздухъ вьется,
Пожаръ, какъ рдяны волны, льется . . .

Исчезнь! исчезъ.

Явись!

6

И бысть.

Торговый гость, смотря на счета,
Отъ жажды къ злату и заботы

Хотя дрожить

Товарищей надъ барышами,
Въ пая дѣля товары ихъ;

Но бдитъ

И ползаетъ надъ чертежами
Всечасно странствіевъ морскихъ.

Въ очкахъ его всезряще око

Ужъ судно зреть въ моряхъ далеко

Сквозь сладкихъ слезъ:

На немъ вздутъ парусъ, флагъ, дымъ, пламень⁴,

Близъ пристани подводный камень . . .

Исчезнь! исчезъ.

Явись!

7

И бысть.

Оратай нивъ трудолюбивый,
Богобоязный, терпѣливый,

Проливъ свой потъ,

Ходя подъ зноемъ за сохою

И тукомъ угобзя бразды,

Ждетъ годъ

Отъ брошенныхъ его рукою
Сѣмянъ собрать себѣ плоды.
Златымъ колосья сокомъ полны,
Уже колеблются, какъ волны,

И тѣнь небесъ

Его трудъ правый осѣняетъ;
Но градъ изъ тучи упадетъ . . .

Исчезнь! исчезъ.

Явись!

8

И бысть.

Чета младая новобрачныхъ —
Въ златыхъ, блистающихъ, безмрачныхъ

Цѣпяхъ своихъ —

Любви въ блаженствѣ утопаетъ;
Преодолѣвъ припятства всѣ,

Женихъ

Отъ радости въ восторгѣ таетъ

И, въ плѣнь отдавшися красѣ,

Забывъ на ложѣ прежни скуки,

Въ уста ее цѣлуетъ, въ руки,

И средь завѣсъ

Коснулся ужъ забавъ рукою;

Но блещетъ Смерть надъ нимъ косою . . .

Исчезнь исчезъ.

Явись!

9

И бысть.

Отважный, дерзкій вождь, счастливый,

Чрезъ свой пронырливый, кичливый

И твердый духъ

Противны разметавъ знамены,

И на чело свое собравъ

Вокругъ

Съ народовъ многихъ лавръ зеленый,

И царскія права поправъ,

Въ чадѣ властолюбивой страсти

У всей народной силы, власти

Взялъ перевѣсъ;

Гражданъ не внемлетъ добрыхъ стону,

Простеръ десницу на корону⁵ . . .

Исчезнь! исчезъ,
 Не обавательный ль, волшебный 10
 Магическій сей міръ фонарь,
 Гдѣ видны тѣни перемѣны,
 Гдѣ, веселяся ими, царь
 Иль магъ какой, волхвъ непостижный,
 Въ своихъ намѣреняхъ обширный,
 Планетъ кругъ тайно съ высоты
 Единымъ перстомъ обращаетъ
 И земнородныхъ призываетъ
 Мечтами быть, иль зрѣть мечты?
 Почто жъ, о смертный дерзновенный, 11
 Невѣжда средь своихъ наукъ!
 Летая мыслями надменный,
 Иль ползая въ пыли, какъ жукъ.
 Бѣжишь ты счастья за мечтами,
 Толь преходящими предъ нами,
 Бывъ гостемъ, позваннымъ на пиръ?
 Не лучше ль блескомъ ихъ не льститься;
 Но Зодчему тому дивиться,
 Кто создалъ столь прекрасный міръ?
 Такъ будемъ, будемъ равнодушно 12
 Мы зрителями Его чудесь,
 Что рокъ велить, творить послушно,
 Забавой бывъ другихъ очесъ:
 Пускай Тотъ управляетъ нами,
 Кто движетъ солнцами, звѣздами:
 Онъ знаетъ ихъ и нашъ конецъ!
 Велить, — я возвышаюсь;
 Речеть, — я понижаюсь.
 Сей міръ — мечты: ихъ Богъ творецъ!

* Органъ веселый, возглашая,
 Пронзаетъ нощи тишину
 И лучъ, средь фонаря блистая,
 Рисуетъ на стѣнѣ луно.
 Въ ней ходятъ тѣни разнородны,
 Отсюда волны льются черны;
 Распяливъ, смотря, очеса:
 Жезломъ волшебникъ потрясаетъ
 И громогласно возглашаетъ:

Придите, зрите чудеса.

Сей міръ ничто, какъ представленье
Волшебной скрытою рукой,
Въ различныхъ образахъ движенье
Всѣмъ тѣни видимой какой.
Вертѣтъ волшебникъ появится,
Махнетъ жезломъ и затемнится:
Одна другу смѣняетъ тварь (Первонач. рукоп.).

¹ Поводомъ къ сочиненію *Фонаря* было одно оптическое зрѣлище, какъ сказано въ *Ключъ къ соч. Держ.* (стр. 90); но конечно это стихотвореніе вызвано было и тѣми размышленіями о суетѣ мірской, съ которыми Державинъ не могъ не оглядываться на свое недавно оконченное гражданское поприще. *Фонарь* тогда же явился отдѣльно, въ одно время съ *Колесницею* (см. томъ I, стр. 375)*; потомъ онъ былъ напечатанъ съ подписью Державинъ въ *Дружъ Просвѣщенія*: имъ открывається книжка этого журнала за іюль 1804 года; и наконецъ въ изд. 1808 г., ч. II, XL; здѣсь, какъ и у насъ, пьеса раздѣлена на строфы, чего прежде не было.

² Озѣтя агницу смиренну.

Въ *Опытѣ областнаго великор. Словаря* есть слово *зетить*, «подсматривать, выглядывать съ осторожностію».

³ Стремить въ свои воль рѣки трубы —
китъ, который извергаетъ изъ себя воду струями (Об. Д.).

⁴ На немъ вздуть парусъ, флагъ, дымъ, пламень и проч.
Это какъ будто предвидѣніе парохода.

⁵ Простеръ десницу на корону.

Державинъ уже предсказывалъ непрочность Наполеонова владычества. (См. выше строфу 3 оды на *Новый 1798 годъ*, стр. 91 — 93).

* Въ четвертку, безъ заглавнаго листа; *Фонарь* занимаетъ 7 страницъ; *Колесница* — 5; обѣ пьесы безъ всякой подписи.

102. МУЖЕСТВО¹.

Что привлекательнѣй очамъ, 1
Какъ не огня во тмѣ блистанье?
Что восхитительнѣе намъ,
Когда не солнечно сіянье?
Что драгоценнѣй злата есть
Средь всѣхъ сокровищъ нашихъ тлѣнныхъ?
Межъ добродѣтелей отчужденныхъ
Чья Мужества превьше честь?
Въ лучахъ, занятыхъ отъ порфиръ, 2

Видалъ наперсниковъ я счастья;
Зрѣлъ удивляющія міръ
Могущество и самовласть;
Сребра зрѣлъ горы на столахъ,
Вельможъ надменность, роскошь, пышность,
Прельщающую сердце лишность;
Но умъ прямыхъ не зрѣлъ въ нихъ благъ.

При улыбаньи красоты, 3
Подъ сладкогласіемъ музыки,
Волшебныхъ игръ и дивъ мечты
Меня плѣняли пляски, лики;
Но посреди утѣхъ такихъ,
Какъ чувства въ нѣгѣ утопали,
Мои желанія искали
Какихъ-то общихъ благъ — моихъ.

Пальмиры пышной и Аѳинъ 4
Гдѣ были празднества, позоры,
Тамъ нынѣ средь могилъ, пустынь,
Слѣды звѣрей встрѣчаютъ взоры.
Увы! въ мѣста унынья, скукъ
Что красны зданья превратило?
Уединенье водворило
Что въ храмахъ вкуса и наукъ?

Не злымъ ли зубомъ стеръ ихъ Кронъ, 5
Не хищны ль варваровъ набѣги?
Нѣтъ! нѣтъ! великихъ душъ уронъ.
Когда въ объятія вверглись нѣги,
Ко злату въ цѣпи отдались:
Вмигъ доблести презрѣнны стали,
Подъ тяжестью пороковъ пали,
Импери въ прахѣ погреблись.

О, еслибъ храбрый Леонидъ 6
Поднесъ и Зиновія жили,
Не премѣнился бъ царствъ ихъ видъ,
Величія бъ примѣромъ были.
Но жаръ какъ духа потушень,
Какъ бѣдность пресмыкаться стала,
Увидѣли Сарданапала
На тронѣ съ пряслицей межъ женъ.

Италы честь, художествъ цвѣтъ, 7
 Остатки древностей безцѣнны!
 Безъ Римлянъ; побѣждавшихъ свѣтъ,
 Гдѣ вы? гдѣ? — Галломъ похищенны²!
 Безъ бодрственной одной главы,
 Чѣмъ вознеслась Собійсковъ слава,
 Ставъ женъ Цитерою, Варшава³
 Ужъ не соперница Москвы.

Украсть чело кто звѣздъ вѣнцемъ 8
 И обладателемъ будь міра,
 Какъ радуга сіяй на немъ
 Багряновидная порфира;
 Но если духъ въ немъ слабъ, — полковъ,
 Когортъ его всѣ громаы мертвы⁴;
 Вожди безъ духа — страховъ жертвы
 И суть рабы своихъ рабовъ.

Такъ доблесть, сердца правота, 9
 Огонь души небесъ священный,
 Простѣйшихъ нравовъ высота,
 Духъ крѣпкій, сильный, но смиренный, —
 Творецъ величествъ на земли!
 Тобою вои побѣждаютъ,
 Судьи законы сохраняютъ,
 Счастливо царствуютъ цари.

Тобой преславный родъ Славянъ 10
 Владыкой сдѣлался полсвѣта,
 Господь осми морей, тьмы странъ;
 Душа его, тобой нагрѣта,
 Какихъ вновь дивъ не сотворить?
 Тамъ Гермогенъ, какъ Регуль, страждетъ;
 Ильинъ, какъ Децій, смерти жаждетъ⁵;
 Резановъ Гаму замѣнить⁶.

Одушевляй російску грудь 11
 Всегда, о Мужество священо!
 Присутственно и впредь намъ будь
 Во время скромно, время гнѣвно.
 Взлетимъ коль оперенны мы
 Твоими страшными крылами:

Кто встанетъ противъ насъ? — Богъ съ нами!
Мы вспѣнимъ понтъ, тряхнемъ холмы!

¹ Начато еще въ 1797 году по случаю происшедшей въ Павловскѣ фальшивой тревоги во время присутствія тамъ императора Павла, когда на дворцовомъ плацу внезапно появилась гвардія вслѣдствіе звука почтовой трубы, принятаго за сигнальный призывъ, который иногда раздавался изъ дворца (Гельбигъ, стр. 472). Кончено въ 1804 г.

Напечатано въ изд. 1808 г., ч. II, хл.

² ... Галломъ похищены.

«Когда Французы покорили себѣ Италію, то Наполеонъ, тогдашній консулъ, а нынѣшній императоръ, всѣ рѣдкія произведенія художества приказалъ вывезти въ Парижъ, чтѣ и исполнено» (Об. Д.).

³ Ставъ женъ Цитерою, Варшава и проч.

т. е. Варшава пала отъ растлѣнія нравовъ, отъ недостатка мужества. Предыдущій стихъ ср. съ стихомъ И. И. Дмитріева: «Исчезла Собіесковъ слава» (томъ I нашего изданія, стр. 451).

⁴ Когорть его всѣ громы мертвы.

Наподобіе римскихъ когортъ образованы были при Екатеринѣ II легкія полевыя команды, состоявшія изъ пѣхоты, драгунновъ, казаковъ и четырехъ единороговъ артиллеріи; въ нихъ было по 50 человекъ. (Об. Д.). Вигель въ своихъ *Воспоминаніяхъ* рассказываетъ изъ эпохи своего дѣтства, около 1790-го года: «Мы (онъ и маленкій сынъ графини Браницкой) смотрѣли разъ въ окошко на плацъ кievской крѣпости и на гауптвахту, гдѣ стояли въ караулѣ какіе-то новонабранные малороссійскіе пѣшіе казаки стрѣлки, которые были раздѣлены не на полки, а на когорты, и поэтому называли ихъ когортами; ихъ не успѣли еще обмундировать, и они были въ стрыхъ кафтанахъ, какъ ратники 812-го года» (*Русск. Вѣстникъ* 1864 г., № 1, стр. 264).

⁵ Ильинъ, какъ Децій, смерти жаждеть.

Ильинъ, флотскій офицеръ, который въ сраженіи при Чесмѣ подплылъ на брандерѣ (зажигательномъ суднѣ) къ фланговому турецкому кораблю, положилъ въ него брандсугель и тѣмъ рѣшилъ исходъ боя. При увольненіи впослѣдствіи отъ службы онъ получалъ пенсію въ 300 руб. Когда онъ умеръ, пережившая его сестра осталась бы безъ куска хлѣба, еслибъ лишилась этой пенсіи. Тогда Гераковъ (Гаврило Васильевичъ), учитель кадетскаго корпуса, напечаталъ извѣстіе о подвигѣ Ильина. Дѣло было доведено до свѣдѣнія императора Александра I, и Ильиной отдана по смерти пенсія ея брата * (Об. Д.). О самомъ Гераковѣ см. *Востокъ*. Булгарина, ч. I, стр. 283—288.

⁶ Резановъ Гаму замѣнить.

Николай Петровичъ Резановъ (род. 1764, ум. 1807 г.), былъ назна-

* По словамъ Булгарина (*Востокъ*, ч. I, стр. 287), пенсію пллучили дочери Ильина.

ченъ въ 1803 г. посланникомъ въ Японію и отправился туда на корабль *Надежда*, на которомъ капитанъ Крузенштернъ предпринялъ кругосвѣтное путешествіе. По этому-то поводу Державинъ и сравниваетъ Резанова съ Васко-де-Гама. Извѣстно, что это посольство не имѣло успѣха: оно было принято Японцами дурно и не привело къ установленію сношеній съ ними. Въ 1806 году Резановъ, отпустивъ корабли въ дальнѣйшее плаваніе, самъ поѣхалъ сухимъ путемъ въ Петербургъ, но на пути черезъ Сибирь занемогъ и 1-го марта слѣдующаго года умеръ въ Красноярскѣ (объ экспедиціи Резанова см. статью Карамзина «О российскомъ посольствѣ въ Японію», Соч. его, изд. Смирд., т. I, стр. 388; *Путешествіе Крузенштерна*, Спб. 1819; *Двукратное путешествіе Хвостова и Давыдова*, Спб. 1810, и *Записки В. М. Головина*, Спб. 1851). Какъ видно изъ *Введенія* Крузенштерна, Резановъ былъ женатъ на дочери Шелехова (см. томъ I, стр. 529) и много способствовалъ къ тому, что императоръ Павелъ 1799 г. утвердилъ Американскую компанію. Резановъ былъ хорошо извѣстенъ Державину, который, бывъ опредѣленъ къ дѣламъ Императрицы въ 1791 году, взялъ его къ себѣ въ правители канцелярѣн (см. біографію Резанова въ Словарѣ митрополита Евгенія, *Записки* Держ. и его переписку). При назначеніи въ посланники Резановъ получилъ званіе оберъ-камергера и аннинскую ленту.

103. ВЕСНА ¹.

- Таесть зима дыханьемъ Фавона ², 1
 Взгляда бѣжитъ прекрасной весны;
 Мчатся Нева къ Бельту на лоно;
 Съ берега суда спущены ².
- Снѣгомъ лѣса не блещутъ, ни горы; 2
 Стогновъ согрѣтъ не пышетъ ⁶ огонь ³;
 Ломятъ стада, играя, затворы;
 Рыцца, ржетъ на полѣ конь.
- Нимфы въ лугу подѣ луннымъ сіаньемъ ³, 3
 Ставъ въ хороводъ, вечерней зарей,
 Въ пѣсняхъ поютъ весну съ восклицаньемъ,
 Пляшутъ, топочутъ стопой.
- Солнце лучемъ лиловымъ на взморье ⁷ 4
 Бросить какъ огонь, Петрополь вкушать
 Свѣжій зефиръ валитъ въ лукоморье ⁴;
 Ёдешь и ты тамъ гулять.
- Ёдешь, — и зришь знакъ, небо, лѣсъ, воды, 5
 Милу жену, вокругъ роццу сыновъ ⁵;
 Прелесть всю зришь съ собой ты природы,
 Счастливъ симъ, счастливъ ты, Львовъ!

Что жъ ты стоишь такъ мало утѣшенъ? 6
 Плюнь на твоихъ лихихъ супостатъ, —
 Если прибытокъ оный безгрѣшенъ,
 Ревель что далъ и Кронштадтъ⁶:
 Выкати, дай, ты дай непременно 7
 Бочку скорѣй намъ устрицъ на столъ;
 Портеръ, вино, что искрами пѣнно,
 Каплетъ что златомъ, какъ смоль¹;
 Въ толстомъ стеклѣ что выжимки силы, 8
 Въ сверткахъ травы⁷ что слаще сота⁶;
 Сокъ намъ подай, что молніей въ жилы,
 Быстро летитъ что въ уста!
 Выставь намъ все. — Такъ время пріятно, 9
 Должно твоихъ друзей угощать.
 Дышать пока сады ароматно,
 Розы спѣши собирать.
 Видишь, мой другъ, и самъ ты вседневно, 10
 Мигъ что одинъ не сходенъ съ другимъ^{*};
 Въ мірѣ земномъ все, видишь, премѣнно:
 Гладкій понтъ часто холмимъ.
 Самый твой торгъ, — имперіи цвѣтъ, слава, 11
 Первый къ вреду, растлѣнію шагъ⁸:
 Блага лишь суть: здоровье, забава,
 Честность, — все прочее прахъ.

¹ Отъ биржи суда спущены (Рукоп.).

⁶ Стогновъ въ столицѣ не грѣетъ огонь.

⁷ Подъ блескомъ луны, воздуха сводомъ
Тихой вечерней румяной зарей
Дѣвы въ Ямской поютъ хороводомъ.

⁷ Солнца съ закатомъ, ходитъ на взморье
Запахъ Петрополь свѣжій вкушать;
Съ семействомъ и ты въ рай, въ лукоморье
Пріѣхалъ на лѣто дышать.

¹ Что сѣра золотая, что смоль.

⁶ Что въ сверткахъ соломы слаще сота.

^{*} Минута одна не схожа съ другой:

Въ тлѣнномъ семъ мірѣ все перемѣнно,
Понтъ гладкій холмится волной.

⁸ Первый къ ихъ порчѣ, растлѣнію шагъ.

¹ Посланіе къ Федору Петровичу Львову, двоюродному брату Николая Александровича. Этотъ О. Львовъ, влослѣдствіи женатый во второмъ

бракъ на Елисаветѣ Николаевнѣ Львовой (см. выше стр. 269), служилъ директоромъ канцеляріи министра коммерціи, графа Ник. Петр. Румянцева, былъ знатокъ музыки (позднѣе директоръ нѣвческой капеллы), занимался литературой и издалъ нѣсколько книгъ, въ томъ числѣ и *Объясненія* Державина (Спб. 1834), диктованныя поэтомъ второй женѣ Львова *, когда она была еще молодой дѣвушкой. Одно время Ѳ. П. Львовъ служилъ у кн. Лопухина въ комиссіи составленія законовъ, а напоследокъ въ канцеляріи государственнаго совѣта помощникомъ статсъ-секретаря. Въ этой должности онъ и умеръ въ концѣ 1835 г.

Пьеса *Весна* въ нѣкоторыхъ частяхъ своихъ, особливо же въ началѣ, представляетъ подражаніе Горацию, именно одѣ къ Секстію (кн. I, 4) и одѣ къ Манлію Торквату (кн. IV, 7). Далѣе Державинъ оставляетъ латинскаго поэта, и посланіе къ Львову едва только напоминаетъ оду къ Деллію (кн. II, 3). *Весна* написана на Званкѣ и хотя въ *Объясненіяхъ* Державина отнесена къ 1805 г., однакожь похѣщается нами здѣсь на основаніи отыѣтки, находящейся на первоначальныхъ ея рукописяхъ. Эти рукописи любопытны, показывая намъ многочисленныя измѣненія, чрезъ которыя она проходила, пока достигла окончательнаго вида. Самая первая редакція начиналась такъ:

Взглядомъ весеннимъ, вѣтровъ дыханьемъ
Таетъ, уходитъ лихая зима.

Крикомъ матросовъ, машинъ стenanьемъ.

Пристань судами полна.

Вечеромъ, утромъ громы грохочуть,

Несая далече по быстрой Невѣ;

Пестрые флаги на мачтахъ хлопочуть,

Въ стекляной блестя смневѣ.

Продолженіе частью слишкомъ не отдѣлано, частью написано неразборчиво. Въ современную тетрадь стихотвореніе занесено уже совершенно иначе, но опять зачеркнуто, при чемъ рукой Державина торопливо надписано: «Исправить въ стопосложеніи». Изъ этой средней редакціи, въ которой поэтъ былъ недоволенъ смѣшеніемъ анапестовъ и ямбовъ съ дактилями и хорейми, мы возьмемъ нѣсколько наиболее любопытныхъ вариантовъ. Наконецъ, въ той же тетради, черезъ нѣсколько страницъ, читается окончательно исправленный текстъ этого стихотворенія.

Оно напечатано въ изданіи 1808 г., ч. II, сл.

² ... дыханьемъ Фавона.

Favonius — западный вѣтеръ, римское названіе Зефира.

У Горациа: «Solvitur acris hiems grata vice veris et Favoni,

Trahuntque siccas machinae carinas,

Ac neque jam stabulis gaudet pecus, aut arator igni;

Nec prata canis albicant pruinis.

* Собственныя сочиненія его напечатаны, Спб. 1831 г., въ двухъ частяхъ подъ заглавіемъ: *Часы свободы въ молодости*; во 2-ую ч. вошли *Письма Скиммиа*, изданныя отдѣльно въ Спб. же 1813 г.

Въ переводѣ г. Фета:

Ужъ строгая зима отъ вешнихъ устъ слетѣла,
И вновь бѣжитъ вода съ изсохшаго руля;
Нѣтъ стойла у скота, огня у земледѣла,
И бѣлымъ инеемъ не устланы поля.

³ Стогновъ согрѣть не пышетъ огонь.

На стогнахъ или площадяхъ, въ большіе морозы, раскладывается огонь для народа (*Об. Д.*). Ср. томъ I, стр. 118, прим. 18.

⁴ ... Петрополь — — валить въ лукоморье.

Здѣсь разумѣется гулянье, бывающее ежегодно 1-го мая въ Екатеринбургѣ, на взморьѣ (*Об. Д.*). По замѣчанію *Ключа къ с. Д.*, (стр. 94), *Весна* написана по случаю приглашенія къ Львову въ загородный домъ 1-го мая.

⁵ Милу жену, вокругъ рошу сыновъ.

У Ѳ. П. Львова было въ то время семь сыновей отъ перваго брака — съ Надеждой Ильинишной Березиной, которой мать, урожденная Дьякова, Анна Алексѣевна, была старшая сестра Державиной и самая пригожая изъ всѣхъ дочерей Алексѣя Аванасѣевича.

⁶ Ревель что далъ и Кронштадтъ.

«При городѣ Ревелѣ и Кронштадтѣ были тамошни, которыя, иногда контрабандою полученные товары по закону арестовавъ, присылали по обыкновенію г. Львову» (*Об. Д.*).

«Г. Львовъ, будучи неоднократно посланъ для прекращенія тайнаго привоза иностранныхъ товаровъ, извѣстенъ былъ по значительнымъ конфискаціямъ, какія онъ сдѣлалъ, и, возбуждая зависть, озбоченъ былъ клеветою, почему авторъ и говоритъ выше: *Чтожъ ты стоишь, такъ мало утѣшишь?»* (Примѣч. самого Ѳ. Львова въ *Объясн.*, Сиб. 1834, ч. I, стр. 59).

⁷ Въ сверткахъ травы ...

Италянскія сладкія вина привозятся по большой части въ стеклянкахъ, оплетенныхъ травой (*Об. Д.*).

104. ВОЛХОВЪ КУБРЪ¹.

Напрасно, Кубра дорогая,	1
Поешь о славѣ ты моей;	
Прелестна дѣвушка младая!	
Мнѣ пѣть бы о красѣ твоей.	
Хотя угрюмъ и важенъ взоромъ	2
И сѣдина на волосахъ,	
Но рѣдко бурями и громомъ	
Въ моихъ бушую я дѣсахъ ² .	
Я мирный гражданинъ, торговый,	3
И безпрестанно въ хлопотахъ;	

- За старымъ караваномъ новый
 Ношу гнѣвно на плечахъ;
 Наполненъ барками, судами, 4
 На парусахъ и бичевой,
 Я русскихъ пѣсенъ голосами
 Увеселяю слухъ лишь свой^а.
 Межъ холмиковъ, дубковъ саженьхъ^б 5
 Ведеть полога мурава
 Моихъ въ сѣѣ путниковъ наемныхъ,
 Пльвущихъ спустя рукава^б.
 Иль видятъ золотыя нивы, 6
 То пестроту цвѣтовъ въ лугахъ;
 То лучъ съ серповъ и косъ игривый
 Въ муравленыхъ горить водахъ.
 Шумящи перловы пороги 7
 Имъ слабо преграждаютъ путь:
 Премудро, справедливо боги
 Богатство за труды даютъ.
 И бардъ мой съ арфой ветхострунной 8
 Хоть, сидя на холму, поетъ^д,
 Но, представляя вечеръ лунной,
 Онъ тихій голосъ издаетъ.
 Увы! сколь парусомъ пробѣгшихъ, 9
 На лямкахъ шедшихъ зрѣлъ ладей!
 И сколько подъ луной умершихъ^в
 Онъ духомъ зрить своихъ друзей!
 Уже и вождь ногой желѣзной 10
 Ступавшій Александра въ слѣдъ,
 Прекрасный человекъ, любезный,
 Лучъ бѣдныхъ, — блещетъ между звѣздъ^в.
 И ты, въ Наядахъ бывъ извѣстной, 11
 Не завсегда волной шуми:
 Но розовой рукой, прелестной,
 Вздохнувъ, Меналка обойми.
 Съ Біономъ, Геснеромъ, Марономъ, 12
 Потомства поздняго въ умѣ
 Твердась пастушьимъ, сельскимъ тономъ,
 Съ кузнечикомъ свѣтись во тмѣ^б.

^a ... лишь мой (1804).

^b Плывутъ спустя внизъ рукава.

^b И сколько, сколько ояъ умершихъ
Лишь лирой зрять своихъ друзей.

¹ На Волховѣ была Званка Державина, а на Кубрѣ имѣние графа Д. И. Хвостова *Слободка. Кубра*, рѣчка, впадающая въ Нерль (притокъ Волги), течеть въ Переяславль-затѣсскомъ уѣздѣ Владимірской губерніи *.

Въ *Другъ Прощенія* за январь 1804 года Хвостовъ напечаталъ оду *рѣкѣ Кубрѣ* и послѣ часто обращался къ ней же (см. статью г. Колбасина *Писецъ Кубры* въ журналѣ *Время* 1802 г., № 6, и *Письмо* княгини А. Шаликовой въ № 11 этого журнала за тотъ же годъ). По поводу этой оды явились въ слѣдующей книжкѣ *Друга Пр.* стихи гр. Салтыкова: *Сомнителю оды рѣкѣ Кубрѣ*. Наконецъ въ июльской книжкѣ этого журнала за тотъ же годъ гр. Хвостовъ помѣстилъ, по выраженію Державина (*Об.*), высокопарную оду въ похвалу его, подъ заглавіемъ *Барду*. Она начиналась стихами:

«Пускай, Кубра, мой гласъ стремится
Съ твоихъ пріятныхъ береговъ
До мѣстъ, гдѣ грозный Волховъ зрится,
Шума среди сѣдыхъ валовъ.»

На эту-то оду и отвѣчалъ Державинъ изъ Званки посланіемъ: *Волховъ Кубрѣ*, которое было послано къ гр. Хвостову при письмѣ Державина отъ 25 іюля (см. его переписку) и напечатано въ первый разъ въ *Другѣ Прощенія* за сентябрь 1804 г. (ч. III, стр. 192), безъ подписи, но съ примѣчаніемъ издателя: «Хотя сія пьеса сообщена намъ отъ графа Хвостова безъ имени сочинителя; но всякій легко угадаетъ, что она есть твореніе преславнаго барда, вмѣстѣ Горациа и Анакреона нашего». Передъ нею въ томъ же номерѣ журнала напечатана съ подписью *Державинъ* ода его *На возвращеніе изъ Персіи гр. Зубова* (см. выше стр. 19). Во второй разъ пьеса *Волховъ Кубрѣ* явилась въ изд. 1808 г., ч. II, жлп.

Замѣтимъ, что въ *Сынъ отечества* 1812 г., № VII, помѣщено было, безъ подписи, еще стихотвореніе *Кубрѣ*, написанное по случаю смерти князя Багратіона, скончавшагося 12 сентября близъ Слободки въ селѣ Симахѣ, имѣннн родственника его, князя Бориса Андреевича Голицына.

² Въ моихъ бущую я гѣсахъ.

Рѣка Волховъ, текущая по иловатой почвѣ, имѣеть воды мрачныя, однакожъ довольно тихія, и мѣстами на обонхъ берегахъ ея расстеть гѣсъ. По ней идутъ караваны судовъ съ припасами для Петербурга (*Об. Д.*).

³ Межъ холмиковъ, дубковъ саженихъ.

По обѣ стороны рѣки тянутся холмики, а между ними гута, гдѣ по повелѣнію Петра Великаго насажены дубы (*Об. Д.*).

* Другая Кубра того же имени впадаетъ въ Волгу ниже Сызрани и упоминается Палласомъ въ его *Путешествіи*.

⁴ Хоть, сидя на холму, поеть.

Здѣсь разумѣтся холмъ въ саду Званки, гдѣ Державинъ любилъ сидѣть. См. ниже, подъ 1807 г., стихи: «Евгенію. Жизнь званская».

⁵ Лучъ бѣдныхъ, — блещетъ между звѣздъ.

Это сказано о графѣ В. А. Зубовѣ, который, 1794 г. потерявъ ногу въ Польшѣ, имѣлъ искусственную желѣзную ногу и умеръ въ Курляндіи 21 іюня 1804 года *. Подъ Александромъ разумѣтся герой македонскій (см. выше стр. 25 и томъ I, стр. 509). Шишковъ написалъ стихи на смерть Зубова.

⁶ Съ кузнечикомъ свѣтись во тмѣ.

Кузнечикъ употреблено здѣсь въ смыслѣ свѣтящагося червя. При появленіи пьесы Державина нѣкоторые думали, что подъ *кузнечикомъ* онъ разумѣлъ П. И. Голенищева-Кутузова, товарища Хвостову по изданію *Друга Просвѣщенія* ** (слышано отъ покойнаго графа Блудова). Но самъ Державинъ въ своихъ *Об.* говоритъ, что этими словами поэтъ намекалъ Хвостову, чтобъ онъ держался лучше скромнаго пастушескаго рода, а «не надувался за Пиндаромъ», какъ въ названной одѣ *Барду* (*Об. Д.*).

Въ *Ключѣ*, изданномъ Остолоповымъ, этого примѣчанія нѣтъ, но въ первоначальной рукописи этого коментарія оно было, какъ показываетъ слѣдующее свидѣтельство самого *пѣвца Кубры*, находящееся въ примѣчаніяхъ къ 1-му тому его стихотвореній (Спб. 1828): «Мнѣ случилось», говоритъ онъ, «видѣть 1803 года въ Новгородѣ, еще при жизни Державина, рукопись, называемую *Ключъ къ его стихотвореніямъ*, который нынѣ въ разныхъ изданіяхъ печатается. Въ ономъ написано было объ авторѣ сего стихотворенія: *Стихотворецъ сей не имѣетъ дарованія*». Но Хвостовъ былъ такъ увѣренъ въ несправедливости этого приговора, что прибавляетъ: «Покоряясь такому заключенію знаменитаго поэта нашего времени и пріятели своего, авторъ осмѣливается печатать какъ сіе, такъ и прочія свои стихотворенія» ** (Примѣчаніе къ пьесѣ: *Г. Р. Державину*). Кн. П. А. Вяземскій, посѣтивъ въ 1812 году епископа Павловича, въ Троицкой Сергіевской пустыни (Брошюра въ сборникѣ А. А. Куника).

* Въ послѣднее время жизни Зубовъ, генералъ отъ инфантерій и членъ Государственнаго совѣта, былъ директоромъ 2-го кадетскаго корпуса. См. слово, говоренное на его погребеніи 24 іюня законоучителемъ корпуса Августинномъ, въ присутствіи великаго князя Константина Павловича, въ Троицкой Сергіевской пустыни (Брошюра въ сборникѣ А. А. Куника).

** См. томъ I, стр. 375.

*** Эти строки представляютъ двоякій интересъ: онѣ во 1-хъ обозначаютъ приблизительно время, къ которому относится происхожденіе *Ключа*; во 2-хъ показываютъ близкое участіе, какое принималъ Державинъ въ составленіи этого коментарія: Хвостовъ, какъ видно изъ его примѣчанія, считалъ его самого авторомъ *Ключа*. Ближайшія свѣдѣнія, подтверждающія это свидѣтельство, см. въ *Сборникѣ Отдѣленія русск. яз. и словеса*, т. V, вып. I, стр. 215, 216.

тетрадь и попалъ на примѣчаніе, подобное вышеприведенному, выписанному нами изъ *Объясненій*. Противъ этого мѣста Хвостовъ написалъ на поляхъ: «Гаврила Романовичъ, кажется, ошибается, полагая, что названный имъ поэтъ не способенъ къ лирическому роду» и въ доказательство того онъ тутъ же исчислилъ нѣкоторыя оды свои (слыш. отъ кн. Вяземскаго).

Въ 1834 г. графъ Хвостовъ, по поводу изданія Львовымъ *Объясненій* Державина, записалъ въ одну изъ своихъ тетрадей слѣдующее:

«Пѣвецъ Кубры не вправѣ толковать вообще о всѣхъ сочиненіяхъ или о *Ключѣ* на соч. Державина. Онъ просто жалѣеть, что сей *Ключъ* напечатанъ въ оскорбленію памяти знаменитаго стихотворца, обилующаго дарованіемъ. *Ключъ* сей не иное что, какъ кладовая, въ которой собраны всевозможныя хулы на царей, вельможъ и современниковъ Державина. Если онъ точно его, то не дѣлаетъ чести нравственности старика. Что же касается собственно до графа Дмитрія Ивановича, то ему *Ключъ* сей, по дружбѣ митрополита кіевскаго, былъ открытъ еще въ 1803 г.; онъ сдѣлалъ на оный возраженіе весьма легкое (см. т. I, примѣч. 55), а теперь присовокупляетъ, черезъ 30 лѣтъ, 18 по смерти Державина, что онъ не постигаетъ, почему оду его онъ называетъ *высокопарною*: она очень проста, а стихъ: «Свѣтись вужничкомъ во тьмѣ» теменъ съ примѣчаніемъ и безъ примѣчанія. Виргилій въ эклогахъ такъ же великъ, какъ и въ Энеидѣ, и почему родъ пиндарической не терпитъ подражанія? Худо подражать не годится, а хорошій подражатель имѣетъ свой вѣсъ, — и только. Аминь и Богу слава!» (Изъ рукописей гр. Хвостова, хранящихся у М. И. Семеновскаго).

105. МАНЕВРЫ¹.

Громовой упряжи, тучь молненныхъ правитель, 1
 На ржущихъ бурями летающій коняхъ,
 О Геній браней! богъ героевъ, покровитель,
 Живущій мужества въ сердцахъ!
 Изъ вьющихся круговъ съ жерлъ мѣдныхъ, дыма, треска,
 Съ бѣгущаго струей по тыну ружей блеска,
 Склони угрюмый, грозный взоръ
 На лирный слабый голосъ мой.
 Ты научилъ Петра потѣхами, въ дни млады, 2
 Разсадникъ насадить перуновъ и побѣдъ;
 Румянцова — въ степяхъ водить гремящи грады²;
 Суворова — во сердце вредъ
 Врагу вносить, какъ громъ, какъ молніи, штыками;
 Флотъ Чичагова спастъ отъ трехъ силъ между льдами³;
 А Круза — паруса въ отпоръ
 Поднять Петрополю стѣной.

Ты мужество вливалъ герою молодому ⁴ 3
 Безмѣрны высоты и бездны проходить,
 Зрѣть съ скалъ на колыбель почіющаго грому,
 По молніямъ полки водить,
 И, грудь порфирну скрывъ, нетрешетно эгидомъ
 Разить средь Альповъ змѣй съ полуночнымъ Алкидомъ,
 Чтобъ, браннымъ Святославомъ ставъ,
 Свой взять соименитый градъ.
 Монарху Сѣвера давъ орлій духъ и смѣлость, 4
 Какъ въ выпренности взлетать, какъ ниспускаться въ доль,
 Вдыхай, вдыхай ему науки бранной зрѣлость,
 Какъ охранять ей царствъ престолъ.
 Онъ, воевъ храбрыхъ грудь сплота во тверды стѣны,
 Искусствомъ кажетъ вмигъ волшебныя премѣны:
 То ихъ дѣля, то ихъ смѣшавъ,
 Зоветь съ нихъ огонь и смерть и адъ.
 Встань, Цезарь, Ганнибалъ, Карлъ, Фридрихъ, изъ могилы! 5
 И изумленный взоръ изъ мрака бросьте свой
 На движущіяся фаланговъ росскихъ силы,
 На сей блестящій, красный строй!
 И въ томъ признайтесь вы безъ самолюбыя страсти:
 Чтобы вселенную своей подвергнуть власти,
 То Діевъ только сынъ возмогъ ⁵
 И можетъ развѣ русскій царь. —
 Такъ, Александромъ бывъ, будь побѣдитель свѣта, 6
 О исполиновъ вождь! Но не чрезъ брань и кровь;
 А милосердіемъ и мудростью одѣта
 Пусть будетъ мочь твоя, — любовь.
 Какъ Зевсъ, держи перунъ и имъ сверкай по небу;
 Но благотворному подобясь больше Фебу,
 Свѣти на свѣтъ, какъ свѣта богъ,
 Миря грозой мятежну тварь ⁶!

¹ Писано на Званѣ; напечат. въ изд. 1808 г., ч. II, XLVШ.

² Румянцова — въ стѣняхъ водить гремящи грады —

т. е. карѣ, введенныя имъ въ употребленіе вмѣсто прежнихъ роговъ.
 Ср. томъ I, стр. 276, стихи:

Создалъ Румянцовъ по стѣнямъ,
 Подвѣгъ ходящи съ громомъ грады.

³ Флотъ Чичагова спасти отъ трехъ силъ и проч.

Адмиралъ Василій Яковлевичъ Чичаговъ (род. 1726, ум. 1809) 2 мая 1790 года отстоялъ въ ревальскомъ рейдѣ эскадру изъ 10 судовъ противъ 30 слишкомъ шведскихъ кораблей, изъ которыхъ одинъ былъ имъ принужденъ къ сдачѣ, а другіе отбиты. Императрица Екатерина, приказавъ сдѣлать бюстъ адмирала, поручила Державину сочинить къ нему краткую надпись, которая и будетъ помѣщена въ III-мъ томѣ нашего изданія (*Зап. Держ.*, Р. В., стр. 306). — Вице-адмиралъ Александръ Ивановичъ Крузъ (род. 1727, ум. 1798) около того же времени отразилъ шведскій флотъ, приближавшійся въ превосходныхъ силахъ къ Кронштадту.

⁴ Ты мужество вливалъ герою молодому —

великому князю Константину Павловичу, переходившему Альпы съ Суворовымъ, котораго поэтъ разумѣетъ подъ именемъ Алкида. См. выше стр. 186.

⁵ То Діевъ только сынъ возмогъ —

т. е. Александръ Македонскій, признавшій Юпитера отцомъ своимъ (*Об. Д.*).

⁶ Мира грозой мятежну тварь.

«Авторъ думалъ, что по силѣ и пространству Россійской Имперіи вѣтъ ей нужды въ завоеваніяхъ, но она должна быть посредницей всѣхъ воюющихъ европейскихъ народовъ, успокоивая ихъ миромъ» (*Об. Д.*).

106. ОЛЕННУ¹.

Обычьевъ русскихъ, вида, чувства, 1
 Моей поэзьи изографъ²,
 Чьего и славный Бритъ искусства
 Не снесъ, красѣ возревновавъ;
 Въ чьемъ рашкулѣ³, мѣлу, чернилахъ
 Видна такъ жизнь, какъ въ пантомимахъ,
 Оленинъ милый! вспомни
 Твое мнѣ слово — и черкни.
 Представъ мнѣ война, идуща⁴ 2
 Съ прямымъ безстрашіемъ души
 На явну смерть и смерть несуща⁶,
 И словомъ Росса напиши:
 Какъ ржетъ предъ нимъ Везувій ярый⁴,
 Надъ нимъ дождь искръ, громовъ удары,
 За нимъ — скрыль мракъ его стопы —
 Лежатъ Иракловы столпы!
 Тебѣ . . . такъ! Россу только можно 3

Отечества представить духъ;
 Услуги вѣрной ждать не должно
 Отъ иностранныхъ слабыхъ рукъ.
 И впрямь, огромность Исполина
 Кто облечетъ, окомъ сына
 Его и тѣломъ и душой?
 Намъ тѣсень всѣхъ другихъ покрой.

Когда наука иль природа 4
 Дадутъ и духъ и умъ и вкусъ,
 Ни чинъ, ни должность, ни порода
 Быть не претятъ друзьями Музъ.
 И только ль въ полѣ на сраженьи
 И за зеркаломъ дѣлъ въ вершени⁵
 Сыновнїи нуженъ царству жаръ?
 Нѣтъ! проклять всякъ сокрывшїи даръ.

Три дщери своего рожденья⁶ 5
 Судили Небеса послать,
 Чтобъ свѣтъ, красу и утѣшенье
 На землю мрачну проливать;
 Схватая красавицы руками,
 Съ улыбкой, тихими стопами
 Проходятъ мїръ . . . и се въ нашъ вѣкъ
 Пришли въ полнощъ, какъ Петръ предрекъ⁷.

Пусть духъ поэта сотворяетъ, 2
 Вливаетъ живописецъ жизнь,
 А чувства музыкантъ вдыхаетъ,
 Къ образованью ихъ отчизнъ;
 И насъ коль Генїи вдыхаютъ,
 Отъ сна съ зарею возбуждаютъ, —
 Не стыдно ль нѣгу обнимать?
 Пойдемъ Сатурна побѣждать⁶!

⁵ Представь еще ты образъ война (Первонач. рукоп.).

⁶ На яву смерть, на адъ спокойно
 Идуща Росса напиши.

¹ Посланіе это находится въ связи съ рисунками, которыми Оленинъ, по дружбѣ къ Державину, украсилъ рукопись его стихотворенїй. Въ I-мъ томѣ нашего изданїя (стр. 250) уже было рассказано, что эту рукопись, вѣроятно въ началѣ нынѣшняго столѣтїя, поэтъ послалъ въ Лондонъ для награвированїя виньетокъ; но такъ какъ онъ не сошелся въ цѣнѣ

съ тамошними художниками, которые просили за эту работу 12000 р., (*Ключъ къ соч. Держ.* стр. 91), то Державинъ потребовалъ рукопись свою обратно. По возвращеніи ея оказалось, что въ ней недоставало одного рисунка. Оленинъ обѣщалъ сдѣлать его вновь, но медлилъ болѣе года; по этому поводу Державинъ и написалъ настоящее посланіе. Просьба была, какъ кажется, исполнена: по крайней мѣрѣ, въ новѣйшей рукописи мы находимъ передъ одою *На взятіе Измаила* виньетку, нарисованную по той самой программѣ, которая изложена въ этихъ стихахъ (см. куплетъ 2-й).

Алексѣй Николаевичъ Оленинъ родился въ первые годы царствованія Екатерины II: въ 1774 г. онъ былъ записанъ въ пажескій корпусъ пажемъ, а въ 1780 г. отправленъ въ Дрезденъ для обученія «воинскимъ и словеснымъ наукамъ» въ тамошней артиллерійской школѣ, гдѣ и пробылъ пять лѣтъ. Безъ сомнѣнія, пребываніе въ этомъ городѣ, гдѣ издавна поощрялись искусства, много способствовало къ развитію въ Оленинѣ художественнаго направленія. Выпущенный между тѣмъ изъ корпуса капитаномъ, онъ поступилъ въ артиллерию; но уже въ 1795 году, въ чинѣ полковника, оставилъ военную службу и перешелъ на гражданское поприще, гдѣ мы при Павлѣ I находимъ его сенатскимъ оберъ-прокуроромъ и директоромъ школы титулярныхъ юнкеровъ, учрежденной для образованія юристовъ. Вскорѣ по вступленіи на престолъ Александра, Оленинъ перешелъ экспедиторомъ въ канцелярію государственнаго совѣта, и съ этихъ-то поръ начинается для него рядъ быстрыхъ успѣховъ: въ томъ же 1801 году онъ уже пожалованъ въ статсъ-секретари; въ 1802 онъ вмѣстѣ съ Сперанскимъ назначенъ для составленія канцеляріи при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ; въ 1803 — товарищемъ министра удѣловъ; въ 1808 — помощникомъ главнаго директора Императорской Публичной Библиотеки (гр. А. С. Строганова), на мѣсто котораго онъ черезъ три года самъ поступилъ. Такимъ образомъ онъ, безпрестанно возвышаясь, получилъ, послѣ паденія Сперанскаго, за отсутствіемъ Шишкова, важное порученіе править должность государственнаго секретаря*. Но главная его дѣятельность въ послѣдніе годы жизни относилась къ Академіи Художествъ, которой онъ былъ болѣе 20-ти лѣтъ президентомъ. Пожалованный 1827 г. въ члены государственнаго совѣта, а 1830 въ дѣйствительные тайные совѣтники, онъ умеръ 17 апрѣля 1843 г. 78-ми лѣтъ. Онъ былъ женатъ на Елисаветѣ Марковнѣ Полторацкой и оставилъ нѣсколько человѣкъ дѣтей, изъ которыхъ трое до сихъ поръ живы. Произнести рѣшительный судъ о степени значенія Оленина для исторіи нашего образованія теперь еще невозможно. Мнѣнія о немъ чрезвычайно разнообразны; но, избѣгая крайностей, можно кажется уже въ настоящее время

* Адмиралъ А. С. Шишковъ назначенъ былъ въ это званіе единственно для составленія государственныхъ актовъ и сопутствовалъ Государю въ армию, а потомъ и въ послѣдующія его поѣздки; должность же его по совѣту, съ тѣхъ поръ до назначенія въ нее въ 1827 году другаго лица (Марченко), лежала всегда исключительно на Оленинѣ (баронъ М. Корѣвъ въ *Жизни графа Сперанскаго*, Спб. 1861, т. II, стр. 42).

согласиться, что онъ сдѣлалъ болѣе, какъ любитель искусствъ и литературы, нежели какъ государственный человѣкъ. Его упрекаютъ, можетъ быть не совсѣмъ безъ основанія, въ томъ, что онъ брался за слишкомъ многое. Чрезмѣрная любознательность, простиравшаяся между прочимъ на множество языковъ, не исключая даже еврейскаго, и на всѣ отрасли искусства, не позволяла ему сосредоточиться на одной какой-нибудь части: на это указываетъ длинный списокъ брошюръ о самыхъ разнородныхъ, частію маловажныхъ предметахъ, которыя носятъ на себѣ имя Оленина. Съ другой стороны онъ бесспорно заслуживаетъ благодарности соотечественниковъ за то поощреніе и покровительство, какое находили въ его домѣ русскіе литераторы и художники; имя Оленина и его *Пріютина* (близъ Выборгской дороги) связано съ біографіею Озерова, Гиддича, Крылова, Батюшкова и другихъ писателей. Еще въ молодости Оленинъ былъ однимъ изъ дѣятельныхъ членовъ литературнаго круга, къ которому принадлежали Державинъ, Львовъ, Капнистъ и проч. вмѣстѣ съ Львовымъ онъ участвовалъ въ первомъ посмертномъ изданіи басенъ Хемницера (Спб., 1799). По отзыву, слышанному нами отъ покойнаго Востокова, Оленинъ оказалъ несомнѣнный услуги русской археологіи: ему обязаны были К. М. Воронинъ, А. И. Ермолаевъ и И. А. Ивановъ своимъ путешествіемъ въ южную Россію, гдѣ они составили альбомъ древностей, находящійся въ с.-петербургской Публичной бібліотекѣ. Г. Солнцева, говорятъ, Оленинъ подалъ первую мысль изданія известнаго его сочиненія о русскихъ древностяхъ. Оленинъ былъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ къ Державину и отиѣтилъ своимъ именемъ большую часть рисунковъ, воспроизведенныхъ при 1-мъ академическомъ изданіи сочиненій нашего поэта.

Нѣкоторые утверждаютъ, будто Оленинъ самъ не умѣлъ рисовать и что ему принадлежали только идеи, которыя выполнялись тремя жившими у него помощниками; но это мнѣніе опровергаютъ лица, коротко его знавшія и свидѣтельствующія, что хотя онъ дѣйствительно держалъ при себѣ помощниковъ, однакожъ и самъ рисовалъ карандашемъ и тушью. Въ одномъ примѣчаніи къ настоящей пьесѣ (*Об.*) и Державинъ такъ выражается о немъ: «любитель художествъ и самъ хорошій рисовальщикъ».

Посланіе *Оленину* напечат. въ изд. 1808 г., ч. II, xlv.

² Обычье въ русскихъ и проч.

Первые два стиха пьесы показываютъ, что Оленинъ въ живописи дорожилъ народными сюжетами. *Изографъ* — невѣрно переданное греческое слово ζωγράφος (съ котораго буквально переведено наше *живописецъ*). Въ этой ошибкѣ Державина виноватъ Н. А. Львовъ, который, переводя Анакреона, началъ XLIX (24) оду словами: «Послушай, изографъ изысканный» (Ἄγε, ζωγράφω ἄριστε) *.

* Въ новѣйшей терминологіи *изографіей* называется искусство передавать почерки снимками, fac-simile.

³ Въ чьемъ рашкулѣ . . .

Рашкулъ, по академическому словарю, карандашъ, употребляемый для живописи, — отъ нѣмецк. Reisskohle — уголь для рисованія.

⁴ Какъ ржетъ предъ нимъ Везувій ярый.

О словѣ *ржать* въ этомъ смыслѣ см. примѣч. 2 и 6 къ одѣ *На святіе Измаила* (томъ I, стр. 237).

⁵ И за зеркаломъ дѣлъ въ вершени.

Зеркала, или наклеенные указы въ рамкахъ, строго напоминающіе судьямъ законы и правосудіе, учреждены были Петромъ Великимъ и находились на столѣ во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ, даже и въ Сенатѣ. Когда же Екатерина II издала учрежденіе о губерніяхъ или, лучше, уставъ о благочиніи, содержащій также зеркало, или наставленіе судьямъ, но только весьма краткое, болѣе на правоученіи, нежели на самодержавіи основанное; то хотя указа объ отгнѣннѣ прежнихъ зеркалъ и не было, однакожь они съ тѣхъ поръ стали мало по малу выходить изъ употребленія, и теперь рѣдко гдѣ въ присутственныхъ мѣстахъ бывають видны (Об. Д.). Извѣстно, что въ нынѣшнее время опять видны зеркала во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ. Кажется, они появились снова въ первые годы царствованія императора Николая.

⁶ Три дщери своего рожденья —
три главныя искусства: поэзія, живопись и музыка (Об. Д.).

⁷ Пришли въ полночь, какъ Петръ предрекъ.

«Петръ В. сказалъ, что науки и искусства странствуютъ по всему свѣту: придетъ время, что посѣтятъ и нашъ край» (Об. Д.).

⁸ Пойдемъ Сатурна побѣждать —
т. е. побѣждать время или забвеніе (Об. Д.).

107. ЛЕБЕДЬ¹.

Необыкновеннымъ я паренемъ	1
Отъ тлѣнна міра отдѣлюсь,	
Съ душой безсмертною и пѣнемъ,	
Какъ лебедь, въ воздухъ поднимусь.	
Въ двоякомъ образѣ нетлѣнный,	2
Не задержусь ^a въ вратахъ мытарствъ ²	
Надъ завистью превознесенный,	
Оставлю подъ собой блескъ царствъ.	
Да, такъ! хоть родомъ я не славенъ;	3
Но, будучи любимецъ Музъ,	
Другимъ вельможамъ я не равенъ,	
И самой смертью предпочтусь.	
Не заключить меня гробница,	4

Средь звѣздъ³ не превращусь я въ прахъ⁶,
 Но, будто нѣкая цѣвница,
 Съ небесъ раздамся въ голосахъ³.

И се ужъ кожа, зрю, перната 5
 Вкругъ станъ обтягиваетъ мой;
 Пухъ на груди, спина крылата;
 Лебяжьей лоснюсь⁷ бѣлизной⁴.

Лечу, парю, — и подъ собою 6
 Моря, лѣса, міръ вижу весь;
 Какъ холмъ, онъ высится главою,
 Чтобы слышать Богу пѣснь⁵.

Съ Курильскихъ острововъ до Буга, 7
 Отъ Бѣлыхъ до Каспійскихъ водъ,
 Народы, свѣта съ полукруга,
 Составившіе Россювъ родъ,

Со временемъ о мнѣ узнаютъ: 8
 Славяне, Гунны, Скиѣны, Чудь⁶,
 И всѣ, что бранью днесъ пылаютъ,
 Покажутъ перстомъ, — и рекутъ:

«Вотъ тотъ летитъ, что, строя миру 9
 Языкомъ сердца говорилъ
 И, проповѣдуя миръ¹ міру⁷,
 Себя всѣхъ счастьемъ веселилъ.»

Прочъ съ пышнымъ, славнымъ погребеньемъ, 10
 Друзья мои! хоръ Музъ, не пой! —
 Супруга! облекись терпѣньемъ:
 Надъ мнимымъ мертвецомъ не вой⁸

³ Не укусно ... (Первонач. рукоп.).

⁶ Съ звѣздами вмѣстѣ не сгнѣю.

⁷ Я гласъ изъ облакъ излію.

И вотъ ужъ ...

Подернула вокругъ меня.

⁷ Лебяжья блещетъ бѣлизна.

Лечу, взношусь, — и подъ ногами

Мои ми миръ какъ точка днесъ;

Морями, рощами, горами

Мою, я вижу, внемлетъ пѣснь.

¹ Миръ проповѣдывалъ онъ міру,

Мечты прекрасныя творилъ.

¹ Это — послѣ *Примечаній монархиста* и *Памятника* третье стихотвореніе, въ которомъ Державинъ выразилъ сознаніе въ своемъ высокомъ по-

этическомъ призваніи и безсмертіи. *Лебедь* — подражаніе одѣ Горациа *къ Меллантѣ* (кн. II, 20). Бѣлинскій, считая пьесу Державина оригинальною, называетъ ее «странною и невыдержанною въ пѣломъ» и находитъ заключающуюся въ ней мысль «изысканною и неловко выраженною». (Соч. Бѣл., ч. VII, стр. 145). Критику не было извѣстно ни стихотвореніе Горациа, ни то символическое значеніе, какое издревле придавалось лебедю. Съ разными видоизмѣненіями оно встрѣчается уже въ Индіи, въ Греціи и потомъ у большей части сѣверныхъ народовъ. По причинѣ своей бѣлизны лебедь вездѣ былъ символомъ свѣта, а по своему пѣнію — символомъ поэзіи. Вотъ почему онъ признавался по преимуществу птицею Аполлона, бога свѣта и вмѣстѣ поэзіи (Коссель, *Der Schwan in Sage und Leben*, Берлинъ 1861). По Аристотелю, души поэтовъ послѣ смерти обращаются въ лебедей и сохраняютъ въ этомъ видѣ даръ пѣнія. Ту же оду Горациа см. въ переводахъ Капниста (Соч. его, стр. 458), Мерзлякова *Чувство безсмертія* (Подраж. и переводы, ч. II, стр. 145) и г. Фета (*Оды Горациа*, стр. 63).

Подражаніе Державина напечатано въ изд. 1808 г., ч. II, lxxix, послѣднею пьесой, заканчивающей томъ, точно такъ какъ *Памятникъ* заключаетъ 1-ую часть изданія. *Лебедемъ* и у Горациа заключается 2-я книга одъ.

² Не задержусь въ вратахъ мытарствъ.

У католиковъ признается чистилище, а у греко-россіянъ принимаются по легендарному преданію (въ Четкихъ Минеяхъ) *мытарства*, или заставы, изъ духовъ состоящія, гдѣ души умершихъ должны дать отчетъ въ злыхъ и добрыхъ своихъ дѣлахъ добрымъ и злымъ духамъ (Об. Д.).

Выраженіе: «Въ двоякомъ образѣ нетлѣнный» (т. е. по безсмертной душѣ и по сочиненіямъ) внушено словомъ *biformis* во 2-мъ стихѣ оды:

«Non usitata, non tenui ferar
Penna biformis per liquidum aethera
Vates» и проч.

Но Гораций подъ двойною формою разумѣетъ соединеніе поэта и лебедя.

³ Среди звѣздъ ...
или орденовъ (Об. Д.).

⁴ Лебяжьей лосньюсь бѣлизной.

Въ переводѣ Капниста:

«Ужъ голени мои покрылись
Шаршавой, жесткой кожей вдругъ;
Власы сѣдые превратились
Въ волнистый, бѣлоснѣжный пухъ;
Изъ перстовъ перья показались,
И крылья по плечамъ разстались!»

⁵ Чтобы услышать Богу пѣснь.

Намекъ на оду *Бомъ* (Об. Д.).

⁶ Славяне, Гунны, Скионы, Чудь —

древніе обитатели Россіи, изъ которыхъ составилось государство (Об. Д.).
Ср. томъ I, стр. 205, прим. 9 къ *Изображенію Фемиды*.

⁷ И, проповѣдуя миръ міру.

Державинъ по повелѣнію императора Александра, составилъ проектъ учрежденія третейскаго суда, принятый Государемъ благосклонно, но по прояскамъ завистниковъ не утвержденный (*Об. Д. и Записки его, Р. В., стр. 471*). Ср. выше стр. 263.

⁸ Надъ мнимымъ мертвецомъ не вой.

Для сравненія выпишемъ послѣдніе стихи изъ перевода г. Фета:

«Я не велю мой гробъ рыданьями безславить.
Къ чему нестройный плачь и неприличный стонъ?
Уйми надгробный вой и прикажи оставить
Пустыя почести роскошныхъ похоронъ.»

108. ВНИМАНІЕ¹.

Тебя какъ Музы слышать	1
И какъ ты слышишь ихъ,	
Пріятностію дышать	
Въ пріятностяхъ твоихъ.	
Эротъ, смотря тихонько,	2
Сказалъ: «Какъ ты мила!»	
Будь счастлива имъ столько,	
Какъ Музами была.	
Любовью ты владѣя,	3
Прикуй ее къ себѣ,	
Чтобы, летать не смѣя,	
Привыкнула къ тебѣ;	
Привыкла бѣ жить съ тобою,	4
И такъ бы вы сжились,	
Какъ бабочка свѣчою,	
Собою вы сожглись.	
Красавицы, вздыхая,	5
Завидовали бѣ вамъ:	
Я, пѣсни вамъ слагая,	
Слагалъ бы красотамъ, —	
Красамъ, хвалу что трубятъ ^а ,	6
И мнѣ, какъ ты, лъстя Музъ:	
А тѣмъ, кто Музъ не любятъ ^а ,	
Пѣть пѣсенъ не берусь.	

^а Красамъ, которы любятъ,
Какъ ты, ласкаютъ Музъ;

А тѣмъ, кто Музамъ грубятъ,
Пѣть пѣсенъ не берусь (1804).

¹ Соч. по просьбѣ Плюсковой. Наталья Яковлевна Плюскова, воспитанная въ Смольномъ монастырѣ, получила шиферъ при выпускѣ оттуда. Это было при императорѣ Павлѣ, который и взялъ ее во дворецъ вмѣстѣ съ другими пятью *шиферницами*. Какъ умная и образованная дѣвица, она нашла доступъ въ общество первыхъ литераторовъ того времени, знакомясь съ Державиннымъ, Дмитріевымъ, Карамзиннымъ и др. Въ домѣ Державина она была впоследствии безсмынною посѣтительницею его *Бесѣды*. Преданіе утверждаетъ, что она питала нѣжную страсть къ И. И. Дмитріеву. Справедлива или нѣтъ эта молва, извѣстно, что онъ до конца своей жизни переписывался съ Плюсковою; но въ письмахъ ихъ, по свидѣтельству М. А. Дмитріева, выражается только взаимное уваженіе. Иванъ Ивановичъ былъ хорошъ собою, и этому онъ обязанъ многими слухами въ томъ же родѣ; не всѣ они имѣютъ основаніе. Плюскова, бывшая старшею фрейлиной императрицы Маріи Ѳеодоровны, умерла въ 1840-хъ годахъ въ Царскомъ Селѣ.

Напечат. въ *Анар. письмахъ* 1804 г., стр. 140, подъ заглавіемъ: Н. Я. П., и въ изд. 1808, ч. III, lxxxvi.

² А тѣмъ, кто Музъ не любятъ.

Въ изд. 1808 г.: А тѣмъ, что насъ не любятъ, по рукой Державина исправлено.

109. УТВѢШЕНІЕ ДОБРЫМЪ ¹.

Не ревнуй отнюдь лукавымъ, 1
 Беззаконнымъ не завидь:
 Скоро Смерть серпомъ кровавымъ
 Ихъ придетъ поразить:
 Упадутъ — и вмигъ увянутъ,
 Какъ подкошены цвѣты.
 Положись во всемъ на Бога; 2
 Землю населя, трудись;
 Добръ будь, не желая многа,
 Въ честь Господню насладись:
 Онъ подастъ тебѣ, что сердце
 Пожелаетъ лишь твое.
 Вышнему во всемъ довѣрся, 3
 Будь во всемъ Ему открытъ,
 Крѣпко на Него надѣйся, —
 Въ пользу все твою свершить:

- Вознесетъ, какъ солнце, правду,
 И невинность, яко день.
 Посвятясь Творцу, мужайся, 4
 Будь въ Его законѣ твердъ;
 Счастьемъ злыхъ не ослѣпляйся,
 Гордымъ не ходи вослѣдъ:
 Не ходи, не раболѣпствуй,
 Смертныхъ Богомъ не твори.
 Не печалься, не сердися², 5
 Не злословь и злыхъ глупцовъ;
 Паче въ доблестяхъ крѣпясь,
 Умудряйся средь трудовъ.
 Ты увидишь: зло поникнетъ,
 Добродѣтель возлетитъ.
 Подожди мигъ, и не будетъ 6
 Самый вредъ тебѣ во вредъ;
 Будто вѣтеръ пепель сдунетъ,
 Такъ исчезнетъ злобы слѣдъ:
 Кротость же наслѣдитъ землю
 И сладчайшій вкуситъ миръ.
 Яры взоры грѣшникъ мещетъ 7
 И надъ праведникомъ бдитъ;
 Зубомъ на него скрежещеть,
 Втай вездѣ его слѣдитъ.
 Но Господь врагу смѣется,
 Близкій видя рокъ его.
 Мечъ злодѣи извлекають, 8
 Лукъ натягивають свой:
 Низложить они алкають
 Правыхъ сердцемъ и душой;
 Но ихъ луки сокрушатся,
 Обратится мечъ имъ въ грудь.
 Лучше малое стяжанье, 9
 Нажитое все трудомъ,
 Чѣмъ сокровищей собранье,
 Скоро скопленно съ грѣхомъ:
 Въ праведныхъ рукахъ все споро, —
 Грѣшниковъ скудѣетъ длань.
 Добрыхъ Богъ благословляетъ: 10

- Твердо ввѣкъ наслѣдство ихъ:
 Въ люты глада дни питаетъ
 Отъ щедротъ Онъ ихъ своихъ;
 Мытари жъ, какъ овны, жирны;
 Но изсохнетъ весь ихъ тукъ.
 Грѣшникъ, взявъ, не возвращаетъ; 11
 Праведникъ всегда даетъ:
 Сѣмена ль кому ссужаетъ,
 То земля приноситъ плодъ;
 На кого жъ положить клятву,
 Плодъ тѣхъ вѣрно погубленъ.
 Богомъ человѣкъ крѣпится, 12
 Коль на добромъ онъ пути;
 Хоть падеть, не сокрушится;
 Встанетъ паки, чтобъ идти:
 Вышняго рука поддержитъ
 Во всѣхъ случаяхъ его.
 Былъ я младъ — и состарѣлся: 13
 Добрыхъ въ крайности не зрѣлъ,
 Чтобъ въ забвеньи родъ ихъ зрѣлся,
 Чтобы хлѣба не имѣлъ:
 Сами всѣхъ они снабжаютъ,
 И въ довольствѣ чада ихъ.
 Уклонись отъ злодѣяній, 14
 Дѣлай благо, — Богъ съ тобой;
 Онъ судья — и воздаянны
 Держитъ всѣ Своей рукой:
 Сѣмя даже зла погибнетъ, —
 Добродѣтель расцвѣтетъ.
 Леть всегда благочестивый 15
 Токи мудрости изъ усть;
 Мужъ чловѣколюбивый
 Изрекаетъ правый судъ:
 Въ сердцѣ чистомъ Богъ правитель,
 Тверды истины стопы.
 Ищетъ, ищетъ беззаконный, 16
 Чтобъ невинность погубить;
 Нѣтъ, онъ мнитъ, ей обороны,
 А не видитъ, — Богъ ей щитъ:

На судѣ ль ей быть случится,
 Будеть правою она.
 Потерпи жъ еще немного, 17
 Потерпи, храня законъ;
 Какъ придетъ время строго
 И на злобу грянетъ громъ, —
 Вознесешья и получишь
 Достояніе твое.
 Видѣль, видѣль нечестивыхъ, 18
 Вознесенныхъ яко кедръ;
 Но по нѣкихъ дняхъ бурливыхъ
 Я ихъ мѣста не обрѣлъ;
 Вопросалъ ходящихъ мимо,
 И никто не отвѣчалъ.
 Вѣдай: честность и невинность 19
 Увѣнчаются вѣнцомъ;
 Злость, нечестье, горделивость
 Кончатся своимъ концомъ:
 Богъ помощникъ людямъ добрымъ,
 Воздаятель Онъ и злымъ.

¹ Почерпнуто изъ 36 псалма. Напечат. въ изд. 1808 г., ч. II, VII.

² Не печалься, не сердися.

Ср. у Пушкина (1825):

«Если жизнь тебя обманетъ, *Не печалься, не сердись.*»

110. НА БЕЗБОЖНИКОВЪ¹.

Царствуетъ, вижу, всюду развратъ, 1
 Къ правдѣ сокрыты путь и дорога:
 Глупые, злые въ сердцѣ ихъ мнять:
 «Гдѣ добродѣтель? — вѣрно, нѣтъ Бога:
 Случай все, случай творить!» —
 Нѣтъ, нѣтъ, злодѣи! есть Богъ и зрять 2
 Вашу съ высотъ Онъ глупость и дерзость;
 Видитъ сквозь самый мрачный зенитъ
 Гнусны дѣянья, совѣстей мерзость;
 Грозно вамъ въ громѣ гремитъ:
 «Я ли забвеннымъ вами могъ быть, 3

Всюду блистая въ дивныхъ твореньяхъ?
 Въ солнцѣ ль меня не хотите чтить,
 Звѣздъ въ милліонахъ, въ тваряхъ, въ растеньяхъ?

Вамъ ли меня позабыть?

«Всѣ позабыли: зрѣть ли тѣхъ свѣтъ,
 Хлѣбъ мой вкушая, кто бъ помнилъ меня?
 Страха боятся, страха гдѣ нѣтъ;
 Тщетной надеждой духъ свой маня,

Тлѣнное вѣчнымъ всякъ чтить.» —

Сгибнуть и кости съ тѣломъ душъ тѣхъ,
 Кои безбожно рабствуютъ міру. —

Духъ мой! кумировъ презри ты всѣхъ:

Звучну пріемля царскую лиру,

Бога единого мой!

¹ Почерпнуто изъ 52 псалма. Напечат. въ изд. 1808 г., ч. II, VIII. Во 2-ой и 4-ой строфахъ сдѣланы нами, по рукописной поправкѣ Державина, незначительныя отступленія отъ текста изданія 1808 г.

111. ФАЛКОНЕТОВЪ КУПИДОНЪ¹.

Дружеской вчера мы свалкой
 На охоту собрались,
 На полу въ избѣ повалкой
 Спать на сѣнѣ улеглись.
 Въ полночь, самой той порою,
 Какъ заснула тишина,
 Сребряной^a на насъ рукою
 Сынала свой свѣтъ луна:
 Вдругъ изъ оконъ Лель блестящихъ
 Вѣхалъ на лучѣ верхомъ
 И, меня нашедъ межъ спящихъ,
 Тихо въ бокъ толкнулъ крыломъ.
 «Ну», сказалъ онъ: «на охоту
 Если хочешь, такъ пойдемъ;
 Мнѣ оставь стрѣлять заботу,
 Ты иди за мной съ мѣшкомъ.»
 Всталъ я и, держась за стѣнку,
 Шель на цыпкахъ, чуть дышалъ;

За спинной онъ въ тулѣ стрѣлку,
 Палець на устахъ держаль. 20
 Тихой выступкой такою
 Мнилъ онъ лучше дичь найти;
 Мнѣ жъ, съ плѣшивой головою,
 Какъ слѣпцу, велѣлъ идти:
 Шли, — и только наклонялись
 На гнѣздо молодыхъ куницъ.
 Молодежь вокругъ засмѣялись ^а, —
 Насъ схватили у дѣвиць.
 Испугавшись смертельно,
 Камнемъ сталь мой Купидонъ: 30
 Я проснулся, — радъ безмѣрно ^б,
 Что тѣ былъ одинъ лишь сонъ.
 Сна однако столь живаго
 Голова моя полна;
 Вижу въ мраморѣ такого
 Точно Купидона я.
 «Не шути, имѣвъ грудь цѣлу»,
 Улыбаясь, онъ грозитъ:
 «Вмигъ изъ тула выну стрѣлу»,
 Слышу, будто говорить ^в. 40

^а Золотой . . . (1804).

^б Но проснувшись, радъ безмѣрно:
 Чтѣ я видѣлъ, это сонъ.

^в Онъ, я слышу, говорить.

¹ Это замѣчательное произведение скульптуры принадлежало къ картинной галереѣ князя Безбородки, которая по смерти знаменитаго владѣльца досталась брату его, графу Ильѣ Андреевичу. Домъ ихъ, гдѣ она посѣщалась многочисленной публикой, былъ противъ почтамта. «Тамъ», говоритъ Реймерсъ, «особеннаго вниманія заслуживаетъ маленькій Купидонъ изъ бѣлаго мрамора, который указательнымъ пальцемъ плутовски зажимаетъ себѣ ротъ. Это — образцовое произведение Фалконета, доставившее ему мѣсто въ парижской академіи художествъ *. Проведите рукой по мрамору: вамъ покажется, что онъ дышитъ теплотою жизни. Внизу статуи извѣстная надпись Вольтера:

* По поводу этихъ строкъ г. Шугуровъ замѣтилъ, что не это произведение, а статуя Милона Кротонскаго доставила Фалконету въ 1745 г. мѣсто въ парижской академіи художествъ (*Осмадцатый вѣкъ*, изд. П. Бартевымъ, кн. I, М. 1868, стр. 270).

Qui que tu sois, voici ton maître,
Il l'est, le fut ou doit l'être».

(Oeuvres de Voltaire, изд. Beuchot, т. XIV, стр. 333, «Inscription pour une statue de l'Amour dans les jardins de Maisons».)

Надпись Вольтера была также вырѣзана подь статуями Амура въ замѣ Сирей и въ jardins des Sceaux.

Батюшковъ въ статьѣ своей: *Путешествіе въ замокъ Сирей* говоритъ: «Напрасно мы искали въ саду мраморнаго Амура, который нѣкогда стоялъ подь балкономъ, съ надписью изъ Антологіи: Qui que tu sois, voici ton maître и проч., которую перевелъ г. Дмитріевъ:

«Кто бъ ни былъ ты, пади предь нимъ:

Быль, есть иль будетъ онъ владыкою твоимъ!»

(Соч. Батюшкова, Спб. 1834, ч. I, стр. 176.)

Нынѣ эту статую можно видѣть въ Императорскомъ Музеѣ.

Французскій художникъ Фальконетъ, извѣстный особенно отлитіемъ конной статуи Петра Великаго, род. въ 1716 г., находился въ Петербургѣ отъ 1766 до 1778, умеръ въ Парижѣ 1791 г. Ср. въ томѣ I, стр. 20.

Напечат. въ *Анакр. пѣсняхъ* 1804 г., стр. 150, и въ изд. 1808 г., ч. III, хогв.

² Молодежь вкругъ засмѣялись —

особенность Державинскаго языка: см. томъ I, стр. 82 и 517.

112. ПИРРА¹.

Какой тамъ молодецъ проворной,
Прекрасный, статный, вспрысканъ весь
Водой душистой, благовонной,
Въ саду, въ цвѣтахъ между деревьевъ,
Тебя въ бесѣдкѣ обнимаетъ,
Толь страстно къ сердцу прижимаетъ
И огонь съ смѣющихся пьетъ розъ?
И для кого ты такъ небрежно
На голубые взоры нѣжно
Спустила прядь золотыхъ волосъ²?

Увы! онъ сколько разъ слезами
Омочитъ страстную любовь,
Какъ вдругъ межъ черными волнами,
Отплывъ далеко отъ береговъ,
Себя увидитъ, проклиная . . .
Такъ, Пирра, Пирра дорогая!
Кто столько легковѣрнымъ сталъ,

1

2

Что вѣкъ тобой мнить наслаждаться,
Тотъ долженъ искренно признаться,
Что бурь онъ въ морѣ не видалъ.

О злополучна и несчастна,
Безопытная молодежь!
Предъ кѣмъ ты, бывши такъ прекрасна,
Свою, блистая, прелесть льешь?
Но еслибъ что меня касалось,
Тебѣ ль, другой ли помечталось, —
Скажу: бывалъ я на моряхъ,
Терпѣль и кораблекрушенья:
Но днесъ, въ знакъ моего спасенья,
Виситъ уже спущенъ мой флагъ³.

¹ Подражаніе Горацию (кн. I, ода 5), которое любопытно сравнить съ передѣлками Капниста, Мерзлякова и В. Пушкина. Есть еще переводъ стихами въ *Чтеніи для вкуса, разума и чувствованій*, ч. I (см. тамъ статью «О лирическомъ стихотворствѣ»). Напечат. въ изд. 1808 г., ч. III, клв. Помѣщено также въ *Эротическія стихотворенія, собранныя Григоріемъ Книжникомъ* (Спб. 1860).

² Спустила прядь златыхъ волосъ.

«Въ сіе время модная прическа женщинъ состояла въ томъ, что спускали прядями волосы на лицо» (Об. Д.). Здѣсь поэтъ говорить, очевидно, о времени, когда онъ переложилъ эту оду Горациа, въ которое дѣйствительно была такая мода, какъ свидѣтельствуешь сохранившійся портретъ второй жены Державина. У Горациа же не такъ: «... *Cui flavam religas comam*», т. е. для кого ты подвязываешь русые волосы? См. выше стр. 159, стихъ: «На чело спустя власы».

³ Виситъ уже спущенъ мой флагъ.

У Горациа совсѣмъ иначе: говоря о спасеніи своемъ отъ опасной любви къ Пиррѣ, онъ примѣняетъ къ своему положенію обычай спасавшихся отъ кораблекрушенія вѣшать въ храмѣ, въ честь боговъ-избавителей, доску, на которой изображался или описывался случай избавленія, и при ней разные другіе предметы въ знакъ воспоминанія или признательности.

113. НА ПАСТУШІЙ БАЛЕТЪ¹.

На дерну лежа зеленомъ,
Я въ свирѣль мою игралъ;
Въ сердцѣ цѣльномъ, не плѣненномъ,
Я любви еще не зналъ.

Но, откуда ни возьмися,
 Подбѣжалъ ко мнѣ дитя:
 «Дай свирѣлку, потрудися,
 Поучи», сказалъ путя. 10
 Отдалъ я ему свирѣлку,
 Началъ онъ въ нее играть;
 Поигравъ, мнѣ кинулъ стрѣлку,
 Сталъ я съ стрѣлкой той плясать;
 И со стрѣлкой таковою
 Шестидесять ужъ лѣтъ пляшу:
 Не скучаю красотою
 И любовь въ душѣ ношу. 20

¹ Сочинено въ ноябрѣ мѣсяцѣ «по случаю представленнаго при дворѣ пастушьяго балета» (Об. Д.). Напечат. въ *Анакр. пѣсняхъ* 1804 г., стр. 154, и въ изд. 1808, ч. III, хсѳі.

114. МОНУМЕНТЪ МИЛОСЕРДІЮ¹.

1805.

Блаженіи милостивіи, яко тѣи помиловани будутъ.
 (Матѣ. V, 7).

Слетаетъ съ неба лучъ въ полнощи, 1
 На гробѣ теплится свѣча;
 Благоухаютъ миррой^a рощи,
 Ліется съ горъ ручей, журча,
 Зефиры шепчутся съ цвѣтами,
 Колеблется луна водами,
 Чуть съ перепеломъ крастель въ ладъ
 И соловей вдали мнѣ слышенъ:
 Кому тутъ монументъ возвышенъ?
 Миръ праху твоему, мужъ святъ!
 Не праведника ль спятъ тутъ кости, 2
 Который сердоболень былъ,
 Изъ зѣва ослѣпленной злости
 Исторгъ невинность и сразилъ
 Чудовище, алкавшее крови?
 Далъ къ человѣчеству въ любви
 Примѣръ — и жизнь его сберегъ^b?
 Сію вѣтвь миртову дарица,

Какъ древле кротка голубица,
Законовъ принесла въ ковчегъ ².

Но что по мраку за картина 8
Въ эфирѣ развилася вокругъ?
Безмѣрна разныхъ лицъ долина,
Какъ звѣздъ, насѣялася вдругъ!
Тутъ, облеченное лучами
Явилось божество съ вѣсами
И, мечъ и вѣтвь держа рукой,
Рекло — гласъ грома повторили: —
«Блажени милостивы были:
Помилваны будутъ мной!»

Не страшный ль, грозный, неумытный, 4
Нелицемерный вижу судъ ¹,
Предъ коимъ днепни, первобытны,
Отчетъ дать смертные идутъ ¹?
Такъ! вижу я царей съ рабами:
Равно стоять передъ вѣсами,
Раскрыты ¹ совѣсти лежатъ.
И се зрю: Петръ, Елисавета
Съ Екатериной въ блескъ свѣта
Грядутъ съ улыбкой пальму взять ³.

Идутъ и обращаютъ взоры 5
На тѣхъ вельможъ, вождей, судей,
Бесѣды коихъ, разговоры,
Ко сожалѣнію ⁶ людей,
На милосердые ихъ склоняли;
Которы имъ совѣтъ давали:
Тотъ казнь, тотъ пытки истребить,
Тотъ тайны расклепать затворы.
Наумовъ! и тебя въ ихъ хоры
Велѣла Милость помѣстить.

Почто жъ гремѣвшіе ⁷ столь браньми 6
Вожди за облакомъ стоять?
Лицо свое скрывая дланьми,
Глядѣть на лавры не хотять?
Почто вселенной побѣдитель,
Народовъ многихъ покоритель,
Отъ чапъ, наполненныхъ кровей,

Ему тѣнями подносимыхъ,
 Съ стenanіемъ вокругъ ходимыхъ,
 Отворотился, слыша: «Пей!»

«Пей, пей!» ты налилъ ихъ», вѣщали. 7
 Увы! почто же на гробахъ
 Вождей мы зданья созидали,
 Коль память золь^в тягчить ихъ прахъ?
 Не глупости ли знакъ тщеславной
 И самый мавзолей тотъ славной,
 Который обагрень въ крови?
 У вѣчности свои суть правы.
 Ахъ! такъ: Богъ истинныя славы —
 Богъ милосердыя и любви.

Прейдутъ¹ куренія святыни, 8
 И дни и времена пройдутъ,
 Разрушатся столпы, твердыни,
 На царства царства упадутъ;
 Поищутъ дивной пирамиды^в,
 И не найдутъ, — а развѣ виды,
 Иль мрачный въ ней звѣриный логъ.
 Перунъ небесъ чему коснется, —
 И мѣдъ и мраморъ расплывется:
 Противится гордынѣ Богъ.

Такъ, вѣтви кротости святыя⁴, 9
 Врата отверзшія темницъ¹,
 Прогнавшія тѣнь Гарпья злыя,
 Спокойвшія вдовъ, дѣвицъ!
 Что суть бичи предъ вами міра,
 Коль ваша свѣтлая порфира,
 Какъ теплотворный лучъ весны,
 Полсвѣта миромъ оживляетъ,
 Наукъ цвѣтами украшаетъ?
 Триумфъ вашъ — неба вышины!

Но если злоба ополчится 10
 Нарушить сладкій нашъ покой;
 Возставъ, Россія окружится^в,
 Какъ тучей, чадъ своихъ стѣной.
 Богъ милости предъ ней предыдетъ:
 Онъ выше облакъ воды вздыметъ^в

И съ шумомъ ихъ со всѣхъ сторонъ
Громъ бросить на чело возницы,
На всадника, на колесницы:
И гдѣ грозившій Фараонъ⁵?

^a ... смирной (1805).

Чуть льется съ горъ ручей, журча,
Жужжаеъ зефиръ съ цвѣтами,
Чуть зыблется луна водами,
Чуть крастель съ перепеломъ въ ладъ (1805).

^b ... — и человѣчество сберечь.

^в Нелицемерный это судъ.

^г ... придуть.

^д Открыты ...

^e На сожалѣніе людей.

^ж Почто жъ сіявшіе столь браньми.

^з Да, пей ...

^и ... зла ...

^і Пройдуть ...

^к Поищутъ вѣчной пирамиды,

... какъ токмо виды,
... въ нихъ звѣринный логъ.
Чему могущество коснется.

^л Но кто отверзъ врата темницъ,
Прогналъ и тѣни Гаршій злыя,
Спокоилъ вдовъ, сиротъ, дѣвицъ,
Предъ тѣми чѣдъ герои міра?
И ваша свѣтлая порфира,
Когда, въ подобіе весны,
Россію миромъ осѣняетъ,
Наукъ цвѣтами осыпаетъ.

^м Россія встанеть, окружится.

^н Онъ перстомъ воды, громы двинеть.

Падутъ, шумя, со всѣхъ сторонъ
На всадниковъ, на колесницы,
На верхъ падутъ главы возницы:
И гдѣ тутъ гордый Фараонъ?

¹ Написано въ память покойнаго генераль-маіора Егора Александровича Наумова, члена военной коллегіи. Будучи, въ чинѣ подполковника, главнымъ судьей въ с.-петербургской государственной конторѣ, онъ на практикѣ убѣдился, что пытка не составляетъ надежнаго средства къ открытію истины, что часто люди слабые, изнемогая подъ тягостью мукъ, напрасно взводятъ на себя важныя преступленія, тогда какъ злодѣи крѣпкаго сложенія, знакомые сверхъ того съ приемами для смягченія мукъ, выносятъ иногда жесточайшія истязанія, не признаваясь въ своихъ винахъ. Наумовъ довелъ объ этомъ до свѣдѣнія Екатерины II, и она, не смотря на противодѣйствіе нѣкоторыхъ вельможъ, дала сперва секретный указъ, а потомъ и открытый законъ объ отмѣнѣ пытокъ и пристраст-

ныхъ допросовъ. Признавая Наумова виновникомъ этого распоряженія, Державинъ давно хотѣлъ передать потомству память его человѣколюбиваго подвига, но со дня на день отлагалъ исполненіе своей мысли, пока графъ Николай Петровичъ Румянцовъ, письмомъ отъ 24 февраля 1805 г., не исходатайствовалъ у Государя разрѣшеніе, чтобы при гробѣ отца его въ кievской церкви, во время панихидъ, постоянно находилось по два отставныхъ штабъ-офицера, которые получали бы жалованье отъ потомковъ покойнаго (ср. подробности учрежденія въ *Словарь достоп. людей*, М. 1836). Поэтъ, какъ онъ дагѣ самъ объясняетъ, вздумалъ по этому поводу показать, одою въ честь Наумова, что такіе *монументы милосердія* угодите Богу, чѣмъ тѣ пышные памятники, которые удовлетворяютъ только людской гордости: послѣдняго рода монументъ уже прежде былъ поставленъ Румянцову, какъ государственному человѣку, императоромъ Павломъ въ Петербургѣ; но память его, какъ христіанина, можно бы лучше почтить благодареніями кротыми и чуждыми тщеславія, какъ то: подачею милостыни, учрежденіемъ больницъ и т. п. (Об. Д.).

Ода эта была тогда же напечат. въ *Сверн. Вѣстникъ* за апрѣль 1805 г. (№ VI, стр. 76) безъ подписи; потомъ въ изд. 1808 г. ч. II, лпг, при чемъ имя *Наумова* было означено только начальною буквою, тогда какъ въ *Свв. В.* оно было выставлено вполне.

² Законовъ принесла въ ковчегъ.

«Указъ, положенный въ ковчегъ законовъ, здѣсь уподобляется миртовой вѣтви, которую голубка принесла Ною въ ковчегъ, въ знакъ безопасности и спокойствія» (Об. Д.).

³ Грядутъ съ улыбкой пальму взять.

Елисавета уничтожила смертную казнь, Петръ III закрылъ тайную канцелярію, а Екатерина II нѣсколько разъ ограничивала пытку (Об. Д.).

⁴ Такъ, вѣтви кротости —

т. е. потомки ознаменовавшихъ себя кротостію и милосердіемъ. Императоръ Александръ въ первые годы своего царствованія уничтожилъ самое названіе секретныхъ дѣлъ *, повелѣвъ даже дѣла по оскорбленію Величества производить обыкновеннымъ уголовнымъ порядкомъ и отворить всѣ темницы, гдѣ содержались секретные узники, такъ что «нѣкоторые балагуры, будучи выпущены изъ Петропавловской крѣпости, написали на дверяхъ дома, гдѣ содержались: «*Свободенъ отъ постоя*». Императрица Марія Ѳеодоровна основала многія учрежденія для содержанія бѣдныхъ, вдовъ, сиротъ и для обученія недостаточныхъ дѣвицъ (Об. Д.).

⁵ И гдѣ грозившій Фараонъ.

«Подъ *Фараономъ* разумѣется Наполеонъ» (*Ключъ къ соч. Д.*, стр. 94). Ср. выше, стр. 297, замѣченное нами о томъ, какъ рано поэтъ предсказывалъ паденіе французскаго диктатора. Любопытно, что послѣ 1812 года Наполеонъ не разъ былъ представляемъ въ нашихъ народныхъ карикатурахъ Фараономъ, утопающимъ въ Черномъ морѣ (см. между про-

* Или вѣрнѣе, запретилъ употреблять самое названіе пытки. См. *Полн. Собр. Зак.*, т. XXVI, № 20.022 (имен. ук. сенату 27 сент. 1801). Ср. выше стр. 247).

чимъ *Соер. Лѣтопись* 1864, № 15, Празднества въ Москвѣ по случаю взятія Парижа).

Покойный П. А. Плетневъ, перечитавъ это стихотвореніе въ нашемъ изданіи, посланномъ ему въ Парижъ, замѣтилъ, что послѣдняя строфа отзывается подражаніемъ прекрасному окончанію 9-й оды Ломоносова (*Соч. его, изд. Смирд., ч. I, стр. 109*):

«Но если гордость ослѣпленна
Дерзнетъ на насъ воздвигнуть рогъ, —
Тебѣ, въ женахъ благословенна,
Противъ ея помощникъ Богъ.
Онъ верхъ небесъ къ тебѣ преклонить
И тучи страшныя нагонитъ
Во срѣтенье врагамъ твоимъ.
Лишь только ополчишься къ бою,
Предидеть ужасъ предъ тобою,
И слѣдомъ воскурится дымъ».

115. ЗИМА¹.

Поэтъ.

Что ты, Муза, такъ печальна,
Пригорюнившись, сидишь?
Сквозь окошечка хрустальна,
Скляча волосы, глядишь;
Цитры, флейты и скрипицы
Въ бѣлы руки не берешь;
Ни божественной Фелицы,
Ни Плѣниры не поешь?

1

Муза.

Что мнѣ пѣть? — Ахъ! гдѣ Хариты²?
И друзей моихъ ужъ нѣтъ!
Львовъ, Хемницеръ въ гробѣ скрыты,
За Днѣпромъ Капнисть живетъ.
Вельяминовъ, лиръ любитель,
Богатырь, пѣвецъ въ кругу,
Беззаботный свѣта житель,
Согнуть скорбями въ дугу.

2

Поэтъ.

Да! Фелицы нѣтъ, Плѣниры,
Нѣтъ Харитъ, и нѣтъ друзей:
Звукъ торжественныя лиры

3

Посвятишь кому твоей?
 Посвятишь ли въ честь ты Хлору³,
 Иль Добрадѣ въ славу ты?
 Трубъ у нихъ не слышно хору;
 Дни ихъ тихи, какъ листы.

Муза.

Тотъ сидитъ всегда за дѣломъ, 4
 Та покоитъ вдовъ, сиротъ;
 Въ покрывалѣ скромномъ, бѣломъ,
 Такъ Зима готовить плодъ.
 Не видать ея работы,
 Не слышать ея машинъ,
 Но по скукѣ зрятя льготы,
 И земля цвѣтетъ какъ кринь.

Поэтъ.

Между тѣмъ къ намъ, Вельяминовъ, 5
 Ты приди хотя согбенъ:
 Огнь разложимъ средь каминовъ,
 Милыхъ сердцу соберемъ,
 И подъ арфой тихогласной,
 Наливая алыи сокъ,
 Воспоемъ нашъ хладъ прекрасной;
 Дай Зимѣ здоровье Богъ!

¹ Въ первоначальной рукописи къ заглавію прибавлено: «П. Л. Вельяминову.» Эта пѣса замѣчательна, какъ въ первый разъ выравшееся у Державина сознание, что лучшая пора его поэзіи уже миновалась невозвратно, что нѣтъ уже чистѣйшихъ источниковъ его творчества, — ни благоговѣнія къ Фелицѣ, ни любви, ни той дружбы, которая прежде была такъ плодотворна для его таланта. По замѣчанію г. Галахова (*Ист. р. сл.*, т. I, стр. 523), первая строфа есть подражаніе русской народной пѣснѣ.

Напечат. въ изд. 1808 г., ч. II, XLIX, гдѣ всѣ имена означены только начальными буквами.

² ... Ахъ! гдѣ Хариты и проч.

Подъ *Харитами* разумѣются здѣсь великія княжны Александра и Елена Павловны * (см. томъ I, стр. 494). О бракосочетаніи ихъ см. выше стр. 192.

Н. А. Львовъ умеръ 27 дек. 1803 (см. выше стр. 289). Хемницеръ

* У императора Павла было шесть дочерей: Александра (род. 1783, ум. 1801), Елена (р. 1784, у. 1803), Марія (р. 1786, у. 1859), Екатерина (р. 1788, у. 1819), Ольга (р. 1792, у. 1795) и Анна (р. 1795, у. 1865).

кончилъ жизнь въ Смирнѣ 1784 г. Онъ былъ одинъ изъ самыхъ короткихъ пріятелей Державина и участвовалъ своими совѣтами въ развитіи поэтическаго таланта его. Капвистъ жилъ въ то время въ своей Обуховкѣ, въ Миргородскомъ уѣздѣ (см. выше стр. 73).

О Вельяминовѣ сообщено уже нѣсколько свѣдѣній въ I-мъ томѣ (стр. 466). Дополнимъ его характеристику нѣсколькими новыми чертами, переданными намъ по большей части А. П. Кожевниковымъ.

Не бывъ никогда женатъ, онъ не только держалъ себя чудачкомъ, но былъ похожъ на юродиваго, велъ кочевую жизнь, имѣлъ лошадку и кибиточку, въ которой разѣзжалъ по своимъ пріятелямъ; онъ гостилъ у нихъ, шутилъ, забавлялъ дѣтей, которыхъ училъ напр. по командѣ плавать на паркетѣ или танцовать по-китайски. Будучи совершенно лишень практическаго смысла, онъ всегда былъ безъ денегъ и столько же мало берегъ чужія, какъ и свои. Слѣшимъ однакожъ прибавить, что онъ вмѣстѣ съ тѣмъ отличался безукоризненною честностью и пользою для многихъ довѣриемъ своихъ друзей. Но вотъ примѣръ его распорядительности. Однажды Завадовскій, у котораго онъ служилъ и былъ домашнимъ человѣкомъ, поручилъ ему, отлучаясь изъ дому, ключи своего бюро; по возвращеніи Завадовскій былъ очень удивленъ, найдя въ своемъ кабинетѣ большую картину, которой тамъ прежде не было (Фебъ, везомый Гѣрами). Вельяминовъ объяснилъ, что эту картину принесли съ предложеніемъ купить ее и что онъ ужъ заплатилъ за нее 2000 р., вынутыхъ изъ бюро. Весь образъ жизни Вельяминова былъ страненъ: «Зачѣмъ обѣдать?» говаривалъ онъ: «я съѣмъ поутру булку блага хлѣба, да и сытъ на цѣлый день!» Случалось, что онъ иногда запоздаетъ вечеромъ къ кому-нибудь изъ своихъ пріятелей: тогда онъ и ночуетъ у подъѣзда въ своей кибиточкѣ. Столько же поражалъ Вельяминовъ и своею наружностью: онъ былъ совершенно рябой и почти ослѣпъ отъ оспы. Въ Никольскомъ имѣніи, у Н. А. Львова, былъ особый домикъ, построенный для Вельяминова на холмѣ, который поэтому и назывался *Петровой юркой*. Можно представить себѣ, какъ должна была огорчить его смерть Львова, и вѣроятно, эта потеря — одна изъ «скорбей», которыми онъ, по словамъ Державина, былъ согнутъ въ дугу. О пріязни къ нему поэта говоритъ Жихаревъ (*Записки Совр.*, стр. 118), находя это посланіе «исполненнымъ очаровательной меланхоліи, не смотря на жесткость нѣкоторыхъ стиховъ».

³ Посвятишь ли въ честь ты Хлору и проч.

Царевичъ *Хлоръ* — императоръ Александръ I (см. выше стр. 262): *Добрада*, добрая волшебница (Чулкова *Русскія сказки*, М. 1780, ч. I), именовъ которой Державинъ означалъ императрицу Марію Ѳеодоровну. Онъ написалъ особое драматическое сочиненіе *Обитель Добрады*. Лицо этого имени есть также въ его *Добринѣ*. Къ послѣднему стиху этого куплета онъ присоединяетъ примѣчаніе: «Въ то время не было еще никакой войны, и при дворѣ жили весьма тихо, такъ что не было ни увеселеній, ни праздниковъ». Императора Александра должно разумѣть также въ двухъ заключительныхъ стихахъ пьесы, потому что онъ былъ прекрасенъ лицомъ и хладнокровенъ. *Алый сожъ* означаетъ пуншъ, бывший тогда въ большомъ употребленіи (*Об. Д.*).

116. ВРЕМЯ¹.

О Дьяковъ! Дѣяковъ! какъ время 1
 Быстро въ вѣчность все несетъ!
 Будто море смертныхъ племя:
 За волной волна течеть.
 Ни поклоновъ счетъ молебныхъ,
 Ни посты, ни тяжкій трудъ
 Старостью напечатлѣнныхъ
 Лба морщинъ ужъ не сотрутъ,
 Не удержать дней летящихъ,
 Люту смерть не воспятятъ.

Такъ, мой другъ! хотя адепты² 2
 Пьютъ безсмертѣя эликсиръ;
 Въ ризы воздуха одѣты,
 Ангельскій составляютъ мѣръ;
 Но до онаго мы время
 Всѣ подъ плогію живемъ,
 Носимъ разрушенья бремя
 И конечно всѣ помремъ;
 Лишь божественная искра
 Вѣчно будетъ жить — нашъ духъ.

Духъ! — и тѣ дѣла не умрутъ, 3
 Производятъ что добро:
 Жить они за гробомъ будутъ,
 Лавромъ намъ увьютъ чело.
 Что жъ въ сей жизни потеряемъ,
 Что намъ сдѣлаютъ бѣды,
 Если мы награды чаемъ
 Тамъ за здѣшніе труды?
 Только нужно запастися
 Котомою добрыхъ дѣлъ.

Такъ, едина добродѣтель 4
 Здѣсь и тамъ счастливитъ насъ!
 Если совѣсть нашъ свидѣтель, —
 Не ужасенъ смертный часъ,
 Не ужасенъ ревъ гоненья,
 И коварство не хитро.
 Длинно время для терпѣнья,

Для веселія быстро;
 Но премудрый проживаетъ
 Равнодушно весь свой вѣкъ.

Имъ и время не владѣтъ,
 5
 Ниже злато, ни серебро;
 Онъ порядку дѣлъ радѣетъ,
 Любитъ общее добро;
 Убѣгая пышныхъ вздоровъ
 И блестящихъ мелочей,
 Онъ во санѣ прокуроровъ,
 Всѣхъ вельможъ, судей, царей
 Читетъ лишь только человѣка
 И желаетъ самъ имъ быть.

Коль съ невинныхъ снялъ желѣзы,
 6
 Ускорилъ коль правый судъ,
 Коль отеръ сиротски слезы,
 Не бралъ лихвы, не былъ плутъ,
 Дѣлалъ то, что дѣлать должно:
 И безъ чина ты почтенъ³.
 Напротивъ, живя безбожно,
 Всѣми временщикъ презрѣтъ:
 Утѣсная добродѣтель,
 Самъ онъ тмитъ свой свѣтлый санъ.

¹ Посланіе къ шурина Державина, Николаю Алексѣевичу Дьякову (см. томъ I, стр. 408), бывшему до того губернскимъ прокуроромъ въ Москвѣ. Въ основнй идеѣ Державинъ слѣдовалъ здѣсь одѣ Горациа Къ *Постумію* (кн. II, 14).

Въ *Запискахъ Современ.* (стр. 175) читаемъ подъ 14 октября 1805 года: «Шуринъ Г. Р. Державина, Н. А. Дьяковъ, показывалъ нѣсколько его писемъ и между прочимъ собственноручное его посланіе, въ которомъ нашъ бардъ дѣлаетъ намеки на увольненіе Дьякова отъ должности московскаго прокурора и какъ будто утѣшаетъ его въ невзгодѣ.» Выписавъ потомъ первые шесть стиховъ послѣдней строфы, Жихаревъ продолжаетъ: «Прочіе стихи не припомню; только Иванъ Ивановичъ (*Дмитриевъ*) говоритъ, что Дьяковъ совсѣмъ не изъ разряда тѣхъ людей, которые бы могли внашать поэтическія посланія. И точно, мнѣ показался онъ не болѣе какъ прокуроромъ, но прокуроромъ зажиточнымъ и наторѣлымъ въ хорошемъ обществѣ». — *Время* напечатано въ изд. 1808 г., ч. II, 1, при чемъ имя Дьякова означено только начальною буквой.

² Такъ, мой другъ! хотя адепты и проч.

«Адепты, масоны самой высочайшей степени, начальники ложъ масонскихъ, къ которымъ Дьяковъ принадлежалъ» (*Об. Д.*).

³ И безъ чина ты почтень.

«Онъ былъ отставленъ отъ службы безъ всякой вины, по недоброжелательству своего министра» (Об. Д.). Князь П. В. Лопухинъ былъ тогда министромъ юстиціи, получивъ эту должность послѣ Державина. Ср. все это мѣсто съ относящимися къ самому Державину стихами 14-й строфы въ одѣ *Мой истуканъ* (томъ I, стр. 425).

117. ЦИРЦЕЯ¹.

На каменной скалѣ, страшилищѣ природы,
 Бесплодный дикій верхъ вознесшей къ небесамъ,
 Цирцея, слезъ проливъ потокъ,
 Отчаянна, блѣдна, дрожаща, полумертва,
 Тоски сердечной жертва,
 Свой злой оплакивала рокъ.
 Тамъ, брося съ высоты бродящій взоръ на воды
 Улисса по слѣдамъ,
 По тмѣ, по вѣтру, по волнамъ²
 Бѣгущаго, какъ ей казалось, догоняеть. 10
 Ужъ видѣть думаетъ, и въ изступленьи семъ,
 Какъ бы спокоясь, отдыхаетъ;
 Въ прерывчатомъ⁶ вздыханіи своемъ
 Обрато такъ его, рыдая³, призываетъ:
 «Рушитель моего покою!
 Постой, жестокій! оглянись!
 Не жаръ твой раздѣлить со мною,
 Изъ сожалѣнья возвратись
 И ускори хотя мнѣ смерть!
 Любовью сердце умерщвленно, 20
 Но ей еще оно дышитъ.
 Тиранъ! ахъ, такъ ли заплаченно
 То пламя, что тобой горить?
 Рушитель моего покою!
 Постой, жестокій! оглянись!
 Не жаръ твой раздѣлить со мною,
 Изъ сожалѣнья возвратись
 И ускори хотя мнѣ смерть!» —
 Въ такихъ она словахъ печаль свою являетъ;
 Но ко волшебству вмигъ прибѣжище беретъ: 30
 Со воплемъ всѣхъ боговъ изъ ада призываетъ⁴,

Паркъ, Фурий, Немезисъ, Цербера, Флегетона ¹,
 Гекату злобную и лютаго Алктона,
 Чтобъ возвратили къ ней любви ея предметъ.
 Тутъ срубъ на алтарѣ кровавомъ загорѣлся
 Снисшедшей молніей и въ мигъ единъ пожегся;
 Пары сгустилися, покрылся мракомъ свѣтъ,
 Остановилося теченіе планетъ
 И рѣки съ шумомъ вспять побѣгли въ вихрѣ зѣльномъ;
 Въ жилищѣ самъ Плутонъ содрогся подземельномъ. 40

Столь голосомъ грознымъ

Подвигся весь адъ ²,

Подъ гуломъ громовымъ

Сводъ звукнулъ Плеядъ;

Завѣса ужасна

Подернула свѣтъ;

Дно тартара мрачна,

Содрогшись, реветъ;

Кипитъ и ярится

Морь бурна волна; 50

Отъ страха вратится ³

Кровава луна.

Такое сильное очарованье злобы
 Во преисподней всѣхъ встревожило тѣней:
 Встаютъ, отъ ужаса оставя сонъ свой, гробы,
 И въ воздухѣ вдали, Эреба въ безднѣ всей,
 Глухой, унылый вопль, печальны завыванья,
 Ревъ, скрежетъ слышенъ ихъ;
 И съ ними страшныхъ бурь смѣшенныя свистанья,
 Ишедшихъ изъ могилъ, вертеповъ, нѣдръ земныхъ ³. 60

Но всѣ усилія безплодны суть сіи,

О ты, любовница несчастна!

Сильнѣйшему тебя ты божеству подвластна;

Черезъ чары ты свои

Могла потрясть весь міръ и молніей ужасной

Зѣвъ ада распалить;

Но то, чего не могъ свершить твой взоръ прекрасной ²,

Не можешь злобой учинить ¹.

Любовь никакъ нельзя принудить:

Чужихъ она не терпитъ правъ, — 70

Зависѣтъ отъ себя лишь любить:
 Ей нравишься, — лишь милымъ ставъ,
 Законъ ея весь свѣтъ плѣняетъ,
 Ни чыхъ не вѣдаетъ сама.
 Зима поля цвѣтовъ лишаетъ,
 Вѣнчаетъ розами весна,
 Борей Зефировъ прогоняетъ,
 Зефиръ Бореевъ, солнце тма;
 А какъ любовь ужъ улетаетъ,
 Не возвращается она.

80

- ^a По вѣтру, по волнамъ (1806)*.
- ^b Бѣгущаго его, казалось ... (Рукоп. и 1806).
- ^c Въ прерывчивомъ ...
- ^d ... всхливая ...
- ^e ... заклинаетъ (1806).
- ^f ... Алектону.
- ^g Взываетъ къ тройственной Гекатѣ, къ Флегетону.
- ^h Подвинулся адъ (Рукоп. и 1806).
- ⁱ И гуломъ громовымъ.
- ^k Вспять съ страху вратится.
- ^l ... вертеповъ подземныхъ.
- ^m А злобой лишь — чего не могъ твой взоръ прекрасный — (1806).
 (Въ этомъ стихѣ, противъ рукописи, было опущено только слово *тою* послѣ *лишь*.)
- ⁿ Не можешь учинить (Рукоп. и 1806).

* Варианты, при которыхъ выставленъ или подразумѣвается одинъ 1806 г., и составляютъ тѣ поправки, съ которыми ода явилась въ *Вѣстникъ Европы*.

¹ Переводъ съ французскаго, сдѣланный на Званкѣ. Кантата Ж.-Б. Руссо, послужившая подлинникомъ этой пьесы, считалась образцовымъ произведеніемъ, которымъ всѣ восхищались. Такъ Карамзинъ въ статьѣ *Оссіанъ (Пантеонъ иностран. словеси, ч. II)* говоритъ по поводу одной оды Грея, *Бардъ*: «Послѣ Руссовой *Цирцеи* мы не знаемъ ни одного лирическаго произведенія, въ которомъ бы столько было жара, драматической живости и смѣлыхъ картинъ.» Державинъ, переведа одну за другою эту кантату Руссо и пьесу Шиллера: «*Laure am Klavier*», отправилъ оба перевода въ Москву къ Каченовскому для напечатанія ихъ въ *Вѣстникъ Европы*. Каченовскій былъ не совсѣмъ доволенъ ими, и это привело къ неприяностямъ, которыя чуть было не поссорили Державина съ Дмитріевымъ; отношенія же между Дмитріевымъ и Каченовскимъ, по этому случаю, дѣйствительно испортились. Мы не знаемъ всѣхъ подробностей дѣла; но изъ одного письма Державина къ Дмитріеву можно вывести слѣдующее. Каченовскій, печатая *Цирцею*, позволилъ себѣ сдѣлать въ ней кое-какія незначительныя поправки; это не понравилось Державину, тѣмъ

болѣе, что онъ, какъ кажется, прежде не согласился, по просьбѣ Каченовскаго, измѣнить нѣкоторые стихи; теперь онъ, не смотря на извиненія редактора журнала, выразилъ свое неудовольствіе въ письмѣ къ Дмитріеву; Каченовскій въ оправданіе свое приписалъ поправки Дмитріеву, который, хотя и неохотно, принялъ ихъ на себя. Тогда Державинъ, выикшій къ замѣчаніямъ и исправленіямъ И. И. Дмитріева, успокоился. Вотъ и самое письмо его, отъ 2 марта 1806 г., напечатанное въ числѣ другихъ М. А. Дмитріевымъ: «Письмо ваше отъ 22 числа минувшаго мѣсяца получилъ. Какъ я уже отвѣчалъ предъ симъ вамъ на просьбу г. Каченовскаго, то на письмо его, послѣ мною полученное по той же самой матеріи, и не разсудилъ дѣлать повторенія къ вамъ написаннаго, уповаю, что вы покажете ему письмо мое; а симъ и кончится смѣшная переписка наша и мы будемъ по-прежнему пріатели. Но изъ нынѣшняго вашего письма вижу, что по вашему совѣту переправилъ онъ переводъ мой *Цирцеи*; слѣдовательно онъ и не виноватъ ни въ чемъ передо мною. Вы же какъ по вашей дружбѣ ко мнѣ уже и прежде поправляли въ стихахъ моихъ что вамъ не покажется, и я нерѣдко слѣдовалъ вашимъ совѣтамъ; то и теперь также бездѣла не можетъ между нами сдѣлать ни малѣйшей непріятности. Недоразумѣнія и ошибки всѣмъ людямъ свойственны. Касательно жъ *Дѣвы за клавирами*» и т. д. (продолженіе см. подъ слѣдующимъ стихотвореніемъ).

Цирцея Руссо еще гораздо прежде была переведена кѣмъ-то (см. *Музу* Мартынова 1796 г., ч. I, стр. 133). Позднѣе перевелъ ее Востоковъ (*Стихотворенія* его, Спб. 1821, стр. 13). Переводъ Державина напечатанъ въ *Вѣстникъ Европы* за февраль 1806 г. (ч. XXV, № 3, стр. 164) съ подписью *Д-ръ*; потомъ въ изд. 1808 г., ч. II, хлщ.

118. ДѢВА ЗА АРФОЮ¹.

Владѣющимъ твоимъ перстамъ,	1
О дѣва! арфы надъ струнами ^а ,	
Обезтѣлесень, обездушень,	
Я будто истуканъ стою.	
Царица жизни ты и смерти,	
Силь правишь тысячами, какъ магъ ^б !	
Благоговѣя, чуть шумить	2
Вкругъ воздухъ, на тебя приникши;	
Ко плъню твоему прикованъ	
Стоить, кружася въ вихрѣ, вѣкъ,	
И тьмы веселія въ безмолвьи	
Природы всей къ тебѣ влечетъ.	
Волшебница! одно твое воззрѣнье,	
Одинъ твой звукъ плънить всю тварь.	

И звоны, полные души ³,
 Со струнь [†] роскошно устремленны,
 Какъ Серафимы, вновь рождаясь,
 Изъ неба порхаютъ, блестятъ;
 И какъ, истекши изъ хаоса
 И вихремъ зиждущимъ взнесясь,
 Изъ мрака солнца возсіяли:
 Твоихъ такъ гласовъ токъ златый.

Пріятно — какъ сребристый ключъ, ⁴
 Журча, по камышкамъ катится;
 Великолѣпно, важно — вдругъ
 Какъ грома съ облаковъ органы;
 Стремительно — вдали съ утеса
 Какъ шумный, пѣнистый потокъ;
 Отрадно — какъ межъ липъ
 Тѣнистыхъ, благовонныхъ,
 И шепчущихъ осинъ
 Влюбленны вѣтерки дышаютъ;
 Уныло, мрачно, тяжело —

По мертвымъ дебрямъ какъ ужасный шорохъ ночи;
 И вой, протяжно исчеза,
 Влечется слезною Коцитовой волной.

Но стой и мнѣ повѣдай, дѣва: ⁵

Въ связи ль съ духами ты небесъ?

И тотъ ли ихъ языкъ въ Эдемѣ,

Музыка коимъ говоритъ?

Завѣса отъ очей упала ²! ⁶

Затворы слуха отперлись!

О дѣва! — я дышу живѣе ...

Иль огонь эфирный, очищая,

Ужъ вихремъ выспрь меня несетъ?

Мелькаютъ сквозь небесъ раздранныхъ

Младыхъ духовъ мнѣ въ солнцахъ троны:

За гробомъ утрення заря!

Прочь, прочь, съ понятемъ насѣкомыхъ,

Кошуну, прочь! — есть Богъ!

³ О дѣва! клавесинъ струнами (Первонач. рук. и 1806).

⁶ ... какъ богъ!

² Полны гармоніи душой.

† Изъ струнь . . .
 . . . порхаютьъ, кишатьъ.

¹ Переведено на Званкѣ изъ Шиллера. Подлинникъ (Lauga am Klavier) — одно изъ раннихъ произведеній нѣмецкаго поэта; переводъ далеко не точенъ, хотя Держ. и отбросилъ рѣзю, которая есть въ оригиналѣ. Объ отправленіи этой пьесы къ Каченовскому вмѣстѣ съ *Цирцею* сказано уже въ 1-мъ прим. къ *Цирцею*; но въ печати явилась сначала одна кинтата Руссо, вслѣдствіе чего Держ. и писалъ Дмитріеву въ томъ же письмѣ отъ 2 марта 1806 г., изъ котораго выше приведены уже первыя строки: «Касательно жъ *Дѣвоу за клавесинами*, бѣлыми стихами написанной, то мнѣ извѣстно отвращеніе ваше отъ сей поэзіи, какъ отъ протухлой рыбы, которая неприятна вкусу вашему: то и не мудрено теперь, что она г. Каченовскимъ при первомъ разѣ была не напечатана. А потому и прошу сказать ему, что зависить теперь отъ васъ предавать ее тисненію или оставить; однако для любящихъ нѣмецкаго и греческаго языковъ безриемленную поэзію она будетъ въ собраніи моихъ сочиненій напечатана, и васъ прошу, какъ особливаго охотника до рѣзю, въ томъ на меня, хотя для извѣстной мнѣ дружбы вашей, не погнѣваться» (*Москвит.* 1848 г., № 10, п. 15). Однакожь и эта пьеса вскорѣ появилась въ *Вѣстн. Евр.*, именно въ 1-ой апрѣльской кн. 1806 г. (ч. XXVI, № 7, стр. 175), при чемъ заглавіе было, какъ въ первоначальной рукоп: *Дѣва за клавесиномъ*. Это стихотвореніе, какъ мы слышали отъ гр. Блудова, собственно и было поводомъ къ неудовольствію между Каченовскимъ и Дмитріевымъ. Покойный нашъ президентъ рассказывалъ, что Каченовскій, получивъ стихи и будучи недоволенъ ими, попросилъ Мерзлякова перевести ту же пьесу Шиллера, а между тѣмъ написалъ Державину, что ея переводъ не можетъ быть напечатанъ, такъ какъ въ редакціи есть уже другой. Держ. оскорбился и послалъ къ Каченовскому рѣзкій отвѣтъ*. Получивъ его, издатель *Вѣстника* отправился къ Дмитріеву съ просьбою объяснить знаменитому переводчику, что *Дѣва за клавесиномъ* не была тотчасъ напеча-

* Мы нашли въ бумагахъ Державина слѣдующее черновое письмо его къ Каченовскому: «М. г. мой Михайла Трофимовичъ! Прекрасные и легкіе стихи г. Мерзлякова не есть переводъ, а подражаніе, и самое отдаленное, Шиллеровой Лаурѣ. Прочтите съ подлинникомъ — и говорить будетъ не о чемъ. Я хотѣлъ передать землякамъ на ихъ языкѣ автора сего краткость, силу и выразительную гармонію также въ стихахъ, но только въ бѣлыхъ, поелику рѣзю на моемъ счету ничего не значить; но видно, у васъ этотъ родъ не въ употребленіи (*зачеркнуто: не съ уваженіем*), а можетъ быть и дуренъ: то согласно примѣчанію вашему, въ концѣ журнала помѣщенному, прошу не печатать, какъ и *Цирцею*, ежели уже не тиснута». Очевидно, что письмо это было написано послѣ появленія во 2-й кн. *Вѣстн. Евр.* 1806 г. перевода Мерзлякова: *Къ Лаурѣ за клавесиномъ*. Было ли оно отправлено, неизвѣстно; но въ 7-й кн. того же журнала за этотъ годъ была напечатана и *Дѣва за арфою* Державина. (Ср. М. Дмитріева *Мелочи изъ записокъ моей памяти*, стр. 72). Послѣдними словами своего письма Держ. разумѣлъ объявленіе Каченовскаго, что онъ за недостаткомъ мѣста не можетъ печатать всѣхъ получаемыхъ имъ со-

*

тана по совѣту Дмитріева. Дм. на это не соглашался, и тогда-то между ними произошел споръ, имѣвшій послѣдствіемъ взаимное охлажденіе. М. А. Дмитріевъ, въ примѣч. къ напечатанному имъ писъму Державина, говоритъ также объ этомъ объясненіи и прибавляетъ: «Такъ какъ одинъ изъ нихъ (*Каченовскій*) былъ довольно желченъ, а другой (*И. И. Дмитріевъ*), соблюдая самъ въ отношеніи къ другимъ всѣ законы приличія, любилъ однако, чтобъ и въ отношеніи къ нему сохраняли вѣсь и мѣру; то послѣ этого объясненія они уже видались рѣдко и только случайно.» Относительно прочихъ обстоятельствъ мы имѣемъ полное основаніе принять свидѣтельство гр. Блудова, потому что во 2-ой январской кн. *Вѣсти. Евр.* 1806 г. дѣйствительно напечатанъ переводъ Мерзлякова, въ стихахъ съ римами, подъ заглавіемъ: «Къ Лаурѣ за клавесинномъ».

Во второй разъ *Дѣла за арфою* напечат. въ изд. 1808 г., ч. II, кн. IV.

² Завѣса отъ очей упала.

Этого и слѣдующихъ стиховъ нѣтъ въ переводѣ Мерзлякова. Они взяты изъ первоначальной редакціи стихотворенія Шиллера, которымъ впоследствии исключены. Ихъ можно найти въ *Supplemente zu Schillers Werken, herausg. v. Karl Hoffmeister. Stuttg. u. Tübing. 1840.* (И. Ханенко.)

чиненій и переводовъ и просить доставителей не требовать отъ него возвращенія присылаемыхъ бумагъ, а «оставлять у себя», прибавляетъ онъ, «съ нихъ списки, и если по прошествіи одного мѣсяца піеса не будетъ напечатана въ моемъ журналѣ, принимать другія мѣры сдѣлать ее извѣстною публикѣ» (*В. Е.* 1806, № 2).

119. ЛѢТО¹.

Знойное лѣто весна увѣнчала	1
Розовымъ, алымъ по кудрямъ вѣнцомъ;
Липова роща, какъ жаръ, возблистала
Вкругъ меда листомъ.	
Желтые грозды, сквозь листь продираясь,
Запахомъ, рдянцемъ нимфъ сельскихъ манятъ;
Травы и нивы, косою озаряясь,
Какъ волны шумятъ.	2
Сткляныя рѣки лучемъ полудневымъ,
Жидкому злату подобно, текутъ;
Кравы и овцы съ млекою накопленнымъ
Подъ кущи бѣгутъ.	3
Сизые враны, орлы быстропарны,
Крылья спустивши, подъ хвостомъ сидятъ;	4

Тучная роскошь въ тѣни сокъ прохладный
 Пьеть, ищетъ отрадъ.
 Видишь ли, Дмитревъ: всего избылье, 5
 Самое благо быть можетъ намъ зломъ^а;
 Счастье и нѣга разума крылья
 Сплошь давятъ ярмомъ.
 Въ домѣ живъ лѣтомъ, въ раю ты небесномъ, 6
 Въ славномъ помѣстьѣ сызранскомъ^б съ отцомъ^б,
 Мышлю, лѣнишься пѣть въ хорѣ прелестномъ,
 Цвѣсть Музъ подь вѣнцомъ.

^а Самое благо какъ можетъ быть зломъ.

^б Близко Сызрани, въ помѣстьѣ съ отцомъ
 Мню я, лѣнишься . . .

¹ Державинъ, проводя лѣто на Званкѣ и думая, что И. И. Дмитриевъ также въ деревнѣ, послалъ ему эти стихи безъ подписи. Между тѣмъ Дмитриевъ жилъ въ Москвѣ; онъ тотчасъ узналъ автора и отвѣчалъ ему стихами же, которые мы помѣщаемъ въ приложеніи. Тѣ и другіе были напечатаны въ *Вѣстникъ Европы* 1805 г.: посланіе Державина — въ сентябрьской книжкѣ (ч. XXIII, № 18, стр. 107), безъ подписи, а отвѣтъ Дмитриева въ октябрьской (№ 19), съ подписью буквы Д. При стихахъ Державина было примѣчаніе: «Авторъ не подписалъ своего имени — это и не нужно. Читатели узнаютъ російскаго барда по напѣву. *Изд.*». Жихаревъ рассказываетъ подь 9-мъ января 1805: «У Ивана Ивановича никого изъ записныхъ охотниковъ читать стихи свои не было. За то самъ хозяинъ заставилъ меня прочесть посланіе его къ Державину, въ отвѣтъ на присланные стихи нашего Пиндара. Вотъ такъ стихи! Ив. Ив. владѣеть языкомъ мастерски». Во второй разъ *Лѣто* было напечат. въ изд. 1808 г., ч. II, лѣт, при чемъ имя Дмитриева было обозначено только начальной буквой, тогда какъ въ *В. Е.* оно было помѣщено цѣликомъ.

² Въ славномъ помѣстьѣ сызранскомъ . . .

Рѣчь идетъ о родовомъ имѣніи Дмитриевыхъ, селѣ Богородскомъ, принадлежащемъ нынѣ Ѳ. М. Дмитриеву. Оно находится въ 27-ми верстахъ отъ Сызрани; съ одной стороны окружено горою, покрытою лѣсомъ, и дѣйствительно имѣетъ красивое мѣстоположеніе.

Приложеніе.

КЪ Г. Р. ДЕРЖАВИНУ.

Бардъ безъимянный¹, тебя ль не узнаю?
 Орлій издавна знакомъ мнѣ полеть.
 Я не въ отчизнѣ, въ Москвѣ обитаю —
 Въ жилищѣ суетъ.

Тщетно поэту искать вдохновеній
 Тамо, гдѣ враны глушатъ соловьевъ:
 Тщетно въ дубравахъ здѣсь бродитъ мой геній
 Близъ свѣтлыхъ ручьевъ.

Тамо встрѣчаетъ на каждомъ онъ шагѣ
 Рдяныхъ Сатировъ и Ваховыхъ жрицъ ²,
 Скачущихъ съ воплемъ и плескомъ въ отвагѣ
 Вкругъ древнихъ гробницъ.

Гуль ихъ *эоо* ³ песется вдоль рощи,
 Гонитъ пернатыхъ скриваться въ кустахъ;
 Даже далече наводитъ средь ноши
 На путника страхъ.

О пѣснопѣвецъ! одинъ ты способенъ
 Пѣть и подъ шумомъ сердитыхъ валовъ,
 Какъ и при нивѣ — себѣ лишь подобенъ —
 Языкомъ боговъ!

¹ «Авторъ, не подписавши своего имени, думалъ, что я въ деревнѣ, и пѣнялъ мнѣ за мою лѣность.» (Соч. Дмитриева.)

² «Здѣсь описаны Цыгане и Цыганки, которые во все лѣто промышляютъ въ Марьинской рошѣ пѣснями и пляскою. Для тѣхъ, которые не жили въ Москвѣ, можно прибавить, что въ этой рошѣ было кладбище для иностранныхъ; теперь же надгробные камни служатъ для гуляющихъ вмѣсто столовъ и стульевъ. — Д.» В. Е. 1805. № 19.

³ *Эоо*, или *эванъ* былъ употребительнѣйшій припѣвъ вакханокъ при отпраздненіи ихъ оргій. — Д.»

120. ЦЫГАНСКАЯ ПЛЯСКА ¹.

Возьми, Египтянка, гитару, 1

Ударь по струнамъ, восклицай;

Исполняя сладострастна жару,

Твоей всѣхъ пляской восхищай,

Жги души, огонь бросай въ сердца

Отъ смуглаго лица.

Неистово, роскошно чувство, 2

Нервъ трепеть, млѣніе любви,

Волшебное заразы искусство

Вакханокъ древнихъ оживи.

Жги души, огонь бросай въ сердца

Отъ смуглаго лица.

Какъ ночь — съ ланить сверкай зарями, 3

Какъ вихорь — прахъ плащемъ сметай,

Какъ птица — подлетай крылами
И въ длани съ визгомъ ударяй.
Жги души, огонь бросай въ сердца
Отъ смуглаго лица.

Подъ лѣсомъ ноцію сосновымъ, 4
При блескѣ блѣдныя луны,
Топоча по доскамъ гробовымъ,
Буди сонъ мертвой тишины.

Жги души, огонь бросай въ сердца
Отъ смуглаго лица.

Да вопль твой *эвоа* ужасный, 5
Вдали мѣшаясь съ воемъ псовъ,
Ліетъ повсюду гулы страшны^а,
А сластолюбію — любовь.

Жги души, огонь бросай въ сердца
Отъ смуглаго лица.

Нѣтъ, стой, прелестница! довольно! 6
Музь скромныхъ больше не страши;
Но плавно, важно, благородно,
Какъ русска дѣва, пропляши.

Жги души, огонь бросай въ сердца
И въ нѣжнаго пѣвца^б.

^а Хотя лѣтъ повсюду . . . (1805)
Но сластолюбію — любовь.

¹ Написано вслѣдствіе приложеннаго сейчасъ отвѣта Дмитріева на пьесу *Лето*, по поводу жалобы его, что цыганскія пѣсни мѣшаютъ ему въ Москвѣ заниматься поэзіей. Замѣтимъ, что у Дмитріева есть также пѣсня подобнаго содержанія: «Пой, свачи, кружись, Параша», появившаяся еще въ книгѣ его: *И мои бездѣлки* (М. 1795, стр. 221).

Напечат. въ *Вѣстникъ Европы* за ноябрь 1805 (ч. XXIV, № 22, стр. 134), съ подписью Д—нъ, и потомъ въ изд. 1808 г., ч. III, лх.

^б И въ нѣжнаго пѣвца —

т. е. Дмитріева, какъ автора эротическихъ пѣсенъ и сказокъ (*Об. Д.*).

121. МѢВНІЕ¹.

Богъ любви и восхищенья
У пчелы похитилъ сотъ,

И пчелой за то въ отищенье
 Былъ ужаленъ тутъ Эроть.
 Встрепенувшися, несчастный
 Крадены, сердясь, соты
 Въ розовы уста, прекрасны,
 Спряталъ юной красоты. 8
 «На», сказалъ: «мой хищенья
 Ты для памяти возьми,
 И отнынѣ наслажденья
 Ты въ устахъ своихъ храни».
 Съ тѣхъ поръ Хлою дорогую
 Поцѣлюю лишь когда,
 Сласть и боль я въ сердцѣ злую
 Ощущаю завсегда. 16
 Хлоя, жаля, услаждаетъ,
 Какъ пчелиная стрѣла:
 Медъ и ядъ въ меня вливаетъ,
 И, томя меня, мила.

¹ Переведено на Званкѣ изъ Греческой Антологіи, говоритъ Державинъ; но это невѣрно. Первоначальнымъ источникомъ передѣлокъ на эту тему можно считать, по мнѣнію академика Наука, слѣдующее мѣсто изъ пастушеской повѣсти Лонгоса о любви Дафниса къ Хлоѣ: «Что со мною дѣлается отъ поцѣлуя Хлоя? ея губы нѣжнѣе розн, ея уста слаще меду; поцѣлуй же горче пчелинаго жада»*. — Лонгосъ (Λογγός) жилъ въ 4-мъ или 5-мъ вѣкѣ по Р. Х. Пьеса не могла быть переведена изъ Антологіи уже потому, что въ этомъ сборникѣ имя Хлоя вовсе не встрѣчается. Въ *Собраніи Соч. Шишкова* (ч. XIV, стр. 232) мы находимъ стихи того же содержанія подъ заглавіемъ: *Поцалуї, переводъ съ итальянскаго*. Дѣйстви- тельно, подлинникъ ихъ принадлежитъ извѣстному поэту Гуарини (*Lab-bra baciare*), а ему подражалъ нѣмецкій анакреонтикъ Гѣцъ (*J. N. Götztz*, 1721 — 1781; см. его *Vermischte Gedichte*, ч. II, стр. 125), откуда вѣ- роятно и заимствовано *Миценіе* Державина.

Напечат. въ изд. 1808 г., ч. III, хсvii.

Въ четвертомъ стихѣ Державинъ поправилъ карандашемъ:

«Былъ ужаленнымъ Эроть».

* Τί ποτέ με Χλόης ἐργάζεται φίλημα; χεῖλη μὲν ῥόδων ἀπαλώτερα, καὶ στόμα κηρίων γλυκύτερον· τὸ δὲ φίλημα κέντρον μελιττικῆς πικρότερον [*Longi Pastoralia*, ed. P. L. Courier. Парижъ 1829, p. 23].

122. ЧЕЧОТКА¹.

На розу сѣвъ, уснула
 Чечотка подѣ цвѣткомъ;
 Едва заря сверкнула
 Румянымъ огонькомъ,
 Проснулась, встрепенулась.
 Жемчужинки лежатъ,
 Скорлупка развернулась:
 Вкругъ желты крошки спятъ, 8
 Глядятъ и ожидаютъ
 Каплъ серебряной росы,
 Чтò имъ съ листковъ стекають,
 Какъ солнечны красы.
 Самецъ, прижмась у вѣтки,
 Тихохонько глядитъ.
 «Ты милъ, а больше дѣтки»,
 Чечотка говорить: 16
 «Лети и попекися
 Сыскать имъ червячковъ».
 Съ тѣхъ поръ, покой, простися!
 Онъ рѣдко межъ цвѣтовъ.

¹ Написано на Званкѣ. Напечат. въ изд. 1808 г., ч. III, хсviii.

123. ОСЕНЬ¹.

На скирдахъ молодыхъ сидючи Осень 1
 И въ поляхъ зря вокругъ годъ плодоносень,
 Съ улыбкой своя всѣмъ дары даетъ,
 Пестротой по лѣсамъ живо цвѣтеть,
 Взоръ мой дивить!
 Разныхъ птицъ голоса, вьющихся тучи, 2
 Шумъ сноповъ, бѣгъ телѣгъ, оси скрипучи,
 Стукъ цѣповъ по токамъ, въ рощахъ лай псовъ,
 Жницъ съ знаменъ идущихъ гулъ голосовъ
 Слухъ мой плѣнить.
 Какъ милъ сей природы радостный образъ! 3
 Какъ тварей довольныхъ сладостенъ возгласъ,

Гдѣ Осень обилье рукою ведетъ,
Царямъ и червямъ всѣмъ пищу даетъ
Общій Отецъ!

Но чтоже вдругъ, Ярцовъ²! черныя бури, 4
Грохоча такъ, кроютъ неба лазури?
Здѣсь тихій токъ съ ревомъ роетъ волна,
Тамъ въ блѣдныхъ туманахъ ржетъ намъ война:
Благъ ли Творецъ?

«Ахъ! благъ всѣхъ Зяждитель», я слышу, ты рекъ: 5
«Невѣжда продерзкій лишь ты, человѣкъ,
Не видишь, не знаешь пользы своей;
Самъ часто своихъ ты ищешь сѣтей:
Хранить только Богъ³.»

О! правда то, правда! — Смиримъ же предъ Нимъ 6
Нашъ глупый мы ропотъ и волю дадимъ
Всемощной десницѣ солнце водить;
Бѣгъ міра превратна станемъ сносить,
Чтящи свой рокъ.

Такъ если съ Урала златыя ключи 7
Въ царскій лиль кладязь⁶, ихъ самъ не пьючи,
Я дни мнилъ Астреи, миръ и покой
Ввестъ распрей въ вертепъ, — и съ чистой душой
Благъ всѣмъ желалъ;

Но то коль не надо, — оставимъ судьбамъ 8
Премудрымъ дать лучшій здѣсь жребій людямъ;
Сѣвъ, сами прикажемъ въ нашемъ гнѣздѣ
Осени доброй намъ дать по трудѣ
Счастья покаль.

³ Хранитель твой Богъ (1805).

⁶ Лиль въ царскій ты кладязь ...

¹ Написана на Званѣ; напечат. въ первый разъ въ *Вѣстникъ Европы* за декабрь 1805 г. (ч. XXIV, № 33, стр. 189), съ подписью *Д — н*; потомъ въ изд. 1808 г., ч. II, лѣт.

² Но чтоже вдругъ, Ярцовъ! ...

Аникита Сергѣевичъ Ярцовъ, род. 1737, ум. 1819, былъ женатъ на сестрѣ Н. А. Львова, Надеждѣ Александровнѣ, и такимъ образомъ былъ въ родствѣ съ Державинимъ. Еще 14-и лѣтъ онъ вступилъ на службу по горной части и продолжалъ ее до 1802 г. Въ 1770-хъ годахъ онъ

былъ оберъ-бергмейстеромъ олонецкихъ Петровскихъ заводовъ, а потомъ находился въ Екатеринбургѣ начальникомъ заводовъ уральскихъ; тамъ открылъ онъ многіе золотыя рудники и значительно усилилъ добываніе золота, но, какъ замѣчаетъ Державинъ (*Об.*), по безкорыстію самъ ничѣмъ не пользовался. По выходѣ его въ отставку, ему поручено было составить проектъ горнаго положенія и написать исторію горнаго дѣла въ Россіи; послѣдній трудъ былъ исполненъ имъ въ 8-и рукописныхъ томахъ, съ планами и виньетками, но неизвѣстно, гдѣ остались эти книги. Ярцовъ умеръ 82-хъ лѣтъ въ селѣ Новосельѣ (Тверской губ.), принадлежавшемъ женѣ его. Онъ оставилъ подробныя записки о своей служебной дѣятельности, находящіяся въ рукахъ дочери его, Любови Анникитичны Ярцовой, которой наша дѣтская литература обязана нѣсколькими замѣчательными сочиненіями.

Въ *В. Е.* на мѣсто фамиліи *Ярцовъ* поставлено вымышленное имя *Шахтинъ*; въ изд. 1808 Я....

124. ЧЕТЫРЕ ВОЗРАСТА ¹.

Какъ свѣтятся блески	1
На розѣ росы,	
Такъ милы усмѣшки	
Невинной красы.	
Младенческой образъ	
Видъ въ каплѣ зари.	
А быстро журчащій	2
Межъ розъ и лилей,	
Какъ перломъ блестящій	
По лугу ручей:	
Такъ юности утро,	
Играя, течеть.	
Рѣка жь или взморье	3
Полднейной порой	
Какъ въ долъ иль на взгорье	
Несется волной:	
Такъ мужество бурно	
Страстями блесить.	
Но озеро сткляно,	4
Утихнувъ отъ бурь,	
Какъ тихо и важно	
Чуть кажетъ лазурь:	
Такъ старость подъ вечеръ	
Стоитъ на клюкѣ.	

Сколь счастливъ, кто въ жизни
 Всѣ возрасты велъ,
 Страпась укоризны
 Внутрь совѣсти золь!
 На западъ свой ясный
 Онъ весело зрить.

5

¹ Писано на Званкѣ; напечат. въ изд. 1808 г., ч. II, LVIII.

125. ПИИДАРОВА ОЛИМПИЧЕСКАЯ ПЕРВАЯ ПѢСНЬ ¹.

Всѣхъ элементовъ вода превосходнѣй,
 Злато богатствъ среди пышныхъ, вельможныхъ
 Какъ между всѣхъ прензящнѣ блескомъ,
 Пышущу пламени ночью подобно.
 Хочешь ли, Муза, побѣды возвысить, —
 Звѣздъ не ищи, свѣтозарнѣ тихихъ
 Солнца полдневна лучей теплотворныхъ,
 Кои, пустыню воздушну протекши,
 Мнрѣ освѣщаютъ вокругъ, — и славнѣйшихъ
 Ты не ищи же торжество олимпійскихъ ².

1

Душу поэтовъ они
 Пламенемъ всю наполняютъ,
 Кронова сына когда,
 Сидя Хирона въ чертогахъ,
 Счастьемъ, богатствомъ цвѣтущихъ,
 Звучно возносятся, поютъ.

2

Скиптръ правосудья вращаетъ
 Онъ въ многостадной Тринакрѣ ³,
 Доблестей цвѣтъ всѣхъ собирая,
 Блещетъ, красой озаряясь
 Пѣсень согласныхъ съ музыкой,
 Кои мы дружески, часто
 Сидя съ нимъ вокругъ за трапезой,
 Въ славу ему восклицаемъ.

3

Снемли съ стѣны сей дорійскую цитру ⁴,
 Коль олимпійскій конь побѣдоносный,
 Нынѣ на рыцарскихъ играхъ риставшій,
 Сладостнымъ духъ твой плѣняетъ восторгомъ.

4

О! какъ онъ берегомъ быстро Алфея
 Безъ подстреканія, гордо, красиво,
 Мчалъ сиракузска царя конелюбна,
 Къ цѣли летя по всему ипподрому,
 Громкой побѣдой межъ всѣми блистая,
 Честь своему приобрѣлъ тѣмъ владыкѣ.

Слава донинѣ о немъ 5

Селы, града пролетаетъ,
 Рождшимъ толь много вождей
 Лидскимъ Пелопсомъ селенны⁴;
 Богъ, препоясавый моремъ
 Землю, его возлюбилъ.

Мощный Нептунъ, какъ изъяла 6

Врѣюща свѣтла коноба
 Клота его, и ему тутъ
 Кости слоновой вложила
 Снѣга бѣлѣйшее рамо.
 Вѣрь, что чудесность бываетъ:
 Сплошь, пестро сказокъ убранство
 Нравится болѣе правды.

Прелестъ поэзы, волшебная сила, 7

Звукомъ своимъ всѣхъ плѣнить, улаждая;
 Ризою басню почтенной облекши,
 Ложному часто даетъ вѣроятность,
 Лучшій свидѣтель грядущее время;
 Смертныхъ всѣхъ есть лишь одна принадлежность,
 Чтобъ съ умиленіемъ въ сердцѣ глубокимъ
 Провозглашать всѣмъ боговъ благостыню.
 Если не будетъ кто виннымъ въ чемъ много,
 Тотъ и отвѣту подвергнется мало.

Сыне Танталовъ! тебя 8

Нынѣ воспѣть я намѣренъ
 Прежде не пѣта никѣмъ, —
 Твой какъ отецъ на трапезу
 Звалъ всѣхъ боговъ въ свой любимый
 Градъ, Сипилію, къ себѣ:

Скиптра трезубна державецъ, 9

Страстью къ тебѣ воспаменяся,
 Взявши тебя, какъ добычу,

Зевсу всеттиму далече
 На огнеконномъ снарядѣ
 Въ свѣтлы взнесъ неба чертоги;
 Но для услуги сей самой
 Былъ Ганимедъ тамъ ужъ прежде.

Бывшу жъ тебѣ отъ всѣхъ смертныхъ сокрыту, 10
 Какъ отыскать и посланцамъ родившей
 Было тебя уже больше не можно:
 Завистью мрачною, злой, воушенны
 Тайны сосѣды всѣмъ слухъ распустили,
 Будто бы тѣло твое все на части
 Было прерублено острой сѣкирой
 И, во кипящей водѣ разваренно,
 Ночью богамъ въ кругу пира носимо;
 Сладостно ими, какъ снѣдно, пожерто.

Но возвѣщать мнѣ о томъ, 11
 Будто безсмертные алчны,
 Дерзко, безумно, грѣшно; —
 Сильно того я страшуся.
 Колю богохульниковъ часто
 Ярый сражаетъ перунь!

Чтили ль кого земнородныхъ 12
 Неба блюстители, боги, —
 Былъ то Танталъ. Но, увь! онъ,
 Чашей блаженствъ упоенный,
 Много собою кичася,
 Гнѣвной свель мщенье десницы:
 Камень надъ нимъ преужасный
 Зевсъ, яко гору, навѣсилъ.

Вѣчно съ главы его отрѣваетъ, 13
 Вѣчно бѣжить отъ него и спокойство:
 Жалкій страдалецъ, межъ трехъ онъ четвертый⁵
 Жизнь провождаетъ свою всю въ мученьи,
 Сколь въ бесполезномъ, столь горькомъ рыданьи,
 Что у боговъ, даровавшихъ безсмертье,
 Тайно священный похитилъ онъ нектаръ,
 Также унесъ и амброзію сладку
 Для угощенія смертныхъ клеветовъ.
 О, суета сокрываться отъ вышнихъ!

- Въ кару за тяжкій толь грѣхъ 14
 Боги обратно сослали
 Сына въ родъ смертныхъ его,
 Столь увядающій скоро.
 Юность же розоцвѣтуща
 Чернымъ лишь власомъ вокругъ
- Щеки его отѣнила, 15
 Сердце прельстилось мгновенно
 Бракомъ ему обѣщаннымъ
 Со Ипподамией милой,
 Дщерью владѣльца Олимпій⁶.
 Къ пѣнну онъ ночью шедъ морю,
 Трезубодержца водхолмна
 Вызвалъ, и богъ лишь явился, —
- «Сильный царь водъ!» рекъ онъ: «ежели дары 16
 Благоугодны тебѣ суть Венеры,
 Мѣдно копье удержи Аэммона,
 Скрой въ Элизей и меня ты съ собою⁷
 На колесницѣ твоей быстротечной.
 Тамъ съ нимъ сразяся, побѣду обрящу.
 Тридцать ужъ имъ жениховъ перебито;
 Дочь же его и понинѣ въ невѣстахъ.
 Такъ! лишь опасностей тѣ не встрѣчаютъ,
 Коихъ вся въ нѣжности жизнь протекаетъ.
- Мнѣ же коль рокъ ужъ судилъ, 17
 Чтобъ умереть неизбѣжно,
 Вѣкъ свой безславно почто
 Мрачности въ нѣдрѣ скрывая,
 Дѣлъ уклоняться геройскихъ,
 Жизнь всю влачить со стыдомъ?
- Нѣтъ! нѣтъ! — иду я сражаться! 18
 Путь лишь открой мнѣ счастливый.» —
 Тако вѣщая, — и спѣшно
 Душу онъ бога восхитилъ,
 Кой, озаряя въ немъ сердце,
 Пролилъ сіянье на взоры,
 Давъ ему неутомимыхъ
 Коней златыхъ съ колесницей⁸.

Отъ Аэммонова гнѣва избѣгши,
 Дѣву исторгъ онъ со славой ко браку,
 Седьмъ воевождей ему породившу;
 Тщилися чтить всѣ они добродѣтель.
 Днесъ ему жертвы курятся надгробны,
 Кои на брегѣ онъ злачномъ Алфея
 Во благолѣшии внемля, почіеть.
 Холмъ его вокругъ какъ могильный обходятъ,
 Тожь и алтарь его въ праздничныхъ играхъ,
 Гдѣ собирается сонмъ чужестранцевъ.

Блещеть далеко Пелопсъ
 Славой торжествъ олимпійскихъ
 Со ипподромовъ своихъ;
 Сила гдѣ, быстрость ногъ гибкихъ,
 Мышцы и жилы напрягшись,
 Рьяно вдругъ спорять съ собой.

Лучъ отъ побѣды награда,
 Витязей вѣкъ услаждаетъ,
 Слаще златаго сота.
 Да и кому чѣмъ сей вящше
 Радостью лъзя наслаждаться,
 Какъ не тому, гдѣ вседневно
 Съ блескомъ она вспять струится
 И утѣшаетъ насъ снова?⁹

Пѣсню эольской и мнѣ днесъ надлежитъ¹⁰
 Витязя игръ увѣнчать бранноносна,
 Конна ристанья по праву извѣстну.
 Кто межъ гостей здѣсь есть изъ иностранныхъ,
 Иль изъ живыхъ гдѣ суть люди на свѣтѣ,
 Царствъ чтò въ правлени, наукъ и художествъ,
 Во превосходствѣ съ нимъ могъ бы поспорить?
 Нѣтъ! не дерзнетъ ужъ никто, какъ онъ только,
 Бытъ возвеличенъ подвижниковъ въ ликѣ
 Благозвучащими пѣснями достойно.

Богъ твой покровъ, о Хиронъ!
 Нѣжно онъ бдитъ надъ тобою,
 Коль онъ не сниметъ впредь длань,
 Взыду на красный холмъ Кронувъ¹¹

И въ сладкогласнѣйшихъ кликахъ
Бѣгъ колесницъ воспою.

Муза меня окрыляетъ,
Какъ быстролетную стрѣлу:
Взнесся тотъ симъ, а сей онымъ¹²,
Ты же надъ всѣми вершина.
Шествуй же, въ доль не взирая,
Сей и всегда высокою:
Благо съ тобой жить мнѣ, витязь!
Грецію пѣсни освѣтятъ.

24

¹² ... Сицилы (Рукоп.).

¹ Переведена на Званѣ въ дополненіе къ первой *ниической пѣсни* (см. выше стр. 209): обѣ оды посвящены одному и тому же лицу, — Герону, королю сиракузскому; *олимпическая* воспѣваетъ побѣду его на конѣ, одержанную въ 77-ую олимпиаду. При этомъ переложеніи поэтъ слѣдовалъ опять преимущественно нѣмецкому переводчику Гедике; вѣроятно, въ рукахъ его былъ сверхъ того и подстрочный русскій переводъ: заключаемъ это по двумъ такимъ переводамъ *второй* олимпической оды, писаннымъ чужою рукой, которые мы нашли въ его бумагахъ: онъ конечно намѣревался перевести и эту оду, однакожъ болѣе не переводилъ изъ Пиндара.

Въ настоящей одѣ поэтъ восхваляетъ правосудіе и мудрость Герона и при этомъ обращается къ исторіи Пелопса, бывшаго нѣкогда царемъ Элиды, гдѣ праздновались олимпійскія игры. Замѣтимъ, что по словамъ Діодора, «Геронъ предавался скупости и самовластію и былъ далекъ отъ той правоты и честности, которыми отличался его братъ и предшественникъ, Гелонъ; потому многіе желали отложиться отъ него и превозмогли свое неудовольствіе только изъ уваженія къ памяти послѣдняго». Корысть царя, выражавшаяся въ налогахъ, которыми онъ обременялъ своихъ подданныхъ, была въ связи съ его щедростью къ поэтамъ: при дворѣ его жили Симонидъ, Пиндаръ, Бакхимедъ, Эпихармъ, Эскиль, Ксенофанъ и другіе. Пиндаръ находился въ Сиракузахъ въ то самое время, когда онъ писалъ первую олимпійскую пѣснь, — какъ это видно изъ нея. Эта ода назначалась къ пѣнію за столомъ царя. Пиндаръ — приверженецъ монархической власти и вельможъ; но онъ при этомъ вовсе не одобряетъ неблагородныхъ средствъ и несправедливости властителей въ обращеніи съ подданными; онъ замѣчаетъ недостатки своихъ царственныхъ друзей, не работѣпствуетъ передъ ними и среди похвалъ даетъ имъ совѣты и предостереженія; однакожъ онъ и порицаетъ ихъ съ такою искреннею любовью, съ такимъ достоинствомъ, что никогда не возбуждаетъ ихъ гнѣва (Гартунгъ Pindar's Werke, ч. I, стр. 182).

23*

Первая олимпійская ода переведена впоследствии и Мерзляковым *. Переводъ Державина стоилъ ему, какъ показываютъ рукописи, много труда и потребовалъ нѣсколько редакцій, изъ которыхъ первоначальныя были проще позднѣйшихъ. По принятому нами общему правилу, мы слѣдуемъ тексту изданія 1808 г., см. ч. II, LXXVI.

² ... Ты не ищи же торжествъ олимпійскихъ — т. е. торжествъ славнѣе олимпійскихъ. По учению Фалеса и нѣкоторыхъ другихъ философовъ, вода есть источникъ или основаніе всей матеріи. Смыслъ этой строфы такой: какъ вода превосходитъ всѣ стихіи, какъ золото — всѣ металлы и какъ солнце помрачаетъ всѣ звѣзды, такъ и олимпійскія игры выше всѣхъ другихъ (Об. Д. по Гедике). Выраженіе *пустыню воздушну* (Aetherwüste) близко къ подлиннику: небо какъ будто пустѣетъ, когда явится солнце и своими лучами затмитъ всѣ другія свѣтила.

³ Снемли съ стѣны сей дорійскую цитру и проч. Эпитетъ *дорійскій* означаетъ здѣсь музыкальный тонъ, самый торжественный и величественный, которымъ пѣлись оды въ честь боговъ и героев; другіе тоны были: іонійскій, лидійскій и фригійскій; ср. выше стр. 204. — *Конь побѣдоносный* соотвѣтствуетъ греческому имени скаковаго коня Перонова *Ферѣмхос* (Ференикъ); онъ былъ почти такъ же знаменитъ, какъ боевой конь Александра.

⁴ Лидскимъ Пелопсомъ селенны — т. е. села и города въ Пелопонесѣ, гдѣ въ героическое время господствовалъ Пелопсъ, приведшій туда поселенцевъ изъ Лидіи. Эта мысль подаетъ Пиндару поводъ перейти къ Пелопсу. «Посидонъ», говоритъ онъ, «нѣкогда любилъ его послѣ того, какъ Клото (одна изъ Паркъ) извлекла его изъ свѣтлаго котла за бѣлое плечо, украшенное слоновою костью». Припомнимъ басню о Пелопсѣ. Боги угостили отца его Тантала. Тотъ, желая отплатить имъ, пригласилъ ихъ къ себѣ и, чтобы подать имъ самое драгоценное яство, сварилъ тѣло своего сына. Одна голодная Деметеръ (Церера), не замѣтивъ обмана, съѣла плечо Пелопса; Зевсъ во-время догадался и велѣлъ бросить изрубленные члены назадъ въ котелъ, откуда Клото вынула его цѣлаго и живаго, давъ ему взамѣнъ съѣденнаго плеча новое изъ слоновой кости. Пиндаръ отвергаетъ эту сказку, какъ недостойную боговъ, называя ее прямо, въ слѣдующей строфѣ, басней и ложью, и намѣсто ея рассказываетъ другое, что, по его словамъ, не согласно съ прежнимъ преданіемъ и никѣмъ еще не было пѣто. *Ситиль* — гора и городъ при подошвѣ ея въ Лидіи, столица Тантала. По Пиндару, Пелопсъ былъ взятъ съ пира Посидономъ; послѣдній на золотой колесницѣ увезъ его въ Зевсовъ чертогъ для исполненія обязанности чашника, которую уже прежде исполнялъ Ганимедъ. *Котель*, преслав. — котелъ.

⁵ Жалкій страдалецъ, межъ трехъ онъ четвертый. Боги, согласясь посѣтить Тантала, но гнушаясь земною пищею, при-

* Начало ея переведено также въ *Ученіи для вкуса и разума*, ч. I, въ статьѣ о лирическомъ стихотворствѣ.

несли съ собой нектаръ и амбросію; Танталъ не могъ удержаться, чтобы не похитить часть небесной свѣды: вотъ вина его. О казни Тантала разсказывается различно. Пиндаръ представляетъ ее несходно съ обыкновеннымъ миеомъ; то же представленіе встрѣчается однакожъ и у другихъ поэтовъ: по Пиндару, Танталъ безпрестанно старается оттолкнуть отъ своей головы висающую надъ нимъ скалу, готовую раздавить его, но тщетны его усилія. Три товарища его въ мученіяхъ были: Сизифъ, Титій и Иксіонъ.

⁶ Дщерью владѣльца Олимпій.

Олимпія — городъ области Элиды, гдѣ совершались славныя игры (о формѣ *Олимпій* см. между прочимъ томъ I, стр. 90). Прекрасная *Иплогдэма* была дочь царя Инома, или Ойнома (Ὀϊνομάς — а не *Аммона*, какъ называетъ его Державинъ). Ему было предсказано оракуломъ, что тотъ, кому достанется Гипподамія, будетъ виновникомъ его смерти. Иномай общалъ ее тому, кто побѣдитъ его въ ристаніи, но побѣжденный имъ женихъ, лишаясь ея руки, вмѣстѣ съ тѣмъ былъ умерщвляемъ отцомъ. Иномай сажалъ жениха въ одну колесницу съ дочерью и отправлялъ ихъ впередъ; потомъ онъ пускался вслѣдъ за ними и, догнавъ колесницу, бросалъ копьё въ ристателя. Такъ онъ убилъ уже тринадцать (не *тридцать*, какъ у Державина) жениховъ, изъ головъ которыхъ хотѣлъ построить храмъ Аресу. Но Пелопсъ, вспомоществуемый своимъ покровителемъ Нептуномъ и ободряемый самой Гипподамией, одержалъ побѣду и получалъ руку Гипподаміи.

⁷ Скрой въ Элизей и меня ты съ собою.

У Гедике: «Sende mich auf dem schnellsten deiner Wagen nach Elis, dass ich durch dich den Sieg mir erjage», т. е. «отправь меня на самой быстрой изъ твоихъ колесницъ въ Элиду, чтобы я чрезъ тебя достигъ побѣды», что близко и къ подлиннику.

⁸ Коней золотыхъ съ колесницей.

У Пиндара: колесницу золотую съ быстрокрылыми, неутомимыми конями (Об. Д.).

⁹ И утѣшаетъ насъ снова.

Здѣсь темнота произошла вслѣдствіе неясности подлиннаго текста въ этомъ мѣстѣ, которое переводчики передаютъ различно. У Гедике: «Ist auch eine der Menschenfreuden grösser als die, die jeden Morgen zügckkehrt? — есть ли человѣческая радость выше той, какая всякое утро возвращается?» У Гаргунга же: «Heiterer Sonnenschein aber erhellt dann wohniglich des Siegers Lebenspfad — веселое сіяніе солнца освѣщаетъ благодатно жизненную стезю побѣдителя». У Мерзлякова совершенно произвольный переводъ.

¹⁰ Пѣсню зольской . . .

т. е. изъ Фивъ, родины Пиндара, гдѣ въ древности жили Эолийцы (Об. Д.).

¹¹ Взыду на красный холмъ Кроновъ.

У Гедике холмъ Кропіона (т. е. Зевса): «Этотъ холмъ былъ не вдалекѣ отъ олимпійскаго ристалища, такъ что съ него можно было смотрѣть на игры.»

¹² Внесся тотъ смѣль, а сей онымъ.

У Гедике: «Hiehin schwingt einer der Menschen, dorthin der andre sich auf, Aber den Fürsten thürmt sich der höchste Gipfel empor», чему, хотя не совсѣмъ близко, соответствуетъ у Мерзлякова:

«Судьба назначила всѣмъ разные удѣлы:
Самъ царственный вождя предъ всѣми вознесенъ».

126. ПОХОДЪ ОЗИРИДА ¹.

Алое облако сходитъ, 1
Свѣтъ озлащающе весь;
Оку и слуху низводитъ
Блески и звуки небесъ.

Что за видѣнье?

Чувствъ упоенье

Душу влечеть!

Новый ли идетъ на землю то годъ?

Или толь свѣтлаго вида 2

Духъ созерцательный мой

Юнаго вновь Озирида

Видитъ, какъ идетъ войной

Въ бой на гienу,

Миромъ вселенну

Всю побѣдить,

Дней въ ней златыхъ сады насадить?

Вслѣдъ его Музы 3

Идутъ, поютъ;

Вязь цвѣтовъ, узы,

Легку кладутъ

Цѣпь на народы,

Царствъ на главы.

Пней хороводы ²,

Кочки, совы

Вкругъ ихъ толпятся

Счастья въ залогъ:

Сонмомъ ложатся

Подлѣ у ногъ.

Или то Фивъ лучезарный, 4

Милый богъ свѣта идетъ?

Стрѣль за спиной быстроногій

Тулъ онъ гремящихъ несетъ:

Двурожецъ въ рукахъ³,

Огнь быстрый въ очахъ,

Гнѣвъ на челѣ;

Ищетъ Тифона онъ страшнаго въ мглѣ,

Видить — и вмигъ натягаетъ

5

Вербю кленову стрѣлу;

Вержетъ — и рогъ содрогаеть,

Воетъ струна — и во мглу

Лучъ улетаетъ,

Свищетъ, сверкаетъ,

Съ трескомъ разить

Грудь остріемъ, — сталь чешуйна звенить.

Кровь по хрупчату

6

Бьется песку;

Злобу зубату,

Адску тоску

Льетъ князь тмы зѣвомъ,

Крылья и хвостъ

Бьетъ, — и пыль съ ревомъ

Когтьми дереть;

Ядъ потаенно

Блещетъ, шипить,

Фивъ зрить презрѣнно;

Лукъ лишь гремитъ.

Или то царь златокудрій,

7

Доблій мой вождь, полубогъ⁴,

Рождшись что Сѣвера бури,

Въ люлькѣ, морозы возмогъ,

Дунувъ зэфиромъ,

Возря сапфиромъ,

Вмигъ укротить,

Красное солнце къ веснѣ возвратить?

Вѣрно онъ, съ Фивомъ толь схожій

8

Пурпуромъ, свѣтлымъ лицомъ,

Ростомъ, осанкой пригожій,

Бѣлымъ на шлемѣ перомъ, —

Онъ, кому Генъи

Всѣ въ восхищеньи
Слили дары,
Я кого пѣлъ, — днесь ставить шатры!

Дажь ему Небо
Злость побѣдить,
Дланими Феба⁵
Миръ умирить,
Силы вѣсами
Царства сравнять,
Домъ свой лучами
Славы обнять!
Я Полимнію
Въ ликъ соглашу;
Пѣснями Россію
Всю освѣщу.

9

¹ Во время первой войны съ Наполеономъ императоръ Александръ рѣшился ѣхать въ Берлинъ, чтобы склонить Пруссію оставить свой нейтралитетъ и пропустить русскія войска чрезъ ея владѣнія. Онъ выѣхалъ изъ Петербурга 9 сентября, и на этотъ-то случай написано настоящее стихотвореніе. Отъѣздъ Государя къ арміи считался событіемъ чрезвычайнымъ, ибо въ продолженіе 80-ти лѣтъ, протекшихъ отъ кончины Петра Великаго, русскіе императоры не являлись на войнѣ (Мих.-Данилевскій, *Опис. первой войны* и проч., Спб. 1844, стр. 67).

Напеч. въ первый разъ безъ подписи въ *Любитель словесности* (Остолюпова) 1806 г., № 1, стр. 6; потомъ въ изд. 1808, ч. II, слх.

² Пней хороводы и проч. —

т. е. дикіе непросвѣщенные народы, которые, покоряясь музамъ, признали надъ собой власть Озирада, или Солнца (*Об. Д.*).

³ Двурожецъ въ рукахъ —
лукъ съ изогнутыми концами.

⁴ Доблій мой вождь, полубогъ.

Намекъ на оду *Съ бѣлыми Борей власами* (томъ I, стр. 50; ср. тамъ же стр. 361).

⁵ Дланими Феба.

Фебъ = Фивъ (по извѣстному произношенію греческаго Φοῖβος).

127. ГЛАСЬ САНКТПЕТЕРБУРГСКАГО ОБЩЕСТВА¹.

Небесъ зеркало, въ коемъ ясный
Мы видимъ отблескъ Божества,
О! ангелъ нашихъ дней прекрасный,

1

Благого образъ Существа,
 Который, какъ весна, сапфиромъ
 Глядитъ на насъ, дышитъ зефиромъ
 И багрянницей зарь, цвѣтовъ,
 Отъ дальнихъ странъ благоухаетъ,
 Насъ помнить, любить, угѣшаетъ,
 Взаимну въ насъ родя любовь!

Любовь любимаго народа, 2
 Се перло царскаго вѣнца!
 Не санъ, не клятва, не порода
 Творять отечества отца, —
 Любовь. Она всё царства зиждетъ:
 Велитъ горѣ — и съ мѣста идетъ;
 Речеть — и тихнетъ шумъ морей,
 Ты зришь днесъ самъ на ратномъ полѣ,
 Чѣмъ всѣхъ царей ты въ свѣтѣ болѣ,
 И чѣмъ народъ твой всѣхъ храбрѣй.

Странъ чуждыхъ хвально чтить искусство 3
 И, ихъ любя, благотворить;
 Но Росса сердце, сына чувство,
 Отецъ! чѣмъ можешь замѣнить? —
 Пусть предають полки тамъ грады²;
 Но мы, мы всё тебѣ ограда:
 Ты только будь у насъ главой.
 Какъ богъ, въ подобьи исполина
 Шагни, — и свѣта половина
 Другая будетъ подъ тобой.

Мы слышимъ, полнъ къ тебѣ любовью, 4
 Летитъ тамъ Россъ на трубный гласъ
 И увѣнчался уже кровью;
 Но дѣти есть еще у насъ:
 Возьми ихъ всѣхъ и насъ на жертву,
 И прежде ты Россію мертву
 Узришь всю трупомъ предъ собой,
 Чѣмъ измѣнимъ тебѣ и вѣрѣ,
 Смѣняемъ Ормъ, польстя химерѣ³,
 Отцовъ съ доскою гробовой.

Пусть вождь, тиранъ тамъ гордый, бранный, 5
 Средь хитростей своихъ, коварствъ,

Куеть мечи и умыслъ тайный
 Плететь на плѣнь сосѣднихъ царствъ;
 Но ты, владѣтель бывъ полсвѣта,
 Благодворящая планета
 Обширныхъ странъ и тьмы сердець,
 Не посягнешь безъ нуждъ на брани:
 Тебѣ пріятнѣе нѣтъ дани,
 Какъ миротворческій вѣнецъ.

Коль подвигъ славенъ, благороденъ,
 6
 Чтобы враждующихъ смирять!
 Но коль великъ, богоподобенъ,
 Чтобъ царства падши поднимать! —
 Посредникъ плачущей Европы!
 Отъ Чукчей въ знойны Еюіопы,
 Какъ огонь, сверкнетъ твой славы громъ.
 Мы видимъ: небо растворилось,
 И надъ Петрополемъ явилось
 Царей сословье, звѣздный сонмъ.

Межъ ними Петръ, Екатерина
 7
 (О, Россамъ радостный соборъ!)
 «Благопріятна намъ судьбина,»
 Петръ рекъ, къ нимъ ослабляя взоръ:
 «Трудовъ мы сколько прилагали,
 Чтобъ Европейцы насъ узнали
 И допускали въ ихъ союзъ:
 Теперь праправнукъ торжествуетъ,
 Престоламъ равный вѣсь даруетъ
 И бережетъ ихъ всѣхъ отъ узъ.»

Какъ святъ восторгъ душъ горныхъ, радость,
 8
 Что видятъ насъ на сей чредѣ!
 Подруга истины есть храбрость,
 Мзда добродѣтель по трудѣ.
 Они насъ всѣ благословляютъ,
 Во Александра духъ вливаютъ
 Миръ общій, вѣчный міру дать⁴.
 Цари колѣни преклоняють,
 Народы, царства прибѣгаютъ
 Стопы спасителя лобзать.

Россія нынѣ, какъ невѣста,
 9

Ждетъ съ брачнымъ жениха вѣнцомъ,
 Повсюду ищетъ время, мѣста,
 Чтобы навѣдаться о немъ:
 То клонить слухъ, то высить взоры,
 То всходить на высоки горы
 Зрѣть солнца своего восходъ.
 Тебя такъ Сѣверъ ожидаетъ,
 Твоей блескъ тѣни примѣчаетъ:
 Приди свой радовать народъ!
 Предстань, любезнѣйшій, народу,
 Какъ рекъ, любезному тебѣ;
 Воздвигни къ торжеству природу
 Ты всю во срѣтенье себѣ:
 Оймьямы въ храмахъ воскурятся,
 Чертоги славой озарятся,
 И нашъ воспламенится духъ.
 О, еслибъ въявь онъ засвѣтился!
 Въ подобномъ блескѣ бъ ты явился,
 Какъ Тотъ, Кто править солнцевъ кругъ.

10

¹ Написано по поводу рескрипта императора Александра I с-петербургскому военному генералъ-губернатору Вязмитинову, гдѣ Государь по возвращеніи изъ арміи выразилъ жителямъ столицы свое благоволеніе за ихъ «усердныя отзвы и добрыя желанія», какъ говоритъ Державинъ въ своихъ *Объявленіяхъ*. «Поелику», прибавляетъ онъ, «Государь возвратился не весьма съ радостными вѣстями и не ожидалъ усерднаго отъ публики приему, то ему изображеніе чувствъ въ сей одѣ весьма было пріятно.» Аустерлицкое сраженіе было 20 ноября, а 27 императоръ Александръ, простившись съ королемъ прусскимъ, поѣхалъ изъ Голича въ Петербургъ (Мих.-Данилевскій).

Напечатано отдѣльно два раза (въ четвертку, безъ означенія года) подъ заглавіемъ: *Гласъ санктпетербургскаго общества по случаю высочайшаго благоволенія, объявленнаго ему главнокомандующимъ ноября 29 дня*. При одномъ изъ этихъ двухъ изданій находится противъ текста нѣмецкій переводъ въ стихахъ, подписанный: Carl Woldemar von Brümmer. Въ бумагахъ поэта попался намъ и рукописный французскій переводъ въ прозѣ. — Въ изд. 1808 г. см. ч. II, лх.

² Пусть предають полки тамъ грады.

Носились слухи, что Австрійцы измѣною предали Французамъ многіе города (Об. Д.).

³ Смѣняемъ Ормъ, польстя химерѣ —

т. е. чѣмъ промѣняемъ отечество за какія бы ни было сокровища: Ормъ — Персидскій заливъ, обильный жемчугомъ (Об. Д.).

⁴ Миръ общій, вѣчный міру дать.

«Авторъ думалъ, что Государь, имѣвшій столь храброе и многочисленное войско, конечно миръ Европѣ доставитъ, но Богу того не угодно было» (Об. Д.). Слова, замѣчательныя по времени, когда они были сказаны (1809 г.)*, такъ же какъ и слѣдующее примѣчаніе къ стиху: Какъ миротворческій вѣнецъ: «Авторъ думалъ, что нѣтъ приличнѣе достоинства и славы для Императора россійскаго, какъ быть миротворцемъ Европы».

* Припомнимъ, что въ этомъ году Державинъ диктовалъ свои *Объясненія*.

128. НА БАГРАТІОНА ¹.

1806.

О, какъ великъ На-поле-онъ ^а!
Онъ хитръ и быстръ и твердъ во брани;
Но дрогнулъ, какъ простеръ лишь длани
Къ нему съ штыкомъ Бог-раті-онъ.

^а Кричатъ, что Бонапартъ есть новый Марсъ во брани;
Всѣ удивленія ему приносятъ дани.

Пришелъ Русакъ *Бог-рати-онъ*
И показалъ, каковъ *На-полм-онъ* (1805).

¹ Въ продолженіе заграничнаго похода въ 1805 году князь Петръ Ивановичъ Багратіонъ, находясь въ арьергардѣ Кутузова, успѣлъ отличиться многими подвигами и приобрѣлъ громкую славу въ Россіи. Послѣ заключенія пресбургскаго мира онъ 19 января 1806 г. прибылъ въ Петербургъ, а во второй половинѣ слѣдующаго мѣсяца его ждали въ Москву. «Толковали, какимъ бы лучше образомъ сдѣлать ему торжественный приѣмъ», говоритъ Жихаревъ. По его же свидѣтельству, въ Москвѣ ходили въ то время по рукамъ эти стихи Державина (*Зап. Соврем.*, стр. 280, 308 и 327). Въ первоначальной редакціи (см. выше варианты) они были напечатаны въ *Дружъ Простыщенія* 1805 г. (№ XII, стр. 232) вслѣдъ за слѣдующимъ чепырестигишемъ:

Ко удивленію вселенной
Багратіонъ явилъ, что онъ прямой Русакъ:
Броней мѣдною отъ Марса покровенный,
Не могъ онъ никогда рассыпаться какъ *Макъ*.

Потомъ стихи тѣ были напечатаны крупнымъ шрифтомъ на особомъ листѣ (Имп. Публ. Библ. и Акад. Библ., *Разныя соч.*). Вслѣдствіи появились они въ *Благодѣятели* за февраль 1818 года (стр. 278) при письмѣ Д. Кн. изъ Вѣны отъ 1 января, въ которомъ между прочимъ сказано: «Кто не помнитъ прекрасныхъ стиховъ Г. Р. Державина на случай побѣды,

одержанной надъ Бонапарте княземъ Багратиономъ? Въ одномъ изъ новейшихъ вѣмецкихъ журналовъ помѣщено слабое подражаніе онымъ на богемскомъ языкѣ, написанное еще въ 1813 году. Вотъ оно:

*Na pole on Cysar chodiwal, a bil se, a wyhral:
Przez rok wyhrali ne bude na pole on.*

Переводъ: «Въ поле вышелъ императоръ и сражался и побѣждаетъ, но на слѣдующій годъ не будетъ болѣе побѣждать *на поле онъ*».

Наконецъ эти же стихи перепечат. въ *Сѣв. Лч.* 1848, № 100, при статейкѣ И. Б. (Быстрова).

Къ стихамъ Державина издатель *Благодѣтельную* присовокупилъ прижѣваніе: «Въ то же самое время и на сей же самый случай написать кто-то еще слѣдующіе четыре стиха:

Дунуль вѣтръ бурный, рушить препону,
Рветъ всѣ преграды *на поле онъ!*
Русскій поставилъ грудь въ оборону,
Кто сей могучій? — *Богъ рати отъ.*

«Послѣдній стихъ, кажется, лучше нежели у Гавриила Романовича.»

129. Г. ОЗЕРОВУ НА ПРИПИСАНІЕ ЭДИПА ¹.

Витія, кому Мельпомена,	1
Надѣвъ котурнъ, дала кинжалъ,	
А Сѣверъ, какъ лавромъ, изъ клена	
Вѣнцомъ зеленымъ увѣнчалъ	
Блестяще чело!	
О ты, что собою представилъ ²	2
Софокла съ Оссіаномъ вдругъ ² ,	
Въ Эдипъ, намъ въ Бардахъ прославилъ ⁶	
Расиновъ, Кребильионовъ духъ,	
Дѣвъ слезъ ремесло!	
Коль жалость и ужасъ вдыхаешь,	3
И жжешь ты хладныя сердца;	
Съ глазъ токи, съ душъ вздохи сзываешь,	
Напрасно чтить во мнѣ пѣвца ³ ,	
Но демственникъ ты ³ .	
Ты Музъ алтарей тѣхъ служитель,	4
Которыхъ чудотворный гласъ —	
Народной толпы просвѣтитель	
Скорѣй чрезъ театръ, чѣмъ Парнасъ:	
Ты — огонь съ высоты,	

Огнь, что, изъ мрака сверкая,
Зміями рѣжетъ сквозь зѳирь,
Но Лель съ струнъ тѣсныхъ порхая,^г
Мой чуть звеня, какъ въ зной зефиръ
На вѣжды сонъ леть.

5

Иль могъ коль съ Пиндаромъ героѳство,
Съ Гораціемъ я сладость лить:
То можетъ во гробѣ потомство
И блескъ вельможъ мнѣ удѣлитъ:
Тамъ лавръ мой возрастетъ,

6

^а ... собой усыновилъ (Черн. рукоп.).

^б ... присвоилъ.

^в То тщетно во мнѣ находишь пѣвца, —
Демственникъ ты!

^г Пѣсни жъ мои, съ лиры порхая,
Могутъ звенѣть въ зной, какъ зефиръ,
Что сонъ къ намъ ведетъ.

Если жъ гдѣ доблестей свойства
Могъ Россамъ гдѣ сѣять я въ грудь,
Быть можетъ, въ исторѳи потомства
И блескъ средъ вельможъ мнѣ дадутъ.

¹ Это отвѣтъ на слѣдующее посвященіе, съ которымъ и издана трагедія *Эдипъ въ Ломнолѣ*, представленная въ первый разъ 23 ноября 1804 года: «Г. Р. Державину. Посвящая вамъ сію трагедію, я приношу мой даръ не тѣмъ достоинствамъ, кои возвели васъ на высокія степени въ государствѣ. Пусть безпристрастное потомство судитъ ваши подвиги на службѣ отечества: авторъ *Эдипа* желалъ только принести дань удивленія и восторга тому великому генію, который явилъ себя единственнымъ соперникомъ *Ломоносова* и съ выспреннымъ пареніемъ *Пиндара* умѣлъ соединить философію *Горація* и прелестную игривость *Амакреона*; который своимъ перомъ, смѣлымъ и животворнымъ, представилъ природу въ красотахъ ея и ужасѣ и царницу *кирмызь-кайсакской орды* изобразилъ кистію *Рафаэля*. Вдохновеннымъ пѣснямъ вашей музы, величественнымъ какъ стройное теченіе вселенной, плѣнительнымъ какъ свѣтлый *кюль Гребенескій*, быстрымъ, блистательнымъ какъ *водопадъ Суны*, поучительнымъ какъ смерть, современница мировъ, и бессмертнымъ какъ герои, предметы хвалы вашей, я обязанъ живѣйшими наслажденіями въ жизни; я, можетъ быть, сіянію вашей славы буду обязанъ я спасеніемъ труда моего отъ мрака забвенія. Для меня и то уже послужить достоинствомъ въ потомствѣ, когда скажутъ, что авторъ *Эдипа* умѣлъ почитать геній *Державина*.»

О впечатлѣніи, какое произвела на публику эта трагедія при своемъ появленіи, можно судить между прочимъ по отзыву Жихарева (*Зап. Соерем.*, стр. 160). О томъ же см. письмо Державина къ Оленину отъ 25 ноября 1808 г. въ VI томѣ нашего изданія. Стихи Державина служатъ отго-

доскомъ общаго мнѣнія. Были однакожь люди, кося смотрѣвшіе на возникавшую славу молодаго трагика; впереди ихъ стоялъ Шишковъ, встрѣчавшій недоброжелательно всякое новое дарованіе. Подъ его вліяніемъ скоро разстроились добрыя отношенія обоихъ поэтовъ. Державинъ отзывался не совсѣмъ благопріятно о произведеніяхъ Озерова; раздражительный Озеровъ * приписывалъ это зависти отъ безсилія написать что-либо подобное. Державинъ, желая доказать противное, сталъ сочинять трагедіи. Такъ самъ онъ въ своихъ *Обмислѣхъ* откровенно сознаетъ первоначальную причину, побудившую его вступить на поприще драматической поэзіи.

Посланіе къ Озеру отправилъ онъ при слѣдующемъ письмѣ, найденномъ нами вчернѣ на оборотѣ рукописи этихъ стиховъ: «Извиняюсь, что умедлил я благодарить васъ за приписаніе мнѣ вашего Эдипа; причиною тому, что нѣкоторое общество пріятелей, предпріявъ разсмотрѣть сіе твореніе, думало примѣтить несравненныя всѣ красоты его и нѣкоторыя погрѣшности: то и хотѣлъ оное сообщить вамъ при сихъ моихъ стихахъ, какъ зналъ истиннаго моего доброжелательства и признанія изыскаго таланта вашего. Но поелику трудъ тотъ замѣшкался и не знаю, скоро ли кончится, то, предоставляя себѣ впредь послать къ вамъ оный, препровождаю теперь изображеніе чувствъ моихъ.» Однимъ изъ главныхъ лицъ въ упоминаемомъ здѣсь обществѣ пріятелей былъ конечно Шишковъ.

Слѣживъ эти строки съ глубоко-почтительнымъ письмомъ Озерова, мы легко поймемъ, что онъ, прождавъ долго отвѣта, не могъ быть доволенъ ими и что они положили начало охлажденію между нимъ и Державинимъ.

Ср. стихи Капниста къ Озеру по поводу представленія Эдипа, въ первый разъ напечатанные въ *Сѣв. Вѣстникѣ* 1805, ч. VI, № 5, стр. 190; въ *Соч. Капниста*, Смирд. изд., см. стр. 487. Извѣстіе о первомъ представленіи этой трагедіи — въ *Сѣв. Вѣстникѣ* ч. IV, стр. 217.

Стихи Державина *Озеру* были написаны 26 февраля. Напеч. въ изд. 1808 г., ч. II, LXI.

² Софокла съ Оссіаномъ вдругъ и проч.

Изъ Оссіана взять сюжетъ *Финтала*; эту трагедію Державинъ называетъ *Бардами*.

³ Но демственникъ ты, —

т. е. пѣвецъ — отъ «демственнаго пѣнія», введеннаго къ намъ изъ Греціи (Об. Д.).

* «Чувствительность его сразила» сказалъ Жуковский объ Озеровѣ. Кстати, передадимъ здѣсь слышанное нами отъ покойнаго графа Блудова о концѣ нашего трагика, — его двоюроднаго брата. Озеровъ, уже въ чинѣ генералъ-маіора, служилъ совѣтникомъ въ глѣсномъ департаментѣ (по министерству финансовъ) и терпѣлъ большія непріятности отъ своего начальника, управлявшаго министерствомъ, государственнаго казначея Федора Александровича Голубцова. Дѣло кончилось тѣмъ, что въ 1808 году Озеровъ былъ уволенъ вовсе отъ службы, безъ всякой оговорки и безъ пенсіи. Онъ уѣхалъ въ деревню и тамъ, предавшись своему горю, впалъ въ умственное разстройство, въ которомъ и умеръ въ концѣ 1816 г. По словамъ гр. Блудова, Озеровъ родился въ одинъ годъ съ Наполеономъ I — 1769.

130. ЭРОДИЙ НАДЪ ГРОБОМЪ ПРАВЕДИЦЫ '.

Въ далекой, но единовѣрной 1
 Парить Эродій мой странѣ;
 Унылый, жалобный, плачевный,
 Его кликъ огнь льетъ въ сердце мнѣ.
 Что за восторгъ благочестивый,
 О, врагъ змиевъ храмолюбивый!
 Вдыхаетъ мнѣ сей твой полетъ?
 Я вижу за волнами волны:
 Славяно-Россовъ родъ сокровный,
 Какъ сонмы водъ, течетъ въ твой слѣдъ.

Я вижу нѣкую простую 2
 И неизвѣстну въ свѣтѣ весь, —
 Надъ малой церковью тѣнь густую,
 Вокругъ нависшій юный лѣсъ
 Оливъ, миртъ, лавровъ благовонныхъ,
 И пѣсней сладостныхъ, духовныхъ
 Тамъ тихій раздается стонъ;
 Но златомъ не горда гробница.
 Се что? — Не скрыта ль тутъ царица,
 Сіявшая въ лучахъ коронъ?

Нѣтъ! — ангель тутъ уснулъ тѣлесный, 3
 Сотрясшій тлѣна суеты,
 Добротъ прозябшій кринь небесный
 Души и тѣла красоты,
 Предъ коимъ всѣ сіянья міра,
 Богатства, почести, порфира,
 Какъ предъ луною мрачна дебрь.
 Зри: блещетъ весь, цвѣтетъ пустыня;
 Почіетъ въ Богѣ тутъ богиня,
 Жена, сестра монарха, дщерь!

И запахъ льетъ ужъ лавръ зеленый 4
 Во знакъ побѣды красотой;
 Оливы — нравы что смиренны;
 А мирты — что любви душой
 Къ супругу своему горѣла,
 Сердцами поданныхъ владѣла;
 А тѣсный храмъ — чтобъ въ твердь неслись

Молитвы изъ него лишь вѣрныхъ,
 Не слышались бы лицемѣрныхъ,
 И волки съ агницы не паслись².

Прочь, Фурья зависти, отъ гроба³
 Блаженной, и не смѣй взглянуть
 Ты на него, когда внутрь злоба
 Твою терзаетъ тайно грудь!
 Виждь: ангель, въ небо возносяся,
 Со облакъ долу преклоняся,
 Простивъ тебя, благословить;
 На мать склабясь, сестрѣ и братьевъ,
 Средь бабки и отца объятьевъ,
 Отмищать за грѣхъ твой не велить.

6

Теките жъ къ праведницы гробу,
 О Влахъ и Сербъ, близнецъ Славянъ!
 И, презря сокровенну злобу,
 Ея лобзайте истуканъ,
 Клянясь предъ всемогущимъ Богомъ
 Симъ намъ и вамъ святымъ залогомъ,
 Что нѣкогда предъ нимъ вашъ мечъ
 Въ защиту вѣры обнажится,
 Черезъ рвы и горы устремится
 Васъ къ стаду нашему привлечь.

6

Какъ урны глиняны, скудельны,
 На круговратной зиждясь дскѣ,
 И зданья, буйно вознесенны
 На рыхлосыпчатомъ пескѣ:
 Такъ точно всѣ черезъ коварства
 Распространившіяся царства
 И кознями славныя страны
 Въ коротко время разрушатся,
 Страстьми своими сокрушатся,
 И слѣдъ ихъ будетъ мѣстомъ тмы.

7

Займутъ престолъ цари другіе;
 Ихъ скиптры къ ихъ врагамъ перейдутъ;
 Замышленные ковы злые
 На ихъ самихъ главы падутъ;
 Расторгнется и возмутится,
 Въ пустыняхъ дикихъ водворится

8

Обманчивый, невѣрный родъ;
 Но честь и вѣрность сохраняяй,
 По правдѣ, вѣрѣ побораяй,
 Великъ всегда, блаженъ народъ!

Великъ, кто на войнѣ кровавой
 Стоялъ, неустрашимъ душой;
 Одинъ противу тьмы за славой
 Летѣлъ — и умеръ, какъ герой!
 Великъ, кто въ узахъ и въ неволѣ
 Былъ столь же твердъ, какъ въ ратномъ полѣ⁴,
 И предъ тираномъ ницъ не легъ;
 На даръ, на ласки негодуя,
 Надъ голодомъ, жаждой торжествуя,
 Отечеству быть вѣрнымъ могъ.

Вы видѣли при Остерлицахъ⁵,
 Въ чьихъ адъ и въ чьихъ былъ Богъ сердцахъ!
 На вашихъ люта Смерть границахъ,
 Побѣду вѣся на вѣсахъ,
 Едва ль кому вѣнецъ вручила:
 Но Сѣвера не пала сила,
 Ни вѣра, ни любовь къ царямъ:
 Врожденно Русскимъ есть геройство,
 И ваше намъ подобно свойство;
 Однимъ бы солнцемъ грѣться намъ!

Не раздѣляетъ тѣхъ пространство,
 Въ комъ кровь и умъ и духъ одинъ:
 Славяно-русско-сербско царство —
 Одинъ со Венгромъ исполнѣнъ;
 И праведны ли тѣ уставы,
 Чтобъ насъ лишать одной державы?
 Межъ братьевъ нерушимъ союзъ:
 Гробъ Александры вокругъ цвѣтами
 Осыпавъ и оплакавъ съ нами,
 Еще ли вы средь чуждыхъ узъ?

Поутру серебряно-огнисты
 Какъ блещутъ капли на цвѣтахъ,
 Ея духъ въ радугахъ, зрю, чистый,
 Сверкнувъ Моравы на поляхъ,

9

10

11

12

Сраженья мѣсто іосѣщаетъ,
 Надъ Россовъ тѣхъ костями вздыхаетъ,
 Кто мужественно пролилъ кровь,
 И, осыпая ихъ росами,
 Зритъ свѣтлыми на васъ зарями,
 Что вы являли къ намъ любовь.

Мы не забудемъ благодарность⁶ 13
 И чувствъ нѣжнѣйшей дружбы къ вамъ;
 Ни время не затмитъ, ни дальность
 Благодарнїй вашихъ намъ:
 Извѣстны матери, какъ въ раны
 Ихъ чадъ вы тщились лить бальзамы
 И огонь устъ влагой утолять;
 Отцы — какъ души ободряли
 Младыхъ героевъ и внушали
 За славу бѣдства презирать.

Храмъ, твердымъ мужемъ соруженный,
 И благочестїя алтарь, 14
 Правдивой вѣрой озаренный!
 Стой всѣхъ до померцанья зарь
 Подобно неподвижну холму,
 И къ святу праведницы дому
 Любящихъ святость собирай:
 Ты жь, стражь его, Музь другъ, Музовскїй!
 О житель Венгріи, сынъ росскїй!
 Единомысліе впередъ.

¹ Написано (3 марта) на преждевременную кончину молодой и прекрасной великой княгини Александры Павловны. О бракѣ ея съ эрцгерцогомъ Іосифомъ, палатиномъ венгерскимъ, см. выше стр. 192. Городъ Офенъ сдѣлался ея мѣстопребыванїемъ; своєю кротостью, челоувѣколюбіемъ, простотою обращенїя, наконецъ прелестью всего существа своего русская царица вскорѣ снискала на чужбинѣ всеобщую народную любовь. Но это-то самое и поставило ее въ невыносимое положенїе, возбудивъ противъ нея ненависть вѣнскаго двора и особенно первой супруги Франца II, завистливой, коварной, исполненной религіознаго фанатизма Терезы. Ни горячая любовь добраго и просвѣщеннаго мужа, ни высокїй санъ его не могли оградить ее отъ преслѣдованїй вражды и отъ горькихъ униженїй. Находясь въ Вѣнѣ, незадолго передъ роковымъ для нея разрѣшенїемъ отъ бремени, она помѣщена была въ уединенномъ домикѣ въ углу шебруннскаго сада и терпѣла лишенїя даже въ столѣ своемъ, такъ

что духовникъ ея, отецъ Самборскій *, самъ приносилъ ей съ рынка рыбу, которую ей потомъ готовила дочь его. Младенецъ, родившійся скоро послѣ возвращенія Александры Павловны въ Офенъ, прожилъ только нѣсколько часовъ, а черезъ девять дней скончалась и сама великая княгиня, въ глубокой скорби своего супруга и всего венгерскаго народа. Какъ обыкновенно бываетъ въ такихъ случаяхъ, эта неожиданная смерть возбудила множество толковъ: ее приписывали разнымъ причинамъ; особенно распространилась молва объ отравѣ. Время не разъяснило тайны: при нѣжномъ сложеніи молодой палатины, при вынесенныхъ ею огорченіяхъ, ее легко могла постигнуть и естественная смерть. Но ненависть къ русскому имени и изувѣрство не успокоились и послѣ того. Великую княгиню задумали похоронить при участіи римскаго духовенства; когда же Самборскій воспротивился тому, хотѣли перевести ея тѣло ночью, безъ всякихъ почестей. Самборскій назначалъ для ея останковъ мѣсто въ саду, подаренномъ ей палатиномъ; вѣнскій дворъ напротивъ предлагалъ помѣстить ея прахъ подъ капуцинскую церковь въ смрадномъ

* Протоіерей Андрей Аванасьевичъ Самборскій, род. въ 1783 г., болѣе сорока лѣтъ жизни провелъ на службѣ при миссіяхъ нашего двора въ чужихъ краяхъ. Онъ началъ это поприще въ Лондонѣ и здѣсь считалъ одною изъ своихъ первыхъ обязанностей помогать совѣтами и указаніями русскимъ путешественникамъ. Особенно старался онъ знакомить ихъ съ состояніемъ земледѣлія и мануфактуръ въ Англіи, отличающаго свѣдѣніями въ сельскомъ хозяйствѣ и фабричныхъ производствахъ. Въ 1781 г. онъ, по избранію императрицы Екатерины II, сопровождалъ въ путешествіи по Европѣ великаго князя Павла Петровича и супругу его, а въ 1785 былъ назначенъ законоучителемъ, наставникомъ въ англійскомъ языкѣ и духовникомъ къ великимъ князьямъ Александру и Константину Павловичамъ, и тогда-то вѣроятно устроилъ въ Александровкѣ, близъ Павловска, тотъ садъ съ храмомъ царевича Хлора, о которомъ мы уже упомянули въ I-мъ томѣ (стр. 93); позднѣе онъ исполнялъ тѣ же обязанности при великихъ княжнахъ. Въ 1788 г. получилъ онъ мѣсто протоіерея при Софійскомъ соборѣ (подъ Царскимъ Селомъ). Въ 1797 году онъ былъ избранъ въ члены экспедиціи государственной экономіи, опекунства иностранныхъ и сельскаго хозяйства, и ему поручено главное завѣдываніе школою земледѣлія, основанною близъ Царскаго Села на дорогѣ въ Павловскъ. Въ 1799 г., по случаю брака великой княжны Александры Павловны, Самборскій отправился въ качествѣ духовника ея въ Венгрію; по кончинѣ же молодой палатины, въ 1801 г., онъ путешествовалъ по Греціи и др. южнымъ странамъ, жилъ нѣсколько времени въ пожалованномъ ему имѣніи Харьковской губ. и наконецъ возвратился въ Россію. Остальные годы жизни провелъ онъ въ Петербургѣ, переселяясь на лѣто въ Александровку, гдѣ и видѣли его воспитанники I-го курса лицея; первый директоръ этого заведенія, В. О. Малиновскій, былъ женатъ на дочери его. Самборскій умеръ 82-хъ лѣтъ, 5 октября 1815 года, посреди многочисленнаго семейства, оставивъ по себѣ память человека съ высокимъ образованіемъ и истиннымъ благочестіемъ (Евгенія *Словарь пис. духовн. чина*; *Ephémérides russes*, т. IV, стр. 27; также *Жизнь графа Сперанскаго*, соч. барона Корфа, т. I, стр. 9, 67 и слѣд.). Прибавимъ, что упомянутый нами въ I-мъ томѣ авторъ поэмы: *Александрова*, Джунковскій, былъ воспитанникъ Самборскаго; на французскій языкъ ее перевелъ Массонъ (см. его *Mémoires*, т. II, стр. 106).

погребѣ, куда ходъ былъ съ площади, на которой бабы продавали лукъ чеснокъ и всякую зелень. Самборскій не допустилъ этого, и окончателъно мѣстомъ погребенія избрана была недавно купленная деревня въ двухъ нѣмецкихъ милахъ отъ Офена. Здѣсь положили построить православную церковь надъ гробомъ палатныи; для этого вѣнскій оберъ-гофмейстеръ опять указывалъ мѣсто между винными погребамъ; но прибывшій въ Офенъ русскій министръ Муравьевъ-Апостолъ настоялъ, чтобы церковь была на открытомъ и чистомъ мѣстѣ. Нерасположенный къ Россіи архитекторъ построилъ ее не такъ, какъ слѣдовало по проекту, утвержденному нашимъ дворомъ, а въ видѣ надгробной пирамиды, столь тѣсной внутри, что богослуженіе съ трудомъ могло совершаться. Тѣмъ не менѣе, только что этотъ небольшой храмъ былъ освященъ въ присутствіи палатина при большомъ стеченіи народа, туда перенесено было тѣло великой княгини. Самборскій насадилъ вокругъ церкви оливъ, лавровъ и миртовъ, и въ ней началъ служить избранный имъ преемникъ его, отецъ Николай Музовскій, впоследствии достигшій высшаго священническаго сана (см. Записку *Самборскаю* въ газетѣ *День* 1862 г., № 37). Александра Павловна «родилась 29 іюля 1783, была обвѣнчана 19 октября 1799, умерла 16 марта 1801 г.*; въ замужствѣ прожила только 15 мѣсяцевъ, испытывъ такія огорченія, которыя могли бы сломить и всякую другую сильнѣйшую и болѣе приготовленную къ борьбѣ натуру, нежели эту 17-тилѣтнюю женщину. — Эта преждевременная смерть прекрасной женщины, такъ мало жившей и такъ много пострадавшей, произвела въ Россіи и Венгріи самое тяжелое и грустное впечатлѣніе. Благородное негодованіе къ австрійской политикѣ, возбужденное въ нашемъ обществѣ обращеніемъ вѣнскаго кабинета съ Суворовымъ, спасителемъ Австріи (см. выше стр. 187), ожило тогда у насъ съ новою силою. Стихотвореніе Державина *Эродій надъ гробомъ праведницы* довольно живо передаетъ то сильное движеніе гнѣва и негодованія, которое произвела въ русскомъ обществѣ вѣсть объ этой ранней смерти» (*День* — *Нѣсколько предварительныхъ словъ*, гдѣ выписаны и отрывки изъ настоящей оды). Почему поэтъ въ 1806 году воспользовался обстоятельствомъ, случившимся за вѣтъ лѣтъ назадъ, это легко понять, вспоминая отношенія Россіи къ Австріи во время борьбы съ Наполеономъ. Эродій — аистъ, символъ благочестія (см. томъ I, стр. 171).

Въ первый разъ напечат. въ изд. 1808 г., ч. II, LXII, гдѣ имена *Венгъ, Сербъ, Александра, Моравія* и *Музовскій* означены только начальными буквами; то же соблюдалось и въ прежнихъ посмертныхъ изданіяхъ.

* Итакъ она разрѣшилась еще при жизни императора Павла — 4 марта скончалась уже по вступленіи на престолъ Александра I. Въ Павловскѣ, поэтически-прекрасномъ мѣстопробываніи императрицы Маріи Феодоровны, въ дворцовомъ саду, сооруженъ великой княгинѣ (1814 г.) памятникъ на томъ мѣстѣ, гдѣ прежде былъ отдѣльный для нея устроенный садикъ. Это замѣчательное произведеніе Мартоса описано Жуковскимъ въ его элегій *Славника* и въ особомъ къ ней примѣчаніи.

² И волки съ агнцы не паслись.

Здѣсь разумѣются два народа: Австрійцы — католики, и венгерскіе Славяне — православные; послѣдніе были преданы великой княгинѣ и прибѣгали толпами къ ея гробу. Потому-то и построили надъ нимъ самую маленькую церковь, чтобъ они не могли сбираться тутъ въ большомъ числѣ и не утверждались въ своей вѣрѣ (*Об. Д.*).

³ Прочъ, Фурья зависти, отъ гроба.

Державинъ, читавшій въ подлинникѣ записку Самборскаго, намекаетъ тутъ на императрицу Терезу, которая, какъ онъ прибавляетъ (*Об.*), боялась, чтобъ императоръ Павелъ не сдѣлалъ палатина королемъ венгерскимъ. По словамъ Державина, Самборскій думалъ, что Александра Павловна умерла отъ яда. Э. Львовъ въ изданныхъ имъ *Обясненіяхъ* замѣнилъ это примѣчаніе другимъ, которое и попало въ *Демь*, какъ будто принадлежащее самому Державину.

⁴ Былъ столь же твердъ, какъ въ ратномъ полѣ —

Русскіе, которые въ плѣну у Наполеона отвѣчали ему мужественно и не оказали передъ нимъ робости (*Об. Д.*).

⁵ Вы видѣли при Остерлицахъ.

Въ аустерлицкомъ сраженіи нельзя ни той, ни другой сторонѣ написать совершенную побѣду, ибо еслибъ на слѣдующій день корпусъ Эссена и другіе, бывшіе въ дѣйствиіи, атаковали Французовъ, то послѣдніе никакъ не могли бы спастись; но императоръ Александръ велѣлъ превратить военныя дѣйствія и возвратиться въ отечество (*Об. Д.*). Ср. выше, стр. 363, примѣч. 1 къ одѣ *Гласъ с-петербургскаго общества*.

⁶ Мы не забудемъ благодарность и проч.

Венгерцы оказывали Русскимъ всякое содѣйствіе и помогали намъ въ недостаткахъ и болѣзняхъ (*Об. Д.*).

131. ОБЛАКО¹.

Изъ тонкой влаги и паровъ 1
Испедь невидимо, сгущенно,
По-малу, тихо вознесенно
Лучемъ надъ высотой холмовъ,
Отливомъ свѣта освѣтятся,
По безднѣ голубой носяся,
Гордится облако собой,
Блестая солнца красотой.

Или прозрачностью сквозясь 2
И въ разны виды премѣняясь,
Рубиномъ, златомъ испещряясь
И багряницею стелясь,

Струясь, собираясь въ сизы тучи,
И вдругъ схолмяся въ холмъ пловучій,
Застѣниваетъ солнца зракъ:
Забывъ свой долгъ и благодарность,
Его любезну свѣтозарность
Сокрывъ отъ всѣхъ, наводитъ мракъ.

Или не долго временщикъ 3
На свѣтлой высотѣ бываетъ,
Но, вздувшись тукомъ, исчезаетъ
Скорѣй, чѣмъ сдѣлался великъ:
Подъ лучезнойной тяготою
Разорванъ молніи стрѣлою,
Обрушась каплями падеть —
И ужъ его на небѣ нѣтъ!

Хотя жъ онъ въ чадахъ гдѣ своихъ 4
Во мглахъ, въ туманахъ возродится
И къ выпренности вновъ стремится,
Но рѣдко достигаетъ ихъ:
Давленьемъ воздуха гнетомый
И влагой внизъ своей влекомый,
На блата, тундры опустясь,
Ложится въ нихъ, и зрится — грязь.

Не видимъ ли вельможъ, царей 5
Живаго здѣсь изображенья?
Одни, — изъ праха, изъ презрѣнья
Пренизкихъ возводя людей
На степени первѣйшихъ сановъ,
Творятъ боговъ въ нихъ, истукановъ,
Имъ ввѣря власть и скипетръ свой;
Не видя, ихъ что ослѣпляютъ.
Любезной доброты лишаютъ,
Темня своею чернотой;

Другіе, — счастья бывъ рабы, 6
Его рукою вознесенны,
Сіянемъ ложнымъ украшенны,
Страстей не выдержавъ борьбы
И доблестей путь презря, правды,
Превѣсьясь зломъ, какъ водопады,
Падутъ стремглавъ на низъ во мглахъ:

Бывъ идола, бывають прахъ.

Но добродѣтель красотою
Своею собственной сіяеть;
Пускай несчастье помрачаетъ, —
Свѣтла она сама собой.
Какъ Антонины на престолѣ,
Такъ Эпиктиты и въ неволѣ
Почтенны суть красой ихъ душъ. —
Пускай чей злобой блескъ затмится;
Но днесъ иль завтра прояснится
Безсмертной правды солнца лучъ.

7

О вы, имѣющаи боговъ
Въ рукахъ всю власть и всю возможность,
Въ себѣ же смертнаго ничтожность,
Ввергающую бѣдствій въ ровъ,
Цари! отъ васъ вашъ тронъ зависить
Унизить зломъ, добромъ возвысить;
Имѣйте вокругъ себя людей,
Незлюбьемъ, мудростью младенцевъ;
Но бойтесь счастья возведенцевъ,
Ползущихъ пестрыхъ вокругъ васъ змѣй.

8

И вы, наперсники царей,
Друзья, цвѣтущи ихъ красотою,
Ихъ пишущи жизнь, смерть рукою
Поверхъ земель, поверхъ морей!
Познайте: съ вашимъ всѣмъ соборомъ
Вы съ тѣмъ равны лишь метеоромъ,
Который блещетъ отъ зари,
А сами по себѣ — пары.

9

И ты, кто потерялъ красу
Наружну мрачной клеветою!
Зри мудрой, твердою душою:
Подобенъ мѣръ сей колесу.
Се спица внизъ и вверхъ вратится,
Се капля мглой иль тучей зрится:
Такъ чтожъ снѣдаешься тоской^а?
Въ кругу твореній обращаясь
Той внизъ, другою вверхъ вздымаясь^б,
Умѣй и въ прахѣ быть златой.

10

^a Такъ чтожь тебѣ ввергаться въ грусть (Первоп. рукоп.).

^b Нанизъ ли, вверхъ ли поднимаясь,
Златой лишь каплей, спицей будь.

¹ Писано 20 марта. Судя по послѣднимъ строфамъ, эти стихи сочинены не безъ примѣненія къ самому автору, который, какъ видно, не всегда примирался съ новымъ своимъ положеніемъ, удалявшимъ его отъ всякаго вліянія на дѣла и не могшимъ однакожь вполне оградить его отъ злоязычія свѣта. Едва ли это стихотвореніе не имѣетъ отношенія къ тому, что онъ рассказываетъ въ концѣ своихъ *Записокъ*: Государь милостиво принялъ отъ него проектъ мѣръ для обороны Россіи противъ нашествія Французовъ, но, послѣ поѣздки за границу, перемѣнилъ обращеніе съ нимъ и показывалъ ему холодность. По *Об. Д.*, эти стихи, вмѣстѣ съ двумя слѣдующими пѣсами, написаны въ 1807 г., но при рукописномъ текстѣ они отмѣчены годомъ ранѣе. Напечат. отдѣльно подъ загл. *Облако, громъ и радуга*, и въ *Соч. и переводахъ Росс. Ак.*, ч. II, стр. 174; потомъ въ изд. 1808 г., ч. II, LXVI.

132. ГРОМЪ ¹.

Въ тяжелой колесницѣ грома 1
 Гроза, на тмѣ воздушныхъ крыль
 Какъ страшная гора несомая,
 Жметъ воздухъ подъ собой, — и пыль
 И понтъ кипятъ, летятъ волнами,
 Древа вверхъ вержуются корнями,
 Ревутъ берега и воетъ лѣсъ;
 Средь тучныхъ тучъ, раздранныхъ съ трескомъ,
 Въ тмѣ молніи багрянымъ блескомъ
 Чертятъ гремящихъ слѣдъ колесъ.
 И се, какъ ночь осенняя, темна 2
 Нахмурилась надо мной челомъ,
 Хлябь пламенемъ разсѣлась черна,
 Сверкнулъ, взревѣлъ, ударилъ громъ, —
 И своды потряслися звѣздны,
 Стократно отгласились бездны,
 Гулъ восшумѣлъ, и дождь и градъ,
 Простерся синій дымъ полетомъ,
 Дубъ вспыхнулъ, холмъ сталъ водометомъ,
 И капли радугой блестятъ.
 Утихло дуновенье бурно: 3

Чуть слышенъ шумъ и сѣрный сирадъ:
 Пространство воздуха лазурно
 И чела въ златѣ горъ горять.
 Природѣ ужъ не страшны грозы,
 Дыхають ароматомъ розы,
 Пернатыхъ раздается хоръ;
 Зефиры легки, насккомы
 Цѣлуютъ злаковъ зыбки холмы,
 И путникъ ослабляетъ взоръ.

Кто Сей, который тучи гонить?⁴
 По небу, какъ стада овновъ,
 И перстомъ быстры рѣки водить
 Между гористыхъ береговъ?
 Кто море очертилъ въ предѣлы,
 На шумны, яры волны бѣлы
 Незримо наложилъ бразды?
 Чьимъ маніемъ вѣтръ вземлетъ крыла,
 Стихievъ засыпаетъ сила,
 Блескъ въ хаосѣ возникъ звѣзды?

И въ мигъ единый миллионы⁵
 Кто дланію возжегъ планетъ?
 О Боже! — се Твои законы,
 Твой взоръ міры творить, блюдетъ.
 Какъ сталью камень сыплетъ искры,
 Такъ отъ Твоей струятся митры
 Въ мракъ солнца, средь безмѣрныхъ мѣсть.
 Ты дхнешь: какъ прахъ, вновь сферы встануть;
 Ты прервешь духъ: какъ злакъ, увянутъ;
 Твои слѣды суть бездны звѣздъ.

О вы, безбожники, не чтуци⁶
 Всевышней власти надъ собой,
 Въ развратныхъ мысляхъ тѣхъ живущи,
 Что случай все творитъ слѣпой,
 Что умъ лишь вашъ есть царь вселенной!
 Взгляните, въ буйности надменной,
 На сей ревуцій страшный мракъ,
 На тѣ огнемъ блестящи рѣки, —
 И вѣрьте, дерзки человекѣки!
 Что все величье ваше — прахъ.

Но если вы и впрямь всемоchnы,
 Почто жъ вамъ грома трепетать?
 Нѣтъ! гордости пути порочны
 Богъ правды долженъ наказать.
 Гдѣ ваша мочь тогда, коварства,
 Вновь созданыя цари и царства,
 Какъ рокъ на васъ свой склонить персть?
 Огонь и воды съединятся,
 Земля и небо ополчатся,
 И мечъ и лукъ сотрется въ персть.

7

Но тотъ, кто почитаетъ Бога,
 Надежду на Него кладетъ,
 Сей не боится время строга:
 Какъ холмъ средь волнъ, не упадетъ.
 Пусть зѣльна буря устремится:
 Душой всѣхъ превзойти онъ тщится,
 Безстрашенъ, мужественъ средь бѣдъ;
 И подъ всеильнымъ даже гнѣвомъ,
 Подъ зыблющимъ, падающимъ небомъ,
 Благословя Творца, уснетъ.

8

Труба величья силъ верховныхъ,
 Витія Бога и посоль,
 О громъ! гроза духовъ тѣхъ гордыхъ,
 Кѣмъ колебался звѣздъ престоль!
 Земли ты чрево растворяешь
 И плодородьемъ мѣръ вѣнчаешь;
 Но твой же можетъ бросить туль
 И жупловъ тьмы на князя ада.
 Встань! грянь! — и вслѣдъ его уада
 По безднамъ возгрохочетъ гуль.

9

¹ Писано 1 апрѣля. Напечат. отдѣльно и въ *Соч. и перев. Росс. Ак.*, ч. II, стр. 177; потомъ въ изд. 1808 г., ч. II, LXVII.

² Кто Сей, который тучи гонить.

Это мѣсто, по замѣчанію г. Галахова (*Ист. русс. сл.*, т. I, стр. 521), напоминаетъ строфу Ломоносова въ *Подражаніи Иову*: «Кто море удержалъ брегами» и проч. Слѣдующая за тѣмъ строфа Державина имѣетъ нѣкоторое сходство съ извѣстнымъ мѣстомъ оды *Богъ*.

133. РАДУГА¹.

- Взглянь, Апеллесъ! взглянь въ небеса! 1
 Въ сумрачномъ облакѣ тамъ,
 Видишь, какая изъ лентъ полоса,
 Огненна ткань блещетъ очамъ,
 Склоняся надъ твоею главою
 Дугою!
- Пурпуръ, лазурь, золото, багрянецъ, 2
 Съ зеленью тѣнь, слясь съ серебромъ,
 Чудный, отливный, блещущій глянецъ
 Сыплють вокругъ, тихимъ лучемъ
 Зѣнищъ къ угѣшенью сіяютъ,
 Плѣняють!
- Гдѣ красота, блескъ разноцвѣтныхъ 3
 Камней драгихъ, свѣтлость порфиръ,
 Прелести красокъ яркихъ, несмѣтныхъ,
 Чѣмъ всегда славится міръ,
 Чѣмъ могутъ монархи хвалиться, —
 Свѣтиться?
- О Апеллесъ! взявши орудье, 4
 Кисти свои, — дерзкой рукой
 Съ разныхъ цвѣтовъ вмигъ полукружье
 Сдѣлай, составъ твердой чертой, —
 Составъ, и зови зрѣть Аѳины
 Картины.
- Нѣтъ, изографъ! хотъ превосходишь² 5
 Всѣхъ мастерствомъ дивнымъ твоимъ;
 Вижу, что средствъ ты не находишь
 Съ мастеромъ въ томъ спорить такимъ,
 Чей взглядъ все одинъ образуетъ, —
 Рисуешь.
- Только одно солнце лучами 6
 Въ капляхъ дождя, въ долъ отразясь,
 Можетъ писать сими цвѣтами
 Въ мракѣ и мглѣ, вѣчно свѣтясь.
 Умѣй подражать ты ему:
 Лей свѣтъ въ тму.
 Зри, какъ оно лишь отвращаетъ 7

Свѣтлый свой взоръ съ облака вспять, —
Живость цвѣтовъ вмигъ исчезаетъ,
Краски картинъ тмятся опять:

Бѣги ты такого труда

Отъ стыда.

Можетъ ли кто въ свѣтѣ небесномъ 8
Чтится равно солнцу тому,
Въ сердцѣ моемъ мрачномъ, тѣлесномъ
Что озаривъ тяжкую тму,

Творить его радугой мира?

Пой, лира! —

Бога воспой, — смѣлымъ пареньемъ 9
Чистаго внутрь сердца возноси
Духъ мой къ Нему, утреннимъ пѣньемъ,
Чтобы Творецъ, внявъ съ небеси,

Вляля чувствъ моихъ въ глубину
Тишину.

Свѣтлая чтобъ радуга мира ^а, 10
Въ небѣ явясь въ цвѣтѣ зарей,
Стала въ залогъ тихихъ дней міра,
Къ счастью всѣхъ царствъ и царей.

Онъ всѣхъ ихъ одинъ просвѣтитъ,
Примирить.

^а И свѣтлая бѣ радуга мира,
Возставъ надъ Европою всей (Рукоп.).

¹ Писано 25 апрѣля. Напеч. отдѣльно вмѣстѣ съ пьесой *Громъ* и въ
Соч. и перев. Росс. Ак., ч. II, стр. 182; потомъ въ изд. 1808, ч. II, лхviii.

² Нѣтъ, изографъ . . .

См. выше стр. 313, примѣч. 2.

134. РАСПУСКАЮЩАЯСЯ РОЗА ¹.

О цвѣтъ прекрасный, осыпаемъ 1
Поутру перловой росой,

Зефиромъ въ полдень лобызаемъ!

Открой скорѣй румянецъ твой.

Ахъ, нѣтъ! помедль: еще не знаешь 2
Всѣхъ тварей тѣнныхъ ты тщеты:

Въ тотъ мигъ, какъ изъ пеленъ проглянешь
 Увы! должна увянуть ты.
 И ты цвѣтешь не такъ ли, Хлоя? 3
 Не съ тѣмъ ли родилась на свѣтъ,
 Чтобъ всѣхъ, прельстя, лишитъ покоя
 И скоро потерять свой цвѣтъ?
 Покинь же стебель твой опасный, 4
 Укрась, о роза! Хлоѣ грудь;
 Колю ты цвѣтокъ изъ всѣхъ прекрасный,
 На ней блаженнѣе всѣхъ будь.
 Царицей будь на ней отнынѣ; 5
 Украсивъ грудь, умри на ней:
 Завидуя твоей судьбинѣ,
 Захочетъ смерти всякъ твоей.
 О, такъ! немного дней продлится, 6
 Какъ будешь ты на ней блистать:
 Благоуханьемъ огонь родится,
 По Хлоѣ будетъ всякъ вздыхать.
 Вздыхай! плѣняй! тебѣ Лель страстный 7
 Покажетъ скоро путь; — но знай:
 Увеселяя взоръ прекрасный,
 Грудь украшай, но сокрывай.
 А если наглой кто рукою 8
 Покой дерзнетъ твой возмутить, —
 Вздохнувъ по мнѣ, спѣши иглою
 Твоей сопернику отмстить.

¹ Вольный переводъ съ французскаго соч. графа Мих. Юрьевича, Вильгорскаго, къ которому Батюшковъ написалъ посланіе (см. его *Соч.*, Спб. 1834, ч. II, стр. 138). Напеч. въ изд. 1808 г., ч. III, хогх.

135. ГРАФУ СТЕЙНБОКУ¹.

Кого на брегѣ моря бурна 1
 Близъ ветхихъ града стѣнъ, въ тѣни,
 Жизнь не богата, но не скудна
 Течетъ, и онъ пріятно дни
 Проводитъ, избѣжавъ столицы,
 Желаніевъ своихъ въ границы

Умѣренность постановивъ,
 А малый домикъ окруживъ
 Свой садомъ, нивами, стадами,
 Въ семьѣ, съ супругой и друзьями,
 Ничѣмъ внутрь сердца не смущень:
 Тотъ мудръ — и истинно блаженъ!

Такъ, милый графъ! волненье Бельта — 2
 Быстротекущихъ образъ лѣтъ;
 Видъ Гапсаля — видъ тлѣнна свѣта²,
 Чтò скоро рушится, падеть;
 Древесны тѣни, птичекъ пѣнья —
 Спокойной совѣсти, смиренья
 И добродѣтели удѣлъ.
 Когда твой трудъ плодомъ поспѣлъ
 И нивъ колосья золотые
 Возблещутъ въ полѣ, и младые
 Взыграютъ агницы на лугу:
 Чтò знатныхъ блескъ сихъ благъ въ кругу?

Ничто. — Итакъ, наскучать грады 3
 И ихъ когда забавы намъ,
 Пойдемъ искать утѣхъ, прохлады
 Мы къ значнымъ Волхова брегамъ³,
 Или въ твоёмъ помѣстьи новомъ⁴,
 Во храмѣ возсѣдя Петровомъ,
 Чтò въ честь ему ты мнишь вознестъ,
 Велимъ хоръ музъ къ себѣ привести,
 И Вѣрушку съ Люси такъ сладимъ⁵,
 Что пламенной ихъ пляской сгладимъ
 Съ сѣдыхъ морицины нашихъ лбовъ,
 Обрѣзавъ крылья у годовъ.

Часы веселія суть кратки, 4
 Минута скуки — цѣлый вѣкъ:
 Ахъ! для чего же люди падки
 Къ заботамъ? Страждеть человекъ
 Не для того ль, что ищеть части
 Своей всякъ въ гордости и власти;
 Самъ мучась, мучитъ и другихъ
 На счетъ крылатыхъ дней своихъ?
 Престаемъ же къ звѣздамъ моститься⁶;

А лучше съ Серномъ Льву рѣзвиться,
 Съ Державой Яхонту блистать:
 Придетъ къ намъ зависть танцовать.

¹ Графъ Стейнбокъ, отставной бригадиръ (ум. 1824 въ Ревелѣ), былъ женатъ на Екатеринѣ Алексѣевнѣ Дьяковой, родной сестрѣ второй жены Державина (см. томъ I, стр. 408). Посланіе это написано въ сентябрь, у графа въ имѣніи Линденъ, подъ Гапсалаемъ; усадьба съ прекраснымъ садомъ лежала на берегу моря. Напеч. въ изд. 1808 г., ч. II, LXVIII.

² Видъ Гапсала — видъ тѣнна свѣта.

Гапсаль — старинный рыцарскій замокъ, отъ котораго остались однѣ развалины (Об. Д.).

³ Мы къ злчнымъ Волхова брегамъ.

На Волховѣ село Званка, имѣніе Державинныхъ, куда графъ Стейнбокъ ѣзжалъ иногда (см. выше стр. 196).

⁴ Или въ твоемъ помѣстьи новомъ и проч.

Графъ, незадолго передъ тѣмъ купивъ имѣніе Линденъ, намѣревался построить тамъ небольшой храмъ на томъ мѣстѣ, гдѣ отдыхалъ подъ деревьями Петръ Великій, когда приставалъ съ галернымъ флотомъ во время шведской войны (Об. Д.).

⁵ И Вѣрушку съ Люси такъ сладимъ и проч.

Вѣрушка — Вѣра Николаевна Львова, дочь Николая Александровича (томъ I, стр. 365, и II, стр. 289); Люси — Елисавета Ѳеодоровна Штербергъ, впоследствии графиня Делагарди, воспитанница графини Стейнбокъ (ср. выше стр. 74); онѣ вмѣстѣ мастерски плясали (Об. Д.).

⁶ Престанемъ же къ звѣздамъ моститься и проч.

т. е. перестанемъ желать чиновъ и высшихъ должностей. *Сернъ* (Steinbock — каменный баранъ) означаетъ здѣсь владѣльца мызы Линденъ; такая же игра словъ заключается въ словахъ: Левъ, Держава и Яхонтъ. Подъ первымъ именемъ разумѣется Ѳ. П. Львовъ, о которомъ сообщены свѣдѣнія на стр. 302. При изданіи своихъ сочиненій онъ принялъ названіе *Скиммина*, отъ греческаго слова *скимнъ* (σκίμνος = молодой левъ, томъ I, стр. 171). О Яхонтовыхъ см. выше стр. 274. Поэтъ хочетъ сказать, что лучше искать простыхъ наслажденій въ кругу родныхъ и друзей.

136. НА РОЖДЕНІЕ ВЕЛИКОЙ КНЯЖНЫ ЕЛИСАВЕТЫ АЛЕКСАНДРОВНЫ¹.

Склоненной лаврами главою
 Воспрянь, Россія, отъ мечтаній
 И, щитъ вложя на грудь, лукъ въ длани
 Пріавъ, возстань, оставь покой,

1

И, доблести горя восторгомъ,
Иди, водима правды Богомъ,
На брань, какъ на торжественъ пирь!
Се, счастлива межъ звѣздъ планета,
Родилася Елисавета, —
И мечь твой дасть Европѣ мирь.

Когда Авроры алый персть 2

Востока отворяетъ двери,
И солнцевъ конь изъ синей дебри
Вмигъ скачетъ чрезъ безмѣрность мѣстъ:
Царь звѣздъ златитъ лицо вселенны.
Такъ духъ мой, днемъ симъ возбужденный,
Зарю царевны пѣть летитъ.
О, свѣтлой радости и новой!
Дщерь соименную Петровой
Россіи Александръ дарить!

Вообразивъ моей весны 3

Цвѣтущія, младыя лѣта,
Какъ скипетромъ Елисавета
Намъ разсыпала свѣтлы дни,
Какъ страху Божью поучались,
Мы въ правдѣ, вѣрѣ укрѣплялись,
Любили съ трепетомъ царей:
Мои обрадованны взоры
Поющихъ дѣвъ и юношъ хоры
Тамъ зрятъ средь злчныхъ нивъ, полей.

О, сколь красоть, пріятствъ, добротъ! 4

Какіе честны, тверды нравы!
Любовь къ отечеству, духъ славы!
Россь и тогда былъ царствъ оплотъ:
Кто смѣлъ коснуться исполина?
Главу его Екатерина
Еще превыше вознесла.

Да будутъ дни благословенны
Такъ и рожденныя царевны,
Чтобъ отча въ ней душа цвѣла,

Умъ кроткой матери и нравъ, 5

Чтобъ ангелъ въ ней на свѣтъ явился,
Съ Маріей въ благости сравнился,

Сиротъ и вдовъ богиней ставъ.
 Какіе раздаются клики,
 Отъ Бельта до Камчатки лики,
 При имени Елисаветъ!
 Встрѣчая въ ней прошедше время,
 Печать всѣхъ благъ, — красу Эдема
 Силь описать не достаесть.

Пелень, Хариты, станьте вкругъ;
 Премудрость, сядь близъ колыбели,
 И вѣкъ ее чтобъ Музы пѣли,
 Вдыхайте ей къ нимъ вкусъ и духъ;
 А днесъ была звѣздой чтобъ славы,
 Какъ у Непрядвы и Полтавы
 Мы стерли супостатовъ рогъ.
 Она лишь только улыбнется, —
 Отъ Александра громъ прострется,
 Предыдетъ Россамъ въ браняхъ Богъ.

6

¹ Великая княжна Елисавета Александровна род. 4 ноября 1806, ум. 30. апр. 1808 г. (ср. выше стр. 160). По нѣкоторымъ преданіямъ, всѣ въ Россіи радовались, что брачный союзъ Александра увѣнчался плодомъ. Но Вигель говоритъ противное и, упоминая о разочарованіи, которое распространилось въ публикѣ, когда узнали, что родилась дочь, кончаетъ замѣчаніемъ: «Бѣдное дитя, названное по матери Елисаветою, было принято народомъ съ досадою, какъ неудача: тѣмъ богѣ привязалась къ ней мать, которая однакожь, какъ и первую дочерью Марією, была ею осчастливлена только полтора года» (*Р. Вѣстн.* 1864, № 5, стр. 185).

Напечат. тогда же отдѣльно; потомъ въ изд. 1808. ч. II, **лхix**.

137. НА ОТПРАВЛЕНІЕ ВЪ АРМІЮ ФЕЛЬДМАРШАЛА ГРАФА КАМЕНСКАГО ¹.

Взлетѣлъ маститый Орлъ, — парить,
 Ширяется межъ звѣздъ крылами,
 Свистъ буръ, блескъ молній подъ когтями;
 И змѣй, во мглѣ клубясь, шипить.
 Оставшій мечъ Екатерины ²,
 Булагъ, обдержанный въ бояхъ, —
 Каменскій, ты полки орлины
 Ведешь на брань, — и Галлу страхъ!

1

Иди! иди! предходить Богъ 2
 Передъ хоругвью Александра,
 И пламенемъ жруща саламандра
 Онъ въ прахъ твоихъ повергнетъ ногъ.
 Суворовъ былъ водимъ тожъ Богомъ
 И разженилъ враговъ онъ тьму.
 Я, вдохновенный Музь восторгомъ,
 Побѣды предвѣщаль ему.
 Такъ: вышней силой я держусь³; 8
 Ты — именемъ и духомъ камень,
 Холодностью угасишь пламень⁴;
 Сразись! — и я не постыжусь.
 Отечество стыдомъ не кроя
 (Нашъ царь его не долженъ несть),
 Дерзай, мужъ, избранный въ героя:
 Ты Россъ, — побѣда или смерть!
 Побѣда! — лавръ твой съ сѣдиной 4
 Младымъ птенцамъ явить путь къ славѣ,
 Лучъ Александровой державѣ,
 И дастъ Европѣ онъ покой.
 О Россы! вы не посрамитесь,
 Природный васъ днесъ вождь ведетъ:
 Во блескѣ новомъ вы явитесь,
 Вѣнцы за правду Небо шлетъ.

¹ Вся Россія, и особенно Москва, признавала фельдмаршала гр. Каменскаго достойнымъ соперникомъ Наполеона въ военномъ искусствѣ. Извѣстны были отличныя дѣйствія его въ турецкихъ войнахъ Екатерины II, но никто не зналъ, какъ думала объ немъ сама Государыня. Передъ смертью Потемкина поручилъ свою армію Каховскому. Каменскій, будучи старше этого генерала чиномъ, не захотѣлъ ему подчиниться и созвалъ совѣтъ для рѣшенія вопроса, кому предводить армію. Узнавъ о томъ, Императрица писала статсъ-секретарю Попову: «Сердце мое слышало, что отъ Каменскаго при арміи добра не будетъ, когда, при отъѣздѣ князя изъ Царскаго Села, я упрошена была его отпустить съ нимъ. Собравіе генераловъ подчиненныхъ ради сужденія, кому командовать, доказываетъ довольно безразсудность собирателя, и послѣ сего поступка уже къ нему довѣренности имѣть едва ли возможно*». Въ 1806 году общій голосъ въ пользу гр. Каменскаго, тогда 69-тилѣтняго старца, былъ почти столько же едино-

* О поведеніи Каменскаго послѣ смерти Потемкина см. *Записки Л. Н. Энгельгардта*, стр. 127 и слѣд.

душенъ, какъ въ 12-мъ году въ пользу Кутузова. Императоръ Александръ, основываясь на общественномъ мнѣнїи, назначилъ Каменскаго главнокомандующимъ и въ лестномъ рескриптѣ, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, писалъ ему: «Распоряжайтесь и дѣйствуйте войсками во всѣхъ случаяхъ по вашему усмотрѣнїю» (Мих.-Данилевскій, *Описание второй войны съ Наполеономъ*, Спб. 1846, стр. 73). О томъ, какъ общество въ то время смотрѣло на Каменскаго, свидѣтельствуетъ и Жихаревъ подъ 6-жъ сентября 1806 г.: «Фельдмаршалъ гр. Каменскій въ Петербургѣ и будетъ, кажется, командовать арміею. Опытные люди говорятъ, что онъ всегда извѣстенъ былъ за отличнаго тактика, а съ Бонапарте это качество не лишнее» и проч. (*Отч. Зап.* 1855, т. ХСІХ, *Дневникъ чиновника*, стр. 363). Ср. *Воспоминанія* Вигеля, *Русск. Вѣстн.* 1864 за май, стр. 186 — 190. О назначенїи Каменскаго и внезапною оставленїи имъ арміи см. также *Записки С. Глинки* въ *Р. Вѣстникъ* 1865 за іюль, стр. 234, *Записки Нессельроде*, *Р. В.* 1865 за октябрь, стр. 537 и 538. Ср. ниже стихотв. *Евгенію. Жизнь званская*, строфу 55.

Напечат. сперва отдѣльно (на листахъ въ осмушку съ подписью *Державинъ*), потомъ въ изд. 1808 г., ч. II, лхх, съ припискою къ заглавію: **Ноября** дня 1806 года.

² Оставшій мечъ Екатерины.

И Вигель въ своихъ *Воспоминанїяхъ* (ср. здѣсь прим. 1) говоритъ о немъ: «Гр. Каменскій, послѣдній мечъ Екатерины, видно слишкомъ долго лежалъ въ ножнахъ и отъ того заржавѣлъ».

³ Такъ: вышней силой я держусь.

Девизъ Державина на его печати, утвержденной императоромъ Павломъ (*Записки Д., Р. В.*, стр. 427).

⁴ Холодностью угасишь пламень.

Каменскій, во время прежней службы своей, показывалъ въ сраженїяхъ холодность и способность не терять духа въ опасностяхъ; но къ несчастїю, въ настоящую войну случилось совершенно противное (*Об. Д.*). Извѣстно, какъ оправдалъ Каменскій довѣренность Государя и высокое о себѣ мнѣніе публики. На смерть его отъ руки убійцы, 12 авг. 1809 г., написалъ стихи Жуковскій. О жестокости Каменскаго говоритъ Сегюръ въ своихъ *Mémoires*, Парижъ 1843, т. II, стр. 139 и 141.

138. ДѢТЯМЪ, НА КОМЕДІЮ ИХЪ И МАСКАРАДЪ¹.

1807.

Являлъ недавно сладкій сонъ
 Пenea мнѣ долину злачну;
 Я зрѣлъ сквозь дебрь древесъ прозрачну:
 Игралъ на скрипкѣ Аполлонъ.
 Вблизи его Эротовъ тьма,
 Все дутики, всѣ краснощеки,

5

Крылаты, бѣлы, чернооки,
 И Нимфъ прекрасныхъ кутерьма
 Плясала подъ свирѣльми ихъ;
 Всѣ обнимались другъ со другомъ, 10
 И всѣ, рѣзвясь, вертѣлись кругомъ.
 Въ восторгѣ былъ я, зря на нихъ!
 Хотѣлъ, чтобъ сихъ любви божковъ,
 Харитъ толь милыхъ видѣть въявѣ;
 Но что? — Въ твоей простой забавѣ, 15
 Съ семьей твоей я зрю ихъ, Львовъ!

¹ Писано въ январѣ 1807 г. для Федора Петровича Львова (см. выше стр. 302). Напечат. въ изд. 1808, ч. III, стр.

139. ПЕРСЕЙ И АНДРОМЕДА ¹.

Прикованна цѣпьми къ утесистой скалѣ, 1
 Огромной, каменной, досягшей тверди звѣздной,
 Нахмуренной надъ бездной,
 Средь яра рева волнъ, въ ночи, во тмѣ, во мглѣ,
 Напасти Андромеда жертва,
 По вѣтру распустя власы,
 Трешуща, блѣдна, чуть дышаща, полмертва,
 Лишенная красы,
 На небо тусклый взоръ вперея, ломая персты,
 Себѣ ждетъ скорой смерти;
 Лія потоки слезъ, въ рыданіи стенеть
 И тако вопіеть:
 «Ахъ! кто спасетъ несчастну? 2
 Кто гибель отвратить?
 Прогонитъ смерть ужасну,
 Которая грозитъ?
 «Чье мужество, чья сила, 3
 Чрезъ мечъ и крѣпкій лукъ,
 Покой мнѣ возвратила
 И оживила бѣ духъ?
 «Увы! мнѣ нѣтъ помощи, 4
 Надеждъ, отрады нѣтъ;

Прогнѣвались боги;
 Скрежеща, Рокъ идетъ.
 «Чудовище . . . Ахъ! вскорѣ
 Сверкнетъ зубовъ коса.
 О горе мнѣ! о горе!
 Избавьте, небеса!» —

5

Но Небеса къ ея моленію несклонны.
 На скачущи вокругъ сѣдыя, шумны волны
 Змѣями молніи летя изъ мрачныхъ тучъ,
 Жгутъ воздухъ, пламенемъ горючь,
 И рдянымъ заревомъ понтъ синій обагрютъ;
 За громомъ громы ударяютъ,
 Освѣчивая въ тмѣ бездонну ада дверь,
 Изъ коей дивій волю, иль преисподній звѣрь
 Стальночешуйчатый, крылатый,
 Серпокогистый, двурогатый,
 Съ наполненнымъ зубовъ-ножей, разверзтымъ ртомъ,
 Стоящимъ на хребтѣ щетиннымъ тростникомъ,
 Съ горящими, какъ уголь, кровавыми глазами,
 Отъ коихъ по водамъ огонь стелется струями,
 Между раздавшихся воспѣнныхъ валовъ,
 Какъ островъ между стѣнъ, межъ синихъ льда бугровъ
 Возсталъ, плыветъ, на брегъ заноситъ лапы мшисты,
 Колеблетъ холмъ кремнистый
 Прикосновеніемъ однимъ.
 Прочь ропщущи бѣгутъ гнетомы волны имъ.

6

Печальная страна
 Вокругъ молчитъ;
 Изъ облаковъ луна
 Чуть-чуть глядитъ,
 Чуть дышать вѣтерки,
 Чуть слышенъ стонъ
 Царевниной тоски
 Сквозь смертный сонъ;
 Никто ей не дерзаетъ
 Защитой быть:
 Чудовище зяетъ,
 Идетъ сглотить.

7

Но внемлетъ плачь и стонъ Зевесъ
Вездѣ безъ помощи несчастныхъ. 8

Вскрыль вѣжди онъ очесъ
И всемогущій скиптръ судьбъ всевластныхъ
Подъяль. — И се герой
Съ Олимпа на конѣ крылатомъ,
Какъ быстро облако, блестяще златомъ,
Летитъ на долъ, на бой,
Избавить страждущую дѣву.

Уже не внемлетъ онъ его гортани реву,
Ни свисту бурныхъ крыль, ни зареву очей,
Ни ужасу роговъ, ни остротѣ когтей,
Ни жалю, издали смертельный ядъ точашу,
Все въ трепеть приводящу;
Но свѣтлы звѣзды какъ чрезъ сине небо рѣя,
Такъ стрѣлы быстрыя, копье стремить на змѣя.

Частая сѣча меча 9
Сильна могуща плеча,
Стали о плиты стуча,
Ночью блеща, какъ свѣча,
Эхо за эхами мча,
Гулы сугубить, звуча.

Ужъ чувствуетъ драконъ, что силъ его превыше 10
Небесна воя мочь:

Онъ становится будто тише
И удаляется коварно прочь;
Но, кольцами склубясь, вдругъ съ яростію злою,
О бездны опершись изгибистымъ хвостомъ,
До звѣздъ возставъ, какъ дубъ вѣтвистою главою,
Онъ сердце раздробить рогатымъ адскимъ лбомъ
У витязя мечтаетъ;
Бросается, — и вспять отъ молній упадаетъ
Священнаго меча,
Чуть движа по землѣ свой трупъ, въ крови влача.
Отъ воя звѣря вокругъ вздрогнули черны враны,
Шумить ихъ въ дебряхъ крикъ: сокрьмо море раны,
Но чермна кровь его по пѣннымъ водъ бутрамъ,
Какъ рдяный блескъ видна пожара по снѣгамъ.

- Вздохи и стоны царевны 11
 Сердца ужъ больше не жмутъ;
 Трубятъ Тритоны, Сирены,
 Музы и Нимфы поютъ;
 Вольность поютъ Андромеды,
 Храбрость Персея гласятъ;
 Плескъ ихъ и звукъ про побѣды
 Холмы и доли твердятъ:
 «Побѣда! побѣда!
 Жива Андромеда!
 Живи, о Персей,
 Вѣкъ славою твоей!»
- Не зримъ ли образа въ Европѣ Андромеды, 12
 Во Россѣ бранный духъ, Персея славны слѣды,
 Въ Губителѣ мы баснь живаго саламандра²,
 Ненасытима кровью?
 Во плоти божества — могуща Александра?
 Полнь милосердіемъ, къ отечеству любовью,
 Онъ рекъ: «Когда еще злодѣю попущу,
 Я царства моего пространна не сыщу,
 И честолюбію вселенной не достанетъ.
 Лети, Орель! да громъ мой грянетъ!» —
- Грянулъ межъ Бельта заливовъ, 13
 Вислы и Шпреи береговъ:
 Галлы средь жаркихъ порывовъ
 Зрѣли, духъ Русскихъ каковъ!
 Знайте, языки, страшна колосса:
 Съ нами Богъ, съ нами, — чтите всѣ Росса!
 Весело Россъ проливаетъ 14
 Кровь за законъ и царя;
 Страха въ бою онъ не знаетъ,
 Къ нимъ лишь любовью горя.
 Знайте, языки, страшна колосса:
 Съ нами Богъ, съ нами, — чтите всѣ Росса!
 Россъ добродѣтель и славу 15
 Чтитъ лишь наградой своей,
 Трудъ и походы въ забаву;
 Ищетъ побѣдъ иль смертей.

Знайте, языки, страшна колосса:
Съ нами Богъ, съ нами, — чтите всѣ Росса!

Жизнь тѣхъ прославимъ полезну, 16

Кто суть отчизны щитомъ:

Слава монарху любезну!

Слава тебѣ, Бенингсонъ!

Знайте, языки, страшна колосса:

Съ нами Богъ, съ нами, — чтите всѣ Росса!

Повѣся шлемъ на мечъ³, имъ въ землю водруженной, 17
Предъ воинства лицомъ хвалу Творцу вселенной,
Колѣно преклоня, съ простертъемъ рукъ, воспѣль
На мѣстѣ брани вождь: — въ Россіи громъ взгрѣмѣль!

¹ Въ рукописи къ заглавію прибавлено: «Кантата на побѣду Французъ Русскими». Пьеса написана по случаю сраженія при Прейсисшъ-Эйлау, бывшаго 27 января 1807 года. Обѣ воевавшія стороны приписали себѣ побѣду. Эйлауская битва была въ свое время самою упорною и кровопролитною; Наполеонъ не приобрѣлъ въ ней никакой существенной выгоды, потерялъ знамена, не отбивъ ни одного, и не могъ нѣсколько дней тронуться съ мѣста. Онъ стоялъ въ мнѣніи современниковъ такъ высоко, что невыигранное имъ сраженіе считали почти проиграннымъ. Потому-то извѣстіе о битвѣ при Прейсисшъ-Эйлау было принято въ Петербургѣ съ восторгомъ: отбитыя французскія знамена были возимы по улицамъ кавалергардами съ музыкой; Государь пожаловалъ Бенингсену андреевскую ленту и роздалъ множество другихъ орденовъ, именно, четыремъ лицамъ болѣе, нежели за Бородинское сраженіе (Мих.-Данилевскій, *Опис. 2-й войны съ Напол.*, стр. 190 и слѣд.). О дѣлѣ при Прейсисшъ-Эйлау Вигель такъ отзывается: «Что ни говори Французы, сраженіе это мы выиграли, и лучшимъ доказательствомъ тому служить четырехмѣсячное послѣ него бездѣйствіе Наполеона, который не очень любилъ отдыхать на лаврахъ» (*Р. Вѣстн.* 1864, № 5, стр. 190 и 194). Какъ видно изъ тогдашнихъ газетъ, извѣстіе о прейсисшъ-эйлаускомъ дѣлѣ привезъ въ Петербургъ флигель-адъютантъ Станицкій (Ставицкій?) 2-го февраля. Въ краткомъ донесеніи Бенингсена было между прочимъ сказано: «Войска прославили себя вновь знаменитою побѣдою... Непритель совершенно разбитъ... Я не премину представить обстоятельную реляцію о сей достопамятной побѣдѣ, увѣнчавшей войска Вашего Императорскаго Величества вновь безсмертною славою на поляхъ при Прейсисшъ-Эйлау.» То же было потомъ повторено и въ подробномъ донесеніи главнокомандующаго (*С-петерб. Вѣдом.* 1807 г., № 11, 18, и 23 въ *Прибавленіяхъ*). О впечатлѣніи, произведенномъ этимъ извѣстіемъ, и о вниманіи публики къ Ставицкому см. *Дневникъ чиновника* (*Отч. Зап.* 1855, т. СІ, стр. 123 — 125). Очеркъ біографіи Бенингсена въ *Русск. Архивъ* 1868, стр. 1837 — 1860.

Въ 1802 году Княжнинъ напечаталъ мелодраму *Андромеда и Персей*.

Ода Державина появилась сперва отдѣльно, потомъ въ изд. 1808 г., ч. II, лххi.

² Въ Губителѣ мы баснь живаго саламандра.

Въ отдѣльномъ изданіи пьесы напечатано было: *Въ Наполеонѣ баснь* ...; но такъ какъ при выходѣ ея въ свѣтъ былъ уже заключенъ миръ, то стихъ измѣненъ (*Об. Д.*). *Саламандръ* — вымышленное существо въ видѣ чловѣка, живущее будто бы въ огнѣ. Баснь эта существовала уже при Аристотелѣ. Державинъ не разъ прилагалъ это имя къ Наполеону; ср. выше № 137, строф. 2.

³ Повѣся шлемъ на мечъ ...

По одержаніи побѣды Беннгсенъ воткнулъ свою шпагу въ землю, повѣсилъ на нее свою каску и, положивъ крестъ на барабанъ, приказалъ въ виду всей арміи служить благодарственный молебенъ, и во все продолженіе его стоялъ на козлѣняхъ (*Об. Д.*).

140. ЦѢПОЧКА ¹.

Послать я средь сего листочка	1
Изъ мелкихъ колець тонку нить:	
Искусная сія цѣпочка	
Удобна грудь твою покрыть.	
Позволь съ нѣжнѣйшимъ дерзновеньемъ	2
Обнять твою ей шею вкругъ;	
Захочешь, — будетъ украшеньемъ;	
Не хочешь, — спрячь ее въ сундукъ.	
Иной вѣдь на тебя такую	3
Наложить цѣпь, что, ахъ! грузна:	
Обдумай мысль сію простую,	
Красавица! — и будь умна.	

¹ Переводъ съ нѣмецкаго, говоритъ Державинъ (*Об.*). Подлинникъ можно найти между мелкими стихотвореніями Гете, подъ заглавіемъ: «Mit einem goldenen Halskettchen» (см. *Göthe's Werke* въ 40 томахъ, т. I, стр. 60, и *Göthe's Gedichte*, erläutert von H. Viehoff, ч. I, стр. 153). При этомъ и двухъ слѣдующихъ стихотвореніяхъ находится въ рукописи отмѣтка: «въ февралѣ 1807 года.»

Цѣпочка напечатана въ изд. 1808 г., ч. III, с.

141. КЪ МАТЕРИ, КОТОРАЯ САМА ВОСПИТЫВАЕТЪ ДѢТЕЙ СВОИХЪ ¹.

Иныхъ веселье убѣгаетъ,	1
Съ тобой оно живетъ всегда:	

Гдѣ разумъ съ красотой блистаетъ,
Тамъ не скучаютъ никогда.

Являя благородны чувства, 2
Не судишь ты страстей людскихъ:
Обнявъ науки и искусства,
Воспитываешь чадъ своихъ.

Въ такомъ уединеннѣ скромномъ 3
Ты такъ добротами блистишь,
Какъ Ангелъ въ храмѣ благовонномъ,
Всѣмъ обожать себя велишь.

¹ Написано для альбома княгини Татьяны Васильевны Юсуповой, рожденной Энгельгардтъ (см. томъ I, стр. 162). Напеч. въ изд. 1808 г., ч. III, оп. Въ текстѣ этого изданія 4-й стихъ 1-го куплета читается: Не скучно тамо никогда; но онъ исправленъ въ экземплярѣ, принадлежавшемъ Державину.

142. КЪ ДОБРОДѢТЕЛЬНОЙ КРАСАВИЦѢ¹.

Тѣлесна красота, душевна добродѣтель
Являютъ мудрому единую мѣту.
Коль зрять у первой онъ согласіе въ чертахъ,
А правду у другой и въ мысляхъ и въ дѣлахъ:
То видитъ въ двухъ одну прямую красоту, 5
Иль лучше, образецъ тѣхъ вышнихъ совершенствъ,
По коимъ красоты и благости Содѣтель,
Для наслажденія блаженствъ

И плоти и духовъ,
Образовалъ боговъ. 10
Они красотъ и благъ прямыхъ другъ въ другѣ зрѣнемъ
И вѣчнымъ ихъ собой взаимнымъ наслажденьемъ
Произвели любовь.

Сія же существа, прекрасныя, благія,
Коль суть не вымыслы и не мечты пустыя:
То ужъ конечно ты 15

Одна изъ Геніевъ, иль ангельскихъ міровъ,
Таланты чьи, дѣла, умъ, тѣла красоты
Приводятъ духъ въ восторгъ, во нѣжны чувства кровь
И въ философію и въ старость льютъ любовь.

¹ Подъ этимъ названіемъ должно разумѣть, вѣроятно, графиню Еват. Вас. Скваронскую, во второмъ бракѣ Литта (см. о ней выше стр. 124). Ср. въ томѣ III четверстишіе *Къ портрету прекрасной и добродѣтельной женщины*. Напеч. въ изд. 1808 г., ч. III, слл.

143. СОЛОМОНЪ И СУЛАМИТА ¹.

I.

Соломонъ (*одинъ*).

Зима ужъ миновала, 1

Ни дождь, ни снѣгъ неидеть;

Земля зеленой стала,

Синь воздухъ, лугъ цвѣтеть.

Все взгляды веселый мещеть, 2

Жизнь новую все пьеть;

Ливанъ по кедрамъ блещеть,

На листьяхъ липы медь.

Птиць нѣжныхъ воздыханье 3

Несется сквозь листовъ;

Любовь ихъ, лобызанье

Вьеть гнѣзда для птенцовъ.

Шиповый запахъ съ луга 4

Дыхаетъ ночь и день:

Приди ко мнѣ, подруга,

Подъ благовонну тѣнь!

Приди плѣниться пѣньемъ 5

Небесь, лѣсовъ, полей,

Да слухомъ и видѣньемъ

Вкушу красоты твоей.

О! коль мнѣ твой пріятный 6

Любезень тихій видъ,

А паче, ароматный

Какъ вздохъ ко мнѣ летить.

II.

ИХЪ ПЕРЕКЛИКЪ.

Суламита.

Скажи, о другъ души моей!

Подъ коей миртой ты витаешь? 7

Какой забавить соловей?
Гдѣ кедръ, подь коимъ почиваешь?

Соломонъ.

Когда не знаешь ты сего, 8
Пастушка милая, — овечекъ
Гони ты стада твоего
На дворъ, что въ роцѣ между рѣчекъ.

Суламита.

Скажи, какой изъ всѣхъ цвѣтовъ 9
Тебѣ прекраснѣй, благовоннѣй,
Чтобъ не искать межъ пастуховъ
Тебя, — и ты бѣ былъ мной довольнѣй.

Соломонъ.

Какъ въ домъ войдешь, во всѣхъ восторгъ 10
Вдохнешь ты тамъ своей красою;
Введетъ царь дѣву въ свой чертогъ,
Украситъ ризой золотою.

Суламита.

Мнѣ всякій домъ безъ друга пусть. 11
Мой другъ прекрасенъ, младъ, умиленъ:
Какъ на грудяхъ онъ розы кустъ;
Какъ виноградъ, онъ крѣпокъ, силенъ.

Соломонъ.

Моей младой подруги видъ 12
Всѣхъ возвышеннѣй женъ, прекраснѣй.

Суламита.

Какъ горликъ, на меня онъ зреть, — 13
Въ самой невинности всѣхъ страстнѣй.

Соломонъ.

Она мила, тѣнистый верхъ 14
И кедръ на брачный одръ къ намъ клонить.

Суламита.

Онъ милъ, — и намъ любовь готовить 15
Въ травѣ душистой тьму утѣхъ.

III.

Суламита (одна).

Сколь милый мой прекрасенъ! 16
Тамъ, тамъ вонъ ходитъ онъ:

Лицомъ — какъ мѣсяцъ ясенъ;
 Челомъ — въ зари хъ Сионъ.
 Съ главы его струятся
 Волнь желтые власы;
 Съ вѣнца, какъ съ солнца, зрятся
 Блισταюща красы.

Сколь милый мой прекрасенъ! 17
 Взоръ тихъ, какъ голубинъ;
 Какъ арфа, доброгласенъ;
 Какъ огонь уста; какъ кринъ,
 Цвѣтутъ въ ланитахъ розы;
 Приятности въ чертахъ,
 Какъ май, прогнавъ морозы,
 Смѣются на холмахъ.

Сколь милый мой прекрасенъ! 18
 Тимпана звучный громъ
 Какъ съ гуслими согласенъ,
 Такъ онъ со мной во всемъ.
 Но гдѣ мой другъ любезный?
 Гдѣ сердца моего
 Супругъ? Внявъ гласъ мой слезный,
 Същайте мнѣ его.

Сколь милый мой прекрасенъ! 19
 Пошелъ онъ въ садъ цвѣтовъ.
 Но вечеръ ужъ ненастенъ,
 Рветъ розы, зная, съ кустовъ.
 Ахъ! нѣтъ со мной, — ищите,
 Всѣ кличьте вы его,
 Мнѣ душу возвратите;
 Умру я безъ него.

IV.

Соломонъ и Суламита (*смысль*).

Положимъ на души печать, 20
 Въ сердцахъ союзомъ утвердимся;
 Другъ друга будемъ обожать;
 Въ любви своей не премѣнимся.

Хоръ дѣвъ.

Любовь сердцамъ 21
 Какъ медъ сладка,
 Любовь душамъ
 Какъ смерть крѣпка.

Соломонъ и Суламита (*омъсть*).

Лишь ревность намъ страшна, ужасна, 22
 Какъ пламя яро ада мрачна.

Хоръ.

Любовь сердцамъ 23
 Какъ медъ сладка,
 Любовь душамъ
 Какъ смерть крѣпка.

Соломонъ и Суламита (*омъсть*).

Вода не можетъ угасить 24
 Взаимна пламени любви;
 Имѣніемъ нельзя купить
 Волненья сладостнаго крови.

Хоръ.

Любовь сердцамъ 25
 Какъ медъ сладка,
 Любовь душамъ
 Какъ смерть крѣпка.

Соломонъ и Суламита (*омъсть*).

Лишь ревность намъ страшна, ужасна, 26
 Какъ пламя яро ада мрачна.

Хоръ.

Любовь сердцамъ 27
 Какъ медъ сладка,
 Любовь душамъ
 Какъ смерть крѣпка.

¹ Заимствовано изъ *Пѣсни пѣсней* и въ рукописи названо *Кантатой*. «Суламита» по-еврейски значитъ миролюбивая (по другому толкованію — совершенство). Въ примѣчаніяхъ къ сочиненіямъ Вольтера (изд. Veuchot) оно несправедливо объяснено словомъ невѣста. Мѣсто *Пѣсни пѣсней* (VI, 12, и VII, 1), гдѣ употреблено это имя, читается такъ въ славянской библии: «Обратися, обратися, Суламитино, обратися, обра-

тися, и узримъ въ тебѣ. Что увидите у Суламнитини, приходящія яко ливы полковъ?» Между сочиненіями, въ которыхъ разработанъ предметъ *Писни пѣсней*, не слѣдуетъ забывать книгу Гердера: *Salomon's Lieder der Liebe* (1778): см. его *Sämmtliche Werke*, Stuttg. u. Tüb. 1827, ч. IV. Этотъ сюжетъ находимъ не разъ у писателей прежняго времени, между прочимъ у Вольтера «*Précis du cantique des cantiques*», гдѣ женихъ названъ еврейскимъ же словомъ «*Chaton*» (*Oeuvres de Voltaire*, éd. Beauchot, т. XII, стр. 227).

Напеч. въ изд. 1808 г., ч. III, стр.

144. НА ВЫСТУПЛЕНІЕ КОРПУСА ГВАРДІИ ВЪ ПОХОДѢ ¹.

Громова стрѣла, 1
 Лучъ молнии быстропарной,
 Подобіе орла —
 О духъ Россіи бранной!
 Простряся быстрыми крылами
 Среди мразовъ, бурь, между снѣгами,
 Лети предъ строемъ Александра,
 Лети — и грянь на саламандра;
 Грени, рази ехиднѣ 2
 Илектра на волнахъ ²;
 Освободи Берлинъ,
 Лежащій во зміяхъ,
 Обвившихъ вкругъ его все тѣло.
 Твое, тебя достойно дѣло —
 Плеть лавръ себѣ изъ новой славы,
 Къ улыбка витьязя Полтавы.
 Такъ Петръ тронъ прусскій взнесъ 3
 И царствъ въ чреду поставилъ;
 Знакъ перстомъ далъ съ небесъ,
 Праправнукъ чтобъ избавилъ
 Отъ жрущаго его дракона,
 Открылъ въ немъ образъ Лаокона ³,
 Но спасагось стрѣлами Феба,
 О Россѣ! будь громъ, падушій съ неба!
 Ступай и побѣди 4
 Никѣмъ непобѣдимыхъ;
 Обрато не ходи
 Безъ звѣздъ, на персяхъ зримыхъ.

Безъ звѣздъ, на персяхъ зримыхъ.
 Ты храбрыхъ цвѣтъ, могущъ, прекрасенъ,
 Быть долженъ славой міру гласенъ,
 Что чтить друзей своихъ союзы,
 Полкъ Александра — щить Медузы.

¹ Какъ означено въ заглавіи рукописнаго текста, гвардія выступала въ заграничный походъ противъ Французовъ отъ 13-го до 17-го февраля 1807 года. «Влизъ Юрбурга императоръ Александръ въ концѣ марта представлялъ прусскому королю гвардію свою. Отборное войско сіе шло при трескучихъ морозахъ самыми усиленными маршами; дневки бывали послѣ пяти или шести переходовъ . . . Общее желаніе всѣхъ чиновъ гвардіи помѣряться съ Французами и тѣлесныя силы людей и лошадей превозмогали трудности похода . . . Послѣ смотра монарховъ гвардія пошла изъ Юрбурга на соединеніе съ арміею» (Михайловскаго-Данилевскаго *Описаніе второй войны съ Наполеономъ*, Спб. 1846, стр. 253). Въ «Дневникѣ чиновника» (*Отеч. Зап.* 1855, т. CI, стр. 132) читаемъ: «9 февраля, суббота. Сегодняшній литературный вечеръ у Гаврила Романовича начался чтеніемъ стиховъ его на выступленіе въ походъ гвардіи». На эти стихи А. Писаревъ написалъ отвѣтъ, помѣщенный въ *Вѣстникъ Европы* 1807 г. (ч. XXXIII, № 12, стр. 276).

Напечат. сперва отдѣльно, потомъ въ изд. 1808 г., ч. II, lxxii.

² Илектра на волнахъ.

ѣлектровъ — янтарь: Балтійское море у береговъ Пруссіи.

³ Открылъ въ немъ образъ Лаокона.

Подъ Лаокоономъ здѣсь разумѣется Берлинъ, подъ Фебомъ — Александръ I (*Об. Д.*).

145. МОЛИТВА ПО ОТЪЗДѢ ВЪ АРМІЮ АЛЕКСАНДРА I

1807 ГОДА МАРТА 16 ДНЯ¹.

Господи! возсылають 1
 Къ Тебѣ свои мольбы, —
 Взоръ, длани простирають
 Смиренные рабы:
 Взгляни сквозь страшны бездны
 Съ высотъ Твоихъ святыхъ
 На вздохи, токи слезны,
 На огнь оймьямовъ ихъ.
 Взгляни и виждь: Россія,
 Тьмой душъ, какъ звѣздъ, горя

Среди тверди голубья,
 Гласить: Спаси Царя!
 Храни его на брани,
 Покой въ пути, паси;
 Твои незримы длани
 Вездѣ надъ нимъ носи,
 Будь твердый щить отъ злобы.
 Ты зришь, сколь врагъ его
 Геройскихъ душъ свель въ гробы
 Среди звѣрства своего:
 Тамъ мать лишилась сына,
 Тамъ братъ палъ смерти въ доль,
 Четы здѣсь половина —
 И Ты, Творецъ, доколь. . . .
 Доколь токи крови
 Велишь намъ, грѣшнымъ, лить?
 Богъ благости, любви
 Жестокъ не можетъ быть:
 Престани же отъ гнѣва,
 Ревъ бури усмири;
 Хлябь алчную Эрева
 Перунами запри;
 Ударь! — и съ крылъ Зефира
 Снесется тихій день:
 Благоуханну мира
 Дастъ Александръ намъ сѣнь.

¹ «Желая лично удостовѣриться въ положеніи дѣлъ на театрѣ войны, обозрѣть храброе свое войско и оживить слабѣвшій духъ прусскаго двора, императоръ Александръ отправился 16-го марта изъ Петербурга въ армію чрезъ Ригу и Митаву. Его сопровождали оберъ-гофмаршалъ графъ Толстой, министръ иностранныхъ дѣлъ баронъ Будбергъ и генералъ-адъютантъ графъ Ливенъ и князь Волконскій. Въ Полаугенѣ, 24-го марта, Императоръ былъ встрѣченъ прусскимъ королевемъ» (*Опис. 2-ой войны и проч.*, стр. 249). Эти стихи тогда же были напечатаны отдѣльно, положены на музыку Нейкомомъ и пѣты въ филармоническомъ обществѣ придворными пѣвчими. Напечат. въ изд. 1808 г. ч. II, лххiv, подъ заглавіемъ: *Молитва по Высочайшемъ отсутствіи въ армію Его Императорскаго Величества.*

146. МОИ ГРАЦИИ¹.

Се дѣвы милыя, что мой склоняютъ духъ
 Къ себѣ умомъ, красой и сердца воспитаньемъ;
 Любя ихъ каждую, равно всѣхъ любишь вдругъ
 Подъ добродѣтели святымъ сияньемъ.
 Важна и весела улыбкой та своей,
 Другая кроткихъ чувствъ и въ робости любима,
 Пльняетъ третія огнемъ своихъ очей:
 Отъ ангеловъ стрѣла неизбѣжима.
 Златое яблоко прекраснѣйшей изъ нихъ
 Бывъ долженъ подарить, я бѣ раздѣлилъ на части,
 Иль старшая возьми: увѣренъ, что однихъ
 Ревнивыхъ склоненъ духъ отмищенья къ страсти.
 Взоръ Лизы, какъ эфиръ: свѣтла ея душа.
 Взоръ Вѣры, Паши чернъ, какъ скромна ночь съ звѣздами.
 Амуръ и Гименей! бѣгите къ нимъ спѣша:
 Пріятности вовѣкъ жить будутъ съ вами.

¹ Написано въ Свѣтлое воскресенье и послано вмѣсто краснаго янча племянницамъ поэта: Елисаветѣ, Вѣрѣ и Прасковѣ Львовымъ (см. выше стр. 290. и слѣд.). Напечатано въ изд. 1808 г., ч. III, сж.

147. БЛАЖЕНСТВО СУПРУГА¹.

Блаженна та жена, которая, изъ круга
 Уклоншись роскоши, какъ бы звѣзда въ тѣни,
 Въ содружествѣ сестры, въ объятія супруга
 Проводитъ въ тишинѣ благословенны дни!
 Подъ сѣверомъ сѣдымъ ни мразь, ни вихрь, ни вьюга
 Не ужасаютъ ихъ; но, лиліямъ они
 Подобно сплетшимся среди тѣниста луга,
 Лишь непорочности своей цвѣтутъ въ сѣни.
 Не въ силахъ возмутить спокойства ихъ шумъ града,
 Ни прихоти богатствъ, ни зависть, ни досада;
 Но, бывъ довольными они своей судьбой,
 Не ищутъ на землѣ благъ рая, Альдорада²;
 Но совѣсть чистая и Небо имъ награда.
 Почтенная Стейнбокъ! ты зришь здѣсь образъ свой.

¹ Написано для графини Стейнбокъ, урожденной Дьяковой (см. выше стр. 384), и помѣщено въ альбомѣ графини Спренгпортенъ *. Въ рукописи заглавіе: *Сонетъ*. Напечат. въ изд. 1808 г., ч. III, схп.

² ... Альдорада.

Правильнѣе *Эльдорадо* (испанское слово el Dorado = золотой, т. е. край), баснословная страна въ южной Америкѣ, куда уже съ шестнадцатаго столѣтія отправлялись искатели приключеній, — «государство», говоритъ Державинъ (*Об.*), «о коемъ пишетъ Вольтеръ въ сказкѣ своей Кандидъ».

* Баронъ, впоследствии графъ Спренгпортенъ (Göran Magnus Sprengporten), шведъ финскаго происхожденія, перешелъ въ русскую службу во время войны 1788 г., былъ въ 1808 г. финляндскимъ генералъ-губернаторомъ и умеръ въ 1819. Онъ всегда мечталъ о составленіи изъ Финляндіи независимаго великаго княжества подъ гарантіею Россіи и Швеціи. Женатъ былъ на дѣвицѣ Глансеншерна (*Svenskt biografiskt Lexikon*).

148. ЕВГЕНІЮ. ЖИЗНЬ ЗВАНСКАЯ ¹.

Блаженъ, кто менѣе зависитъ отъ людей, 1
 Свободенъ отъ долговъ и отъ хлопотъ приказныхъ,
 Не ищетъ при дворѣ ни злата, ни честей,
 И чуждъ суетъ разнообразныхъ!
 Зачѣмъ же въ Петрополь на вольну ѣхать страсть, 2
 Съ пространства въ тѣсноту, съ свободы за затворы,
 Подъ бремя роскоши, богатствъ, сиренъ подъ власть
 И предъ вельможей пышны взоры?
 Возможно ли сравнять что съ вольностью златой, 3
 Съ уединеніемъ и тишиной на Званкѣ?
 Довольство, здравіе, согласіе съ женой,
 Покой мнѣ нуженъ — дней въ останкѣ.
 Возставъ отъ сна, взвожу на небо скромный взоръ: 4
 Мой утренюетъ духъ Правителю вселенной;
 Благодарю, что вновь чудесъ, врасотъ позоръ ²
 Открылъ мнѣ въ жизни толь блаженной.
 Пройдя минувшую и не нашедши въ ней, 5
 Чтобъ черная змѣя мнѣ сердце угрызала,
 О! коль доволенъ я, оставилъ что людей
 И честолюбія избѣгъ отъ жала ³!
 Дыша невинностью, пью воздухъ, влагу росъ, 6
 Зрю на багрянецъ зарь, на солнце восходяще;

- Ищу красивых мѣсть между лилей и розъ,
 Средь сада храмъ жезломъ чертяще.
- Иль, накормя монахъ пшеницей голубей, 7
 Смотрю надъ чашей водъ, какъ выютъ подъ небомъ круги;
 На разноперыхъ птицъ, поющихъ средь сѣтей,
 На кроющихъ, какъ снѣгомъ, луги;
 Пастушьего вблизи внимаю рога зовъ, 8
 Вдали тетеревей глухое токованье,
 Барашковъ въ воздухѣ ⁴, въ кустахъ свистъ соловьевъ,
 Ревъ кравъ, громъ желнь и коней ржанье.
 На кровлѣ жъ зазвенитъ какъ ласточка, — и паръ 9
 Повѣтъ съ дома мнѣ манжурской иль левантской,
 Иду за круглый столъ: и тутъ-то растобаръ
 О снахъ, молвъ градской, крестьянской,
 О славныхъ подвигахъ великихъ тѣхъ мужей, 10
 Чьи въ рамкахъ по стѣнамъ златыхъ блистаютъ лица,
 Для воспоминанья ихъ дѣяній, славныхъ дней,
 И для прикрасъ моей свѣтлицы, —
 Въ которой поутру, иль въ вечеру, порой 11
 Дивлюся въ Вѣстникѣ, въ газетахъ иль журналахъ,
 Россіянъ храбрости, какъ всякъ изъ нихъ герой,
 Гдѣ есть Суворовъ въ генералахъ;
 Въ которой къ госпожѣ, для похвалы гостей, 12
 Приносятъ разныя полотна, сукна, ткани,
 Узорны образцы салфетокъ, скатертей,
 Ковровъ и кружевъ и вязани ⁵;
 Гдѣ съ скотенъ, пчельниковъ и съ птичниковъ, прудовъ ^а, 13
 То въ маслѣ, то въ сотахъ зрю золото подъ вѣтвями,
 То пурпуръ въ ягодахъ, то бархатъ-пухъ грибовъ,
 Сребро, трепещуще лещами;
 Въ которой, обозрѣвъ больныхъ въ больницѣ, врачъ 14
 Приходитъ доносить о ихъ вредѣ, здоровьѣ,
 Прося на пищу имъ: тѣмъ съ поливкой калачъ,
 А тѣмъ лѣкарствница въ подспорье ^б;
 Гдѣ также иногда по палкамъ, по костямъ, 15
 Усастый староста, иль скопидомъ брюхатый
 Даютъ отчетъ казнѣ и хлѣбу и вещамъ,
 Съ улыбкой часто плутоватой; —
 И гдѣ, случается, художники млада 16

- Работы кажутъ ихъ на древѣ, на холстинѣ,
И получаютъ въ даръ подачи за труды,
А въ часъ и денегъ по полтинѣ;
И гдѣ до ужина, чтобы прогнать какъ сонъ, 17
Въ задорѣ иногда въ игры зѣло горячи
Играемъ въ карты мы, въ ерошки, въ фараонъ,
По грошу въ долгъ и безъ отдачи.
Оттуда прихожу въ святилище я Музъ, 18
И съ Флаккомъ, Пиндаромъ, боговъ возсѣвши въ пирѣ,
Къ царямъ, къ друзьямъ моимъ иль къ небу возношусь,
Иль славлю сельску жизнь на лирѣ;
Иль въ зеркало временъ, качая головой, 19
На страсти, на дѣла зрю древнихъ, новыхъ вѣковъ,
Не видя ничего, кромѣ любви одной
Къ себѣ, — и драки человѣковъ.
«Все суета суетъ!» я, въздыхая, мню; 20
Но, бросивъ взоръ на блескъ свѣтила полудневна:
«О, коль прекрасенъ мѣръ! Чтожъ духъ мой бремению?
Творцомъ содержишься вселенна.
Да будетъ на земли и въ небесахъ Его 21
Единаго во всемъ вседѣйствующа воля!
Онъ видитъ глубину всю сердца моего
И строится моя Имъ доля.»
Дворовыхъ, между тѣмъ, крестьянскихъ рой дѣтей 22
Сбираются ко мнѣ, не для какой науки,
А взять по нѣскольку баранокъ, кренделей,
Чтобы во мнѣ не зрѣли буки^е.
Письмоводитель мой тутъ долженъ на моихъ 23
Бумагахъ мараныхъ, пастухъ какъ на овечкахъ,
Репейникъ вычищать. Хоть мыслей нѣтъ большихъ,
Блестятъ и жучки въ епанечкахъ.
Бьетъ полдня часть, рабы служить къ столу бѣгутъ^е; 24
Идетъ за трапезу гостей хозяйка съ хоромъ.
Я озрѣваю столъ, — и вижу разныхъ блюдъ
Цвѣтникъ, поставленный узоровъ: *Мамъ*
Багряна ветчина, зелены щи съ желткомъ, 25
Румяно-желтъ пирогъ, сыръ бѣлый, раки красны, *кешисе*
Что смоль, янтарь-икра, и съ голубымъ перомъ?
Тамъ шука пестрая — прекрасны!

Прекрасны потому, что взоръ манятъ мой, вкусъ, 26
 Но не обилиемъ иль чуждыхъ странъ приправой,
 А что опрятно все и представляетъ Русь:

(Припасъ домашній, свѣжій, здравой.)

Когда же мы донскихъ и крымскихъ кубки винъ, 27
 И липца, воронка⁸ и чернобѣйна пива
 Запустимъ нѣсколько въ румяный лобъ хмелинъ, —
 Бесѣда за сладкими шутива.

Но молча вдругъ встаемъ: — бьетъ, искрами горя⁹, 28
 Дрежъ русскихъ сладкій сокъ до подвѣчныхъ бревенъ⁹:
 За здравье съ громомъ пьемъ любезнаго Царя,
 Царицъ, царевичей, царевенъ.

Тутъ кофе два глотка; схрапну минутъ пятокъ; 29
 Тамъ въ шахматы, въ шары иль изъ лука стрѣлами,
 Пернатый къ потолку лаптой мечу летокъ
 И тѣшусь разными играми.

Иль изъ кристалльныхъ водъ, купаленъ, между дровъ, 30
 Отъ солнца, отъ людей подъ скромнымъ осѣненьемъ,
 Тамъ внемлю юношей, а здѣсь плесканье дѣвъ,
 Съ душевнымъ нѣкимъ восхищеньемъ.

Иль въ стекла оптики картинныя мѣста 31
 Смотрю моихъ усадебъ; на свиткахъ грады, царства,
 Моря, гѣса, — лежитъ вся міра красота
 Въ глазахъ, искусствъ¹ черезъ коварства;

Иль въ мрачномъ фонарѣ люблюсь, звѣзды зря 32
 Бѣгущи въ тишинѣ по синю волнъ стремленью:
 Такъ солнца въ воздухѣ, я мню, текутъ, горя,
 Премудрости ко прославленью.

Иль смотримъ, какъ вода съ плотины съ ревомъ лить 33
 И, движа машину, древа на доски дѣлитъ;
 Какъ сквозь чугунныхъ паръ столповъ на воздухъ бьетъ;
 Клокоча, огонь толчетъ и мелеть.

Иль любопытны, какъ бумажны руны волнъ 34
 Въ лѣтки сквозь иглъ, колесъ, подобно снѣгу льются
 Въ пушистыхъ локонахъ, и тьмы вдругъ веретень
 Марианной рукой придутся¹⁰.

Иль какъ на ленъ, на шелкъ цвѣтъ, пестрота и лоскъ, 35
 Всѣ прелести, красы, берутся съ поль царичи¹¹;
 Сталь жесткая, глядимъ, какъ мягкій, алый воскъ¹²

- Куется въ бердыши милицы ¹²,
 И сельски ратники какъ, царства ставъ щитомъ, 36
 Бѣгутъ съ стремленьемъ въ строй во рыцарскомъ убранствѣ,
 «За Вѣру, за Царя, мы», говорятъ, «померемъ,
 Чѣмъ у Французовъ быть въ подданствѣ ¹³!»
 Иль въ лодкѣ вдоль рѣки, по берегу пѣшь, верхомъ, 37
 Качусь на дрожкахъ я сосѣдей съ вереницей;
 То рыбу удами, то дичь громимъ свинцомъ,
 То зайцевъ ловимъ псовъ станицей.
 Иль стоя внемлемъ шумъ зеленыхъ, черныхъ волнъ, 38
 Какъ дернъ бугрится соха, злакъ травъ падеть косами,
 Серпами злато нивъ, — и ароматовъ полнъ
 Порхаеъ вѣтръ межъ нимфъ рядами.
 Иль смотримъ, какъ бѣжитъ подъ черной тучей тѣнь 39
 По копнамъ, по снопамъ, коврамъ желтозеленымъ,
 И сходить солнышко на нижнюю ступень
 Къ холмамъ и рощамъ синетемнымъ.
 Иль, утомясь, идемъ скирдовъ, дубовъ подъ сѣнь; 40
 На брегѣ Волхова разводимъ огонь дымистый;
 Глядимъ, какъ на воду ложится красный день
 И пьемъ подъ небомъ чай душистый.
 Забавно, въ тѣмѣ челновъ съ сѣтymi какъ рыбаки, 41
 Лѣнивымъ строимъ пливъ, страшатъ тварь влаги стукомъ ¹⁴;
 Какъ парусы суда, и ляжкой бурлаки
 Влекутъ однимъ подъ пѣсною духомъ.
 Прекрасно, тихіе, отлогіе брега 42
 И рѣдки холмики, селеній мелкихъ полны
 Какъ, полосаты ихъ клоны поля, луга,
 Стоять надъ токомъ струй безмолвны.
 Пріятно, какъ вдали сверкаетъ лучъ съ косы, 43
 И эхо за лѣсомъ подъ мглой гамить народа,
 Жнецовъ поющихъ, жницъ ъ полкъ идетъ съ полосы,
 Когда мы ѣдемъ изъ похода.
 Стеклъ заревомъ горить мой храмовидный домъ, 44
 На гору желтый всходъ межъ розъ осіявая,
 Гдѣ встрѣчу водометъ шумить лучей дождемъ,
 Звучить музыка духовая.
 Изъ жерлъ чугунныхъ громъ по праздникамъ реветъ; 45
 Подъ звѣздной молніей, подъ свѣтлыми древами

- Толпа крестьянъ, ихъ женъ вино и пиво пьеть,
 Поеть и пляшетъ подъ гудками.
- Но скучить какъ сія забава сельска намъ, 46
 Внутрь дома тѣшимся столицъ увеселеньемъ,
 Велимъ талантами родныхъ своихъ дѣтямъ
 Блестать, музыкой, пляской, пѣньемъ.
 Амурчиковъ, харитъ плетень, иль хороводъ, 47
 Занявъ у Талин игру и Терпсихоры,
 Цвѣточныя вѣнки пастухъ пастушкѣ вьетъ;
 А мы на нихъ и палимъ взоры.
 Тамъ съ арфы звучныя порывный въ души громъ, 48
 Здѣсь тихогрома¹⁵ съ струнъ смягченны, плавны тоны
 Бѣгутъ, — и въ естествѣ согласія во всемъ
 Даютъ намъ чувствовать законы.
 Но нѣтъ какъ праздника, и въ будни я одинъ, — 49
 На возвышеніи сидя столповъ перильныхъ,
 При гусяхъ подъ вечеръ, челомъ моихъ сѣдинъ
 Склонясь, ношусь въ мечтахъ умильных:
- Чего въ мой дремлющій тогда не входитъ умъ¹⁶? 50
 Мимолетащи суть всѣ времени мечтанья:
 Проходятъ годы, дни, ревъ морь и бурей шумъ,
 И всѣхъ зефировъ повѣванья.
 Ахъ! гдѣ жъ, ищу я вокругъ, минувшій красный день? 51
 Побѣды, слава гдѣ, лучи Екатерины?
 Гдѣ Павловы дѣла? — Сокрылось солнце, — тѣнь! ...
 Кто вѣсть и впредь полетъ орлиный?
 Видъ лѣта краснаго намъ Александровъ вѣкъ: 52
 Онъ сердцемъ нѣжныхъ лиръ удобенъ двигать струны;
 Блаженствовалъ подъ нимъ въ спокойствѣ человекъ,
 Но мечеть днесъ и онъ перуны¹⁷.
 Умолкнуть ли они? — Сіе лишь знаетъ Тотъ, 53
 Который къ одному концу всѣ правитъ сферы;
 Онъ перстомъ ихъ Своимъ, какъ строй какой ведетъ,
 Ко благу общему склоняя мѣры.
 Онъ корни помысловъ, Онъ зреть полетъ всѣхъ мечтъ 54
 И поглумляется безумству человекъовъ:
 Тѣхъ освѣщаетъ мракъ, тѣхъ помрачаетъ свѣтъ
 И днешнихъ и грядущихъ вѣковъ.
 Грудь Россовъ утвердилъ, какъ стѣну, онъ въ отпоръ 55

Темиру новому подъ Пультускомъ, Прейсшъ-лау;
 Младыхъ вождей распѣлъ побѣдами тамъ взоръ,
 А крылъ Орла сѣдаго славу¹⁸.

Такъ самыхъ свѣтлыхъ звѣздъ блескъ меркнетъ отъ нощей. 56
 Что жизнь ничтожная? моя скудельна лира?

Увы! и даже прахъ спашнетъ съ моихъ костей
 Сатурнъ крылами съ тлѣнна міра.

Разрушится сей домъ, засохнетъ боръ и садъ¹⁹, 57
 Не вспомняется нигдѣ и имя Званки;
 Но совъ, сычей изъ дупль огнезеленый взгляды
 И развѣ дымъ сверкнетъ съ землянки.

Иль вѣтъ, Евгений! ты, бывъ нѣкогда мопхъ 58
 Свидѣтель пѣсень здѣсь, взойдешь на холмъ²⁰ тотъ страшный,
 Который, тощихъ нѣдръ и сводовъ внутрь своихъ

Вождя, волхва гробъ кроетъ мрачный,
 Отъ коего, какъ громъ катается надъ нимъ, 59
 Съ булатныхъ ржавыхъ вратъ и збруи мѣдной гулы
 Такъ слышны подъ землей, какъ грохотомъ глухимъ
 Въ лѣсахъ, трясясь, звучать стрѣль гулы.

Такъ, развѣ ты, отецъ, святымъ твоимъ жезломъ 60
 Ударивъ объ доски, заросши мхомъ, желѣзны,
 И свитыхъ вкругъ моей могилы змѣй гнѣздомъ
 Прогонишь — блѣдну зависть — въ бездны;

Не зря на колесо веселыхъ, мрачныхъ дней, 61
 На возвышеніе, на пониженъе счастья,
 Единой правдою меня въ умахъ людей
 Черезъ Кліи воскресишь³ согласи²¹.

Такъ, въ мракѣ вѣчности она своей трубой 62
 Удобна лишь явить то мѣсто, гдѣ отзывы
 Отъ лиры моя шумящею рѣкой

Неслись черезъ холмы, доли, нивы.
 Ты слышалъ ихъ — и ты, будя твоимъ перомъ 63
 Потомковъ ото сна, близъ сѣвера столицы,
 Шепнешь въ слухъ страннику, вдали какъ тихій громъ:
 «Здѣсь Бога жилъ пѣвецъ, Фелицы.»

¹⁸ Гдѣ съ скотенъ, пчельниковъ и съ птиченъ и прудовъ (1807).

¹⁹ А тѣмъ лѣкарственно снадобье.

... по биркамъ, по костямъ.

(поправлено рукой Державина въ изданіи 1808 г.).

- ... рабы запыхавшись бѣгутъ (1807).
- † ... сокъ, искрами горя,
Бьетъ сладкихъ русскихъ дровъ до ...
- Предъ мной искусствъ ...
- Сталь жесткая, какъ мягкій ...
- ... жней ...
- Чрезъ Клии возгласишь согласья.
- ... и ты, твоимъ перомъ
Будя потомковъ сонъ ...

¹ Евгений Болховитиновъ, извѣстный особенно своими двумя словарями русскихъ писателей, былъ назначенъ въ январѣ 1804 года епископомъ старорусскимъ, викариемъ повгородскимъ, и занималъ эту должность до января 1808 г., когда его перевели въ вологодскую епархію. Живя въ продолженіе этого времени въ Хутынскомъ монастырѣ, онъ сблизился съ Державинымъ, проводившимъ лѣтніе мѣсяцы на Званкѣ, въ 60-ти верстахъ оттуда (подробности ихъ сближенія см. въ *Сборникъ Отдѣленія русск. яз. и слов.*, т. V, вып. I, «Переписка Евгения съ Державинымъ»; о Званкѣ см. въ настоящемъ томѣ стр. 121). Евгений бывалъ здѣсь у поэта: извѣстно особенно одно его посѣщеніе, — именно въ 1807 году, — въ память котораго былъ нарисованъ акварелью видъ Званки, величиною въ поллиста большаго формата: это работа служившаго при Державинѣ секретаремъ Абрамова (томъ I, стр. 290), который былъ на всѣ руки, готовилъ празднества, фейерверки, а въ случаѣ надобности исправлялъ также должность архитектора и живописца. Подлинный рисунокъ принадлежитъ нынѣ Киевской Духовной семинаріи, обязательно доставившей его во II-е отдѣленіе Академіи Наукъ. Гравюра съ него была приложена еще въ 1810 году къ *Вѣстнику Европы* (№ 2). Копію съ этого самаго рисунка видѣлъ С. Т. Аксаковъ 1809 г. въ кабинетѣ Дмитрія Борисовича Мертваго, надъ письменнымъ его столомъ, но стихи были безъ подписи, и онъ не зналъ, чьи они (*Русс. Вѣстн.* 1857, № 5, стр. 129).

На оборотѣ подлиннаго рисунка помѣщены слѣдующіе стихи, подписанные своеручно Державинымъ и помѣченные 22 іюля 1807 г.:

На память твоего, Евгений, посѣщенья
Усадьбы маленькой изображень здѣсь видъ.
Гораций какъ бывалъ Меценомъ въ восхищеньи,
Такъ былъ обрадованъ тобой мурза-пшть.

Подъ этими стихами Евгений написалъ:

«Средь сихъ болотъ и ржавинъ *)
Съ безсмертнымъ эхомъ вѣчныхъ скалъ
Безсмертны пѣсни повторялъ
Безсмертныи нашъ пѣвецъ Державинъ.»

* *Ржавина* — то же, что *ржавецъ*, — топкое мѣсто, содержащее въ себѣ желѣзную руду. — Въ статьѣ С. Аксакова въ *Р. Вѣст.* этотъ стихъ читается: «Средь сихъ лѣсовъ, болотъ и ржавинъ», но въ автографѣ Евгения нѣтъ слова *лѣсовъ*.

Въ объясненіе этихъ стиховъ прибавимъ со словъ Державина (*Об.*), что Евгенийъ, бывая на Званкѣ, любилъ слушать эхо отъ пушечныхъ выстрѣловъ, которые нѣсколько разъ отдавались по лѣсамъ волховскихъ береговъ.

Берега Волхова отъ Новгорода вообще низки и ровны; но на мѣстѣ Званки земля подымается довольно круто длиннымъ, овальнымъ холмомъ. Посрединѣ его возвышалась усадьба; фасадъ ея къ рѣкѣ былъ украшенъ балкономъ на столбахъ и каменной лѣстницей, передъ которою былъ фонтанъ; снизу по уступамъ холма былъ устроенъ покойный всходъ. Теперь ничего этого уже нѣтъ: видны только остатки крыльца; на мѣстѣ же самаго дома лежатъ разбросанные кирпичи и сложена груда камней. Причины разрушенія его объяснены нами въ статьѣ: *Званка и могила Державина въ Соврем. Литписи* 1863, № 33. Удѣлѣли только немногія строенія, какъ-то: баня, каретный сарай и часовня. Все здѣсь тихо, пустынно, мрачно; а было время, когда на этомъ мѣстѣ кипѣла жизнь привольная и шумная. По примѣру Горация, который въ своихъ стихахъ часто упоминаетъ о своей виллѣ (Н. М. Благовѣщенскаго *Гораций и его время*, гл. VI), Державину вздумалось описать весь свой бытъ на Званкѣ, и онъ посвятилъ это описаніе Евгению, какъ своему доброму сосѣду и усердному почитателю. Въ черновой, испещренной поправками рукописи оно отнесено къ маю мѣсяцу. Первоначально заглавіе было: *Жизнь на Званкѣ*; потомъ предполагалось: *Жизнь моя на Званкѣ*, или еще иначе *Картина жизни званской*. Посвященіе Евгению приписано уже послѣ всего. — Евгенийъ род. 1767 г. въ Воронежѣ, ум. 1837 въ Кіевѣ (см. его біографію передъ Словаремъ свѣтскихъ писателей). По сюжету, приближается къ этому стихотворенію *Похвала сельской жизни* (см. выше, стр. 102)

Напечат. въ *Вѣстникъ Европы* за августъ 1807 г. (ч. XXXIV, № 16, стр. 268), съ означеніемъ при заглавіи года и мая мѣсяца; потомъ въ изд. 1808, ч. II, LXXVII.

² ... красоть позорь,

т. е. позорище, зрѣлище (ср. томъ I, стр. 438, прим. 3.).

³ И честолюбія избѣгъ отъ жала.

Съ октября 1803 года Державинъ былъ въ отставкѣ.

⁴ Барашковъ въ воздухѣ и проч.

т. е. бакасовъ, которые кричатъ какъ барашки; *желна* — родъ дятла; поэтъ разумѣетъ шумъ, который далеко отдается, когда онѣ долбаютъ клювомъ деревья. *Парь манджурскій и левантскій* — чай и кофе (*Об. Д.*).

⁵ Ковровъ и кружевъ и вязани.

На Званкѣ были небольшія фабрики: суконная и ковровая. — Упомянутый въ предыдущемъ куплетѣ Вѣстникъ есть *Вѣстникъ Европы*, въ которомъ, какъ читатели могли видѣть, нашъ поэтъ часто помѣщалъ стихи свои.

⁶ Чтобы во мнѣ не зрѣли буки.

Мѣстныя преданія подтверждаютъ эту черту въ сельской жизни Державина. Помнящіе его крестьяне говорятъ, что онъ былъ для нихъ ис-

тиннымъ отбѣмъ: бѣднымъ покупалъ лошадей, коровъ, давалъ хлѣбъ и строилъ дома. Онъ вставалъ въ 6 часовъ утра, выходилъ на крыльцо, гдѣ его каждое утро ожидали до 30-ти человѣкъ мальчиковъ и дѣвочекъ, садился среди ихъ, заставлялъ читать молитвы и раздавалъ имъ разныя сласти (слышано отъ священника сельца Званки).

⁷ ... и съ голубымъ перомъ и проч.

И. И. Дмитріевъ въ Запискахъ своихъ (*Взглядъ на мою жизнь*, стр. 56) рассказываетъ о Державинѣ: «Въ другой разъ замѣтилъ я, что онъ за обѣдомъ своимъ смотритъ на разварную щучу и что-то шепчетъ; спрашиваю тому причину. «А вотъ я думаю», сказалъ онъ, «что еслибы случилось мнѣ приглашать въ стихахъ кого-нибудь къ обѣду, то при исчисленіи блюдъ, какими хозяинъ намѣренъ потчевать, можно бы сказать, что будетъ и *щуча съ голубымъ перомъ*.» За тѣмъ Дмитріевъ ошибается, прибавляя: «И мы чрезъ годъ или два услышали этотъ стихъ въ его посланіи къ князю А. А. Безбородкѣ» (онъ разумѣетъ *Приглашеніе къ обѣду*, томъ I, стр. 462). Нѣтъ, тамъ замѣчательнѣе другой стихъ въ этомъ же родѣ: *Шекспирска стерлядь золотая*. Дмитріевъ смѣшалъ эти два выраженія. — Съ *янтaremъ* сравнена, по объясненію Державина «выпускная желтая икра.»

⁸ И липца, воронка ...

Липецъ — медъ, на подобіе вина приготовленный, желтаго цвѣта; воровокъ — тоже медъ, но черный, съ воскомъ вареный (*Об. Д.*).

⁹ Древъ русскихъ сладкій сокъ ...

Березовый или яблочный сокъ, приготовляемый въ видѣ шампанскаго (*Об. Д.*).

¹⁰ Маринной рукой прядутся.

«Императрица Марія Ѳеодоровна вывезла изъ Англій прядильную машину, на которой одинъ человѣкъ болѣе нежели на сто веретенахъ можетъ прять» (*Об. Д.*). Подобныя машины дѣлались послѣ на Александровской мануфактурѣ.

¹¹ ... берутся съ поль царницы.

Здѣсь разумѣется красильня, гдѣ красятъ шелкъ, шерсть, ленъ и бумагу травяными красками, собираемыми съ царницы полей, т. е. Флоры (*Об. Д.*).

¹² Куется въ бердыши милицы.

«Въ сіе время, по повелѣнію императора Александра, была набрана милиція для защищенія границъ отъ Французовъ» (*Об. Д.*).

¹³ Чѣмъ у Французовъ быть въ подданствѣ.

Надобно вспомнить ненавистное значеніе, какое тогда простой народъ въ Россіи уже соединялъ съ именемъ Французовъ.

¹⁴ Лѣнливимъ строемъ плывъ, страшатъ тварь влаги стукомъ.

Рыбная ловля, называемая *колотомъ*: пѣсколѣбо десятковъ маленькихъ лодочекъ медленно движутся; въ каждой по два человѣка; опустивъ въ воду сѣтки, стучатъ палками объ лодки; испуганная рыба мечется и попадаетъ въ сѣтки (*Об. Д.*).

¹⁵ Здѣсь тихогрома . . .

Тихогромъ — буквальный переводъ слова piano-forte. Ср. подъ 1809 г., въ слѣдующемъ томѣ, *Цыганіе Саула*.

¹⁶ Чего въ мой дремлющій тогда не входятъ умъ.

Этотъ стихъ послужилъ Пушкину эпитафіою къ стихотворенію *Осемь* (*Соч. Пушкина*, изд. Анненк., ч. II, стр. 517 и 541).

¹⁷ Но мечеть днесъ и онъ перуны.

«Императоръ Александръ былъ кроткаго духа и съ мирнымъ расположеніемъ, но заведенъ былъ окружающими его въ весьма неприятели военныя дѣла» (*Об. Д.*). Замѣчательное воззрѣніе на войны Александра I, вѣроятно распространенное между Русскими въ 1809 и 1810 г., когда писались *Объясненія*, откуда выписаны эти строки.

¹⁸ А скрылъ Орла сѣдаго славу.

Назначенный главнокомандующимъ престарѣлый Михаилъ Федотовичъ Каменскій, вскорѣ по прибытіи на театръ войны въ Польшу, сложилъ съ себя начальство и уѣхалъ въ Россію (ср. выше стр. 387). Тогда Беннгсенъ принялъ команду и отразилъ непріятеля при Пултускѣ. О сраженіи при Прейсшъ-Эйлау см. примѣч. 1 къ пьесѣ *Персей и Андромеда* (стр. 393).

¹⁹ Разрушится сей домъ, засохнетъ боръ и садъ, и проч.

Ранѣ чѣмъ, вѣроятно, предполагалъ самъ поэтъ, исполнилось это предсказаніе (см. выше, стр. 412); но имя Званки не забыто: оно извѣстно всякому образованному Русскому. Единственный обитаемый нынѣ домъ на Званкѣ, это — скромное жилище священника; красивая здѣшняя церковь, заложена еще при Державинѣ, окончена и освящена въ 1839 году. — Весь 57-й куплетъ, какъ и нѣкоторые другіе, написанъ уже при одной изъ позднѣйшихъ редакцій пьесы.

²⁰ . . . взойдетъ на холмъ.

Близъ дома Державина въ саду былъ холмъ, или курганъ, на которомъ поэтъ часто сиживалъ. Въ этихъ стихахъ онъ воспользовался сказкой, будто одинъ новгородскій вождь былъ волхвъ, отъ котораго и рѣка получила названіе (ср. подъ 1813 г., въ слѣдующемъ томѣ, стихотвореніе *Новгородскій волхвъ Злогуръ*).

²¹ Черезъ Кліи воскресишь согласи.

Державину были извѣстны историко-литературные труды Евгенія. Составленныя имъ біографіи писателей, въ томъ числѣ и самого Державина, печатались въ *Другъ Просвѣщенія* еще въ 1806 году.

149. ПРИЗНАНІЕ¹.

Не умѣлъ я притворяться,
На святаго походить,
Важнымъ саномъ надуваться

И философа брать видѣ;
 Я любилъ чистосердечье,
 Думалъ нравиться лишь имъ:
 Умъ и сердце человѣче
 Были гениемъ моимъ. 8
 Если я блисталъ восторгомъ^a,
 Съ струнъ моихъ огонь летѣлъ, —
 Не собой блисталъ я, Богомъ:
 Внѣ себя я Бога пѣлъ.
 Если звуки посвящались
 Лиры моея царямъ, —
 Добродѣтели казались
 Мыѣ они равны богамъ. 16
 Если за побѣды громки
 Я вѣнцы сплеталъ вождямъ, —
 Думалъ перелить въ потомки
 Души ихъ и ихъ дѣтямъ.
 Если гдѣ вельможамъ властнымъ
 Смѣлъ я правду брякнуть въ слухъ, —
 Мнилъ быть сердцемъ безпристрастнымъ
 Имъ, царю, отчизнѣ другъ. 24
 Если жъ я и суетою
 Самъ былъ свѣта обольщенъ, —
 Признаюся, красотою
 Бывъ плѣненнымъ, пѣлъ и женъ.
 Словомъ: жегъ любви колъ пламень,
 Падалъ я, вставалъ въ мой вѣкъ, —
 Брось, мудрецъ, на гробъ мой камень,
 Если ты не человѣкъ.

^a Если былъ плѣненъ восторгомъ,
 Зря на міръ сей, небеса, —
 Духъ гремѣлъ на лирѣ Богомъ,
 Читилъ Его я чудеса.
 Если прелестями міра
 Чувства льстилися, мечтой, —
 Славилъ Фелицу лира,
 Хлоръ благоухался мной,
 И любви позналъ я пламень,
 Падалъ и вставалъ въ мой вѣкъ,
 Попирай мой гробный камень,

Буде кто не человекъ (Первонач. редакція. Набросано рукой Державина на внутренней сторонѣ переплета одной изъ его тетрадей).

¹ По словамъ самого Державина, это — объясненіе на всѣ его сочиненія. Напеч. въ изд. 1808 г., ч. III, схв.

150. АТАМАНУ И ВОЙСКУ ДОНСКОМУ ¹.

Платовъ! Европѣ ужъ извѣстно, 1
 Что силъ Донскихъ ты страшный вождь:
 Въ распахъ, какъ бы колдунъ, всемѣстно
 Падешь какъ снѣгъ ты съ тучъ, иль дождь;
 По черныхъ вороновъ полету,
 По дыму, гулу, мхамъ, звѣздамъ,
 По рыску волчью видя мѣту,
 Подходишь къ вражымъ вдругъ носамъ
 И, зря на тускъ, на блескъ червонца,
 По солнцу иль противу солнца
 Свой учреждаешь ертауль ²
 И тайный ставишь карауль.
 Въ травѣ идешь — съ травою равень; 2
 Въ лѣсу — и равень лѣсъ съ главой;
 На конь вскокнешь — конь тихъ, не нравень,
 Но вихремъ мчится подъ тобой.
 По камню ль черну змѣемъ чернымъ
 Ползешь ты въ ночь — и слѣду нѣтъ;
 По влагѣ ль бѣлой гусемъ бѣлымъ
 Плынешь ты въ день — лишь струйка слѣдъ;
 Орломъ ли въ мглѣ ларишь сгущенной —
 Стрѣлу сбчешь ей вслѣдъ пущенной
 И, броса петли округъ шей,
 Фазановъ удишь, какъ ершей ³.
 Разилъ ты Льва ⁴, Лунѣ гнулъ роги, 3
 Ходилъ противу Солнца въ бой;
 Медвѣдей, тигровъ средь берлоги
 Могучей задушалъ рукой:
 Почто жъ вепря щетиночерна,
 Залегшаго въ лѣсахъ средь блатъ,

Съ клыковъ котораго кровь, гѣна
Течеть, — зловоніе и ядь, —
Отъ рыла взрыты вкругъ могилы,
Отъ взоровъ пламенны свѣтилы
Край заревоиъ покрыли весь, —
Арканомъ не схватилъ поднесъ?

Чтожь сталь? — Борза коня не стало⁵?

4

Возьми коверъ свой-самолетъ.
Ружейнаго ль снаряду мало?
Махни ширинкой, лѣсъ падеть.
Запаса ли не видишь хлѣбна?
Гложи желѣзны просфиры.
Жупанъ ли, епанча ль потребна?
Самъ невидимкой все бери.
Сапогъ нѣтъ? ступни самоходны
Надѣнь, перчатки самородны,
И дуй на огонь, на мразъ, на гладь:
Россійской силѣ нѣтъ преградъ.

Бывало, вѣдь и въ прежни годы

5

Взлетала саранча на Русь,
Многообразные уроды
Грозили ей налогомъ узъ.
Быль грѣхъ: отъ сваръ своихъ крѣхъли,
Теряли янствомъ и главы;
Но лишь на Бога мы воззрѣли,
Отъ сна вспрынули, будто львы.
Быль врагъ Чипчакъ — и гдѣ Чипчаки?
Быль недругъ Ляхъ — и гдѣ тѣ Ляхи?
Быль сей, былъ тотъ: ихъ нѣтъ; а Русь?...
Всякъ знай^а, мотай себѣ на усъ.

Да какъ же это такъ случалось?

6

Заботились, какъ днесъ, цари;
Премудро все распоряжалось,
Водили рать богатыри;
При Святославичѣ Добрыня
Убилъ дракона въ облакахъ;
Чернецъ Донскаго — исполина
Татарскаго повергъ во прахъ;
Голицынъ, Шереметевъ, Львовы⁶

Крушили зубы въ дни Петровы;
 Побѣдъ Екатерины лавръ:
 Чесма, Кагуль, Крымъ, Рымникъ, Тавръ.

Неужь-то Альпы въ мирѣ пашка? 7

Тамъ молныя Павла видѣлъ Галль:

На клячѣ бѣлая рубашка

Не разъ его въ усы щелкаль;

Или теперь у Александра

При войскѣ нѣту молодца?

Съ крестомъ на адска Саламандра? 7

Ужель не сыщется бойца?

Внемли же моему ты гласу:

Усердно помоляся Спасу,

Въ четыре стороны поклонъ —

И изъ ноженъ булятъ ты вонъ!

И съ свистомъ звонкимъ, молодецкимъ, 8

Разбойника сбрось Соловья

Съ дубовъ копьемъ вновь мурзавецкимъ⁸,

И будь у насъ второй Илья;

И, заперши въ желѣзной клѣткѣ,

Какъ желтоглазаго сыча,

Уранга, сфинкса на веревкѣ⁹

Примчи, за плечьми второча;

Иль двадцать молодцовъ отборныхъ,

Лицомъ, лѣтами, ростомъ сходныхъ,

Пошли ты за себя за злымъ;

Двадцатый хоть прїѣдетъ съ нимъ.

Для лучшей храбрыхъ душъ поджоги 9

Ты расскажи имъ русску быль,

Что старики, бывъ въ службѣ строги,

Всѣ невозможности чли въ пыль:

Сжигали грады воробьями¹⁰,

Ходили въ лодкахъ по землѣ,

Топили вражій станъ прудами,

Имѣли пищу въ киселѣ,

Спускались въ мрачны подземелья,

Животъ считали за бездѣлья;

Къ отчизнѣ ревностью горя,

За вѣру мерли и царя.

Однакожь, чтобъ не быть и жертвой, 10
 Ты мечъ имъ кладенець отдай,
 Живой водой ихъ спрысни, мертвой
 И горы злата обѣщай;
 Черкешенокъ, Грузинокъ милыхъ,
 У коихъ зарныя уста,
 Бровь черна, жилъ по тѣлу синихъ
 Сквозь видень огонь и красота,
 А на грудяхъ, какъ пухъ зыбучихъ,
 Лилей кусты и розъ пахучихъ
 Манятъ къ себѣ и старцевъ длань:
 Ты, словомъ, все сули имъ въ дань.
 Я дочь свою и самъ крестову ¹¹, 11
 Красотку юную, во бракъ
 Отдамъ тому, кто грудь орлову
 На славный сей отважить шагъ;
 Денисовымъ и Краснощокимъ ¹²,
 Орловымъ, Иловайскимъ вслѣдъ,
 По безднамъ, по горамъ высокимъ
 Въ домъ отчій лавръ кто принесеть;
 Дѣвицы, барыни Донскія,
 Вздѣвъ платя русскія, златыя,
 Введутъ его въ крестовъ чертогъ ¹³
 И воспоютъ: великъ нашъ Богъ!
 Подъ вечеръ, утромъ, на зарянкѣ, 12
 Сей радостный услыша гласъ,
 Живя уединеннымъ въ Званкѣ,
 Такъ-сякъ взбреду я на Парнассъ
 И пѣсню войску тамъ Донскому,
 Тебѣ на гусляхъ пробренчу,
 Да бѣлому царю ¹⁴, младому,
 Въ вѣнцѣ алмазы расцвѣчу!
 Пусть звукъ ужасныхъ днешнихъ боевъ
 Сподвижниковъ его героевъ
 Мой повторяетъ холмъ и лѣсъ,
 И гулъ шумить, какъ громъ небесъ!

^a Французъ ... (Рукопись).

¹ Въ рукописи заглавіе: *Платову*. Написано въ маѣ мѣсяцѣ по случаю многихъ удачныхъ спибокъ легкихъ войскъ нашихъ, подъ предводительствомъ Донскаго атамана Платова, съ Французами. Матвѣй Ивановичъ Платовъ прославился въ войнѣ 1807 года своими нечаянными нападеніями на непріятеля * (Об. Д.). Послѣ эйлаускаго боя (см. выше стр. 393) Наполеонъ 5-го февр. отступилъ на лѣвый берегъ Пассарги. Платовъ, по отъѣздѣ кн. Багратіона въ Петербургъ принявъ начальство надъ авангардомъ, слѣдовалъ за Французами. Потомъ, во второй половинѣ февраля, Беннгсенъ, расположивъ армію вокругъ Гейльсберга, поставилъ авангардъ въ Лаунау, куда вскорѣ возвратился и Багратіонъ. Платовъ, съ павлоградскимъ гусарскимъ, съ десятью казачьими полками и ротой Донской артиллеріи, былъ посланъ къ Ортельсбургу и Вилленбергу содержать сообщеніе между главною арміею и корпусомъ Эссена. Марта 2-го, выступя къ своему назначенію, Платовъ доносилъ, что отъ сраженія при Эйлау до 1-го марта, съ небольшимъ въ мѣсяцъ, взято было Донцами, во время пребыванія арміи подъ Кеннгсбергомъ, при отступленіи Французовъ за Пассаргу и въ ежедневныхъ поискахъ, 37 офицеровъ и 2254 нижнихъ чиновъ. День и ночь тревожа непріятеля, казаки надѣли Наполеону до такой степени, что въ одномъ изъ тогдашнихъ бюллетеней онъ назвалъ ихъ посрамленіемъ рода человѣческаго — *la honte de l'espece humaine*. По окончаніи войны императоръ Александръ пожаловалъ Донскому войску почетное знамя (Мих.-Данилевскій, *Описаніе второй войны*, стр. 233 и 401). По замѣчанію г. Галахова, пьеса эта поражаетъ бойкимъ народнымъ складомъ рѣчи и доказываетъ знакомство Державина съ народной литературой. Жуковский подражалъ Державину, изображая подвиги Платова въ *Письмѣ въ станъ русскихъ воиновъ*.

Напечат. сперва отдѣльно, потомъ въ изд. 1808 г., ч. II, LXXV.

² Свой учреждаешь ертауль —

т. е. «отводный карауль, изъ часоваго состоящей, который, какъ завидитъ непріятеля вдали, то вертится на лошади по солнцу или противъ солнца, давая чрезъ то знать, далеко или близко непріятель, во многомъ или маломъ числѣ» (Об. Д.). По академич. же словарю, *ертауль*, старинное слово, означаетъ полкъ или отрядъ легкихъ войскъ, ходившій впереди главнаго войска для провѣдыванія непріятеля, — авангардъ. Казаки заключаютъ о близости селеній или войскъ по разнымъ примѣтамъ: по полету птицъ, по направленію дыма, по эху, звѣздамъ и проч. По тусклости или блеску золота они узнаютъ, какова будетъ погода, и потому ближе или далѣе ставятъ свои потаенные караулы.

³ Фазановъ удишь, какъ ершей.

Въ первоначальной редакціи вмѣсто *фазановъ* стояло *Французовъ*; но когда состоялся миръ, то изъ уваженія къ союзникамъ настоящее ихъ имя переименовано на аллегорическое. Французы хорохорятся или тщеславятся какъ фазаны, и колются или защищаются какъ ерши (Об. Д.).

* См. книгу Н. Смирнова: *Жизнь и подвиги графа М. И. Платова*, М. 1821, в *Вѣстн. Евр.* 1822, ч. 121, № 3, стр. 201.

⁴ Разилъ ты Льва и проч.

Левъ — Шведы, Луна — Турки, Солнце — Персіяне, по гербамъ этихъ народовъ. Картина *вселя щетиночерна* основывается по мнѣю о вепрѣ эриманескомъ, котораго убилъ Геркулесъ. Здѣсь разумѣется непріятель, всю зиму стоявшій въ укрѣпленномъ лагерѣ подъ защитою артиллеріи (Об. Д.).

⁵ Чтожъ сталъ? — Борза ль коня не стало.

Эта строфа намекаетъ на недостатки, которые терпѣла армія въ тогдашнюю войну, такъ что мы не могли воспользоваться своими неоднократными побѣдами. Государь писалъ о томъ военному министру Вязмитинову и отнялъ мундиръ у чиновниковъ провіантскаго и комиссаріатскаго вѣдомствъ (Об. Д. и Мих.-Данилевскій, стр. 401).

⁶ Голицынъ, Шереметевъ, Львовы.

Изъ Львовыхъ, которыхъ было нѣсколько при Алексѣѣ Михайловичѣ и при Петрѣ Великомъ, здѣсь должно разумѣть преимущественно князей Михаила Никитича и Петра Григорьевича. Оба были стольниками и участвовали во второмъ азовскомъ походѣ: первый завѣдывалъ судными дѣлами, а послѣдній, въ званіи воеводы у большаго полковаго знамени, начальствовалъ ратными людьми московскаго чина и по покореніи Азова назначенъ былъ тамъ воеводою (Н. Устрялова *Ист. царств. П. В.*, т. II, стр. 262, 263 и 296).

⁷ Съ крестомъ на адска Саламандра.

Ср. выше стр. 387 и 394.

⁸ Съ дубовъ копьемъ вновь мурзавецкимъ —

«мурзѣ или дворянину принадлежащимъ, т. е. богато-оправленнымъ» (Об. Д.). Эпитетъ *мурзавецкій* не разъ встрѣчается въ былинахъ, изданныхъ 1804 г. Ключаревымъ; въ изданіи Калайдовича (1818) копье *мурзавецкое*. О знакомствѣ Державина съ первымъ изъ этихъ изданій см. въ слѣдующемъ томѣ примѣчанія при пьесѣ *Царь-дѣвица*, подъ 1812 г.

⁹ Уранга, финкса на веревкѣ ...

«Авторъ позволилъ себѣ сими именами назвать вождя Французовъ тогда, какъ были военныя дѣйствія между Россіей и Франціей и когда въ публичныхъ манифестахъ, не щадя, другъ друга носили. Наполеонъ нарицался антихристомъ». *Уранъ* употреблено вмѣсто *оранъ-утанъ*: ср. томъ I, стр. 180. По былинѣ объ Ильѣ-Муромцѣ, онъ привязалъ Соловья-разбойника къ сѣдельной лукѣ и повезъ его *въ торокахъ*.

¹⁰ Сжигали грады воробьями.

Это и слѣдующія выраженія основываются на лѣтописныхъ разсказахъ и историческихъ событіяхъ, каковы: воробья Ольги, корабли Олега, затопленіе Тулы при второмъ самозванцѣ, мучные колодцы во время осады Бѣлгорода Печенѣгами при Владимірѣ и заключеніе Θεодора Никитича Романова (Филарета) въ Варшавѣ.

¹¹ Я дочь свою и самъ крестову.

У графа Васильева (род. 1742, ум. 1807) была дочь Марья Але-

всѣевна, которую крестилъ Державинъ. Она вышла замужъ за Донскаго уроженца, казачьяго полковника графа Василя Васильевича Орлова-Денисова. Алексѣй Ивановичъ Васильевъ былъ изданны сослуживцемъ и пріятелемъ Державина. По смерти Екатерины II онъ занималъ должность сперва государственнаго казначея, а потомъ министра финансовъ. При сочиненіи этого стихотворенія онъ былъ еще живъ: умеръ отъ удара 15 августа въ томъ же году.

¹² Денисовымъ и Краснощокимъ и проч.

Извѣстные своею храбростью атаманы войска Донскаго. Денисовъ частвовалъ въ дѣйствіяхъ противъ Пугачева (см. переписку съ нимъ Державина въ томѣ V нашего изданія). — *Краснощокое*, солдатскій герой Семилѣтней войны. Про него до сихъ поръ поются пѣсни (П. Бартеневъ).

¹³ Введутъ его въ крестовъ чертогъ.

Крестовая палата — образная пріемная комната.

¹⁴ Да бѣлому царю . . .

Ср. томъ I, стр. 342.

151. ЛУЧЬ¹.

Князь-Громъ имѣлъ Умилу, 1
 Прекрасну, нѣжну дочь:
 Очей прелестныхъ силу
 Кто зрѣлъ, тлѣлъ день и ночь.
 У этого жъ князь-Грома
 Былъ щитоносецъ Лучъ:
 Съ геройствомъ грудь знакома
 Не ужасалась тучъ;
 Ко князю онъ услуженъ,
 Въ опасностяхъ съ нимъ былъ,
 И князь, ему тожъ друженъ,
 Его за сына чтилъ.

Сосѣдъ тогда княжкою 2
 Плѣнился, Вѣтеръ-ханъ,
 Съ влюбленною душою
 Простеръ ко браку длань.
 Нужна была князь-Грому
 Сосѣда Вѣтра ночь:
 Любовнику такому
 И обѣщаль онъ дочь.
 Нельзя было тутъ слѣ
 Противиться никакъ:

Пришло сказать Умилѣ,
 Хоть не по сердцу: *такъ!*
 Души волненья страстной
 Не могъ тутъ Лучъ сносить;
 За сердце онъ прекрасной
 Умилы хочеть мстить.
 Но въ рыцари какъ Небомъ
 Онъ не былъ посвященъ,
 Сражаться Вѣтра съ ревомъ
 Природой не рожденъ:
 То, чтобъ отцу любезной
 Ничѣмъ не согрubitъ,
 Рѣшился огнь свой нѣжной
 Въ туманахъ, въ мракахъ скрытъ.

3

¹ Въ рукописи заглавіе *Романсъ*. Написано въ маѣ мѣсяцѣ по просьбѣ забытаго нынѣ писателя, Захарова *, который, сочинивъ комедію, желалъ имѣть для нея романсъ. По Іоакимовой лѣтописи, *Умилы* называлась мать Рюрика, дочь Гостомысла (Татищева *Ист. Россіи*, кн. I, часть I, ст. 34). Тоже имя *Умила* встрѣчается между дѣйствующими лицами комической оперы Екатерины II *Новгородскій богатырь Боеславецъ*. Напечат. въ изд. 1808 г., ч. III, с. 311.

* Иванъ Семеновичъ Захаровъ (умершій сенаторомъ и тайнымъ совѣтникомъ 30 января 1816 года) сдѣлался, при учрежденіи Бесѣды любителей русскаго слова, предсѣдателемъ одного изъ 4-хъ разрядовъ ея. Главные труды его исчислены при его некрологѣ въ *Извѣстіяхъ Росс. Акад.* 1816 г. (кн. II). Когда умеръ Захаровъ, то въ Арзамасскомъ обществѣ, по принятому тамъ шуточному обычаю, Блудовъ произнесъ покойному надгробное слово: каждый новый членъ долженъ былъ, при вступленіи въ общество, сказать такую рѣчь, но не предшественнику своему (Арзамасцы всѣ безсмертны), а покойнику, взятому на прокатъ изъ Бесѣды (слышано отъ графа Д. Н. Блудова).

152. НА МИРЪ 1807 ГОДА, ГОСУДАРЯНЯМЪ ИМПЕРАТРИЦАМЪ¹.

Весна вѣнцомъ вѣнчалась лѣта;
 Порхаеть по цвѣтамъ зефиръ;
 Сіяньемъ солнечнымъ нагрѣта,
 Земля лобзаетъ сладкій миръ. —
 Кому жъ по Богѣ мы священны^а
 Возжжемъ благодаренья жаръ?

1

Не вамъ ли, божества смиренны,
За сей намъ столь безцѣнный даръ?

По громамъ бисеры драгя

2

Отъ радугъ какъ въ дождяхъ блестятъ:
Елисавета и Марія,
Такъ кинувъ къ намъ веселый взглядъ,
Знать дали, что покой Европы
Возставилъ Александровъ мечъ.
Какъ лучъ отъ Норда въ южны тропы
Ихъ пробѣжала мирна рѣчь.

Но, Муза! — коль бываетъ сладость

3

По горечи вкуснѣй устамъ,
А по печалямъ если радость
Цвѣтегъ пріятнѣе сердцамъ:
То прежде дни представъ бурливы,
Какъ въ бѣдствахъ подвизался Россъ;
Потомъ пой лавры и оливы^б,
Чѣмъ онъ главу свою вознесъ.

Корабль какъ въ пѣнномъ, шумномъ морѣ,

4

Подобно скорлупѣ въ волнахъ,
Носящійся стихіевъ въ спорѣ,
Тонущій въ безднахъ, въ облакахъ,
Въ разверзты низвергаясь пасти,
Мракъ ада видитъ предъ собой,
Трескъ внемлетъ ребрѣ, дна, скрипы снасти
И съ мачтѣ токъ молніевъ струей;

Иль какъ лѣсовъ въ трущобѣ львица,

5

Объемлема пожаромъ вкругъ^в,
Вздымая гриву, взоръ, чудится,
Внявъ дровъ паденье, грохотъ, стукъ,
И что бѣжитъ къ ней ржушій пламень
На грудь, на чресла и на тылъ,
Стоитъ недвижима, какъ камень,
Но не теряетъ духа силъ:

Такъ въ тяжки оны дни Россія^г

6

Войной была окружена,
Какъ съ всей Европою Азія
Была на насъ ополчена.
Шли Галлы, Персы, Туркоманы,

Шелъ льстивый другъ, шелъ тайный врагъ,
Наполеономъ обаянный,
Къ намъ внесшимъ свой гигантскій шагъ.

И побѣдитель сей кичливый,
Какъ валъ, что, изъ струи родясь,
Чѣмъ далѣй въ путь свой токъ строптивый²,
Тѣмъ больше грознымъ становясь,
Такъ взросъ побочныхъ водъ приливомъ,
Что будто нѣкій страшный холмъ
Подъ тѣни своя нагибомъ
Блескъ солнца затмевалъ челомъ,

Унизя Рима и Германій
Такъ духъ, что, ими въявь и втай
Господствуя, насыты длани
Простеръ и на полнотный край.
И зрѣлъ ли онъ себѣ препону,
Коль могъ бы вѣру колебнуть,
Любовь къ отечеству и къ трону?
Но онъ ударилъ въ русску грудь.

О русска грудь неколебима¹!
Твердѣйшая горы стѣна,
Скорѣй ты ляжешь трупомъ зрима,
Чѣмъ будешь кѣмъ побѣждена.
Не разъ въ огняхъ, въ громахъ, средь бою
Въ крови тонувши ты своей,
Примѣры подала собою,
Что Россовъ въ свѣтѣ нѣтъ храбрѣй.

Врагъ, предъ собой скалу желѣзну⁰
Узря, позналъ своихъ тлѣнъ силъ;
Вѣтвь дружбы мирную, зелену
Предъ Александромъ предложилъ.
Монархъ челолюбивый,
Чтобъ крови за корысть не лить,
Намѣсто лавровъ взялъ оливы
И повелѣлъ спокойству быть.

Простите жъ, кротости богини²,
Что я смущалъ вашъ громомъ слухъ;
Благодѣянья и святыни
Вашъ паче услаждаюгъ духъ.

Се зрю, вы обратили взоры
 На вдовъ убитыхъ, на сиротъ
 И льете войновъ на соборы
 Увѣчныхъ вы дожди щедротъ.

Но миротворецъ, Царь державный,
 Какъ пальмъ вамъ принесетъ вѣнецъ,
 За даръ его толико славный,
 Спокойвѣ у своихъ сердцецъ,
 Внушите мысль ему охранну³,
 Къ геройству возбуждая духъ:
 Врагъ примиренный, снесшій рану,
 Не можетъ быть надежный другъ. 12

А вы, лишившіяся бранью 13
 Отцовъ, супруговъ, братьевъ, чадъ,
 Гордитесь той безцѣнной данью,
 Что вамъ любезны кости спятъ
 На полѣ незабвенныхъ боевъ. —
 Кто не умретъ? — смерть всѣхъ сразить;
 Но тернопильскихъ духъ героевъ
 Живетъ понинѣ, — Леонидъ.

Пусть лествъ, гордыней ослѣпленна³, 14
 Завоевателей трубить;
 Но тихая свирѣль смиренна
 Нравъ ангельскій поетъ и чтитъ
 Маріи днесь, Елисаветы,
 И ждетъ, что ихъ супругъ и сынъ
 Не будетъ въ громы ужъ одѣтый,
 Но миромъ — міра властелинъ.

Какъ съ Божьяго лица отливы 15
 Блещутъ въ милліонахъ звѣздъ,
 Такъ позлатитъ онъ грады, нивы
 Опустошенныхъ злобой мѣстъ,
 Вездѣ ему душъ восхищенье
 Изъ чувства истинна добра
 Вслѣдъ воззвучитъ благословенье,
 А не наемное ура!

Поэзы дальновидный Геній 16
 Грядущу мнѣ предрекъ судьбу:
 Падетъ Европа на колѣни

Предъ тѣмъ, кто прекратитъ борьбу
 И токъ пролетѣтъ въ ней дней блаженныхъ.
 Се ужъ парить его орегъ!
 О радость! въ тулѣ дѣвъ священныхъ
 Зрю тучи сладкихъ сердцу стрѣлъ!

▪ Кому жъ по Богѣ огонь святыни
 Возжегъ днесь финиѣма жаръ?
 Вамъ, вамъ, о кроткія богини!
 За сей благоприятный даръ (Первонач. рукоп.).

б Какъ въ ужасахъ творилъ онъ дивы
 И, бывъ гнетомъ, превыше росъ.

▪ Охваченна пожаромъ вдругъ.

† Подобно такъ огнемъ Россія
 Войны была окружена,
 Европа вся и съ ней Азія
 Съ мечемъ на насъ ополчена;
 Тамъ Галлы, Персы, Агаряны,
 Тамъ льстивый другъ, тамъ скрытый тать,
 Наполеона обуяны
 Вдругъ счастье, славой, — двигли рать.

И побѣдитель горделивый,
 Какъ отъ струи волна родясь,
 Чѣмъ далѣй въ путь течетъ шумливый,
 Тѣмъ большимъ валомъ становясь,
 Растетъ часъ отъ часу водами
 И, холмомъ поднебеснымъ ставъ,
 Ужъ не стремится межъ брегами,
 Но презираетъ святость правъ.

▲ О русска грудь непоборима!

Надежная царя стѣна.

с Скалу зря Бонапартъ желѣзну
 Въ тебѣ, позналъ своихъ тѣнѣ силъ;
 Преклоншись, мира вѣтвь зелену
 И милосердья испросилъ.

▪ Простите, благости богини,
 Что вамъ я смѣлъ о брани пѣть.
 Вы къ Музамъ склонны, героини,
 И въ васъ я мышлю образъ зрѣть
 Царицъ щедроты и любви:
 То садъ коль днесь оливъ цвѣтетъ
 Для прекращенья смертныхъ крови,
 Приятнѣй вамъ, чѣмъ лавръ побѣдъ.

(Между строфами 12-ою и 13-ою позднѣйшей редакціи
 были первоначально двѣ строфы, исключенныя впоследствии.)

Вы зрѣли русскаго народа

Къ себѣ усердье и любовь:
 Какого служба, жертва рода,
 Сокровищи, покой и кровь

Отечеству испринесенны,
 Чтобъ волю совершить царя?
 На смерть сыны какъ въ бракъ веденны
 Отъ сохъ, синклита, алтара.
 Пусть свѣтъ, гордыней ослѣпленный,
 Завоевателей гремитъ;
 Но добродѣтели смиренной
 Любезнѣй тотъ, кто царствамъ щить.
 Алкаей жертвъ леть токъ багровый
 И любить рабство, низость, леть;
 А охраняя отчи кровы
 Объемлетъ доблесть, правду, честь.
 Итакъ днесъ бранною трубою
 Супруга, сына не пою;
 Прельщенъ его душой святою
 И старость чувствуя мою,
 Безсиленъ въ путь летѣть орлиный,
 Съ Пиндаромъ плестъ вѣнцы побѣдъ,
 Какъ на чело Екатерины
 И Павла я сплеталъ изъ звѣздъ.
 Побѣдъ его предоставляя
 Младымъ пѣвцамъ гремѣтъ я честь,
 Любезнаго царя лобзая,
 Хочу въ немъ кротость превознести,
 По легкомъ вслѣдъ хода Катуллѣ,
 Чтобъ вѣкъ его въ добротѣхъ цвѣлъ:
 Небесныхъ дѣвъ въ священномъ тулѣ
 Пріятныхъ много сердцу стрѣлъ.

¹ Эта ода, написанная по поводу заключенія тильзитскаго мира, была тогда же поднесена императрицамъ Маріи Ѳеодоровнѣ и Елисаветѣ Алексѣевнѣ; но Государю не было угодно, чтобъ она сдѣлалась извѣстною (Об. Д.). Напеч. 1816 г. въ ч. V, ххv, съ примѣчаніемъ: «не была поднесена», съ значительными измѣненіями и нѣкоторымъ сокращеніемъ противъ первоначальнаго текста, откуда извлекаемъ болѣе характеристическіе варианты. Первые четыре стиха напоминаютъ начало 4-й оды Ломоносова («Уже врата отверзло лѣто»).

Въ 1815 г. Державинъ послалъ списокъ этой оды Мерзлякову, при письмѣ отъ 26 августа, и говорилъ ему:

«Я прилагаю при семъ оду неизвѣстную еще въ свѣтѣ, сочиненную въ отсутствіе Государя Императора, на миръ съ Французами въ 1807 году, которую поднесъ-было я Государынямъ Императрицамъ; но по прибытіи Императора, по подчеркнутымъ строкамъ, яко того времени политикѣ не соответствующимъ, она не напечатана, а будетъ въ пятой книгѣ моихъ сочиненій. Вы изъ нея увидите, что подчеркнутыя строки, яко вылившіяся изъ сердца, любящаго отечество, могутъ патріоту нравиться, но они, вѣсто того, по тогдашнему времени не таковы казались*. Также хотѣлъ

* Безъ сомнѣнія, тутъ разумѣются: 2-ая половина 6-й строфы, 7-ая, 8-ая, 10-ая, конецъ 12-й и 16-ая.

я вамъ показать въ сей одѣ описаніе буруемаго корабля, по сравненію съ Пиндаромъ г-на Кастельветра *, и ниже окруженной пожаромъ львицы, — достаточны ли они къ изображенію тѣхъ бѣдствій, въ которыхъ была въ сіе время Россія? — Миръ былъ, какъ извѣстно, не весьма выгоденъ, радоваться было можно, какъ просто сказать, съ оглядкою, а для того и не могъ я предаться полному вдохновенію; а какъ боецъ, спешій съ поля сраженія, хотя показывался торжествующимъ, но будучи глубоко раненъ, изливалъ свою радость съ нѣкоторымъ уныніемъ. Но оно меня теперь утѣшаетъ, когда всякъ видитъ, что сбылись мои предусмотрѣнія.»

² Какъ валь, что, изъ струи родясь,
Чѣмъ далѣй въ путь свой текъ, строптивый.

Ср. у Ломоносова (Соч. его, т. I, стр. 85):

«Какъ токъ волшебна рѣки
Чѣмъ далѣ бѣгъ свой простираетъ.»

³ Внушите мысль ему охранну и проч.

Объ Государыни дѣйствительно предостерегали императора Александра I отъ обольщеній Наполеона.

* Это выраженіе Державина относится къ слѣдующему мѣсту въ разборѣ оды его *На взятіи Варшавы*, напечатанномъ Мерзляковымъ въ *Амфионѣ* за июль 1815 г.: «Державинъ кончилъ столь же высоко, какъ началъ, хотя въ срединѣ иногда и казался ниже обыкновеннаго своего паренія. Довольно, что онъ достигнулъ своей цѣли. Прекрасно сравниваетъ Кастельвестро Пиндара съ кораблемъ, вынесеннымъ изъ гавани бурсю. Сперва онъ былъ видимъ во всемъ своемъ блескѣ; — буря усилилась, — онъ является то на поверхности воды, то подъ водою, то въ пламени, то въ мракѣ. Стоящіе на берегу почтали его уже и погибшимъ, потонувшимъ; но вдругъ небо просіяло, море утихло, и корабль стоитъ на берегу» и проч. (ср. томъ I, стр. 455). — Кастельветро (Castelvetro), итальянскій писатель, род. 1501, ум. 1571; мелкія критическія сочиненія его издалъ Муратори 1727 г. въ Миланѣ подъ заглавіемъ: «*Orege varie critiche*». Описаніе корабля въ бурю и львицы среди пожара находится въ 4-й и 5-й строфахъ настоящей оды.

153. ПОМИНКИ ¹.

Побѣдительница смертныхъ,
Не имѣя силъ терпѣть
Красоты побѣдъ несмѣтныхъ,
Поразила Майну, — Смерть.
Возрыдали вокругъ Эроты,
Всплакалъ, возрыдалъ и я;
Музы, зря на мрачны ноты,
Пѣли гимнъ ей, и мой

Горестъ повторяла лира,
 Убѣжала радость прочь, 10
 Прелести сокрылись міра,
 Тишина и черна ночь
 Скутали мой домъ въ запоны.
 Отъ земли и отъ небесъ
 Слышны эха только стоны;
 Плачемъ мы — и плачетъ лѣсъ;
 Воемъ мы — и воють горы.
 Плачь сей былъ бы безъ конца,
 Еслибъ алый лучъ Авроры,
 Богъ, что свѣтитъ Музъ въ сердца, 20
 Не предсталъ — и миѣ сіянемъ
 Не вліялъ утѣхи въ грудь.
 «Помяни», рекъ, «возліянемъ
 Доблесть и покоенъ будъ».
 Взялъ я урну и росами
 Чистыми, будто кристалъ,
 Полну наточилъ слезами:
 Гробъ обливъ, поцѣловалъ, —
 И изъ праха возникаютъ
 Се три розы, сплетшись въ кустъ, 30
 Веселятъ, благоухаютъ,
 Разгоняютъ мрачну грусть.

¹ Написано на Званкѣ въ сентябрѣ на смерть сестры Державиной, Марьи Алексѣевны Львовой (томъ I, стр. 408), которую поэтъ называетъ *Маймой*. Подъ *тремя розами* въ концѣ стихотворенія разумѣеть онъ трехъ оставшихся послѣ нея дочерей, которыя съ тѣхъ поръ жили въ его домѣ (см. выше стр. 460). Напеч. въ изд. 1808 г., ч. III, схvii.

154. НАДЕЖДА НА БОГА¹.

Богъ намъ прибѣжище и сила, 1
 Помощникъ въ скорбяхъ, средь враговъ!
 Хотя бъ вселенная грозила
 И горы, двигшись съ береговъ,
 Въ сердца морскія прелагались,
 Не убоюсь, — защитникъ Опъ!

Пусть громъ гремѣтъ, бурюють бури, 2
 И до небесъ восходитъ понтъ,
 Сверкають молнии средь лазури
 И рдѣеть черный горизонтъ;
 Но водъ^а кипящихъ устремленье
 Увеселитъ лишь Божій градъ.

Богъ посреди — священны стѣны 3
 Не двинутся Его никѣмъ:
 Со утромъ придуть перемѣны;
 Смятутся вражески тьмы темъ,
 Уклонятся престолы, царствы,
 Дастъ Вышній гласъ, — вздрогнетъ земля!

Господь помощникъ мой, спаситель — 4
 Придите, зрите чудеса! —
 Заступникъ жезлъ и защититель^б,
 Моя и слава и краса.
 Онъ хоцетъ, — и враждебны сонмы
 Оцѣпенѣють вокругъ меня!

Съ концовъ земныхъ сопхнутся брани^в, 5
 Лукъ сокрушится, копіе;
 Блаженныхъ, мирныхъ дней, дѣяній
 Исполнить наше житіе,
 Мечи желѣзны переплавить
 Въ плуги, серпы и косы Онъ, —

И уразднится злоба ада, 6
 Да разумѣетъ человѣкъ,
 Что Небо тѣмъ покровъ, отрада^г,
 Кто въ правдѣ свой проводитъ вѣкъ.
 Такъ! — Богъ, Господь мой мнѣ заступникъ
 И на Него надѣюсь я!

^а Но рекъ ... (1808).

^б ... покровитель.

^в ... сопхнетъ Онъ брани,
 Лукъ сокрушить и копіе;
 ... мирныхъ пожеланій.

^г ... ограда.

¹ Подражаніе псалму 45. Писано на Званкѣ 8 сентября и положено на музыку Нейкомомъ; потомъ, вмѣстѣ съ слѣдующимъ стихотвореніемъ *Ситованіе*, напечатано отдѣльно въ Академіи Наукъ (1808 г.) и подне-

сено императрицѣ Маріи Феодоровнѣ. Затѣмъ оба стихотворенія напечатаны въ *Русск. Вѣстникѣ* 1808 г., ч. I, № 3 (стр. 316), подъ заглавіемъ: *Два псалма, посвященные* и проч.; наконецъ 1816 г. въ ч. V, III и IV.

155. СВТОВАНІЕ .

- Услышь, Творецъ, моленье 1
 И вопль моей души;
 Сердечно сокрушенье,
 Вздыханія внуши,
 И слезъ моихъ отъ тока
 Не отврати лица.
- Но въ день, въ который стражду, 2
 Зову Тебя, стена,
 Твоихъ щедротъ какъ жажду,
 Возри Ты на меня
 И съ высоты небесной
 Скорѣй меня услышь.
- Ты видишь: исчезаютъ 3
 Всѣ дни мои, какъ дымъ;
 Всѣ силы умираютъ;
 Какъ злакъ подъ зноемъ злымъ
 Падеть, блѣднѣть, вянуть, —
 Изныло сердце такъ.
- Сожжена грудь слезами, 4
 Хлѣбъ, сонъ забвень, покой;
 Плоть сохлася съ костями;
 Какъ остовъ образъ мой,
 И гласъ отъ воздыханій
 Въ устахъ моихъ исчезъ.
- Какъ птица въ мглѣ унывна, 5
 Оставленна на здѣ²,
 Иль схоженна, пустынна
 Сѣдяща на гнѣздѣ
 Въ нощи, въ лѣсу, въ трущобѣ, —
 Люю стenanьемъ гуль⁶.
- Друзья днесъ уклонились, 6
 Враги меня тѣснятъ,
 И тѣ, что мной хвалились,

Клянуть меня, бранять
 За то, что пища — пепель,
 А слезы мнѣ питье.

И все сіе отъ гнѣва,
 Увы! Твоихъ очесъ,
 Что Ты, Создатель неба,
 На высоту вознесъ
 И внизъ меня низвергнулъ, —
 Увяль, поблекъ ^а мой цвѣтъ.

Воззри же на смиренну
 Молитву Ты мою,
 И жертву воскуренну
 Не уничтожь сію,
 Да въ роды возвѣстится
 Твое спасенье мнѣ.

^а Изсохло ... (1808).

^б Люю я стономъ гуль.

^в ... изсохъ ...

¹ Подражаніе псалму 101. Писано на Званіѣ 27 сентября и, такъ же какъ предыдущее стихотвореніе, положено Нейкомомъ на музыку (см. выше *Надежда на Бога*). Въ своихъ *Запискахъ* (Р. Б., стр. 501) Державинъ рассказываетъ, что императоръ Александръ прогнѣвался на него за этотъ псаломъ, въ которомъ изображено сѣтованіе Давида о бѣдствіи отечества, и чрезъ князя А. Н. Голицына сдѣлалъ ему выговоръ, «отнеся смыслъ онаго на Россію и говоря: *Россія не бѣдствуетъ.*» По замѣчанію П. И. Бартенева, эта и предыдущая пьесы не были голосомъ брюзгливаго и удаленнаго отъ дѣлъ старика, а голосомъ всей Россіи, уже почувствовавшей тяжесть континентальной системы. — Стихъ 4, *онуми зн. внемли*.

² Оставленна на здѣ.

«На кровлѣ». Д. — Зидъ значить, собственно, стѣна.

156. ПРОПОВѢДЬ ¹.

Благо проповѣдать Бога
 И всегда вѣщать о Немъ,
 Что премудрость, сила многа,
 Истина и благость всѣмъ
 Зрится во вселенной чудной;
 Ночью славень Онъ и днемъ, —

- И Ему отъ арфы сладкострунной
Мой да раздается громъ. 2
 Возвеличилъ меня сильно
 Во твореньяхъ Онъ своихъ.
 Въ краткій вѣкъ мой изобильно
 Насладяся я благихъ,
 Веселюся въ вечеръ лунной
 Чудныхъ дѣлъ Его умомъ, —
- И Ему отъ арфы сладкострунной
Мой да раздается громъ. 3
 Мужъ безумный благъ не знаетъ,
 Дивъ не разумѣтъ сихъ
 И, трава какъ, увядаетъ
 Въ мрачныхъ помыслахъ своихъ;
 Но я вѣрю въ Промыслъ чудной:
 Былъ моимъ Онъ вѣкъ щитомъ, —
- И Ему отъ арфы сладкострунной
Мой да раздается громъ. 4
 Всѣ враги мои погибнуть, —
 Господи! Твои враги.
 Злы дѣла ихъ въ ровъ низринуть,
 Вознесутся же благи.
 Въ старости маститой, мудрой
 Правда возблеститъ челомъ, —
- И Тебѣ отъ арфы сладкострунной
Мой да раздается громъ. 5
 Я взгляну презрѣннымъ окомъ
 На противниковъ моихъ.
 Какъ въ лукавствіи глубокомъ,
 Во глумленьи скажутъ ихъ:
 «Фениксъ, праведникъ подспудной,
 «Кедръ изъ праха взросъ вновь³ холмъ.» —
- И Тебѣ отъ арфы сладкострунной
Мой да раздается громъ. 6
 Насажденны въ дому Бога
 Доблести изъ тли взойдутъ:
 Честность, мудрость, вѣра строга
 Въ царствѣ роскомъ процвѣтутъ,
 И промчится гласъ повсюдной:

Правъ Богъ! нѣтъ неправды въ Немъ!
И Тебѣ отъ арфы сладкострунной
Мой да раздастся громъ.

¹ Псаломъ 91. Писано на Званъ 29 сентября. Напечатано 1816 г. въ ч. V, VI.

² Кедръ изъ праха взросъ вновь...

Въ рукописи вмѣсто *яко* стоитъ *какъ*. Въ псалтыри мѣсто это читается: «Праведникъ яко финикъ процвѣтетъ: яко кедръ, иже въ Ливанѣ, умножится.»

157. БЛАГОДАРНОСТЬ¹.

Исповѣмся я душою, 1
Сердцемъ всѣмъ Тебѣ моимъ:
Средь поющихъ Ангелъ строю
Цитрой благодарный гимнъ
Возбрячу, что Ты глаголу,
Господи, внявъ устъ моихъ.
Храму Твоему святому 2
Въ умиленъ поклонюсь,
Богу кроткому, благому
Слезъ рѣками проліюсь,
Что вознесъ меня отъ долу
На чреду высотъ Своихъ.
Богъ и впредь меня услышитъ, 3
Какъ Его я призову;
Умъ и сердце мнѣ возвыситъ,
Крѣпость дастъ, подобну льву,
И своей мнѣ силой душу
Расширитъ, наполнить грудь.
И услышатъ и познаютъ 4
Власти и цари земны,
Что тѣ вѣкъ не погибаютъ,
Кто Творцомъ охранены.
Я всѣ ужасы разрушу,
Правды, славы въ путь пойду.
Издальче Богъ надменныхъ 5
Угнетаетъ бѣдъ ярмомъ,
А съ высотъ на униженныхъ

Призираетъ благъ лучомъ;
Тѣхъ низводитъ, сихъ возводитъ,
Маниемъ весь править свѣтъ.

О всеильный! если скорбью
Я и впредь сражусь, стена, —
Оживляй Твоей любовью,
Провождай въ слезахъ меня,
И какъ громъ на злыхъ снисходить,
Духъ Тебя мой да поеть.

6

¹ Подражаніе псалму 137-му. Писано на Званкѣ 30 сентября. Налеч.
1816 г., въ ч. V, VII.

158. УМИЛЕНІЕ ⁷.

Не Богу ль повинится
Во всемъ душа моя?
Не отъ Него ль струится
Спасеніе ея?

1

Такъ Онъ одинъ хранитель,
Защитникъ, покровитель,
Броня моя и шлемъ:
Не двинуся я въ Немъ.

Доколѣ человѣки
Подобныхъ имъ гнетуть,
Кровавыя льютъ рѣки,
Зорятъ жилища, жгутъ;
И стѣны хотъ сотрены,
Ихъ кущи разрушенны;
Но въ сердцѣ звѣрску желчь
Несутъ, огонь и мечъ.

2

И цѣну совѣщаютъ,
Меня какъ свергнуть, чѣмъ;
Всѣ жаждутъ, всѣ алкаютъ
Знать о вредѣ моемъ;
Благословятъ устами,
Губятъ, клянутъ сердцами,
Измѣны строя ковъ;
Но Богъ — мой Спасъ, Покровъ.

3

Такъ, Онъ заступникъ, слава, 4
 Краса моя, вѣнецъ,
 Надежда и избава,
 Владыко и Отець.
 О смертныя! внимайте:
 Предъ Нимъ лишь преклоняйте
 И духъ вашъ и главы;
 Но суетны суть вы!
 Вы любите хищенья, 5
 Надѣетесь на ложь,
 Живете въ подкрѣпленья
 Неправедныхъ вельможъ;
 Ко роскоши, къ богатству,
 Корысти, святотатству
 Летятъ духъ, умъ, сердца. —
 Увы! — или нѣтъ Творца?
 Нѣтъ, есть! — Его держава, 6
 Въ вселенной всей, и судъ
 Всѣмъ, милость и управа
 Его въ тотъ вѣкъ дадутъ
 Намъ по дѣяньямъ долю. —
 Блаженъ, Твою кто волю
 Соблюдетъ въ сей жизни могъ,
 О мой Творецъ и Богъ!

¹ Подражаніе псалму 70-му. Писано на Званкѣ 2-го октября. Напеч.
 1816 г., въ ч. V, в.

159. Издателью моихъ пѣсней¹.

1808.

Пѣсней моихъ издатель! 1
 Другъ Сіонидъ и пѣвецъ²!
 Въ храмъ искусствъ обитатель!
 Если ихъ кисть и рѣзецъ
 Тѣнь хоть едину въ картинѣ
 Бога-Творца изразятъ,
 Въ мраморѣ ль, мѣди, холстинѣ
 Хлора, Фелицу явятъ:

Сгложуть ли, Лабзинъ, черви въ могилѣ
Со мною тебя?

Сгложуть, коль самыя Музы
Только мечтаній рабы:
Тлѣна носящее узы
Смерти не уйдетъ татьбы.
Гдѣ, ахъ! завѣса Апелла?
Фидія Дій? — прахъ и персть.
Гдѣ Иліонъ, Тиръ и Пелла?
Развѣ убѣгли съ ихъ мѣстъ?
Нѣтъ! тамъ, гдѣ башни неба касались,
Обломки лежать.

2

Но Меонидъ³ въ кругѣ міра
Въ словѣ безсмертномъ живетъ:
Громкая правдою лира,
Духа печать, не умретъ.
Геніи въ мракѣ такъ зримы,
Нощью какъ въ небѣ огни;
Памятны будутъ Зосимы⁴:
Въ духѣ Евгенья они
Прейдутъ къ потомству. — Солнце лучами
Проходитъ сквозь мракъ.

3

Такъ чрезъ тебя я прольюся
Цѣлаго свѣта вокругъ;
Въ книгахъ, какъ въ стеклахъ, возжгуся:
Узрятъ далече мой духъ.
Чтожъ воспрещалъ ты брамину⁵
Сѣять въ Лапландцахъ лучи?
Жегъ оніміамъ, иль лучину,
Свѣтъ проливалъ онъ въ ночи.
Долгъ саламандра жечь, — долгъ поэта
Въ міръ правду вѣщать.

4

Шествуй со мною безстрашно
Ты въ проповѣдничій путь;
Бога вѣщай велегласно,
Въ пѣсняхъ созвучникъ мнѣ будь;
Всюду хвали добродѣтель,
Святость и истину славь;
Доблестей Россовъ свидѣтель,

5

Памятникъ вѣчный оставь
Въ звукахъ Багрима⁶: то и во гробѣ
Насъ червь не сгрызетъ.

¹ Въ 1808 году изданы сочиненія Державина въ четырехъ частяхъ подъ непосредственнымъ наблюденіемъ пріятеля его, Александра Федоровича Лабзина, котораго участіе въ этомъ дѣлѣ уже оцѣнено нами въ Предисловіи къ I-му тому (стр. XX). О Лабзинѣ см. сверхъ того стр. 143 настоящаго тома.

Стихи *Издателью моихъ пѣсней* написаны 20 января. Напеч. въ изд. 1808 г., ч. II, лххviii, гдѣ имя Лабзина означено только буквой Л.

² Другъ Сіонидъ и пѣвецъ и проч.

Подъ *Сіонидами* (или правильнѣе, *Сіонитами*) должно разумѣть Музу въ отношеніи къ духовной поэзіи: Клопштокъ называлъ свою Музу «die Sionitin.» Лабзинъ издавалъ въ 1806 г. *Сіонскій Вѣстникъ* и, какъ конференцъ-секретарь академіи художествъ, жилъ въ ея зданіи.

³ Но Меонидъ...

т. е. Гомеръ.

⁴ Памятны будутъ Зосимы.

Зосимы, четыре брата, — Анастасій, Николай, Зой и Михайлъ Павловичи, богатые Греки, жившіе въ Россіи и употребившіе большіе капиталы на изданіе книгъ для просвѣщенія своего народа; они напечатали между прочимъ и многія рукописныя сочиненія бывшаго славенскаго и херсонскаго архіепископа, Евгенія Булгара (род. 1715 г. на островѣ Корфу, умеръ 1806 въ Петербургѣ), о которомъ мы уже упоминали, какъ о комментаторѣ Анакреона при переводѣ Львова (см. выше стр. 47). Когда М. Н. Муравьевъ былъ попечителемъ Московскаго округа Зосимы прислали въ даръ тамошнему университету болѣе 50-ти томовъ древнихъ греческихъ писателей, напечатанныхъ ими въ разныхъ типографіяхъ Европы (Шевырева *Ист. Моск. ум.*, стр. 373).

⁵ Что жъ воспрещалъ ты брамину и проч.

Въ 1803 году, вскорѣ послѣ появленія посланія къ царевичу Хлору (см. выше стр. 259), Лабзинъ написалъ къ Державину стихи, въ которыхъ шуточнымъ образомъ объяснялъ, что напрасно описывать Лапландцамъ красоты солнца и что точно такъ же бесполезно говорить правду тѣмъ, которые понять ее не въ состояніи. Потому-то Державинъ здѣсь доказываетъ, что напротивъ долгъ поэта говорить во всякомъ случаѣ правду (*Об. Д.*).

⁶ Въ звукахъ Багрима...

См. томъ I, стр. 492.

160. НА БАЛЕТЪ ЗЕФИРЪ И ФЛОРА¹.

Что за призраки прелестны, 1
 Легки, свѣтлы существа,
 Сонмъ эфирный, сонмъ небесный,
 Тѣни, лица божества
 Въ неописанномъ восторгѣ
 Мой лелѣють, нѣжатъ духъ?
 Не боговъ ли я въ чертогѣ? —
 Правъ ты, правъ ты, Шведенбургъ!
 Вижу холмъ подъ облаками, 2
 Озлащаемый лучемъ,
 Осѣняемый древами,
 Ожурчаемый ключемъ;
 Средь сребристыхъ водъ и брегу
 Лебедей, дѣтей зрю вдругъ;
 Вижу всю эдемску нѣгу. —
 Правъ ты, правъ ты, Шведенбургъ!
 Слышу: дышитъ повсемѣстно, 3
 Порхаетъ вокругъ розъ Зефиръ,
 Улыбается прелестно
 Красота отъ звуковъ лиръ;
 Душъ невинныхъ разговоры
 Какъ гармонія вокругъ,
 Какъ зари, ихъ свѣтятъ взоры. —
 Правъ ты, правъ ты, Шведенбургъ!
 Дремлетъ злоба съ мрачнымъ свойствомъ, 4
 Спать, нахмурясь, бранный жаръ;
 Миръ, объемляся съ спокойствомъ,
 Пьютъ божественный нектаръ:
 Духи вверхъ и внизъ шурмуютъ,
 Хороводы вьются вокругъ;
 Съ дружною любовью ликуютъ. —
 Правъ ты, правъ ты, Шведенбургъ!
 Правъ ты, что воображеньемъ 5
 Могъ сихъ таинствъ доходить,
 Что мы плоти съ отверженьемъ
 Будемъ съ Ангелами жить.
 Ахъ! коль ложно это чувство,

Нашъ безсиленъ, смертенъ духъ:
 Не творило бѣ дивъ искусство. —
 Правъ ты, правъ ты, Шведенбургъ!

Не могли бѣ мы возвышаться

6

И къ понятію духовъ,
 Ихъ блаженствомъ утѣшаться
 На земли, средь облаковъ;
 Днесъ ихъ разность въ томъ лишь съ нами,
 Что нашъ связанъ съ тѣломъ духъ:
 Будемъ, будемъ мы богами!
 Правъ ты, правъ ты, Шведенбургъ!

¹ Написано 31 января на представленіе этого знаменитаго въ то время балета въ эрмитажномъ театрѣ. Напечат. тогда же въ *Драматическомъ Вѣстникѣ*, ч. I, стр. 47, подъ загл. *Дицирамбъ* и проч. и съ подписью: Державинъ; потомъ въ изд. 1808 г. ч. III, сх.

² Правъ ты, правъ ты, Шведенбургъ!

Сведенборгъ (по нѣмецкому произношенію, Шведенбургъ) — род. 1688, ум. 1772 г. — Шведеъ родомъ, извѣстный мистикъ и ясновидецъ, изложившій въ своихъ сочиненіяхъ особенную систему религіи.

161. АЛЬБАУМЪ ¹.

Когда земны оставишь царства,
 Пойдешь въ Эдемъ, иль Элизей,
 Харонъ спроситъ, иль мытарства,
 Изъ жизни подорожной сей ²:

Поэтовъ можешь одобренья
 Въ альбаумѣ твоемъ явить;
 Духамъ отдавъ ихъ для прочтенья,
 Паспортъ твой ими замѣнить.

8

По нихъ тебя узнаютъ тѣни,
 Кто ты и въ свѣтѣ какъ жила;
 Твои всѣ чувства, помышленья
 Раскроются, какъ солнцемъ мгла.
 Тогда ты можешь оправдаться,
 И, ахъ! иль обвиненной быть,
 Въ путь правый, лѣвый провождаться,
 Святой иль окаянной слыть.

16

Тогда черта, взглядъ, вздохъ, цвѣтъ, слово

Сей книги записной въ листахъ
 Духовно примуть тѣло ново
 И обличать тебя въ дѣлахъ,
 Во всѣхъ часахъ твоихъ, мгновеньяхъ.
 Ты станешь на судѣ нагой:
 Въ поступкахъ, мысляхъ и движенъяхъ
 Мракъ самый будетъ послухъ твой. 24
 Поэтъ, тебя превозносившій,
 Прямымъ заговорить лицомъ,
 Порокъ иль добродѣтель чтившій
 Своимъ возопіеть листомъ.
 Листъ желтый, напимѣръ, надменность
 Явить, что гордо ты жила:
 На синемъ скупость вскрикнетъ, ревность,
 Что ты соперницъ врагъ была; 32
 На сребрянномъ вструбить богатство,
 Что ты въ свой вѣкъ прельщалась имъ;
 На темномъ запишитъ лукавство,
 Что въ грудь вилась друзьямъ твоимъ;
 На аломъ засмѣется радость,
 Что весело любила жить;
 На розовомъ воспляшетъ младость,
 Что съ ней хотѣла вѣкъ свой длить; 40
 На глянцоватомъ самолюбье
 Улыбкою своей дастъ знать,
 Что было зеркало орудье
 Красотъ твоихъ, дабы прельщать;
 Надежда на листкахъ зеленыхъ
 Шепнетъ о всѣхъ твоихъ мечтахъ;
 На сѣренькихъ листкахъ смиренныхъ
 Печаль завоюетъ во слезахъ. 48
 Но Геній, благъ твоихъ свидѣтель,
 На бѣлыхъ листьяхъ, въ блескѣ словъ,
 Покажетъ вѣру, добродѣтель
 И безпорочную любовь.

¹ Написано 14 мая для Натальи Алексѣевны Колтовской. Имя этой дамы встрѣчается въ *Запискахъ* Державина (Р. Б., стр. 406): въ царствованіе императора Павла онъ былъ назначенъ опекуномъ ея; эта опека, по словамъ его, была весьма щекотлива, потому что Государь, очарован-

ный Колтовскою, «хотѣлъ, по его праву, круто ея благосостояніе исправить». Она была дочь богатаго горнозаводчика Турчанинова и вела съ своимъ мужемъ (Ильею Васильевичемъ, ген.-поруч., ум. 1796?) тяжбу по имѣнію; Державинъ былъ убѣжденъ въ ея правотѣ и, какъ видно изъ дальнѣйшаго его разсказа (стр. 440), имѣлъ по этому поводу непріятности съ Беклешовымъ, который былъ на сторонѣ ея мужа, — ничтожнаго чиновника, но человѣка съ состояніемъ. Державинъ былъ влюбленъ въ Колтовскую, и ее въ 1808 году часто выдали въ его домѣ. Въ 1815 — 16 годахъ покойный В. И. Панаевъ, будучи на вечерѣ у Державина, замѣтилъ «нѣжное обращеніе хозяина съ тогдашнею красавицею, г-жею Колтовскою, женщиною лѣтъ 35-ти, бойкою, умною. Г. Р. почти не отходилъ отъ нея и казался бодрѣе обыкновеннаго» (*Вѣст. Евр.* 1867, т. III, стр. 248, «Воспом. Панаева»).

Напеч. сперва въ *Русск. Вѣстникѣ* 1808 г. за іюнь (ч. II, стр. 310) подъ заглавіемъ *Въ альбаумъ красавиць*, при чемъ въ выноскѣ примѣчаніе издателя о происхожденіи альбомовъ; потомъ въ изд. 1808 г., ч. III, сѣмш. *Альбаумъ* — ошибочная форма слова, введенная нѣкоторыми нѣмецкими писателями.

² Харонъ спросить, или мытарства, и проч.

т. е. Харонъ или мытарства спросить подорожной изъ сей жизни (о мытарствахъ см. выше стр. 316).

162. ПОСЫЛКА ПЛОДОВЪ¹.

Когда дѣлящая часы небесъ планета,	1
Къ намъ возвращаяся, приходитъ жить съ тельцомъ:	
Отъ пламенныхъ роговъ щедрота льется свѣта,	
Миръ облакается и блескомъ и тепломъ.	
Не только лишь земля, съ наружности одѣта,	2
Цвѣтами долъ пестритъ и кроетъ знакомъ холмъ,	
Но, и въ безжизненной внутрь влажности нагрѣта,	
Плодотворительнымъ чреватѣетъ лучемъ	
И сими насъ дарить, другими ли плодами.	3
Подобна солнцу ты межъ красными женами,	
Очей твоихъ лучемъ пронзая сердце мнѣ,	
И помыслы родишь и словеса любовны.	4
Но, ахъ! они къ тебѣ колико ни наклонны,	
Въ цвѣтущей не живалъ я никогда веснѣ.	

¹ Это и два слѣдующія стихотворенія — довольно близкіе переводы изъ Петрарки, сдѣланные или по печатному нѣмецкому переводу, или, еще вѣроятнѣе, по рукописному буквальному переложенію на русскій языкъ. Они отмѣчены послѣдовательно 5-мъ, 6-мъ и 7-мъ іюля. Это об-

стоятельство, какъ и то, что при двухъ изъ нихъ означено имя Н. Н., заставляеть предполагать, что поэтъ самъ былъ подъ влияніемъ нѣжнаго чувства, выраженнаго Петраркой. Но кто была новая Лаура? по всей вѣроятности, та же Колтовская, которой посвящены непосредственно предъ симъ помѣщенные стихи: *Альбаумъ*.

Настоящая пьеса озаглавлена въ рукописи: *Сонетъ при посылкѣ плодовъ къ Н. Н.* Это 9-й сонетъ Петрарки, въ подлинникѣ начинающійся стихомъ:

Quando 'l pianeta che distingue l'ore ...

Напечатано въ изд. 1808 г., ч. III, сxx.

163. ПРОГУЛКА¹.

Находятся съ такимъ въ природѣ твари зрѣньемъ, 1
 Что быстро свой взносить на солнце могутъ взоръ;
 Но суть и тѣ, кому лучъ вреденъ удареньемъ,
 А подь вечеръ они выходятъ лишь изъ норъ.
 Иныя жъ нѣкакимъ безумнымъ вождельньемъ 2
 И на огонь летять, красотъ въ немъ зря соборъ;
 Но лишь касаются, сгарають мановеньемъ,
 И я бѣднякъ сихъ толпъ и образъ и позоръ!
 Безсиленъ будучи сносить лучи свѣтила, 3
 Которымъ я прельщенъ, — ни тѣни, коя бъ скрыла
 Меня гдѣ отъ него, ни мѣста я не зрю;
 Но съ потупленными, слезящими очами 4
 Влекусь чрезъ силу зрѣть на солнце межъ женами,
 Не мысля, ахъ! о томъ, хотъ ею и сгорю.

¹ 17-й сонетъ Петрарки, который въ подлинникѣ начинается такъ:

Son animali in mondo di si altera
 Vista, che'ncontr' al sol pur si difende...

При первоначальной редакци-было заглавіе: *Сонетъ на прогулку, чтобы увидѣть Н. Н.* См. предыдущую пьесу.

Напеч. въ изд. 1808 г., ч. III, сxx.

164. ЗАДУМЧИВОСТЬ¹.

Задумчиво, одинъ, широкими шагами 1
 Хожу и мѣряю пустыхъ пространство мѣсть,
 Очами мрачными смотрю передъ ногами,
 Не зрится ль на песокъ гдѣ человѣчій слѣдъ.

Увы! я помощи себѣ между людьми 2
 Не вижу, не ищу, какъ лишь оставить свѣтъ;
 Веселье коль прошло, грусть обладаетъ нами,
 Золь внутреннихъ печать на взорахъ всякій чтеть.
 И мнится, мнѣ кричать долины, рѣки, холмы, 3
 Какимъ огнемъ мой духъ и чувствія жегомы,
 И отъ дражайшихъ глазъ что взоръ скрываетъ мой.
 Но нѣтъ пустынь такихъ, ни дебрей мрачныхъ, дальныхъ, 4
 Куда любовь моя въ мечтахъ моихъ печальныхъ
 Не проходила бы бесѣдовать со мной.

¹ 28-й сонетъ Петрарки, откуда это переведено, начинается словами:

Solo e pensoso i più deserti campi
 Vo misurando a passi tardi e lenti...

При первоначальной редакціи перевода заглавіе: *Любовная меланхолія*.
 Напеч. въ изд. 1808 г., ч. III, сxxi.

165. ПЛАЧЬ ЦАРИЦЫ¹.

Развернулась лишь лилея 1
 И на солнце стала зрѣть;
 Улыбнулась, алѣя,
 Только роза, — сѣкла смерть.
 Будто мраморна, царица
 На супружней выгѣ зрится.
 Стонетъ мать, стонетъ свѣтъ;
 Нѣтъ, ахъ! Лизы, Лизы нѣтъ!
 Плачетъ добрая царица: 2
 Рокъ у ней злой дщерь унесъ;
 Какъ роса, огнемъ струится
 На ланитахъ капля слезъ,
 Скорбь души изображая.
 Дщерь бездушну лобызая,
 Стонетъ мать, стонетъ свѣтъ:
 Нѣтъ, ахъ! Лизы, Лизы нѣтъ!
 Въ одиночествѣ, въ разлукѣ, 3
 Какъ супруга нѣтъ со мной,
 Кто мнѣ въ горести и скукѣ
 Собесѣдникъ будетъ мой?

Чей мнѣ взоръ и лепетанье
 Вспомнить Ангеловъ витанье?
 Стонетъ мать, стонетъ свѣтъ:
 Нѣтъ, ахъ! Лизы, Лизы нѣтъ!

Кто царя во дни унывны 4
 Взглядомъ милымъ озарить;
 Руки распротря невинны,
 Взять на лоно приманить?
 Ахъ! кто бранному герою
 Дѣтской честь отдасть игрою²?
 Стонетъ мать, стонетъ свѣтъ:
 Нѣтъ, ахъ! Лизы, Лизы нѣтъ!

Тяжко бремя кто короны 5
 Будетъ нашей облегчать?
 Подъ порфирой духа стоны
 Упованьемъ усладить?
 Безъ надежды наслажденья
 Цѣлый свѣтъ не награжденье.
 Стонетъ мать, стонетъ свѣтъ:
 Нѣтъ, ахъ! Лизы, Лизы нѣтъ!

Прочь и скипетръ и держава 6
 И блестящій дворскій сонмъ!
 Суета и царска слава,
 Если смерть грозитъ серпомъ.
 Такъ царица возглашала
 И утѣхамъ не внимала.
 Стонетъ мать, стонетъ свѣтъ:
 Нѣтъ, ахъ! Лизы, Лизы нѣтъ!

Но межъ ей и межъ супруга 7
 Стоя плачуца, Любовь
 Лобызаніемъ другъ друга
 Утоляетъ смутну кровь.
 Весь народъ, имъ благъ радѣя,
 Просить: кроткая лилея!
 Райскій кринь! благоухай!
 Новые плоды намъ дай.

¹ Написано на смерть великой княжны Елисаветы Александровны (см. выше, стр. 384, стихи на ея рожденіе). Напеч. въ изданіи 1808 г., ч. III, сху.

² Дѣтской честь отдасть игрою.

Малютка, видя, какъ часовые отдають Государю честь ружьемъ, стала при встрѣчѣхъ съ родителемъ дѣлать то же самое игрушками, какія у нея въ рукахъ случатся (Об. Д.).

166. ОБИТЕЛЬ ДОБРАДЫ¹.

ПАЛЕМОНЪ.

Среди плетеня, шиповыя ограды,
 Подъ тѣнью липъ, дубовъ,
 Между сиренгъ и розовыхъ кустовъ
 Домъ благодатныя, неблазныя Добрады²,
 Богини всякаго добра,
 Царицы тьмы щедротъ,
 Въ полугорѣ стоитъ и вдаль чрезъ доль съ высотъ
 Блестить изъ мрамора столпами;
 А передъ ними, какъ сребра
 Съ уступами гора, 10

Шумящій водоскатъ³, жемчужными струями
 Сверкая, сыплется въ рѣку,
 И прогоняетъ дѣвъ задумчивыхъ тоску.
 Здѣсь возвышается алтарь Творцу вселенной⁶,
 И обелисковъ рядъ несется къ небесамъ,
 Царямъ,
 Вождямъ,
 Друзьямъ,

Вкругъ благовоиємъ вседневно окуреной;
 А тутъ пестрѣются различныя цвѣты, 20
 Для вящей сада красоты
 Въ узорчатыхъ грядахъ,
 Какъ будто на коврахъ,
 Между извивистыхъ златыхъ тропинъ, песчаныхъ,
 По коимъ ходитъ ликъ небесныхъ Валкъ избранныхъ⁸.
 На мѣстѣ семъ
 Добрада въ обществѣ своемъ,
 Во сельской простотѣ, но божеству приличной, —
 Во знойный день,
 Въ вечерній часъ обычной, 30
 Подъ солнцемъ роши какъ кидаютъ длинну тѣнь,

И отъ очей за нимъ черепокожна чуда ⁴,
 Ползуща среди звѣздъ, не зрима ни откуда,
 Алѣють воды, горы и лѣса,
 И въ золотѣ горять багрянью небеса;
 Шумъ тварей тише становится,
 И легкій порхаетъ Зефиръ,
 Рой насѣкомыхъ, чуть вдали жужжа, толпится,
 И клонится къ дремотѣ мѣрь, —
 Возсѣвши на скамьѣ муравчатой, дернистой, 40
 Богиня воздухъ черплетъ чистой
 И смотреть на свои утученны стада,
 Идущи тяжело съ мычаньемъ изъ долины;
 Иль зреть средь озера стекляныя равнины,
 Какъ тихо тянется за лебедемъ бразда;
 Иль слушаетъ, склонясь, преливистыя трели,
 Какъ изъ-за рощи къ ней
 Доходятъ голоса пастушеской свирѣли;
 Иль громкій соловей
 Какъ торжество своей 50
 Любови страстной воспѣваетъ,
 Отрывисто звучить,
 За громомъ громъ катить
 И всю себя внимать природу заставляеть ⁵;
 Потомъ же, утомясь,
 Свой тише, тише гласъ
 Какъ бы степенно выпускаетъ
 И, сладостно стенья, въ восторгѣ умолкаетъ.
 А иногда молву
 Вкругъ слышитъ по лѣсамъ богиня птицъ безгнѣздныхъ ⁶, 60
 Какъ чадъ своихъ любезныхъ
 Онѣ къ себѣ зовуть: ау, ау, ау!
 Отъ скучныхъ стоновъ сихъ склоня свою главу,
 Подъ часъ задумчиво сидить,
 Молчить;
 А эхо тожь: ау, ау!
 Безперерывно повторяетъ,
 Добрадѣ сердце раздираетъ.
 Она вздыхаетъ,
 Токъ слезный проливаетъ 70

И бывши бѣдствія и Лизу вспоминаеть ⁷,
 Что въ майскій свѣтлый, юный день
 Недавно скрылася во смертну тѣнь,
 Ее, отца и мать оставивши въ печали;
 Или грустить,
 Печальный кажетъ видъ,
 Отсутственно изъ дали
 Любезну дочь свою къ себѣ всечасно ждеть
 И заунывну пѣснь такъ про себя поеть:

АРІЯ.

Богиней я слыву, — 80
 Нейдутъ заботы прочь:
 Тебя къ себѣ зову,
 Приди, любезна дочь!
 Ау, ау ау!
 Весна цвѣтитъ траву,
 Зимы исчезла мочь:
 Тебя къ себѣ зову,
 Приди, любезна дочь!
 Ау, ау, ау!

Но чувствъ какъ таковыхъ умильныхъ насладится, 90
 Объемлетъ на одрѣ богиню сладкій сонъ
 А Дажбогъ ⁸, спедь съ небесъ, къ ней стражемъ становится
 И осѣняетъ звѣздъ щитомъ ⁹.
 Валкала ликъ ⁹ тогда подъ арфой тихострунной,
 Какъ шепчущій камышъ морской или ручей
 Въ вѣтреноватый часъ, часъ лунной,
 Отвсюду ей
 Во слухъ гармонію лить ⁷,
 Дреманье и покой, на вѣжды мглу ведеть.

ХОРЪ.

О духи всемірны! 100
 Крылѣ вы эирны
 Прострите надъ ней;
 Струися, ручей
 Дремоты пріятной!
 Душѣ благодатной,
 Чистой во всемъ,
 Зрися рай сномъ.

Дафнисъ.

Надъ злачнымъ садомъ симъ Добрады

Востока днесъ златилась дверь:

Ужь не предвѣстье ль то отрады? 110

Не возвратится ли къ ней дщерь

Изъ дальныхъ, чуждыхъ странъ, изъ области супруга?

Не скажешь ли о томъ что, Палемонъ, намъ ты?

Дафна.

Я, я скажу: моя подруга,

Здѣсь рвавши ¹ на зарѣ цвѣты

На поясъ, на вѣнецъ, и какъ ихъ соплетала,

Тихонько на ушко,

Чтобъ не подслушалъ кто,

Мнѣ такъ шептала:

«Сегодня праздникъ у Добрады, — 120

Пріѣхала къ ней дочь.»

Я вмигъ украдкой прочь

Убѣгла отъ сестеръ,

Чтобы и мнѣ, въ ея примѣръ,

Украсить мой нарядъ и въ день такой пріятный,

Толь свѣтлый, милый, благодатный,

Усердья моего всѣхъ больше показать.

Какъ будутъ дочь и мать

Себя взаимно обнимать

И сладку межъ собой семейну жизнь вкушать! 130

Дафнисъ.

Какъ! ужъ пріѣхала къ намъ гостя ожиданна?

О радость сердцу несказанна!

О душъ ей преданныхъ восторгъ!

Здорову ли ее принесъ обратно Богъ?

Цвѣтеть ли красота ея, цвѣла какъ прежде,

И вѣчно чтобъ съ ней жить, быть можемъ ли въ надеждѣ?

Палемонъ.

Какъ на отечество свое она глядитъ,

На мать, на братьевъ, сестръ? Въ бесѣдахъ говорить

Своимъ ли языкомъ?

Дафнисъ.

Спросила ли о комъ? 140

Узнала ли друзей и тѣ мѣста природны,

Гдѣ развивались красы порфирородны
И улыбалась въ ней младенческа душа?

ДАФНА.

Все такъ же хороша:

Не разнится ни въ чемъ весеннихъ дней съ зарею;
Съ среднею своею и младшею сестрою
Привѣтлива, скромна и ласкова ко всѣмъ;
Всечасно мать лобзаетъ;

А мать ее

Объемлетъ, къ сердцу прижимаетъ 150
И, на лицѣ явя веселіе свое,
Разлуку забываетъ.

Природа съ нихъ беретъ другой повсюду видъ,
И вокругъ торжественно сіяньемъ все блеститъ:
Тамъ горы, тамъ лѣса играютъ,
Тамъ рыбы вверхъ изъ водъ какъ бы взлетаютъ,
Сверкая перьемъ, чешуей¹⁰;
Повсюду, словомъ, все восторгъ являетъ свой.

Прекрасны дѣвы хороводомъ 160
И пляшутъ и поютъ, ея живяся взоромъ.

АРІЯ.

О, какъ обитель
Добрады цвѣтеть!
Всякій къ ней житель
Блаженно живетъ,
Счастливо, пріятно,
Зритъ какъ обратно
Прибывшу въ ней дщерь. —
Намъ рай здѣсь теперь!

ПАЛЕМОНЪ.

И о житьѣ она своемъ 170
За тридевять земель, заморскомъ, рассказала
Тебѣ и всѣмъ?

ДАФНА.

Подробно, все, съ начала
И даже до конца.
Какъ встрѣчена была отъ матеря, отца,
Супруга своего и отъ всего народа;
И какъ отъ хоровода

Всѣхъ тамошнихъ какихъ-то Музъ
По тамошнему пѣтъ ей былъ усердный гимнь.
Я вытвердить его успѣла наизусть,

И языкомъ своимъ,
Коль Дафнисъ согласится
Со мною потрудиться,
Всѣмъ сердцемъ пораждать, —
То можемъ мы его вдвоемъ здѣсь и пропѣть °.

Дафнисъ.

Зачни лишь, Дафна, ты; а я къ тебѣ пристану
И вторить стану.

ДУЭТЬ.

Дафна и Дафнисъ.

«Вейся, вейся, вѣтвь цвѣтуща ¹¹,
Блескъ златымъ вѣнцомъ дающа,
Изъ чужаго небосклона
Принесенна къ намъ на лоно!
И съ сладчайшими плодами
Зеленѣй всегда листья!»

ТРИО.

Палемонъ, Дафнисъ и Дафна.

«Вейся, вейся, вѣтвь цвѣтуща,
Къ небесамъ главу несуща!
И, дни бурные зимою,
Не касайтесь къ ней косою!»

Палемонъ.

Когда въ чужомъ ее такъ славили народѣ,
То стыдно будетъ намъ,
Коль въ собственномъ своемъ отечествѣ и родѣ
Мы воли не дадимъ сердцамъ
И, чувствъ своихъ къ отрадѣ,
Сегодня торжества не изъявимъ Добрадѣ.

Поди, о Дафнисъ! поскорѣй
И предъ алтарь ты къ ней
Сзови всѣхъ пастуховъ съ селеніевъ окружныхъ,
Участниковъ ея щедротъ,
Да въ восклицаніяхъ содружныхъ
Пускай и весь народъ
За здравіе Добрады,

180

190

200

За всѣхъ ея родныхъ
 Творцу моленье льеть
 И восхищенныхъ чувствъ своихъ
 Являетъ радость и прохлады.

210

Молитва народа.

О Боже! зри
 Мольбы сердечны:
 Съ высотъ простри
 Дни счастья вѣчны,
 И всякихъ золъ
 Избавь Добраду;
 Царя, престолъ
 Прими въ ограду
 И насъ храни:
 Дай свѣтлы дни.

220

Хоръ сиротъ.

Ты отъ смерти воскресила
 И изъ праха насъ взяла,
 Воспитала, вскормила,
 Просвѣщеніе дала.
 О Добрада благодатна!
 Колю жизнь подданныхъ пріятна,
 Гдѣ такъ царствуютъ цари!
 Сирыхъ благодарность зри.

230

Хоръ дѣвиць.

Ты нашъ разумъ озарила
 И украсила нашъ нравъ;
 Всѣмъ искусствамъ научила,
 Вмѣсто матери намъ ставъ.
 О Добрада благодатна!
 Колю жизнь подданныхъ пріятна,
 Гдѣ такъ царствуютъ цари!
 Дѣвъ днесь благодарность зри.

Хоръ вдовъ.

Ты насъ дланію покрыла,
 Даровала намъ покой,
 Жизнь несчастну прекратила
 Щедрою твоей рукой.
 О Добрада благодатна!

240

Коль жизнь подданныхъ пріятна,
Гдѣ такъ царствуютъ цари!
Вдовъ днесь благодарность зри.

Хоръ ремеслъ.

Ты искусствомъ надѣлила,
Намъ познанія дала:
Прясть и ткань насъ научила,
Пользу общую ввела.

250

О Добрада благодатна!
Коль жизнь подданныхъ пріятна,
Гдѣ такъ царствуютъ цари!
Музь днесь благодарность зри.

Хоръ общій.

Ты намъ милости являешь
И щедротами даришь;
Всѣхъ ласкаешь, угощаешь,
По достоинствамъ насъ чтить.

260

О Добрада благодатна!
Коль жизнь подданныхъ пріятна,
Гдѣ такъ царствуютъ цари!
Общу благодарность зри^а.

Палемонъ.

Но зрите, какъ сія божественна царица
Скромна и все добро лишь для добра творить^б;
Хотя сіяетъ всѣмъ, какъ бы небесь зарница,
Но взоръ прозрачная тончица¹²
Ея, какъ легкій облакъ, тмить,
Когда ей ароматъ съ полсвѣта душъ горить.

^а ... водопадъ (1808).

^б ... Звѣздителю вселенной.

^в И звѣзднымъ стережетъ ее щитомъ.

^г Вокругъ гармонію ліетъ.

^д Рвавъ днесь на зарѣ цвѣты.

^е ... его самъ-другъ и здѣсь пропѣтъ.

^ж Всѣхъ насъ благодарность зри.

^з Скромна, не жаждетъ хвалъ, добро лишь для добра творить.

¹ Эта пьеса, имѣющая драматическую форму, по содержанию своему принадлежитъ однакожъ вполнѣ къ лирическому роду, и потому мы, слѣдуя примѣру самого Державина, помѣщаемъ ее между мелкими стихотвореніями. Она написана въ юнѣ мѣсяцѣ по случаю ожиданія въ Пас-

ловскъ императрицею Маріей Ѳеодоровной изъ чужихъ краевъ дочери ея Маріи Павловны, супруги наслѣднаго принца, съ 1828 г. великаго герцога саксенъ-веймарскаго, Карла Фридриха (великая княгиня родилась 1786 г., вступила въ бракъ 1804, овдовѣла 1853, скончалась 1859). *Добрада* (Марія Ѳеодоровна) — имя доброй волшебницы, встрѣчающееся въ *Русскихъ сказкахъ* Чулкова (ср. выше стр. 333); но, какъ показано будетъ ниже, Державинъ подъ этимъ именемъ разумѣлъ богиню. — Примѣры подобныхъ пьесъ въ диалогической формѣ Державинъ могъ видѣть между прочимъ у Рамлера, котораго пьеса: «Das Fest des Darphinis und der Darfne» вѣроятно послужила ему образцомъ для его *Новоселья молодыхъ* (томъ I, стр. 472). Между разговаривающими есть у Рамлера и *Филемонъ*, котораго подобіе въ *Обители Добрады* является подъ именемъ *Палемона* *.

Пьеса открывается картиною извѣстной части прекраснаго сада въ Павловскѣ, любимомъ мѣстопребываніи Маріи Ѳеодоровны. Подъ рѣкою, въ которую льется водоскатъ, разумѣется Славянка, воспѣтая вполсѣдствіи (1816) Жуковскимъ.

Обитель Добрады была напечатана въ *Русск. Вѣстникѣ* за ноябрь 1808 г. (ч. IV, стр. 212) съ такимъ въ концѣ примѣчаніемъ С. Глинки: «Издатель Русск. Вѣстн. благодаритъ почтенную особу за сообщеніе изъ Петербурга сей лирической драмы. Хотя знаменитый сочинитель не подписалъ своего имени, но читатели легко отгадаютъ оное по кисти пламенной и живописательной». Къ заглавію были прибавлены слова: «Пастушеская мелодрама съ рецитативомъ и хорами, по случаю пріѣзда» и проч. Передъ текстомъ исчислены дѣйствующія лица: «Палемонъ, Дафнисъ, Дафна, народъ», и далѣе замѣчено: «Дѣйствіе въ обители Добрады. Садъ, украшенный пирамидами и цвѣтниками; въ перспективѣ водоскатъ, текущій въ рѣку». Имя *Добрады* такъ объяснено въ выноскѣ: «Богиня древнихъ сѣверныхъ славянскихъ народовъ». Къ нѣкоторымъ стихамъ сдѣланы самимъ поэтомъ примѣчанія, которыя потомъ перенесены имъ и въ *Объясненія*. Въ *Запискахъ* С. Глинки послѣ разсказа о неудовольствіи на него Державина (см. въ томъ III нашего изданія примѣч. къ пьесѣ *Русскимъ Граціямъ*) замѣчено: «Гаврила Романовичъ сообщилъ въ мое изданіе драматической отрывокъ подъ заглавіемъ: *Праздникъ у Добрады*, посвященный императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ; съ того времени у поэта съ *Русскимъ Вѣстникомъ* существовалъ миръ ненарушимый» (*Р. Вѣстн.* 1865, № 7, стр. 260).

Во второй разъ *Обитель Добрады* напечатана въ изд. 1808 г., ч. III, схлв.

² Домъ благодатный, неблазныя.

Здѣсь Державинъ позволилъ себѣ прилагательныя *благодатная* и *неблазная*, желая показать, что они могутъ быть употребляемы не въ одномъ священномъ смыслѣ, и тѣмъ подрѣшнить мнѣніе Шишкова, высказанное

* Въ 1788 г. въ Москвѣ издана отдѣльно сказка; «Добрада, волшебница, или образъ доброжелательства ближнему, соч. А. Л.» Въ *Вѣстникѣ Европы* 1809 г., № 23, помѣщена повѣсть *Три пояса*, въ которой также является это лицо, равно какъ и въ оперѣ Крылова (1807) *Илья Муромецъ*.

имъ въ Россійской Академіи при пересмотрѣ словаря ея, но встрѣтившее много противорѣчій, особенно со стороны духовныхъ членовъ Академіи, такъ что изъ споровъ по этому поводу возникла даже переписка; однакожь цензура пропустила стихъ Державина безъ всякаго замѣчанія (Об. Д.).

Въ 1808 году адмиралъ Шишковъ, тогда еще не президентъ Россійской Академіи, представилъ ей въ рукописи начало *Опыта Славенскаго Словаря*, надъ которымъ онъ въ то время трудился. Такъ какъ въ этомъ словарѣ заключалось, между прочимъ, истолкованіе текстовъ св. Писанія, то онъ подвергся духовной цензурѣ. По разсмотрѣніи его новгородскимъ митрополитомъ Амвросіемъ и калужскимъ епископомъ Теофилактомъ, оберъ-прокуроръ св. синода возвратилъ въ Академію рукопись съ замѣчаніями духовныхъ лицъ. О словѣ *благодать* было между прочимъ сказано: «Въ свѣтскихъ матеріяхъ оно никогда не должно быть употребляемо; а богословы, проповѣдники и вообще всѣ правоучители церковные изъясняются онымъ по приличію и по надобности». Далѣе, о словѣ *неблазныи* замѣчено, что оно «исключительно принадлежитъ единой Пресвятой Дѣвѣ». Вслѣдствіе этихъ и другихъ замѣчаній, въ Академіи было рѣшено начала словаря не печатать. Продолженіе его набиралось въ *Сочиненія и переводы Росс. Ак.* (ч. 3); но вскорѣ печатаніе опять пріостановлено: тверской архіепископъ Меодій заявилъ, что словарь не можетъ издаваться безъ духовной цензуры; тогда, по требованію президента, Нартова, и съ согласія Шишкова, списокъ словаря, «свѣренный съ подписанными самимъ сочинителемъ печатными листами», препровожденъ былъ къ князю Голицыну. Тѣмъ дѣло и кончилось. — Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, въ Академіи разсматривалась рукопись Павла Львова: «Михаилъ Романовъ во храмѣ славы російскихъ героевъ»; находившіяся въ ней слова: *неблазныи обиталища* положено было замѣнить словами: *удаленныя отъ соблазна обиталища* (Подлинныя протоколы Росс. Академіи 1808 г.).

³ ... небесныхъ Валкъ —
см. выше стр. 169.

⁴ ... черепокожна чуда ...

Здѣсь разумѣется небесный знакъ Рака, соответствующій июню мѣсяцу (Об. Д.).

⁵ И всю себя внимать природу заставляеть.

Ср. у самого Державина пьесы: *Соловей* (томъ I, стр. 475) и *Соловей во снѣ* (томъ II, стр. 80); также у Крылова:

«Внимало все тогда
Любимцу и пѣвцу Авроры».

Для родословной крыловскаго *Соловья* не лишены интереса слѣдующіе, хотя и плохіе, стихи извѣстнаго Михайла Попова, который очевидно подражалъ въ нихъ описанію пѣнія соловья, находящемуся въ Риторикѣ Ломоносова и заимствованному изъ Плинія младшаго (см. томъ I, стр. 478).

«Урчалъ, дробилъ, визжалъ, кудряво, густо, тонко,
Порывно, косво вдругъ, вдругъ томно, тяжело, звонко,

Стеналъ, хрипѣлъ, шелкалъ, скрипѣлъ, тянулъ, вилялъ
И разностью такой людей и птицъ плѣнялъ.

(Притча *Соловей* въ *Досузахъ* М. Попова, Спб. 1772,
ч. I, стр. 30).

⁶ ... птицъ безгнѣздныхъ.

«Кукушки собственныхъ гнѣздъ не имѣютъ» (*Об. Д.*). Любопытныя свѣдѣнія объ этой чертѣ быта кукушки можно найти въ *Gespräche mit Göthe* Эккермана, т. II.

⁷ ... и Лизу вспоминаетъ —

покойную великую княжну Елисавету Александровну (см. выше стр. 384 и 445).

⁸ А Дажбогъ ...

Мы сохранили въ этомъ имени ореографію Державина. Въ *Краткомъ мифологическомъ лексиконѣ* Чулкова читаемъ: «*Дажбогъ*, или Дашуба (?), славянскій кievскій богъ; почитали его богомъ подателемъ благъ и также еще богомъ богатства».

⁹ Валкала ликъ ...

Валкала, рай Скандинавовъ (см. выше стр. 168 и 170).

¹⁰ ... Сверкая перьямъ, чешуей.

Рыба, скачущая изъ воды, — одна изъ любимыхъ картинъ Державина: ср. выше, между прочимъ, стр. 38, стихи: «По рдню водъ стеклу мелькаютъ Вверхъ рыбы серебромъ» и 42: «Рыбы мечутся изъ водъ».

¹¹ Вейся, вейся, вѣтвь цвѣтуша.

«Син два куплета — точный переводъ изъ кантаты Шиллеровой, пѣтой въ Веймарѣ при пріѣздѣ туда ея высочества» (*Об. Д.*). Подъ кантатой поэтъ разумѣетъ драматическое представленіе: *Die Huldigung der Künste*, важется, послѣднее произведеніе Шиллера, написанное по прибитіи великой княгини въ Веймаръ и богатое прекрасными стихами, относящимися къ Россіи. Вотъ подлинное мѣсто:

Wachse, wachse, blühender Baum
Mit der goldnen Fruchtekronen,
Den wir aus der fremden Zone
Pflanzen in den heim'schen Raum!
Fülle süsser Früchte, beuge
Deine immergrünen Zweige*.

¹² Но взоръ прозрачная тончица,

Тончица — тонкое покрывало (*Об. Д.*), слово церковно-славянское, собственно: тонкая ткань.

* Дополненіе, обязательно доставленное намъ Ив. Ив. Ханенко, чрезъ П. И. Баргенева.

167. ВОДОМЕРЪ¹.

Лучъ шумящій, водометный,
Свыше сыплюща роса!

Гдѣ въ тѣни, въ день знойный, лѣтній,
 Совершенная краса,
 Раскидавъ по дерну члены
 И, сквозаясь межъ струй, вѣтвей,
 Сномъ объята, въ видѣ пѣны,
 Взглядъ влекла души моею;
 Гдѣ на зыблющу склонялись
 Лилии блестящу грудь, 10
 Зарьныхъ розы устъ касались
 И желали къ нимъ прильнуть;
 Воздухъ свѣжестью своею
 Ей спѣшили благоухать;
 Травки, смятыя подъ нею,
 Не хотѣли возставать;
 Гдѣ я очи голубыя
 Небесамъ подобно зрѣлъ,
 Съ коихъ стрѣлы огневныя
 Въ грудь бросалъ мнѣ злобный Лель. 20
 О мѣста, мѣста священны!
 Хоть лишень я васъ судьбой;
 Но прелестны вы, волшебны,
 И столь милы мнѣ собой,
 Что поднесъ о васъ вздыхаю
 И забыть никакъ не могъ;
 Съ жалобой напоминаю:
 Мой послѣдній слышите вздохъ.

¹ Въ рукописяхъ поэта нѣтъ никакого указанія на счетъ повода къ сочиненію этихъ стиховъ, написанныхъ собственной его рукой въ тетради, переписанной по большей части секретаремъ его. Вѣроятно, они относятся къ фонтану, находившемуся передъ усадьбой Державина и упомянутому въ 44-ой строфѣ *Жизни званской* (см. выше стр. 408), и рѣчь идетъ едва ли не о той же особѣ, которая составляетъ предметъ стихотвореній 161—164. Судя по послѣднимъ стихамъ, пьеса написана осенью, по возвращеніи поэта изъ деревни.

Напеч. въ изд. 1808, ч. III, сжхп, гдѣ въ 11-мъ стихѣ невѣрно:
зарь ист.

Конецъ II-го Тома.

АЛФАВИТНЫЙ СПИСОКЪ СОЧИНЕНІЙ ТОМА II.

	Стр.
Альбаумъ (Н. А. Колтовской). 1808.	441
Амуръ, уязвленный пчелою (стихи Н. Эмина)	85
Анакреоново удовольствіе (подраж. Анакреону). 1802.....	280
Арфа (П. М. Бакуниной). 1798.....	116
Атаману и войску Донскому (Платову). 1807.....	416
Бабочка. 1802.	278
На Багратіона. 1806.	364
» Балетъ Зефиръ и Флора. 1808.	440
» Безбожниковъ (псаломъ 52). 1804.....	321
Безсмертіе души. 1797.	1
Бесѣда съ гениемъ. 1801.....	248
Благодарность (псал. 137). 1807.....	435
Блаженство супруги. 1807.....	403
Богатство (изъ Анакреона). 1798.	112
На Бракъ графини Литты. 1798.....	121
Братское согласіе (псал. 132). 1799.....	163
На Брачныя торжества (вел. княженъ Александры и Елены Пав- ловнѣ). 1799.	190
Варюша (Бакунина). 1799.....	159
Введеніе Соломона въ судилище (вел. князя Александра Павловича въ Сенатѣ). 1799.....	197
Венеринъ судъ (изъ Анакреона). 1797.....	83
Весна (Ө. П. Львову). 1804.	301
Вдохъ намѣстническаго мундира (стихи Н. А. Львова)	148
Виша. 1799.	162
Вниманіе (Н. Я. Плюсковой). 1804.....	317
Водометь. 1808.	458
Возвращеніе весны. 1797.	42
На Возвращеніе графа Зубова изъ Персін. 1797.....	19
Волковъ Кубрѣ (графу Хвостову). 1804.	304
На Ворожбу (подраж. Горацию). 1798.....	101

	Стр.
На Восшествіе на престолъ Александра I. 1801.	227
Время (Н. А. Дьякову). 1805.	334
Второвъ, Н. И. Изъ дневника его	233
На Выступление корпуса гвардіи въ походъ. 1807.	400
Вѣрь. 1799 (вѣрнѣе 1807).....	166
Вѣнецъ безсмертія. 1798.....	149
Вѣнчаніе Дея. 1801.....	240
Геркулесъ. 1798.....	110
Гимнъ Богу (Клеанта). 1800.	204
Гимнъ Кротости. 1801.....	244
Гимнъ Сафы Венерѣ. 1800.	223
Гимнъ Солнцу. 1802.	264
Гитара (Жегулиной). 1800.....	219
Гласъ санктпетербургскаго общества. 1805.	360
Голубка (подраж. Анакреону). 1801.	249
Горки (Мар. Ос. Нарышкиной). 1799.	161
Горы (графинѣ Ек. Ив. Соллогубъ). 1799.	161
Горючій ключъ (изъ Греческой Антологіи). 1797.....	82
Графинѣ Орловой (Аннѣ Ѳедоровнѣ). 1801.....	247
Графу Стейнбоку. 1806.....	382
Громъ. 1806.....	377
Даръ. 1797.....	59
Деревенская жпзнь (подраж. Анакреону). 1802.	282
Къ Державину (стихи И. И. Дмитріева).....	343
» Державину (стихи А. В. Храповицкаго).....	34
» Державину (стихи Дм. Б.).....	216
Изъ Дневника Н. А. Второва	233
Къ Добродѣтельной красавицѣ. 1807.	395
Дѣва за арфою (изъ Шиллера). 1805.	339
Дѣтямъ, на комедію ихъ и маскарадъ. 1807.....	388
Евгенія, преосв., стихи на посѣщеніе Званки	411
Евгенію. Жизнь званская. 1807.	404
Желаніе. 1797.	67
Желаніе въ горня (псал. 83). 1797.....	36
Къ Женщинамъ (изъ Анакреона). 1797.	79
Жизнь званская. См. Евгенію.	
Задумчивость (изъ Петрарки). 1808.	444
Зима (П. Л. Вельяминову). 1805.....	331
Издателю монахъ пѣсней (А. Ѳ. Лабзину). 1808.	437
Капнисту (В. В.). 1797.	67
На Кончину Екатерины II и на восшествіе на престолъ Павла I (съ еврейскаго). 1799.	164

	Стр.
На Коронацію Александра I. 1801.....	243
Крестыянинъ и дубъ. 1802.	258
Кто велъ его на Геликонъ	257
Кузнечикъ (изъ Анакреона). 1802.....	271
Купидонъ (изъ Анакреона). 1797.	44
Лабзинъ. Свѣдѣнія о немъ.....	143
Лебедь (подраж. Горацию). 1804.	314
Лизъ. Похвала розѣ (подраж. Анакреону). 1802.....	267
Къ Лирѣ (подраж. Анакреону). 1797.	85
Лучъ. 1807.....	422
Львовъ, Н. И. Письмо его къ Державину.....	171
» » Стихи его.....	84. 148
Лѣто (И. И. Дмитріеву). 1805.....	342
Любушкѣ (подраж. Анакреону). 1802.....	275
Люси (Е. Ѳ. Штернбергъ, вполс. графиня Делагарди). 1797.	74
На Мальтійскій орденъ. 1798.	125
Мальтійскаго ордена исторія (очеркъ ея)	136
Мальтійскихъ кавалеровъ просьба императору Павлу	146
Маневры. 1804.	308
Масонская пѣсня (неизвѣстнаго)	21
Къ Матери, которая сама воспитываетъ дѣтей своихъ. 1807.....	394
Макиавель. 1802.	281
Мельникъ. 1799.....	164
На Миръ 1807 года	423
Мои Граціи (Львовымъ). 2807.....	403
Молитва. 1797.....	8
Молитва по отъѣздѣ въ армию Александра I. 1807.	401
Монументъ милосердію (въ память Ег. Ал. Наумова). 1805.	326
Мореходецъ. 1802.	281
Мужество. 1797.....	297
Къ Музѣ. 1797.	38
Мщеніе (изъ Гуарини). 1805.....	345
Надежда на Бога (псал. 45). 1807.	430
На Новый 1797 годъ.	10
» Новый 1798 годъ.....	91
Обитель Добрады (на пріѣздъ вел. княгини Маріи Павловны въ Павловскъ). 1808.....	447
Облако. 1806.	374
Озерову на приписаніе Эдипа. 1806.....	365
Оленну (Ал. Ник.). 1804.	310
Олимпическая 1-ая пѣснь Пиндара. См. Пиндарова.	
Орелъ (Суворову) 1799.....	154

	Стр.
Орловой. См. Графиня Орловой.	
Осень (Аник. Серг. Ярцову). 1805.	347
На Отправленіе въ армию графа Каменскаго (Мих. Ѳедот.). 1806..	386
Охотникъ (Мих. Петр. Яхонтову). 1802.	273
Память другу (Н. А. Львову). 1803.	288
Парашѣ (Бакуниной). 1798.	113
На Пастушій балетъ. 1804.	325
Первая пѣснь Пиндара пѣнческая. 1800.	209
На Переходъ Альпійскихъ горъ. 1799.	173
Персей и Андромеда (на битву при Прейсшъ-Эйлау). 1807.	389
Пиндарова олимпическая 1-ая пѣснь. 1805.	350
Пиндарова пѣнческая 1-ая пѣснь. См. Первая.	
Пиррѣ (изъ Горація). 1804.	324
Плачь царицы (на смерть вел. княжны Елисаветы Александровны).	
1808.	445
Плѣнникъ (изъ Анакреона). 1802.	274
На Побѣды въ Италиі. 1799.	166
Поминки (на смерть М. А. Львовой). 1807.	429
Портретъ Варюши (Бакуниной). 1798.	115
Посылка плодовъ (изъ Петрарки). 1808.	443
Похвала за правосудіе (князю И. А. Шаховскому). 1798.	107
Похвала розѣ. См. Лизѣ.	
Похвала сельской жизни (подраж. Горацію). 1798.	102
Походъ Озиріда. 1805.	358
Правосудіе. 1797.	75
Праздникъ воспитанницъ дѣвичьяго монастыря. 1797.	49
Признаніе. 1807.	414
Приношеніе красавицамъ. 1801.	235
Пришествіе Феба (гимнъ Діонисія). 1797.	39
Прогулка (изъ Петрарки). 1808.	444
Проповѣдь (псал. 91). 1807.	433
Птицеловъ. 1800.	226
Пѣночка. 1799.	156
Пѣснь Баярда. 1799.	158
Радуга. 1806.	380
Развалины. 1797.	59
На Разлуку. 1801.	251
Распускающаяся роза (съ французскаго). 1806.	381
На Рожденіе великой княжны Елисаветы Александровны. 1806..	384
» Рожденіе великаго князя Михаила Павловича. 1798.	94
Рожденіе Красоты. 1797.	77
Рожденіе Любви. 1799.	160

	Стр.
Русскія дѣвушки. 1799.....	157
Къ Самому себѣ. 1798.....	108
Сафо, гимнъ. См. Гимнъ Сафы.	
Изъ Сафо. 1797.....	27
Свобода. 1803.....	287
Къ Скопихину. 1803.....	283
На Смерть Нарышкина (Льва Александровича). 1799.....	193
Снигирь (на смерть Суворова). 1800.....	220
Соловей во снѣ. 1797.....	80
Соломонъ и Суламита (подраж. Пѣсни пѣсней). 1807.....	396
Старикъ (изъ Анакреона). 1802.....	277
Стейнбоку. См. Графу Стейнбоку.	
Стрѣлокъ. 1799.....	153
Сѣтованіе (псал. 101). 1807.....	432
Тишина. 1807.....	236
Тонцію. 1801.....	252
О Удовольствіи (подраж. Горацию). 1798.....	98
Умиленіе (псал. 70). 1807.....	436
Урна (на смерть И. И. Шувалова). 1797.....	87
Утро. 1800.....	200
Утѣшеніе добрымъ (псал. 36). 1804.....	318
Фалконетовъ Купидонъ. 1804.....	322
Фонарь. 1804.....	292
Хлору. См. Къ Царевичу Хлору.	
Хмель (изъ Анакреона). 1802.....	278
Хоръ 1 на коронацію Александра I. 1801.....	239
Хоръ 2 на коронацію Александра I. 1801.....	—
Храповицкому (А. В.). 1797.....	32
Къ Царевичу Хлору. 1802.....	259
Цирцея (изъ Ж. Б. Руссо). 1805.....	336
Цыганская пляска. 1805.....	344
Цѣпи (А. М. Бакуниной). 1798.....	120
Цѣпочка (изъ Гете). 1807.....	394
Четыре возраста. 1805.....	349
Чечотка. 1805.....	347
Шуточное желаніе. 1802.....	276
Эродій надъ гробомъ праведницы (въ память великой княгини Александры Павловны). 1806.....	368
Явленіе Аполлона и Дафны на невскомъ берегу. 1801.....	237

ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРИМѢЧАНІЕ

КЪ ТОМУ II.

Стр.

Дѣва за арфою.

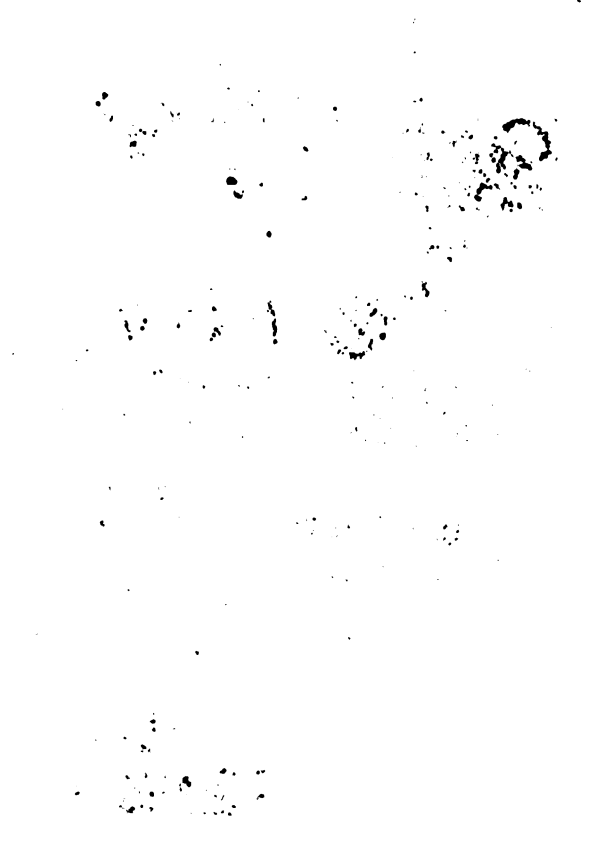
342. Къ прим. 2. Вотъ подлинныя стихи, которыми первоначально кончалась пьеса Шиллера *Luca am Klavier*:

Von dem Auge weg der Schleier!
Starre Riegel von dem Ohr!
Mädchen! Na, schon athm' ich freier,
Läutert mich ätherisch Feuer,
Tragen Wirbel mich empor?
Neuer Geister Sonnensitze
Winken durch zerrissner Himmel Ritze —
Ueber Grabe Morgenroth!
Weg, Ihr Spötter, mit Insektenwitze,
Weg, es ist ein Gott!

Въ I-мъ Томѣ замѣчены еще слѣдующія опечатки:

Стран.		Напечатано:	Должно быть:
xxix.	въ 1-мъ подстрочномъ примѣчаніи:	въ томѣ III	въ томѣ V, вып. 1
272.	въ послѣднемъ куплетѣ, 3-мъ стихѣ:	не перси	на перси
432.	во 2-мъ стихѣ снизу:	почтенъ я	почтенъ и
539.	въ 1-й строкѣ:	321.	381.
542.	въ 7-й строкѣ:	472.	475.

32 56 8

3 2044 019 669 209

The borrower must return this item on or before the last date stamped below. If another user places a recall for this item, the borrower will be notified of the need for an earlier return.

Non-receipt of overdue notices does not exempt the borrower from overdue fines.

**Harvard College Widener Library
Cambridge, MA 02138 617-495-2413**

<p>WIDENER WIDENER MAY 26 2006 CANCELLED</p>	<p>WIDENER WIDENER AUG 22 2003 FEB 10 2003 CANCELLED BOOK DUE</p>
--	---

Please handle with care.
Thank you for helping to preserve
library collections at Harvard.

